БИБЛИОТЕКА
ОТЦОВ И УЧИТЕЛЕЙ
ЦЕРКВИ

СВ. ГРИГОРИЙ ЧУДОТВОРЕЦ — СВ. ЖЕФОДИЙ ПЯТАРСКИЙ

Творения

БИБЛИОТЕКА
ОТЦОВ И УЧИТЕЛЕЙ
ЦЕРКВИ

Творения

СВ. ГРИГОРИЯ

Чудотворца

и

СВ. ЛЕОНТИЯ

епископа и мученика

1996

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

священник Андрей Лобашинский

Карманов Е.А.

Роговой П.Н.

Сидоров А.И.

Репринтное издание.
Качество печати обусловлено
недостатками оригинала.

ЛР 064733 от 27.01.96.
Издательство "Православный паломник".
Москва, ул. Сущевская, 21.
Формат 60x90¹/₁₆. Объем 38,5 печ. л. Заказ 1593.
Отпечатано в Московской типографии №2
Комитета по печати.
129164, Москва, пр. Мира, 105.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В необозримом море святоотеческой письменности взоры православных читателей и ученых в первую очередь обычно привлекают творения отцов "золотого века" (вторая четверть IV — первая половина V в.): свв. Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоуста и др. И действительно, они того заслуживают, ибо, по словам архимандрита Киприана Керна, "это именно столетие прославило святоотеческую письменность именами, равных которым не было еще доселе"[1]. Великие светочи Церкви, отцы "золотого века" и доныне просвещают и обогревают нас лучами своего возвышенного Богомудрия, и к ним притекаем мы в молитвах, как к заступникам и ходатаям нашим перед Господом. Но расцвет их творчества был бы невозможен, если бы они не питались живительными соками предшествующего святоотеческого Предания. За два с лишним столетия, прошедших до начала "золотого века", мысль и перо святых отцов и учителей Церкви бодрствовали и пребывали неусыпными, решая насущные догматические проблемы и давая ответы на важнейшие вопросы христианской жизни. Мужи апостольские, бывшие непосредственными преемниками, а иногда и учениками Апостолов, обращали преимущественное внимание на внутреннее устроение церковного бытия, и в их творениях мы обретаем первый эскиз многокрасочной картины нравственного богословия, учения о Церкви и эсхатологии. Наследниками и продолжателями их дела были греческие апологеты II в., которые решали уже несколько иные задачи, чем мужи апостольские. Прежде всего перед ними стояла задача воцерковления обширного греко-римского (а частично и "варварского") мира с его богатейшей культурой, под густыми языческими пластами которой таились ценные алма-

---

[1] Архимандрит *Киприан (Керн)*. Золотой век Свято-Отеческой письменности. М., 1995, с.3.

зы естественного Откровения. Извлечь их, отгранить и вставить в царский венец христианского Боговедения было делом трудным, но греческие апологеты успешно справились с ним. Другой наипервейшей задачей являлась борьба с паразитирующими на Теле Церкви ересями — гностицизмом и иудеохристианством, которые пытались либо растворить Благовестие Христово в мутной жиже синкретической теософии, либо влить новое вино Его в обветшавшие мехи древнего Израиля. И с этой задачей апологеты также блестяще справились, противопоставив в своих трудах указанным лжеучениям систему (хотя еще и далёкую до завершения) церковного Богомыслия. Особенно важной в этом плане представлялась борьба с "лжеименным ведением", которую вёл, наряду с другими церковными писателями, св. Ириней Лионский. По словам замечательного русского патролога Н.И.Сагарды, эта борьба "заставила защитников церковного учения глубже проникнуть в содержание и основание веры, и расширила их собственную точку зрения; в спорах начал формулироваться язык церковного богословия и в первый раз почувствовалась необходимость придать ему больше устойчивости, точности и определенности"[2].

Особое место в исторической цепи отеческого Предания занимают древнецерковные писатели III в. На латинском Западе в это время происходит становление христианской литературы и богословия, обретающих свои особые и неповторимые черты. Появляются такие талантливые писатели, как пылкий и бескомпромиссный Тертуллиан, склонный порой к крайностям и потому в последний период своей жизни примкнувший к расколу монтанистов; апологеты Минуций Феликс, Арнобий и Лактанций, искусно владеющие мастерством риторики и логических доказательств, убедительно показывали римскому миру неизмеримое превосходство религии Христовой над язычеством; наконец, великий архипастырь св. Киприан Карфагенский в своих творениях мудро назидал "стадо Христово" относительно правил богоугодного жития и церковной дисциплины. На греческом Востоке в это же время достигла своего наивысшего расцвета знаменитая Александрийская школа. Первые учители её — Пантен и Климент, следуя по стопам

---

[2] *Сагарда Н.И.* Лекции по патрологии (машинопись). СПб., 1912, с 809

греческих апологетов II в., стали возводить благолепное строение православного "гносиса", которое, созидаясь на твёрдой основе Священного Писания и церковного Предания, своей прочностью, великолепием и строгой архитектоникой богословской мысли затмило убогие хижины теософско-мифологических спекуляций "псевдо-гностиков". Их дело продолжил Ориген, который, как говорит владыка (тогда еще священник Григорий) Сильвестр Малеванский, "в ряду учителей первенствующей Церкви... представляет собою личность бесспорно самую замечательную, слишком выдающуюся пред другими своей славой, своим огромным авторитетом у современников, широтою и разнообразием своей церковно-учительской и особенно церковно-литературной деятельности"[3]. Он "первый между христианскими мыслителями выдвинул идею богословского синтеза и осуществил ее, создав на почве Св. Писания и церковного Предания философски-богословскую систему, обнимающую все содержание церковной веры, установил основные начала церковного научного богословия и сделал решительный шаг к "воцерковлению" классической науки"[4]. Ум чрезвычайно глубокий и разносторонний, человек, по личным убеждениям своим несомненно и искренне церковный, Ориген порой не умел сдерживать полёта своей мысли, смирять и удерживать её в рамках хотя еще и не совсем устоявшегося, но всё же уже ясно обозначенного Церковью "правила веры". Поэтому она иногда заносила александрийского учителя в заповедные высоты Богомудрия, недоступные тогда еще человеческому уму, и, слишком приближаясь к Солнцу правды, теряла свои крылья и падала, подобно Икару, на жесткую землю неправомысленных мнений. Церковь своим соборным разумом отсекла эти неправые мнения Оригена, но лучшие и весьма многочисленные плоды его богословского наследия были усвоены святоотеческим Преданием.

Одним из непосредственных и любимых учеников Оригена являлся св. Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский. Придя в школу Оригена (который в по-

---

[3] *Малеванский Г.* Догматическая система Оригена // Труды Киевской Духовной Академии, 1870, т.1, с.76.

[4] *Сагарда Н.И.* Древнецерковная богословская наука на греческом Востоке в период расцвета (IV-V вв.), — ее главнейшие направления и характерные особенности. СПб., 1910, с.13.

следний период жизни перенёс свою преподавательскую деятельность, по не зависящим от него причинам, в Кесарию Палестинскую) юным ищущим истину язычником, он, под влиянием мощной и гениальной личности знаменитого "дидаскала", стал ревностным проповедником Слова Божия. В зрелых годах он "был церковным деятелем на далекой окраине тогдашнего просвещенного мира — в Понте, в котором он явился и основателем церкви; однако эта окраина через сто лет после него сделалась важным центром церковной богословской науки, оказавшим чрезвычайное влияние на раскрытие и окончательное формулирование догматического учения Церкви. И деятели этого времени, великие каппадокийские отцы и богословы — свв. Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский — были глубокими почитателями св. Григория — просветителя их родной страны и хранителями его богословских традиций. Таким образом, значение св. Григория Чудотворца бесспорно не только по величию его личности и значению его деятельности в современной ему церковной жизни, но и по влиянию его на последующие поколения"[5]. Поскольку же "наиболее существенные части богословских воззрений св. Григория Чудотворца вошли в состав богословских систем свв. Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского, в них получили дальнейшее раскрытие и обоснование и в этом виде вместе с ними сделались достоянием церковного богословия"[6], то творения этого благодатного святителя (хотя подлинность некоторых из них еще продолжает оспариваться в современной патрологической науке) имеют несомненную ценность и могут принести немалую духовную пользу православному читателю.

Если св. Григорий Чудотворец являлся представителем традиции Александрийской школы и связующим звеном между ней и богословием великих каппадокийских отцов, то его младший современник — св. Мефодий, мученически скончавшийся в последнее гонение на христиан (скорее всего, в 311 г.), воплощал в своей личности и трудах несколько иное богословское предание —

---

[5] *Сагарда Н.И.* Святый Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский. Его жизнь, творения и богословие. Петроград, 1916, с. IV

[6] Там же, с.637.

малоазийское. Этот священномученик показывает "собою интересный пример богослова, который испытывал сильное влияние Оригена и в то же время стоит в резкой противоположности к его спиритуализму". Поэтому св. Мефодий "с одной стороны, в энергичной полемике против Оригена защищал популярное понимание общецерковной веры и отклонял все оригеновские учения, которые заключали в себе перетолкование преданного учения; но, с другой стороны, он не удалялся от оригеновского умозрения и даже пытался с его предпосылками и методами достигнуть благоприятных для веры результатов, и несмотря на это, богословие св. Мефодия не теряет отличительных черт малоазийского направления, так как он стремится не к слиянию заимствованного из иринеевского и александрийского богословия, а только к научному обоснованию первого"[7]. Важно подчеркнуть эту двойственность подхода св. Мефодия к наследию Оригена: критикуя некоторые взгляды выдающегося александрийского мыслителя, он, тем не менее, во многом зависел от него. В частности, "оригеновская типология и аллегория в значительной степени обусловили типологические и аллегорические схемы, встречающиеся в творениях св. Мефодия. Нравственное учение и экклезиология Оригена тоже оказали большое влияние на этические установки и на учение о Церкви автора "Пира десяти дев". Наконец, Мефодиева мистика, лежащая в основе его аскетических воззрений, во многих своих деталях напоминает мистику Оригена". Заслуживает внимания и "то обстоятельство, что, выступая против учеников и последователей Оригена по мотивам принципиального характера, св. Мефодий не отказывался и от союза с ними, там, где они рассуждали одинаково с ним. Исследователями уже давно отмечалось, что имеется ряд замечательных совпадений между отдельными высказываниями св. епископа и мыслями, содержащимися в "Послании к Феопомпу", автором которого считается ученик Оригена св. Григорий Чудотворец. Это сочинение и в своем плане, и в изложении звучит "по-мефодиевски""[8]. Данное наблюдение владыки Михаила показывает,

---

[7] *Сагарда Н.И.* Древнецерковная богословская наука, с.20-21.

[8] *Архиепископ Михаил (Чуб).* Предание Церкви в богословии св. Мефодия //Богословские труды, сб.14, 1975, с.131-132.

что между творениями двух святителей, включенными в настоящий том, существовало внутреннее сродство, которое, несмотря на определённое различие несколько иных богословских традиций, теснейшим образом соединяло их.

Вообще следует сказать, что св. Мефодий является одним из наиболее почитаемых отцов Церкви. "Многостороннее его образование и благотворная его деятельность в утверждении и защищении веры приобрели ему великое уважение в древней Церкви"[9]. Хотя о жизни его (впрочем, как и о жизни многих других древнецерковных писателей) почти ничего не известно[10], но его творения заставляют "видеть в нем одного из наиболее самобытных учителей древней Церкви, наделенных особым, харизматическим даром"[11]. Глубокая церковность личности священномученика проявляется во всех трудах и является стержнем всего его миросозерцания. Обращаясь, например, к толкованию Священного Писания, он преследовал единственную цель — "спасение слушателей и читателей в Церкви, которая является хранительницей не только текста Священного Писания, но и ключей к его уразумению"[12]. Кроме того, "библейский реализм и сотериологическая направленность в области догматических представлений самым тесным образом сочетаются у него с ярким изображением возвышенного нравственного идеала, с прославлением целомудрия, с торжественным призывом к подъему духа над земными страстями, к безраздельному и добровольному вручению всей жизни Богу и к углублению в сферу богопознания. Характерной чертой аскетического идеала христианской жизни, изображаемого в творениях святого Мефодия, является воодушевление, радостный оптимизм надежды. Тело

---

[9] См. анонимную статью: Святый Мефодий, епископ Патарский // Прибавления к изданию святых отцев, в русском переводе, ч 16, с.1857, с.158.

[10] Даже место епископского служения его вызывает ряд недоумений. Иногда в источниках говорится о двух Мефодиях: Патарском и Олимпийском (затем — Тирском). См.: Архиепископ *Сергий (Спасский)*. Полный Месяцеслов Востока, т.II. Святой Восток. Владимир, 1901, ч II,227-228.

[11] Архиепископ *Михаил (Чуб)*. Святой священномученик Мефодий и его богословие // Богословские труды, сб.10, 1973, с.22.

[12] Архиепископ Михаил (Чуб) К вопросу об источниках богословия св. священномученника Мефодия. Священное Писание в творениях св. Мефодия // Богословские труды, сб.13, 1975, с.180.

с его страстями должно быть покорено духом, чтобы сделаться вместилищем добрых мыслей, чувств и дел и в таком просветленном и очищенном виде служить помощником и союзником духу в его стремлении к Богу. А Бог, близкий для всех, ищущих Его с усердием, не только просвещает ум человека, но и вселяется, как в Свой храм, в очищенное сердце". Эти черты мировоззрения святителя делают его самым непосредственным предтечей иночества, ибо "первоначальное развитие и распространение монашеских идеалов совершалось, без сомнения, в той атмосфере, которую легко почувствовать при чтении творений святого Мефодия"[13].

Таким образом, предлагаемые ныне православному читателю творения двух благодатных отцов древней Церкви являют то единство в многообразии, которое вообще характерно для всего святоотеческого богословия. Св. Григорий Чудотворец и св. Мефодий служили Богу в различных уголках греко-римского мира и в разное время. Однако, используя известный образ радиусов, сходящихся с различных направлений в центре круга, можно сказать, что эти два святых мужа были, есть и будут едины в Господе — центре и средоточии всего бытия, мира видимого и мира невидимого. Пребывая уже вместе с великим сонмом других святых в райских обителях, они оставили нам для вразумления и духовной пользы свои творения — плод благодатного опыта и раздумий.

Творения св.Григория Чудотворца перевел на русский язык профессор Петроградской Духовной Академии Николай Иванович Сагарда — один из наиболее выдающихся русских патрологов, автор и солидной монографии о св.Григории Чудотворце, за которую он был удостоин ученой степени доктора церковной истории. Что же касается творений св.Мефодия, то те из них, которые сохранились на греческом языке, перевел на русский язык также профессор Петроградской Духовной Академии Ефграф Иванович Ловягин, около полувека преподавший греческий язык в своей alma mater. Из них два сочинения: "Слово о Симеоне и Анне, в день Сретения Господня" и "Слово в неделю Ваий" вызывают весьма серьезные сомнения у пат-

[13] *Архиепископ Михаил (Чуб).* Святой священномученик Мефодий и его богословие // Богословские труды, сб.11, 1973, с.53–54.

рологов в своей подлинности и можно почти с уверенностью сказать, что они не принадлежат св.Мефодию[14]. Дело Ефграфа Ивановича Ловягина уже в наше время продолжил епископ Михаил (в миру — Михаил Андреевич Чуб; 1912—1985): он перевел те творения св.Мефодия, которые сохранились только в древнеславянских переводах. За свою работу о св.Мефодии, печатавшуюся отдельными выпусками в "Богословских трудах", епископ Михаил был удостоен ученой степени магистра богословия в Ленинградской Духовной Академии. Две публикации из этой работы, содержащие упомянутые переводы с древнеславянского, перпечатаны в настоящем томе.

А.И.Сидоров
Е.А.Карманов

[14] Архиепископ *Михаил (Чуб).* Святой священномученик Мефодий и его богословие // Богословские труды, сб.10, с.36–37. Мнение Е.И.Ловягина относительно их подлинности, таким образом, не подтвердилось.

ТВОРЕНІЯ

святаго Григорія Чудотворца,

епископа Неокесарійскаго.

Перевелъ профессоръ **Николай Сагарда.**

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., № 8.
1916.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Повѣсть о славныхъ дѣяніяхъ блаженнаго Григорія, епископа Неокесарійскаго. 1
Благодарственная рѣчь Оригену 18
Письмо Оригена къ св. Григорію Чудотворцу. 53
Изложеніе вѣры 57
Каноническое посланіе 58
Переложеніе Екклесіаста. 62
Къ Θеопомпу о возможности и невозможности страданій для Бога . 80
Къ Филагрію о единосущіи 101
Къ Татіану краткое слово о душѣ 105
Двѣнадцать главъ о вѣрѣ. 111
Подробное изложеніе вѣры. 118
На Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвы Маріи бесѣда первая. 131
На Благовѣщеніе Всесвятой Богородицы и Приснодѣвы Маріи бесѣда вторая. 136
На Благовѣщеніе Всесвятой Богородицы Дѣвы Маріи бесѣда третья. 146
Бесѣда на Святое Богоявленіе 150
Бесѣда на всѣхъ святыхъ 157
Бесѣда на Рождество Христово 159
Слово о воплощеніи Господа. 171
Похвала Пресвятой Богородицѣ и Приснодѣвѣ Маріи. 172
Похвальное слово Пресвятой Богородицѣ и Приснодѣвѣ Маріи . . . 175
Похвальное слово въ честь первомученика и діакона святаго Стефана. 178
Бесѣда въ честь Пресвятой Богородицы Приснодѣвы. 184
Фрагменты твореній св. Григорія Чудотворца. 195
Заклинательная молитва св. Григорія Чудотворца. 208

Творенія знаменитаго отца Церкви III вѣка († ок. 270 г.) св. Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго, какъ несомнѣнно принадлежащія ему, такъ и надписываемыя только его именемъ, до настоящаго времени еще не изданы въ одномъ сборникѣ; вслѣдствіе этого переводчикъ ихъ на русскій языкъ долженъ былъ брать текстъ изъ разныхъ изданій, гдѣ онъ данъ въ лучшей критической обработкѣ. Нѣкоторыя творенія утрачены въ греческомъ оригиналѣ и извѣстны только въ сирійскомъ или армянскомъ переводахъ,—въ этихъ случаяхъ переводчикъ пользовался переводами ихъ на доступные ему языки. Такимъ образомъ, предлагаемый сборникъ твореній св. Григоргія Чудотворца въ русскомъ переводѣ является и вообще первымъ, по возможности полнымъ, собраніемъ ихъ.

Въ сборникѣ на первомъ мѣстѣ поставлена мало извѣстная „Повѣсть о славныхъ дѣяніяхъ блаженнаго Григорія, епископа Неокесарійскаго", сохранившаяся только на сирійскомъ языкѣ. Переводъ ея на нѣмецкій языкъ напечатанъ *В. Рисселемъ* (V. Ryssel) въ „Theologische-Zeitschrift aus der Schweiz", Zürich XI (1894), 4, S. 241—254, по рукописи Британскаго Музея (add. 14648), которая, по *W. Wright'y*, принадлежитъ VI вѣку; съ этого перевода сдѣланъ переводъ на русскій языкъ, при чемъ приняты во вниманіе поправки къ переводу В. Рисселя, предложенныя *Генр. Гильгенфельдомъ* (Die Vita Gregor's des Wunderthäters und die Syrisichen Acta martyrum et Sanctorum въ „Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie", 41 [1898], S. 454—456) въ виду появившагося въ 1896 году въ печати сирійскаго текста той же рукописи въ изданіи *Paul Bedjan*'а, Acta Martyrum et Sanctorum", t. VI, Parisiis 1896. Эта краткая повѣсть по своему содержанію родственна съ пространнымъ похвальнымъ словомъ св. Григорія Нисскаго о жизни св. Григорія Чудотворца (Migne, Pgr., t. XLVI, col. 893—958 и Творенія св. Григорія Нисскаго въ русскомъ переводѣ, ч. VIII, Москва 1872, стр. 126—197).

Благодарственная рѣчь Оригену и письмо Оригена къ св. Григорію Чудотворцу переведены съ греческаго текста, изданнаго *P. Koetschau:* Des Gregorios Thaumaturgos Dankrede an Origenes, als Anhang der Briet des Origenes an Cregorios Thaumaturgos, Freiburg in Br. u. Leipzig 1894.

Греческій текстъ „Изложенія вѣры“ взятъ у *Caspari C. P.*, Alte und neue Quellen zur Geschichte des Taufsymbols und der Glaubensregel, Christiania 1879, S. 9.

Каноническое посланіе переведено по греческому тексту въ изданіи *Mart. Jos. Routh*, Reliquinae Sacrae, vol. III, Edit. 2, Oxonii 1848, p. 256—264, а для 11-го правила текстъ взятъ у Миня, Pgr., t. X, col. 1048.

Для перевода „Переложенія Екклесіаста“ текстъ взятъ у Миня, Pgr. t. X, col. 987—1018.

Трактатъ „Къ Ѳеопомпу о возможности и невозможности страданій для Бога“ сохранился только въ сирійскомъ переводѣ, въ рукописи Британскаго Музея (add. 12156), переведенъ съ латинскаго перевода по изданію *Joh. Bapt. Pitra*, Analecta Sacra, t. IV, Paris. 1883, p. 363—376.

Для посланія „Къ Филагрію о единосущіи“ греческій текстъ взятъ у Миня, Pgr. t. XLVI, col. 1100—1108, гдѣ оно напечатано среди твореній Григорія Нисскаго подъ заглавіемъ: „Къ Евагрію монаху о Божествѣ“.

Переводъ трактата „Къ Татіану краткое слово о душѣ“ сдѣланъ по греческому тексту, напечатанному у Миня, Pgr., t. X, col. 1138—1146.

„Двѣнадцать главъ о вѣрѣ“ переведены по греческому тексту, взятому у *Aug. Hahn*, Bibliothek der Symbole uud Glaubensregeln der alten Kirche. 3 Aufl. von *Ludw. Hahn*, Breslau 1897, S. 280—285; а „Подробное изложеніе вѣры“, по греческому тексту, напечатанному у *H. Lietzmann*'а, Apollinaris von Laodicea uud seine schüle, Tübingen 1904, S. 167—185.

Три бесѣды на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, бесѣда на Богоявленіе Господне и бесѣды на всѣхъ святыхъ переведены по греческому тексту, напечатанному у Миня, Pgr., t. X, col. 1145 — 1197. Бесѣда на Рождество Христово дана по латинскому переводу армянскаго текста у *Joh. Pitra*, Analecta Sacra, t. IV, p. 386—395. Необходимо замѣтить, что до настоящаго времени считали греческій текстъ этой бесѣды утраченнымъ; между тѣмъ намъ удалось установить, что онъ издавна печатается (съ незначительными уклоне-

ніями) среди сомнительныхъ твореній св. Іоанна Златоуста (см., напр., Migne, Pgr. t. LVI, col. 385—394, и русск. переводъ изданный Петроградской Духовной Академіей, т. VI, стр. 692—699). Слово о воплощеніи Господа, Похвала Пресвятой Богородицѣ Маріи и Приснодѣвѣ, Похвальное слово Пресвятой Богородицѣ и Приснодѣвѣ Маріи, Похвальное слово въ честь первомученика и діакона святаго Стефана переведены по латинскому переводу съ армянскаго, напечатанному у *Joh. Bapt. Pitra*, Analecta Sacra, t. IV, p. 395—396, 404—412. Бесѣда въ честь Пресвятой Богоматери Приснодѣвы сохранилась въ армянскомъ переводѣ, съ котораго *F. C. Conybeare* сдѣлалъ англійскій переводъ, напечатанный въ „Expositor", March 1896, отсюда—русскій переводъ въ „Церк. Вѣд." за 1896, № 14. Намъ удалось установить тожество этой бесѣды съ бесѣдой, приписанной св. Григорію Нисскому, греческій текстъ которой напечатанъ *G. La Piana* въ „Rivista Storico-critica delle Schienze theologiche, 1909, fasc. 7—8, p. 548—563. Греческій текстъ сохранился въ болѣе краткой редакціи; прибавки армянскаго текста въ нашемъ переводѣ отмѣчены знакомъ < >.

Откуда переводчикомъ взятъ текстъ фрагментовъ и заключительной молитвы, это точно отмѣчено въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ переводу.

Переводчикъ старался собрать все, что извѣстно въ настоящее время съ именемъ св. Григорія Чудотворца, независимо отъ вопроса о дѣйствительной принадлежности ихъ этому отцу Церкви. Вопросъ о подлинности этихъ твореній требуетъ нарочитаго изслѣдованія. Здѣсь можно указать только, что въ настоящее время признаются подлинными твореніями св. Григорія Чудотворца: а) Благодарственная рѣчь Оригену, б) Изложеніе вѣры, в) Каноническое посланіе, г) Переложеніе Екклесіаста, д) Къ Θеопомпу о возможности и невозможности страданій для Бога и е) нѣкоторые фрагменты. Относительно посланія къ Филагрію о единосущіи (къ Евагрію монаху о Божествѣ) и трактата къ Татіану о душѣ, а также слова на Рождество Христово и нѣкоторыхъ фрагментовъ изслѣдователи высказываютъ разныя сужденія—одни признаютъ ихъ принадлежащими св. Григорію Чудотворцу, другіе отвергаютъ ихъ подлинность. Остальныя произведенія признаются неподлинными.

Повѣсть о славныхъ дѣяніяхъ блаженнаго Григорія, епископа Неокесарійскаго.

1. *Различные виды духовной жизни.* Братья мои, восхвалимъ Бога, Который имѣетъ благоволеніе къ жизни всѣхъ людей [и хочетъ], чтобы они достигли познанія истины и жили и образомъ своего поведенія духовно восходили къ величественной небесной высотѣ, такъ, чтобы въ то время, какъ кажется, что они по плоти ходятъ на землѣ, однако пребывали какъ ангелы предъ величіемъ Божіимъ. Ибо не на горахъ только и въ пещерахъ и въ ущельяхъ и въ пропастяхъ земныхъ многіе ожидали спасенія Божія, но также и въ мирное для Церкви время обрѣтались исполненные силы подвижники, облеченные оружіемъ духа и побѣдоносно ведущіе борьбу съ врагомъ силою Креста,—какъ мы разскажемъ о блаженномъ Григоріи, епископѣ Неокесарійскомъ.

2. *Поставленіе отшельника Григорія во епископа Неокесарійскаго* [1]). До этого времени онъ былъ отшельникомъ и находилъ радость въ пустынѣ горъ, чтобы тамъ обрѣтать миръ творенія. И въ то время, какъ душа его всецѣло предавалась этой блаженной радости и стремилась къ совершенной жизни, слава о немъ распространилась во многихъ городахъ. И именно въ это время, по особому устроенію Божію, отъ труда временной жизни вошелъ въ вѣчный покой епископъ, возсѣдавшій на апостольскомъ престолѣ города Неокесаріи. Клирики собрались и пришли къ знаменитому Григорію Назіанзскому и просили его дать имъ пастыря, возвѣ-

[1]) Ср. Migne, PSG. t. XLVI, col. 908 sq. Творенія св. Григорія Нисскаго въ русскомъ переводѣ, ч. VIII, стрн. 142 сл.

стивъ ему о преставленіи только что умершаго. Когда праведникъ Божій услышалъ это, онъ отпустилъ ихъ въ то время въ миръ, чтобы они ушли отъ него, сказавъ: «Господь печется о васъ, и Онъ поставитъ пастыря для вашего стада по Своей волѣ». Блаженный Григорій, святитель Божій, немедленно отдался все превозмогающей молитвѣ; и онъ палъ на колѣни и молился и говорилъ: «Господи, всемогущій Боже! Твои суть небеса и ангелы на нихъ, предъ Твоимъ сіяніемъ трепещутъ херувимы и предъ Твоимъ велѣніемъ устрашаются крѣпкіе серафимы; Ты отъ начала создалъ вселенную и въ ней расположилъ Твоимъ повелѣніемъ міры; Ты, мой Господи, прежде сего спасъ Твою Церковь и стяжалъ ее драгоцѣнною Твоею кровію,—Ты избери также и Твоему стаду пастыря по волѣ Твоей».

И когда онъ такъ молился, тогда пришелъ на него сладкій и пріятный сонъ; и услышанъ былъ имъ голосъ, который говорилъ: «не избирай никого на это служеніе, кромѣ отшельника Григорія». И онъ (сир. я?) сказалъ: «Господь мой! Кто же сообщитъ мнѣ о мѣстопребываніи Григорія? Ибо, вотъ, онъ—обитатель горъ, онъ даже не имѣетъ постояннаго мѣстопребыванія. Ибо кто можетъ гоняться за орломъ, если онъ, поднявшись въ воздухъ, весело паритъ на крыльяхъ эѳира»? И снова былъ голосъ къ нему, во второй разъ, и сказалъ ему: «пошли, пусть приведутъ клириковъ; и возьми въ руки святое Евангеліе и войди въ алтарь Божій, въ святое мѣсто искупленія, и помяни тамъ его имя и назначь его, хотя бы его даже не было тамъ! И мое уже (дѣло) гоняться за орломъ и привести его оттуда, гдѣ онъ находится. Ибо Я знаю всѣхъ птицъ небесныхъ и дикіе обитатели полей Мои».

И когда дивный мужъ Божій, епископъ Григорій, услышалъ это, тогда призвалъ онъ клириковъ, какъ ему было повелѣно, и пошелъ съ ними къ алтарю Божію. И онъ воскликнулъ и сказалъ: «мы нарицаемъ имя отшельника Григорія, котораго Богъ избралъ на епископскій престолъ въ городѣ Неокесаріи». И сказавши это, благословилъ ихъ и отпустилъ ихъ въ миръ.

3. *Посѣщеніе Григоріемъ Назіанза, вступленіе въ епископское служеніе и откровеніе истиннаго ученія* [1]). Ибо Богъ, Который во всѣ времена творитъ чудеса въ своихъ святыхъ и попеченіе

[1]) Ср. Migne, PSG. t. XLVI, col. 909 sqq. Русск. перев. ч. VIII, стр. 144 сл.

Котораго открывается во всемъ человѣческомъ родѣ [1]), послалъ одного изъ огненныхъ ангеловъ, которые стоятъ въ служеніи Его славѣ, къ Григорію на гору и повелѣлъ сказать ему: «вотъ, ты долженъ быть святителемъ Божіимъ въ городѣ Неокесаріи! встань, иди туда и вступи (въ служеніе). Но прежде пойди въ городъ Назіанзъ и получи благословеніе отъ избранника Божія Григорія, и потомъ въ мирѣ иди въ твой городъ»! Услышавъ это, онъ сказалъ: «Ты, Господи, содержащій все въ Своей власти, Ты знаешь, что рабу Твоему не по сердцу преходящая слава; но если такъ угодно Тебѣ, Господи, то да будетъ Твоя воля на насъ, какъ и на небѣ».

И тотчасъ онъ всталъ и отправился въ городъ Назіанзъ и возвѣстилъ епископу Григорію то, что ангелъ сказалъ ему. Григорій также удержалъ его у себя и возвѣстилъ ему о тайнахъ Божіихъ, которыя совершились съ нимъ. И такъ онъ благословилъ его и отпустилъ его въ мирѣ.

Когда избранный Григорій сошелъ въ городъ. онъ нашелъ его пламенѣющимъ почитаніемъ идоловъ. Увидѣвши великую честь, какую они оказывали чуждымъ божествамъ, онъ горько плакалъ и молился и говорилъ: «Господи Боже, творецъ и хранитель тварей! Такъ какъ Ты послалъ ученикамъ Твоимъ, апостоламъ, Святаго Духа, Параклита, и ихъ невѣдѣніе просвѣтилъ Твоимъ познаніемъ истины, то яви твои чудеса и въ сіе время и дай намъ посредствомъ Твоего писанія образъ сокровенныхъ тайнъ Твоей вѣры»! И тотчасъ сдѣлались видимыми на стѣнѣ буквы, которыя гласили такъ: «три лица, Отца, Сына и Святаго Духа, единое божественное естество».

Въ ту ночь Григорій заснулъ и увидѣлъ во снѣ юношу, который имѣлъ въ своей рукѣ книгу, и дѣву, которая облечена была въ драгоцѣнныя одежды, и онъ держалъ ее за руку, именно (онъ увидѣлъ) Іоанна Евангелиста, сына Зеведея, и Марію, Матерь нашего Господа. Они сказали ему: «замѣть то, что ты видишь, мужъ! Ибо, вотъ, ты удостоенъ [2]) нынѣ, увидѣть вѣру, которая явилась съ неба. Однако встань, какъ высокій рогъ, и проповѣдуй предъ народомъ». И онъ училъ ихъ безпрестанно днемъ и ночью.

---

[1]) *H. Hilgenfeld* въ „Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie“ 41 (1898), S. 454.

[2]) *H. Hilgenfeld*, S. 455.

4. *Обманъ іудеевъ, ихъ наказаніе и милосердіе Григорія* [1]). И послѣ того, какъ онъ пробылъ у нихъ нѣкоторое время, тогда вышелъ, чтобы посѣтить свой діэцезъ. И когда онъ шелъ своею дорогою, вотъ, тогда сказали два человѣка изъ народа іудейскаго другъ къ другу свойственнымъ имъ коварнымъ образомъ: «вотъ проходитъ Григорій; обманемъ его немного и получимъ отъ него милостыню». И они сказали: «какимъ образомъ»? И одинъ сказалъ другому: «ты ложись какъ бы мертвымъ, а я буду плакать надъ тобою»! И случилось: когда Григорій подошелъ къ нимъ, то мужъ, который [тамъ] стоялъ, бросился предъ нимъ ницъ и сказалъ: «прошу тебя, господинъ, сжалься надо мною. Мы шли своимъ путемъ, когда этотъ мой товарищъ легъ [мертвымъ]. Удѣли мнѣ столько, сколько необходимо для его погребенія». Григорій тотчасъ отрѣзалъ половину своего плаща и бросилъ ее на него; и тотчасъ вышла его душа изъ его тѣла. И такимъ образомъ ложь ихъ ясно обнаружилась.

Когда Григорій ушелъ отъ нихъ далеко, тогда подошелъ мужъ къ [только что] умершему, дотронулся до него и сказалъ: «ну, вставай! Вотъ мы посмѣялись надъ мужемъ и получили отъ него милостыню». Но когда онъ увидѣлъ тѣло, которое теперь дѣйствительно сдѣлалось трупомъ, то побѣжалъ къ блаженному Григорію и сказалъ: «имѣй милосердіе ко мнѣ, господинъ, ученикъ Христа», сообщивши ему напередъ о всей своей лжи. И онъ сказалъ: «по бѣдности своей, господинъ, онъ сдѣлалъ это. И какъ твой Господь, господинъ, Который Свою благость показалъ по отношенію къ негодному нашему народу, такъ яви и къ намъ свою благость. Ибо онъ имѣетъ жену и дѣтей, и они ожидаютъ его». И когда мужъ Божій услышалъ это, онъ возвратился съ нимъ и сталъ надъ умершимъ, и молился ко Господу и сказалъ: «Христе, Спасителю міра! Такъ какъ Ты добровольно пришелъ въ царство мертвыхъ, чтобы Адама, Твой образъ, возбудить отъ тлѣнія смерти, и избавилъ его отъ грѣха преступленія заповѣди въ Эдемѣ и вывелъ его плѣненнаго, сидѣвшаго плѣненнымъ уже съ [перваго] поколѣнія міра; также и Лазаря, мой Господи, когда Ты воззвалъ его, смерть вынесла, положила предъ Тобою,—Ты, Господи, также и теперь умилосердись надъ этимъ юношей и повели его душѣ возвратиться въ его тѣло». И когда онъ окончилъ свою молитву, онъ взялъ его за руку

[1]) Ср. Migne, PSG. t. XLVI, col. 940 sq. Русск. перев. ч. VIII, стр. 176 сл.

и сказалъ ему: «тебѣ, душа, твореніе Божіе, я говорю во имя Господа Іисуса Христа: возвратись въ свое мѣсто и снова обитай въ своемъ тѣлѣ; подобно тому, какъ ты прежде сего была въ немъ». И тотчасъ всталъ юноша, и всякій, кто тамъ былъ, прославилъ Бога за чудеса, которыя онъ совершаетъ въ людяхъ чрезъ своихъ избранниковъ. Также и эти іудеи тотчасъ приняли крещеніе и сдѣлались вѣрными монахами (буквально: обитателями монастыря).

5. *Изгнаніе демона-прорицателя и обращеніе языческаго жреца* [1]). И случилось: когда блаженный Григорій пришелъ къ одному городу, онъ увидѣлъ внѣ его идольское капище, и онъ вошелъ и ночевалъ въ немъ, и оставался въ немъ цѣлую ночь бодрствующимъ. Демонъ, который былъ почитаемъ въ капищѣ, устрашился предъ молитвою блаженнаго Григорія и ушелъ оттуда. Лишь только блаженный окончилъ ночное служеніе, онъ пошелъ дальше своею дорогой. При наступленіи дня пришелъ въ капище языческій жрецъ, который обычно совершалъ служеніе этому богу (правильнѣе: имѣлъ попеченіе о культѣ этого бога), и когда онъ по своему обыкновенію много молился и плакалъ, то не было бога, который долженъ былъ явиться ему. Отъ великой печали, объявшей его, онъ разорвалъ свои одежды; и когда онъ [еще разъ] много молился, онъ явился ему и сказалъ ему: «отнынѣ ты не можешь больше желать, чтобы я являлся сюда! Григорій именно, ученикъ Христа, вошелъ сюда, помолился здѣсь и изгналъ меня, и такимъ образомъ я не могу болѣе приходить сюда». Говоритъ ему жрецъ: «значитъ, еслибы Григорій приказалъ тебѣ, то ты вошелъ бы сюда»!? И онъ сказалъ: «если онъ прикажетъ мнѣ, я войду сюда». Услышавъ это, жрецъ побѣжалъ къ блаженному Григорію въ горы и сказалъ ему: «если ты прикажешь богу, который почитается жителями этой страны, а теперь твоею молитвою изгнанъ, и онъ [снова] войдетъ въ свое мѣсто, то я приду и сдѣлаюсь ученикомъ Бога, Котораго ты проповѣдуешь». Когда блаженный Григорій услышалъ это, онъ такъ написалъ ему на дощечкѣ: «Григорій, ученикъ Христа, идолу. Войди въ твое мѣсто». Жрецъ взялъ дощечку, вошелъ въ капище и положилъ ее въ немъ; и тотчасъ явился богъ. И сказалъ ему жрецъ: «теперь, когда ты получилъ на это приказаніе, ты возвратился на свое мѣсто»!? И онъ сказалъ

---

[1]) Ср. Migne, PSG. t. XLVI, col. 913 sqq. Русск. пер. ч. VIII, стр. 149 сл.

ему: «да»! Тогда отвѣтилъ жрецъ и сказалъ: «такъ, значитъ, Григорій сильнѣе тебя, такъ что ты подчиняешься его приказанію»!? И отвѣтилъ демонъ и сказалъ ему: «намъ невозможно противостоять силѣ Креста, потому что ему подчинены легіоны ангеловъ и людей и демоновъ». Тогда отвѣтилъ жрецъ и сказалъ: «итакъ, если ученикъ настолько сильнѣе тебя, то насколько болѣе его учитель! Поэтому мой долгъ уйти, чтобы служить тому, кто болѣе тебя»! И тотчасъ онъ бросилъ его на произволъ судьбы и пошелъ къ блаженному Григорію и сдѣлался ученикомъ его.

6. *Сомнѣніе жреца въ разсказѣ Григорія о мученической смерти юноши* [1]). И случилось однажды: когда Григорій сидѣлъ и объяснялъ (Писаніе), онъ сталъ прислушиваться и слушалъ что-то и видѣлъ какъ бы очами духа. Жрецъ сказалъ: «открой мнѣ, господинъ, что ты видишь, и почему ты прислушиваешься, какъ будто ты что-то слышишь»! Блаженный Григорій сказалъ: «я вижу, какъ именно теперь въ городѣ юноша стоитъ предъ судьей и даетъ свидѣтельство и умерщвляетъ сатану благостью Божіею». Жрецъ сказалъ: «господинъ, позволь мнѣ пойти и посмотрѣть, чтобы такимъ образомъ утвердиться въ вѣрѣ». И онъ сообщилъ ему силу своей молитвы и сказалъ: «иди въ миръ, и Господь нашъ да идетъ съ тобою». И тотчасъ жрецъ направился въ городъ и вошелъ въ него и увидѣлъ, какъ ему было сказано, и мученичество того юноши было совершено огнемъ. И жрецъ воскликнулъ громкимъ голосомъ удивленія и сказалъ: «благословенъ Господь нашъ, освободившій насъ отъ обольщеній идоловъ чрезъ своего ученика Григорія».

7. *Побѣда жреца надъ демономъ въ банѣ помощію молитвы Григорія* [2]). Но, далѣе, была въ городѣ баня, и сильный демонъ обиталъ въ ней и не допускалъ никого войти въ нее, кромѣ какъ только отъ третьяго часа до девятаго. И если кто отваживался войти туда не въ это время, то онъ умерщвлялъ его. Но жрецъ, уставшій отъ напряженія пути, захотѣлъ войти внѣ этого времени, чтобы помыться. Тогда хозяинъ бани сильно удерживалъ его и отклонялъ отъ этого, говоря: «мужъ, ты хочешь своей смерти»? Но жрецъ, такъ какъ онъ твердо надѣялся на молитву блаженнаго Гри-

---

[1]) Ср. Migne, PSG. t. XLVI, col. 949. Русск. перев. ч. VIII, стр. 186 сл.
[2]) Ср. Migne, PSG. t. XLVI, col. 952. Русск. перев. ч. VIII, стр. 188 сл.

горія, смѣло вошелъ туда; и когда демонъ увидѣлъ его, то завылъ и потрясъ двери, и баня едва не разрушилась; и онъ сказалъ жрецу: «мужъ! еще жертвенное мясо между твоими зубами (т. е. ты только что еще былъ языческимъ жрецомъ) [1]),—какъ смѣешь ты такъ презирать меня? Ибо, что же я могу причинить тебѣ, когда молитва блаженнаго Григорія сопровождаетъ тебя»? Но жрецъ исполнилъ свое желаніе и потомъ вышелъ и поднялся и разсказалъ блаженному Григорію все, что произошло.

8. *Отведеніе рѣки Лика отъ угрожаемаго ею города* [2]). Былъ въ той странѣ городъ, и рѣка протекала въ городскомъ районѣ, и вода постоянно причиняла большія поврежденія, такъ что они называли ту рѣку за ея большую свирѣпость «Волкомъ» (т. е. Λύκος). Когда люди города услышали о чрезвычайныхъ чудесахъ, которыя Господь нашъ совершалъ руками блаженнаго Григорія, тогда они направились къ нему, чтобы сообщить ему объ этомъ, говоря ему: «молимъ тебя, господинъ! Сжалься надъ нами! Положеніе города, господинъ, въ которомъ мы живемъ, прекрасно; однако рѣка, которая всегда протекаетъ подлѣ него, причиняетъ большія поврежденія и уноситъ, господинъ, наше имущество и нашъ скотъ; также она разрушаетъ наши дома до основаній и уноситъ ихъ и умерщвляетъ людей, которые живутъ въ домахъ. Но подобно твоему Господу, великому зодчему міротворенія, Который пришелъ, чтобы возсоздать разрушенное (Іезек. 36, 36) и запустѣвшимъ жилищамъ чадъ Адамовыхъ снова дать миръ, такъ можешь также и ты, господинъ, возвратить миръ городу, который опустошенъ поврежденіями рѣки». Когда блаженный Григорій услышалъ отъ нихъ объ этомъ, онъ всталъ и пошелъ съ ними. И когда онъ увидѣлъ многія рытвины, которыя окружали рѣку въ срединѣ города, также большія поврежденія, которыя она причинила, тогда онъ взялъ свой посохъ и воткнулъ его въ предѣлахъ города въ землю и сказалъ: «говорю тебѣ, нѣмая природа, и вамъ, влажныя воды, во имя нашего Господа Іисуса Христа, Бога всего міра: ты не должна снова вторгаться въ него (т. е. въ городъ) и причинять въ немъ какой-либо вредъ. И тотчасъ распустился его посохъ и сдѣлался большимъ деревомъ; и

---

[1]) *H. Hilgenfeld*, S. 455.

[2]) Ср. Migne, PSG. t. XLVI, col. 929. Русск. перев. ч. VIII, стр. 164 сл.

всякій разъ, когда приходили воды и наталкивались на него, онѣ должны были снова поворачивать отъ предѣловъ города и дѣлали углубленія въ другомъ мѣстѣ, протекая теперь къ югу отъ города.

9. *Осушеніе озера для примиренія двухъ братьевъ* [1]). Въ то время въ городѣ жилъ знатный мужъ: и по повелѣнію Божію онъ преставился отъ жизни тѣлесной и оставилъ двухъ сыновей. Когда эти наслѣдники раздѣлили все свое наслѣдство, осталось у нихъ озеро, которое приносило большой доходъ своему обладателю, ибо въ немъ была необычайная масса разныхъ рыбъ. И потому относительно него дѣло дошло у нихъ до большого разлада. Они спорили такъ много и горячо, что даже своихъ слугъ держали вооруженными и готовыми къ борьбѣ другъ противъ друга. Друзья ихъ извѣстили блаженнаго Григорія о такомъ положеніи дѣла. Мужъ Божій безъ замедленія пошелъ къ нимъ, чтобы примирить ихъ, сказавши имъ: «мужи, вы вѣдь братья! Зачѣмъ вы хотите доставлять удовольствіе сатанѣ? Одинъ пусть удержитъ за собою озеро, а другой—возьметъ деньги, какія придутся за него!» И одинъ изъ нихъ говоритъ: «я не выпущу его». И другой: «до смерти я не отступлюсь отъ него». Блаженный повелѣлъ вмѣстѣ пойти къ озеру; и когда всѣ стояли подлѣ него, тогда блаженный сказалъ къ нимъ: «люди, что вы спорите о томъ, что вамъ не принадлежитъ? Воды принадлежатъ Богу; прудъ также принадлежитъ Богу. [Значитъ] что же вы спорите о томъ, что вамъ не подчинено? Хотите ли вы установить миръ между собою, или же я долженъ показать вамъ, что озеро не принадлежитъ вамъ»? Но они сказали: «нѣтъ»! Когда блаженный Григорій увидѣлъ, что они не поддавались убѣжденію заключить миръ, и сатана подстрекалъ ихъ къ тому, чтобы они напоили своею кровію землю, тогда простеръ онъ свои руки надъ водами и сказалъ: «говорю вамъ, влажныя воды, подвластныя Христу! Во имя Господа нашего Іисуса Христа, повелѣніемъ Котораго вы собраны въ это мѣсто, въ это [именно] имя Христа я говорю вамъ, чтобы вы удалились съ этого мѣста и поглощены были бездной земли, чтобы изъ-за любви къ вамъ не разрушался образъ Божій (т. е. человѣческое тѣло)». И тотчасъ высохли эти воды, и дно и грунтъ земли сдѣлались видимыми. И блаженный сказалъ къ этимъ братьямъ: «видите вы теперь, что

[1]) Ср. Migne, PSG. t. XLVI, col. 925 sq. Русск. перев. ч. VIII, стр. 161 сл.

воды не вамъ принадлежали!? Были ли онѣ въ чемъ-нибудь подчинены вашему повелѣнію? Могли ли вы какъ-нибудь приказать имъ, чтобы онѣ оставались въ вашемъ прудѣ? Посему идите въ миръ»! Братья, хотя [прежде] и не хотѣли, заключили миръ другъ съ другомъ и ушли.

10. *Избраніе кузнеца Александра во епископа* [1]). Въ той странѣ былъ маленькій городъ, который также подчиненъ былъ [епископской власти] Неокесаріи. Въ эти дни по повелѣнію Божію отошелъ изъ жизни міра изнуренный [трудами своей жизни] епископъ, который былъ въ немъ. Клирики по обычаю, который господствовалъ въ городѣ, пошли въ Неокесарію, чтобы тамъ получить для себя пастыря. Явившись къ Григорію, они дали ему списокъ именъ, которыя [при этомъ] должны были быть приняты во вниманіе. Но когда списокъ былъ прочитанъ, то оказалось, что тамъ было имя мужа, который имѣлъ много недостатковъ и имя котораго поставлено было въ спискѣ ради его богатства. Между клириками былъ одинъ ревнитель; когда онъ услышалъ его имя въ спискѣ, тогда ревность Божія возбудила его, и онъ сказалъ: «не ставьте никого, кромѣ кузнеца Александра». Блаженный Григорій, услышавъ это слово, понялъ, что исторія съ кузнецомъ Александромъ вспыла не случайно, и такимъ образомъ онъ отпустилъ клириковъ, и они ушли. Онъ тотчасъ разостлалъ свою мантію предъ Господомъ и преклонилъ колѣна въ молитвѣ и сказалъ: «Господи Боже, сидящій на херувимахъ, прежде начала всѣхъ временъ Ты основалъ землю, и Твои персты создали небо, Ты не преходишь съ поколѣніемъ и не измѣняешься съ временемъ и не исчезаешь какъ дни, но Ты всегда тотъ же, [уже] прежде начала міровъ, и небо и земля и глубины вмѣстѣ съ воздушнымъ пространствомъ какъ ладони предъ Тобою и какъ капля изъ бадьи. И нынѣ, Господи, мановеніемъ Котораго люди пришли къ бытію, благоволи избрать теперь себѣ мужа, который благоугоденъ волѣ Твоей». И когда онъ окончилъ свою молитву, тогда былъ небесный голосъ къ нему и сказалъ ему: «никого ты не долженъ ставить тамъ во епископа, кромѣ кузнеца Александра». Но Григорій сказалъ: «о, Господи, кто же покажетъ мнѣ этого мужа»? И второй разъ былъ божественный голосъ къ нему и сказалъ ему: «пошли, пусть приведутъ мужа, который съ нимъ работаетъ, и отъ него ты можешь по-

[1]) Ср. Migne, PSG. t. XLVI, col. 933 sq. Русск. пер. ч. VIII, стр. 169 сл.

лучить свѣдѣнія объ его превосходныхъ качествахъ». И тотчасъ онъ послалъ скоро за мужемъ; и когда кузнецъ появился въ комнатѣ предъ Григоріемъ, онъ поднялся и сказалъ къ нему: «скажи мнѣ, мой братъ, кто тотъ Александръ, который работаетъ съ тобою, и что онъ (за человѣкъ)»? Кузнецъ отвѣтилъ и сказалъ: «онъ хочетъ заставить насъ непремѣнно вѣрить, о господинъ, что онъ глупый человѣкъ; но я, о господинъ, не считаю его за глупца, ибо его дѣла не дѣла глупца [1]). Его заработокъ составляетъ болѣе 150 грошей (собственно nummus) въ день, но онъ не беретъ отъ меня больше 50 грошей и на эти деньги онъ питается небольшимъ количествомъ хлѣба; а то, что остается, онъ даетъ бѣднымъ. И мяса онъ не ѣстъ и вина не пьетъ, и еще никто не видѣлъ, чтобы онъ мылся въ банѣ, и его вечерней снѣди достаточно ему отъ вечера и опять до вечера. Но когда онъ говоритъ, то изъ устъ его исходятъ слова мудрости, подобныхъ которымъ не говорили никогда мірскіе философы» [2]). Услышавъ это, блаженный Григорій сказалъ кузнецу: «Бога ради [3]), братъ мой! Какъ знаешь,—смотря по тому, что тебѣ подскажетъ хитрость ремесла,—такъ приведи его сюда». Кузнецъ пошелъ назадъ въ свой домъ и сказалъ Александру: «у насъ недостаетъ желѣза. Пойдемъ въ городъ Неокесарію». И когда они пришли въ городъ, онъ привелъ его предъ Григорія. Но Александръ, лишь только вошелъ, сталъ ребячески притворяться и говорить вздорныя слова. Однако, при своемъ появленіи въ дверяхъ, онъ показался тому, предъ кѣмъ онъ явился, какъ сіяющая звѣзда. И епископъ Григорій воскликнулъ и сказалъ: «Вотъ, это—мужъ, лице котораго сіяетъ какъ утренняя заря и душа котораго просвѣщена сіяніемъ небесной славы». И онъ поставилъ его предъ народомъ и заклиналъ его и сказалъ: «заклинаю тебя Тѣмъ, Кто небо простеръ, какъ ковры, и на немъ воздвигъ престолъ Своей славы и поселилъ тамъ въ служеніе Своему величію ангеловъ огня и духа: заклинаю Тѣмъ, Кто землю на водахъ основалъ отъ начала и на нихъ положилъ кругъ земной и опредѣлилъ въ жилище для человѣка; заклинаю Тѣмъ, Кто Свои руки распростеръ на крестѣ и привлекъ землю въ познаніе истины,—не полагай покрова на твои истинныя качества (сир. «твореніе», т. е. твое нрав-

[1]) *H. Hilgenfeld*, S. 455.

[2]) *H. Hilgenfeld*, S. 455.

[3]) Собственно: „bei deinem Leben“.

ственное состояніе; или можетъ быть вм. γένεσις=происхожденіе),—но я хочу видѣть тебя такимъ, каковъ ты для Бога,—если ты мудръ, то какъ мудраго, если ты безуменъ, то какъ безумнаго». И когда Александръ услышалъ это, онъ убоялся предъ чрезвычайною силою его заклинанія, и онъ сказалъ: «О господинъ, для чего это необходимо, что ты [такъ основательно] испытываешь твоего раба. Ибо насколько было въ моихъ силахъ, Богъ былъ для меня [цѣлью моего] познанія». Но Григорій сказалъ ему: «скажи мнѣ, откуда ты, и какое твое занятіе»? Александръ открылъ ему всю суть дѣла и сказалъ: «я, господинъ, былъ сыномъ Максимиліана изъ города Рима. И когда мой отецъ умеръ, тогда я много думалъ о томъ, чтобы приблизиться къ Богу. И я увидѣлъ, что для души, которая любитъ Бога, нѣтъ предпочтительнѣе образа существованія, какъ тотъ, чтобы она въ этомъ мірѣ находилась въ бѣдности. Когда я разсудилъ такъ, тогда я продалъ все имѣніе, которое родители мои оставили мнѣ въ наслѣдство, золото и серебро и помѣстья и одежды, и отдалъ это бѣднымъ; также и рабовъ, которыхъ я имѣлъ, семьсотъ [по числу], я въ одинъ день отпустилъ на свободу. И Христосъ, мой Господь, откроетъ твоей святости—Онъ, Который владычествуетъ надъ мыслями души и Которому вѣдомы помышленія людей[1])—откроетъ, что я разсказалъ это не для тщетнаго самохвальства, но изъ страха предъ клятвою». Григорій далѣе сказалъ ему. «Бога ради [2]), братъ мой! [скажи] почему ты избралъ себѣ этотъ путь юродства»? Александръ сказалъ ему: «потому что я видѣлъ, какъ міръ неразумно поставилъ безжалостность на мѣсто любви и немилосердіе на мѣсто милосердія,—нынѣ люди почитаютъ и завтра презираютъ ее, нынѣ прославляютъ ее и завтра поносятъ ее, этотъ благословляетъ и другой проклинаетъ,—видѣлъ, какъ люди чувствуютъ себя увлеченными троякимъ образомъ тѣмъ, чтобы проявить себя въ твореніи Божіемъ: или чтобы быть прославляемыми отъ людей, или чтобы имѣть матеріальную (собств. пар. тѣлесно) выгоду или чтобы обладать властью правящаго положенія. Поэтому я избралъ для себя бѣдность, чтобы чрезъ нее побѣдить сатану. Если случается, что бѣднякъ находится на пути и приходятъ разбойники и видятъ, что онъ совершенно

---

[1]) *H. Hilgenfeld*, S. 455.

[2]) И здѣсь: „bei deinem Leben“.

бѣденъ, то они [даже сами] удовлетворяютъ его нужды изъ того, что имѣютъ.

И когда Григорій услышалъ это, пришелъ въ изумленіе и удивился и сказалъ: «слава тебѣ, Боже, даровавшему это сокровище въ земномъ сосудѣ, такъ какъ это—Святый Духъ Божій, Который обитаетъ въ избранномъ (Имъ) сосудѣ (т. е. въ одномъ изъ) людей». И тотчасъ онъ возвелъ его въ священный санъ, сказавши: «иди, братъ мой; паси отнынѣ стадо Христово». И онъ просилъ его и говорилъ: «взойди, изъясни на каѳедрѣ (Писаніе) и удовлетвори народъ своими божественными изреченіями». И, дѣйствительно, своими изреченіями онъ привелъ въ удивленіе народъ; и онъ привлекъ его къ страху Божію, такъ что каждый прославлялъ нашего Господа за мудрость, которую Онъ даровалъ людямъ.

Но когда Григорій отпустилъ его, чтобы онъ ушелъ въ мирѣ, дабы возсѣсть на каѳедрѣ своего святительскаго служенія, тогда онъ возблагодарилъ и сказалъ: «слава Тебѣ, о Боже! Какъ много, однако, святыхъ Ты имѣешь въ мірѣ, и они невѣдомы и сокрыты отъ людей вслѣдствіе своего уничиженнаго положенія, но великими стоятъ они въ Твоихъ глазахъ». Когда Александръ со своими клириками отосланъ былъ въ мирѣ, тогда блаженный Григорій остался одинъ со своею душею и собралъ всю свою душу вмѣстѣ съ своими мыслями, чтобы излить ее предъ Богомъ въ обильномъ слезами порывѣ, плача и говоря: «О Господи, мой Боже! Отъ запада (resp. отъ вечера, по Быт. I, 5?) Ты призвалъ землю [въ бытіе] до концовъ міра, и всѣ существа ангеловъ и людей получили бытіе, о Господи, по мановенію Твоей воли, также и дикія животныя, которыя рѣзвятся въ уединеніи пустыни, и птицы, которыя въ силу своей легкости (resp. быстроты), рѣзвятся въ воздухѣ, носятъ на себѣ образъ Твоего Креста [своими распростертыми крыльями] и такимъ образомъ отваживаются парить высоко на вершинахъ; также и толпа рыбъ, о Господи, которая движется въ глубинѣ моря, воспринимаетъ отъ Твоего дыханія, чтобы не задохнуться въ дико бушующемъ потокѣ водъ; и, когда Твоей волѣ угодно было, Ты, о Господи, сорокъ лѣтъ питалъ въ пустынѣ жестоковыйный народъ хлѣбомъ, который испеченъ былъ не руками, и далѣе, когда благодать Твоя открылась надъ родомъ чадъ Адамовыхъ и захотѣла сдѣлать явными сокрытыя силы земли, Ты пятью хлѣбами насытилъ семь тысячъ въ пустынѣ, при чемъ имъ на вечерю осталось

двѣнадцать коробовъ,—и нынѣ, Господи, благодарю Тебя, что Ты точно такъ же, какъ Твоя благость всѣмъ существамъ даруетъ то, въ чемъ они нуждаются, и мнѣ послалъ мужа Александра, который долженъ смирить мою бѣдную душу, чтобы она не провозносилась въ самодовольствѣ».

11. *Оклеветаніе Григорія блудницей, ея наказаніе и помилованіе* [1]). И когда блаженный Григорій окончилъ свою молитву, то уснулъ вслѣдствіе напряженія и изнеможенія отъ слезъ тихимъ сномъ. И онъ увидѣлъ во снѣ, какъ нѣкто въ образѣ мужа сталъ по правую сторону его, и онъ сказалъ ему: «мужайся, мужъ Божій Григорій; ибо многое ты долженъ будешь претерпѣть отъ своихъ враговъ, и [въ концѣ концовъ] ты побѣдоносно устоишь [въ борьбѣ], и они упадутъ въ яму, которую конаютъ для тебя». И тотчасъ онъ поднялся отъ своего сна и благодарилъ Господа за это видѣніе, которое онъ видѣлъ. А врагъ праведности, который отъ начала умерщвляетъ людей, когда увидѣлъ, что изъ населенія города Неокесаріи, между которымъ [въ началѣ] находилось только семнадцать вѣрующихъ, онъ безчисленныя тысячи привелъ къ истинной вѣрѣ, — тогда ненавистникъ (т. е. сатана) захотѣлъ осыпать его стрѣлами злобы и научилъ рабовъ лжи, какъ они могли бы оклеветать Григорія. Эти ученики порочности, подхвативши совѣтъ своего учителя, послали привести блудницу; и потомъ они сказали ей: выполни съ нами тайный планъ, а именно, возьми себѣ двадцать золотыхъ и говори съ Григоріемъ то, что мы тебѣ скажемъ, и въ то время, какъ онъ будетъ сидѣть между старѣйшими города, иди и стань передъ нимъ и скажи ему: «дай мнѣ мою плату за эту ночь, потому что ты спалъ у меня». Она взяла деньги; и случилось: когда Григорій въ своей невинности сидѣлъ и изъяснялъ народу (Писаніе), и его архидіаконъ стоялъ рядомъ съ нимъ, тогда блудница протиснулась и остановилась предъ нимъ и сказала ему: «дай мнѣ мою плату, потому что ты въ эту ночь имѣлъ со мною любовную связь». Григорій со всѣмъ народомъ, который стоялъ возлѣ него, удивился этой рѣчи; а Стефанъ, его архидіаконъ, когда увидѣлъ позорную клевету, просилъ своего владыку молчать долгое время, чтобы онъ могъ открыть обманъ лжецовъ; потомъ онъ поднялся и сказалъ блудницѣ:

---

[1]) Ср. Migne, PSG. t. XLVI, col. 901 sq. Русскій пер. ч. VIII, стр. 136 сл.

«я не знаю, что ты хочешь сказать, моя дочь». Но она сказала ему: «именно такъ, Григорій! И я не прощу тебѣ моей платы». Стефанъ поднялся во второй разъ и сказалъ къ ней: «женщина, иди отъ меня прочь своею дорогой; я не понимаю, что ты хочешь сказать»? Но такъ какъ блудница не умѣла отличить ихъ лица другъ отъ друга, именно лица Григорія и лица Стефана, то простерла свои руки къ Стефану и сказала: «дай мнѣ мою плату, потому что ты вѣдь имѣлъ со мною любовную связь. Ты не смѣешь обманывать меня, Григорій». Тогда весь народъ, увидѣвши, что она не умѣетъ распознать лица Григорія, призналъ, что это великая клевета. И Григорій сказалъ: «этого достаточно для лжецовъ».

Когда Стефанъ увидѣлъ, что такимъ образомъ обманъ лжецовъ и блудницы обнаруженъ, тогда Стефанъ сказалъ къ ней: «ты навѣрно въ союзѣ съ демонами: зачѣмъ ты свои уста посвятила на служеніе сатанѣ, такъ что онъ чрезъ нихъ высказалъ постыдную ложь на раба Божія. Да, порочная (соб. дочь грѣха), зачѣмъ ты составила тайный планъ съ этими безбожниками и хотѣла бросить грязь въ безпорочное солнце? Зачѣмъ ты подняла свои руки, чтобы бросить камень въ небо, когда уже твоя праматерь въ раю лишила эдемскаго блаженства нашего отца Адама? И ты хотѣла по этому клеветническому плану бисеръ предать (соб. ввергнуть) погибели; и твоя сестра, жена Самсона, въ коварномъ союзѣ съ филистимлянами связала назорея и сдѣлала его посмѣшищемъ предъ своимъ народомъ, а твоей родственницей былъ верховный совѣтъ (въ ср. сущ. женск. рода) неправеднаго народа [который осудилъ Христа]. Точно такъ же ты посмѣялась надъ Ветхимъ родовъ (т. е. Христомъ, ср. Дан. 7, 9 комбинированное съ мессіанскимъ мѣстомъ Мих. 5, 1), Который отпустилъ вину Адама, бывшую вслѣдствіе его преступленія, и отреклась отъ Него предъ лицомъ Пилата». Когда Стефанъ произнесъ это, Григорій сказалъ ему: «дай этой женщинѣ ея плату, сколько она хочетъ получить, и прикажи ей уйти, чтобы она не отвлекала насъ отъ занятія словомъ Божіимъ, и чтобы и я также не удерживалъ у себя мзды угнетеннаго» (ср. Іак. 5, 4 и др.). Стефанъ подалъ ей плату ея, сколько она хотѣла получить.

И случилось: когда она простерла свои руки и взяла грѣховныя деньги, тогда демонъ тотчасъ повергъ ее на землю, и она сказала, чтобы они все-таки не обирали ея совершенно ради

превосходныхъ качествъ Григорія. Когда мужъ Божій увидѣлъ, что она ограблена демономъ, сжалился надъ нею и простеръ свои руки надъ демономъ и сказалъ: «тебѣ, нечистый духъ, говорю! Ты подчиненъ Христу, и я также служу Христу. Во имя нашего Господа Іисуса Христа, выйди изъ этой дѣвушки, не причиняя ей вреда». Демонъ тотчасъ удалился изъ женщины, и она стала здоровой; и Григорій отослалъ ее, чтобы она ушла въ миръ, приказавши ей не объявлять объ обманѣ лжецовъ.

12. *Оклеветаніе Григорія мальчикомъ* [1]. Когда Григорій въ одинъ день стоялъ и училъ народъ, вотъ, закричалъ юноша изъ толпы народа громкимъ голосомъ и сказалъ: «не страшитесь, люди! ибо Григорій говоритъ это не отъ себя (собств. не отъ своей воли), но [нѣкто] другой стоитъ по правую сторону его, и этотъ учитъ его, что̀ онъ долженъ говорить». Услышавъ это, Григорій сказалъ къ тѣмъ, которые стояли возлѣ него: «этотъ юноша не чистъ отъ демоновъ». И тотчасъ демонъ повергъ юношу на землю. Но Григорій, услышавъ это, взялъ лоскутъ отъ верхней одежды, которая была наброшена на плечи юноши, вдунулъ въ него порицаніе изъ своихъ устъ, и бросилъ его на юношу, и сказалъ: «не я повелѣваю тебѣ,— Христосъ повелѣваетъ тебѣ, Онъ, Который тебя со свиньями ввергъ въ море (ср. Мѳ. 8, 32): выйди изъ этого юноши». Когда демонъ услышалъ имя божественнаго величія, онъ закричалъ громкимъ голосомъ и сказалъ: «горе мнѣ изъ-за Іисуса, горе мнѣ изъ-за учениковъ Его, что мы здѣсь изгнаны изъ всего творенія и что мы тамъ сохранены для палящаго огня преисподней, вслѣдствіе вражды, которая возникла въ Эдемѣ между прародителями нашего рода и прародителемъ человѣческаго рода». И такимъ образомъ онъ оставилъ юношу и удалился.

Юноша же, когда опять сталъ здоровымъ, сказалъ: «теперь я болѣе не вижу мужа, который стоялъ возлѣ Григорія и училъ его, что̀ онъ долженъ говорить». Когда демонъ вышелъ изъ юноши, тогда раздался голосъ въ воздухѣ, который говорилъ: «теперь я долженъ пойти къ языческому царю, и онъ отомститъ за меня Григорію».

13. *Гоненіе на христіанъ и бѣгство Григорія* [2]. Въ эти

---

[1]) Ср. Migne, PSG, t. XLVI, col. 941. Русск. перев. ч. VIII, стр. 179 сл.

[2]) Ср. Migne, PSG. t. XLVI. col. 944 sq. Русск. перев. ч. VIII, стр. 180 сл.

дни, когда въ церкви Божіей всюду раздавались вѣсти объ успѣшномъ распространеніи вѣры, врагъ, который—уже отъ сотворенія міра—не питаетъ расположенія къ нашему спокойствію, внезапно открылъ гоненіе на нее; и послалъ тиранъ-царь судью въ ту страну, который несъ съ собою угрозы и проклятія противъ всѣхъ, любившихъ Христа. Когда Григорій увидѣлъ [угрожавшее] наказаніе, то тотчасъ сталъ жаждать мученичества, какъ драгоцѣннаго камня, чтобы ему прежде всего сдѣлаться его жертвой и вмѣстѣ съ тѣмъ примѣромъ для принадлежащихъ къ его церкви; но потомъ онъ принялъ также во вниманіе слабости человѣческой природы и сказалъ: «я боюсь, что, если я оставлю пастбище (т. е. діэцезъ) на произволъ судьбы, можетъ ворваться волкъ и уничтожить стадо Христово». И онъ молился предъ Господомъ и говорилъ: «о Господи, сѣдящій на херувимахъ, Который возсѣлъ на осляти и вошелъ въ Іерусалимъ, Ты, крѣпкій Боже, десница Котораго распростерла небо [1]), и Который въ смиреніи явился въ мірѣ, и распинатели пригвоздили на древо, потому что ты добровольно, о Господи, претерпѣлъ страданіе смерти ради насъ, — такъ умилосердись надъ страданіями раба Твоего въ этотъ часъ и возвѣсти мнѣ жребій, который я по волѣ Твоего Божества долженъ принять на себя». И тотчасъ раздался голосъ подлѣ него и сказалъ ему: «собирайся, возьми свой народъ и уходи, иди въ пустыню и скрывайся, пока пройдетъ ярость». И тотчасъ онъ собрался, взялъ съ собою церковь и ушелъ.

14. *Чудесное спасеніе Григорія и его діакона* [2]). Но когда судья услышалъ, что случилось, онъ послалъ мужей, которые должны были преслѣдовать Григорія и привести его. И они отправились и нашли его у пещеры, вмѣстѣ съ языческимъ жрецомъ, который сдѣлался его ученикомъ, и они приняли ихъ за деревья и не знали, что это—люди. И слуги, которые были посланы, возвратились къ судьѣ, сказавъ ему: «мы прошли по всей пустынѣ и въ пещерахъ и въ ущельяхъ и въ пропастяхъ земли и искали (ихъ) и никого не нашли, кромѣ двухъ деревьевъ, которыя посажены возлѣ пещеры». Но слуги изъ воиновъ судьи, въ которыхъ покоилась сокрытая вѣра во Христа, знали, что это было чудо и прославили Бога.

15. *Возвращеніе Григорія, успѣхъ его дѣятельности и*

---

[1]) *H. Hilgenfeld*, S. 456.

[2]) Ср. Migne, PSG. t. XLVI, col. 948. Русск. перев. ч. VIII, стр. 184 сл.

его кончина [1]). Но въ скоромъ времени послѣ того умеръ царь-мучитель и наступило спокойствіе на землѣ. Григорій и весь народъ Божій съ почетомъ возвратились къ своей церкви. И онъ обозрѣлъ весь народъ города и увидѣлъ, что въ немъ было только не болѣе семнадцати невѣрующихъ, и онъ возблагодарилъ Господа и сказалъ: «благодарю Тебя, Господи, что нѣкогда, когда Ты привелъ меня въ этотъ городъ, я нашелъ въ немъ [только] семнадцать вѣрующихъ, а теперь, вотъ, въ немъ остается еще [только] семнадцать невѣрующихъ. Присоедини ихъ вмѣстѣ съ ихъ братьями къ твоему стаду, о Христе»! И послѣ всего этого блаженный оставилъ этотъ міръ страданій и отошелъ побѣдоносно къ своему Господу. Да царствуетъ его молитвами милосердіе надъ землею и надъ ея обитателями до вѣка. Аминь.

---

[1]) Ср. Migne, PSG. t. XLVI, col. 953. Русск. перев. ч. VIII, стр. 191 сл.

Благодарственная рѣчь Оригену.

I. 1) Хорошая вещь—молчаніе и именно какъ часто для многихъ другихъ [людей], такъ особенно для меня въ настоящій моментъ, когда у меня волей-неволей замыкаются уста, и я вынуждаюсь молчать. 2) Ибо я не навыкъ и неискусенъ въ тѣхъ прекрасныхъ и благопристойныхъ рѣчахъ, которыя произносятся или составляются въ стройной послѣдовательности, какъ бы въ неудержимомъ потокѣ, изъ отмѣнныхъ и превосходныхъ словъ и выраженій. Можетъ быть, я и отъ природы слишкомъ мало способенъ заниматься этимъ пріятнымъ и поистинѣ эллинскимъ дѣломъ. 3) Между тѣмъ вотъ прошло уже восемь лѣтъ съ того времени, какъ ни мнѣ самому совершенно не приходилось произносить что-либо, или писать какую-нибудь большую или малую рѣчь, ни слышать другого, кто бы частнымъ образомъ писалъ или произносилъ, или же публично держалъ похвальныя и защитительныя рѣчи, кромѣ этихъ достойныхъ удивленія мужей [1]), которые съ любовію занялись прекрасной философіей. 4) Но и у нихъ мало заботы о красотѣ рѣчи и благопристойности выраженій: полагая словесное благозвучіе на второмъ мѣстѣ, они хотятъ съ точностью изслѣдовать и выразить самую сущность вещей. 5) Не то, чтобы, думаю я, они не стремились къ этому,—напротивъ, они даже очень желаютъ свои прекрасныя и точныя мысли выразить въ красивой и стройной рѣчи,—но они, можетъ быть, не въ состояніи такъ легко обнять одною и тою же и къ тому еще ограниченною человѣческою душою, съ одной стороны, священную и богоподобную силу, заключающуюся въ ихъ мысляхъ, и, съ другой стороны, слово, краснорѣчивое въ своихъ выраженіяхъ,—это два преимущества, которыя у от-

[1]) Св. Григорій, очевидно, разумѣетъ присутствовавшихъ въ собраніи христіанскихъ философовъ, друзей Оригена.

дѣльнаго человѣка выступаютъ обособленно и въ извѣстномъ смыслѣ прямо противоположны другъ другу. 6) Если размышленію и изслѣдованію, такъ сказать, благопріятствуетъ и содѣйствуетъ молчаніе, то краснорѣчія и благозвучія въ словѣ съ успѣхомъ можно искать не въ чемъ иномъ, какъ въ рѣчахъ и въ непрерывномъ упражненіи въ нихъ.

7) Между тѣмъ еще и другая наука сильно занимаетъ мой умъ, и уста сковываютъ языкъ, если бы я захотѣлъ даже немного сказать на языкѣ Эллиновъ,—это достойные удивленія наши законы, по которымъ теперь направляются дѣла всѣхъ состоящихъ подъ властью Римлянъ людей и которые безъ тяжелаго труда не могутъ быть ни согласованы, ни основательно изучены; такъ какъ и сами по себѣ они мудрые и точные и разнообразные и достойные удивленія и, однимъ словомъ, въ высшей степени соотвѣтствуютъ эллинскому духу, но, кромѣ того, они написаны и переданы на языкѣ Римлянъ, который вызываетъ изумленіе, величественъ и вполнѣ сообразенъ съ царственной властью; но для меня тѣмъ не менѣе онъ представляетъ свои трудности. 8) Сверхъ того, въ дѣйствительности я не имѣлъ возможности и, должно сказать, никогда не имѣлъ и желанія [основательно усваивать ихъ].

Но такъ какъ наши рѣчи суть не иное что, какъ нѣкотораго рода образы чувствъ нашей души, то мы должны признать, что сильные въ словѣ, подобно хорошимъ живописцамъ, въ высшей степени опытнымъ въ своемъ искусствѣ и располагающимъ большимъ количествомъ вещества для красокъ, если нѣтъ ни въ чемъ препятствій, могутъ писать картины не только однѣ и тѣ же, но также и разнообразныя и такія, которыя вслѣдствіе богатаго смѣшенія цвѣтовъ, достигаютъ высшей степени красоты.

II. Но я, подобно бѣдняку, не располагаю такими разнообразными красками, потому ли, что я никогда не обладалъ ими, или, можетъ быть, потому, что потерялъ ихъ; [поэтому] по мѣрѣ моихъ силъ я нарисую первообразы чувствъ моей души какъ бы углями только или черепками, т. е. привычными для меня и общеупотребительными словами и изреченіями, изображая ихъ въ выраженіяхъ, которыми я свободно владѣю, и попытаюсь представить характерныя черты образовъ моей души, если даже и не ясные и не раскрашенные, то по крайней мѣрѣ хотя въ наброскахъ углемъ; если при этомъ мнѣ встрѣтится гдѣ-либо что-нибудь благообразное и благозвучное, я съ удовольствіемъ приму, а если нѣтъ, то поищу такихъ выраженій.

9) Но есть также еще третье обстоятельство, которое препятствуетъ и отвращаетъ и гораздо болѣе другихъ удерживаетъ и просто предписываетъ мнѣ соблюдать молчаніе, именно самый предметъ, ради котораго я охваченъ желаніемъ говорить, но теперь медлю и не рѣшаюсь. 10) Ибо я имѣю въ мысли говорить о мужѣ, который по внѣшнему виду и по общему мнѣнію—человѣкъ, но для тѣхъ, кто можетъ проникать своимъ взоромъ въ глубины его внутреннихъ качествъ, онъ уже надѣленъ высшими преимуществами, которыя приближаютъ его къ Божеству. 11) Но я не намѣренъ восхвалять происхожденія и тѣлеснаго воспитанія,—я не рѣшаюсь на это и удерживаюсь вслѣдствіе чрезвычайнаго благоговѣнія предъ нимъ; не буду также восхвалять тѣлесной силы и красоты,—это предметы похвальныхъ рѣчей для юношей, у которыхъ мало заботы о томъ, говорятъ ли о нихъ по достоинству или нѣтъ,—12) ибо было бы безцѣльно и легкомысленно о предметахъ, не имѣющихъ продолжительнаго и устойчиваго бытія, но многоразличнымъ образомъ и скоро преходящихъ, держать рѣчь въ возвышенномъ и торжественномъ тонѣ уже въ самомъ вступленіи къ ней,—я не могъ бы говорить объ этомъ, если бы что-либо въ этомъ родѣ предложено было мнѣ въ качествѣ темы для рѣчи, такъ какъ это—безполезные и пустые предметы и такіе, которыхъ я никогда не избралъ бы добровольно для своей рѣчи. Впрочемъ, если бы мнѣ дѣйствительно предстояло говорить о такомъ предметѣ, то въ моей рѣчи не было бы ни какого-либо замѣшательства, ни безпокойства о томъ, чтобы не показалось, что я говорю что-либо ниже достоинства предмета. 13) Но теперь я хочу напомнить о томъ, что у него самое богоподобное и что въ немъ родственно съ Богомъ, съ одной стороны заключено въ этомъ видимомъ и смертномъ мужѣ, а съ другой стороны самымъ усерднымъ образомъ стремится уподобиться Богу, и намѣреваюсь коснуться въ нѣкоторомъ смыслѣ болѣе возвышенныхъ предметовъ и принести благодареніе Богу за то, что мнѣ даровано встрѣтиться со столь великимъ мужемъ, вопреки всякому человѣческому ожиданію, какъ другихъ, такъ и моему собственному, такъ какъ я и не предполагалъ никогда и не надѣялся; такихъ важныхъ предметовъ намѣренъ коснуться я, ничтожный и умственно ограниченный,—развѣ не благоразумно, что я уклоняюсь и медлю и добровольно готовъ молчать?

14) И въ самомъ дѣлѣ, представляется безопаснымъ для меня соблюдать молчаніе, чтобы подъ предлогомъ благодар-

ности вслѣдствіе необдуманности, можетъ быть, не сказать о возвышенныхъ и священныхъ предметахъ чего-либо недостойнаго, ничтожнаго и презрѣннаго; и такимъ образомъ я не только не достигну истины, но и причиню ей, насколько отъ меня зависитъ, какой-либо ущербъ у тѣхъ, кто вѣритъ, что такъ и въ дѣйствительности, какъ изображаетъ мое слабое слово, которое болѣе оскорбляетъ, чѣмъ въ своемъ содержаніи даетъ точное изображеніе его дѣлъ. 15) Однако, твои достоинства, возлюбленная глава. не могутъ быть ни умалены, ни поруганы, и еще гораздо болѣе не можетъ потерпѣть какого-либо ущерба отъ моихъ ничтожныхъ и недостойныхъ словъ то божественное, которое само по себѣ пребываетъ непоколебимымъ. 16) Но я не знаю, какъ мнѣ избѣжать впечатлѣнія дерзости и необдуманности, если я по неразумію, съ ничтожнымъ умомъ и средствами, наскакиваю на великія и во всякомъ случаѣ превосходящія мои силы дѣла. 17) Да, если бы гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ и предъ другими слушателями я рѣшился на такой легкомысленный (собств. юношескій) поступокъ, тогда я въ извѣстной степени былъ бы дерзкимъ и безразсудно смѣлымъ; однако не наглость была бы виною моего необдуманнаго выступленія, такъ какъ я отважился бы на это не въ твоемъ присутствіи. 18) Но теперь я исполню мѣру безразсудства, или даже уже и исполнилъ, осмѣлившись войти, какъ говорится, съ неумытыми ногами въ тѣ уши, въ которыя само божественное слово входитъ и пребываетъ съ нисколько не покрытыми ногами,—не такъ, какъ [входитъ] въ уши многихъ людей, какъ бы подъ толстыми кожами, именно подъ загадочными и неясными выраженіями;—но, можно сказать, съ обнаженными ногами, ясное и совершенно познаваемое. Я же несу свои человѣческія слова, какъ какую-то грязь и нечистоту, и осмѣливаюсь вливать ихъ въ уши, навыкшія слушать божественные и чистые звуки. 19) Итакъ, развѣ недостаточно доселѣ я уже погрѣшилъ [своимъ словомъ], и не должно ли, по крайней мѣрѣ, теперь начать быть благоразумнымъ, и уже далѣе не продолжать рѣчи, но прекратить ее? Я, конечно, хотѣлъ бы. 20) Однако, разъ я уже осмѣлился, да позволено будетъ мнѣ прежде всего указать причину, побуждаемый которою я пришелъ въ это собраніе,—можетъ быть мнѣ будетъ оказано и снисхожденіе за эту смѣлость.

III. 21) Страшной мнѣ представляется неблагодарность, страшной и въ полномъ смыслѣ слова страшной. 22) Ибо,

получивши благодѣяніе, даже не попытаться воздать, если невозможно иначе, то по крайней мѣрѣ благодарностью въ словахъ, свойственно или совершенно безразсудному, или нечувствительному къ благодѣяніямъ, или безпамятному. 23) Но у кого съ самаго начала были и чувство и пониманіе прекраснаго, которое онъ испыталъ, такой, если у него не сохраняется на послѣдующее время даже воспоминанія объ этомъ и если онъ не приноситъ никакой благодарности виновнику добраго, такой—негодный, неблагодарный и нечестивый человѣкъ, согрѣшающій непростительнымъ образомъ ни для кого, занимаетъ ли онъ высокое положеніе или низкое. 24) [Въ первомъ случаѣ] если онъ занимаетъ высокое положеніе и [человѣкъ] большого ума, [то грѣхъ его въ томъ], что онъ не носитъ на своихъ устахъ со всею благодарностью и почтеніемъ великихъ благодѣяній, которыя онъ испыталъ; [во второмъ случаѣ] если онъ занимаетъ низкое положеніе и человѣкъ недалекій, то его грѣхъ въ томъ], что не со всею имѣющеюся у него силою выражаетъ хвалу и благоговѣніе къ тому, кто благодѣтельствуетъ не великимъ только, но и малымъ. 25) Кто занимаетъ болѣе высокое положеніе и превосходитъ душевными силами, тѣ, сообразно съ ихъ бо́льшими средствами и великимъ богатствомъ, необходимо должны по своимъ силамъ воздавать своимъ благодѣтелямъ бо́льшее и почтительнѣйшее прославленіе. 26) Но и незначительнымъ людямъ и находящимся въ бѣдственномъ положеніи не слѣдуетъ быть ни безучастными, ни безпечными, ни падать духомъ на томъ основаніи, будто они не могутъ сдѣлать ничего ни достойнаго, ни совершеннаго. 27) Но подобно бѣднымъ, однако благодарнымъ, они должны принимать за мѣрку силу не почитаемаго, а свою собственную, и изъ присущей имъ силы оказывать почести, которыя, можетъ быть, будутъ угодны и пріятны почитаемому и не будутъ у него поставлены на второмъ мѣстѣ по сравненію съ великими и многими [выраженіями благодарности], если принесутъ ихъ съ большею готовностью и съ всецѣло преданнымъ настроеніемъ. 28) Такъ, въ священныхъ книгахъ [1]) повѣствуется, что нѣкая незначительная и бѣдная женщина одновременно съ богатыми и сильными людьми, которые отъ своего богатства жертвовали большіе и многоцѣнные дары, одна только принесла незначительный и самый ничтожный даръ, который однако составлялъ все, что у нея было, и получила свидѣ-

[1]) Лук. XXI 1—4; Мрк. XII, 41—44.

тельство того, что она дала больше всѣхъ. Ибо, я думаю, священное слово измѣряло цѣнность и превосходство [дара] не количествомъ даваемаго вещества, которое есть нѣчто внѣшнее, но скорѣе настроеніемъ и намѣреніемъ, съ какими онъ былъ принесенъ. 29) Поэтому и мнѣ совершенно не слѣдуетъ отступать изъ боязни, что моя благодарность не будетъ вполнѣ соотвѣтствовать благодѣяніямъ, но совсѣмъ напротивъ [я долженъ] отважиться и попытаться, какъ бы въ воздаяніе, оказать почести, если и не надлежащія, то, по крайней мѣрѣ, посильныя для меня. Если моя рѣчь и не достигнетъ совершеннаго, то по крайней мѣрѣ она отчасти будетъ имѣть своимъ результатомъ то, что избѣжитъ всецѣлаго упрека въ неблагодарности. 30) Ибо поистинѣ было бы неблагороднымъ совершенно молчать подъ благовиднымъ предлогомъ, что не можешь сказать ничего достойнаго; но благоразумно стремленіе всегда воздавать, даже еслибы сила приносящаго благодарность была слабѣе достойной [благодѣтеля]. Такимъ образомъ, если я даже не въ состояніи говорить по достоинству, я не буду молчать; но если исполню все, что будетъ въ моихъ силахъ, то я даже еще похвалюсь этимъ.

31) Итакъ, настоящее мое слово должно быть благодарственнымъ. Я не хотѣлъ бы говорить, что [благодареніе обращено непосредственно] къ Богу, Владыкѣ вселенной. Однако, отъ Него для насъ всѣ начала благъ, отъ Него же и мнѣ должно начать благодаренія, пѣнія и хвалы. 32) Но вѣдь если бы даже я принесъ всего себя, конечно, не такого, каковъ я теперь,— сквернаго и нечистаго, запятнаннаго и смѣшаннаго съ постыднымъ и нечистымъ зломъ, но свободнаго отъ этого—въ состояніи возможно высшей чистоты, свѣтлости и непорочности и безъ всякой примѣси несовершенства, — такъ, говорю, еслибы я даже всего себя, обнаженнаго отъ этого, какъ бы новорожденнаго принесъ и отдалъ, и тогда я съ своей стороны не принесъ бы достойнаго дара въ честь и въ воздаяніе Правителю и Виновнику вселенной. 33) Восхвалить Его по достоинству никогда не могъ бы ни каждый въ отдѣльности, ни даже всѣ вмѣстѣ, даже если бы все чистое сдѣлалось единымъ и тѣмъ же, вышло изъ себя и скорѣе, собранное въ единомъ духѣ и въ единомъ согласномъ порывѣ, обратилось къ Нему. 34) Ибо еслибы кто могъ постигнуть что-нибудь изъ Его дѣлъ наилучшимъ и исчерпывающимъ образомъ и, еслибы это возможно было, могъ сказать о немъ по достоин-

ству, то ради этой самой способности, которой онъ могъ быть удостоенъ не отъ другого кого-нибудь, но которую получилъ отъ Него же, невозможно, чтобы онъ могъ пріобрѣсти откуда-нибудь что либо иное большее и принести Ему въ благодарность.

IV. 35) Но я обращу свои хвалы и пѣсни къ Царю и Хранителю вселенной, къ неисчерпаемому источнику всяческихъ благъ, Который также и въ этомъ уврачуетъ мою немощь и одинъ только можетъ восполнить недостающее, Предстателю душъ нашихъ и Спасителю, перворожденному Его Слову, Создателю и Управителю вселенной. 36) Онъ одинъ только можетъ возсылать постоянныя и непрерывныя благодаренія Отцу какъ за Себя самого, такъ и за всѣхъ, и именно за каждаго въ отдѣльности и за всѣхъ вмѣстѣ. Поелику Онъ есть истина и мудрость и сила самого Отца всего, къ тому же еще Онъ въ Немъ есть и съ Нимъ соединенъ совершенно, то невозможно, чтобы Онъ или по забывчивости, или по недостатку мудрости, или по какой-либо немощи, подобно тому, кто отчужденъ отъ Него, или не достигъ [необходимой] силы, чтобы восхвалить Его, или и достигъ, но добровольно,—чего не слѣдуетъ говорить,— оставилъ Своего Отца безъ восхваленія. 37) Онъ одинъ можетъ совершеннѣшимъ образомъ исполнить всю надлежащую мѣру приличествующей Ему хвалы. Тотъ, Кого Самъ Отецъ всего содѣлалъ единымъ съ Собою, когда чрезъ Него едва не превзошелъ Самого Себя [1]), долженъ въ совершенно равной степени нѣкоторымъ образомъ почитать Его, какъ и Самъ почтенъ отъ Него. Это именно, первый и единственный изъ всего сущаго, получилъ въ удѣлъ Его Единородный, сущій въ Немъ Богъ Слово; 38) тогда какъ всѣ прочіе только такимъ образомъ можемъ быть благодарными и благоговѣйными, если на Него одного перенесемъ и возложимъ всю силу достойнаго благодаренія за всѣ [дарованныя] намъ отъ Отца благодѣянія, исповѣдуя, что это единственный путь богопочтенія—чрезъ Него во всемъ памятовать о Виновникѣ вселенной. 39) Поэтому именно должно исповѣдать, что для благодаренія и хвалы постоянному промышленію обо всемъ, которое печется о насъ какъ въ вели-

[1]) δι αὐτοῦ μονονουχὶ αὐτὸς αὑτὸν ἐκπεριῶν. *I. A. Dorner*, Entwicklungsgeschichte der Lehre von der Person Christi. 2 Aufl. 1 Th. Stuttgart 1845, S. 735, понимаетъ это мѣсто такъ: „Ибо Отецъ содѣлалъ Его единымъ съ Собою, такъ что почти можно сказать, что Отецъ чрезъ Него выступаетъ изъ Себя Самого, чтобы Себя Самого постигнуть".

чайшемъ, такъ и въ самомъ незначительномъ, и которое привело насъ сюда, вполнѣ достойно и достаточно [только] то слово, которое есть совершеннѣйшее и живое и духовно оживляющее Слово перваго Ума.

40) Мое же настоящее слово да будетъ благодареніемъ изъ всѣхъ людей преимущественно сему мужу. Но если бы я захотѣлъ [съ моею благодарностью] взойти нѣсколько выше, то между тѣми, которые невидимы, стоятъ ближе къ божественному и пекутся о людяхъ, [она должна быть обращена къ] тому, кто, по нѣкоему великому опредѣленію, получилъ въ удѣлъ съ дѣтства руководить мною, воспитывать и опекать меня, 41) святый ангелъ Божій, пасущій меня отъ юности моей, какъ говоритъ тотъ боголюбезный мужъ [1]), имѣя въ виду, очевидно, своего ангела. 42) Однако онъ, будучи великимъ, соотвѣтственно съ этимъ получилъ величайшаго [ангела], или кого иного, кто бы онъ ни былъ, или, можетъ быть, даже самого великаго совѣта Ангела [2]), общаго Спасителя всѣхъ, чтобы, ради его совершенства, Онъ былъ исключительнымъ его хранителемъ,—я этого точно не знаю: во всякомъ случаѣ онъ въ своемъ ангелѣ, кто бы онъ ни былъ, и позналъ и прославлялъ нѣчто великое. 43) Я же [познаю и прославляю] кромѣ общаго Правителя всѣхъ людей также и этого [моего], который является руководителемъ собственно меня неразумнаго. 44) Онъ, будучи для меня во всѣхъ отношеніяхъ добрымъ воспитателемъ и попечителемъ,—не такъ, какъ мнѣ или кому-либо изъ дорогихъ мнѣ родственниковъ кажется полезнымъ, ибо мы слѣпы и не видимъ ничего изъ того, что предъ нами, такъ что не можемъ и судить о томъ, что намъ нужно, но какъ представляется полезнымъ ему, такъ какъ онъ провидитъ все, что относится къ пользѣ нашей души,—издавна, а также и теперь еще воспитываетъ, наставляетъ и руководитъ, 45) и, кромѣ всего прочаго, онъ устроилъ такъ, что я пришелъ въ соприкосновеніе съ этимъ мужемъ,—это безспорно самое важное,—который ни по происхожденію и по человѣческой крови не состоитъ въ родствѣ со мною, ни иначе не былъ въ близкихъ ко мнѣ отношеніяхъ, не жилъ и въ сосѣдствѣ со мною, ни даже вообще не былъ единоплеменнымъ,—это именно то, что для многихъ людей бываетъ поводомъ дружбы и знанія [другъ друга],—46) но, кратко сказать, онъ съ истинно божественною и мудрою предусмотрительностью привелъ въ одно

[1]) Іаковъ—Быт. XLVIII, 15.

[2]) Ср. Исаіи IX, 6.

мѣсто насъ незнакомыхъ, различныхъ по происхожденію, взаимно чуждыхъ, совершенно далеко стоящихъ другъ отъ друга, насколько находящіяся между нами народы, горы и рѣки раздѣляютъ насъ, и устроилъ эту спасительную для меня встрѣчу; и это, я думаю, онъ предусмотрѣлъ, по данному свыше указанію, отъ самаго моего рожденія и дѣтства. 47) А какимъ образомъ, слишкомъ долго было бы повѣствовать, не только, если бы я стремился быть точнымъ и ничего не пропустить, но даже если бы я, опустивши многое, захотѣлъ сжато упомянуть только о немногомъ изъ самаго главнаго.

V. 48) Первоначальное мое воспитаніе отъ самаго рожденія проходило подъ наблюденіемъ родителей, а нравы въ отеческомъ домѣ уклонялись отъ пути истины. Что я освобожусь отъ нихъ, этого, я думаю, и никто другой не ожидалъ, и не было никакой надежды у меня самого, такъ какъ я былъ еще дитятей и неразумнымъ и находился подъ властью отца, преданнаго идолопоклонству. 49) Потомъ—потеря отца и сиротство, которое, можетъ быть, было для меня началомъ истиннаго познанія. 50) Ибо тогда въ первый разъ я обратился къ спасительному и истинному слову, не знаю какъ [это произошло], болѣе ли по принужденію или добровольно. Ибо какая способность сужденія могла быть у меня въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ? Между тѣмъ съ того времени это священное слово тотчасъ начало, такъ сказать, посѣщать меня, потому что въ немъ именно достигъ полнаго выраженія всеобщій разумъ человѣчества; однако, тогда оно посѣтило меня въ первый разъ. 51) Я считаю,—если и не издавна, то, по крайней мѣрѣ, когда размышляю объ этомъ теперь,—немаловажнымъ признакомъ священнаго и дивнаго промышленія обо мнѣ именно это стеченіе обстоятельствъ, которое можетъ быть такъ расчислено по годамъ, чтобы, съ одной стороны, все, что предшествовало этому возрасту, насколько оно состояло изъ дѣлъ заблужденія, могло быть отнесено на счетъ моей незрѣлости и неразумія, и чтобы священное слово напрасно не было ввѣрено душѣ, еще не владѣющей разумомъ, 53) но, съ другой стороны, чтобы, когда она сдѣлается уже способною къ разумной дѣятельности, она не была лишена, если даже и не божественнаго и чистаго разума, то, по крайней мѣрѣ, страха, сообразнаго съ этимъ разумомъ, и чтобы человѣческій и божественный разумъ одновременно достигли господства во мнѣ, одинъ—помогая мнѣ неизъяснимою

для меня, но ему свойственною силою, а другой—воспринимая эту помощь [1]). 54) Размышленіе объ этомъ исполняетъ меня одновременно и радостью и страхомъ, когда, съ одной стороны, это водительство возвеличиваетъ меня, но, съ другой стороны, я боюсь, что, даже удостоенный столь великаго, я тѣмъ не менѣе не достигну цѣли. 55) Однако, не знаю какимъ образомъ, моя рѣчь слишкомъ задержалась на этой части [моего повѣствованія]; съ одной стороны, я хотѣлъ бы подробно изложить дивное направленіе меня къ этому мужу, однако, съ другой стороны, съ самаго начала поспѣшаю и доселѣ говорю кратко, чтобы перейти къ слѣдующему по порядку, не потому, что будто я воздалъ должную хвалу или благодареніе и почтеніе тому, кто такъ управилъ меня,—да не буду высокомѣрнымъ, употребляя такія выраженія и въ то же время не говоря ничего достойнаго,—но потому, что я просто предлагаю повѣствованіе или открытое исповѣданіе или какъ иначе приличнымъ образомъ можно назвать это.

56) Моей матери, которая одна изъ родителей осталась, чтобы заботиться обо мнѣ, угодно было, воспитывая меня во всемъ прочемъ, какъ мальчиковъ не неблагороднаго, разумѣется, происхожденія и воспитанія, послать меня въ школу къ ритору, такъ какъ я долженъ былъ сдѣлаться риторомъ. И дѣйствительно, я посѣщалъ эту школу, и тогдашніе свѣдущіе люди увѣряли, что въ непродолжительномъ времени я буду риторомъ; съ своей стороны я и не могъ и не хотѣлъ бы утверждать этого. 57) Не было даже никакого основанія для этого, но не было также еще и никакихъ предположеній для причинъ, которыя могли привести меня на настоящій путь. Но вѣдь у меня былъ неусыпный божественный воспитатель и истинный попечитель: онъ, когда ни домашніе не помышляли, ни самъ я не обнаруживалъ желанія, 58) внушилъ мысль одному изъ моихъ учителей, которому поручено было только наставить меня въ латинскомъ языкѣ,—не для того, чтобы я достигъ въ немъ совершенства, а чтобы я и въ этомъ языкѣ не былъ совершенно несвѣдущимъ; но случайно онъ имѣлъ нѣкоторыя познанія и въ законахъ. 59) Внушивши ему эту

[1]) Въ основѣ этихъ разсужденій св. Григорія (§§ 50—53), очевидно, лежитъ ученіе стоической школы, что развитіе въ человѣкѣ λόγος или ἡγεμονικόν заканчивается въ 14 лѣтъ; этотъ взглядъ нашелъ широкое распространеніе и внѣ школы и послужилъ мотивомъ для предписанія начинать обученіе философіи съ 14-лѣтняго возраста.

мысль, онъ чрезъ него склонилъ меня изучать римскіе законы. И мужъ тотъ дѣлалъ это съ большою настойчивостью. Я позволилъ убѣдить себя, но больше изъ желанія доставить удовольствіе мужу, чѣмъ изъ любви къ тому знанію. 60) Онъ, взявши меня въ качествѣ ученика, началъ учить съ большимъ усердіемъ. При этомъ онъ высказалъ нѣчто, что сбылось на мнѣ самымъ истиннымъ образомъ, именно, что изученіе законовъ будетъ для меня самымъ важнымъ запасомъ на [жизненный] путь,—ибо этимъ именемъ [ἐφόδιον] онъ назвалъ это,—захочу ли я быть риторомъ изъ тѣхъ, которые выступаютъ въ судахъ, или какимъ либо инымъ. 61) Онъ выразился такъ, имѣя въ виду въ своей рѣчи человѣческія отношенія; а мнѣ прямо кажется, что онъ предсказывалъ истину, объятый нѣкоторымъ вдохновеніемъ; которое было скорѣе божественнымъ, чѣмъ проистекало изъ его собственныхъ мыслей. 62) Ибо когда я волей-неволей началъ изучать названные законы, то на меня уже нѣкоторымъ образомъ наложены были оковы, и городъ Беритъ долженъ былъ послужить и причиною и поводомъ моего пути сюда. Этотъ городъ находился недалеко отъ тогдашняго моего мѣстопребыванія, имѣлъ, такъ сказать, болѣе римскій отпечатокъ и считался разсадникомъ названнаго законовѣдѣнія. 63) А этого священнаго мужа другія дѣла какъ бы навстрѣчу мнѣ влекли и привели въ эту страну изъ Египта, изъ города Александріи, гдѣ онъ жилъ прежде. Я, конечно, и не умѣю опредѣлить побудительныхъ причинъ къ этому [съ его стороны], и охотно пройду мимо нихъ. 64) А между тѣмъ для того, чтобы я прибылъ сюда и вошелъ въ общеніе съ этимъ мужемъ, не было никакой необходимости, насколько это зависѣло отъ изученія мною законовъ, такъ какъ возможно было переселиться и въ городъ Римлянъ. 65) Какъ же и это осуществилось? Тогдашній правитель Палестины неожиданно взялъ къ себѣ моего зятя, мужа моей сестры, и противъ его желанія одного только, разлучивши съ супругою, перемѣстилъ его сюда, чтобы онъ помогалъ ему и раздѣлялъ съ нимъ труды по управленію народомъ,—ибо онъ былъ нѣсколько свѣдущъ въ законахъ и, безъ сомнѣнія, еще и теперь. 66) Зять, отправившись вмѣстѣ съ нимъ, намѣренъ былъ въ непродолжительномъ времени послать за женою и взять ее къ себѣ, такъ какъ разлука съ нею была для него тягостна и непріятна; но вмѣстѣ съ нею онъ хотѣлъ увлечь и меня. 67) Такимъ образомъ, когда я замышлялъ отправиться въ путешествіе, не

знаю куда, но во всякомъ случаѣ скорѣе въ другое какое либо мѣсто, чѣмъ сюда, неожиданно явился предо мною воинъ, которому поручено было сопровождать и охранять мою сестру, направляющуюся къ мужу, а вмѣстѣ съ нею, въ качествѣ спутника, привести и меня. 68) Этимъ я долженъ былъ доставить удовольствіе и зятю, и въ особенности сестрѣ, чтобы она не натолкнулась на что-либо не благопристойное, или чтобы не боялась путешествія, точно также и самимъ домашнимъ и родственникамъ, которые высоко цѣнили меня, и кромѣ того могли и въ чемъ нибудь иномъ оказать мнѣ не малую пользу, если бы я отправился въ Беритъ, усердно занявшись тамъ изученіемъ законовъ. 69) Итакъ, все побуждало меня [къ этому путешествію]—убѣдительныя основанія, которыя приводили мнѣ по отношенію къ сестрѣ, моя собственная наука, къ тому же еще и воинъ,—ибо и о немъ должно упомянуть,—который принесъ съ собою разрѣшеніе на большее количество, чѣмъ нужно было, государственныхъ колесницъ и подорожныя въ большемъ числѣ, именно скорѣе для меня, чѣмъ для одной только сестры. 70) Такова была видимая сторона дѣла; но были причины, которыя хотя и не были явны, тѣмъ не менѣе были самыми истинными: общеніе съ этимъ мужемъ, истинное ученіе чрезъ него о Словѣ, польза, которую я долженъ былъ получить отъ этого для спасенія моей души,—[все это] вело меня сюда,—хотя я былъ слѣпъ и не сознавалъ этого, но это служило къ моему спасенію. 71) Итакъ, не воинъ, но нѣкій божественный спутникъ и добрый провожатый и стражъ, сохраняющій меня на протяженіи всей этой жизни какъ бы на далекомъ пути, миновавши другія мѣста и самый Беритъ, ради котораго больше всего я думалъ устремиться сюда, привелъ меня въ это мѣсто и здѣсь остановилъ; онъ все дѣлалъ и приводилъ въ движеніе, пока со всѣмъ искусствомъ не связалъ меня съ этимъ виновникомъ для меня многихъ благъ. 72) И божественный ангелъ, послѣ того какъ прошелъ со мною такъ далеко и передалъ руководство мною этому мужу, здѣсь, вѣроятно, успокоился, не отъ усталости или изнуренія,—ибо родъ божественныхъ слугъ не знаетъ усталости,—но потому что онъ передалъ меня мужу, который долженъ исполнить все, насколько возможно, промышленіе и попеченіе обо мнѣ.

VI. 73) Онъ же, принявши меня къ себѣ, съ перваго дня, который былъ для меня поистинѣ первымъ, если можно сказать, драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ дней, когда для меня впер-

вые начало восходить истинное солнце, прежде всего приложилъ всякое стараніе къ тому, чтобы привязать меня къ себѣ, въ то время какъ я, подобно звѣрямъ, рыбамъ или птицамъ, попавшимъ въ силки или въ сѣти, но старающимся ускользнуть и убѣжать, хотѣлъ удалиться отъ него въ Беритъ или въ отечество. 74) Онъ употреблялъ всевозможные доводы, трогалъ, какъ говоритъ пословица, за всякую веревку, прилагалъ всѣ свои силы. 75) Онъ восхвалялъ философію и любителей философіи обширными, многочисленными и приличествующими похвалами, говоря, что они одни живутъ жизнью, поистинѣ приличною разумнымъ существамъ, такъ какъ они стремятся жить правильно и [прежде всего] достигаютъ знанія о самихъ себѣ, каковы они, а затѣмъ объ истинно благомъ, къ чему человѣкъ долженъ стремиться, и объ истинно зломъ, чего должно избѣгать. 76) Съ другой стороны, онъ порицалъ невѣжество и всѣхъ невѣжественныхъ; а такихъ много, которые, наподобіе скота, слѣпотствуютъ умомъ, не знаютъ даже того, что они, блуждаютъ, какъ будто не имѣютъ разума, и вообще не знаютъ и не хотятъ узнавать, въ чемъ дѣйствительная сущность добра и зла, какъ на благо устремляются и жаждутъ денегъ и славы и почета со стороны толпы и благосостоянія тѣла, 77) цѣнятъ это выше многаго и даже всего, изъ искусствъ тѣ, которыя могутъ доставить эти блага, а изъ родовъ жизни тѣ, которые подаютъ надежду на нихъ—военную службу, судебную и изученіе законовъ. Это,—такъ говорилъ онъ съ особенною настойчивостью и большимъ искусствомъ,—то, что возбуждаетъ насъ, если мы оставляемъ въ пренебреженіи нашъ разумъ, который однако, какъ онъ говоритъ, больше всего въ насъ приваданъ къ господству. 78) Я теперь не могу сказать, сколько такого рода изреченій онъ произнесъ, убѣждая меня къ изученію философіи, не одинъ только день, но и много дней въ началѣ, когда я приходилъ къ нему. Я пораженъ былъ его рѣчью, какъ стрѣлою, и именно съ перваго дня,—ибо рѣчь его представляла въ нѣкоторомъ родѣ смѣшеніе пріятной привлекательности, убѣдительности и какой-то принудительной силы,—но я все еще колебался и обдумывалъ, и я рѣшился заняться философіей, еще не будучи совершенно убѣжденъ, но, съ другой стороны, я не могъ, не знаю почему, и удалиться отъ него, а все болѣе и болѣе привлекался къ нему его рѣчами, какъ бы силою какого то высшаго принужденія. 79) Онъ

утверждалъ именно, что совершенно невозможно даже почитать Владыку всего, — это преимущество, обладать которымъ между всѣми живыми существами на землѣ почтенъ и удостоенъ одинъ только человѣкъ, и имъ естественно владѣетъ всякій, кто бы онъ ни былъ, мудрый или невѣжественный, лишь бы только онъ совершенно не потерялъ, вслѣдствіе какого-либо умопомѣшательства, способности мышленія,—такимъ образомъ, даже богопочтеніе онъ, говоря правильно, объявлялъ совершенно невозможнымъ для того, кто не занимается философіей. 80) Онъ внушалъ мнѣ множество такого рода основаній одни за другими до тѣхъ поръ, пока, какъ бы зачарованнаго его искусствомъ, не привелъ къ цѣли, безъ малѣйшаго движенія [противодѣйствія съ моей стороны] и не знаю, какимъ образомъ, своими рѣчами, какъ бы съ помощью нѣкоторой божественной силы, прочно посадилъ меня подлѣ себя.

81) Ибо онъ поразилъ меня и жаломъ дружбы, съ которымъ не легко бороться, острымъ и сильно дѣйствующимъ, жаломъ умѣлаго обращенія и добраго расположенія, которое, какъ благожелательное ко мнѣ, обнаруживалось въ самомъ тонѣ его голоса, когда онъ обращался ко мнѣ и бесѣдовалъ со мною. Онъ стремился не просто одолѣть меня своими доводами, но благопріятнымъ, человѣколюбивымъ и благороднымъ расположеніемъ спасти и сдѣлать причастникомъ какъ тѣхъ благъ, которыя проистекаютъ изъ философіи, 82) такъ и другихъ, особенно тѣхъ, которыя Божество даровало ему одному превыше многихъ, или, можетъ быть, превыше и всѣхъ нынѣшнихъ людей,—[я разумѣю] учителя благочестія, спасительное Слово, которое ко многимъ приходитъ и всѣхъ, съ кѣмъ только встрѣчается, покоряетъ,—ибо нѣтъ ничего, что могло бы противостоять Ему, такъ какъ Оно есть и будетъ царемъ всего,—но Оно сокровенно и многими не только съ легкостью, но и съ трудомъ не познается въ такой степени, чтобы, если ихъ спросятъ о Немъ, могли дать ясный отвѣтъ. 83) Подобно искрѣ, попавшей въ самую душу мою, возгорѣлась и воспламенилась моя любовь какъ къ священному, достойнѣйшему любви самому Слову, Которое, въ силу своей неизреченной красоты, привлекательнѣе всего, такъ и къ сему мужу, Его другу, и глашатаю. 84) Въ высшей степени пораженный ею, я былъ убѣжденъ пренебречь всѣми дѣлами или науками, которыя, какъ казалось, были приличны мнѣ, какъ другими, такъ даже самыми моими прекрасными законами, [далѣе] моимъ

отечествомъ и моими родственниками какъ тѣми, которые были здѣсь, такъ и тою [т. е. матерью], отъ которой я уѣхалъ: одно было для меня дорого и любезно—философія и руководитель въ ней, этотъ божественный человѣкъ. 85) И соединилась душа Іонаѳана съ Давидомъ [1]). Это позднѣе прочиталъ я въ Священномъ Писаніи, но и прежде я чувствовалъ это не менѣе ясно, чѣмъ сказано [въ этомъ изреченіи], однако [здѣсь] это предсказано очень ясно. 86) Ибо не просто соединенъ былъ Іонаѳанъ съ Давидомъ, но именно самое главное, душа, т. е. то, что̀ никакими средствами не можетъ быть принуждено отдѣлиться даже тогда, когда раздѣляется явное и видимое въ человѣкѣ, по крайней мѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ безъ его согласія. 87) Ибо душа нѣчто свободное и никакимъ образомъ не можетъ быть заключена,—даже заперши въ клѣткѣ, ты не можешь удержать ея. Ибо ей отъ природы свойственно прежде всего быть тамъ, гдѣ находится умъ. Но если даже и кажется тебѣ, что она въ клѣткѣ, то она только потомъ помѣщается туда твоимъ воображеніемъ; поэтому никакимъ образомъ нельзя воспрепятствовать ей быть тамъ, гдѣ бы она ни пожелала быть, тѣмъ болѣе она совершенно и во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть только тамъ и естественно должна считаться пребывающею тамъ, гдѣ находится мѣсто и цѣль ей одной свойственной и съ нею сообразной дѣятельности. 88) Такимъ образомъ, развѣ [священный писатель] не показалъ совершенно ясно того, что̀ я испыталъ, самымъ краткимъ изреченіемъ, что душа Іонаѳана была соединена съ душою Давида? Это такая связь, которой противъ воли никакимъ образомъ, какъ я сказалъ, не удастся разорвать, а добровольно не легко явится желаніе. 89) Ибо возможность разрѣшить эти священныя и любезнѣйшія узы, какъ я думаю, зависитъ не отъ низшей части, многообразной и очень склонной перемѣнять свои рѣшенія, такъ какъ не отъ нея одной зависѣло и въ началѣ установить этотъ союзъ, но отъ лучшей, твердой и неудобопреклонной, отъ которой болѣе зависѣло и установить эти узы и эту священную связь. И по божественному слову не душа Давида была соединена съ душою Іонаѳана, 90) а наоборотъ, душа болѣе слабаго, испытавшая это, называется связанною съ душою Давида. Ибо не болѣе сильное, само въ себѣ имѣющее достаточно силъ, по собствен-

[1]) 1 Цар. XVIII, 1.

ному побужденію хотѣло бы быть связаннымъ съ слабѣйшимъ, но слабѣйшее, нуждающееся въ поддержкѣ сильнѣйшаго, должно быть соединено съ сильнѣйшимъ и быть въ зависимости отъ него, чтобы одно, пребывая въ себѣ самомъ, не потерпѣло никакого вреда отъ своего общенія съ слабѣйшимъ, а [другое] неупорядоченное въ себѣ, будучи связано и соединено съ сильнѣйшимъ, не причиняя никакого вреда [первому], силою узъ было бы подчинено лучшему. 91) Поэтому установить узы было дѣломъ [духовно] превосходящаго, а не слабѣйшаго, а быть связаннымъ—дѣло худшаго, такъ что оно не имѣетъ возможности избавиться отъ узъ. 92) Таковыми узами, такъ сказать, крѣпко связавши, этотъ Давидъ держитъ меня не только теперь, но уже съ того времени, и если бы я даже захотѣлъ, то не могъ бы уже освободиться отъ его узъ. Если бы я даже и ушелъ отсюда, то и тогда онъ не освободитъ моей души, которую онъ, по божественному Писанію, держитъ столь крѣпко связанною.

VII. 93) Впрочемъ, послѣ того какъ онъ съ самаго начала такимъ образомъ захватилъ меня и всѣми возможными способами преодолѣлъ, и послѣ того, какъ имъ было достигнуто главное, и я рѣшилъ остаться, съ того времени онъ [началъ поступать со мною] подобно тому, какъ поступаетъ хорошій земледѣлецъ съ землей, которая невоздѣлана и дѣйствительно никакимъ образомъ не плодородна, но соленая и сожженная, каменистая и песчаная, или даже съ такою, которая и не совсѣмъ безплодна и по крайней мѣрѣ не лишена растительности, но [напротивъ] даже тучная, и однако не воздѣлана и оставлена въ пренебреженіи, поросла терніемъ и дикимъ кустарникомъ и съ трудомъ поддается обработкѣ; 94) или какъ садовникъ съ деревомъ, которое, правда, дико и не приноситъ благородныхъ плодовъ, однако не совсѣмъ негодно, если кто съ искусствомъ садовника возьметъ благородный ростокъ и привьетъ ему, [сначала] сдѣлавши расщелину посрединѣ, потомъ опять соединивши и связавши, пока оба не срастутся въ одно, какъ два слившіеся источника,—ибо можно видѣть въ нѣкоторомъ родѣ такъ смѣшанное дерево, правда, не настоящей породы, но изъ безплоднаго сдѣлавшееся плодовитымъ, на дикихъ корняхъ приносящее плоды прекрасной маслины; или съ деревомъ, которое хотя и дико, но не смотря на это не безполезно для искуснаго садовника, или и съ благороднымъ деревомъ, которое приноситъ добрые плоды, но

иначе, чѣмъ слѣдуетъ, или съ деревомъ, которое по недостатку искусства не обрѣзано, не полито и запущено и задушено многими лишними ростками, которые на немъ безцѣльно выростаютъ и взаимно мѣшаютъ достигать совершенства въ ростѣ и приносить плоды. 95) Такъ онъ овладѣлъ мною и со свойственнымъ ему искусствомъ какъ бы земледѣльца осмотрѣлъ и проникъ не только въ то, что видимо всѣмъ и усматривается на поверхности, но глубоко вскопалъ и изслѣдовалъ самыя внутреннія основанія, ставя вопросы, предлагая [на разрѣшеніе] и выслушивая мои отвѣты; когда онъ усматривалъ во мнѣ что либо не непригодное, не безполезное и не исключающее надежды на успѣхъ, 96) онъ начиналъ вскапывать, перепахивать, поливать, все приводилъ въ движеніе, прилагалъ все свое искусство и заботливость и тщательно воздѣлывалъ меня. Терніи и волчцы [1]) и всякій родъ дикихъ травъ и растеній, сколько ихъ въ своемъ изобиліи произрастила и произвела моя безпокойная душа, такъ какъ она была неупорядочена и неразсудительна,—все это онъ обрѣзывалъ и удалялъ своими изобличеніями и запрещеніями. 97) Онъ нападалъ на меня и, особенно своимъ сократическимъ способомъ доказательства, иногда повергалъ меня на землю, если видѣлъ, что я, какъ дикая лошадь, совершенно сбрасывалъ узду, выскакивалъ за дорогу и часто безцѣльно бѣгалъ кругомъ, пока убѣжденіемъ и какъ бы принудительною силою — доказательствомъ изъ моихъ собственныхъ устъ, какъ уздою снова дѣлалъ меня спокойнымъ. 98) Сначала мнѣ было тягостно и не безболѣзненно, когда онъ приводилъ свои доказательства, такъ какъ я не привыкъ еще къ этому и не упражнялся въ томъ, чтобы подчиняться доводамъ разума; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и очищалъ меня.

Но какъ только онъ сдѣлалъ меня способнымъ и хорошо приготовилъ къ припятію доказательствъ истины, 99) тогда то, какъ обработанную и мягкую землю, готовую возрастить брошенныя въ нее сѣмена. онъ обильно засѣялъ; благовременно онъ и посѣвъ произвелъ, благовременно и весь остальной уходъ совершалъ,—все надлежащимъ образомъ и соотвѣтственными средствами слова. 100) Все, что было въ моей душѣ притуплено и извращено, потому ли, что отъ природы она была такова, или потому, что вслѣдствіе чрезмѣрнаго питанія тѣла она огрубѣла, онъ возбуждалъ и ослаблялъ своими утонченными доводами и пріемами логическихъ построеній,

[1]) Ср. Быт. III, 18.

101) которыя, послѣдовательно развертываясь изъ самыхъ простѣйшихъ предположеній и разнообразно переплетаясь другъ съ другомъ, развиваются въ какую-то необыкновенную и трудно разрываемую ткань; они пробуждаютъ меня какъ бы отъ сна и научаютъ всегда держаться поставленной предъ собою цѣли, ни въ какомъ случаѣ не уклоняясь съ прямого пути ни вслѣдствіе отдаленности ея, ни вслѣдствіе ея утонченности. 102) А что было во мнѣ не взвѣшено и необдумано, потому ли, что я соглашался съ тѣмъ, что первое попадалось, каково бы оно ни было, даже если оно было ложнымъ, или потому, что я часто возражалъ, даже если бы высказано было что либо истинное, — и это онъ исправлялъ какъ прежде названными, такъ и другими разнообразными доводами. Ибо многообразна эта часть философіи [т. е. діалектика], пріучающая не безразсудно и не какъ случится то соглашаться на доказательства, то отклонять ихъ, но точно изслѣдовать не только то, что бросается въ глаза,— 103) ибо много замѣчательнаго самого по себѣ и блестящаго, подъ покровомъ благородныхъ рѣчей, проникло въ мои уши, какъ если бы оно было истиннымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно было внутри испорчено и лживо, но вырывало у меня и получало признаніе своей истинности, а спустя немного изобличалось какъ дурное и недостойное довѣрія, напрасно притворявшееся истиной,—и онъ легко показывалъ мнѣ, что я смѣшнымъ образомъ былъ обманутъ и необдуманно свидѣтельствовалъ о томъ, о чемъ менѣе всего должно было свидѣтельствовать. 104) Наоборотъ, опять другое превосходное, но не выступающее напыщенно или не облеченное въ вызывающія довѣріе выраженія, мнѣ казалось противнымъ здравому смыслу и въ высшей степени недостовѣрнымъ, и просто отвергалось, какъ ложное, и недостойнымъ образомъ подвергалось поруганію, но позднѣе, когда я основательно изслѣдовалъ и обдумывалъ, я узнавалъ, что то, что я дотолѣ считалъ заслуживающимъ быть отвергнутымъ и негоднымъ, въ высшей степени истинно и совершенно непреодолимо,—105) [такъ вотъ говорю], онъ училъ, что должно основательно изслѣдовать и испытывать не только внѣшнюю сторону и то, что замѣтно выдѣляется, — оно бываетъ иногда обманчиво и коварно разсчитано,—но внутреннюю сущность каждой отдѣльной вещи, не обнаружится ли гдѣ-либо фальшиваго звука, и прежде всего самому убѣдиться въ этомъ и только тогда соглашаться съ

внѣшнимъ впечатлѣніемъ и высказывать сужденіе относительно каждаго отдѣльнаго явленія. 106) Такъ развивалъ онъ по законамъ логики способность моей души критически судить относительно отдѣльныхъ выраженій и цѣлыхъ рѣчей, 107) а не такъ, какъ блестящіе риторы, которые судятъ по тому, есть ли въ выраженіи что-либо эллинское или варварское,—это знаніе имѣетъ мало значенія и не необходимо. 108) Но то знаніе въ высшей степени необходимо для эллиновъ и для варваровъ, для мудрыхъ и невѣжественныхъ и вообще,—чтобы рѣчь моя не была длинною отъ подробнаго перечисленія всѣхъ въ частности наукъ и занятій,—для всѣхъ людей, какой бы родъ жизни они ни избрали, поскольку по крайней мѣрѣ у всѣхъ, кто ведетъ съ другими рѣчь о какомъ бы то ни было предметѣ, есть забота и стараніе не быть обманутыми.

VIII. 109) Но онъ стремился возбудить и развить не только эту сторону моей души, правильная постановка которой принадлежитъ одной только діалектикѣ, но также и низшую часть моей души: я былъ изумленъ величіемъ и чудесами, а также разнообразнымъ и премудрымъ устройствомъ міра, и я дивился, хотя и безъ разумѣнія, и совершенно пораженъ былъ глубокимъ благоговѣніемъ, но подобно неразумнымъ животнымъ, не умѣлъ ничего объяснить, — 110) [такъ онъ возбуждалъ и развивалъ во мнѣ и эту способность] другими отраслями знаній, именно посредствомъ естественныхъ наукъ онъ объяснялъ и изслѣдовалъ каждый предметъ въ отдѣльности и притомъ весьма точно до самыхъ первоначальныхъ элементовъ, потомъ связывалъ это своею мыслью и проникалъ въ природу какъ всего въ совокупности, такъ и каждаго предмета въ отдѣльности, и слѣдилъ за многообразнымъ измѣненіемъ и превращеніемъ [всего] сущаго въ мірѣ, 111) до тѣхъ поръ, пока своимъ яснымъ наученіемъ и доводами, которые онъ частію усвоилъ отъ другихъ, частію самъ придумалъ, не принесъ и не вложилъ въ мою душу, вмѣсто неразумнаго, разумнаго удивленія относительно священнаго управленія вселенной и совершеннѣйшимъ образомъ устроенной природы. 112) Этому возвышенному и божественному знанію научаетъ для всѣхъ возлюбленнѣйшая физіологія. 113) Что же я долженъ сказать о священныхъ наукахъ — всѣмъ любезной и безспорной геометріи и царящей въ высотахъ астрономіи? И все это онъ напечатлѣвалъ въ моей душѣ, научая или вызывая въ памяти, или не знаю, какъ нужно сказать. 114) Первую, именно гео-

метрію, такъ какъ она непоколебима, онъ просто дѣлалъ какъ бы опорой всего и, такъ сказать, крѣпкимъ основаніемъ; а возводя до высочайшихъ областей посредствомъ астрономіи, онъ чрезъ обѣ названныя науки, какъ бы посредствомъ лѣстницы, возвышающейся до небесъ, дѣлалъ для меня доступнымъ небо.

IX. 115). Но, что важнѣе всего и ради чего больше всего трудятся всѣ философы, собирая какъ бы изъ разнороднаго насажденія всѣхъ прочихъ наукъ и продолжительнаго занятія философіей добрые плоды, именно божественныя добродѣтели нравственнаго характера, посредствомъ которыхъ душевныя силы достигаютъ невозмутимаго и уравновѣшеннаго состоянія,—146) [къ этому стремился] и онъ [когда] намѣревался сдѣлать меня невоспріимчивымъ къ скорбямъ и нечувствительнымъ ко всякаго рода бѣдствіямъ, напротивъ, внутренно упорядоченнымъ, уравновѣшеннымъ и поистинѣ богоподобнымъ и блаженнымъ. 117) И этого онъ старался достигнуть свойственными ему мягкими и мудрыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ и особенно настойчивыми рѣчами относительно моего характера и образа жизни. 118) И онъ управлялъ моими внутренними движеніями не только своими рѣчами, но въ извѣстномъ смыслѣ также и своими дѣлами, именно посредствомъ изслѣдованія и наблюденія душевныхъ движеній и чувствъ,—такъ какъ наша душа обыкновенно скорѣе всего тогда и приводится въ порядокъ изъ разстройства, когда послѣднее познается, и изъ состоянія смятенія она переходитъ въ опредѣленное и хорошо упорядоченное,—119) чтобы она какъ въ зеркалѣ созерцала самое себя, именно самыя начала и корни зла, всю свою неразумную сущность, изъ которой проистекаютъ наши непристойныя страсти, а съ другой стороны все, что составляетъ наилучшую часть ея—разумъ, подъ господствомъ котораго она пребываетъ сама по себѣ невредимою и безстрастною. 120) Потомъ, точно взвѣсивши это въ себѣ самой, она все то, что происходитъ изъ низшей природы, ослабляетъ насъ распущенностью или подавляетъ и угнетаетъ насъ унынiемъ, какъ, напримѣръ, чувственныя удовольствія и похоти или печаль и страхъ и весь рядъ бѣдствій, которыя слѣдуютъ за этого рода состояніями,—все это она должна вытѣснить и устранить, возставая противъ нихъ при самомъ возникновеніи и первомъ возрастаніи ихъ, и не допускать даже малѣйшаго увеличенія ихъ, но уничтожать и заставлять безслѣдно исче-

ать. 121) А что, напротивъ, проистекаетъ изъ лучшей части и благо для насъ, то она должна воспитывать и поддерживать, заботливо ухаживая за нимъ въ самомъ началѣ и охраняя, пока оно достигнетъ совершеннаго развитія. 122) Ибо такимъ способомъ [по его мнѣнію] душа могла бы со временемъ усвоить божественныя добродѣтели, именно благоразуміе, которое прежде всего въ состояніи опредѣлить эти самыя движенія души, такъ какъ на основѣ ихъ происходитъ познаніе и относительно того, что внѣ насъ, каково бы оно ни было, добраго и злого, и умѣренность, эту способность, которая въ самомъ началѣ можетъ сдѣлать въ этомъ правильный выборъ, и справедливость, которая каждому воздаетъ должное, и спасеніе всѣхъ этихъ [добродѣтелей]—мужество.

123) Впрочемъ, не рѣчами, которыя онъ произносилъ, онъ пріучалъ меня къ тому, что благоразуміе есть знаніе добраго и злого, или того, что должно дѣлать и чего не должно дѣлать,—это несомнѣнно было бы пустой и безполезной наукой, если бы слово было несогласно съ дѣлами, и благоразуміе не дѣлало того, что должно дѣлать, и не отвращалось отъ того, чего не должно дѣлать, и однако тѣмъ, которые обладаютъ имъ, доставляло относящееся къ этому знаніе, какъ мы видимъ на многихъ. 124) И опять относительно умѣренности онъ не словами только училъ], что она есть знаніе того, что должно избирать и чего не должно, тогда какъ другіе философы совершенно ничему не научаютъ о ней, въ особенности же новѣйшіе, сильные и храбрые на словахъ,—я часто удивлялся имъ, когда они доказывали, что одинаковая добродѣтель у Бога и у людей, и что мудрый человѣкъ на землѣ равенъ высочайшему Богу,—но они не въ состояніи такъ передать ученіе ни о благоразуміи, чтобы и дѣлали то, чего требуетъ благоразуміе, ни [объ умѣренности, чтобы и избирали то, чему научены. 125) Подобнымъ же образомъ и по отношенію къ справедливости и мужеству. 126) Не такъ онъ излагалъ мнѣ въ своихъ рѣчахъ ученіе о добродѣтели, но скорѣе призывалъ къ дѣламъ, и призывалъ именно больше своими дѣлами, чѣмъ тѣмъ, что говорилъ.

X. 127) Но я прошу философовъ нынѣшняго времени, всѣхъ, какихъ я самъ знаю, и тѣхъ о которыхъ слышалъ изъ разсказовъ другихъ, а также и прочихъ людей, безъ непріязни отнестись къ тому, что я теперь говорю. Пусть никто не подозрѣваетъ, что я говорю такъ или по дружбѣ къ этому

мужу, или даже еще по чувству ненависти къ остальнымъ философамъ,—128) я и самъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, хочу быть почитателемъ ихъ ради ихъ рѣчей, и я желаю какъ самъ воздавать хвалу имъ, такъ и слушать, когда другіе говорятъ о нихъ самое прекрасное; но вѣдь положеніе дѣла таково, что почти всѣми даже имя философіи до крайности поносится, и я не далекъ отъ того, чтобы предпочесть пребывать въ совершенномъ невѣжествѣ, чѣмъ научиться чему-нибудь изъ того, что они преподаютъ; къ нимъ въ теченіе всей остальной жизни я не считалъ бы приличнымъ, можетъ быть не право разсуждая, даже приблизиться. 129) Однако пусть [какъ сказалъ я] никто не подозрѣваетъ, что я говорю это или по какому либо честолюбивому стремленію восхвалить этого мужа или по иному честолюбивому побужденію этого рода по отношенію къ внѣшнимъ философамъ; напротивъ, пусть вѣрятъ мнѣ, что я говорю даже меньше, чѣмъ сколько нужно въ соотвѣтствіе съ его дѣлами, чтобы не показалось, что я льщу, — 130) [пусть повѣрятъ мнѣ] такъ какъ я не изобрѣтаю себѣ изреченій и словъ и художественныхъ оборотовъ для похвалъ. Даже когда, будучи мальчикомъ, я учился у ритора искусству произнесенія публичныхъ рѣчей, я добровольно не позволялъ себѣ прославлять кого-либо и произносить о комъ-либо похвальныя рѣчи, если это въ чемъ-либо не было согласно съ истиной. 131) Поэтому даже и теперь, когда я предположилъ [произнести] похвальную рѣчь, я не думаю, что слѣдуетъ возвышать его просто порицаніемъ другихъ. Въ противномъ случаѣ я поносилъ бы этого мужа, [именно] если бы я противопоставлялъ его блаженную жизнь недостаткамъ другихъ, чтобы имѣть возможность сказать о немъ что-либо болѣе значительное. Я не такъ безуменъ. 132) Нѣтъ, я хочу открыто высказать только то, что я испыталъ на самомъ себѣ, безъ какого-либо противопоставленія и безъ какихъ-либо искусственныхъ пріемовъ въ рѣчи.

XI. 133) Этотъ мужъ былъ первый и единственный, который склонилъ меня заняться также изученіемъ эллинской философіи, убѣдивши меня своимъ собственнымъ образомъ жизни, и выслушать его рѣчь о правилахъ жизни и внимательно слѣдовать ей, 134) тогда какъ, насколько это зависѣло бы отъ другихъ философовъ,—снова признаюсь въ этомъ,—я не былъ бы убѣжденъ; конечно, съ одной стороны, я былъ бы неправъ, но съ другой, это должно было бы явиться для меня почти

несчастьемъ. Правда, въ началѣ я входилъ въ соприкосновеніе не съ очень многими, а только съ нѣкоторыми, которые объявляли себя учителями въ ней, однако всѣ въ своей философіи не поднимались выше простыхъ рѣчей. 135) А онъ былъ первый, который и словами побуждалъ меня къ занятію философіей, упреждая дѣлами побужденіе посредствомъ словъ; онъ не сообщалъ только заученныхъ изреченій, но не считалъ достойнымъ даже и говорить, если бы не дѣлалъ этого съ чистымъ намѣреніемъ и стремленіемъ осуществить сказанное; и скорѣе онъ старался показать себя такимъ, какимъ въ своихъ рѣчахъ изображалъ того. кто намѣренъ жить надлежащимъ образомъ, и предлагалъ,—я охотно сказалъ бы,—образецъ мудраго. 136) Но такъ какъ моя рѣчь въ началѣ обѣщала истину, а не прикрасы, то я еще не называю его образцомъ мудреца; хотя, если бы я захотѣлъ сказать, что онъ мудрецъ, то это было бы истиннымъ, но теперь я оставляю это. Такимъ образомъ, [я хочу назвать его] не образцомъ въ точномъ смыслѣ слова, но мужемъ, который въ высшей степени желаетъ сдѣлаться совершенно подобнымъ ему и стремится къ этому со всѣмъ усердіемъ и готовностью и, если можно сказать, выше силъ человѣческихъ. 137) Кромѣ того, онъ стремился и меня преобразовать въ этомъ родѣ, чтобы я овладѣлъ и понималъ не только рѣчи о душевныхъ движеніяхъ, но и самыя эти движенія. Онъ особенно налегалъ на дѣла и слова [вмѣстѣ] и при самомъ теоретическомъ наученіи представлялъ мнѣ не малую часть каждой отдѣльной добродѣтели,—можетъ быть, онъ привелъ бы и всю, если бы я могъ вмѣстить. 138) Онъ принуждалъ меня, если такъ можно сказать, поступать справедливо посредствомъ дѣятельности своей собственной души, присоединиться къ которой онъ убѣдительно побуждалъ меня, отклоняя меня отъ многопопечительности, какой требуетъ повседневная жизнь, и безпокойствъ общественнаго служенія, напротивъ, побуждая тщательно изслѣдовать самого себя и дѣлать то, что является поистинѣ собственнымъ дѣломъ. 139) Что это именно значитъ поступать справедливо и что это есть истинная справедливость, это утверждали и нѣкоторые изъ древнихъ философовъ, которые, какъ мнѣ кажется, говорили объ исполненіи своихъ собственныхъ дѣлъ и [въ этомъ видѣли] дѣйствительное средство къ достиженію блаженства какъ для самихъ себя, такъ и для близкихъ имъ, по крайней мѣрѣ, если только этой добродѣтели свойственно воздавать по достоин-

ству и именно каждому то, что ему принадлежитъ. 140) Ибо что̀ иное было бы [въ большей степени] собственнымъ для души, что̀ было бы такъ достойно ея, какъ заботиться о самой себѣ, когда она не вовнѣ обращена и не чужими дѣлами занимается и, кратко сказать, не причиняетъ самой себѣ ни малѣйшей несправедливости, но обращена внутрь къ самой себѣ, возвращаетъ себя самой себѣ и [такимъ образомъ] поступаетъ справедливо. Такъ онъ воспитывалъ меня, принуждая, если такъ можно сказать, исполнять требованія справедливости. 141) Съ другой стороны, онъ не менѣе училъ быть благоразумнымъ, именно, чтобы душа моя была обращена къ самой себѣ и чтобы я желалъ и стремился познать самого себя. Это дѣйствительно—самая прекрасная задача философіи, которая именно приписана и преимущественнѣйшему изъ пророческихъ духовъ [1]), какъ мудрѣйшее повелѣніе: познай самого себя. 142) А что это дѣйствительно задача благоразумія и что это есть божественное благоразуміе, прекрасно сказано древними, такъ какъ въ дѣйствительности божественная и человѣческая добродѣтель одна и та же, поскольку душа упражняется въ томъ, чтобы видѣть себя самое какъ бы въ зеркалѣ, и отражаетъ въ себѣ божественный умъ, если оказывается достойною этого общенія, и [такимъ образомъ] отыскиваетъ нѣкоторый неизреченный путь къ этому обоженію. 143) Подобнымъ образомъ [онъ училъ] быть умѣренными и мужественными,—быть умѣренными, сохраняя благоразуміе и именно благоразуміе души, познающей себя, разъ ей удалось это, ибо сущность умѣренности состоитъ въ томъ, что она въ нѣкоторомъ смыслѣ есть сохранившееся невредимымъ благоразуміе [2]); 144) а быть мужественными, оставаясь твердыми во всѣхъ названныхъ навыкахъ и не отступая отъ нихъ ни добровольно, ни подъ давленіемъ какой либо необходимости, но соблюдая ихъ и удерживая названныя [пріобрѣтенія] въ своемъ обладаніи. Сущность этой добродѣтели состоитъ въ томъ, что она защищаетъ и сохраняетъ утвердившіяся воззрѣнія.

XII. 145) Безъ сомнѣнія, сдѣлать меня справедливымъ, благоразумнымъ и умѣреннымъ или мужественнымъ, вслѣдствіе моей неподвижности и лѣности, не смотря на то, что онъ очень старался, еще дѣло будущаго, такъ какъ я и не обладаю и

[1]) Именно Аполлону, храмъ котораго въ Дельфахъ имѣлъ надпись: γνῶθι σεαυτόν.

[2]) Φρόνησις и σωφροσύνη—одного корня.

не приблизился даже къ какой бы то ни было человѣческой или божественной добродѣтели,—по крайней мѣрѣ, много еще нужно для этого. 146) Ибо эти послѣднія чрезвычайно велики и возвышенны, и ни та, ни другая не можетъ быть усвоена, и никому нельзя достигнуть ихъ, если Богъ не вдохнетъ силы для этого. Я же и отъ природы не обладаю такими способностями, и, сознаюсь, еще не достоинъ получить ихъ, такъ какъ вслѣдствіе нерадѣнія и немощи я не сдѣлалъ всего, что должны дѣлать тѣ, которые стремятся къ наилучшему и домогаются совершеннаго. 147 Итакъ, быть справедливымъ или благоразумнымъ, или обладать какою либо изъ прочихъ добродѣтелей для меня еще дѣло будущаго. Но любителемъ [добродѣтелей], любящимъ самою пылкою любовью, какая только была, можетъ быть, у него одного, уже давно сдѣлалъ меня этотъ дивный мужъ, другъ и защитникъ добродѣтелей. 148) Своею собственною добродѣтелью онъ внушилъ мнѣ любовь и къ красотѣ справедливости, истинно золотое лицо которой онъ показалъ мнѣ, и любовь къ благоразумію, которое должно быть предметомъ стремленія для всѣхъ, и любовь къ истинной мудрости, въ высшей степени достойной любви, любовь къ богоподобной умѣренности, которая есть уравновѣшенность и миръ души для всѣхъ, стяжавшихъ ее, и любовь къ достойнѣйшему удивленія мужеству, 149) любовь къ нашему терпѣнію и прежде всего любовь къ благочестію [1]), которое справедливо называютъ матерью всѣхъ добродѣтелей, ибо оно—начало и конецъ всѣхъ добродѣтелей. Если бы отъ него начинали, то и всѣ остальныя добродѣтели въ высшей степени легко появились бы у насъ: если бы мы желали и стремились къ тому, къ чему долженъ стремиться каждый человѣкъ, если онъ только не безбожникъ и не преданъ чувственнымъ удовольствіямъ, именно къ тому, чтобы сдѣлаться другомъ и защитникомъ славы Божіей, мы заботились бы и о прочихъ добродѣтеляхъ, чтобы намъ приближаться къ Богу не въ состояніи недостоинства и нечистоты, но со всякою добродѣтелью и мудростью, какъ бы съ добрымъ провожатымъ и мудрѣйшимъ священникомъ. Цѣль же всего, я думаю, не иная, какъ та, чтобы, чистымъ умомъ уподобившись Богу, приблизиться къ Нему и пребывать въ Немъ.

---

[1]) Къ четыремъ перечисленнымъ обще-человѣческимъ добродѣтелямъ, о которыхъ учили и языческіе философы, св. Григорій присоединяетъ двѣ спеціально христіанскія добродѣтели.

XIII. 150) Какъ мнѣ, наряду со всякимъ прочимъ его стараніемъ и усердіемъ, исчерпывающе объяснить способъ преподаванія и внимательную заботливость его, съ какою онъ наставлялъ въ богословіи, проникнуть въ самый образъ мыслей мужа, съ какимъ настроеніемъ и съ какою подготовкою онъ стремился, чтобы я усваивалъ всѣ уроки его о божественномъ, остерегаясь, чтобы я не подвергся какой либо опасности относительно самаго необходимаго изъ всего—именно знанія причины всего! 151) Онъ требовалъ, чтобы я занимался философіей, собирая по мѣрѣ своихъ силъ всѣ, какія только есть, произведенія древнихъ и философовъ и поэтовъ, не исключая и не отвергая ничего,—ибо я еще не могъ имѣть своего сужденія объ этомъ,—152) кромѣ всѣхъ произведеній безбожниковъ, которые всѣ вмѣстѣ, вышедши даже за предѣлы доступнаго для человѣческаго мышленія, говорятъ, что нѣтъ Бога или промышленія,—такихъ произведеній непристойно и читать, чтобы случайно не осквернилась моя душа, которая, стремясь къ благочестію услышала бы рѣчи, противныя почитанію Бога, ибо даже тѣ, которые приближаются къ храмамъ мнимаго благочестія, не касаются чего-либо совершенно нечистаго,—итакъ, произведенія этихъ безбожниковъ справедливо не должны даже и числиться у мужей, избравшихъ для себя благочестіе. 153) Со всѣми же остальными произведеніями [я долженъ былъ] знакомиться и заниматься ими, не предпочитая и также не отвергая ни [цѣлаго] рода произведеній, ни одного изъ нихъ, ни философской рѣчи, какъ эллинской, такъ и варварской, но слушать всѣ. 154) Это [сдѣлано было] мудро и очень цѣлесообразно, чтобы какое-либо отдѣльное и само по себѣ взятое воззрѣніе того или иного автора, будучи услышано и оцѣниваемо одно только, даже если бы оно не было истиннымъ, не проникло въ мою душу, какъ единственно истинное, не обмануло бы меня и, расположивши сообразно съ собою, не сдѣлало бы меня своимъ сторонникомъ такъ, чтобы я уже не въ состояніи былъ удалиться отъ него, или очиститься, какъ шерсть, окрашенная въ какую-нибудь прочную краску. 155) Ибо слово человѣческое—опасная и очень гибкая вещь, многообразное въ своихъ софизмахъ и острое, проникаетъ въ уши, чтобы наложить свой отпечатокъ на умъ, и настраиваетъ его въ свою пользу и, кого разъ захватитъ, склоняетъ любить его, какъ истинное, и пребывать въ немъ, хотя бы оно было ложнымъ и обманчивымъ; оно—власт-

ное, какъ чародѣй, когда [имѣетъ защитника въ лицѣ самого обольщеннаго. 156) Съ другой стороны, и душа человѣческая легко поддается обману посредствомъ слова и легко склоняется къ согласію и готова, прежде чѣмъ всесторонне обсудитъ и изслѣдуетъ, вслѣдствіе собственной тупости и слабости, или вслѣдствіе утонченности рѣчи, отказаться отъ труда точнаго изслѣдованія и совершенно легко отдается часто ложнымъ рѣчамъ и ученіямъ, которыя и сами уклонились съ праваго пути, и вводятъ въ заблужденіе и тѣхъ, которые держатся ихъ. 157) И не это только,—но если бы даже иное слово пожелало исправить [заблужденіе], то душа уже не допускаетъ къ себѣ и не позволяетъ переубѣдить себя, но крѣпко держится того, что овладѣло ею, какъ будто захватилъ ее въ свою власть какой-то неумолимый тиранъ.

XIV. 158) Не вводилъ ли онъ меня въ эту борьбу ученій и противорѣчія философовъ другъ другу и ихъ раздѣленія, изъ которыхъ одни противостоятъ ученіямъ другихъ, одни держатся одного, другіе—другого, одни соглашаются на одно, другіе—на другое; и всѣ имѣютъ желаніе заниматься философіей и объявляютъ объ этомъ съ того времени, какъ только впервые обратились къ ней, и утверждаютъ, что имѣютъ склонность къ ней не меньшую теперь, когда занялись своими философскими лекціями, чѣмъ когда начинали философствовать, даже болѣе, что теперь они имѣютъ даже большую любовь къ философіи, когда для нихъ сдѣлалось возможнымъ, какъ говорятъ, и ощутить вкусъ ея и постоянно заниматься этими рѣчами, чѣмъ тогда, когда они впервые, еще будучи неопытными, побуждались къ занятію философіей только какимъ-то влеченіемъ; и когда они говорятъ это, то уже не слушаютъ никакихъ рѣчей иначе мыслящихъ? 160) Поэтому ни одинъ изъ древнихъ не склонилъ кого-либо изъ новѣйшихъ или изъ перипатетиковъ примкнуть къ нему и философствовать его философіей, ни наоборотъ, и вообще никто никого. 161) Ибо не легко убѣдить кого-либо измѣнить собственные взгляды и согласиться съ иными; и однако, можетъ быть, съ этими другими взглядами онъ могъ бы согласиться и полюбить ихъ, въ случаѣ, если бы онъ убѣжденъ былъ обратиться къ нимъ прежде, чѣмъ началъ философствовать; [онъ легко былъ бы убѣжденъ] потому что, если бы душа еще напередъ ничѣмъ не была занята, она не внимала бы тѣмъ рѣчамъ и не любила бы ихъ и подобнымъ же образомъ [какъ теперь борется] изъ-за нихъ боролась бы съ тѣми, которыми теперь обладаетъ.

162) Въ такомъ родѣ занимались философіей наши пре-восходные, ученѣйшіе и искуснѣйшіе въ изслѣдованіи эллины, когда каждый утверждалъ о томъ, съ чѣмъ сначала встрѣтился, побуждаемый нѣкоторою силою, что оно одно истинно, и что, напротивъ, все прочее у другихъ философовъ—обманъ и пустословіе. Самъ не будучи въ состояніи ни въ чемъ обосновать свою точку зрѣнія лучше, чѣмъ это сдѣлано другими, каждый борется за свои собственные взгляды, чтобы вслѣдствіе принужденія или убѣжденія не оказаться въ необходимости перейти къ другой школѣ и измѣнить свои взгляды. 163) При этомъ онъ не имѣетъ, — если сказать правду, — никакого другого основанія, кромѣ безотчетнаго влеченія къ названнымъ философскимъ ученіямъ, и не имѣетъ другого основанія для оцѣнки того, что считаетъ истиннымъ, — да не покажутся мои слова странными, — кромѣ безотчетнаго случая. Каждый любитъ то, съ чѣмъ онъ случайно встрѣтился въ началѣ, и, какъ бы связанный имъ, уже не въ состояніи внимать чему либо иному. 164) Если бы онъ по крайней мѣрѣ могъ доказать истинность собственныхъ взглядовъ во всѣхъ отношеніяхъ и ложность взглядовъ противниковъ и имѣлъ помощь со стороны разума, послѣ того, какъ безъ его помощи пожертвовалъ собою и отдался безъ разсужденія, какъ какая нибудь вещь, тѣмъ рѣчамъ, которыя раньше овладѣли имъ. 165) Но эти рѣчи вводятъ въ заблужденіе своихъ приверженцевъ какъ въ другихъ вещахъ, такъ особенно въ самомъ важнѣйшемъ и самомъ необходимомъ изъ всего— въ богопознаніи и въ благочестіи. 166) И тѣмъ не менѣе [такіе люди] остаются въ нихъ нѣкоторымъ образомъ связанные, и никто уже не можетъ легко освободить ихъ, какъ изъ болота на обширнѣйшей и трудно проходимой равнинѣ, которое тѣмъ, кто однажды попалъ въ него, уже не даетъ возможности спастись ни возвращеніемъ назадъ, ни переправой на другую сторону, но удерживаетъ ихъ въ себѣ до смерти. 167) Или [какъ невозможно спасеніе] изъ обширнаго, густого и высокаго лѣса, въ который вошелъ путникъ, конечно, имѣющій намѣреніе выйти изъ него и снова оказаться въ чистомъ полѣ; но онъ не въ состояніи [достигнуть этого] вслѣдствіе обширности и густоты лѣса; онъ бросается въ немъ во всѣ стороны, находитъ внутри какіе-то непрерывные пути и ходитъ въ разныхъ направленіяхъ, не найдетъ ли случайно выхода по какому нибудь изъ нихъ; но они ведутъ только внутрь и никакъ не

наружу, потому что это пути, предназначенные исключительно для лѣса; наконецъ, путникъ, уставши и выбившись изъ силъ, когда все какъ будто дѣйствительно обратилось въ лѣсъ, и уже на землѣ нѣтъ никакого жилища, рѣшаетъ остаться тамъ, поставивши себѣ хижину, и подыскать для себя, насколько возможно, открытое мѣсто. 168) И какъ [мало возможно спасеніе] изъ какого нибудь лабиринта, въ который виденъ только одинъ входъ. Такъ какъ по наружному виду нельзя предполагать ничего коварнаго, то кто нибудь входитъ чрезъ одну видимую дверь; потомъ идетъ впередъ до самой внутренней части, разсматриваетъ заслуживающіе вниманія разнообразные предметы и очень мудрое и имѣющее много ходовъ сооруженіе съ его хитро переплетающимися входами и выходами; но когда онъ хочетъ дѣйствительно выйти, то уже болѣе не въ состояніи сдѣлать этого, потому что онъ захваченъ внутри зданія, которое казалось ему мудро сооруженнымъ. 169) Но ни одинъ лабиринтъ не можетъ быть признанъ съ такимъ трудомъ распутываемымъ и такъ разнообразнымъ, никакой лѣсъ не можетъ быть такъ густъ и разнообразенъ, ни одно поле или болото неспособно такъ овладѣть тѣми, которые приблизились къ нимъ, какъ рѣчь кого-либо изъ извѣстныхъ философовъ, если кто-нибудь окажется въ ихъ власти. 170) Итакъ, чтобы и мнѣ не потерпѣть того же, что случилось со многими, онъ не вводилъ меня въ какое либо одно изъ философскихъ ученій и не внушалъ примыкать къ нимъ, но приводилъ меня ко всѣмъ, не желая, чтобы я былъ несвѣдущъ въ какомъ нибудь эллинскомъ ученіи. 171) Но онъ и самъ шелъ вмѣстѣ со мною впереди меня и велъ меня за руку. какъ бы во время путешествія, на тотъ случай, если встрѣтится на пути что либо неровное, потайное или коварное. Подобно тому, какъ свѣдущій человѣкъ, для котораго вслѣдствіе продолжительнаго обращенія съ рѣчами, нѣтъ ничего, въ чемъ бы онъ не имѣлъ навыка или опыта, не только самъ оставался бы вверху на твердомъ мѣстѣ, но и другимъ протягивалъ бы руку и спасалъ, извлекая ихъ, какъ бы погружающихся въ воду; 172) такъ и онъ собиралъ все, что у каждаго философа было полезнаго и истиннаго, и предлагалъ мнѣ, 173) а что было ложно, выдѣлялъ, какъ другое, такъ въ особенности то, что по отношенію къ благочестію было собственнымъ дѣломъ людей.

XV. Относительно этого онъ давалъ мнѣ совѣтъ не внимать ничему, даже если бы кто либо всѣми людьми былъ за-

свидѣтельствованъ, какъ самый мудрый, но внимать единому только Богу и Его пророкамъ. 174) При этомъ онъ самъ истолковывалъ пророческія вѣщанія и изъяснялъ то, что было темнымъ и загадочнымъ, какого много въ священныхъ изреченіяхъ,—или потому, что Богу угодно было такъ обращаться къ людямъ, чтобы слово Божіе не вошло обнаженнымъ и неприкрытымъ въ недостойную душу, каковыхъ много, или потому, что всякое божественное слово по природѣ весьма ясно и просто, но намъ представляется неяснымъ и темнымъ, такъ какъ мы отпали отъ Бога и разучились слушать вслѣдствіе продолжительности времени и глубокой древности, этого я не могу сказать,—какъ бы то ни было, онъ прояснялъ и выводилъ на свѣтъ, встрѣчалось ли что нибудь загадочное,—потому что онъ былъ способнымъ и въ высшей степени проницательнымъ слушателемъ Божіимъ,—175) или и такое, что по самой природѣ не содержитъ ничего труднаго и непонятнаго для него, который одинъ только изъ всѣхъ нынѣ живущихъ людей, насколько я самъ лично знаю ихъ, а о нѣкоторыхъ слышалъ изъ разсказовъ другихъ, находится въ такомъ благопріятномъ положеніи, такъ какъ онъ навыкъ воспринимать въ свою душу чистое и свѣтлое содержаніе [божественныхъ] изреченій и научать другихъ, 176) потому что Первовиновникъ всѣхъ этихъ изреченій, Который вѣщалъ любезнымъ Богу пророкамъ и внушалъ всѣ пророчества и таинственныя и божественныя рѣчи, такъ почтилъ его, какъ друга, и поставилъ истолкователемъ ихъ. 177) Что Онъ чрезъ другихъ сообщалъ только въ неясныхъ намекахъ, то чрезъ сего мужа сдѣлалъ предметомъ обученія, и что Онъ, будучи въ высшей степени достойнымъ вѣры, или царственно повелѣвалъ или открывалъ, смыслъ рѣчей объ этомъ Онъ даровалъ ему изслѣдовать и постигать, 178) чтобы всякій, кто черствъ душой и недовѣрчивъ или даже и любознателенъ, въ извѣстномъ смыслѣ чувствовалъ себя вынужденнымъ, получивъ наученіе отъ этого мужа, и достигнуть разумѣнія и рѣшиться вѣровать и послѣдовать Богу. 179) И это онъ говоритъ, я думаю, не иначе, какъ въ общеніи съ божественнымъ Духомъ; ибо одна и та же сила необходима и для пророчествующихъ и для слушающихъ пророковъ, и никто не можетъ слушать пророка, если ему не далъ разумѣнія Своихъ рѣчей Самъ Духъ, дѣйствовавшій въ пророкахъ. 180) Въ этомъ смыслѣ содержится изреченіе и въ священ-

номъ писаніи, которое говоритъ, что отворить можетъ только тотъ, кто затворяетъ, но никто другой [1]); отворяетъ же затворенное, проясняя загадочныя изреченія, божественное Слово. 181) Этотъ величайшій даръ имѣетъ отъ Бога сей мужъ, получившій съ неба и превосходнѣйшій жребій быть истолкователемъ божественныхъ словъ людямъ, воспринимать божественное какъ бы изъ устъ Божіихъ, и изъяснять людямъ, какъ это доступно для человѣческаго слуха. 182) Поэтому для меня не было ничего запретнаго, ибо не было ничего сокровеннаго и недоступнаго. Но я имѣлъ возможность получить знаніе о всякомъ ученіи, и варварскомъ и эллинскомъ, изъ области таинъ вѣры или изъ государственной жизни, и о божественномъ и о человѣческомъ [и именно такъ, что] съ полною свободою могъ дѣлать все предметомъ моего изученія и изслѣдованія и насыщаться и наслаждаться всѣми благами души. Если бы кто нибудь могъ назвать какое либо древнее ученіе истины или что либо иное въ этомъ родѣ, то я обладалъ въ немъ удивительнымъ и полнымъ собраніемъ и обиліемъ прекраснѣйшихъ созерцаній. 183) Коротко сказать, онъ былъ для меня постинѣ раемъ, воспроизведеніемъ того великаго рая Божія [2]), въ которомъ не нужно было обрабатывать эту низменную землю и, огрубѣвши, питать тѣло, но только съ радостью и наслажденіемъ, умножать стяжанія души, какъ бы цвѣтущія растенія, насажденныя нами самими, или насаженныя въ насъ Виновникомъ всего [3]).

XVI. 184) Это былъ поистинѣ рай наслажденія [4]), это было истинное веселіе и блаженство, которымъ я наслаждался въ это протекшее время, съ одной стороны и не малое, но съ другой стороны и совершенно краткое, когда оно приходитъ къ концу, такъ какъ я уже ухожу и удаляюсь отсюда. 185) Ибо я не знаю, что со мною случилось или въ чемъ я снова согрѣшилъ, что я удаляюсь отсюда, [даже] изгоняюсь. Что мнѣ сказать, не знаю,—развѣ только то, что я второй Адамъ [изгнанный] изъ рая; и я началъ говорить,—я, который прекрасно жилъ, когда слушалъ рѣчи учителя и молчалъ! О, если бы и теперь я могъ пребывать въ спокойствіи и молча учиться, но чтобы не было этого новаго зрѣлища, что учитель дѣлается слушателемъ! 186) Но для чего нужны мнѣ эти слова? И для чего

---

[1]) Ср. Исаіи, XXII, 22; Іов. XII, 14; Апок. III, 7.
[2]) Ср. Быт. III, 23. [3]) Ср. Мѳ. XV, 13. [4]) Ср. Быт. III, 23.

обращаться съ такого рода рѣчью, когда я долженъ былъ бы не уходить, а оставаться здѣсь? Но эти мои заблужденія, кажется, имѣютъ начало въ древнемъ обольщеніи, и теперь меня ожидаютъ еще и наказанія прародителей. 187) Неужели я хочу снова не повиноваться, осмѣливаясь преступать слова Божіи? Въ то время, какъ я долженъ твердо держаться ихъ и заниматься ими, я ухожу [1]), убѣгая отъ этой блаженной жизни, и дѣлаю не меньше, чѣмъ тотъ древній человѣкъ [который бѣжалъ] отъ лица Божія, и возвращаюсь въ землю, изъ которой взятъ. 188) Итакъ, я буду ѣсть прахъ земной во всѣ дни моей жизни тамъ [2]), и буду воздѣлывать землю, и именно ту землю, которая принесетъ мнѣ терніе и волчцы [3])—мои печали и постыдныя заботы, послѣ того какъ я оставилъ прекрасныя и благія заботы. 189) И что я оставилъ, къ тому опять возвращаюсь, къ землѣ, откуда я пришелъ, и къ моему дольнему родству и въ домъ отца моего; я оставляю добрую землю, гдѣ было доброе для меня отечество, которое раньше не было извѣстно мнѣ, я оставляю и родственниковъ, въ которыхъ я имѣлъ, какъ это я только позднѣе началъ узнавать, очень близкихъ моей душѣ, я оставляю и домъ истиннаго моего отца, остающійся въ которомъ отецъ торжественно почитается и прославляется истинными сынами, пожелавшими остаться въ немъ. Я же, неблагородный и недостойный, ухожу отсюда, обратившись вспять и убѣгая назадъ.

190) Повѣствуется [4]), что одинъ сынъ, получившій отъ отца причитающуюся на его долю по сравненію съ другимъ братомъ часть наслѣдства, добровольно ушелъ отъ отца въ далекую страну. Живя же распутно, онъ расточилъ и промоталъ отцовское достояніе; наконецъ, въ нуждѣ онъ нанялся пасти свиней, а вынуждаемый голодомъ онъ хотѣлъ имѣть общеніе въ пищѣ со свиньями, однако даже и этого не получалъ. Итакъ, онъ потерпѣлъ наказаніе за свое распутство, промѣнявши отцовскую, истинно царскую трапезу на пищу свиней и въ положеніи наемника, на пищу, которая раньше и на мысль не приходила ему. 191) Кажется, нѣчто подобное случится и со мной, когда я уйду отсюда и даже не со всѣмъ

---

[1]) Къ переводу §§ 185—187 см. поправки *Aug. Brinkmann*'а въ „Rheinisches Museum für Philologie", N. F. B. 65, H. 1. S. 74—75.

[2]) Ср. Быт. III, 17. 14. [3]) Ср. Быт. III, 18. [4]) Лк. XV, 11 сл.

приходящимся на мою долю наслѣдіемъ. Ибо я не взялъ даже того, что нужно было, однако же ухожу, оставивши съ тобою и у тебя прекрасное и дорогое и промѣнявши его на худшее. 192) Вѣдь меня ожидаетъ все печальное: шумъ и смятеніе вмѣсто мира и вмѣсто спокойной и благоустроенной жизни безпорядочная, а вмѣсто этой свободы тягостное рабство, площади, суды, толпы и роскошь. 193) И для лучшаго уже не будетъ у меня никакого досуга, и я не буду даже произносить божественныхъ изреченій, а буду говорить о дѣлахъ человѣческихъ [1]),—уже это представляется богопросвѣщенному мужу въ нѣкоторомъ родѣ истиннымъ бѣдствіемъ,—но я буду говорить о дѣлахъ и дурныхъ людей. 194) Меня ожидаетъ настоящая ночь вмѣсто дня, вмѣсто яснаго свѣта—мракъ, вмѣсто празднества — печаль, вмѣсто отечества—вражеская страна, въ которой мнѣ невозможно пѣть священную пѣснь,—ибо какъ [это возможно] въ землѣ, чуждой для моей души [2]), гдѣ пребывая невозможно приблизиться къ Богу?—напротивъ, [остается] только плакать и стенать, воспоминая то, что было здѣсь, если и это будетъ мнѣ позволено.

195) Повѣствуется [3]), что нѣкогда на великій и священный городъ, въ которомъ почиталось Божество, напали враги и увели въ качествѣ плѣнниковъ жителей, пѣвцовъ и богослововъ въ свою страну,—это былъ Вавилонъ; но отведенные въ нее, они даже на требованіе своихъ побѣдителей не хотѣли пѣть божественное и играть на псалтири въ нечистой землѣ, но повѣсили свои музыкальные инструменты, привязавши ихъ на ивахъ, сами же плакали на рѣкахъ вавилонскихъ [4]). 196) Мнѣ кажется, что я одинъ изъ нихъ, изгоняемый изъ города, и изъ этого моего священнаго отечества; здѣсь днемъ и ночью возглашаются священные законы, хвалы и пѣсни и полныя глубокихъ тайнъ рѣчи; здѣсь свѣтъ солнечный и постоянный, когда въ теченіе дня мы [наяву] занимаемся божественными тайнами, а ночью душа объята воображеніемъ того, что видѣла и дѣлала днемъ, и вообще, кратко сказать, здѣсь во всемъ божественное вдохновеніе. 197) Изъ этого города я изгоняюсь и какъ плѣнникъ ведомъ въ чужую землю, гдѣ мнѣ невозможно будетъ и играть, потому что я, подобно тѣмъ, повѣсилъ свой органъ на ивахъ; но я буду на рѣкахъ и буду

---

[1]) Пс. XVI, 4. [2]) Пс. CXXXVI, 4. [3]) 4 Цар. XXIV и XXV.
[4]) Пс. CXXXVI, 1—3.

обрабатывать глину и пѣсенъ не захочу пѣть, если вспомню о нихъ; но можетъ быть изъ-за другихъ моихъ худыхъ дѣлъ я и забуду о нихъ, ослабленный въ своей памяти. 198) Но если я къ тому же ухожу не противъ воли только, какъ плѣненный, но даже ухожу добровольно, завоеванный не другимъ кѣмъ либо, а самимъ собою, когда можно было бы остаться, 199) то, можетъ быть, уйдя отсюда, я буду совершать путь не безопасно, какъ тотъ, кто вышелъ изъ какого-нибудь безопаснаго и мирнаго города; но можетъ случиться, что я на своемъ пути и въ разбойники впаду и буду плѣненъ ими и обнаженный буду покрытъ многими ранами и брошенный буду лежать гдѣ нибудь еле живымъ [1]).

XVII. 200) Но зачѣмъ я такъ плачу? Есть у меня Спаситель всѣхъ, Заступникъ и Врачъ всѣхъ полумертвыхъ и впавшихъ въ разбойники, Слово, неусыпный Хранитель всѣхъ людей. 201) Есть у меня и сѣмена, какъ тѣ, которыя ты открылъ во мнѣ, какъ и тѣ, которыя я получилъ отъ тебя, твои превосходныя наставленія; съ ними я ухожу, плача, какъ отправляющіеся въ путь, но все таки эти сѣмена я уношу съ собою. Итакъ, можетъ быть, находящійся при мнѣ Хранитель проведетъ меня невредимымъ. 202) Можетъ быть, я снова вернусь къ тебѣ и принесу изъ сѣмянъ и плоды и снопы, правда не совершенные,—ибо какъ это было бы возможно?—но какіе мнѣ посильны при моихъ гражданскихъ занятіяхъ; они могутъ быть и испорчены какою либо силою или безплодною или приносящею дурные плоды, но съ своей стороны я не повредю ихъ болѣе, если Богу будетъ угодно.

XVIII. 203) Итакъ, на этомъ я прекращаю мою рѣчь; она, правда, была чрезмѣрно смѣлою въ присутствіи мужа, предъ которымъ менѣе всего слѣдовало бы [произносить ее], но она была одушевлена наилучшимъ желаніемъ и, какъ я думаю, дала нѣкоторое выраженіе моей благодарности по мѣрѣ моихъ силъ, и если я не сказалъ ничего достойнаго, то, по крайней мѣрѣ, и не промолчалъ совершенно. Она была еще соединена и со слезами, какъ обычно у разстающихся съ друзьями; не было ли въ ней чего-либо неразумнаго [собств. дѣтскаго], или льстиваго, чего-либо наивнаго или лишняго, я не знаю; но въ ней, конечно, нѣтъ ничего лицемѣрнаго, — это я точно

---

[1]) Ср. Лк. X, 30.

знаю: она во всемъ истинна, съ честнымъ настроеніемъ и чистымъ и искреннимъ намѣреніемъ.

XIX. 204) Ты же, о любезная глава, возстань и, помоливши, отпусти уже меня. Пока я былъ здѣсь, ты сохранялъ меня своими священными наставленіями, и по отшествіи отсюда сохраняй своими молитвами. 205) Передай и ввѣрь меня и скорѣе всего передай меня Богу, Который привелъ меня къ тебѣ. Благодари Его за то, что̀ раньше случилось со мною, и молись Ему, чтобы Онъ руководилъ меня и въ будущемъ, помогая мнѣ во всемъ, приводя на память моему уму всѣ Свои заповѣди, внушалъ мнѣ Свой божественный страхъ, который будетъ наилучшимъ моимъ воспитателемъ. Ибо, когда я уйду отсюда, я не буду повиноваться Ему съ тою свободою, какую имѣлъ, находясь съ тобою. Помолись за меня, чтобы я получилъ отъ Него и какое-нибудь утѣшеніе въ разлукѣ съ тобою, чтобы Онъ послалъ мнѣ добраго провожатаго—сопутствующаго ангела. 207) Проси же и о томъ, чтобы Онъ возвратилъ меня и снова привелъ къ тебѣ, и это одно только болѣе всего утѣшитъ меня.

Письмо Оригена къ св. Григорію Чудотворцу.

1. Оригенъ,—господину моему, благороднѣйшему и почтеннѣйшему сыну Григорію, о Бозѣ радоватися.

Прирожденная способность къ пониманію, если съ нею соединяется упражненіе, какъ ты знаешь, можетъ обнаружить дѣятельность, которая ведетъ къ возможному, если можно такъ назвать, завершенію того, надъ чѣмъ кто хочетъ упражняться. Итакъ, твое дарованіе можетъ сдѣлать тебя совершеннымъ римскимъ юристомъ и эллинскимъ философомъ тѣхъ школъ, которыя считаются знаменитыми. Но я желалъ бы, чтобы ты воспользовался всею силою своего прирожденнаго дарованія въ послѣдней цѣли для христіанства; ради этого я хотѣлъ бы, чтобы ты по возможности взялъ и изъ философіи Эллиновъ то, что можетъ служить для христіанства какъ бы общеобразовательными науками [1]) или пропедевтикой, и изъ геометріи и астрономіи то, что можетъ быть полезнымъ для изъясненія священныхъ писаній, чтобы то, что сыны философовъ утверждаютъ относительно геометріи, музыки, грамматики и риторики и астрономіи, какъ вспомогательныхъ для философіи, мы могли сказать и о самой философіи по отношенію къ христіанству.

---

[1]) Ἐγκύκλια μαθήματα—кругъ наукъ и искусствъ, которыя каждый свободный грекъ долженъ былъ изучить въ юности, прежде чѣмъ вступить въ гражданскую жизнь или посвятить себя какому-либо спеціальному занятію. Для правильнаго опредѣленія смысла, въ какомъ Оригенъ употребляетъ здѣсь это выраженіе, особенно поучительны слѣдующія слова Климента александрійскаго (Стром. I, 5): „какъ общеобразовательныя науки (τὰ ἐγκύκλια μαθήματα) помогаютъ философіи, своей госпожѣ, такъ и сама философія содѣйствуетъ пріобрѣтенію мудрости. Ибо философія—искусство, а мудрость есть знаніе вещей божескихъ и человѣческихъ и ихъ причинъ“.

2. Можетъ быть, на нѣчто въ такомъ родѣ намекаетъ написанное въ книгѣ Исходъ отъ лица Божія, чтобы повелѣно было сынамъ Израилевымъ просить у сосѣдей и у живущихъ съ ними сосуды серебряные и золотые и одежды [1]), чтобы, обобравши Египтянъ, они получили матеріалъ для изготовленія взятаго на служеніе Богу. Ибо изъ того, что сыны Израилевы похитили у Египтянъ, было устроено то, что находится во святомъ святыхъ: кивотъ съ крышкой, и херувимы, и очищеніе, и золотой сосудъ, въ которомъ сохранялась манна—хлѣбъ ангеловъ; это, вѣроятно, сдѣлано было изъ наилучшаго золота Египтянъ. Изъ второго же сорта золота [низшаго] по сравненію съ тѣмъ [былъ сдѣланъ] плотный весь золотой свѣтильникъ, вблизи внутренней завѣсы, и на немъ лампады, и золотой столъ на которомъ были хлѣбы предложенія, и между обоими золотой алтарь кадильный. Если же былъ третій и четвертый сортъ золота, то изъ него были сооружены священные сосуды. А изъ серебра Египтянъ сдѣлано было иное. Ибо, проживая въ Египтѣ, сыны Израилевы получили эту прибылъ отъ проживанія тамъ, чтобы имѣть изобиліе въ столь цѣнномъ матеріалѣ для употребленія при служеніи Богу. Изъ одеждъ Египтянъ, вѣроятно, сдѣлано было все, что нуждалось въ работѣ, какъ именовало Писаніе [2]), ткачей, когда ткачи, съ мудростью Божіей, извѣстнаго рода одежды сшивали съ подобными, чтобы сдѣлать внѣшнія и внутреннія завѣсы и покрывала.

3. Но какая мнѣ необходимость безъ нужды отклоняться и доказывать, на что пригодилось сынамъ Израилевымъ взятое изъ Египта, чему Египтяне не дали надлежащаго употребленія, а Евреи, наставляемые божественною мудростью, употребили для богопочитанія? Однако, Писаніе знаетъ, что для нѣкоторыхъ нисхожденіе изъ земли сыновъ Израилевыхъ въ Египетъ послужило во зло: оно намекаетъ, что для нѣкоторыхъ служитъ во зло прожить съ Египтянами, т. е. съ науками міра сего, послѣ того, какъ они воспитаны были въ законѣ Божіемъ и въ израильскомъ служеніи Ему. По крайней мѣрѣ, Адеръ идумеянинъ, пока былъ въ землѣ Израиля, не вкушая хлѣба Египтянъ, не сооружалъ идеаловъ; когда же, убѣжавши отъ мудраго Соломона, сошелъ въ Египетъ, какъ бы убѣжавши отъ мудрости Божіей, онъ сдѣлался родственникомъ фараона, женившись на

[1]) Исх. XI, 2; XII, 35. [2]) Исх. XXVII. 16; ср. XXXVII (XXXVIII), 23.

сестрѣ его жены, и родилъ сына, который воспитывался среди сыновъ фараоновыхъ [1]). Поэтому, хотя онъ и взошелъ въ землю Израиля, но взошелъ съ тѣмъ, чтобы раздѣлить народъ Божій и заставить ихъ сказать къ золотой телицѣ: вотъ боги твои, Израиль, которые вывели тебя изъ земли Египетской [2]). Я же, наученный опытомъ, могъ бы сказать тебѣ, что мало такихъ, которые взяли изъ Египта полезное и вышли изъ него и соорудили то, что относится къ служенію Богу; напротивъ, много братьевъ идумеянина Адера. Это тѣ, которые, вслѣдствіе извѣстной эллинской изобрѣтательности, вызвали къ жизни еретическія мысли и, такъ сказать, соорудили золотыхъ телицъ въ Веѳилѣ, который изъясняется: домъ Божій. Мнѣ кажется, что и этимъ слово [Божіе] намекаетъ на то, что они собственныя сооруженія воздвигли въ Писаніяхъ, въ которыхъ обитаетъ Слово Божіе и которыя образно называются Веѳилемъ. Другое же сооруженіе, [какъ] утверждаетъ слово [Божіе], воздвигнуто было въ Данѣ; предѣлы же Дана самые крайніе и близко отъ языческихъ предѣловъ,— такъ ясно изъ написаннаго въ книгѣ Іисуса Навина [3]). Итакъ, близко отъ языческихъ границъ находятся нѣкоторыя изъ сооруженій, которыя, какъ мы показали, соорудили братья Адера [4]).

4) Итакъ, господинъ [мой] сынъ, прежде всего со вниманіемъ занимайся чтеніемъ божественныхъ писаній. Да, занимайся со вниманіемъ, такъ какъ, читая божественныя писанія, мы нуждаемся во многомъ вниманіи, чтобы не сказать или не подумать о нихъ чего-нибудь слишкомъ поспѣшно. Но внимательно занимаясь чтеніемъ божественныхъ писаній съ вѣрнымъ и богоугоднымъ настроеніемъ, стучи въ то, что заключенно въ немъ, и оно будетъ открыто тебѣ придверникомъ, о которомъ сказалъ Іисусъ: ему придверникъ отворяетъ [5]). И внимательно занимаясь божественнымъ чтеніемъ, право и съ твердою вѣрой въ Бога ищи сокрытую отъ многихъ мысль божественныхъ писаній. Не переставай стучать и

---

[1]) 3 Цар. XI, 14 сл.

[2]) 3 Цар. XII, 28. Оригенъ здѣсь и далѣе приписываетъ Адеру то, что сдѣлалъ Іеровоамъ.

[3]) XIX, 40 сл.

[4]) Т. е. еретическія измышленія обнаруживаютъ близкое родство съ язычествомъ.

[5]) Іоан. X, 3.

искать. Ибо весьма необходима и молитва о томъ, чтобы понимать божественныя писанія. Увѣщавая къ ней, Спаситель не только сказалъ: стучите и отворятъ вамъ, и: ищите и найдете, но и: просите и дано будетъ вамъ [1]).

Я осмѣлился на это вслѣдствіе моей отеческой любви къ тебѣ. Хорошо ли то, что я осмѣлился, или нѣтъ, знаетъ Богъ и Его Христосъ и причастникъ Духу Божію и Духу Христову. Да будешь и ты причастникомъ и да умножаешь всегда причастіе, чтобы могъ говорить не только: мы сдѣлались причастниками Христу [2]), но и: мы сдѣлались причастниками Богу.

Изложеніе вѣры.

Единъ Богъ, Отецъ Слова живаго, Премудрости ипостасной и Силы и Образа (χαρακτήρ) вѣчнаго, совершенный Родитель Совершеннаго, Отецъ Сына Единороднаго.

Единъ Господь, единый отъ единаго, Богъ отъ Бога, Начертаніе и Образъ Божества, Слово дѣйственное, Премудрость, объемлющая составъ всего, и зиждительная Сила всего сотвореннаго, истинный Сынъ истиннаго Отца, Невидимый Невидимаго, и Нетлѣнный Нетлѣннаго и Безсмертный Безсмертнаго и Вѣчный Вѣчнаго.

И единъ Духъ Святый, отъ Бога имѣющій бытіе и чрезъ Сына явившійся [т. е. людямъ], Образъ Сына, Совершенный Совершеннаго, Жизнь, Виновникъ живущихъ, [Источникъ святый], Святость, Податель освященія, въ Немъ же является Богъ Отецъ, сущій надъ всѣмъ и во всемъ, и Богъ Сынъ, Который чрезъ все.

Троица совершенная, славою и вѣчностью и царствомъ нераздѣляемая и неотчуждаемая.

Посему нѣтъ въ Троицѣ ничего ни сотвореннаго или служебнаго, ни привнесеннаго, какъ бы прежде не бывшаго, потомъ же привзошедшаго; ибо ни Отецъ никогда не былъ безъ Сына, ни Сынъ безъ Духа [1]), но непреложна и неизмѣнна—всегда та же Троица.

---

[1]) Οὔτε γὰρ ἐνέλιπέ ποτε υἱὸς πατρί, οὔτε υἱῷ πνεῦμα. Два древне-латинскихъ перевода (Руфина и другой древній переводъ) имѣютъ: neque itaquo defuit filius patri neque filio spiritus sanctus—neque enim defuit aliquando filius patri aut filio spiritus sanctus (*Caspari, C. P.*, Prof., Alte und neue Quellen zur Geschichte des Taufsymbols und der Glaubensregel. Christiania 1879. S. 10, 15, 16—17. *Hahn Aug.*, Prof., Bibliothek der Symbole und Glaubensregeln der alten Kirche. 3 Aufl. Breslau 1897, s. 255). Въ русскомъ переводѣ слова св. Григорія Нисскаго о жизни св. Григорія Чудотворца это мѣсто передано такъ: „Итакъ, ни въ чемъ у Сына не было недостатка передъ Отцемъ, и у Святаго Духа передъ Сыномъ“ (Творенія св. Григорія Нисскаго въ русск. перев. Ч. VIII. М. 1872, стр. 147).

Каноническое посланіе.

1. Не пища удручаетъ насъ, святый отецъ, если плѣнники ѣли то, что подавали имъ побѣдители ихъ, особенно, когда всѣ согласно утверждаютъ, что варвары, совершившіе набѣгъ на наши страны, не приносили жертвъ идоламъ. Апостолъ же говоритъ: пища для чрева и чрево для пищи; но Богъ уничтожитъ и то и другое» [1]). Но и Спаситель, очищающій [2]) всякую пищу, говоритъ: «не то, что входитъ, сквернитъ человѣка, но то, что исходитъ» [3]). [Подобное] и относительнаго того, что плѣненныя женщины растлѣны, такъ какъ варвары надругались надъ ихъ тѣлами. Но если и прежде была зазорна жизнь какой-нибудь изъ нихъ, потому что она ходила въ слѣдъ очей блудодѣйствующихъ [4]), по написанному, то ясно, что любодѣйная наклонность подозрительна и во время плѣна, и таковыхъ не скоро слѣдуетъ допускать къ общенію въ молитвахъ. Если же какая жила въ совершенномъ цѣломудріи и на дѣлѣ доказала свою прежнюю жизнь чистою и внѣ всякаго подозрѣнія, а теперь подверглась поруганію по насилію и принужденію, то [относительно такого случая] имѣемъ примѣръ во Второзаконіи [5]) въ лицѣ отроковицы, которую человѣкъ встрѣтилъ въ полѣ и, принудивъ ее силою, преспалъ съ нею: отроковицѣ не дѣлайте, говоритъ, ничего; на отроковицѣ нѣтъ смертнаго грѣха, потому что [это то же], какъ если бы какой-либо человѣкъ возсталъ на своего ближняго и умертвилъ душу его,—такъ [и] это дѣло: отроковица

---

[1]) 1 Кор. VI, 13. [2]) Объявляющій чистою всякую пищу.

[3]) Οὐ εἰσπορευόμενον, φησί, κοινοῖ τὸν ἄνθρωπον, ἀλλὰ τὸ ἐκπορευόμενον; ср. Мѳ. XV, 11: οὐ τὸ εἰσρχόμενον εἰς τὸ στόμα κτλ.

[4]) Числ. XV, 39; Іезек. VI, 9. [5]) XXII, 25—28.

кричала, и не было помогающаго ей. Такъ [слѣдуетъ поступать] въ подобныхъ случаяхъ.

2. Но ужасно любостяжаніе, и невозможно въ одномъ посланіи привести мѣста божественныхъ писаній, въ которыхъ провозглашается, что отвратительно и гнусно не только грабить, но и вообще быть любостяжательнымъ и посягать на чужое ради постыднаго прибытка; и всякій таковой [т. е. виновный въ этомъ] долженъ быть публично объявленъ изгнаннымъ изъ Церкви Божіей. А что во время [вражескаго] нашествія, среди столь великаго стенанія и столь многихъ слезъ, нѣкоторые осмѣлились время, угрожающее всѣмъ гибелью, считать для себя временемъ корысти, то это свойственно людямъ нечестивымъ и богоненавистнымъ и такимъ, которыхъ низость не можетъ быть превзойдена. Поэтому мы рѣшили объявить всѣхъ таковыхъ отлученными, чтобы гнѣвъ не пришелъ на весь народъ и прежде всего на самихъ предстоятелей, потому что они не принимали рѣшительныхъ мѣръ. Ибо я боюсь, какъ говоритъ Писаніе, чтобы нечестивый не погубилъ вмѣстѣ съ собою праведнаго [1]). Ибо блудъ, говоритъ, и любостяжаніе,—ради нихъ приходитъ гнѣвъ Божій на сыновъ противленія. Итакъ не будьте сообщниками ихъ. Ибо вы нѣкогда были тьма, а теперь свѣтъ въ Господѣ: какъ чада свѣта ходите,—ибо плодъ свѣта [состоитъ] во всякой благости, праведности и истинѣ,—испытывая, что благоугодно Господу. И не участвуйте въ безплодныхъ дѣлахъ тьмы, напротивъ того, и обличайте, ибо о томъ, что происходитъ отъ нихъ тайно, стыдно и говорить; все же обнаруживаемое свѣтомъ дѣлается явнымъ [2]). Это [говоритъ] апостолъ. Если же нѣкоторые, подвергшіеся наказанію за прежнее любостяжаніе, бывшее во время мира, въ самое время гнѣва снова обратились къ любостяжанію, ища корысти отъ крови и погибели людей изгнанныхъ, или плѣненныхъ, или убитыхъ, то чего иного нужно ожидать, кромѣ того, что подвизающіеся за любостяжаніе соберутъ гнѣвъ и самимъ себѣ и всему народу?

3. Вотъ, не Ахаръ ли, сынъ Зары, прегрѣшилъ [взявъ] отъ заклятаго, и не пришелъ ли гнѣвъ на все сонмище Изра-

[1]) Быт. XVIII, 23. [2]) Ефес. V, 3. 6—13.

илево? Онъ одинъ только согрѣшилъ, [но] не одинъ только умеръ въ своемъ грѣхѣ. Но намъ подобаетъ въ это время почитать заклятымъ всякое стяжаніе, если оно составляетъ не нашу собственность, а чужую. Ибо какъ тотъ Ахаръ взялъ часть добычи, такъ и эти теперь [взяли] изъ добычи; но тотъ взялъ] принадлежавшее врагамъ, а эти теперь [взяли] принадлежавшее братьямъ, ища выгоды въ погибельной корысти.

4. Никто пусть не обольщаетъ себя даже подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ нашелъ; ибо непозволительно, чтобы даже нашедшій получалъ корысть. Второзаконіе говоритъ [1]: если увидишь тельца брата твоего и овцу, блуждающую на пути, то не оставляй ихъ безъ вниманія, но поверни ихъ и направь къ брату твоему; если же братъ твой не приходитъ къ тебѣ, и если ты не знаешь его, то ты собери ихъ, и пусть они будутъ у тебя, пока не будетъ искать ихъ братъ твой, и возврати ихъ [ему], и такъ поступай и съ осломъ его, и такъ поступай съ одеждою его, и такъ поступай со всякой потерей брата твоего, что бы ни было потеряно имъ, и ты найдешь это. Такъ Второзаконіе. А въ книгѣ Исходъ [то же сказано] не только [относительно такого случая] если кто найдетъ принадлежащее брату, но и врагу: обративъ, говоритъ [2]), возврати его въ домъ господина его. Но если, такимъ образомъ, во время мира не позволительно искать выгоды отъ брата или врага, который ведетъ жизнь беззаботную и изнѣженную и не печется о своей собственности, то насколько больше въ томъ случаѣ, когда онъ находится въ несчастіи и убѣгаетъ отъ враговъ и по нуждѣ оставляетъ собственность.

5. Другіе же обольщаются, удерживая чужое, которое нашли, вмѣсто своей утраченной собственности, чтобы, послѣ того какъ Ворады и Готы причинили имъ то, что связано съ войною, имъ самимъ сдѣлаться Ворадами и Готами для другихъ. Итакъ, ради этого мы послали къ вамъ брата и сострапа Евфросина, чтобы онъ по здѣшнему образцу и тамъ установилъ подобнымъ образомъ, и чьи обвиненія должно принимать и кого объявить отлученныхъ отъ молитвъ.

---

[1])XXII, 1—3. [2]) XXIII, 4.

6. Далѣе, возвѣщено намъ также нѣчто невѣроятное, происшедшее въ вашей странѣ, безъ сомнѣнія, отъ [людей] невѣрныхъ и нечестивыхъ и не познавшихъ даже имени Господа, именно, что нѣкоторые дошли до такого безчеловѣчія и жестокости, что насильно держатъ у себя нѣкоторыхъ убѣжавшихъ плѣнниковъ. Пошлите кого-нибудь въ страну [для разслѣдованія и устраненія этого], чтобы молнія не упала на совершающихъ таковое.

7. Тѣхъ же, которые примкнули къ варварамъ и съ ними, находясь въ плѣну, принимали участіе въ нападеніи, забывши что они были понтійцами и христіанами, и настолько одичали, что убивали единоплеменниковъ или деревомъ или удавленіемъ, и показывали не знающимъ [мѣстности] варварамъ или пути или жилища [христіанъ], этихъ должно удалить даже отъ слушанія, пока сошедшимся святымъ угодно будетъ вынести о нихъ какое-нибудь рѣшеніе и прежде нихъ Святому Духу.

8. Тѣхъ, которые отважились напасть на чужіе дома, если обвиненные будутъ изобличены, не должно удостоивать даже слушанія; но если они сами объявятъ о себѣ и возвратятъ [похищенное], то они должны въ чинѣ обращающихся припадать.

9. Тѣхъ, которые на полѣ или въ своихъ собственныхъ домахъ нашли что-нибудь, оставленное варварами, если обвиненные будутъ изобличены, подобнымъ образомъ [должно считать] среди припадающихъ; если же сами объявятъ о себѣ и отдадутъ, то должно удостоить ихъ и молитвы

10. Но должно, чтобы исполняющіе эту заповѣдь, исполняли ее безъ всякой постыдной корысти, не требуя награды ни за указаніе вещи, ни за сохраненіе, ни за обрѣтеніе, ни [за что-либо подобное] какимъ бы именемъ оно ни называлось.

11. (Плачъ бываетъ внѣ вратъ молитвеннаго дома, гдѣ стоя согрѣшающій долженъ просить входящихъ [въ храмъ] вѣрныхъ, чтобы помолились за него. Слушаніе—внутри вратъ въ притворѣ, гдѣ согрѣшившій долженъ стоять до молитвы объ оглашаемыхъ и затѣмъ уходить. Ибо,—говоритъ,—слушающій Писанія и ученіе долженъ быть изгнанъ и не удостоиваться молитвы. Припаданіе же [состоитъ въ томъ], чтобы стоящій внутри вратъ храма выходилъ вмѣстѣ съ оглашаемыми. Стояніе вмѣстѣ [состоитъ въ томъ], чтобы [согрѣшившій] стоялъ вмѣстѣ съ вѣрными и не выходилъ съ оглашаемыми. Въ концѣ—участіе въ святыхъ таинствахъ).

Переложеніе Екклесіаста.

I.

Такъ говоритъ Соломонъ, сынъ Давида царя и пророка, славнѣйшій предъ всѣми людьми царь и мудрѣйшій пророкъ, всей церкви Божіей: какъ суетны и безполезны дѣла и стремленія людей, [вообще] все человѣческое. Ибо никто не можетъ сказать, что какая-нибудь польза соединена съ тѣмъ, что люди, ползающіе по землѣ, и душой и тѣломъ спѣшатъ совершить, всецѣло подчинившись временному, даже не желая хотя сколько-нибудь посмотрѣть благороднымъ окомъ души выше звѣздъ. И истрачивается человѣческая жизнь день за днемъ, и круговращенія временъ года и годовъ, опредѣленныя теченія солнца, когда они то приходятъ, то незамѣтно уходятъ. Это подобно прохожденію бурныхъ потоковъ, съ великимъ шумомъ низвергающихся въ неизмѣримую бездну моря. И то, что ради людей произошло отъ Бога, остается тѣмъ же, какъ напримѣръ, то, что отъ земли раждаются, что въ землю уходятъ, что земля остается тою же, что солнце, обойдя всю ее, снова возвращается къ тому же предѣлу, такимъ же образомъ и вѣтры, и что рѣки въ такомъ количествѣ изливаются въ море и набѣгающіе вѣтры не заставляютъ его преступить опредѣленной ему мѣры, и сами не нарушаютъ законовъ. И именно, такъ устроено то, что служитъ намъ для этой жизни. Но то, что изобрѣтено людьми, какъ рѣчи, такъ и дѣла, не имѣетъ мѣры. И словъ, конечно, большое изобиліе, пользы же никакой отъ сбившейся съ пути болтовни. Но природа людей ненасытна какъ въ томъ, чтобы говорить, такъ и въ томъ, чтобы слушать рѣчи другого и къ тому же еще стремиться видѣть безразсудными глазами все, что встрѣчается. Что можетъ произойти впослѣдствіи, что уже не было бы совершено или сдѣлано со сто-

роны людей? Что есть новаго, что еще никогда не было бы извѣстно по опыту, о чемъ достойно было бы и помнить? Я же думаю, что нѣтъ ничего, о чемъ можно было бы сказать что нибудь свѣжее, или же, сравнивши, найти новое, совершенно неизвѣстное древнимъ. Но подобно тому, какъ прошлое покрыто забвеніемъ, такъ и настоящее для тѣхъ, кто будетъ послѣ, затемнится отъ времени. И, проповѣдуя нынѣ это, я не поступаю опрометчиво, — нѣтъ, у меня, которому ввѣрено царство Евреевъ въ Іерусалимѣ, все достаточно продумано. Тщательно же изслѣдовавши и мудро испытавши всю природу на землѣ, я позналъ, что она очень лукава, потому что человѣку дано нести тяготу на землѣ, когда онъ то подъ тѣмъ, то подъ инымъ предлогомъ труда вращается въ томъ, что не имѣетъ никакой цѣны. Все же то, что находится долу, наполнено страннымъ и сквернымъ духомъ, такъ что его нельзя возстановить, но даже невозможно совершенно и мыслями обнять, сколь великое безразсудство овладѣло человѣческими дѣлами. Я поразмыслилъ нѣкогда съ самимъ собою и подумалъ, что я мудрѣе всѣхъ бывшихъ здѣсь прежде меня: я позналъ, что я разумѣю какъ притчи, такъ и природу вещей. Но,—думалъ я,—напрасно направлять [свою мысль] на это, и какъ за мудростью слѣдуетъ знаніе, такъ и знаніе сопровождаютъ страданія.

II.

Такимъ образомъ, помысливши, что это такъ обстоитъ, я рѣшилъ обратиться къ другому роду жизни, предаться наслажденію и испытать разнообразныя удовольствія. Нынѣ же я понялъ, что все подобное—суета. И я сдержалъ безразсудно несущійся смѣхъ, удовольствіе же принудилъ къ умѣренности, сильно укоривши его. Размысливши же, что душа въ состояніи удержать тѣлесное естество, опьяненное и растекающееся подобно вину, и что воздержаніе порабощаетъ себѣ похоть, я рѣшилъ постигнуть, что нѣкогда предназначено было для людей важнаго и поистинѣ прекраснаго, которое они должны совершить въ этой жизни. Ибо я испыталъ все прочее, что считается достойнымъ удивленія, именно сооруженія высочайшихъ домовъ и насажденія виноградниковъ, къ тому же еще устройство садовъ, обладаніе и уходъ за разнообразными плодоносными деревьями; тамъ устроены были и огромные водоемы для вмѣстилища водъ, предназначенныхъ для обиль-

наго орошенія деревьевъ. Пріобрѣлъ же я себѣ множество домочадцевъ, рабовъ и рабынь; однихъ купилъ отвнѣ, другими нользовался какъ родившимися у меня Въ моемъ обладаніи были стада четвероногихъ животныхъ, много стадъ рогатаго скота и много овецъ—больше, чѣмъ у кого-либо изъ древнихъ. Сокровища золота и серебра притекали ко мнѣ, такъ какъ я заставилъ царей всѣхъ [сосѣднихъ народовъ] приносить мнѣ дары и платить дань. Составлены были для моего услажденія многочисленные хоры мужчинъ и вмѣстѣ женщинъ, весьма стройно исполняющихъ пѣсни. Къ этого рода удовольствіямъ я присоединилъ пиры и виночерпіевъ, выбранныхъ изъ людей обоего пола; я даже не могъ бы исчислить, — настолько я превосходилъ ими царствовавшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ. Отсюда [въ результатѣ] получилось, что мудрость у меня уменьшалась, возрастало же недоброе пожеланіе. Предоставивши свободу всякому обольщенію глазъ и необузданнымъ порывамъ сердца, отовсюду вторгающимся, я отдался надеждамъ на удовольствія; и свою волю я привязалъ ко всякимъ жалкимъ наслажденіямъ. Такимъ образомъ мои мысли дошли до такого несчастнаго состоянія, что я думалъ, что это—прекрасно, а это мнѣ надлежитъ совершить. Наконецъ, отрезвившись и прозрѣвши, я понялъ, что то, чѣмъ я былъ занятъ, жалко и вмѣстѣ съ тѣмъ очень пагубно, дѣйствіе не добраго духа. Ибо ничто рѣшительно, что бы ни избирали люди въ настоящее время, по здравомъ разсужденіи не представляется мнѣ заслуживающимъ одобренія и усиленнаго домогательства. Поэтому, мысленно сопоставивши блага мудрости и зло неразумія, я по справедливости съ большимъ почтеніемъ отнесся бы къ тому человѣку, который [раньше] безразсудно увлекался бы, а потомъ, овладѣвши собою, возвратился бы на должный путь. Ибо разстояніе между благоразуміемъ и безразсудствомъ большое, и различіе между обоими такъ же велико, какъ между днемъ и ночью. Посему тотъ, кто избралъ добродѣтель, подобенъ тому, кто открыто и сверху смотритъ на каждую вещь и путь свой совершаетъ во время яснѣйшаго свѣта; кто же, напротивъ, погрязъ во злѣ и во всякаго рода заблужденіяхъ, [тотъ подобенъ] тому, кто блуждаетъ какъ бы въ безлунной ночи, будучи слѣпымъ по виду и тьмою лишеннымъ дѣятельности. Наконецъ же, помысливши о томъ, какое различіе между тѣмъ и другимъ изъ этихъ родовъ жизни, я не нашелъ никакого и, какъ самъ сдѣлавшій себя сообщникомъ неразумныхъ, я приму

плату за неразуміе. Ибо какое благо или въ тѣхъ хитроумныхъ доводахъ, или какая польза отъ многихъ рѣчей, гдѣ потоки болтовни быстро устремляются изъ неразумія, какъ изъ источника? У мудраго и неразумнаго нѣтъ ничего общаго ни по памяти у людей, ни по воздаянію отъ Бога. Дѣла же человѣческія, когда кажется, что они еще только начинаются, уже всѣхъ ихъ постигаетъ конецъ. Мудрый же никогда не имѣетъ одинаковаго конца съ глупымъ. Поэтому я возненавидѣлъ и всю свою жизнь, истраченную на пустыя дѣла, которую провелъ, сильно прилѣпившись къ земнымъ трудамъ. Ибо, чтобы сказать кратко, все достигнуто мною съ большимъ трудомъ, будучи дѣломъ неразумнаго стремленія; и другой кто-нибудь — мудрый ли, или глупый—унаслѣдуетъ суетные плоды моихъ трудовъ. Когда я далъ себѣ въ этомъ отчетъ и отвергъ, для меня выяснилось истинно благое, предназначенное человѣку, именно познаніе мудрости и пріобрѣтеніе мужества. Если же кто не заботился объ этомъ и увлекался желаніемъ другого, таковой предпочелъ лукавое доброму, стремился къ порочности вмѣсто честности, и къ тяжелому труду вмѣсто покоя, влекомый туда и сюда разнообразными тревогами, ночью и днемъ всегда мучимый какъ неотложными трудами тѣлесными, такъ и непрерывными заботами души, такъ какъ у него сердце трепещетъ изъ-за безсмысленныхъ дѣлъ. Ибо совершенное благо состоитъ не въ пищѣ и питьѣ,—хотя и пища прежде всего происходитъ отъ Бога, ибо ничто изъ подаваемаго для нашего благосостоянія не существуетъ безъ Его промышленія. Но благой мужъ, получившій мудрость отъ Бога, достигъ небесной радости. Напротивъ же, лукавый, поражаемый ниспосланными отъ Бога бѣдствіями, болѣющій корыстолюбіемъ, стремится собрать много, и спѣшитъ предъ лицемъ Владыки всѣхъ надругаться надъ тѣмъ, кого Богъ почтилъ, предлагая [ему] нечестивые дары, осуществляя этимъ коварныя и вмѣстѣ суетныя стремленія своей несчастной души.

III.

Нынѣшнее же время полно всякихъ противоположностей— рожденія, потомъ смерти, насажденія растеній, потомъ исторганія, исцѣленій и убійствъ, созиданія и разрушенія, плача и смѣха, рыданія и ликованія. Нынѣ собираешь плоды съ земли, нынѣ же и выбрасываешь; и то безумно стремишься къ жен-

щинѣ, то чувствуешь отвращеніе къ ней. Сейчасъ только нашелъ что-либо и нынѣ же потерялъ; только что хранилъ и тотчасъ же выбросилъ; то убивалъ, то самъ убитъ; говорилъ, потомъ замолчалъ, любилъ, потомъ возненавидѣлъ. Ибо дѣла человѣческія то борются между собою, то примиряются, и отличаются такимъ непостоянствомъ, что то, что казалось добрымъ, въ скоромъ времени измѣняется въ признаваемое всѣми дурнымъ. Поэтому, прекратимъ напрасные труды. Ибо все это, какъ мнѣ кажется, назначено для того, чтобы отравленными бичами приводить людей въ неистовство. Но нѣкій лукавый, уловляющій удобное время, раскрылъ свою пасть на нынѣшній вѣкъ, употребляя чрезвычайныя усилія, чтобы разрушить созданіе Божіе, рѣшивъ отъ начала и до конца враждовать съ нимъ. Итакъ, я убѣдился, что веселіе и дѣланіе добра—величайшее благо для человѣка, и что, конечно, и это временное наслажденіе приходитъ только отъ Бога, если дѣлами управляетъ справедливость. Отъ вѣчныхъ же и нетлѣнныхъ дѣлъ, которыя Богъ твердо опредѣлилъ, невозможно ни отнять чего-либо, ни прибавить. Посему для всякаго, кто бы онъ ни былъ, они страшны и вмѣстѣ съ тѣмъ достойны удивленія. И то, что уже было, пребываетъ, а то, что будетъ, уже по предвѣдѣнію было. А тотъ, кого несправедливо обижаютъ, въ Богѣ имѣетъ помощника. Далѣе, видѣлъ я въ преисподней бездну мученія, ожидающую нечестивыхъ; благочестивымъ же оставлено другое мѣсто. Также помыслилъ я въ себѣ, что у Бога все одинаково — быть почитаемымъ и судимымъ, что одно и то же—праведные и неправедные, разумныя существа и неразумныя. Ибо всѣмъ одинаково отмѣрено время и угрожаетъ смерть, одно и то же у Бога — скоты и люди; они различаются между собою только членораздѣльностью рѣчи,— все же [остальное] у нихъ одинаково, и смерть приходитъ на остальныхъ животныхъ не больше, чѣмъ и на людей. Ибо у всѣхъ одинаковый духъ, и ничего больше нѣтъ въ людяхъ, но все, однимъ словомъ, суета, отъ одной и той же земли получаетъ свой составъ и въ ту же землю разрѣшится. Ибо неизвѣстно относительно человѣческихъ душъ, восходятъ ли онѣ вверхъ, и относительно остальныхъ [душъ], которыя получили неразумныя [животныя], разсѣются ли онѣ внизу. И, какъ мнѣ кажется, нѣтъ никакого другого блага, кромѣ наслажденія и пользованія настоящимъ. Ибо, какъ я подумалъ, невозможно возвратиться къ пользованію этимъ, когда человѣкъ [уже] однажды вкусилъ смерть.

IV.

Обратившись отъ всѣхъ этихъ мыслей, я разсудилъ и отвратился отъ всякой клеветы, блуждающей среди людей, изъза которой несправедливо угнетаемые проливаютъ слезы и стенаютъ, насильно отвергаемые, когда со всѣхъ сторонъ охватываетъ ихъ совершенное отсутствіе помогающихъ или вообще утѣшающихъ. Насильники же поднимаются въ высоту, съ которой и упадутъ. Изъ неправедныхъ же и наглыхъ умершіе оказались въ лучшемъ состояніи по сравненію съ живущими донынѣ. Предпочтительнѣе же этихъ обоихъ тотъ, кто будетъ подобенъ имъ, но еще не произошелъ, потому что онъ еще не коснулся человѣческаго лукавства. Также мнѣ сдѣлалось яснымъ, и какая зависть со стороны ближнихъ слѣдуетъ за мужемъ,—это жало лукаваго духа; и что тотъ, кто воспринялъ ее въ себя и ею какъ панцыремъ облеченъ, ничего другого не знаетъ, какъ чтобы снѣдать свою душу и распиливать и истрачивать вмѣстѣ съ тѣломъ, почитая для себя благосостояніе другихъ безутѣшною печалью. Но мужъ благоразумный предпочелъ бы наполнить одну руку отдыхомъ и покоемъ, чѣмъ обѣ руки трудомъ и хитростью коварнаго духа. Есть же нѣчто и иное, что, какъ я знаю, случается съ мужемъ, вопреки тому, что должно было бы быть, вслѣдствіе недобраго произволенія. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ одинокъ и не имѣетъ ни брата, ни сына, а изобилуетъ многими сокровищами, всецѣло преданъ ненасытному желанію и совершенно не хочетъ какимъ-либо образомъ отдаться благостынѣ. Посему я охотно спросилъ бы его, ради чего таковой изнуряетъ себя трудомъ, безъ оглядки убѣгаетъ отъ того, чтобы сдѣлать что-либо доброе, и чрезвычайно занятъ разнообразными пожеланіями какого-либо стяжанія. Гораздо лучше его тѣ, которые вступили въ общеніе совмѣстной жизни, изъ котораго могутъ получить наилучшіе плоды. Ибо когда два мужа честно занимаются одними и тѣми же дѣлами, то, если даже съ однимъ изъ нихъ и приключится что-либо, однако не малую поддержку онъ имѣетъ въ лицѣ своего сообщника. Величайшее же горе человѣку, который терпитъ неудачу и у котораго нѣтъ того, кто бы поднялъ его. Напротивъ же, живущіе вмѣстѣ и успѣхъ себѣ удвоили и ненастье непріятныхъ обстоятельствъ облегчили; такъ что и днемъ блистаютъ взаимнымъ довѣріемъ, и ночью возвеличиваются радостью. А тотъ, кто влачитъ жизнь безъ общенія съ людьми, про-

водитъ ужасную для него самого жизнь, не понимая, что если бы даже кто и напалъ на людей сплотившихся, то онъ замышляетъ дерзко и небезопасно, и что веревка втрое сплетенная обыкновенно не легко разрывается. Я же предпочитаю юношу бѣднаго, но благоразумнаго, старому, но неразумному царю, котораго не озабочиваетъ мысль, что возможно, что кто-либо изъ находящихся въ темницѣ будетъ поставленъ на царство, и что самъ же онъ потомъ справедливо можетъ быть лишенъ неправеднаго владычества. Ибо случается, что тѣ, которые находятся подъ властью молодого, но разумнаго, безпечальны, именно всѣ старшіе по возрасту [1]). Ибо родившіеся потомъ, вслѣдствіе того, что по опыту не знаютъ другого, и этого не могутъ хвалить и руководятся необдуманными рѣшеніями и побужденіями враждебнаго духа. Проповѣдуя же, имѣй въ виду право проходить свою собственную жизнь, а за неразумныхъ молиться, чтобы достигли разумѣнія и избѣгали совершенія дурного.

V.

Прекрасно быть воздержнымъ на языкъ и въ усердіи къ рѣчамъ имѣть уравновѣшенное сердце. Ибо не слѣдуетъ необдуманно пользоваться рѣчами, [не смущаясь тѣмъ] если онѣ [даже] нелѣпы, или произносить голосомъ то, что пришло на умъ, но помышлять о томъ, что хотя мы и далеко отстоимъ отъ неба, однако необходимо знать, что Богъ слышитъ наши рѣчи, и что полезно говорить не опрометчиво. Какъ за разнообразными заботами души слѣдуютъ всяческія сновидѣнія, такъ и съ безразсудствомъ связана пустая болтовня. Далѣе, обѣтъ, данный въ молитвѣ, пусть [у тебя] получаетъ исполненіе на дѣлѣ. Безумнымъ свойственно быть отверженными; ты же будь правдивымъ, зная, насколько лучше тебѣ не обѣщать и не браться что-нибудь сдѣлать, чѣмъ, давши обѣтъ, потомъ оставить безъ исполненія. Должно же всячески избѣгать потока постыдныхъ словъ, въ томъ убѣжденіи, что ихъ услышитъ Богъ. Ибо для того, кто помышляетъ такъ, ничего больше не остается, какъ чувствовать, что дѣла его разрушаются Богомъ. Ибо подобно тому, какъ сны, если ихъ много, пустые, такъ и многія рѣчи. Страхъ же Божій спасителенъ для людей, но онъ рѣдко обнаруживается. Поэтому не должно удивляться, видя, что на бѣдныхъ клеве-

[1]) Т. е. знакомые съ характеромъ управленія стараго царя.

щуть, что судьи выносятъ неправильныя рѣшенія. Должно же, далѣе, отвращаться отъ того, чтобы не казаться бо́льшими тѣхъ, которые обладаютъ бо́льшею властью. Ибо если бы даже это и случилось, однако отъ грядущихъ для тебя опасностей не спасетъ тебя и самое лукавство. Но какъ имущество, добытое грабежемъ, весьма пагубно и преступно, такъ и въ мужѣ, жадномъ къ деньгамъ, не бываетъ насыщенія и не является благорасположенія къ ближнимъ, хотя бы еще пріобрѣлъ чрезвычайно много сребра. Ибо это суета. Благость же весьма радуетъ вступившихъ въ союзъ съ нею, дѣлаетъ мужественными, подавая способность понимать каждую вещь. Но важно не прилѣпляться и къ такого рода заботамъ. Бѣдный, хотя бы онъ былъ и рабъ, и не переполнялъ своего чрева, однако пользуется пріятнымъ отдыхомъ во снѣ. Сильное же желаніе богатства соединено съ безсонницей и томленіемъ души. Что же можетъ быть безсмысленнѣе того, какъ, накопляя съ большимъ стараніемъ и заботою богатство, сохранять его, сберегая тѣмъ для самого себя поводъ къ тысячамъ золъ. И этому богатству суждено нѣкогда погибнуть и разрушиться, будутъ ли у пріобрѣтшаго его дѣти или нѣтъ; самому же [богатому], если бы даже и не хотѣлъ, надлежитъ сойти въ землю и умереть такимъ, какимъ нѣкогда явился въ бытіе. Такимъ образомъ, имѣя отойти съ пустыми руками, онъ будетъ увеличивать свою порочность, какъ будто не помышляя о томъ, что ему предлежитъ конецъ, подобный рожденію, и что онъ напрасно трудится, болѣе для порыва вѣтра, чѣмъ удовлетворяя своему собственному усердію, истрачивая всю свою жизнь въ нечестивѣйшихъ пожеланіяхъ и въ неразумныхъ стремленіяхъ, къ тому же еще въ печаляхъ и въ болѣзняхъ. И, коротко сказать, для такого человѣка дни—мракъ, а жизнь—скорбь. Но вотъ что благо и не должно быть отвергнуто: Божій даръ есть то, что человѣкъ можетъ въ радости наслаждаться своими трудами, принявши Богомъ данныя, а не похищенныя сокровища. Ибо онъ именно и печалями не болѣетъ и не рабствуетъ какъ можно больше лукавымъ помышленіямъ, но измѣряетъ свою жизнь благодѣяніями, будучи благорасположенъ ко всѣмъ, и радуется дару Божію.

VI.

Я подхожу своею рѣчью къ несчастью, наиболѣе имѣющему силы надъ человѣкомъ. Допустимъ, Богъ въ изобиліи доставилъ

ему все пріятное его сердцу и не лишилъ его рѣшительно ничего изъ того, чего бы онъ ни пожелалъ: ни богатства, ни славы, ни всего прочаго, къ чему люди жадно стремятся; онъ же, удовлетворенный всѣмъ, мучится какъ будто однимъ только бѣдствіемъ, ниспосланнымъ Богомъ, именно тѣмъ, что не пользуется [этимъ], сберегаетъ для чужого ему [человѣка], умирая безплоднымъ и для себя и для другихъ. Это я почитаю важнымъ доказательствомъ и очевиднымъ изобличеніемъ чрезмѣрной испорченности. Въ самомъ дѣлѣ, тому мужу, который неукоризненно названъ отцомъ очень многихъ дѣтей и жилъ продолжительное время, но за такое время не насытилъ души своей благостью, не испытавъ смерти,—этому мужу я не позавидовалъ бы ни въ многочадіи, ни въ долгоденствіи, и предпочитаю ему зародышъ, преждевременно вышедшій изъ матерней утробы. Ибо этотъ какъ пришелъ напрасно, такъ и уходитъ незамѣтно въ забвеніи, не коснувшись зла, даже не увидѣвши солнца. Это покойнѣе, чѣмъ лукавому, хотя бы онъ тысячами лѣтъ измѣрялъ свою жизнь, но не позналъ благости. Конецъ же для обоихъ смерть. Впрочемъ, неразумный изобличается особенно тѣмъ, что не получаетъ удовлетворенія никакому пожеланію. Мудрый же не подверженъ этимъ страданіямъ. Однако по большей части случается, что праведность жизни ведетъ человѣка къ бѣдности. Многихъ же лишаютъ разсудка предметы, привлекающіе вниманіе похотливыхъ глазъ, которые возбуждаютъ душу и чрезъ пустое пожеланіе видѣть влекутъ къ безполезному занятію. Но во всякомъ случаѣ, что теперь произошло, то уже извѣстно, и ясно, что человѣкъ не въ состояніи противостоять тому, что выше его. Впрочемъ, пустыя рѣчи обращаются противъ людей, увеличивая безуміе пользующихся ими.

VII.

Хотя никакимъ образомъ и ни въ чемъ не получитъ больше пользы тотъ, кто знаетъ, что изъ того, что ему по сердцу, случится съ нимъ въ жизни,—ибо допустимъ это,—однако же излишнее любопытство людей сочиняетъ, будто они изслѣдуютъ и, какъ имъ кажется, знаютъ и то, что будетъ послѣ смерти каждаго. Добрая же память для души пріятнѣе, чѣмъ елей для тѣла, и конецъ жизни лучше рожденія; и предпочтительнѣе плакать, чѣмъ пировать, и быть съ печалящимися, чѣмъ съ упивающимися. Ибо дѣло такъ обстоитъ, что достигшій конца этой жизни уже

не безпокоится о томъ, что вокругъ него. [Подобнымъ образомъ] разумный гнѣвъ предпочтительнѣе смѣха, ибо суровымъ выраженіемъ лица приводится въ порядокъ и душа. Поэтому души мудрыхъ [обычно] печалятся и смиряются; души же неразумныхъ высокомѣрно веселятся. И гораздо болѣе желательно подвергнуться прещенію одного мудраго, чѣмъ стать слушателемъ хвалебныхъ пѣсенъ цѣлой толпы людей дурныхъ и жалкихъ. Ибо смѣхъ людей глупыхъ подобенъ треску большого количества терноваго хвороста, сжигаемаго сильнымъ огнемъ. Но также особенно тяжкое и величайшее зло—это клевета, ибо она злоумышляетъ на души мудрыхъ и стремится погубить благородную твердость добрыхъ. И хвалить слѣдуетъ не того, кто начинаетъ рѣчь, а того, кто оканчиваетъ, и одобрять скромность нрава, а не превозношеніе и гордость. Всѣми же способами должно воздерживаться отъ ярости и не впадать поспѣшно въ гнѣвъ, которому рабствуютъ неразумные. Погрѣшаютъ говорящіе, что предкамъ дана была лучшая жизнь, и не разумѣютъ, что мудрость весьма много отличается отъ избытка въ имуществѣ, и настолько славнѣе, насколько серебро оказывается свѣтлѣе своей тѣни. Ибо жизнь человѣка является результатомъ не тлѣннаго стяжанія богатства, но мудрости. Кто же, скажи мнѣ, въ состояніи будетъ выразить словами столь великое и столь благодѣтельное промышленіе Божіе? Или кто можетъ воззвать то, что, повидимому, праведно пренебрежено Богомъ? Я же, дѣйствуя прежде не право, [теперь] понялъ все, и то, что праведный пребываетъ въ своей праведности и до смерти не уклоняется отъ нея, но и изъ-за нея подвергается кознямъ, и что нечестивый умираетъ вмѣстѣ съ своимъ зломъ. Но тому, кто дѣйствительно праведенъ, не нужно сильно показывать себя таковымъ и слишкомъ и выше мѣры мудрымъ, чтобы, преткнувшись въ чемъ-либо, онъ не погрѣшилъ гораздо болѣе. И не будь неразсудительнымъ и дерзкимъ, чтобы тебя не похитила несвоевременная смерть. Величайшее же благо — крѣпко держаться Бога и, пребывая въ Немъ, ни въ чемъ не согрѣшать. Ибо гнусно прикасаться къ чистому оскверненною рукою. Кто же со страхомъ Божіимъ повинуется, тотъ избѣгаетъ всего противнаго. Мудрость можетъ оказать больше помощи, чѣмъ множество могущественнѣйшихъ мужей въ городѣ; она часто справедливо и прощаетъ уклоняющихся отъ своихъ обязанностей. Ибо нѣтъ ни единаго, кто не претыкался бы. Рѣчамъ же нечестивыхъ

ни въ чемъ не должно внимать, чтобы тебѣ собственными ушами не услышать рѣчей противъ тебя, какъ напримѣръ пустословія лукаваго раба, и чтобы, тогда уязвленный въ сердце, ты впослѣдствіи и самъ не склонился воздать ему многими дѣйствіями. Я позналъ все это, получивъ мудрость отъ Бога; но когда я потомъ потерялъ ее, я уже не могъ быть похожимъ на себя. Ибо мудрость убѣжала отъ меня въ безпредѣльную даль и въ неизмѣримую глубину, такъ что мнѣ уже невозможно овладѣть ею. Такъ что потомъ я даже совершенно пересталъ искать ея и не помышлялъ больше о томъ, чтобы уразумѣть безумныя дѣла, суетные совѣты и тревожную жизнь нечестивыхъ. Но будучи такъ настроенъ, я этимъ отличался [отъ другихъ], и одержимый смертоносною похотью, я позналъ, что женщина есть нѣкотораго рода сѣть, или что-либо иное въ этомъ родѣ. Ибо сердце ея уловляетъ проходящихъ мимо нея, а если она рукою только прикоснется къ рукѣ, удерживаетъ такъ, какъ будто она влечетъ, заключивши въ оковы. Только въ томъ случаѣ ты можешь освободиться отъ нея, если ты снискалъ милость Божію къ себѣ, и Онъ блюдетъ тебя, потому что, кто порабощенъ грѣху, тотъ не уйдетъ отъ нея. Искалъ я среди всѣхъ женщинъ скромности ихъ и не нашелъ ни въ одной. Мужчину благонравнаго изъ тысячи можно найти, женщины же—нѣтъ. Больше же всего я уразумѣлъ то, что люди сотворены Богомъ правыми по душѣ, но они сами увлеклись въ разнообразныя помышленія и въ безконечныя исканія, заявляютъ притязаніе на изысканіе мудрости и проводятъ время въ занятіи ничтожными рѣчами.

VIII.

Мудрость же, если она оказывается въ человѣкѣ, видна даже по лицу, такъ какъ она освѣщаетъ стяжавшаго ее; какъ и напротивъ, безстыдство изобличаетъ того, въ комъ оно вселилось, какъ достойнаго ненависти, съ перваго же взгляда. Должно со всѣмъ усердіемъ внимать рѣчамъ царевымъ и всякимъ образомъ избѣгать клятвы, въ особенности клятвы именемъ Божіимъ. Впрочемъ, надлежитъ [вообще] противостоять худой рѣчи, но [особенно] остерегаться всякаго злословія на Владыку. Ибо въ самомъ дѣлѣ невозможно хулить Его, если Онъ даже наведетъ что-либо на тебя, ни противорѣчить опредѣ-

леніямъ единаго Правителя и Царя. Лучше и полезнѣе, пребывая въ священныхъ заповѣдяхъ, оставаться вдали отъ лукавыхъ рѣчей. Ибо мудрый мужъ знаетъ и предвидитъ, что судъ, который будетъ въ надлежащее время, будетъ праведный. Ибо всѣ дѣла человѣческія въ этой жизни ожидаютъ наказанія свыше. Только лукавый, кажется, совершенно, не знаетъ что, такъ какъ о немъ теперь много попеченія, то ничто рѣшительно не будетъ забыто впослѣдствіи. Онъ не вѣдаетъ, что̀ потомъ будетъ, ибо никто не въ состояніи будетъ возвѣстить о томъ по надлежащему, потому что никто не будетъ такъ силенъ, чтобы могъ воспрепятствовать ангелу, который будетъ брать у него душу, и совершенно невозможно найти никакого способа, чтобы отмѣнить время смерти, но подобно тому, какъ захваченный въ самой срединѣ войны видитъ, что со всѣхъ сторонъ закрыта для него возможность бѣгства, такъ и всякое нечестіе человѣка погибаетъ вмѣстѣ съ нимъ. И я изумляюсь всякій разъ, когда посмотрю, какого рода и сколько люди старательно придумали на пагубу ближнимъ. Я знаю, что нечестивые раньше похищаются изъ этой жизни и устраняются за то, что сами предали себя суетѣ. Но такъ какъ промышленіе Божіе не слѣдуетъ немедленно за всѣми по причинѣ многаго долготерпѣнія и не тотчасъ послѣ преступленія [злой] наказывается, то ради этого лукавый мужъ думаетъ, что можно и дальше согрѣшать, какъ будто онъ можетъ ускользнуть безнаказаннымъ; онъ не разумѣетъ, что и послѣ весьма долгаго промежутка времени поступившій неправедно не укроется. Величайшее же благо—благоговѣйный страхъ предъ Богомъ, потерявши который нечестивый не много времени будетъ пользоваться своею глупостью. Часто же распространяется между людьми самое худшее и самое ложное мнѣніе какъ о праведныхъ, такъ и о неправедныхъ. Ибо о томъ и о другомъ думаютъ противоположное [дѣйствительности]: и тотъ, кто праведенъ, кажется не такимъ, а, напротивъ, нечестивый считается разумнымъ. Такое именно тяжкое заблужденіе я почитаю наибольшимъ изъ всѣхъ. Нѣкогда мнѣ казалось, что величайшее изъ благъ — пища и питье, и что тотъ наиболѣе угоденъ Богу, кто какъ можно больше наслаждается ими въ теченіе своей жизни, и такого рода веселіе я считалъ единственнымъ утѣшеніемъ жизни. И поэтому я ничѣмъ другимъ не занимался, какъ только этою мыслью, такъ что ни ночью, ни днемъ не отвлекался отъ всего того, что изобрѣтено для

наслажденія людямъ. И я узналъ только то, что кто осквернился этимъ, тотъ, даже много потрудившись, никакъ не сможетъ обрѣсти подлиннаго блага.

IX.

Ибо я подумалъ тогда, что всѣхъ людей нужно считать достойными одного и того же; и если кто мудръ и усердно упражнялся въ дѣлахъ праведности, и отвратился отъ неправды и, будучи благоразумнымъ, избѣжалъ вражды ко всѣмъ,-что̀ угодно Богу,-то мнѣ представлялось, что онъ напрасно трудится. Мнѣ казалось, что одинъ конецъ праведнаго и нечестиваго, добраго и злого, чистаго и нечистаго, и приносящаго Богу умилостивительную жертву и совершенно не приносящаго. Ибо когда неправедный и добрый, когда клянущійся и совершенно отвращающійся отъ клятвы, какъ я полагалъ, устремляются къ одному и тому же концу, то закрадывается какая-то недобрая мысль, что всѣ оканчиваютъ жизнь одинаковымъ образомъ. Но я теперь знаю, что это помышленія неразумныхъ, и заблужденіе и обманъ. Также часто говорятъ, что умершій совершенно погибаетъ, и что должно живого предпочитать мертвому, хотя бы онъ находился во тьмѣ, и что хотя бы даже онъ проводилъ жизнь, какъ собака, [его должно предпочесть] умершему льву. Ибо живые по крайней мѣрѣ знаютъ, что они умрутъ, мертвые же рѣшительно ничего не знаютъ. И не предлежитъ имъ никакого воздаянія, послѣ того какъ они исполнили опредѣленное судьбою. И вражда, и дружба по отношенію къ умершимъ окончились; ибо у нихъ и соревнованіе прекратилось, и жизнь исчезла. Ушедшій однажды изъ этой жизни ни въ чемъ не имѣетъ участія. Это— обольщеніе, продолжающее очаровывать, и оно подаетъ такого рода совѣтъ: эй ты, что ты дѣлаешь и не наслаждаешься разнообразной пищей и не переполняешься виномъ? Развѣ ты не понимаешь, что это дано Богомъ для безпрепятственнаго наслажденія? Почему бы тебѣ не надѣвать чистой одежды и, благовоннымъ масломъ помазавши голову, не смотрѣть на ту или другую женщину и суетно проводить суетную жизнь? Ибо кромѣ этого тебѣ не осталось ничего иного ни здѣсь, ни послѣ смерти. Но дѣлай, что придется. Ибо никто не потребуетъ у

онъ ни былъ, въ который, какъ говорятъ, мы отходимъ, непричастенъ мудрости и способности чувствовать. Такъ [говорятъ] суетные [люди].

Я же хорошо знаю, что ни тѣ, которые кажутся самыми быстрыми, не совершатъ успѣшно того великаго теченія, ни тѣ, которые славятся у людей какъ сильные и страшные, не выйдутъ побѣдителями въ страшной брани. Но также и благоразуміе познается не во множествѣ пищи и разумѣніе не находится непремѣнно въ союзѣ съ богатствомъ. Не сорадуюсь я и съ тѣми, которые думаютъ, что удѣлъ всѣхъ одинаковъ. Мнѣ кажется, спятъ глубокимъ сномъ тѣ, которые помышляютъ въ такомъ родѣ и не разсуждаютъ, что, будучи уловленными подобно рыбамъ и птицамъ, они будутъ истощены въ несчастьяхъ, неожиданно получивши заслуженное наказаніе. Я же такъ почитаю мудрость за нѣчто великое, что даже малый городъ, населенный немногими, но осажденный рукою великаго царя, почитаю за многолюдный и великій, если онъ имѣетъ въ качествѣ гражданина даже одного бѣдняка мудраго мужа. Ибо онъ былъ бы въ силахъ спасти свой городъ какъ отъ враговъ, такъ и отъ [возведенныхъ противъ него] укрѣпленій. И хотя другіе не замѣчаютъ того мудраго бѣдняка, но я всецѣло предпочитаю силу въ мудрости этой силѣ въ обычномъ значеніи. Но здѣсь на землѣ не почитается мудрость, соединенная съ бѣдностью; впрочемъ, потомъ она услышана будетъ, такъ какъ она сплою голоса превосходитъ вельможъ и тирановъ, устремляющихся ко злу. Ибо мудрость сильнѣе даже оружія; неразуміе же одного причиняетъ опасность многимъ, хотя бы онъ для многихъ былъ презрѣннымъ.

X.

Ибо даже мухи, упавшія въ благовонное масло и задохнувшіяся въ немъ, дѣлаютъ непристойнымъ и видъ и помазаніе того пріятнаго помазанія: [такъ] отнюдь не слѣдуетъ вспоминать въ одно и то же время о мудрости и глупости. Мудрый самъ ведетъ себя къ дѣламъ правой стороны; безумный же склоняется въ лѣвую сторону, и не наступитъ такого времени, когда бы его глупость могла руководить его къ прекраснымъ дѣламъ. И помышленія его суетны, исполнены глупости. Если же на тебя, другъ, когда-либо нападетъ даже враждебный духъ, то ты му-

жественно противостань ему, зная, что Богъ можетъ покрыть своею милостію и великое множество прегрѣшеній. Что глупый поднимается на высоту, а богатый мудростью смиряется, что, какъ я видѣлъ, рабы грѣха ѣздятъ на конѣ, а святые мужи ходятъ пѣшкомъ безъ почета, тогда какъ лукавые гордятся,—это—дѣла тиранна и отца всякаго лукавства. Если же кто злоумышляетъ противъ другого, то онъ забываетъ, что причиняетъ козни себѣ же первому и только одному себѣ. Кто разрушаетъ ограду другого, тотъ подвергнется укушенію змія. Но если кто и камни изъемлетъ, тотъ претерпитъ не малый трудъ. Но и разсѣкающій дрова можетъ подвергнуться опасности отъ своего собственнаго оружія. Если случайно топоръ упадетъ съ рукоятки, то занимающійся этой работой придетъ въ смущеніе, такъ какъ онъ не на пользу собираетъ и умножаетъ себѣ свою неправедную и скоро гибнущую силу. Укушеніе же змія бываетъ скрытнымъ, и никакого облегченія не принесутъ заклинатели, ибо они суетны. Но мужъ добрый дѣлаетъ добро и себѣ и ближнимъ. Напротивъ, глупый низвергается въ погибель изъ-за своей болтовни. Разъ открывши уста, онъ глупо начинаетъ и скоро перестаетъ, постоянно обнаруживая свое неразуміе. Человѣку же невозможно что-либо знать и отъ человѣка получить свѣдѣнія о томъ, что было, или о томъ, что послѣдуетъ. Ибо кто ему откроетъ? Человѣкъ, который не умѣлъ совершить путь въ хорошій городъ, въ глазахъ и во всемъ лицѣ носитъ выраженіе переносимаго имъ бѣдствія. Но я предрекаю несчастія тому городу, царь котораго юный и князья прожорливы. Напротивъ, считаю блаженною ту добрую землю, которой царь—сынъ свободнаго, гдѣ благовременно наслаждаются благами удостоившіеся тамъ начальствовать. Но лѣнивый и праздный наносятъ ущербъ дому, сдѣлавшись праздношатающимися, и для своего прожорства они пользуются всѣмъ, легко увлекаемые серебромъ, за малую плату они постыдно и малодушно рѣшаются дѣлать все, что угодно. Царю же и князьямъ и вельможамъ надлежитъ повиноваться и не навлекать на себя ихъ гнѣва и совершенно не произносить какого-либо оскорбительнаго слова по отношенію къ нимъ. Ибо должно опасаться, что сказанное даже наединѣ какъ нибудь сдѣлается явнымъ. Ибо единому и богатому и великому Царю быстрые и крылатые ангелы переносятъ все, совершая духовное и разумноее служеніе.

XI.

Справедливо дѣлиться хлѣбомъ и всѣмъ необходимымъ, что служитъ людямъ для поддержанія жизни. Ибо если даже ты будешь считать, что въ настоящее время [то, что ты даешь] у кого-либо погибаетъ, какъ если бы ты пускалъ хлѣбъ на воду, однако, по прошествіи времени, окажется, что человѣколюбіе [твое] не безполезно для тебя. Давай щедро и раздѣляй свое имущество многимъ, ибо ты не знаешь, что принесетъ слѣдующій день. [Ибо] и облака не удерживаютъ своего обильнаго дождя, но проливаютъ влагу на землю, и дерево не всегда стоитъ, но если и люди пощадятъ его, то оно вѣтромъ будетъ опрокинуто. Многіе же хотятъ предузнавать и то, что будетъ съ неба, и кто смотритъ на облака и ожидаетъ вѣтра, тотъ воздерживается отъ жатвы и вѣянія хлѣба, полагаясь на то, что не имѣетъ значенія, и не зная ничего изъ того, что будетъ отъ Бога, подобно тому, какъ [не знаетъ] даже, что родитъ беременная. Посѣявши же во время, собирай плоды, лишь только наступитъ для этого время, ибо неизвѣстно, какое изъ того, что произрастаетъ, будетъ лучшимъ. О, если бы все удавалось хорошо! Размышляющій, что прекрасно солнце, что пріятна эта жизнь и что хорошо быть долголѣтнимъ, безпрестанно веселясь, и что смерть— страшное дѣло и вѣчное зло и приводитъ къ ничтожеству, думаетъ, что должно наслаждаться всѣмъ настоящимъ и тѣмъ, что считается пріятнымъ. Онъ совѣтуетъ и юношамъ пользоваться своимъ возрастомъ, предавши свои души всякому удовольствію и удовлетворять всякія пожеланія и дѣлать то, что имъ угодно, смотрѣть на то, что услаждаетъ, и отвращаться отъ того, что не таково. Такому я скажу слѣдующее: безумствуешь ты, если ты не ожидаешь, что за все это постигнетъ судъ отъ Бога. Худое дѣло развратъ и распутство, и гибельна нечистая необузданность нашихъ тѣлъ. Ибо юности сопутствуетъ безуміе; безуміе же ведетъ къ погибели.

XII.

Должно же, еще будучи юнымъ, бояться Бога, прежде чѣмъ предашь самого себя пороку, прежде чѣмъ придетъ день Божій великій и страшный, когда солнце уже не будетъ свѣ-

тить, ни луна, ни прочія звѣзды, когда въ то время общаго бѣдствія и смятенія поколеблются высшія силы, [т. е.] ангелы, охраняющіе міръ, такъ что прекратятъ свою дѣятельность мужи — вельможи и женщины перестанутъ работать и убѣгутъ въ сокровенныя части домовъ, заперши всѣ двери; женщина, изъ страха переставшая молоть, подобно самой малой птичкѣ будетъ кричать самымъ тонкимъ голосомъ, и падутъ на землю всѣ нечистыя женщины и города и ихъ начальство, запятнанное убійствомъ, ожидая наказанія свыше, такъ какъ настаетъ горчайшее и кровавое время, какъ бы во время цвѣтенія миндаля, и будутъ тѣснить безпрерывныя наказанія, какъ бы когда налетаетъ множество саранчи, и будутъ выброшены прочь беззаконные, подобно тому, какъ черный и презрѣнный каперсовый кустъ. Добрый мужъ съ радостью пойдетъ въ вѣчный свой домъ; дурные же наполнятъ все свое рыданіемъ, и ни серебро, собранное въ сокровищницу, ни золото испытанное больше не принесутъ имъ пользы. Ибо великій ударъ постигнетъ все до кувшина, стоящаго у источника, и колеса колесницы, которое случайно оставлено въ колодцѣ, когда положенъ будетъ конецъ теченію временъ и мимоидетъ уготовляемая водою жизнь вѣка [сего], приносящаго омовеніе. Для людей же, находящихся на землѣ, одно спасеніе, если души ихъ узнаютъ и возлетятъ къ Тому, Кѣмъ онѣ сотворены. Итакъ, я снова говорю то, что сказалъ въ началѣ: очень суетно настроены люди и суетность замышляемыхъ ими дѣлъ такова, что ее невозможно и превзойти. Я же, проповѣдуя мудро, предпринимаю слишкомъ большой трудъ, потому что имѣю намѣреніе учить этотъ народъ, котораго нельзя ни научить, ни излѣчить. Для того, чтобы быть въ состояніи уразумѣть рѣчи мудрости, нуженъ мужъ благородный. Я уже старикъ и прошелъ долгое время жизни, потрудился надъ тѣмъ, чтобы посредствомъ изслѣдованія тайнъ истины найти угодное Богу. Я знаю, что наставленіями мудрыхъ души возбуждаются и пронзаются не меньше, чѣмъ тѣла, когда ихъ поражаютъ воловьими остнами или приколачиваютъ гвоздемъ. Нѣкоторые, получивши тѣ мудрые уроки отъ единаго добраго пастыря и учителя, преподадутъ ихъ какъ бы изъ единыхъ устъ согласно между собою, весьма обильно излагая довѣренное имъ. Но во многихъ рѣчахъ нѣтъ никакой пользы; и я не совѣтую тебѣ, о другъ, записывать безполезное относительно обязанностей, въ которомъ нѣтъ ничего больше, кромѣ напраснаго труда.

Но мнѣ, наконецъ, остается еще заключеніе, которое будетъ въ такомъ родѣ: люди, вотъ я точно и сжато провозвѣщаю вамъ, что, съ одной стороны, должно бояться Бога, Который есть владыка всего и видитъ все, и соблюдать Его заповѣди, съ другой стороны, убѣдить себя въ томъ, что все потомъ подвергнется суду, и каждый по заслугамъ получитъ воздаяніе за свои дѣла какъ добрыя, такъ и дурныя.

Святаго Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго, „Къ Ѳеопомпу о возможности и невозможности страданій для Бога“.

1. Однажды, когда я намѣренъ былъ возвратиться въ то мѣсто, гдѣ обыкновенно проводилъ время, нѣкій мужъ, имя котораго было Ѳеопомпъ, спросилъ меня, безстрастенъ ли Богъ? Я же немного помедлилъ, и, сжавши губы [1]), отвѣтилъ: «какъ мы можемъ говорить, о Ѳеопомпъ, что Богъ подлежитъ страданію»? И когда онъ пытался съ моимъ отвѣтомъ связать другой вопросъ, я, болѣе и болѣе ускоряя шагъ, поспѣшилъ, чтобы достигнуть того мѣста, гдѣ обычно друзья собирались съ друзьями, и лишь только я сѣлъ подлѣ тѣхъ, которые тамъ были, я протянулъ къ нимъ руку и приготовился спросить у нихъ о томъ, что̀ сказано было мною въ предшествующій день. Но пришелъ Ѳеопомпъ и, занявши мѣсто подлѣ меня, началъ говорить такъ: «необразованные и незнакомые съ наукой должны, о Григорій, старательно поучаться у ученыхъ и у знающихъ все. А такъ какъ я рѣшилъ снова усердно заняться этимъ предложеннымъ мною вопросомъ, то я прошу тебя дать врачество для этихъ мыслей, которыя взаимно борются между собою и которыя, постоянно пребывая во мнѣ, разстраиваютъ мой умъ. Прошу тебя укрѣпить меня тѣми ясными доказательствами, которыя у тебя по этому вопросу готовы въ изобиліи».

2. Когда послѣ этого прошло нѣкоторое время въ глубокомъ молчаніи, я снова началъ говорить такъ: «великое и

[1]) Т. е. въ пренебрежительномъ тонѣ.

превосходное расположеніе оказалъ намъ возлюбленный нашъ Ѳеопомпъ, желая возобновить тотъ вопросъ, которымъ, какъ я думаю, по необходимости долженъ заниматься каждый [именно]: «возможно-ли страданіе для Бога»? На этотъ вопросъ я далъ скорый отвѣтъ: «какъ возможно, о Ѳеопомпъ, не исповѣдывать, что Богъ безстрастенъ»? Далѣе, когда присутствующіе начали между собою много пустословить по этому поводу, то и я спросилъ Ѳеопомпа, въ какомъ смыслѣ онъ понялъ то, что было сказано мною.

Онъ же отвѣтилъ такъ: «если Богъ по природѣ безстрастенъ, то изъ этого слѣдуетъ, что Онъ никогда не можетъ страдать, даже если бы хотѣлъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ Его природа совершала бы то, что противно Его волѣ». На это я далъ такой отвѣтъ: «не богохульствуй, о Ѳеопомпъ, и не подчиняй Бога силѣ необходимости, противополагая волѣ Его природу. Ибо, если Богъ не дѣлаетъ того, что Онъ хочетъ, то отсюда, дѣйствительно, слѣдуетъ, что Его постигаетъ величайшее страданіе, такъ какъ [въ такомъ случаѣ] должно сказать, что воля Божія подчинена природѣ. Этого совершенно не должно быть. Мы полагаемъ, что такъ думаютъ тѣ, которые въ значительной степени восприняли въ себя духа дерзости, и что они подчиняютъ Бога силѣ необходимости. Но мы должны, о Ѳеопомпъ, представлять такъ, что всемогущая природа Божія никогда не можетъ воспрепятствовать Ему дѣлать то, что Онъ хочетъ, такъ какъ намъ надлежитъ говорить, что Богъ превыше всего и ничему не подчиненъ. Неужели отъ тебя укрылось, о любезнѣйшій, что одинъ только Богъ свободенъ, надъ всѣмъ возвышенъ, все можетъ и не подчиненъ никакой необходимости? Посему нечестиво отнимать свободу у всемогущаго Бога».

3. Отвѣчая на это. Ѳеопомпъ присовокупилъ: «пусть будетъ такъ, какъ ты сказалъ, именно, что Богъ свободенъ. Ибо мы не дерзаемъ отнимать у Бога свободу; но этотъ отвѣтъ не разрѣшаетъ моего вопроса, славный учитель Григорій. Ибо я спросилъ тебя: безстрастенъ ли Богъ? Ты въ своемъ отвѣтѣ призналъ, что Богъ безстрастенъ. Тогда, возражая, я снова спросилъ тебя: безстрастное по своей природѣ не заключаетъ ли въ себѣ препятствія къ тому, чтобы претерпѣвать человѣческія страданія, поелику природа его блаженна и нетлѣнна. Итакъ, я спрашиваю: не заключаетъ ли Богъ въ самомъ Себѣ препятствія къ тому, чтобы претерпѣвать страданія, такъ какъ

Онъ всегда тотъ же, если примемъ во вниманіе безстрастіе Его природы? Слѣдовательно, я хотѣлъ бы присущимъ тебѣ благочестіемъ быть приведеннымъ къ ясному пониманію этого предмета и у любви твоей ревностно поучиться, — ибо я нахожусь въ сомнѣніи, — можетъ ли безстрастный Богъ претерпѣвать что-либо несогласное съ Его природой, поелику, какъ мы сказали, Онъ безстрастенъ? Даже болѣе того: мою мысль поразило то, что̀ нѣкоторые говорятъ не совсѣмъ безразсудно, именно, что будто бы, такъ какъ природа Бога противодѣйствуетъ Его волѣ, то и самый вопросъ безполезенъ. Ибо если безстрастіе Божіе не допускаетъ человѣческихъ страданій, то почему я не могъ бы смѣло отвѣтить тебѣ, сказавъ, что природа Бога противится Его волѣ? Отсюда, какъ я прежде сказалъ, безстрастная природа Божія могущественнѣе Его воли, хотя бы послѣдняя была Богъ».

4. Далѣе, такъ какъ многіе изъ тѣхъ, которые пришли, ожидали, что̀ я отвѣчу на такъ поставленный мнѣ вопросъ, то я тотчасъ охотно далъ ему слѣдующій отвѣтъ: «возлюбленный Ѳеопомпъ, справедливость требуетъ, чтобы мы говорили и понимали, что человѣкъ, природа котораго состоитъ изъ души и тѣла, не можетъ дѣлать чего-либо такого, что было бы противно его волѣ, такъ какъ организація его природы и строеніе его тѣла связаны закономъ Творца. Вслѣдствіе этого принужденія необходимости, которая сильнѣе человѣка, человѣческая воля не можетъ свободно совершать всего того, къ чему она стремится, поелику какъ природа, такъ и воля—каждая влечетъ человѣка въ свою сторону. Поэтому человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже своего Творца. Ибо все, что подлежитъ рожденію и тлѣнію, [въ этомъ самомъ] имѣетъ препятствіе къ тому, чтобы все мочь. Посему намъ слѣдуетъ знать, что природа Божія нѣизреченна и неизъяснима, не имѣетъ подобія ни съ чѣмъ, не подчинена никакому закону, никакой необходимости, никакой привычкѣ, косности, страху, возрастанію, болѣзни, но все можетъ совершать силою, которая все препобѣждаетъ и никѣмъ не преодолѣвается. Но никогда, о Ѳеопомпъ, не слѣдуетъ такъ представлять Бога, какъ будто бы Онъ вошелъ въ противорѣчіе съ Своей волей, потому именно, что Онъ подвергъ Себя самого страданію, хотя по природѣ Своей безстрастенъ. Ибо волю Божества мы не отдѣляемъ отъ той блаженнѣйшей сущности, которая неизмѣнна, оставаясь одною и тою же, въ единомъ образѣ, единомъ бытіи, въ единой не-

измѣняемой волѣ, которая научается отъ себя самой, сама себѣ повелѣваетъ и сама отъ себя самой и въ себѣ самой и чрезъ самое себя все можетъ дѣлать. И дѣйствительно, Его безстрастная природа ни въ чемъ не препятствуетъ Его волѣ совершать то, что хочетъ, такъ какъ во всякое время она одна и та же. Ибо я сказалъ, что Онъ единъ и что тотъ именно въ собственномъ смыслѣ Богъ, кому никакая сила не можетъ воспрепятствовать дѣлать то, что хочетъ, такъ какъ Его сущность не состоитъ изъ разныхъ взаимно себѣ противорѣчащихъ сущностей. Мы говоримъ, что природа и существо человѣка состоятъ изъ различныхъ природъ, именно, изъ души и тѣла. Далѣе, такъ какъ воля одной не согласна съ волей другой, то отсюда слѣдуетъ, что людьми не осуществляется всегда то, что они хотѣли бы совершить, потому что природа одной части, противодѣйствуя природѣ другой, препятствуетъ послѣдней дѣлать то, что она хочетъ. Тотъ же, Кто одинъ только неограниченъ, благъ и славенъ, Кто Своею благостію все опредѣляетъ, Кому подчинено все, что есть и было, Кто превосходитъ все, у Кого нетлѣнный разумъ, Кто чуждъ и выше всякаго зла, какъ я сказалъ раньше: Онъ одинъ только простъ и несложенъ, не смѣшанъ со зломъ вслѣдствіе единства Своей сущности, единая благая воля, недѣлимая, никогда не поругаемая, не волнуемая, не ослабляемая. не изслѣдимая, никогда не побѣждаемая или подавляемая; Онъ выше всякихъ страданій; Онъ самъ Себя опредѣляетъ во всемъ, что намѣревается дѣлать, такъ какъ Его природа не допускаетъ никакого препятствія, поелику Онъ чуждъ всякаго возмущенія и съ Нимъ ничто не состязается или возстаетъ противъ Него; Онъ свободенъ и Своею волею господствуетъ надъ всѣмъ, и силою Своею, превосходящею все. Онъ можетъ все совершать. Не думай, о другъ, что Тому, Кто всѣмъ обладаетъ, Кого никто не можетъ подвергнуть страданіямъ и Кому никто не можетъ противостоять,— можно воспрепятствовать совершить то, что Онъ хочетъ».

V. Въ отвѣтъ на это Ѳеопомпъ сказалъ мнѣ: «и я также, учитель Григорій, хорошо знаю, что Богъ обладаетъ могущественнѣйшей волей, совершенной свободой и господствомъ надъ всѣмъ, и что никто не долженъ спорить о томъ, что̀ ты утверждаешь. Но то, относительно чего я остаюсь въ недоумѣніи, состоитъ въ слѣдующемъ, именно: не заключаетъ ли природа Божества въ самой себѣ препятствія къ тому, чтобы страдать;

и существо, которое безстрастно, не возбраняетъ ли своей волѣ претернѣвать страданія, что̀, конечно, было бы чуждо ему самому и для него неприлично? Это такъ (очевидно) изъ ясныхъ доказательствъ, которыхъ тобою приведено больше, чѣмъ достаточно. А если бы кто выступилъ противъ этихъ объясненій, на того должно было бы смотрѣть не только какъ на невѣжественнаго, но и какъ безразсуднаго, нечестиваго и въ высшей степени дурного. Ибо надлежитъ предоставить Богу господство и власть надъ всѣмъ; а такъ какъ я предпочитаю избрать благое и отвернуть злое, то, поелику безстрастная природа Бога всегда одна и та же, я рѣшилъ изслѣдовать и узнать, имѣлъ ли Богъ когда-нибудь намѣреніе претерпѣвать человѣческія страданія».

VI. На это я отвѣтилъ: «хочешь ли ты, о Ѳеопомпъ, дѣйствительно и искренно отступить отъ воззрѣній Исократа и совершенно оставить ихъ, чтобы обратиться къ здравымъ мнѣніямъ истины, которыя я изложилъ тебѣ въ ясныхъ доказательствахъ? Слушай, поэтому, внимательно слушай, о Ѳеопомпъ, и старательно вникни своею мыслію, надлежащимъ образомъ слагая въ своемъ сердцѣ то, что я скажу тебѣ. Страданіе тогда дѣйствительно было бы страданіемъ, если бы Богъ имѣлъ намѣреніе [сдѣлать], что-нибудь неполезное и для Него непристойное. Но когда божественнная воля подвиглась для уврачеванія дурныхъ помышленій людей, тогда мы не можемъ сказать, что Богъ страдаетъ оттого, что Своимъ униженіемъ и высочайшимъ благоволеніемъ послужилъ людямъ. Посему, такъ какъ сердце людей отвратилось отъ истинной религіи и, на подобіе животныхъ, оказало матеріи больше чести, чѣмъ Богу, и, что̀ было непосредственнымъ слѣдствіемъ этого, жадно устремилось на гнусныя удовольствія,—то Богъ восхотѣлъ отвлечь людей отъ этого. Но въ Богѣ не почитаются страданіями тѣ страданія, которыя, по собственному хотѣнію, Онъ претерпѣлъ для общаго блага человѣческаго рода, когда Его блаженнѣйшая и безстрастная природа вовсе не противодѣйствовала [этому]. Ибо Онъ въ своемъ страданіи показываетъ безстрастіе. Вѣдь если кто страдаетъ, тотъ страдаетъ лишь въ въ томъ случаѣ, когда страданіе насильственно оказываетъ свое дѣйствіе на того, кто страдаетъ, помимо его воли. Но о томъ, кто, при безстрастіи своей природы, добровольно становится причастнымъ страданіямъ, чтобы совершенно побѣдить ихъ, мы не говоримъ, что онъ подвергается страданіямъ, хотя бы своей волей онъ участвовалъ въ страданіяхъ. Ибо

посмотри, какъ врачи, когда хотятъ излѣчить тѣхъ, которые мучатся ужасными болѣзнями, съ радостью переносятъ трудъ, чтобы помочь больнымъ, предвкушая радость отъ надежды на будущее выздоровленіе. Слава и извѣстность, которыя врачъ пріобрѣтаетъ лѣченіемъ страждущихъ, смягчаютъ отвращеніе и устраняютъ тягость труда. Врачъ на время забываетъ о своемъ достоинствѣ и смиряетъ свою волю, почему, принимая видъ раба, дѣлается невольникомъ больныхъ и свое достоинство низводитъ до подобія рабства. Однако этого униженія мы не называемъ униженіемъ для врача, ради выздоровленія, которое проистекаетъ отсюда, и мы не думаемъ, что онъ лишился достоинства, когда видимъ, что онъ добровольно исполняетъ обязанности слуги. Ибо, совершивши то, что медицинское искусство призывало его исполнить, онъ тогда радостно снова принимаетъ прежнее достоинство, и здоровье больныхъ, котораго онъ желалъ, доставляетъ ему больше радости, чѣмъ почетъ, которымъ онъ раньше пользовался. Впрочемъ, онъ ничего не потерялъ за то время, когда, преклонивши голову, исполнилъ обязанности слуги и оказалъ милость лѣченіемъ больныхъ тѣлъ. Ибо онъ зналъ, что ему нужно на извѣстное время принять на себя нѣкоторое униженіе, чтобы снова дать здоровье больнымъ, вслѣдствіе чего онъ получитъ славу, гораздо большую, чѣмъ униженіе. Итакъ, почему мы не могли бы сказать о Томъ, Кто одинъ только благъ и Кто выше суетной славы, чуждъ уничиженія, безстрастенъ въ страданіяхъ и превыше всего,—что Онъ въ Своемъ безстрастіи поднялъ Свой скипетръ надъ страданіями, такъ какъ Своимъ страданіемъ заставилъ ихъ страдать. Ибо перенесеніе [Имъ] страданій было бестрастнымъ, такъ какъ Своимъ страданіемъ Онъ причинилъ имъ страданіе и въ Своемъ страданіи показалъ Свое безстрастіе. Ибо что̀ страданія производятъ по отношенію къ подверженнымъ страданіямъ, то же самъ Безстрастный производитъ Своимъ страданіемъ по отношенію къ страданіямъ, вслѣдствіе чего, при Своемъ безстрастіи, явился страданіемъ страданій. Итакъ, когда мы утверждаемъ, что страданія побѣждены въ ихъ дѣятельности, вслѣдствіе того, что Безстрастный былъ причастенъ имъ,—то какъ иначе мы можемъ назвать это, если не такъ, что Онъ былъ страданіемъ страданій? Ибо, если адамантъ, когда по немъ ударили желѣзомъ, не страдаетъ отъ удара, а, напротивъ, остается невоспріимчивымъ къ страданіямъ, какимъ и былъ, такъ что пораженія отъ удара возвращаетъ на

ударяющаго, вслѣдствіе того, что адамантъ по своей природѣ является нечувствительнымъ къ страданіямъ и не подвергается страданію, то почему мы не можемъ сказать, что Безстрастный былъ страданіемъ для страданій? Ибо какъ не изобразить страданіемъ страданій Того, Кто не терпитъ вреда и страхомъ не устрашается, хотя бы Онъ добровольно и вошелъ съ ними въ общеніе? Или какъ не безстрастенъ Тотъ, Кто, при своемъ страданіи, не потерпѣлъ вреда отъ страданій? Какъ не безсмертенъ Тотъ, Кто, проходя чрезъ смерть, не былъ устрашенъ смертью? Пришествіе Бога на смерть явилось смертью для смерти, такъ какъ Онъ не былъ удержанъ ею; подобнымъ же образомъ безстрастіе Бога было страданіемъ страданій, когда Онъ снизошелъ до страданій. Ибо если предметы міра сего, когда смѣшиваются съ противоположными имъ предметами, поистинѣ обнаруживаютъ свою силу и невоспріимчивую къ страданіямъ природу, то насколько болѣе мы должны разумѣть, что страданіе Бога было страданіемъ для страданій. Ибо какъ желѣзо, ударяя адамантъ, принимаетъ на себя ударъ и само получаетъ поврежденіе отъ удара, вслѣдствіе твердости адаманта, такъ и о Богѣ, Который силенъ по своей волѣ и безстрастенъ по своему существу, когда Онъ принялъ на Себя страданія, какъ не сказать, что Онъ пребылъ въ своемъ безстрастіи даже въ то время, когда подвергался пыткѣ желѣзомъ и огнемъ, поелику природа Божества сильнѣе всего, даже когда она въ страданіяхъ? Ибо истиннымъ доказательствомъ божественнаго безстрастія и безсмертія должно признать то, что, находясь подъ дѣйствіемъ страданій, Онъ Самъ явился причиною страданій, поелику этимъ доказательствомъ обнаруживается, какова была причина того, что совершилось. Ибо мы не знали бы, что Безстрастный [дѣйствительно] безстрастенъ, если бы Онъ не вошелъ въ общеніе съ страданіями и не устоялъ противъ силы страданій. Ибо подъ видомъ страданій Безстрастный проникъ въ страданія, чтобы своимъ страданіемъ показать, что Онъ—страданіе для страданій. Натиска безстрастія не могли выдержать страданія, и мы не должны удивляться, о ученый Ѳеопомпъ, что безстрастіе Божества явилось поруганіемъ для страданій, когда мы видимъ, что глаза. напряженно устремленные на солнце, чтобы изслѣдовать лучи, претерпѣваютъ страданіе отъ лучей.

VII. Что̀ мы стремимся показать этимъ, такъ именно то, что тотъ Богъ, который настолько выше тлѣнія и страданія, смерти и какого бы то ни было поврежденія, что всѣ

должны признать Его недоступнымъ для страданій, поистинѣ былъ уничижителемъ страданія, такъ какъ страданія не въ состояніи были противостоять Ему. Онъ дѣйствительно безстрастенъ и въ собственномъ смыслѣ посрамилъ смерть, такъ какъ Своею смертію Онъ утвердилъ Свое безсмертіе и Своимъ страданіемъ показалъ свое безстрастіе. Когда атлетамъ, одерживающимъ побѣду въ состязаніи, даруется вѣнецъ, и когда тѣмъ, которые признаны достойными тріумфа, предоставляются награды за побѣду, то послѣднія можно давать только тѣмъ атлетамъ, которые, будучи испытанными въ состязаніи и борьбѣ, заслужили вѣнецъ побѣды. Совершенно подобнымъ образомъ надлежитъ говорить и о безстрастіи. Безстрастіе не стоитъ выше страданій, если оно прежде не показало своей силы. Итакъ, страданіе въ Богѣ не является, какъ нѣкоторые желаютъ, униженіемъ или слабостью, такъ какъ возвышенная природа Божія показала свою неизмѣняемость, когда подвергалась испытанію въ страданіяхъ. Ибо о Томъ, Кто былъ во вратахъ смерти, и Кто, будучи безсмертнымъ, какъ Богъ, своимъ безстрастіемъ побѣдилъ смерть, должно провозвѣщать, что Онъ—Богъ, такъ какъ Онъ не подлежитъ никакой власти, не удерживается никакою силою, не склоняется предъ тлѣніемъ, не волнуется скорбію, не объемлется смертію. Онъ есть Богъ, надъ всѣмъ владычествующій; это—истинное господство, это—власть, никому не подчиненная, такъ какъ, поправъ смерть, Онъ ничего не потерпѣлъ отъ смерти.

VIII. Тѣ же, которые хотятъ хулить эту надъ всѣмъ возвышенную мудрость и эту въ своемъ величіи сокрытую отъ всѣхъ волю; которые отвергаютъ превосходство могущества того Бога, смертью Котораго безстрастіе распространено на всѣхъ; которые осмѣиваютъ пришествіе Бога на смерть и не разумѣютъ, что превосходящее сіяніе Его пришествія должно воспринимать окомъ своего ума, и объявляютъ вздорной басней непостижимое и недомыслимое пришествіе Бога на смерть, безъ истлѣнія,—эти пусть, если имъ угодно, пребываютъ въ своемъ ложномъ познаніи, какъ во мракѣ, будучи предопредѣленными для смерти и тлѣнія. Ибо (мы не понимаемъ), какъ можно бы назвать злодѣемъ царя или князя, который вошелъ въ темницу, чтобы произнести приговоръ относительно злодѣевъ, содержащихся тамъ, по дѣламъ ихъ, и вслѣдствіе этого перенесъ дурной запахъ и брань, если, конечно, онъ добровольно пришелъ къ дурнымъ людямъ, которые заключены въ темницѣ?

Необходимо, чтобы такъ мы думали и о Богѣ. Ибо на Него, вслѣдствіе Его безстрастія, смерть не можетъ нападать, и поелику Онъ безсмертенъ, то безъ страха можетъ попрать смерть; силою же Божества Онъ остался чуждымъ страданій и побѣдилъ силы смерти, по человѣческому выраженію истинно сдѣлался причастникомъ смерти. Итакъ, когда мы слышимъ, что Богъ пострадалъ, мы должны разумѣть это относительно пришествія Его на смерть, поелику Онъ нисколько не воспринялъ въ Себя страданій смерти,—безстрастною и безсмертною Своею силою Онъ явился на смерть и отъ смерти уходитъ какъ Богъ, Который все можетъ. Пришествіе Бога на смерть ясно показало Его божественную силу и безстрастіе Его по существу, такъ какъ Онъ не былъ удержанъ смертью. Ибо кто изъ смертныхъ могъ когда-либо презрѣть смерть? Или кто изъ людей когда-либо избѣжалъ силы владычества смерти? Но если это невозможно, какъ это и на самомъ дѣлѣ есть, то необходимо, чтобы мы предоставили власть надъ смертію единому только Богу. Итакъ, Богъ входитъ во врата смерти и смерти не претерпѣваетъ. Тѣ же, которые за преступленіе заповѣди, осуждены на смерть,—они во вѣкъ пребудутъ въ смерти. Итакъ, на какое основаніе опираются тѣ, которые смѣются надъ мудрымъ пришествіемъ Бога на смерть, какъ надъ недостойною Бога вещью и крайнимъ униженіемъ, и тѣхъ, которые такъ проповѣдуютъ, считаютъ дѣтьми и безразсудными?

IX. Въ виду безстрастія Бога, Который чрезъ смерть и уничиженіе явился побѣдителемъ, не воображай, о, возлюбленный мой Ѳеопомпъ, будто невозможно было, чтобы Богъ пришелъ на смерть и претерпѣвалъ то, что относится къ смерти, безъ обмана. Ибо если древніе мудрецы могли разсказывать о нѣкоемъ животномъ, что оно, хотя и слабое по своимъ силамъ, однако, препобѣждало силу огня, такъ какъ брошенное въ огонь, который все сжигаетъ, имъ охваченное и въ немъ движущееся, не терпитъ отъ огня никакого вреда, такъ что мы можемъ сказать, что оно выше огня, который все сжигаетъ, потому что оно отражаетъ силу огня, и, вслѣдствіе большого количества холода, которымъ обладаетъ, охлаждаетъ жаръ пламени, ничего не претерпѣвая отъ дѣйствія огня, который все повреждаетъ; если, говорю, саламандра, смертное животное, подверженное тлѣнію, вслѣдствіе большого количества холода, который содержитъ въ себѣ, дѣлаетъ недѣйствительнымъ жаръ

пламени, — то какъ не сказать, что Богъ, Который выше смерти и тлѣнія, въ Своемъ пришествіи на смерть обладалъ нетлѣніемъ? Итакъ, если животное, подверженное тлѣнію, будучи брошено въ огонь, переноситъ огонь; если вещи, взаимно противоположныя, по силѣ, присущей ихъ природѣ, могутъ противостоять разрушенію, когда соединяются съ иными вредными для нихъ вещами,—то какъ мы можемъ удивляться, что существо, высшее матеріи и во всѣхъ отношеніяхъ безстрастное, своимъ причастіемъ смерти показало безстрастіе своей природы и вмѣстѣ съ тѣмъ своею смертью посмѣялось надъ страданіями и смертью. Въ этомъ состоитъ неизмѣняемость и безстрастіе Божіе. Ибо какой вредъ претерпѣло то блаженнѣйшее существо, пришествіемъ въ этотъ злой міръ и воспріятіемъ, для [спасенія] душъ, подобія смертныхъ людей, не лишаясь ничего изъ своей божественной силы, но оставаясь такимъ же, какимъ было? Какимъ образомъ блаженнѣйшее существо могло бы не оставаться всегда тѣмъ же, когда его сущность не можетъ потерпѣть никакого вреда и его воля— противорѣчія или насилія? Но Кто тѣмъ, что мы перечислили, никогда не умаляется, Тотъ какъ не можетъ быть названъ безстрастнымъ, особенно, если, всегда оставаясь тѣмъ же и своею волею самъ собою управляя, Онъ щедро раздаетъ свои дары? На малое время онъ принялъ образъ человѣка, такъ какъ, по своему мудрѣйшему плану, Онъ совершилъ то, что хотѣлъ, и своею всемогущею волею осуществилъ то, что имѣлъ намѣреніе совершить, всегда сохраняя свое божественное могущество, оставаясь тѣмъ, чѣмъ былъ, ничего не терпя въ страданіяхъ, такъ какъ Его безстрастная природа и въ Его страданіяхъ пребыла такою же, какою была. Посему, если бы, съ соизволенія блаженнѣйшаго существа, отдѣлилась субстанція Имъ (воспринятая), то [чрезъ это] не умалится Его собственная субстанція, такъ какъ Его божественная природа показала, что она неизмѣняема, поелику удары, разсѣченія, болѣзнь и скорбь никогда не могутъ причинить вреда Богу. Ибо, что побѣждается страданіемъ и измѣняется отъ тлѣнія, объ этомъ должно сказать, что оно страдаетъ; а что совершается превосходящею божественною мудростью и дивнымъ домостроительствомъ божественнаго провидѣнія, на то не должно смотрѣть, какъ на страданія Бога, потому что, вслѣдствіе безстрастія Бога, въ этомъ не обрѣтается ничего, что производило бы страданіе. Сколько бы мечъ ни разсѣкалъ пламени огня,

онъ своимъ ударомъ не произведетъ раздѣленія, хотя тѣло проходитъ чрезъ тѣло. Итакъ, если непостижимо разсѣченіе нѣкоторыхъ тѣлъ, подверженныхъ тлѣнію, потому что огонь всегда остается одною и тою же субстанціей и никогда не терпитъ раздѣленія, такъ какъ за ударомъ желѣза непосредственно слѣдуетъ соединеніе,—ибо тонкость огня не позволяетъ раздѣленію оставаться въ немъ, даже когда разсѣкается желѣзомъ, такъ какъ желѣзо со всѣхъ сторонъ опоясывается силою [огня], и съ какой бы стороны послѣдній ни пронзался желѣзомъ, пламя крѣпко держится самого себя и никогда не раздѣляется; если, далѣе, раздѣленіе осязаемаго тѣла, именно огня, неизслѣдимо и непостижимо,—насколько болѣе должно сказать о существѣ блаженнѣйшемъ, чуждомъ тлѣнія, превосходящемъ могущія страдать тѣла, существа и природы, которое превыше всякаго представленія, что оно и въ своихъ страданіяхъ всегда пребываетъ однимъ и тѣмъ же, особенно когда его безстрастная природа, при смѣшеніи со страданіями, ни въ какомъ отношеніи не поражается ими. Оставаясь непостижимымъ и непобѣжденнымъ, оно (блаженнѣйшее существо) своимъ безстрастіемъ посмѣялось надъ страданіями, такъ что, подвергая себя испытанію желѣзомъ, оно всячески показываетъ тогда свою силу, пребывая незатронутымъ имъ. Чистота Божества, предвѣдѣніе, неосязаемая тонкость не только не раздѣляются тѣлами, которыя приближаются къ нимъ, чтобы раздѣлить ихъ, такъ какъ они выше и превосходнѣе какихъ бы то ни было тѣлъ; но мы утверждаемъ, что [напротивъ] раздѣляются тѣла, которыя хотятъ поразить и раздѣлить Божество, которое не раздѣляется, и тонкость природы и чистоту Его сущности. Но Оно (Божество) само проходитъ чрезъ всѣ тѣла и въ нихъ производитъ раздѣленіе, такъ какъ для Бога легко раздѣлить всѣ тѣла.

X. Итакъ, закончивши это, намъ надлежитъ сдѣлать такое заключеніе, именно, что въ страданіи обнаружилось безстрастіе Божества и всяческими способами доказана сила Его мудрости, даже тогда, когда Оно подвергло себя страданіямъ. Не думай, возлюбленнѣйшій Ѳеопомпъ, что блаженнѣйшему существу невозможно пройти чрезъ всѣ тѣла, которыя причиняютъ страданія, когда мы видимъ, что свѣтлые лучи солнца проходятъ чрезъ чистое стекло, и что вообще тѣла, имѣющія различную природу, никакимъ образомъ не встрѣчаютъ препятствій къ тому, чтобы утонченнымъ образомъ одни прохо-

дили чрезъ другія. Но если матерія одного существа не препятствуетъ матеріи другого проходить чрезъ нее, вслѣдствіе своей тонкости. то какъ намъ не согласиться, что божественная сущность, которая возвышеннѣе и превосходнѣе всего, безпрепятственно проходитъ, въ силу своей тонкости, чрезъ всѣ тѣла, какія ей встрѣчаются, такъ что Божество никакимъ образомъ не претерпѣваетъ отъ страданій? Ибо извѣстно, что природа блаженнѣйшаго и нетлѣннаго существа всегда остается одною и тою же. Въ томъ сравненіи, которое я привелъ, [взятомъ] отъ солнечныхъ лучей, самый свѣтъ остается тѣмъ же, ни въ какомъ отношеніи не уменьшеннымъ, хотя онъ отъ своего сіянія удѣляетъ нуждающимся. Насколько же болѣе Богъ, существо блаженнѣйшее, возвышенное надъ всѣмъ, богатый милосердіемъ, при раздаяніи Своихъ благъ нуждающимся, пребываетъ тѣмъ же и ничего не лишается, такъ что не должно, какъ говорятъ нѣкоторые въ своихъ нелѣпыхъ басняхъ, неизслѣдимое и неизъяснимое снисхожденіе Бога къ людямъ называть страданіемъ Безстрастнаго. Они, конечно, предварительно не подумали, что неизслѣдимаго Бога не можетъ удержать ни Его природа, ни какое либо иное существо отъ того, чтобы Онъ слѣдовалъ Своей волѣ. Мы утверждаемъ, что только Тотъ [дѣйствительно] является высочайшимъ, свободнымъ, Кто не претерпѣваетъ противодѣйствія отъ закона своей природы, Кто не можетъ быть побужденъ силою къ возстанію противъ [иного, высшаго] могущества, Кто не удерживается въ царствѣ богатства. Кто не страшится величія Своего Божества и отъ смерти не содрогается. А если кто боится огня, содрогается желѣза, устрашается преисподней, бездны, не хочетъ быть отданнымъ дикимъ звѣрямъ,—какимъ образомъ этого, который такъ удаляется отъ пагубныхъ для людей бѣдствій, мы можемъ назвать Богомъ? — Если же блаженнѣйшій и нетлѣнный Богъ пришелъ въ огонь, не боясь огня, такъ какъ Онъ всегда пребываетъ однимъ и тѣмъ же, и презрѣлъ огонь вслѣдствіе. того, что огонь не всегда тотъ же,—ибо какъ мы можемъ объ огнѣ, сила котораго терпитъ убыль, сказать, что онъ всегда одинъ и тотъ же?—Но объ этомъ Богѣ, презирающемъ желѣзо, пренебрегающемъ огнемъ, не боящемся смерти,—какъ мы можемъ не сказать, что Онъ безстрастенъ, когда Онъ въ Своихъ страданіяхъ остается тѣмъ же, добровольно принимая на Себя человѣческія страданія, но не претерпѣвая болѣзненныхъ ощущеній, проистекающихъ изъ чело-

вѣческихъ страданій? Ибо тотъ есть Богъ, Кто всегда ослается однимъ и тѣмъ же. Кто же терпитъ вредъ отъ страданій, поражается болѣзненными ощущеніями, силою необходимости удерживается отъ того, чтобы совершать благое, тотъ не Богъ, хотя бы онъ и назывался Богомъ. А кто не подлежитъ смерти, кто своимъ страданіемъ доказалъ свое безстрастіе, тотъ можетъ придти и совершить то, что пристойно совершать Богу—помощнику и можетъ измѣниться въ мой [человѣческій] образъ, однако пребывая въ своей неизмѣняемости, и быть всѣмъ, будучи внѣ всего. Та воля безстрастна, которая силою необходимости не удерживается отъ того, чтобы придти къ тѣмъ людямъ, которые жаждутъ божественнаго промышленія. Но тотъ, кто, созерцая величіе своего божества въ своемъ прекрасномъ блаженствѣ, избралъ себѣ молчаніе, и который одинъ только пребываетъ въ счастьи своего естества, презирая все прочее, потому что онъ предпочелъ бездѣятельность, которую онъ избралъ для себя,—какимъ образомъ такое совершеннѣйшее существо не окажется значительно ниже тѣхъ смертныхъ, которые не пощадили своей жизни, чтобы помочь своимъ отечественнымъ городамъ или друзьямъ, которые своею волею стали выше мученій, и вслѣдствіе своей выдающейся доблести причиненныя имъ мученія не считали мученіями? Первый же тотъ, которому было имя Теосъ [1]),—онъ предпочелъ смерть, чтобы (сограждане) не служили Лакедемонянамъ. Эпаминондъ также былъ умерщвленъ, чтобы Аѳиняне не были доведены до раб-

---

[1]) Правильное опредѣленіе того, какихъ лицъ и какіе факты разумѣетъ авторъ въ дальнѣйшемъ перечисленіи, затрудняется тѣмъ, что греческія собственныя имена въ сирійскихъ произведеніяхъ часто передаются въ измѣненной или совершенно искаженной формѣ (*V. Ryssel*, Gregorius Thaumaturgus. Sein Leben und seine Schriften, S. 124). Кромѣ того, въ данномъ случаѣ, повидимому, и самимъ авторомъ допущены ошибки, если съ Ryssel'емъ и Martin'омъ признать, что вѣроятнѣйшимъ источникомъ его свѣдѣній былъ *Valerius Maximus* съ его произведеніемъ De dictis factisque mirabilibus въ 9 книгахъ. Но вообще должно сказать, что этотъ источникъ не установленъ. Подъ Теосомъ Риссель (S. 88) разумѣетъ Кодра, послѣдняго аѳинскаго царя, который пожертвовалъ своею жизнью, такъ какъ оракулъ предсказалъ, что Аѳиняне побѣдятъ только въ томъ случаѣ, если царь ихъ будетъ убитъ врагами. Кодръ переодѣтымъ отправился въ лагерь непріятелей, завелъ ссору съ воинами и былъ ими убитъ.

ства. Левкиппъ [1]) былъ убитъ, чтобы Атуляне [2]) не поплатились рабствомъ; Ѳеодоръ [3]) отрѣзалъ себѣ языкъ, чтобы не предать друзей; Физонъ [4]) былъ распятъ, чтобы не лишиться довѣрія, которымъ онъ пользовался; Анаксархъ [5]) былъ разсѣченъ, чтобы своею ложью не смущалъ Никоклеса; Діогресъ [6]) былъ изгнанъ Аѳинянами, Сократъ умерщвленъ, Филоксену [7]) приказано было ломать камни, а Каллимаха [8]) и Кинегира [9]) мы должны не только хвалить, но и удивляться имъ, ибо, когда пронзенное стрѣлами тѣло было, какъ говорятъ, бездыханнымъ, онъ былъ страхомъ для враговъ, помощникомъ же и защитникомъ для своихъ согражданъ. Хиронъ [10]), не щадя себя, съ радостью отдалъ свою голову врагамъ. Какъ не удивляться также Аммонію [11]), который, не обращая вниманія на боль отъ раны, побѣжалъ въ свой городъ, чтобы извѣстить объ одержанной надъ непріятелями побѣдѣ и который, лишь только прибылъ въ городъ, сказавъ собравшимся гражданамъ: «радуйтесь, мы побѣдили», тотчасъ испустилъ духъ? Опять также Евротъ [12]), когда

---

[1]) *Bäthgen* (въ Götting. gelehrt. Anzeigen 1850, S. 1400) предлагаетъ исправить на *Ликискъ*; во всякомъ случаѣ, сказанное не можетъ относиться къ философу Левкиппу.

[2]) Можетъ быть: этоляне (Ryssel, S. 88).

[3]) Valerius Maximus, lib. III, 3, 4 разсказываетъ это объ Анаксархѣ.

[4]) Можетъ быть Фитонъ, о которомъ Diodorus Siculus (XIV, 112) сообщаетъ, что онъ былъ умерщвленъ Діонисіемъ.

[5]) Анаксархъ, ученикъ Демокрита, былъ убитъ Никокреономъ. О немъ и его судьбѣ сообщаетъ Valerius Maximus lib. III, 3, 4 и Цицеронъ, Tuscul. II, 22, 52 и De natura deorum III, 33.

[6]) Софистъ Діагоръ, ученикъ Демокрита, жившій во второй половинѣ V вѣка до Р. Хр., открытымъ отрицаніемъ существованія боговъ вызвалъ противъ себя недовольство аѳинскаго народа и въ 413 г. долженъ былъ бѣжать изъ Аѳинъ. V. Ryssel, S. 89, Anm.

[7]) Филоксенъ (ум. въ 380 г. до Р. Хр.) жилъ при дворѣ Діонисія старшаго и навлекъ на себя его гнѣвъ тѣмъ, что не хотѣлъ хвалить его плохихъ стиховъ. Diodorus Sicul. XIV, 46. XV, 6. Ryssel, ibid.

[8]) Каллимахъ былъ убитъ въ мараѳонскомъ сраженіи.

[9]) Кинегиръ удерживалъ захваченное убѣгавшимъ непріятелемъ судно сначала правою рукою, потомъ, когда она была отсѣчена, лѣвою и, наконецъ, зубами. Herodot. VII, 114. Ryssel, S. 90, Anm.

[10]) О Хиронѣ ничего неизвѣстно.

[11]) У В. Ривселя: Евменій. Разумѣется аѳинянинъ, послѣ мараѳонской битвы принесшій въ Аѳины вѣсть о побѣдѣ.

[12]) Евротъ (у Ривселя: Евритъ) и Аристодемъ принадлежали къ знаменитому отряду (изъ 300 чел.) Леонида и вслѣдствіе болѣзни были отпущены; однако Евритъ велѣлъ нести себя въ битву, когда узналъ, что

лежалъ въ постели больной, услышавъ, что война, бывшая въ то время, усиливается и македоняне стоятъ, угрожая согражданамъ, побуждаемый любовью къ своимъ соотечественникамъ, приказалъ слугамъ отнести его въ сраженіе, гдѣ онъ могъ бы умереть съ согражданами. Аристодемъ же, который уклонился отъ войны и бѣжалъ въ Спарту, почитался всѣми презрѣннымъ и отверженнымъ.

XI. Итакъ, обрати вниманіе, возлюбленнѣйшій, какое и сколь великое презрѣніе къ смерти показали смертные, ради отечества и друзей обнаруживая мудрость и силу. Нѣкогда ради друзей они не щадили женъ, презирали жизнь, и, ради своихъ отечественныхъ городовъ, безъ колебанія предпочитали потерять жизнь. Они неудержимо возрастали въ своей свободѣ и въ служеніи добродѣтели, съ радостью не только допустили быть разсѣченными тираннами, но даже не уклонились отъ того, чтобы быть прибитыми гвоздями къ дереву, смертію пріобрѣтая себѣ свободу.

XII. Богъ же, Который не имѣетъ нужды въ славѣ и Который выше страданій, Самъ добровольно пришелъ на смерть, но такъ, что страхъ или трепетъ не овладѣвали Имъ. Но неужели мы скажемъ, что вслѣдствіе того, что Богъ живетъ во славѣ, Онъ не воспринялъ на Себя поношенія, проистекающаго изъ страданій, и такимъ образомъ, желая почтить Его, станемъ отрицать, что Имъ подается помощь людямъ? Какое униженіе могъ претерпѣть въ страданіи безсмертный Богъ, Который своею смертію посрамилъ смерть? Богъ не знаетъ и страданія стыда, вслѣдствіе чего Онъ могъ бы стыдиться страдать, поелику гордость всегда чужда Ему. Какимъ образомъ Богъ могъ претерпѣть стыдъ, безсиліе или поношеніе, пришествіемъ на смерть, чтобы отвратить смерть отъ людей? Ибо кто ищетъ суетной славы и боится лишиться ея, тотъ никогда не захочетъ перенести страданіе смерти. Почему бы Богъ могъ бояться, чтобы у него не отняли славы и не лишили ея на вѣки? Для Бога же предпочтительнѣе страданіе отъ желѣза или огня, чѣмъ страданіе отъ [желанія] суетной славы. Ибо этого послѣдняго страданія Богъ не могъ бы исцѣлить, если бы оно было у Него самого. Но если Богъ не жаждетъ славы, потому что Онъ выше всякихъ страданій,

---

Персы обошли героевъ, и умеръ въ сраженіи. Аристодемъ не возвратился въ отрядъ. Herod. VII, 229. Ryssel, S. 90, Anm.

то Онъ можетъ придти на смерть, такъ какъ, поелику Онъ—жизнь, Онъ можетъ претерпѣть смерть и смертныхъ избавить отъ смерти, такъ какъ Онъ самъ—безстрастный Богъ, даже когда Онъ находится въ страданіяхъ. Ибо когда кто-либо претерпѣлъ страданіе, будучи безстрастнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отразилъ его отъ себя, какъ такой не поспѣшилъ бы съ радостію вступить въ брань со смертію, чтобы упразднить смерть? Ибо живущій, если онъ боится отъ смерти претерпѣть смерть, не есть дѣйствительно живущій; а тотъ живущій, который не подверженъ смерти, самъ вызываетъ ее, чтобы своею смертью показать, что онъ есть жизнь. Такъ именно мы видимъ, что лучи свѣта, когда смѣшиваются съ мракомъ, не становятся причастными ему и не претерпѣваютъ потемнѣнія, хотя и пребываютъ во мракѣ. Ибо примѣсь мрака не только не потемняетъ свѣта, но скорѣе свѣтъ своимъ сіяніемъ освѣщаетъ мракъ. И дѣйствительно, подобно тому, какъ слабый мужъ побѣждается болѣе значительнымъ, превосходнѣйшимъ и сильнѣйшимъ или, какъ, съ удаленіемъ свѣта, мракъ остается въ своей темнотѣ, такъ и Богъ Своимъ добровольнымъ пришествіемъ на смерть не навлекъ на Себя ничего заслуживающаго поношенія, когда, напротивъ, показалъ Свое превосходство надъ всѣмъ, сокрушивши власть смерти и лишивши смерть господства надъ всѣмъ, какимъ она [прежде] услаждалась. Естество же Бога въ смерти пребыло нетлѣннымъ и силою безстрастія сокрушило страданія, наподобіе свѣта, который смѣшивается съ тьмою. Ибо страданія тогда должны считаться поистинѣ сильными, когда они, выдерживая борьбу съ противоположными имъ вещами, сами остаются тѣмъ, чѣмъ были. Но это смѣшеніе должно происходить не въ воображеніи или въ мысли, но въ дѣйствительности. Итакъ, если существа взаимно противоположныя, которыя, по присущей имъ силѣ, могутъ оставаться нетлѣнными и не чувствительными къ страданіямъ, даже когда они смѣшиваются съ другими существами, какъ, напр., саламандра, которая можетъ презирать пламя, и какъ адамантъ, когда по нему ударяютъ желѣзомъ,—ибо все это, какъ мы сказали, не въ воображеніи только или въ мысли остается не воспріимчивымъ къ страданіямъ,—такъ вотъ, если саламандра, подвергаясь дѣйствію огня, остается невредимой, не претерпѣвая никакого ущерба отъ своего соприкосновенія съ огнемъ; если, говорю, матеріальныя существа, повидимому, не испытываютъ никакого измѣненія въ своей субстанціи, даже

когда смѣшиваются съ другими существами, производящими повреждение, но, напротивъ, остаются цѣлыми и невредимыми, и не лишаются ничего изъ своей сущности,—то какое препятствіе или какое затрудненіе мы найдемъ въ томъ, что нетлѣнная сущность Бога останется безстрастною, даже когда входитъ въ соприкосновеніе съ вещами, причиняющими страданіе?

XIII. Не вѣрь, о Ѳеопомпъ, тому, что нѣкоторые, какъ извѣстно, искусно утверждаютъ, именно, что блаженнѣйшій и нетлѣнный тотъ, кто ни самъ не проявляетъ дѣятельности, ни другому не предоставляетъ дѣйствовать. Ибо кто таковъ, тотъ страдаетъ безсиліемъ. Ибо кто осмѣлится назвать того, кто не открываетъ пути къ добродѣтели, не дѣлаетъ людей знающими, не научаетъ другихъ мудрости, не разумѣетъ праваго, не заботится о спасеніи душъ, воздерживается отъ совершенія добродѣтели, — кто, говорю, осмѣлится назвать такого блаженнѣйшимъ и высшимъ благомъ? Какимъ образомъ можетъ статься, что блаженнѣйшій и нетлѣнный Богъ не захотѣлъ вырвать корень злыхъ помышленій, или, по присущей Ему благости, изгладить, какъ бы пожаромъ, изъ душъ смертоносныя влеченія? Ибо блаженнѣйшій и нетлѣнный тотъ, кто умерщвляетъ страданія, дѣлаетъ людей мудрыми, сообщаетъ божественное вѣдѣніе и являетъ добродѣтель. Мы же говоримъ, что для Бога было бы величайшимъ страданіемъ—нерадѣть о людяхъ, не хотѣть совершать благое и не имѣть попеченія о человѣческомъ родѣ. Но того кто преслѣдуетъ пагубныя дѣйствія страданій въ самомъ корнѣ, именно въ человѣческой мысли, и своимъ предусмотрительнымъ попеченіемъ обращаетъ людей, имѣющихъ задатки добродѣтели, изъ испорченныхъ въ добрыхъ,—какъ не назвать такого безстрастнымъ, когда онъ отгоняетъ отъ людей страданія и причиняетъ смерть страданіямъ?

XIV. Посему ты, о Ѳеопомпъ, въ сердцѣ своемъ, какъ на судилищѣ, произнеси рѣшеніе, идя по стопамъ мудрости; обрати вниманіе и непредубѣжденною мыслью и трезвымъ умомъ разсуди, слѣдуетъ ли намъ говорить, что у существа блаженнѣйшаго и нетлѣннаго возникаетъ страданіе тогда, когда оно оказываетъ намъ помощь, милосердіе и свое благоволеніе, или тогда, когда оно показываетъ себя жестокимъ, суровымъ, лишеннымъ милосердія и какого бы то ни было сожалѣнія. Мы же признаемъ безстрастнымъ въ особенности того Бога, Который является виновникомъ благихъ дѣлъ и Который

изъ глупыхъ дѣлаетъ мудрыми. Ибо несправедливо назвать блаженнѣйшимъ и нетлѣннымъ того, кто никогда не заботится о человѣкѣ. Вѣдь человѣка мудраго и разумнаго мы узнаемъ только по дѣламъ, которыя совершаются его искусствомъ, и никто не называется художникомъ или знатокомъ прежде, чѣмъ увидятъ, что онъ измѣняетъ видъ ничтожной и безформенной матеріи и посредствомъ искусства, которымъ владѣетъ, создаетъ изъ нихъ художественное произведеніе. Ибо произведеніе, когда оно дѣлается доступнымъ для чувствъ, дѣлаетъ явною сокрытую въ немъ мысль художника. Посему, насколько яснѣе мы должны представлять и называть блаженнѣйшимъ существо высшее, когда его блаженнѣйшая природа, которая всегда присуща ему, открыта намъ; а когда мы видимъ дѣла этого блаженнѣйшаго существа, то изъ нихъ мы научаемся о немъ еще бо́льшему. Но тѣ, которые усвоили себѣ тотъ взглядъ и представленіе, что блаженнѣйшее существо пребываетъ только въ своихъ обителяхъ, замкнуто въ самомъ себѣ, созерцаетъ самого себя, ко всему относится съ одинаковымъ презрѣніемъ, покой предпочитаетъ попеченію обо всемъ и въ себѣ самомъ находитъ удовлетвореніе, и которые говорятъ, что въ немъ возникаютъ страданія, когда оно проявляетъ заботу обо всемъ,— я не знаю, что сказать о нихъ? Какимъ образомъ можетъ называться блаженнѣйшимъ и нетлѣннымъ то существо, котораго человѣческій умъ никакимъ образомъ не въ состояніи и изслѣдовать? Но если это такъ, то перестань думать, что это— истинная природа Божія, такъ какъ доселѣ ты не знаешь Бога, когда говоришь, что Онъ отъ вѣчности по необходимости остается совершенно бездѣятельнымъ. Ибо какимъ образомъ можетъ быть блаженнѣйшимъ и нетлѣннымъ тотъ, кто тобою не познанъ? Неужели мудро распредѣлилъ свои блага тотъ, кто не доступенъ твоему изслѣдованію? Я же, напротивъ, утверждаю, что блаженнѣйшій и щедрый раздаятель благъ тотъ, кто является помощникомъ людей и подателемъ силы тѣмъ, которые лишились надежды. Ибо подобно тому, какъ мы не можемъ словомъ своимъ порицать низости злыхъ, если мы прежде не увидимъ ихъ злыхъ дѣлъ,—вѣдь не можемъ же мы точно представлять завершенія дѣлъ, пока они сокрыты въ мысли и не обнаружились,—такъ равнымъ образомъ блаженнѣйшее и нетлѣнное существо мы называемъ блаженнѣйшимъ тогда лишь, когда оно совершаетъ дѣла, свойственныя его благости, [называемъ блаженнѣйшимъ], ради ясно обнаружив-

шихся благихъ дѣлъ, какія отъ него проистекаютъ. Созерцаніе видимаго открываетъ сокровенное. Ибо благоразуміе мудраго и благоразумнаго мужа въ своихъ отличительныхъ качествахъ познается не прежде, чѣмъ ее сдѣлаютъ очевидною дѣла добродѣтели, съ радостью законченныя. Но какъ мы можемъ сообщить людямъ о величіи разума блаженнѣйшаго существа, пока оно не представило ни одного случая къ тому, чтобы, постигая его, мы были въ состояніи говорить о немъ? Ибо если кто не вызываетъ въ насъ душевнаго движенія своими благими дѣлами, или если кто не привлекаетъ насъ къ себѣ [своею] славою,—какъ мы можемъ приписывать тому благость, пока его благость и щедроты его совершенно сокрыты?

XV. Если же ты имѣешь такое мнѣніе о Богѣ, то это твое дѣло, а не Божье, такъ какъ Онъ—блаженнѣйшій и щедрый въ Своихъ дарахъ. Его ты не можешь постигнуть, такъ какъ Онъ не явилъ тебѣ Своей нетлѣнной природы, которая превыше всего, если только Онъ пребываетъ въ томъ высшемъ наслажденіи, которое прилично Богу, о которомъ ты утверждалъ, что оно, по твоему сужденію, исключительно прилично Богу, и Богъ къ нему постоянно возвращается и въ него погружается, такъ что и Самъ ничего не дѣлаетъ и другимъ ничего не позволяетъ дѣлать. Ибо всякій, кто таковъ, слабъ. Скажи намъ, о мудрый Ѳеопомпъ, какому страданію или какому безсилію подвергъ Себя блаженнѣйшій и нетлѣнный Богъ, принося людямъ помощь, которую они могутъ чувствовать, въ особенности тѣмъ, которые по невѣдѣнію лишаются ея благъ и силою страданій увлекаются въ бездну, откуда сами собою не могутъ достигнуть добродѣтели Если на время позволено будетъ сказать смѣло, то нельзя признать блаженнѣйшимъ и нетлѣннымъ того, кто не призываетъ людей, въ нѣкоторомъ смыслѣ упавшихъ съ корабля и погрузившихся, поелику они не вѣдаютъ Его благости, или не влечетъ ихъ къ себѣ, когда они, пребывая въ океанѣ міра, не смогли достигнуть добродѣтели и сдѣлались чуждыми Богу [1]). Ибо что за блаженнѣйшій Богъ, богатый въ своихъ дарахъ, превосходящій щедростью Своей благости, Которому не присущи ни радости, ни заботы, ни милости, ни иное какое-либо изъ тѣхъ качествъ, которыя приличны добродѣтели и которыя составляютъ средства обнаруженія для Бога, щедраго въ своей помощи.

---

[1]) Ср. Колос. I, 21 и Ефес. IV, 18.

XVI. Поэтому, если ты, увлеченный воображеніемъ, хочешь сочинить и нарисовать себѣ Бога, Который любитъ самого Себя, пребываетъ въ Своихъ богатствахъ, наслаждается Своею славою и не хочетъ никому оказывать содѣйствія, людьми пренебрегаетъ и отвергаетъ ихъ, лишаетъ помощи блаженнѣйшаго существа,—то какова жестокость по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые, не зная добродѣтели, погибаютъ массами! И это—существо блаженнѣйшее, щедрое въ своихъ дарахъ! Но оставимъ то, что можно говорить при такомъ положеніи дѣлъ, и пойдемъ къ мудрецамъ, чтобы у нихъ поучиться познанію истинной философіи, такъ какъ они тѣхъ, которые падали и заблуждались въ этомъ мірѣ, призывали и дѣлали близкими къ себѣ. Если бы философы молчали, когда люди погибали толпами, то погибъ бы молчаливый Критій изъ-за своей любви къ власти; погибъ бы въ своей говорливости Алкивіадъ, вслѣдствіе расточительности. Персы и мидяне отличались доблестью въ Сузахъ, прежде чѣмъ они опоясались оружіемъ, чтобы идти въ Македонію. Итакъ, что молчишь [1]) ты, о блаженный (т. е. Боже), при гибели всѣхъ этихъ, когда мудрецы не хотѣли молчать [2]), чтобы помочь имъ? Это—природа добродѣтели, о Ѳеопомпъ, это—плодъ философіи, именно, чтобы тѣ только почитались блаженными и великодушными, у которыхъ забота не только о себѣ, но также и о ближнихъ, въ особенности о тѣхъ, которые подвержены страданіямъ души. Даже самъ Діогенъ циникъ, когда однажды аѳинянинъ смѣялся надъ нимъ въ такихъ словахъ: почему ты, когда хвалишь Лакедемонянъ и порицаешь Аѳинянъ, не отправляешься въ Спарту?—говорятъ, отвѣтилъ такъ: «врачи обыкновенно посѣщаютъ больныхъ, а не здоровыхъ». Посему, если человѣческая философія и сама умѣетъ лѣчить болѣзни души, и тѣмъ, которые стремятся къ добродѣтели, не позволяетъ отталкивать или презирать даже только одну душу какого бы то ни было человѣка, но побуждаетъ спѣшить, чтобы заботливо возвратить людей [на надлежащій путь] и спасти тѣхъ, которые отпали отъ добродѣтели,—какъ намъ не сказать, что тотъ Богъ, который есть учитель всякой философіи, Который есть по истинѣ блаженнѣйшій и щедрый, пришелъ по Своей волѣ сюда, гдѣ множество страданій избрало

[1]) Можетъ быть: что пребываешь въ покоѣ?

[2]) Или: быть бездѣятельными.

себѣ мѣстопребываніе, къ тѣмъ, которые порабощены страданіямъ? Неужели мы скажемъ, что это не страданіе души, если кто не совершаетъ дѣлъ, которыя приличны добродѣтели? Самъ Исократъ, когда немного раньше писалъ къ жителямъ Абдеры, сказалъ, что болѣзнь души есть любовь къ деньгамъ. И далѣе присовокупилъ: «жалка жизнь людей, такъ какъ всюду проникла, подобно зимнему вѣтру, любовь къ деньгамъ, которой никто не можетъ противостоять». О, если бы всѣ врачи собрались противъ этой болѣзни, излѣчили сумасбродство этого безумія и бѣдствіе мученій, не говоря уже о томъ, чтобы не провозглашали этой болѣзни счастьемъ! Я думаю, что изъ всѣхъ болѣзней души самымъ тяжкимъ безуміемъ является то, которое создаетъ похотливыя желанія и пустыя помышленія,—если оно медиками посредствомъ какой либо силы очищается, душа чувствуетъ себя хорошо. О, если бы возможно было отсѣчь горькій корень похоти, такъ, чтобы не было больше никакого остатка отъ нея, и если бы ты увидѣлъ, что люди, одновременно больные тѣлами и душами, очищаются и просвѣтляются! Поелику же въ этомъ мірѣ на родъ человѣческій обрушились безчисленныя бѣдствія, то [Богъ] можетъ быть названъ блаженнѣйшимъ и щедрымъ въ своихъ дарахъ [только] тогда, когда окажется, что, при безстрастіи Своей природы, по приличной Богу благости, Онъ раздѣляетъ всѣмъ людямъ Свои дары. Ибо самъ Платонъ сказалъ: «зависть находится внѣ предѣловъ божественнаго существа».

XVII. Посему пришелъ, о блаженный, пришелъ Іисусъ, Который есть Царь надъ всѣмъ, чтобы исцѣлить тяжкія болѣзни людей, какъ существо блаженнѣйшее и щедрое въ своихъ благахъ. Но самъ Онъ, оставаясь тѣмъ, чѣмъ былъ, Своимъ безстрастіемъ разсѣялъ страданія, какъ свѣтъ изгоняетъ тьму. Итакъ, Онъ пришелъ, поспѣшая пришелъ, чтобы сдѣлать [людей] блаженными и исполненными благъ, обратить изъ смертныхъ въ безсмертные, возсоздать и утвердить въ блаженствѣ. Ему, славному Царю, слава во вѣки. Аминь.

Къ Филагрію о единосущіи.

Весьма дивлюсь и чрезвычайно поражаюсь твоею разсудительностью, какъ ты своими точными вопросами даешь поводъ къ такимъ умозрѣніямъ и столь важнымъ изысканіямъ, поставляя меня въ необходимость говорить и усиленно трудиться надъ доказательствами, именно, когда предлагаешь мнѣ настоятельные и полезные вопросы. Такимъ образомъ, для меня, съ очевидностью, получается совершенная необходимость, слѣдуя за твоими вопросами, давать на нихъ ясные отвѣты. И теперь, вотъ, предложенный тобою вопросъ былъ такого рода и такого содержанія: естество (которое иной правильно назвалъ бы скорѣе сущностью, чѣмъ естествомъ) Отца и Сына и Святаго Духа—просто или сложно? Ибо если оно просто, то какъ оно можетъ допускать «три» — число названныхъ выше? Поелику простое—однородно и несчисляемо; а то, что̀ подпадаетъ числамъ, по необходимости разсѣкается, хотя бы оно и не было подвергнуто счисленію; разсѣкаемое же страдательно, ибо разсѣченіе есть̀ страданіе. Поэтому, если естество Совершеннѣйшаго просто, то излишне назначеніе именъ; а если назначеніе именъ истинно, и должно довѣрять именамъ, то тотчасъ исчезаетъ однородность и простота. Итакъ, каково же естество [разсматриваемаго] предмета? Такъ ты говорилъ мнѣ.

Слово истины со всею точностью представитъ разъясненіе этихъ вопросовъ, не предлагая неразумно, по недостатку доказательствъ, призрака вѣры, которая не требуетъ доказательства, и не пытаясь прикрывать шаткость своего убѣжденія свидѣтельствами древнихъ басенъ, но, взвѣсивъ результаты точнаго изслѣдованія и сдѣлавъ правильные выводы, ясно представитъ достовѣрность ученія.

Итакъ, да шествуетъ къ намъ отселѣ слово [истины] и пусть оно скажетъ намъ и то, какъ должно представлять себѣ Божество—простымъ или трехсоставнымъ? Ибо тройственность именъ заставляетъ насъ такъ именно и говорить и вѣровать, и, злоупотребивъ ими, нѣкоторые составили шаткія и совершенно нелѣпыя ученія, полагая, что вмѣстѣ съ произнесеніемъ именъ и сущность терпитъ страданіе раздѣленія. Но, какъ самъ ты говоришь, мы должны оставить таковыхъ, нетвердо защищающихъ ученіе, составляющее ихъ собственное мнѣніе; мы же обратимъ свой умъ къ правильному усвоенію познанія. Итакъ, прежде всего установимъ, что̀ есть Богъ, и такимъ образомъ послѣ этого тщательно займемся доказательствами.

Сущность Божія совершенно проста и недѣлима, по самому естеству имѣя въ себѣ простоту и безтѣлесность. Но, можетъ быть, противъ меня оказывается рѣчь о раздѣльности именъ, которая числомъ «три» уничтожаетъ однородность Совершеннѣйшаго? Такъ неужели ради однородности намъ необходимо избѣгать исповѣданія Отца и Сына и Святаго Духа? Да не будетъ! Ибо назначеніе именъ не повредитъ нераздѣльному единству Совершеннѣйшаго. Предметы умопостигаемые, хотя носятъ и миріады именъ (такъ какъ у каждаго народа они носятъ очень много именъ), однако чужды всякаго наименованія, потому что для предметовъ мысленныхъ и безплотныхъ нѣтъ никакого собственнаго имени. Ибо какъ можно назвать собственнымъ именемъ то, что не подпадаетъ подъ наши взоры и совершенно не можетъ быть схвачено человѣческими чувствами? Но для точнаго уразумѣнія цѣлаго возьмемъ самую малую частицу умопостигаемаго—душу.

Душа называется именемъ женскаго рода, однако она чужда какого бы то ни было женскаго естества, будучи по своей сущности ни мужескаго, ни женскаго пола. Подобнымъ образомъ и раждаемое отъ нея слово — λόγος — хотя имѣетъ имя мужескаго рода, однако и оно, какъ мы говоримъ, чуждо мужской или женской тѣлесности. Если же самое послѣднее изъ умопостигаемаго, душа и слово, не обладаетъ собственнымъ именемъ, то какъ мы можемъ сказать, что первые умопостигаемые предметы и даже стоящіе выше всего умопостигаемаго называются собственными именами? Конечно, употребленіе именъ полезно, такъ какъ оно по необходимости приводитъ насъ къ мысли объ умопостигаемомъ; но нѣкоторые, полагая, что вмѣстѣ съ наименованіями грубымъ образомъ раздѣляется

и самая сущность, представляютъ въ своихъ мысляхъ во всѣхъ отношеніяхъ недостойное Божественнаго. Намъ же, разумѣющимъ истину, надлежитъ знать, что божественная и нераздѣльная сущность Совершеннѣйшаго недѣлима и однородна; но для пользы нашего душевнаго спасенія, какъ я сказалъ, и раздѣляется, повидимому, наименованіями, и подвергается необходимости дѣленія. Ибо какъ душа, которая сама является предметомъ умопостигаемымъ, порождаетъ множество безпредѣльныхъ мыслей, однако и не раздѣляется отъ того, что претерпѣваетъ процессъ мышленія, и никогда не оскудѣваетъ въ обиліи мыслей вслѣдствіе предшествовавшихъ въ ней мыслей, но скорѣе дѣлается богаче, чѣмъ бѣднѣе, и какъ это самое произнесенное и сдѣлавшееся общимъ для всѣхъ насъ слово неотдѣлимо отъ произнесшей его души, тѣмъ не менѣе въ то же время находится и въ душахъ слушающихъ, не отдѣляется отъ первой и обрѣтается въ послѣднихъ, и производитъ скорѣе единеніе, чѣмъ раздѣленіе ихъ душъ и нашихъ,— такъ и ты представляй со мною Сына никогда неотлучнымъ отъ Отца и опять отъ Сего послѣдняго — Духа Святаго, подобно тому, какъ мысль въ умѣ.

Ибо какъ между умомъ, мыслью и душею невозможно представить какого-нибудь дѣленія и сѣченія, такъ невозможно представить сѣченія или дѣленія между Святымъ Духомъ и Спасителемъ и Отцемъ, вслѣдствіе того, какъ я сказалъ, что естество умопостигаемаго и божественнаго нераздѣльно. Или еще, какъ невозможно подобнымъ образомъ найти дѣленія между солнечнымъ кругомъ и лучомъ, вслѣдствіе безстрастности и безтѣлесности, простоты и нераздѣльности, — напротивъ, лучъ соединенъ съ кругомъ и, наоборотъ, кругъ, подобно роднику, потоками изливаетъ на все свои лучи, производя какъ бы наводненіе свѣта на насъ и вдругъ разливаясь моремъ по [всему] художественно устроенному міру, — такъ вотъ подобно какъ бы лучамъ Отца посланы къ намъ свѣтоносный Іисусъ и Духъ Святый. Ибо какъ лучи свѣта, по естеству имѣющіе нераздѣльное соотношеніе между собою, ни отъ свѣта не отлучаются, ни другъ отъ друга не отсѣкаются и до насъ ниспосылаютъ даръ свѣта,—такимъ же образомъ и Спаситель нашъ и Святый Духъ, два луча-близнеца Отца, и намъ подаютъ свѣтъ истины, и соединены съ Отцемъ.

И какъ случается, что изъ какого-нибудь воднаго источника, въ изобиліи дающаго подобную нектару воду, обильный

потокъ и неудержимая струя во время теченія раздѣляется на двѣ рѣки, имѣя сначала одно теченіе изъ единаго родника источника, а потомъ—двойное теченіе отъ образовавшихся рѣкъ, однако же въ своей сущности не претерпѣваетъ никакого ущерба отъ такого дѣленія (потому что хотя положеніемъ рѣкъ теченіе и раздѣляется, однако оно имѣетъ одно и то же качество влаги; ибо если и кажется, что каждая изъ названныхъ рѣкъ и отдѣляется большимъ разстояніемъ [одна отъ другой] и далеко отстоитъ отъ источника, однако, вслѣдствіе непрерывности потока, имѣетъ начало соединеннымъ съ первоисточникомъ), — подобнымъ образомъ и Богъ всяческихъ благъ, Властитель истины и Отецъ Спасителя, первая Вина жизни, Древо безсмертія, Источникъ присносущной жизни, ниспославшій къ намъ какъ бы двойной потокъ — умопостигаемый даръ Сына и Святаго Духа, и Самъ не потерпѣлъ какого-либо ущерба въ Своей сущности (ибо Онъ не подвергся какому-либо умаленію вслѣдствіе Ихъ пришествія къ намъ), и Они пришли къ намъ и тѣмъ не менѣе остались неотлучными отъ Отца. Ибо, какъ я сказалъ въ началѣ, естество Совершеннѣйшихъ нераздѣльно.

Весьма много, почтеннѣйшій, и больше, чѣмъ сказано, можно было бы найти для яснаго доказательства тѣснѣйшаго единенія [1]) Отца и Сына и Святаго Духа, какимъ именно образомъ должно представлять его. Но такъ какъ тебѣ и подобнымъ тебѣ легко и изъ немногаго познать весьма многое, то ради этого я призналъ справедливымъ на семъ прекратить рѣчь по этому вопросу.

---

[1]) Вмѣсто ἑνώσεως въ нѣкоторыхъ изданіяхъ читается ἐρωτήσεως, — тогда мысль передаютъ такъ къ ясному изложенію самаго необходимаго вопроса объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ (русск. пер. Моск. Дух. Акад., т. 4, стр. 190).

Къ Татіану краткое слово о душѣ.

Ты просилъ меня, достопочтенный Татіанъ, прислать тебѣ разсужденіе о душѣ съ убѣдительными доказательствами по отдѣламъ, и ты желалъ, чтобы я сдѣлалъ это, не пользуясь свидѣтельствами Писаній. Конечно, этотъ способъ наученія [т. е. на основаніи Писаній] въ дѣйствительности есть и для желающихъ благочестно мудрствовать является истиннымъ, доказательнѣе всякаго человѣческаго разсужденія; но ты сказалъ, что ищешь этого не для собственнаго убѣжденія, такъ какъ ты уже наставленъ твердо держаться божественныхъ Писаній и преданій, и что мысль твоя не можетъ быть поколеблена изворотами человѣческихъ доводовъ, а для опроверженія мнѣній иначе мыслящихъ, которые не выносятъ того, чтобы ихъ убѣждали Писаніями, но стараются посредствомъ извѣстнаго рода искусства ниспровергать непривычныхъ въ такихъ разсужденіяхъ. Эти соображенія склонили меня съ готовностью повиноваться этому твоему требованію, нисколько не устрашаясь тѣмъ, что я неопытенъ въ такого рода построеніи разсужденій, но ободряясь твоимъ благоволеніемъ ко мнѣ, ибо ты умѣешь то, что ты признаешь прекраснымъ, выставлять на общій судъ, а что, по твоему мнѣнію, хуже надлежащаго, того не замѣчать и скрывать, дѣлая то и другое по расположенію и дружбѣ ко мнѣ. Зная это, я со всѣмъ довѣріемъ взялся за изложеніе. Свое же разсужденіе я расположу, воспользовавшись тѣмъ порядкомъ и послѣдовательностью, какой именно примѣняли искусные въ этомъ для желающихъ научно что-либо изслѣдовать.

Итакъ, прежде всего я покажу, какою познавательною силою, согласно своей природѣ, можетъ быть постигнута душа; потомъ, чѣмъ доказывается ея существованіе; затѣмъ по по-

рядку, сущность ли она или свойство; потомъ вслѣдъ за этимъ, она — тѣло, или безтѣлесна; далѣе, проста она, или сложна; затѣмъ еще, смертна или безсмертна; наконецъ, разумна или неразумна.

Ибо эти вопросы больше всего обыкновенно изслѣдуются въ разсужденіи о душѣ, какъ главнѣйшіе и могущіе характеризовать ея особенности. Въ качествѣ доказательствъ для подтвержденія подлежащихъ изслѣдованію вопросовъ я воспользуюсь тѣми общеизвѣстными соображеніями, которыми обычно устанавливается достовѣрность предметовъ, находящихся у насъ подъ руками. Но ради краткости и пользы я примѣню теперь только тѣ умозаключенія, которыя настоятельно необходимы для доказательства того, что подлежитъ изслѣдованію, чтобы эти мысли, будучи ясными и удобно усвояемыми, доставили намъ совершенно готовыя средства для возраженія противникамъ. Итакъ, отселѣ начнемъ наше разсужденіе.

Какою способностью постигается душа?

I. Все существующее или познается чувствомъ, или постигается мышленіемъ. И то, что подлежитъ чувству, имѣетъ достаточное доказательство въ самомъ чувствѣ, ибо вмѣстѣ съ прикосновеніемъ оно создаетъ въ насъ и образъ подлежащаго предмета. Постигаемое же мышленіемъ познается не само въ себѣ, а въ своей энергіи. Поэтому душа, будучи непознаваемой сама въ себѣ, естественно должна познаваться изъ ея дѣйствій.

Существуетъ ли душа?

II. Наше тѣло, когда движется, то приводится въ движеніе или отвнѣ или извнутри. Что оно приводится въ движеніе не извнѣ, ясно изъ того, что оно движется и тогда, когда его не толкаютъ и не влекутъ, какъ это бываетъ съ неодушевленными тѣлами. И съ другой стороны, когда оно приводится въ движеніе извнутри, то движется не въ силу естественной необходимости, какъ огонь. Ибо послѣдній не перестаетъ двигаться, пока онъ есть огонь, подобно какъ и тѣло, сдѣлавшись мертвымъ, не движется, хотя и остается тѣломъ. Слѣдовательно, если тѣло не приводится въ движеніе извнѣ, подобно неодушевленнымъ предметамъ, и не движется въ силу

физической необходимости, подобно огню, то ясно, что оно приводится въ движеніе душой, которая подаетъ ему и то, что оно живетъ. Итакъ, если доказано, что душа подаетъ жизнь нашему тѣлу, то должна существовать сама по себѣ и душа, познаваемая изъ ея дѣйствій.

Сущность ли душа?

III. Что душа—сущность, это доказывается такимъ образомъ: прежде всего тѣмъ, что опредѣленіе сущности по справедливости можетъ быть приложено и къ ней. Оно таково: сущность есть то, что будучи тожественнымъ и численно единымъ способно попеременно воспринимать противное. Что душа сама, не отступая отъ собственной природы, попеременно принимаетъ противное, это ясно всякому, ибо въ ней наблюдаются справедливость и неправда, мужество и трусость, умѣренность и распущенность, хотя они и противоположны. Поэтому, если свойство сущности быть способной попеременно воспринимать въ себя противоположное, и если доказано, что душа допускаетъ такое опредѣленіе, то, слѣдовательно, душа—сущность. Затѣмъ, такъ какъ тѣло—сущность, то необходимо, чтобы и душа также была сущностью, ибо невозможно, чтобы оживотворяемое было сущностью, а оживотворяющее было бы несущностью. Неужели кто-нибудь можетъ утверждать, что не-сущее есть причина сущаго; или еще, [только] безумецъ можетъ говорить, что то, что въ своемъ существованіи зависитъ отъ чего-либо и безъ чего оно не можетъ существовать, является причиной того, отъ чего оно зависитъ.

Безтѣлесна ли душа?

IV. Что въ нашемъ тѣлѣ есть душа, доказано выше; посему должно знать, какъ она существуетъ въ тѣлѣ. Если она расположена возлѣ тѣла, какъ камешекъ возлѣ камешка, то душа будетъ тѣломъ, но тѣло не будетъ одушевлено всецѣло, потому что она будетъ лежать [только] возлѣ нѣкоторой части его. Если же она смѣшана или слита, то душа была бы многочастной, а не простой, и лишилась бы свойственнаго душѣ понятія. Ибо многочастное можетъ быть раздѣлено и разрушено; а то, что можетъ быть разрушено, сложно; то, что сложно, имѣетъ троякое измѣреніе, а что имѣетъ три измѣ-

ренія, то тѣло. Тѣло же, будучи приложено къ тѣлу, увеличиваетъ объемъ; но душа, находясь въ тѣлѣ, не увеличиваетъ объема, но скорѣе оживотворяетъ. Слѣдовательно, душа не будетъ тѣломъ, но безтѣлесна.

Далѣе, если душа—тѣло, то она приводится въ движеніе или извнѣ, или извнутри; но она не приводится въ движеніе ни извнѣ, такъ какъ ее не толкаютъ и не влекутъ, подобно неодушевленымъ, ни движется извнутри, подобно одушевленнымъ; ибо нелѣпо говорить о душѣ души,—итакъ, она не тѣло, слѣдовательно, безтѣлесна.

И еще, если душа—тѣло, то она имѣетъ качества, доступныя чувствамъ, и питается, но она не питается, а если и питается, то питается не тѣлесно, какъ тѣло, а безтѣлесно, ибо питается словомъ. Поэтому она не имѣетъ и качествъ, которыя воспринимаются чувствами, потому что ни справедливости, ни мужества, ни подобнаго имъ нельзя видѣть, а это—качества души. Итакъ душа—не тѣло,—значитъ, она безтѣлесна.

Еще, такъ какъ всѣ тѣлесныя сущности раздѣляются на одушевленныя и неодушевленныя, то утверждающіе, что душа—тѣло, пусть скажутъ, должно ли называть ее одушевленнымъ или неодушевленнымъ тѣломъ.

Далѣе, если всякое тѣло имѣетъ и окраску, и количество, и форму, а въ душѣ ничего такого не наблюдается, то, слѣдовательно, душа не тѣло.

Проста ли душа или сложна?

V. Что душа проста, обнаруживается изъ того, на основаніи чего преимущественно доказано, что она безтѣлесна. Ибо если она—не тѣло, всякое же тѣло сложно, а что сложно, то составляется изъ частей,—слѣдовательно, она не будетъ и многочастной. Будучи безтѣлесной, она проста, потому именно, что она несложна и не состоитъ изъ частей.

Безсмертна ли наша душа?

VI. Послѣдовательно, думаю, простому надлежитъ быть безсмертнымъ; а какимъ образомъ,—выслушай. Среди существующаго нѣтъ ничего, что было бы разрушительнымъ само для себя,—впрочемъ, и отъ начала [такого] не существовало. Ибо

то, что подвергается повреждению, повреждается отъ противоположнаго; почему все, что подвергается повреждению, можетъ быть разрушено; а что можетъ быть разрушено, то сложно, сложное же многочастно; но что составлено изъ частей, какъ извѣстно, составляется изъ различныхъ частей; различное же не тождественно. Итакъ, душа, будучи простою и несоставленною изъ различныхъ частей, несложною и неразрушимою, по этой причинѣ должна быть нетлѣнной и безсмертной.

Далѣе, все, что получаетъ движеніе отъ чего-либо и имѣетъ жизненную силу не отъ себя самого, а отъ того, что ее движетъ, то остается въ такомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока поддерживается дѣйствующею въ немъ силою; когда же дѣйствующее прекращаетъ свою дѣятельность, то перестаетъ и оно, такъ какъ отъ него оно имѣетъ движеніе. Душа же, будучи самодвижущеюся, никогда не перестаетъ существовать. Ибо надлежитъ, чтобы самодвижущееся всегда было въ движеніи. А то, что всегда движется, не можетъ прекращаться; то же, что не прекращается, не имѣетъ конца; не имѣющее конца неразрушимо, а неразрушимое безсмертно. Поэтому, если душа самодвижущаяся, какъ выше доказано, то, на основаніи сейчасъ изложеннаго силлогизма, она будетъ неразрушимой и безсмертной.

Еще, все, что не повреждается собственнымъ зломъ, неразрушимо; злое же противоположно нравственно прекрасному, поэтому и разрушительно для него. Ибо нѣтъ иного зла для тѣла, какъ страданіе, болѣзнь и смерть, равно какъ и [напротивъ] достоинство его—красота, жизнь, здоровье и благосостояніе. Посему, если душа не разрушается собственнымъ зломъ, зло же души—трусость, распущенность, зависть и подобное, но все это не отнимаетъ у нея силы жить и двигаться, то, слѣдовательно, она безсмертна.

Разумна ли наша душа?

VII. Что наша душа разумна, это можно было бы показать на основаніи многихъ данныхъ, и прежде всего на основаніи того, что она изобрѣла полезныя для жизни искусства. Вѣдь не просто и не случайно, какъ можетъ быть кто-нибудь скажетъ, появились искусства, такъ какъ нельзя доказать, что они праздны и безполезны для жизни. Поэтому, если искусство содѣйствуетъ тому, что полезно для жизни, а полезное

похвально, похвальное же должно быть совершено разумомъ, а искусства — изобрѣтеніе души, — слѣдовательно, наша душа разумна.

Затѣмъ, что душа наша разумна, доказывается тѣмъ, что чувства наши недостаточны для постиженія вещей; ибо для знанія существующаго мы не довольствуемся однимъ прикосновеніемъ чувства. А когда мы не желаемъ останавливаться на этомъ, то чувство безъ помощи разума оказывается безсильнымъ различить то, что одинаково по формѣ, подобно по цвѣту и различно по природѣ. Поэтому, если чувства, будучи лишены содѣйствія разума, даютъ намъ ложное представленіе о существующемъ, то намъ нужно обсудить, можно ли на самомъ дѣлѣ постигнуть существующее или нѣтъ, и если можно постигнуть, то существуетъ ли другая сила, лучшая по сравненію съ чувствами, которая могла бы достигнуть этого. Если существующее не можетъ быть постигнуто, то у насъ не будетъ возможности [познать] то, что наблюдается нами иначе по сравненію съ тѣмъ, какъ оно существуетъ въ дѣйствительности. Но что вещи могутъ быть постигнуты нами, это ясно изъ того, что мы употребляемъ ихъ въ свою пользу соотвѣтственно съ свойствами каждой и снова обращаемъ въ то, во что мы желаемъ. Поэтому, если доказано, что вещи могутъ быть постигнуты нами, а чувства, если они лишены помощи разума, даютъ о нихъ ложныя представленія, то это будетъ умъ, который все разумно взвѣшиваетъ и познаетъ все, какъ оно въ дѣйствительности существуетъ. Умъ же разумная часть души, — слѣдовательно, душа разумна.

Кромѣ того, мы ничего не дѣлаемъ, чего прежде не начертаемъ сами себѣ, а это не иное что, какъ достоинство души, ибо знаніе существующаго не извнѣ привходитъ въ нее, но она сама какъ бы своими собственными примышленіями украшаетъ все существующее. Вслѣдствіе этого она въ самой себѣ предварительно живописуетъ вещь, и такимъ образомъ затѣмъ обнаруживаетъ ее на дѣлѣ. Достоинство же души заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, чтобы все дѣлать согласно съ разумомъ,—ибо этимъ она и отличается отъ чувствъ. Слѣдовательно, доказано, что душа разумна.

Двѣнадцать главъ о вѣрѣ.

Глава I.

Если кто называетъ тѣло Христово несозданнымъ и не исповѣдуетъ, что Самъ несозданный Богъ Слово представилъ доказательства вонлощенія и вочеловѣченія созданнаго изъ человѣчества, какъ написано, анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Ибо какъ можно называть тѣло несозданнымъ? Вѣдь несозданное безстрастно, неуязвляемо, неосязаемо. Христосъ же, воскресши изъ мертвыхъ, показывалъ своимъ ученикамъ и знаки отъ гвоздей, и прободеніе копья, и тѣло для осязанія, хотя и вошелъ къ нимъ при запертыхъ дверяхъ; но это сдѣлано было Имъ для того, чтобы показать и дѣйствіе Божества, и истинность тѣла. Хотя онъ былъ Богъ, но по естеству познанъ былъ какъ человѣкъ, и будучи по-истинѣ человѣкомъ, по дѣламъ Своимъ явился Богомъ.

Глава II.

Если кто называетъ плоть Христа единосущной Божеству, и не исповѣдуетъ, что Онъ—въ образѣ Божіемъ Сый, предвѣчный Богъ и уничижилъ Себя и принялъ образъ раба, какъ написано [1]), анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Какимъ образомъ явившуюся во времени плоть можно называть единосущною безлѣтному Божеству? Ибо единосущ-

[1]) Филип. II, 7.

нымъ называется совершенно тожественное по естеству и по вѣчности.

Глава III.

Если кто говоритъ, что Христосъ [1]) воспринялъ совершеннаго человѣка, какъ одного изъ пророковъ, и не исповѣдуетъ, что Онъ Самъ, чрезъ воплощеніе отъ Дѣвы, содѣлался человѣкомъ, родился въ Виѳлеемѣ, воспитанъ въ Назаретѣ и показалъ преуспѣяніе въ возрастѣ, подлежалъ счисленію времени [по лѣтамъ], крестился въ Іорданѣ и былъ засвидѣтельствованъ Отцемъ: «Сей есть Сынъ Мой возлюбленный», какъ написано [2]), анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Какъ можно утверждать, что Господь [3]) воспринялъ совершеннаго человѣка, какъ одного изъ пророковъ, когда Самъ Господь содѣлался человѣкомъ чрезъ воплощеніе отъ Дѣвы? Посему написано, что первый человѣкъ изъ земли перстный [4]); когда же онъ, созданный изъ земли, отошелъ въ землю, то второй, сдѣлавшись человѣкомъ, восшелъ на небеса. И говорится: первый Адамъ и послѣдній Адамъ [5]). И какъ исповѣдуется, что второй отъ перваго по плоти,—посему Христосъ и человѣкъ и Сынъ человѣческій,—такъ и засвидѣтельствовано, что второй—Спаситель перваго, ради котораго Онъ и снисшелъ съ неба. Когда же Слово, снисшедшее съ неба и содѣлавшееся человѣкомъ, взошло на небеса, то вслѣдствіе этого и говорится: второй Адамъ—съ небесъ.

Глава IV.

Если кто говоритъ, что Христосъ родился отъ Дѣвы изъ сѣмени мужескаго, какъ и всѣ люди, и не исповѣдуетъ Его воплотившимся и вочеловѣчившимся отъ Духа Святаго и отъ Святой Дѣвы Маріи изъ сѣмени Давидова, какъ написано [6]), анаѳема да будетъ.

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ: Господь. [2]) Мѳ. III, 17.
[3]) Христосъ. [4]) 1 Кор. XV, 47. [5]) 1 Кор. XV, 45.
[6]) Лук. I, 34—35; Рим. I, 3.

Изъясненіе.

Какъ можетъ кто-нибудь говорить, что Христосъ родился отъ Дѣвы изъ сѣмени мужескаго, когда на благовѣстіе святаго благовѣстника и ангела Маріами Дѣва сказала: «Какъ это будетъ со мною, когда я мужа не знаю»? Почему онъ (ангелъ) говоритъ: «Духъ Святый найдетъ на тебя, и сила Вышняго осѣнитъ тебя, посему и рождаемое Святое наречется Сыномъ Вышняго» [1]). И Іосифу говоритъ: «Не бойся принять Маріамь, жену твою; ибо родившееся въ ней есть отъ Духа Святаго. Родитъ же Сына и нарекутъ имя Ему Іисусъ. ибо Онъ спасетъ народъ Свой отъ грѣховъ его [2]).

Глава V.

Если кто говоритъ: иной прежде вѣковъ Сынъ Божій и иной явившійся въ послѣднія времена, и не исповѣдуетъ, что Сущій прежде вѣковъ тотъ же, что и явившійся въ послѣднія времена, какъ написано, анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Какъ можно говорить: иной сущій прежде вѣковъ Сынъ Божій и иной явившійся въ послѣднія времена, когда Самъ Господь говоритъ: прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь» [3]), и «потому что Я исшелъ отъ Отца и пришелъ, и опять иду къ Отцу Моему» [4]).

Глава VI.

Если кто говоритъ: иной пострадавшій и иной не пострадавшій, и не исповѣдуетъ, что Самъ безстрастный и непреложный Богъ Слово непреложно пострадалъ Своею собственною плотію, какъ написано, анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Какъ можно говорить: иной пострадавшій и иной не пострадавшій, когда Самъ Господь говоритъ: «должно Сыну Человѣческому много пострадать и быть убиту и въ третій день воскреснуть изъ мертвыхъ» [5]),

[1]) Лук. I, 34 сл. [2]) Мѳ. I, 20 сл. [3]) Іоан. VIII, 58.
[4]) Іоан. XVI, 28. [5]) Мрк. VIII, 31; Лук. IX, 22.

и: когда узрите Сына Человѣческаго, сидящаго одесную Отца [1]): и: когда пріидетъ Сынъ Человѣческій во славѣ Отца Своего? [2]).

Глава VII.

Если кто называетъ Христа спасаемымъ и не исповѣдуетъ Его Спасителемъ міра и свѣтомъ міра, какъ написано [3]), анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Какъ можетъ кто-нибудь называть Христа спасаемымъ, когда Самъ Господь говоритъ: Я есмь жизнь [4]), и: Я пришелъ для того, чтобъ имѣли жизнь [5]), и: вѣрующій въ Меня не увидитъ смерти, но узритъ жизнь вѣчную [6]).

Глава VIII.

Если кто говоритъ, что Христосъ есть совершенный человѣкъ—отдѣльно и Богъ Слово—отдѣльно, и не исповѣдуетъ единаго Господа Іисуса Христа, какъ написано, анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Какъ можетъ кто-нибудь говорить, что Христосъ—отдѣльно совершенный человѣкъ и отдѣльно Богъ Слово, когда Самъ Господь говоритъ: что вы ищете убить Меня, Человѣка, сказавшаго вамъ истину, которую Я слышалъ отъ Отца [7]). Ибо не человѣка далъ за насъ, но Самого Себя предалъ за насъ Богъ Слово, содѣлавшійся человѣкомъ ради насъ. Посему Онъ говоритъ: разрушьте храмъ сей, и Я въ три дня воздвигну его. Онъ же говорилъ о храмѣ тѣла Своего [8]).

Глава IX.

Если кто говоритъ, что Христосъ преложимъ или измѣняемъ, и не исповѣдуетъ Его непреложнымъ по духу и тлѣннымъ [9]) по плоти, анаѳема да будетъ.

---

[1]) Мѳ. XVI, 28; XXVI, 64. [2]) Мрк. VIII, 38; Лук. IX, 26.
[3]) Іоан. III, 17; IV, 42; VIII, 12. [4]) Іоан. XI, 25. [5]) Іоан. X, 10.
[6]) Іоан. VIII, 51. [7]) Іоан. VIII, 40. [8]) Іоан. II, 19. 21.
[9]) У Миня (Patr. s. gt. t. X, col. 1132) въ скобахъ поставлено ἄφθαρτον—нетлѣннымъ.

Изъясненіе.

Какъ можетъ-кто нибудь говорить, что Христосъ преложимъ или измѣняемъ, когда Самъ Господь говоритъ: Я есмь и не измѣняюсь [1]). И еще: не оставлена душа Его во адѣ, и плоть Его не видѣла тлѣнія? [2])

Глава X.

Если кто говоритъ, что Христосъ воспринялъ часть человѣка, и не исповѣдуетъ Его по подобію нашему во всемъ, кромѣ грѣха, анаѳема да будетъ.

Изъясненіе.

Какъ кто-нибудь можетъ сказать, что Христосъ воспринялъ часть человѣка, когда Самъ Господь говоритъ: душу Мою полагаю за овецъ, чтобы опять принять ее [3]), и: плоть Моя истинно есть пища, и кровь Моя истинно есть питіе, и: ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную [4]).

Глава XI.

Если кто говоритъ, что тѣло Господа безъ души или безъ ума, и не исповѣдуетъ Его совершеннымъ во всемъ человѣкомъ, единымъ и тѣмъ же, да анаѳемствуется.

Изъясненіе.

Какъ же можетъ кто-нибудь говорить, что тѣло Христа безъ души и безъ ума? Ибо возмущеніе, и печаль, и туга не являются указаніемъ ни на тѣло безъ души, ни на душу безъ ума, ни на непреложное Божество, ни на призрачность, ни на недостатки человѣческой немощи; но Слово въ Себѣ Самомъ дало доказательство нашихъ страстей, принявши на Себя страстное, какъ написано, что Самъ Онъ принялъ немощи наши и понесъ болѣзни наши [5]). Ибо возмущеніе и печаль и туга—болѣзни души; а утомленіе и сонъ и пораненіе тѣла—немощи плоти.

Глава XII.

Если кто говоритъ, что Христосъ явился міру призрачно, и не исповѣдуетъ Его пришедшимъ во плоти, анаѳема да будетъ.

[1]) Мал. III, 6. [2]) Дѣян. II, 31; Пс. XV, 10. [3]) Іоан. X, 15. 17.
[4]) Іоан. VI, 55. 56. [5]) Иса. LIII, 4; Мѳ. VIII, 17.

Изъясненіе.

Какъ можетъ кто-нибудь сказать, что призрачно явился міру Христосъ, въ Виѳлеемѣ родившійся и подвергшійся обрѣзанію плоти, и Симеономъ носимый, и двѣнадцать лѣтъ воспитываемый, и родителямъ повиновавшійся, и во Іорданѣ крестившійся, и на крестѣ пригвожденный и изъ мертвыхъ возставшій?

Поэтому если говорится: возмутился духомъ [1]), опечалился душею [2]), изъязвленъ тѣломъ [3]), то Онъ употребляетъ эти названія сообразно съ нашимъ подверженнымъ страстямъ устройствомъ, и чтобы показать, что Онъ родился въ мірѣ какъ человѣкъ, и обращался между людьми [4]), по подобію, кромѣ грѣха. Ибо Онъ родился въ Виѳлеемѣ по плоти богоприлично, такъ какъ небесные ангелы признали въ Немъ Своего Владыку и воспѣвали въ ясляхъ повитаго Бога и говорили: слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣкахъ благоволеніе [5]). Воспитанъ былъ въ Назаретѣ богоявленно, возсѣдалъ среди учителей и поражалъ ихъ Своею мудростью, которая не соотвѣтствовала Его тѣлесному возрасту, какъ исчисляетъ (этотъ возрастъ) евангельское слово [6]). Крестился въ Іорданѣ, но къ этому побуждаемъ былъ не тѣмъ, чтобы [Самому] принять освященіе, а чтобы [другимъ] даровать участіе въ освященіи [7]). Въ пустынѣ былъ искушаемъ не потому, чтобы Самъ подлежалъ искушенію, но чтобы наши искушенія противопоставить вызову искусителя, дабы показать тщету искусителя. Посему Онъ говоритъ: дерзайте: Я побѣдилъ міръ [8]), опять выставляя не божественное начало, но являя Свою собственную плоть побѣдительницей страданія, смерти и тлѣнія, чтобы посредствомъ плоти, чрезъ которую грѣхъ вошелъ въ міръ, и чрезъ грѣхъ смерть царствовала надъ всѣми людьми [9]), чрезъ ту же плоть по подобію осудить грѣхъ во плоти [10]), побѣдить начальника грѣха-искусителя, упразднить смерть, чтобъ ей не царствовать, во гробѣ тѣла уничтожить тлѣніе, явить Собою начатокъ воскресенія, чтобы затѣмъ господствовало въ мірѣ начало правды и чтобы царство небесное благовѣствовалось людямъ и совершилось общеніе Бога съ людьми.

---

[1]) Іоан. XI, 33; XIII, 21. [2]) Мѳ. XXVI, 38. [3]) Иса. LIII, 5.
[4]) Вар. III, 38. [5]) Лук. II, 14. [6]) Лук. II, 46 сл.
[7]) Мѳ. III, 13 сл. [8]) Іоан. XVI, 33. [9]) Рим. V, 12 сл. [10]) Рим. VIII, 3.

За эту благодать прославимъ Отца, давшаго Сына Своего Единороднаго за жизнь міра [1]). Прославимъ Духа Святаго, дѣйствующаго, оживотворяющаго насъ, подающаго дарованія для общенія съ Богомъ, и не будемъ напрасно трудиться, чтобы евангельское слово передѣлать въ утонченныя выраженія, посѣвая кругомъ безконечныя стязанія и словопренія [2]), и дѣлая жесткимъ ясное и простѣйшее слово вѣры, но болѣе будемъ совершать дѣло вѣры, возлюбимъ миръ, покажемъ единомысліе, сохранимъ единеніе, возрастимъ въ себѣ любовь, которою благоугождается Богъ.

Какъ не наше дѣло разумѣть времена и лѣта, которыя Отецъ положилъ въ Своей власти [3]), а должно вѣровать, что будетъ скончаніе времени и послѣдуетъ явленіе грядущаго вѣка, откровеніе суда, пришествіе Сына Божія, воздаяніе за дѣла и наслѣдованіе царства небеснаго,—такъ точно не наше дѣло знать и то, какъ Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ, ибо тайна эта велика, какъ написано: родъ Его кто разъяснитъ, ибо вземлется отъ земли жизнь Его [4]). Но должно вѣровать, что Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ по Писаніямъ, и что Онъ былъ видимъ на землѣ, и обращался между людьми по Писаніямъ, по подобію, кромѣ грѣха, и что Онъ умеръ за насъ и воскресъ изъ мертвыхъ, какъ написано, и что Онъ вознесся на небо и сѣлъ одесную Отца, откуда придетъ судить живыхъ и мертвыхъ, какъ написано, чтобы, изъ-за того, что мы занимаемся словопреніемъ другъ съ другомъ, кто-нибудь не похулилъ самаго ученія вѣры, и чтобы не сбылось надъ нами сказанное: ради васъ имя Мое (Божіе) постоянно хулится во языцѣхъ [5]).

---

[1]) Іоан. III, 16 сл. [2]) 1 Тим. I, 4; Тит. III, 9.
[3]) Дѣян. I, 7. [4]) Иса. LIII, 8. [5]) Иса. LII, 5.

Подробное изложеніе вѣры.

Весьма враждебны и чужды апостольскаго исповѣданія тѣ, которые утверждаютъ, что Сынъ—изъ несущихъ и впослѣдствіи привзошелъ къ Отцу изъ вторичнаго начала (ἀποστελλομένης ἀρχῆς), и которые то же самое думаютъ о Святомъ Духѣ, утверждая, что Сынъ обожествляется и Духъ Святый освящается по дару и благодати, которые имя Сына дѣлаютъ общимъ [у него] съ рабами и такъ объясняютъ «перворожденный изъ твари», какъ будто и Онъ подобнымъ же образомъ изъ несущаго и какъ будто Онъ первымъ сотворенъ, и которые не исповѣдуютъ, что Единородный Сынъ—единственный у Отца, а только далъ Самого Себя быть сопричисленнымъ къ смертнымъ и въ такомъ смыслѣ считается перворожденнымъ, которые рожденіе Сына отъ Отца описываютъ человѣкообразно, отмѣривая извѣстный промежутокъ, и не исповѣдуютъ безначальнымъ вѣка родителя и рожденія, которые вводятъ три не имѣющихъ между собою общенія и чуждыхъ поклоненія, тогда какъ единственное правильное богопочитаніе то, которое мы имѣемъ, получивши его отъ начала изъ закона и пророковъ, которое утверждено Господомъ и проповѣдано апостолами. Не менѣе чужды и тѣ, которые исповѣдуютъ Троицу не по-истинѣ изъ трехъ Лицъ, но нечестиво измышляютъ въ единицѣ тройственность по сложенію и Сына считаютъ мудростью въ Богѣ, подобно человѣческой въ человѣкѣ, въ силу которой человѣкъ является мудрымъ, и Слово объясняютъ подобно слову, которое произносится или составляется въ мысли, но не имѣетъ ни отдѣльной ипостаси, ни продолжающагося существованія.

2. Исповѣданіе же церковное и спасительное для міра есть вѣра въ воплощеніе Слова, предавшаго Самого Себя человѣ-

ческой плоти, которую Оно приняло отъ Маріи, оставшись однако тѣмъ же и не подвершись никакому превращенію или измѣненію въ Божествѣ, но сочетавшись съ плотью по подобію человѣческому, такъ что плоть соединилась съ Божествомъ, при чемъ Божество восприняло страстность плоти во время исполненія таинства. Послѣ же разрушенія смерти пребываетъ въ святой плоти постоянное безстрастіе и неизмѣнное безсмертіе, такъ какъ силою Божества воспринята первоначальная человѣческая красота и предоставлена всѣмъ людямъ чрезъ усвоеніе вѣрою.

3. Если же нѣкоторые и здѣсь извращаютъ священную вѣру, или усвояя Божеству человѣческое (преуспѣяніе и страсти и возрастающую славу), или отдѣляя отъ Божества преуспѣвающее и страждущее тѣло, какъ существующее собственною жизнью, то и таковые внѣ церковнаго и спасительнаго исповѣданія.

4. Итакъ, никто не можетъ знать Бога, если не познаетъ Сына, ибо Сынъ есть Премудрость, которою все создано; твореніе же возвѣщаетъ премудрость, и Богъ познается въ премудрости. Премудрость же Божія не такая, какую имѣетъ человѣкъ, но совершенная, происходящая отъ совершеннаго Бога и всегда пребывающая, не такъ, какъ человѣческая мысль, которая преходитъ, и слово, которое произносится и больше не существуетъ. Поэтому Онъ не только Премудрость, но и Богъ, не только Слово, но и Сынъ. Итакъ, мыслитъ ли кто о Богѣ на основаніи созданія или же научается изъ божественныхъ писаній, онъ не можетъ знать или слышать о Немъ безъ Его Премудрости, и право призывающій Бога призываетъ чрезъ Сына, и достойно приходящій приходитъ чрезъ Христа. Придти же къ Сыну невозможно иначе, какъ чрезъ Духа, ибо Духъ есть и жизнь и святое образованіе всего, и посылая Его чрезъ Сына, Богъ уподобляетъ Себѣ созданіе.

5. Итакъ, единъ Отецъ Богъ, единъ Сынъ Слово, единъ Духъ Жизнь, освященіе всего, и ни Богъ иной, какъ Отецъ, ни Сынъ иной, какъ Слово Божіе, ни Духъ иной, какъ житворящій и освящающій, а если и святые называются и богами и сынами и духами, то они ни Духомъ не исполняются, ни Сыну и Богу не уподобляются. 6. Если же кто станетъ утверждать, что Сынъ есть Богъ, какъ исполненный Божества, а не какъ рожденный изъ Божества, тотъ отрекся отъ Слова, отрекся отъ Премудрости, потерялъ знаніе о Богѣ, ниспалъ въ почитаніе созданія, держится нечестія эллиновъ и къ нему возвра-

тился, сдѣлался подражателемъ невѣрію іудеевъ, которые, полагая, что Слово отъ Бога есть сынъ человѣческій, не увѣровали, что Онъ—Богъ, и не исповѣдали Сыномъ Божіимъ. Но нечестиво мыслить Слово Божіе какъ человѣческое, и совершенныя Имъ дѣла пребывающими, когда Онъ Самъ не пребываетъ. 7. Если же кто скажетъ, что Христосъ совершаетъ все по повелѣнію Слова, тотъ и Слово Божіе сдѣлаетъ недѣятельнымъ, и установленный Господомъ порядокъ обратитъ въ рабство; ибо рабъ всякій, кому приказываютъ, и созданіе не способно создавать, поелику оно никакимъ образомъ не можетъ сравняться съ создавшимъ, чтобы какъ само создано Имъ, такъ же могло создавать и другое. 8. Но далѣе, если кто скажетъ, что и Духъ Святый есть освященная тварь, то уже не сможетъ мыслить все освящаемымъ въ Духѣ, ибо освятившій одно освящаетъ и все. Итакъ, отрекается отъ источника освященія, Духа Святаго, тотъ, кто отнимаетъ у Него силу освящать, и этимъ закроетъ для себя возможность сочислять Его Отцу и Сыну; онъ отвергаетъ и святое крещеніе и уже не можетъ исповѣдывать Троицу святою и достопокланяемою. 9. Ибо или всю Троицу должно мыслить въ естественной и истинной славѣ, или мы будемъ принуждены говорить объ Единицѣ, но уже не Троицѣ, или не должно сочислять Создателю созданныхъ тварей, ни Владыкѣ всего—созданій, ни Освящающему—освящаемаго, подобно тому, какъ и Троицѣ не сочисляется ничто изъ тварнаго. Но во имя Святой Троицы [совершается] крещеніе и призываніе и служеніе; ибо если три славы, то должно быть и три служенія у тѣхъ, кто нечестиво почитаетъ созданія. Если раздѣляется природа, которой воздается поклоненіе, то у нихъ должно быть раздѣлено и поклоненіе. Но съ вѣчнымъ не должно воздавать поклоненія тому, что является новымъ, ибо ново все, что получило начало, тогда какъ давній и неизмѣримъ Тотъ, Кто прежде вѣковъ. 10. Поэтому полагающій какое-либо начало времени жизни Сына и жизни Святаго Духа, тѣмъ самымъ отдѣляетъ Сына и Святаго Духа отъ сочисленія съ Отцемъ. Ибо, подобно тому, какъ мы исповѣдуемъ единую славу, такъ должно исповѣдывать и единое существо или Божество и единую вѣчность Троицы. 11. Главное же въ нашемъ спасеніи—воплощеніе Слова. Итакъ, мы вѣруемъ, что воплощеніе Слова совершилось для обновленія человѣчества такъ, что Божество пребыло неизмѣннымъ; ибо не произошло ни измѣненія, ни

превращенія, ни ограниченія въ духѣ по отношенію къ (святой) Силѣ Божіей, но продолжая оставаться тою же, она и исполнила дѣло воплощенія во спасеніе міра, и Слово Божіе, жительствуя на землѣ по-человѣчески, равнымъ образомъ сохранило свое божественное присутствіе во всемъ, все наполнивъ, при совершенно особенномъ срастворенiи съ плотью, и когда происходили страданія по плоти, Сила [т. е. Божество] сохранила свойственное ей безстрастіе. 12. Итакъ, нечестивъ тотъ, кто страданіе относитъ къ Силѣ, ибо Господь славы явился въ человѣческомъ образѣ, воспринявъ человѣческое домостроительство на землѣ, и Своими дѣлами исполнилъ законъ за людей, а Своими страданіями разрушилъ страданія, и смертію упразднилъ смерть, воскресеніемъ же возсіялъ жизнь. Ожидаемъ и славнаго пришествія Его съ небесъ ради жизни всего и суда, грядущаго воскресенія мертвыхъ для воздаянія всѣмъ по заслугамъ.

13. Страшное же дѣло замышляютъ нѣкоторые противъ Святой Троицы, утверждающіе, что нѣтъ трехъ Лицъ, какъ бы вводя безъипостасное Лице. Посему мы бѣжимъ отъ Савеллія, говорящаго, что одинъ и тотъ же есть Отецъ и Сынъ; онъ утверждаетъ, что Отецъ есть глаголющій, а Сынъ есть Слово, пребывающее въ Отцѣ и открывшееся во время творенія, потомъ же, по исполненіи его, возвращающееся въ Бога. (То же самое онъ говоритъ и о Святомъ Духѣ). 14. Мы же вѣруемъ, что три Лица, имѣя единое Божество, являются какъ Отецъ и Сынъ и Святый Духъ; ибо Божество, свидѣтельствуемое естественно единымъ въ Троицѣ, утверждаетъ единство естества, поелику это [т. е. божественное естество] является собственнымъ Отцу согласно написанному: единъ Богъ Отецъ [1]), прирождено (πατρῷον) и Сыну, по сказанному: Слово было Богъ [2]), по естеству присуще и Духу быть Духомъ Божіимъ, какъ говоритъ Павелъ: вы—храмъ Божій, и Духъ Божій живетъ въ васъ [3]). 15. Ибо Лице каждаго показываетъ, что оно существуетъ самостоятельно и ипостасно; Божество же является собственнымъ Отцу, и когда бы ни говорилось объ единомъ Божествѣ трехъ, этимъ свидѣтельствуется, что свойственное Отцу присуще Сыну и Духу; такъ что если будетъ сказано, что въ

---

[1]) 1 Кор. VIII, 6. [2]) Іоан. I, 1. [3]) 1 Кор. III, 16.

трехъ лицахъ единое Божество, то этимъ и троичность утверждается, и единство не разсѣкается, и единство Сына и Духа съ Отцемъ по естеству исповѣдуется. Если же кто говоритъ, что и Лице одно, какъ и Божество одно, то невозможно, что бы два въ единомъ были [только] какъ бы единымъ. 16. Ибо Павелъ возглашаетъ единымъ по Божеству Отца и называетъ единымъ по господству Сына: единъ Богъ Отецъ, изъ Котораго все, и мы для Него, и единъ Господь Іисусъ Христосъ, Которымъ все и мы Имъ [1]). Итакъ, (если) единъ Богъ, и Господь единъ, едино же Лице, посколько Божество единаго господства, то какимъ образомъ въ нашей вѣрѣ оказывается «изъ Котораго» и «Которымъ», какъ раньше сказано? 17. Но мы утверждаемъ, не отсѣкая господства отъ Божества и не отчуждая одного отъ другого, но такъ соединяя, какъ этого требуетъ дѣло и истина, и Сына называемъ Богомъ вслѣдствіе того, что Онъ собственный Отцу, какъ образъ и рожденіе, Отца же называемъ Господомъ, именемъ единаго Господа, какъ Начало Его и Родителя. То же и относительно Духа, имѣющаго такое единство съ Сыномъ, какое Сынъ имѣетъ съ Отцемъ; такъ что пусть познается Ипостась Отца по именованію [Его] Богомъ, но пусть не отдѣляется отъ сего наименованія Сынъ, какъ сущій отъ Бога; пусть познается и лице Сына по наименованію [Его] Господомъ, но да не отлучается отъ сего наименованія Богъ, Который есть Господь, какъ Отецъ Господа. Посколько Сыну принадлежитъ господство,— Ему, Который чрезъ Себя Самого сотворилъ и господствуетъ надъ сотвореннымъ, а Отцу это еще въ высшей степени присуще, какъ Отцу Господствующаго; 18. такъ и Богомъ единымъ мы называемъ Троицу, но не въ томъ смыслѣ, будто мы познаемъ единаго изъ сложенія трехъ (ибо все, что составляется изъ сложенія, несовершенно), а такъ: что̀ есть Отецъ въ смыслѣ начала и рожденія, это есть и Сынъ, образъ и рожденіе Отца. Такъ что, если кто скажетъ: какимъ образомъ единъ Богъ, если и Сынъ есть Богъ отъ Бога, то мы скажемъ, что [это должно понимать] въ смыслѣ начала, посколько Отецъ— единое начало; а если кто (снова) спроситъ: какъ единъ Господь, если Отецъ—Господь; мы снова отвѣтимъ: [Отецъ есть Господь] посколько Онъ—Отецъ Господа,—и намъ уже больше

---

[1]) 1 Кор. VIII, 6.

не встрѣтится это затрудненіе. 19. И опять, если нечестивые скажутъ: какъ не будутъ тремя богами три Лица, если Они имѣютъ Божество единымъ? Мы скажемъ: потому что Богъ есть начало и Отецъ Сына, а Сей есть образъ и рожденіе Отца и не братъ Его, и Духъ равнымъ образомъ есть Духъ Бога, какъ написано: Духъ есть Богъ [1]). 20. И издревле изъ пророка Давида ясно было, что Словомъ Господнимъ небеса утверждены и Духомъ устъ Его вся сила ихъ [2]). И въ началѣ [книги] міротворенія написано такъ: и Духъ Божій носился вверху воды [3]). Павелъ же въ посланіи къ Римлянамъ, говоритъ: вы же не въ плоти, а въ Духѣ, если только Духъ Божій живетъ въ васъ [4]). 21. И снова онъ говоритъ: если же Духъ Того, Кто воскресилъ Іисуса изъ мертвыхъ, живетъ въ васъ, воскресившій Христа изъ мертвыхъ оживитъ и ваши смертныя тѣла живущимъ въ васъ Духомъ Своимъ [5]). И снова: всѣ, кто водится Духомъ Божіимъ, эти суть сыны Божіи; потому что вы не приняли духа рабства снова въ боязнь, но приняли Духа усыновленія, Которымъ взываемъ: Авва, Отче! [6]). И опять: истину говорю во Христѣ, не лгу, когда свидѣтельствуетъ мнѣ совѣсть моя въ Духѣ Святомъ [7]). И снова: Богъ же надежды да исполнитъ васъ всякой радости и мира въ вѣрѣ, чтобы обогатиться вамъ въ надеждѣ силою Духа Святаго [8]). И снова говоритъ, когда пишетъ къ тѣмъ же Римлянамъ: смѣлѣе писалъ вамъ, отчасти какъ бы напоминая вамъ, по благодати данной мнѣ отъ Бога, чтобы быть мнѣ служителемъ Іисуса Христа для язычниковъ, совершая благовѣстіе Божіе, дабы это приношеніе язычниковъ было благопріятно, освященное Духомъ Святымъ. Итакъ я имѣю похвалу во Христѣ Іисусѣ— то, что относится къ Богу; ибо я не осмѣливаюсь сказать чего либо такого, чего не совершилъ Христосъ чрезъ меня, въ покореніе язычъ-

---

[1]) Іоан. IV, 24. [2]) Пс. XXXII, 6. [3]) Быт. I, 2.
[4]) Рим. VIII, 9. [5]) Рим. VIII, 11. [6]) Рим. VIII, 14–15.
[7]) Рим. IX, 1. [8]) Рим. XV, 13.

никовъ словомъ и дѣломъ, силою знаменій и чудесъ, Силою Духа Божія [1]). И снова: умоляю же васъ, братья, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и любовію Духа [2]). 23. Это написано въ посланіи къ Римлянамъ; въ посланіи же къ Коринѳянамъ онъ снова говоритъ: слово мое и проповѣдь моя не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы, чтобы вѣра ваша была не въ мудрости человѣческой, но въ силѣ Божіей [3]). И снова говоритъ: какъ написано: того глазъ не видѣлъ и ухо не слышало и на сердце человѣка не взошло, что Богъ уготовалъ любящимъ Его, а намъ Богъ открылъ Духомъ Своимъ; ибо Духъ все проницаетъ и глубины Божіи. Ибо кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, сущаго въ немъ? Такъ и Божьяго никто не знаетъ, кромѣ Духа Божія [4]). И опять говоритъ: душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія [5]). 24. Видишь, что всюду въ Писаніи Духъ проповѣдуется Божіимъ, и нигдѣ не называется созданнымъ. Что же могутъ сказать нечестивые, когда Господь послалъ учениковъ крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа [6])? Безспорно, что здѣсь имѣется общеніе и единеніе, согласно которому должно исповѣдывать не три Божества и не три господства и не три святыни, но истинно, когда три Лица твердо пребываютъ,—единство трехъ; ибо такъ надлежащимъ образомъ можетъ быть выражена вѣра и въ посылающее и въ посылаемое, поскольку Отецъ послалъ Сына, и Сынъ посылаетъ Духа,—одно же лицо не можетъ посылать самого себя. Вѣдь никто не можетъ назвать Отца воплотившимся, ибо то, что заключается въ исповѣданіи вѣры, не совпадаетъ съ худымъ, еретическимъ ученіемъ; но должно, чтобы наши мысли слѣдовали божественнымъ и апостольскимъ догматамъ, а не такъ, чтобы наши немощныя измышленія осиливали догматы божественной вѣры. 25. Если же скажутъ: какъ три Лица и какъ единое Божество? Мы скажемъ имъ, что три Лица, поскольку одно—Бога Отца, одно—Господа Сына и одно—Святаго Духа; едино же Боже-

---

[1]) Рим. XV, 15—19. [2]) Рим. XV, 30. [3]) 1 Кор. II, 4. 5.
[4]) 1 Кор. II, 9—11. [5]) 1 Кор. II, 14. [6]) Мѳ. XXVIII, 19.

ство, посколько Сынъ есть образъ Бога Отца, Который единъ, т. е. Богъ отъ Бога, и Духа равнымъ образомъ называемъ Божіимъ, и это естественно по тожеству сущности, а не по причастію Бога. И едина сущность Троицы, чего нельзя сказать относительно тварей. 26. Ибо не одна сущность Бога и тварей, потому что ничто изъ послѣднихъ по своей сущности не есть Богъ, но ничто изъ нихъ по существу и не Господь, но единъ Богъ Отецъ и единъ Господь Сынъ и единъ Духъ Святый, и мы утверждаемъ, что Троица — единое Божество, единое господство и единая святыня, потому что Отецъ есть начало Господа, вѣчно Его родившее, и Господь—первообразъ Духа,—такимъ образомъ, и Отецъ—Господь и Сынъ—Богъ и о Богѣ сказано, что «Духъ есть Богъ».

27. Итакъ, исповѣдуемъ единаго Бога истиннаго, единое начало, и единаго Сына, истиннаго Бога отъ истиннаго Бога, естественно имѣющаго Отчее Божество, т. е. единосущнаго Отцу, и единаго Духа Святаго, по естеству и по-истинѣ освящающаго и обожествляющаго всѣхъ, имѣющаго бытіе изъ сущности Бога; а утверждающихъ, что или Сынъ или Духъ Святый—созданіе, анаѳематствуемъ; все же прочее исповѣдуемъ сотвореннымъ и рабскимъ, созданнымъ Богомъ чрезъ Сына (и) въ Духѣ Святомъ освященнымъ. 28. Еще исповѣдуемъ, что Сынъ Божій содѣлался сыномъ человѣческимъ, не по имени, но во-истину, принявши плоть отъ Маріи Дѣвы, и что Онъ есть совершенный Сынъ Божій и Онъ же—сынъ человѣческій, единое лице и единое поклоненіе Слова и плоти, которую Оно восприняло. И анаѳематствуемъ творящихъ различныя поклоненія, одно божеское и одно человѣческое, и поклоняющихся человѣку изъ Маріи, какъ иному по сравненію съ Богомъ отъ Бога. Ибо мы знаемъ, что въ началѣ было Слово, и Слово было къ Богу и Слово было Богъ [1]); когда же Онъ содѣлался человѣкомъ ради нашего спасенія, мы покланяемся не какъ содѣлавшемуся равнымъ [намъ] въ равной [съ нами] плоти, но какъ Господу, принявшему образъ раба. Исповѣдуемъ страданіе Господа по плоти, воскресеніе силою Его Божества, восшествіе на небо, славное пришествіе Его, грядущаго на судъ живыхъ и мертвыхъ и вѣчную жизнь святыхъ.

---

[1]) Іоан. I, 1.

30. И такъ какъ нѣкоторые отягчили насъ, пытаясь извратить нашу вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа, исповѣдуя Его не Богомъ воплотившимся, а человѣкомъ, соединеннымъ съ Богомъ,—ради этого мы и излагаемъ исповѣданіе относительно высказанной ранѣе вѣры, отрекаясь отъ ненадежнаго словопренія. Ибо Богъ, воплотившійся въ человѣческой плоти, имѣетъ чистое собственное дѣйствіе, будучи умомъ, неодолѣваемымъ душевными и человѣческими страстями и направляя плоть и плотскія движенія божественно и безгрѣшно, и не только не удержанъ смертью, но и разрушаетъ смерть. 31. И Безплотный во плоти явившійся есть Богъ истинный, совершенный истиннымъ и божественнымъ совершенствомъ, не два лица и не два естества; ибо мы не утверждаемъ, что покланяемся четыремъ—Богу, Сыну Божію, человѣку и Духу Святому. Посему мы и анаѳематствуемъ такъ нечествующихъ, которые человѣка полагаютъ въ божественномъ славословіи; ибо мы говоримъ, что Слово Божіе содѣлалось человѣкомъ для нашего спасенія, чтобы мы получили уподобленіе небесному и обожествились до подобія истинному по естеству Сыну Божію, по плоти же сыну человѣческому, Господу нашему Іисусу Христу.

32. Итакъ, вѣруемъ въ единаго Бога, т. е. въ единое начало, Бога закона и Евангелія, праведнаго и благого, и въ единаго Господа Іисуса Христа, Бога истиннаго, т. е. истинный Образъ единственно истиннаго Бога, Творца всего видимаго и невидимаго, Сына Божія и единородное рожденіе и вѣчное Слово, живое и ипостасное и дѣйственное, всегда соприсущее Отцу, и въ единаго Святаго Духа, и въ славное пришествіе Сына Божія, принявшаго плоть отъ Дѣвы, за насъ претерпѣвшаго страданія и смерть, и воскресшаго въ третій день и вознесшагося на небеса, и въ грядущее славное (Его) пришествіе, и въ единую святую Церковь, оставленіе грѣховъ, воскресеніе плоти, жизнь вѣчную. 33) Исповѣдуемъ, что единосущенъ Отцу Сынъ и Святый Духъ и что едина сущность Троицы, т. е. едино Божество, при чемъ Отецъ естественно нерожденный, Сынъ рожденъ отъ Отца истиннымъ рожденіемъ, не твореніемъ изъ воли, Духъ же Святый, освящающій все созданіе, вѣчно ниспосланъ изъ сущности Отца чрезъ Сына. 34. Исповѣдуемъ же и воплотившееся Слово и явившееся въ плотскомъ рожденіи отъ Дѣвы, а не дѣйствовавшее [только] въ человѣкѣ. Имѣющихъ же общеніе съ от-

вергающими выраженіе «единосущный», какъ чуждое Писаніямъ, и съ утверждающими, что нѣчто изъ Троицы—созданное, и отдѣляющими отъ единаго естественнаго Божества, считаемъ чуждыми и ни съ кѣмъ изъ таковыхъ не имѣемъ общенія.

35. Единъ Богъ Отецъ, единственное Божество, Богъ же и Сынъ, истинный образъ единаго и единственнаго Божества по рожденію и по естеству, которое Онъ имѣетъ отъ Отца, единъ Господь—Сынъ, точно такъ же и Духъ, посылающій господство Сына на освящаемое созданіе. Сынъ обиталъ въ мірѣ, принявши отъ Дѣвы плоть, которую Онъ исполнилъ Святымъ Духомъ въ освященіе всѣхъ насъ; предавши же плоть смерти, Онъ разрушилъ смерть воскресеніемъ въ воскресеніе всѣхъ насъ и восшелъ на небеса, въ Себѣ возвышая и прославляя человѣковъ, и во второй разъ придетъ, чтобы возстановить вѣчную жизнь для насъ (вѣрующихъ и соблюдающихъ Его заповѣди). 36. Единъ Сынъ, одинъ и тотъ же и до воплощенія и по воплощеніи, человѣкъ и Богъ, то и другое—единое. И не иное Лице—Богъ Слово, а иное—человѣкъ Іисусъ, но одинъ и тотъ же предсуществующій Сынъ явился соединеннымъ съ плотью изъ Маріи, сталъ совершеннымъ и святымъ и безгрѣшнымъ человѣкомъ и совершаетъ домостроительство въ обновленіе человѣчества и спасеніе всего міра. 37. Богъ Отецъ, будучи совершеннымъ Лицемъ, имѣетъ совершенное Слово, истинно родившееся изъ Него, не какъ слово произносимое и не Сына по усыновленію, какъ называются сынами Божіими ангелы и люди, но Сына—по естеству Бога; [имѣетъ] и совершеннаго Духа Святаго, отъ Отца чрезъ Сына подаваемаго усыновляемымъ, живого и животворящаго, святаго и освящающаго сопричастниковъ Своихъ, не какъ дыханіе, вдыхаемое человѣкомъ, безъипостасное, но отъ Бога живущее, чрезъ которое именно Троица покланяема и славима и честна и достопочитаема, когда Отецъ умопостигается въ Сынѣ, поколику Сынъ изъ Него, Сынъ же прославляется въ Отцѣ, поколику Онъ изъ Отца, являемаго въ Духѣ Святомъ для освящаемыхъ.

38. А что Святая Троица досточестна, не отдѣляемая и не отчуждаемая, объ этомъ учитъ насъ Павелъ, говоря во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ такъ: благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любовь Бога и общеніе Святаго Духа со всѣми вами [1]). И опять въ этомъ

[1]) 2 Кор. XIII, 13.

посланіи показываетъ, говоря: утверждающій же насъ съ вами во Христа и помазавшій Богъ и запечатлѣвшій насъ и давшій залогъ Духа въ сердца наши [1]). Но еще яснѣе въ томъ же посланіи пишетъ такъ: когда они читаютъ Моисея, покрывало лежитъ на сердцѣ ихъ; когда же обращаются къ Господу, то покрывало снимается. Господь же есть Духъ, а гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода. Мы же всѣ, открытымъ лицемъ взирая на славу Господню, въ тотъ же образъ преображаемся отъ славы въ славу, какъ отъ Господня Духа [2]). 39. И опять Павелъ говоритъ: чтобы смертное было поглощено жизнью; создавшій же насъ на это самое Богъ, давшій вамъ залогъ Духа [3]). И опять говоритъ: являя себя какъ служителей Божіихъ, въ великомъ терпѣніи, въ бѣдствіяхъ, въ нуждахъ, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ [4]) и слѣдующее затѣмъ; потомъ присоединяетъ, говоря: въ благости, въ Духѣ Святомъ, въ любви нелицемѣрной, въ словѣ истины, въ силѣ Божіей [5]). Вотъ и здѣсь также святый опредѣлилъ Святую Троицу, наименовавъ Бога и Слово и Духа Святаго. 40. И опять говоритъ: не знаете ли, что вы храмъ Божій, и Духъ Божій живетъ въ васъ? И если кто погубитъ храмъ Божій, того погубитъ Богъ [6]). И опять: но омылись, (но освятились), но оправдались именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего [7]). И опять: или не знаете, что тѣла ваши — храмъ сущаго въ васъ Святаго Духа, Котораго вы имѣете отъ Бога? Ибо думаю, и я имѣю Духа Божія [8]). 41. И опять, ведя рѣчь и о сынахъ Израилевыхъ, какъ крещенныхъ въ облакѣ и въ бурѣ, говоритъ, что всѣ пили одно и тоже духовное питіе, ибо пили изъ духовнаго послѣдующаго камня, — камень же былъ Христосъ [9]). И опять говоритъ: потому сказываю вамъ, что никто, говорящій Духомъ Божіимъ, не произнесетъ анаѳемы на Іисуса, и никто не можетъ

---

[1]) 2 Кор. I, 21. 22. [2]) 2 Кор. III, 15—18. [3]) 2 Кор. V, 4. 5.
[4]) 2 Кор. VI, 4. [5]) 2 Кор. VI, 6. 7. [6]) 1 Кор. III, 16. 17.
[7]) 1 Кор. VI, 19. [8]) 1 Кор. VII, 40. [9]) 1 Кор. X, 4.

назвать Іисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ. Есть же раздѣленія дарованій, но Духъ одинъ и тотъ же, есть и раздѣленія служеній, но Господь одинъ и тотъ же; есть и раздѣленія дѣйствій, а одинъ и тотъ же Богъ, дѣйствующій все во всѣхъ; но каждому дается явленіе Духа на пользу. Ибо одному дается Духомъ слово премудрости, другому же слово знанія тѣмъ же Духомъ, иному же вѣра въ томъ же Духѣ, (иному даръ исцѣленій тѣмъ же Духомъ), иному же дѣйствія силъ, иному же пророчество, иному же различеніе духовъ, другому же роды языковъ, (иному истолкованіе языковъ). Все же это дѣйствуетъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя каждому особо, какъ хочетъ. И какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены тѣла, хотя ихъ много, суть одно тѣло, такъ и Христосъ. Ибо всѣ мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло [1]). И опять говоритъ: ибо если кто, пришедъ, проповѣдуетъ другого Іисуса, Котораго мы не проповѣдывали, или вы получаете иного Духа, Котораго вы не получили, или иное благовѣстіе, котораго не приняли, то вы справедливо потерпѣли бы [2]). Видишь, что Духъ неотдѣлимъ отъ Божества, и никто благочестно мудрствующій не можетъ считать Его созданіемъ. 42. Въ посланіи же къ Евреямъ онъ опять пишетъ такъ: какъ мы избѣжимъ, вознерадѣвши о толикомъ спасеніи, которое, получивши начало своего возвѣщенія отъ Господа, посредствомъ слышавшихъ утвердилось въ насъ, когда Богъ подтверждалъ знаменіями и чудесами и различными силами и раздаяніемъ Духа Святаго [3]). И опять въ томъ же посланіи говоритъ: почему, какъ говоритъ Духъ Святый, нынѣ когда услышите гласъ Его, не ожесточите сердецъ вашихъ, какъ во время ропота въ день искушенія въ пустынѣ, гдѣ искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня и видѣли дѣла Мои сорокъ лѣтъ. Посему я вознегодовалъ на родъ сей

[1]) 1 Кор. XII, 3—13. [2]) 2 Кор. XI, 4. [3]) Евр. II, 3—4.

и сказалъ: непрестанно они заблуждаютъ сердцемъ своимъ, вслѣдствіе чего не познали путей Моихъ, какъ клялся Я въ гнѣвѣ Моемъ, что они не войдутъ въ покой Мой [1]). И тутъ пусть послушаютъ Павла, никоимъ образомъ не отдѣляющаго Духа Святаго отъ Божества Отца и Сына, но ясно показывающаго, что глаголаніе Святаго Духа—было отъ Лица Божія, и такимъ образомъ изречено какъ бы отъ Бога, какъ изложено въ вышеприведенныхъ изреченіяхъ. Поэтому вѣруемъ, что Святая Троица—единъ Богъ, и покланяемся Ей согласно засвидѣтельствованному божественнымъ Писаніемъ, тѣмъ болѣе, что и всюду существуютъ для насъ въ божественномъ Писаніи безчисленныя наставленія, которыя согласно свидѣтельствуютъ апостольскую и церковную вѣру.

---

[1]) Евр. III, 7—11.

На Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвы Маріи

бесѣда первая.

Днесь чинъ ангельскій радостно воспѣваетъ хвалебныя пѣсни, и свѣтъ пришествія Христова возсіяваетъ вѣрнымъ. Днесь радостная для насъ весна, Христосъ—Солнце правды осіялъ насъ яснымъ свѣтомъ и озарилъ умы вѣрныхъ. Днесь Адамъ обновленъ и вознесенный на небо ликуетъ съ ангелами. Днесь вся вселенная объята радостію, такъ какъ совершилось пришествіе Святаго Духа къ людямъ. Днесь божественная благодать, надежда невидимыхъ, освѣщаетъ чудеса, превышающія разумъ, и явственно открываетъ намъ отъ вѣка сокровенное таинство. Днесь сплетаются вѣнцы неизсякаемой добродѣтели. Днесь Богъ, хотящій увѣнчать священныя главы любящихъ слушать и почитающихъ празднества, призвалъ любителей непоколебимой вѣры какъ званныхъ и наслѣдниковъ, и горнее царство поспѣшаетъ призвать мудрствующихъ небесное, чтобы пріобщить ихъ къ божественному служенію безплотныхъ ликовъ. Днесь исполнилось предреченіе Давида, которое говоритъ: да веселятся небеса и да торжествуетъ земля; да возрадуются поля и всѣ деревa дубравныя отъ лица Господня, потому что грядетъ [1]). Давидъ говоритъ [просто] деревья, а предтеча Господень называлъ деревья, приносящія плоды достойные покаянія, скорѣе же—пришествія Господня. Господь же нашъ Іисусъ Христосъ возвѣстилъ неизсякаемую радость всѣмъ вѣрующимъ въ Него. Ибо Онъ говоритъ: увижу васъ, и возрадуетесь, и радости вашей никто не отниметъ у васъ [2]).

---

[1]) Пс. XCV, 11—13. [2]) Іоан. XVI, 22.

Днесь ясно возвѣщается намъ преславное и неизреченное таинство христіанъ, добровольно запечатлѣвшихъ свою надежду на Христа. Днесь Гавріилъ, предстоящій Богу, приходитъ къ Дѣвѣ непорочной, благовѣствуя ей: радуйся благодатная [1]). Она же помышляла въ себѣ, что́ бы это было за привѣтствіе. Ангелъ безъ замедленія присовокупилъ, говоря: Господь съ Тобою; не бойся, Марія, ибо Ты обрѣла благодать у Бога. Итакъ Ты зачнешь во чревѣ и родишь Сына, и нарекутъ имя Ему Іисусъ. Онъ будетъ великъ и Сыномъ Вышняго наречется. И дастъ ему Господь Богъ престолъ Давида, отца Его, и будетъ царствовать въ домѣ Іакова во вѣки, и царству Его не будетъ конца. Марія же сказала ангелу: какъ это будетъ со Мною, когда Я мужа не знаю? Останусь ли я и далѣе дѣвой? Не будетъ ли нарушено достоинство дѣвства? Когда святая Дѣва недоумѣвала о семъ, ангелъ возвѣщаетъ ей сущность своей рѣчи, говоря: Духъ Святый найдетъ на Тебя и сила Всевышняго осѣнитъ Тебя; посему и рождаемое отъ Тебя святое наречется Сыномъ Божіимъ [2]). Ибо что́ оно есть, тѣмъ дѣйствительно и наречется.

Итакъ, достойно изъ всѣхъ родовъ благодать избрала одну только святую Дѣву. Ибо она истинно была мудрѣе всѣхъ, и никогда во всѣхъ родахъ не было подобнаго ей. Она [поступила] не такъ, какъ прежде дѣва Ева, которая, ликуя въ раю, своимъ слабымъ умомъ неосторожно вняла рѣчи виновника зла змія, и такимъ образомъ извратила благородство своего помышленія, и чрезъ нее коварный, изливъ свой ядъ и примѣшавъ смерть, ввелъ во весь міръ, и вслѣдствіе этого произошла всякая пагуба святыхъ; и только одною святой Дѣвой возстановлено ея [т. е. Евы] паденіе. Напротивъ, святая [Дѣва] имѣла твердость принять даръ не прежде, чѣмъ узнала, кто посылаетъ его, и что это за даръ и кто его приноситъ. Говоря это сама въ себѣ, святая недоумѣвала и обращается къ ангелу, говоря: откуда ты принесъ мнѣ такое благословеніе? Изъ какихъ сокровищъ послана мнѣ эта жемчужина слова? Въ чемъ этотъ даръ мнѣ имѣетъ свое основаніе? Ты пришелъ съ неба и шествуешь по землѣ. Ты показываешь всѣ характерныя черты человѣка, и осіяваешь блистаніемъ свѣта.

---

[1]) Лук. I, 8. [2]) Лук. I, 35.

Святая въ Себѣ размышляла объ этомъ; ангелъ же разрѣшилъ ея сомнѣніе, такъ вѣщая къ ней: Духъ Святый найдетъ на Тебя, и сила Вышняго осѣнитъ Тебя; посему и рождаемое отъ Тебя святое наречется Сыномъ Божіимъ. И: не бойся, Маріа, ибо я пришелъ не для того, чтобы поражать тебя страхомъ, но чтобы отогнать причину страха. Не бойся, Маріа, ибо Ты обрѣла благодать у Бога. Не изслѣдуй благодати по законамъ естества; ибо благодать не терпитъ подчиненія законамъ естества. Ты познала, Маріа, то, что было сокрыто отъ патріарховъ и пророковъ. Ты, Дѣво, научилась тому, что доселѣ было утаено отъ ангеловъ. Ты услышала, Всесвятая, то, чего еще не удостоился [слышать] ликъ богоносныхъ мужей. Моисей и Давидъ, Исаія и Даніилъ и всѣ пророки предвозвѣщали о немъ, но какъ [это будетъ], не знали. Ты же одна только, Всесвятая Дѣво, нынѣ воспринимаешь невѣдомыя всѣмъ имъ тайны и уразумѣваешь, какъ это возможно. Ибо гдѣ Духъ Святый, тамъ все легко совершается. Гдѣ божественная благодать, [тамъ] все возможно для Бога. Духъ Святый найдетъ на Тебя, и сила Вышняго осѣнитъ Тебя, посему и рождаемое отъ Тебя святое наречется Сыномъ Божіимъ. Если же Сынъ Божій, то и Богъ сообразный Отцу и совѣчный, въ Которомъ Отецъ обладаетъ всецѣлымъ откровеніемъ; Онъ—начертаніе въ лицѣ, и чрезъ отраженіе [въ Немъ] возсіяваетъ Его слава. И какъ изъ неизсякаемаго источника проистекаютъ рѣки, такъ и изъ сего неизсякаемаго и всегда живого источника проистекаетъ неизсякаемый и истинный Свѣтъ міра—Христосъ Богъ нашъ. Объ этомъ источникѣ пророки восклицали: рѣчные потоки веселятъ градъ Божій [1]),—не одинъ только градъ, но всѣ, ибо подобно тому, какъ одинъ градъ, онъ веселитъ и всю вселенную. Посему прилично Ангелъ возгласилъ Святой Дѣвѣ Маріи, первой изъ всѣхъ: радуйся, благодатная, Господь съ Тобою, такъ какъ съ нею сохранено было все сокровище благодати. Ибо изъ всѣхъ родовъ одна только сія Дѣва явилась святою и по тѣлу и по духу, и она одна только носитъ Того, Кто глаголомъ носитъ всяческая [2]). И должно изумляться не только тѣлесной красотѣ ея, но и добродѣтельному направленію ея души. Посему-то къ ней

[1]) Псал. XLV, 5. [2]) Евр I. 3.

первой изъ всѣхъ Ангелъ обращается съ привѣтствіемъ: радуйся, благодатная, Господь съ Тобою; и не земной женихъ, но Самъ Господь освященія, Отецъ непорочности, Зиждитель нетлѣнія и Податель свободы, Ходатай спасенія Распорядитель и Раздаятель истиннаго мира, изъ дѣвственной земли создавшій человѣка и изъ ребра его взявшій Еву,— Сей Господь съ Тобою и опять изъ Тебя.

Посему пріидите, возлюбленные, и мы, послѣдуя ангельскому хваленію, благомысленно воздадимъ по силамъ говоря: радуйся, благодатная, Господь съ Тобою. Ибо Тебѣ надлежитъ по-истинѣ радоваться, такъ какъ съ Тобою божественная благодать, какъ [она одна] вѣдаетъ, вселилась; съ рабою—Царь славы, съ прекрасною—Тотъ, Кто красенъ добротою паче сыновъ человѣческихъ [1]), съ нескверною— освящающій всяческая. Съ Тобою Богъ и совершенный человѣкъ, въ которомъ обитаетъ вся полнота Божества [2]). Радуйся, благодатная, источникъ Свѣта, просвѣщающаго всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Радуйся, благодатная, востокъ мысленнаго солнца и нескверный цвѣтъ жизни. Радуйся, благодатная, лугъ благоуханія. Радуйся, благодатная, лоза всегда цвѣтущая, веселящая души прославляющихъ тебя. Радуйся, благодатная, нива невоздѣланная и принесшая прекрасные плоды, сообразно съ естествомъ, потому что сообразно съ нами и потому что сообразно съ временемъ чревоношенія, но и противъ естества, или лучше выше естества, потому что свыше вселился Богъ Слово и въ святомъ Твоемъ чревѣ возсоздалъ Адама; и хотя способность къ рожденію Святой Дѣвѣ подалъ Святой Духъ, однако, истинное тѣло взято изъ Ея тѣла. И какъ жемчужина образуется изъ двухъ естествъ, изъ молніи и воды, сокровенныхъ явленій моря, такъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ неслитно и неизмѣнно происходитъ изъ чистой и непорочной, нескверной и святой Дѣвы Маріи, совершенный въ Божествѣ и совершенный въ человѣчествѣ, по всему подобный Отцу и единосущный намъ во всемъ кромѣ грѣха.

Весьма многіе изъ святыхъ отцевъ, патріарховъ и пророковъ хотѣли видѣть Его и сдѣлаться самовидцами Его и не сдѣлались. И одни изъ нихъ созерцали Его посредствомъ видѣній образно въ гаданіяхъ, другіе слышали божественный гласъ [Его] въ столпѣ облачномъ и удостоились явленія свя-

[1]) Псал. XLIV, 3. [2]) Кол. II, 2.

тыхъ ангеловъ. И только къ одной Маріи, Святой Дѣвѣ, свѣтозарно пришелъ архангелъ Гавріилъ, благовѣствуя Ей: радуйся, благодатная. И такимъ образомъ, она восприняла Слово и по времени тѣлеснаго исполненія принесла многоцѣнную жемчужину.

Посему пріидите и вы, возлюбленные, воспоемъ представленное намъ богодухновеннымъ Давидомъ на гусляхъ: воскресни, Господи, въ покой Твой, Ты и кивотъ святыни Твоей [1]). Ибо во-истину Святая Дѣва—кивотъ, внутри и внѣ позлащенный, воспринявшій въ себя цѣлое сокровище освященія. Воскресни, Господи, въ покой Твой. Возстани, Господи, изъ лона Отца, чтобы возставить падшій родъ первозданнаго. Прославляя это, Давидъ пророчески говоритъ къ лозѣ, имѣющей произрастить изъ него прекраснаго плода цвѣтъ: слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народъ твой, и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь красоты твоей, и поклонишься ему [2]). Слыши, дщерь, пророчествуемое о тебѣ, чтобы и очами вѣдѣнія узрѣла и самое дѣло. Слыши меня, предзнаменующаго тебѣ, и архангела, ясно возвѣщающаго тебѣ совершенное таинство.

Итакъ, пріидите, возлюбленные, воспомянемъ прежде бывшее и прославимъ лозу, такъ преестественно прозябшую отъ Іессея, восхвалимъ, ублажимъ и благоговѣйно почтимъ. Ибо не объ одномъ только Іосифѣ, но и о Богородицѣ Маріи свидѣтельствуя, Лука повѣствуетъ въ божественныхъ Евангеліяхъ до самаго родства Давидова: пошелъ также,—говоритъ онъ,—и Іосифъ изъ Галилеи, въ городъ іудейскій, называемый Виѳлеемъ, записаться съ Маріею, обрученной ему женою, которая была непраздна, потому что они были изъ дома и рода Давида. Случилось же, когда они были тамъ, исполнились дни родить Ей, и родила Сына Своего, первороженнаго всей твари, и спеленала Его и положила Его въ ясляхъ, потому что не было имъ мѣста въ гостинницѣ [3]). Спеленала одѣвающаго свѣтомъ, какъ одеждою [4]). Спеленала создавшаго всю тварь. Положила въ ясляхъ сѣдящаго на херувимахъ и воспѣваемаго тмами ангеловъ. Въ ясляхъ без-

[1]) Пс. 131, 8. [2]) Пс. 44, 11, 12. [3]) Лук. II, 4—7 [4]) Пс. 103, 2.

словесныхъ возлегло Божественное Слово, чтобы людямъ, по собственному произволенію сдѣлавшимся неразумными, даровать разумный смыслъ. На трапезѣ скотовъ предложенъ небесный хлѣбъ, чтобы скотоподобнымъ людямъ даровать причастіе таинственной пищи. И даже мѣста не было имъ въ гостинницѣ. Не имѣлъ мѣста словомъ устроившій небо и землю, потому что, будучи богатъ, Онъ обнищалъ ради насъ [1]), подъялъ на Себя крайнее уничиженіе ради спасенія нашего естества, по присущей Ему благости къ намъ. Исполнившій всякое устроеніе неизреченныхъ тайнъ домостроительства на небѣ въ лонѣ Отца, Онъ возлегъ и въ вертепѣ въ объятіяхъ Матери. Сонмы ангеловъ окружали Его, возглашая славу на небѣ и на землѣ миръ. На небѣ одесную Отца возсѣлъ, и въ ясляхъ, какъ на херувимахъ, почилъ. По-истинѣ [это] престолъ и именно херувимскій, престолъ царскій, святый изъ святыхъ, единый, славный на землѣ святѣйшій изъ святыхъ, на которомъ почилъ Христосъ Богъ нашъ. Ему слава, честь и держава, со Отцемъ безначальнымъ и всесвятымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Благовѣщеніе Всесвятой Богородицы и Приснодѣвы Маріи

бесѣда вторая.

Всѣ празднества и пѣснопѣнія намъ надлежитъ приносить какъ жертвы Богу, прежде же всего — благовѣщеніе святой Дѣвы Богородицы, бывшее къ ней отъ ангела: радуйся, благодатная [2]), такъ какъ прежде всякой премудрости и спасительнаго ученія въ Новомъ Завѣтѣ намъ ниспослано отъ Отца свѣтовъ: радуйся, благодатная. Говоря: благодатная, Онъ объялъ вмѣстѣ все человѣческое естество. Радуйся, благодатная во святомъ зачатіи и въ славномъ чревоношеніи. Возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всему народу [3]). Далѣе, грядый на спасительную страсть Господь сказалъ: Я увижу васъ, и вы возрадуетесь, и радости нашей никто не отниметъ у насъ [4]). И послѣ воскресенія снова чрезъ

[1]) 2 Кор. VIII, 9. [2]) Лук. I, 28. [3]) Лук. II, 10.
[4]) Іоан. XVI, 22.

святыхъ женъ прежде всего благовѣствуетъ намъ: радуйся [1]). Подобное этому и апостолъ возгласилъ: всегда, говоря, радуйтесь, непрестанно молитесь; за все благодарите [2]). Итакъ, видите, возлюбленные, какъ Господь всюду нераздѣльно даровалъ намъ превосходящую умъ и неизсякаемую радость. Поелику святая Дѣва, будучи во плоти, достигла непорочнаго жительства, проводя жизнь во всякихъ добродѣтеляхъ, живя лучше, чѣмъ согласно съ [природой] человѣка, то посему Слово, сущее отъ Бога Отца, удостоило воспринять отъ Нея плоть и совершенное человѣческое естество, чтобы чрезъ ту же плоть, чрезъ которую грѣхъ вошелъ въ міръ и чрезъ грѣхъ смерть, грѣхъ былъ осужденъ во плоти, и искуситель грѣха былъ побѣжденъ во гробѣ святой плоти, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ показано было начало воскресенія, и чтобы жизнь вѣчная жительствовала въ мірѣ, и совершилось общеніе Бога Отца съ людьми. И что скажемъ, или что пропустимъ? Или кто изъяснитъ непостижимое въ этомъ таинствѣ? Но теперь возвратимся къ предложенному предмету.

Къ непорочной Дѣвѣ посланъ Гавріилъ, безплотный къ той, которая во плоти проводила непорочную жизнь, жила въ чистотѣ и въ добродѣтеляхъ. И пришедши къ ней, прежде всего такъ благовѣствуетъ ей: Радуйся, благодатная, Господь съ Тобою. Радуйся, благодатная, ибо ты совершаешь то, что дѣйствительно достойно радости, поелику ты облеклась въ незапятнанный хитонъ и препоясаніемъ цѣломудрія препоясана. Радуйся, благодатная, вмѣстилище небесной радости. Радуйся, благодатная, ибо чрезъ тебя подается радость всякой твари и родъ человѣческій возвращаетъ древнее достояніе. Радуйся, благодатная, потому что ты будешь носить въ своихъ объятіяхъ Создателя всяческихъ. Она же смутилась при этой рѣчи, ибо для нея непривычны были какія бы то ни было бесѣды съ людьми; она возлюбила молчаніе, какъ мать цѣломудрія и непорочности, и, будучи чистой, непорочной и нескверной красотой, она не устрашилась ангельскаго вида, какъ большинство пророковъ, такъ какъ и истинная дѣва имѣетъ сродство и равную долю съ ангелами. Ибо святая Дѣва заботливо охраняла свѣтильникъ дѣвства и имѣла много попеченія о томъ, чтобы не погасить или не осквернить его. И какъ облеченный въ блистательную

[1]) Мѳ. XXVIII, 9. [2]) 1 Θесс. V, 16, 17.

одежду много обращаетъ вниманія на то, чтобы откуда-нибудь не пристала нечистота или грязь, такъ и святая Дѣва размышляла въ себѣ и говорила: не заключаетъ ли въ себѣ это почитаніе какой-нибудь хитрости или лести? Не будетъ ли это радуйся для Меня причиной горести, какъ нѣкогда прамтери Евѣ содѣйственное принятіе льстиваго обѣщанія демона въ образѣ змія объ обоженіи? Не преобразуется ли снова въ свѣтлаго ангела виновникъ зла демонъ и, завидуя моему жениху въ совершенномъ моемъ цѣломудріи, начинаетъ борьбу съ нимъ посредствомъ какъ будто пріятной бесѣды; но не возмогши обольстить мужа, какъ крѣпкаго умомъ, подошелъ ко мнѣ, какъ одаренной болѣе слабымъ разумомъ, и взываетъ [ко мнѣ]: радуйся, которое впослѣдствіи можетъ оказаться нерадостнымъ? Не является ли ублаженіе и привѣтствіе лицемѣрнымъ? Не скрывается ли подъ медомъ какой-нибудь ядъ? Нѣтъ ли здѣсь рѣчи благовѣствующаго, а намѣренія грабителя? Ибо какъ онъ привѣтствуетъ ту, которой самъ не знаетъ? Такъ она недоумѣвала и говорила. Тогда архангелъ снова провозглашаетъ Ей радость вѣрную для всѣхъ и безраздѣльную, провозвѣщая Ей и говоря Ей: Не бойся, Маріа, ибо Ты обрѣла благодать у Бога. Ты имѣешь сжатое доказательство сказаннаго: я внушаю тебѣ не только то, что не должно ничего бояться, но и самый образъ безбоязненности. Ибо чрезъ меня привѣтствуютъ тебя, святую Дѣву, всѣ небесныя силы,—лучше же сказать: Самъ господствующій надъ всѣми небесными силами избралъ изъ всего созданія тебя, святую и преукрашенную; и чрезъ святую, непорочную, чистую и нескверную твою утробу приходитъ свѣтлѣйшій жемчугъ на спасеніе вселенной, поелику и ты, святая, содѣлалась славнѣе и чище и священнѣе всякаго человѣческаго естества; имѣешь разумъ блистательнѣе снѣга и тѣло превосходнѣе всякаго испытаннаго золота, утробу же такую, какую созерцалъ Іезекіиль и о какой онъ повѣствовалъ, говоря слѣдующее: Подобіе надъ головою животныхъ, какъ бы твердь и какъ видѣніе страшнаго кристалла, и подобіе престола на немъ, какъ видѣніе камня сапфира, и вверху надъ престоломъ какъ бы подобіе человѣка и какъ видѣніе электра, и внутри его какъ видѣніе огня кругомъ [1]). Ясно, что

[1]) Іезек. I, 22, 26, 27.

пророкъ образно видѣлъ Рожденнаго отъ святой Дѣвы: Его ты, святая Дѣва, не могла бы понести, если бы въ то время не блистала всякою славою и добродѣтелью. Итакъ, какими словами похвалы опишемъ дѣвственное достоинство? Какими знаками прославленія и воскликновеніями воспоемъ непорочный твой образъ? Какими духовными пѣснями и рѣчами прославимъ славнѣйшую ангеловъ? Она возращена въ дому Божіемъ подобно плодоносной маслинѣ, въ которой вселился Духъ Святый; чрезъ нее Онъ назвалъ насъ сынами и наслѣдниками царства Христова. Она—вѣчно цвѣтущій рай нетлѣнія, въ которомъ возращенное животворящее древо всѣмъ подаетъ плоды безсмертія. Она—похвала дѣвъ, веселіе матерей. Она—утвержденіе вѣрующихъ, совершеніе благочестивыхъ. Она—одѣяніе свѣта, жилище добродѣтели. Она—неизсякаемый источникъ, въ которомъ вода живая источила пришествіе во плоти Господа. Она—крѣпость правды, и всѣ, кто возлюбили и любятъ дѣвственную непорочность и чистоту, насладятся ангельской радости. Всѣ, кто воздерживаются отъ вина и опьяненія и отъ сикера сладострастія, насладятся отъ плода живоноснаго насажденія. Всѣ, сохранившіе неугасимымъ свѣтильникъ дѣвства, увѣнчаются неувядаемымъ вѣнцомъ нетлѣнія. Всѣ, кто блюли незапятнанною одежду цѣломудрія, воспріимутся въ таинственный чертогъ правды. Всѣ, приблизившіеся къ ангельскому достоинству, совершеннѣе насладятся Господнимъ блаженствомъ. Всѣ стяжавшіе свѣтлый елей разума и чистый ѳиміамъ совѣсти, наслѣдуютъ обѣтованіе духовнаго благоуханія и сыноположенія. Всѣ, достойно празднующіе Благовѣщеніе Богородицы Дѣвы Маріи, получатъ мздовоздаяніе, болѣе дѣйствительное, чѣмъ благовѣстіе: радуйся благодатная.

Будемъ же и мы праздновать во псалмахъ и пѣніяхъ и пѣсняхъ духовныхъ. Праздновалъ нѣкогда и Израиль, но въ опрѣснокахъ и горькихъ травахъ, о которыхъ пророкъ говоритъ: обращу праздники ихъ въ печаль и въ плачъ и радость ихъ въ унынie [1]). Наши же печали Господь нашъ обѣщалъ обратить, чрезъ плоды покаянія, въ радость [2]). Конечно, и первый завѣтъ имѣлъ постановленія о богослуженіи [3]), подобно тому, какъ при праотцѣ Авраамѣ, но въ болѣзняхъ плотского мученія чрезъ обрѣзаніе, вплоть

[1]) Амос. VIII, 10. [2]) Іерем. XXXI, 13. [3]) Евр. IX, 1.

до временъ исполненія. Законъ данъ былъ имъ чрезъ Моисея для наученія, намъ же благодать и истина дарованы Іисусомъ Христомъ. Началомъ всѣхъ благъ для насъ было благовѣщеніе благодатной Маріи, много воспѣваемое домостроительство Спасителя, Его боговдохновенное и премірное ученіе. Отсюда для насъ восходятъ лучи умнаго свѣта. Отсюда для насъ проистекаетъ источникъ мудрости и безсмертія, изливающій прозрачныя и чистыя воды благочестія. Отсюда намъ возсіяваютъ сокровища богопознанія. Ибо сія есть жизнь вѣчная да знаемъ истиннаго Бога и Іисуса Христа, Котораго Онъ послалъ [1]). И снова: изслѣдуйте Писанія, потому что въ нихъ обрѣтете жизнь вѣчную [2]). Ибо чрезъ это для изслѣдующихъ божественныя изреченія открывается сокровище познанія Бога. Нынѣ Утѣшитель изъяснилъ намъ сокровище боговдохновеннаго Писанія. Сокровищемъ же премудрости да будетъ для насъ пророческій языкъ и апостольское ученіе, ибо невозможно внѣ закона и пророковъ, или евангелистовъ и апостоловъ имѣть совершенную надежду на спасеніе; потому что чрезъ языкъ святыхъ пророковъ и апостоловъ вѣщаетъ Господь нашъ, и голосами святыхъ благоугождается Богъ, не потому что Онъ нуждается въ рѣчахъ, но потому что Онъ радуется благорасположенію сердецъ, не потому что принимаетъ какой-либо плодъ отъ людей, но потому что Онъ упокаевается въ благоразумной душѣ праведныхъ. Ибо и Христосъ возвеличивается не тѣмъ, что мы говоримъ, но тѣмъ, что мы, облагодѣтельствованные имъ, благомысленно проповѣдуемъ Его благодѣянія, [и это мы дѣлаемъ] не такъ, чтобы достигнуть соразмѣрнаго съ достоинствомъ [полученнаго], но дабы тѣмъ по нашимъ силамъ воздать нашъ долгъ.

Когда же читается Евангеліе или Апостолъ, не книгѣ или читающему внимай, но съ небесъ возглашающему Богу. Ибо книга—видимое; Христосъ же—богословствуемое. Итакъ, намъ благовѣствуется много воспѣваемое домостроительство Спасителя, потому что Онъ, будучи Богомъ, человѣколюбія ради содѣлался человѣкомъ, не оставляя предвѣчнаго достоинства, но облекшись въ спасительное домостроительство: благовѣствуется намъ много воспѣваемое домостроительство Спасителя, потому что къ труждающимся пришелъ врачъ, не лѣкарствами

[1]) Іоан. XVII, 3. [2]) Іоан. V, 39.

излѣчивающій, но врачующій мановеніемъ человѣколюбія. Благовѣствуется намъ много воспѣваемое домостроительство Спасителя, потому что и заблудившимся вновь показанъ путь спасенія и отчаявшимся—спасительная благодать, разнообразно всѣмъ благодѣтельствующая: заблуждшихъ взыскующая, омраченныхъ просвѣщающая, омертвѣвшихъ ожитворяющая, рабовъ освобождающая, плѣнныхъ искупающая, и для всѣхъ насъ она содѣлалась всѣмъ, путемъ спасенія, не по причинѣ нашего благомыслія, но по причинѣ самому благодѣтелю подобающей благости. Ибо Спаситель содѣлалъ все не для того, чтобы для самого Себя заниматься добродѣтелью, но чтобы намъ уготовать жизнь вѣчную. Ибо во образъ Божій создавшій человѣка повелѣлъ ему жить въ раю сладости. Но онъ, обольщенный завистью діавола и сдѣлавшись преступникомъ божественной заповѣди, оказался повиннымъ смерти. Отсюда и рождаемые отъ него преемственно подлежатъ наслѣдственному грѣху и по закону осужденія наказаны. Ибо смерть царствовала отъ Авраама до Моисея [1]). Но человѣколюбивый Богъ, видя собственное созданіе находившимся подъ державой смерти, не до конца отвратился отъ того, кого сотворилъ по образу, но посѣщая его въ каждомъ родѣ, не оставилъ его. И прежде являющійся въ отцахъ, проповѣдываемый въ законѣ, прообразованный въ пророкахъ, предвозвѣщалъ спасительное домостроительство. Когда же пришло время исполненія Его славнаго пришествія, Онъ предпослалъ архангела Гавріила къ Дѣвѣ Маріи благовѣстить. Сей же, отъ неизреченныхъ вышнихъ силъ пришедши къ святой Дѣвѣ, прежде всего возгласилъ: радуйся, благодатная. Когда же былъ къ ней этотъ гласъ: радуйся, благодатная, чрезъ слышаніе вошелъ Духъ Святый въ нескверный храмъ Дѣвы, и освятилось ея помышленіе вмѣстѣ съ членами [тѣла], и остановилось естество напротивъ и (супружеское) сожительство вдали, съ удивленіемъ взирая на Господа естества, вопреки естеству, лучше же—превыше естества, совершающаго дивное дѣло въ тѣлѣ. И какимъ оружіемъ діаволъ боролся, противоположнымъ ему Христосъ спасъ насъ, воспринявъ подобострастное намъ тѣло, чтобы нуждающемуся даровать бо́льшую благодать. Идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать [2]). Прилично же

[1]) Рим. V, 14. [2]) Рим. V, 20.

годать послана была къ святой Дѣвѣ; такъ именно и содержится въ ангельскомъ повѣствованіи: въ шестый мѣсяцъ же посланъ былъ Гавріилъ къ дѣвѣ, обрученной мужу, именемъ Іосифу, изъ дома и отечества Давидова, и имя дѣвѣ Марія и проч. [1]). Первый же мѣсяцъ этотъ—по отношенію къ святой Дѣвѣ, какъ говоритъ въ книгѣ закона: мѣсяцъ этотъ вамъ начало мѣсяцевъ, первый будетъ вамъ среди мѣсяцевъ года [2]). Пасху святую празднуйте Господу во всѣ роды ваши. Шестой же мѣсяцъ — по отношенію къ Захаріи. И несомнѣнно, святая Дѣва была изъ рода Давидова и въ Виѳлеемѣ обладала отеческимъ наслѣдіемъ и правильно была обручена Іосифу по законамъ родства. И обручникъ былъ стражемъ ей и сожителемъ ея нерастлѣнной непорочности. И у святой Дѣвы было чрезвычайно приличное имя; именно, она наречена была Маріей, что знаменуетъ просвѣщеніе. Ибо что блистательнѣе свѣта дѣвства? Почему и добродѣтели называютъ дѣвами тѣ, которые хорошо судятъ объ ихъ сущности. Если же такое благо имѣть дѣвственное сердце, то какова будетъ плоть, вмѣстѣ съ душею упражнявшаяся въ дѣвствѣ. Такъ и святая Марія, будучи во плоти, стяжала непорочное жительство и сказанное архангеломъ воспринимала вѣрою.

Тогда со тщаніемъ она отправилась къ Елисаветѣ, своей родственницѣ, и вошла въ домъ Захаріинъ и привѣтствовала Елисавету, подражая ангелу, и когда Елисавета услышала привѣтствіе Маріи, взыгралъ младенецъ радостно во чревѣ ея; и Елисавета исполнилась Святаго Духа [3]).

Итакъ, гласъ Маріи былъ дѣйственнымъ, и Елисавета исполнилась Святаго Духа. Который какъ бы изъ неизсякаемаго источника посредствомъ устъ излилъ рѣку дарованій чрезъ пророчество родственницѣ ея, и ногамъ младенца, связаннымъ утробой, подалъ взыграніе и радованіе. Это именно было знакомъ чудеснаго плясанія, ибо гдѣ является благодатная, тамъ все исполняется радости. И воскликнула громкимъ голосомъ Елисавета, и сказала: благословенна ты между женами, и благословенъ плодъ чрева твоего! И откуда это мнѣ, что пришла матерь

[1]) Лк. I, 26. 27. [2]) Исх. XII, 2 [3]) Лк. I, 41.

Господа моего ко мнѣ [1]). Благословенна ты въ женахъ,— ибо ты содѣлалась для нихъ началомъ возсозданія. Ты дала намъ дерзновеніе на входъ въ рай и отогнала древнюю скорбь. Ибо послѣ тебя родъ женъ больше не подвергается поношенію. Наслѣдники Евы больше не страшатся древняго проклятія и болѣзней рожденія; поелику Христосъ, Искупитель рода нашего, Спаситель всего естества, духовный Адамъ, уврачевавъ язвы земного Адама, происходитъ изъ святаго твоего чрева. Благословенна ты въ женахъ, и благословенъ плодъ чрева твоего. Ибо плодъ твой явился насадителемъ всѣхъ благъ. Славное мы видимъ и [слышимъ]—рѣчи неплодной (т. е. Елисаветы); но еще болѣе славное слово провѣщала святая Дѣва и возноситъ Богу пѣснь, исполненную благодаренія Богу, благоуханія и богословія; съ древнимъ она возвѣщаетъ новое; съ тѣмъ, что было отъ вѣковъ, проповѣдуетъ то, что будетъ до скончанія вѣковъ, и въ краткомъ словѣ возглавляетъ тайны Христовы. И сказала Марія: величитъ душа моя Господа, и возрадовался духъ Мой о Богѣ, Спасителѣ моемъ и далѣе. Воспринялъ Израиля отрока Своего, воспомянувъ милость свою и завѣтъ, который положилъ Аврааму и сѣмени его до вѣка [2]). Видишь, какъ святая Дѣва и превзошла совершенство патріарховъ и утверждаетъ завѣтъ къ Аврааму Бога, говорящаго: это завѣтъ, который я положу между Мною и тобою [3]). Почему, пришедши, Онъ подтверждаетъ завѣтъ къ Аврааму, таинственно воспринявши знаменіе обрѣзанія и содѣлавшись исполненіемъ закона и пророковъ. Итакъ, эту пророческую пѣснь возсылала святая Богородица Богу, говоря: величитъ душа моя Господа и возрадовался духъ мой о Богѣ Спасителѣ моемъ, что сотворилъ мнѣ величіе Сильный, и свято имя Его; ибо содѣлавши Меня Богородицей, Онъ въ то же время сохранилъ меня и дѣвой, и чрезъ мою утробу во освященіе всѣхъ родовъ возглавляется исполненіе. Ибо Онъ благословилъ всякій возрастъ, мужей и женъ, юношей и дѣтей и старцевъ. Сотвори державу мышцею своею за насъ противъ смерти и діавола и разодралъ рукописаніе нашихъ грѣховъ. Расточи

---

[1]) Лк. I, 42—43. [2]) Лк. I, 46—47. 54—55.
[3]) Быт. XIX, 11, Рим. IV, 11.

гордыя мыслію сердца ихъ. Расточилъ самого именно діавола и всѣхъ воинствующихъ для него демоновъ. Ибо онъ поистинѣ былъ гордъ сердцемъ, поелику дерзнулъ сказать: выше облаковъ небесныхъ поставлю престолъ мой и буду подобенъ Вышнему [1]). А какъ теперь расточилъ его, пророкъ показалъ въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ, говоря: нынѣ же снидешь во адъ ты и все твое воинство [2]); ибо всюду расточилъ его жертвенники для служенія суетнымъ богамъ, и изъ язычниковъ уготовалъ себѣ особенный народъ. Низложи сильныя со престолъ и вознесе смиренныя. Этимъ кратко указываетъ и на изверженіе іудеевъ и на введеніе язычниковъ. Ибо іудейскіе старѣйшины и книжники, свѣдущіе въ законѣ, и тѣ, которые были богаты прочими преимуществами, противозаконно злоупотребили своимъ богатствомъ и властью, почему Онъ низложилъ ихъ со всякаго престола, именно пророчества и священства, законодательства, учительства, наслѣдственнаго богатства, жертвоприношеній и множества празднествъ и достоинства царства. Всего этого лишенные, изгнанные и обнаженные, они были отправлены въ плѣнъ. Смиренные же вмѣсто нихъ люди изъ язычниковъ, жаждущіе правды, вознеслись, поелику они, показавши свое смиреніе и одержащій ихъ голодъ боговѣдѣнія, подобно хананеянкѣ молили о словѣ Божіемъ, какъ крупицахъ, и посему они исполнились богатства божественныхъ тайнъ; ибо все наслѣдіе божественныхъ благъ родившійся отъ Дѣвы Христосъ Богъ нашъ передалъ во языки. Воспріятъ Израиля отрока своего, и не всякаго Израиля, но отрока, который дѣломъ доказываетъ свое благородное происхожденіе отъ Израиля, и посему Богородица нарекла его отрокомъ и наслѣдникомъ. Ибо обрѣтши его труждающимся въ писаніи и усердно занимающимся закономъ, она призвала его благодатію. Назвавши такового Израилемъ, она восприняла помянуть милости, какъ говорилъ отцамъ нашимъ, Аврааму и сѣмени его до вѣка. Въ этихъ немногихъ реченіяхъ она вмѣщаетъ все таинство домостроительства. Ибо Христосъ, желая спасти родъ человѣческій и исполнить завѣтъ ко отцамъ, приклонилъ нѣкогда небеса и нисшелъ, и такимъ образомъ, насколько мы можемъ вмѣстить, Онъ открывается намъ, чтобы мы были въ

[1]) Иса. XIV, 14. [2]) Иса. XIV, 15.

силахъ видѣть Его и осязать и слышать, когда Онъ говоритъ. Ради сего Богъ Слово удостоилъ воспринять плоть и совершенное человѣческое естество отъ жены, Святой Дѣвы, и родился человѣкомъ, чтобы уплатить нашъ долгъ и исполнить даже до Себя самого установленія завѣта съ Авраамомъ, обрѣзанія и прочихъ законныхъ предписаній.

Послѣ же этого Святая Дѣва отправилась въ Назаретъ, а оттуда опять распоряженіе кесаря заставило ее идти въ Виѳлеемъ; она, какъ происходящая изъ царственной семьи, была послана въ царственное наслѣдіе Давида съ Іосифомъ обручникомъ, и тамъ послѣдовало таинство превыше всякаго чуда. Дѣва раждаетъ и носитъ на рукахъ носящаго словомъ всю тварь. И даже не нашлось имъ мѣста въ гостинницѣ: не имѣлъ мѣста словомъ основавшій всю землю. Млекомъ питаетъ питающаго всякое дыханіе и оживотворяющаго; пеленами повиваетъ Того, Кто словомъ связуетъ всю тварь. Въ ясляхъ положила Того, Кто носимъ на престолѣ херувимскомъ. Свѣтъ съ неба осіявалъ просвѣщающаго всю тварь. Небесныя воинства, прославляя, предстояли прежде вѣковъ прославляемому на небесахъ. Свѣтоносная звѣзда показывала путь идущимъ издалека къ истинному востоку. Отъ востока приходятъ, неся дары обнищавшему ради насъ. Святая Богородица соблюдала глаголы эти, слагая въ сердцѣ своемъ, какъ всѣхъ тайнъ вмѣстилище.

О, всесвятая Дѣво, твоя похвала превыше всякаго благохваленія, ради Бога, понесшаго отъ тебя плоть и родившагося человѣкомъ. Тебѣ всякое естество небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ приноситъ подобающую честь. Ты воистину явилась престоломъ херувимскимъ; ты на высотахъ мысленныхъ царствъ блистаешь сіяніемъ свѣта, гдѣ прославляется Отецъ безначальный, силу Котораго ты имѣла пріосѣняющею тебя; покланяемъ Сынъ, Котораго ты по плоти родила; славословится Духъ Святый, Который во утробѣ твоей совершилъ рожденіе великаго Царя. Чрезъ тебя, благодатная, Святая и единосущная Троица познается въ мірѣ. Съ тобою и насъ удостой быть причастниками совершенной твоей благодати, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На Благовѣщеніе всесвятой Богородицы Дѣвы Маріи

бесѣда третья.

Опять благовѣстіе радости, опять возвѣщеніе свободы, опять воззваніе, опять возвращеніе, опять обѣтованіе веселія, опять избавленіе отъ рабства. Ангелъ бесѣдуетъ съ Дѣвою, чтобы змій не бесѣдовалъ болѣе съ женою. Въ шестой мѣсяцъ, — говоритъ,—посланъ былъ ангелъ Гавріилъ отъ Бога къ Дѣвѣ, обрученной мужу [1]). Посланъ Гавріилъ возвѣстить всемірное спасеніе. Посланъ Гавріилъ, неся Адаму запись о воззваніи. Посланъ Гавріилъ къ Дѣвѣ, чтобы безчестіе жены измѣнить въ честь. Посланъ Гавріилъ, чтобы чистому Жениху уготовать достойный чертогъ. Посланъ Гавріилъ обручить созданіе съ Создателемъ. Посланъ Гавріилъ къ одушевленному чертогу Царя ангеловъ. Посланъ Гавріилъ къ Дѣвѣ, обрученной Іосифу, но соблюдаемой для Іисуса Сына Божія. Посланъ рабъ безтѣлесный къ Дѣвѣ нескверной. Посланъ свободный отъ грѣха къ невоспріимчивой къ тлѣнію. Посланъ свѣтильникъ, возвѣщающій Солнце правды. Посланъ утренній свѣтъ—предтеча дневного Свѣта. Посланъ Гавріилъ, проповѣдующій Того, Кто и въ лонѣ Отца и въ объятіяхъ Матери. Посланъ Гавріилъ, показующій Того, Кто на престолѣ и въ вертепѣ. Посланъ воинъ, возглашающій тайну Царя,—тайну—говорю,—разумѣваемую вѣрою, но не изслѣдимую любопытствомъ, тайну поклоняемую, но не взвѣшиваемую, тайну, о которой можно богословствовать, но не измѣрять.

Въ шестой мѣсяцъ посланъ былъ Гавріилъ къ Дѣвѣ. Въ какой шестой мѣсяцъ? Въ какой? Въ тотъ, съ котораго Елисавета приняла благовѣстіе, съ котораго зачала Іоанна. Откуда это видно? Это изъясняетъ самъ ангелъ, говоря къ Дѣвѣ: вотъ, — говоритъ, — Елисавета, родственница Твоя, и она зачала сына въ старости своей; и вотъ мѣсяцъ шестой ей, называемой безплодною [2]). Въ шестой мѣсяцъ, — слѣдовательно, въ шестой зачатія Іоанна. Ибо надлежало, чтобы прежде пришелъ воинъ; надлежало, чтобы предварилъ оруже-

---

[1]) Лк. I, 26, 27. [2]) Лк. I, 36.

посецъ; надлежало, чтобы предшествовалъ вѣстникъ Владычняго пришествія.

Въ шестой мѣсяцъ посланъ былъ ангелъ Гавріилъ къ Дѣвѣ, обрученной мужу,—обрученной, но не сопряженной,—обрученной, но соблюдаемой. Для чего—обрученной? Чтобы разбойникъ не узналъ скоро тайны. Ибо, что чрезъ Дѣву придетъ Царь, это зналъ лукавый, такъ какъ и самъ онъ слышалъ слова Исаіи: се Дѣва во чревѣ пріиметъ [1]), и естественно постоянно наблюдалъ за этимъ изреченіемъ о Дѣвѣ, чтобы устроить безславіе, когда станетъ исполняться это таинство. Поэтому Господь, чтобы скрыть [тайну] отъ лукаваго, пришелъ чрезъ обрученную, ибо обрученная уже связана обѣтомъ [замужества].

Въ шестый мѣсяцъ посланъ былъ Гавріилъ къ Дѣвѣ, обрученной мужу, которому имя Іосифъ. Послушай, что говоритъ пророкъ объ этомъ мужѣ и Дѣвѣ: Дана будетъ эта запечатанная книга мужу, вѣдущему писанія [2]). Что это за книга запечатлѣнная, если, конечно, не непорочная Дѣва? Кѣмъ будетъ дана? Ясно, что священниками. Кому именно? Плотнику Іосифу. Итакъ, когда священники, сочетавъ Марію Іосифу, какъ цѣломудренному, ввѣрили ему, выжидая времени брака, онъ, принявши, долженъ былъ соблюдать Дѣву въ неистлѣніи. Это задолго предвозвѣстилъ пророкъ: дана будетъ эта книга запечатанная мужу, вѣдущему писанія, и онъ скажетъ: не могу прочитать. Почему же не можешь, Іосифъ? Не могу, — говоритъ, — прочитать, ибо книга запечатана. Для кого она соблюдается? Она сохраняется для Зиждителя всяческихъ въ жилище. Но возвратимся къ своему предмету.

Въ шестой мѣсяцъ посланъ былъ Гавріилъ къ Дѣвѣ. Онъ безъ сомнѣнія получилъ такія повелѣнія: иди, архангелъ, будь слугою страшнаго таинства, сокровеннаго, послужи чуду. Моимъ состраданіемъ Я побуждаюсь снизойти для взысканія заблудшаго Авраама. Грѣхъ сдѣлалъ ветхимъ созданнаго по Моему образу и повредилъ твореніе рукъ Моихъ, помрачилъ красоту, которую Я создалъ. Волкъ опустошаетъ Мое стадо. Райское жилище опустѣло. Древо жизни охраняется огненнымъ мечемъ, заперто мѣсто насла-

[1]) Иса. VII. 14. [2]) Иса. XXIX, 11.

жденія. Я смилостивился надъ завоеваннымъ и хочу схватить врага. Но Я хочу скрыть отъ всѣхъ небесныхъ силъ,—тебѣ одному только повѣряю тайну. Шествуй же къ Дѣвѣ Маріи. Отыди къ одушевленному граду, о которомъ пророкъ говорилъ: славное возвѣщается о тебѣ, градъ Божій [1]). Отыди къ моему разумному раю. Отыди къ вратамъ востока. Отыди къ жилищу, достойному Моего Слова. Отыди ко второму на землѣ небу. Отыди къ легкому облаку, возвѣсти ему дождь Моего пришествія. Отыди къ уготованному для Меня святилищу. Отыди къ храму Моего вочеловѣченія. Отыди къ чистому чертогу Моего плотского рожденія. Скажи въ уши разумнаго кивота, да уготоваетъ Мнѣ входы слуха. Но не смути и не разстрой души Дѣвы. Прилично предстань предъ святилищемъ; прежде всего возопій ей гласъ радости. Ты скажи Маріи: радуйся, благодатная, [2]) чтобы Я умилостивился надъ бѣдствующей Евой.

Ангелъ выслушалъ это и, вѣроятно, размышлялъ самъ съ собою: необыкновенное это дѣло; превосходитъ разумѣніе то, что сказано мнѣ. Страшный для херувимовъ, на Котораго не могутъ взирать серафимы, непостижимый для всѣхъ ангельскихъ силъ, обѣщаетъ отроковицѣ особенное событіе, возвѣщаетъ Свое личное пришествіе, лучше же сказать — обѣщаетъ вхожденіе посредствомъ слуха. И осудившій Еву не поспѣшаетъ ли столь много прославить ея дочь? Ибо Онъ говоритъ: уготовай мнѣ входы слуха. Но можетъ ли чрево вмѣстить невмѣстимаго? Страшно поистинѣ это. таинство!

Когда ангелъ размышлялъ объ этомъ, Владыка говоритъ ему: что смущаешься и изумляешься, Гавріилъ? Не былъ ли ты недавно посланъ Мною къ священнику Захаріи? Не лалъ ли ты ему благовѣстія о рожденіи Іоанна? Не наложилъ ли ты на невѣровавшаго священника наказанія молчаніемъ? Не осудилъ ли ты старца на безмолвіе? Не ты ли предвозвѣстилъ, а Я подтвердилъ? Не послѣдовало ли дѣло за твоимъ благовѣствованіемъ? Не зачала ли неплодная? Не повиновалась ли утроба? Не удалилась ли болѣзнь безплодія? Не отбѣжало ли бездѣйствіе природы? Не сдѣлалась ли нынѣ плодоносящею та, которая прежде была неплодною? Развѣ изнеможетъ у Меня—Создателя всякъ глаголъ [3]). Итакъ, почему ты охваченъ сомнѣніемъ? Что же опять ангелъ? Вла-

---

[1]) Пс. LXXXVI, 3. [2]) Лк. I, 28. [3]) Лк. I, 37.

дыко, исцѣлить недостатки естества, прекратить бурю страданій, омертвѣвшіе члены воззвать къ жизненной способности, повелѣть естеству проявить силу дѣторожденія, уничтожить неплодство въ вышедшихъ уже за установленные предѣлы членахъ, состарѣвшійся стебель превратить въ зеленѣющій видъ, безплодную ниву внезапно показать матерью колосьевъ,—это дѣло Твоего могущества, совершаемое обычнымъ образомъ. Свидѣтели сему—Сарра и послѣ нея Ревекка, и еще Анна, рабствовавшія тяжкому страданію неплодства, а потомъ принявшія отъ Тебя освобожденіе. Но чтобы родила дѣва, не вступавшая въ брачныя отношенія съ мужемъ, это—выше всѣхъ законовъ естества, а Ты возвѣщаешь Твое пришествіе дѣвѣ. Предѣлы неба и земли не вмѣщаютъ Тебя, и какъ вмѣститъ Тебя дѣвическая утроба? И Владыка говоритъ: какимъ образомъ вмѣстила Меня палатка Авраама? Ангелъ говоритъ: поелику онъ имѣлъ бездну гостепріимства, Владыко,—тамъ Ты явился Аврааму въ лежащей при пути палаткѣ, и Ты прошелъ ее, какъ все наполняющій. Но какимъ образомъ Марія стерпитъ огонь Божества? Престолъ Твой пылаетъ, озаряемый сіяніемъ,—и можетъ ли носить Тебя дѣва, легко опалимая? И Владыка говоритъ: подлинно, если бы огонь въ пустынѣ повредилъ купинѣ, то несомнѣнно повредило бы и Маріи Мое присутствіе; если же тотъ огонь, таинственно изображавшій явленіе съ неба божественнаго огня, оросилъ купину, а не сжегъ, то что ты можешь сказать о самой истинѣ, сходящей не въ пламени огненномъ, но въ видѣ дождя?

Тогда, наконецъ, ангелъ исполнилъ повелѣнное и, войдя къ Дѣвѣ, воскликнулъ къ ней, говоря: радуйся, благодатная, Господь съ Тобою. Діаволъ уже не противъ тебя, ибо гдѣ прежде врагъ нанесъ рану, тамъ впервые теперь врачъ наложилъ спасительное врачество. Откуда вышла смерть, тамъ жизнь устроила свой входъ. Чрезъ жену разливается зло, чрезъ жену источается и благо. Радуйся, благодатная. Не стыдись, какъ виновница осужденія, ибо ты дѣлаешься матерью осудившаго и искупившаго. Радуйся, непорочная родительница жениха, когда міръ пребывалъ во вдовствѣ! Радуйся, въ утробѣ своей потопившая смерть матери! Радуйся, одушевленный храмъ Божій! Радуйся, равночестное неба и земли жилище! Радуйся, пространное вмѣстилище невмѣстимаго естества.

При такихъ обстоятельствахъ явился чрезъ нее немощ-

нымъ Врачъ, сидящимъ во тьмѣ—Солнце правды, для всѣхъ обуреваемыхъ—якорь и безопасная отъ бурь пристань, для непримиримо ненавидимыхъ враговъ родился Владыка и союзъ мира, плѣнныхъ рабовъ посѣтилъ Избавитель, для подвергающихся нападенію явился миръ. Ибо Онъ есть миръ нашъ [1]), которымъ да насладимся всѣ мы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава, честь и держава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда на святое Богоявленіе.

Мужи христолюбивые, страннолюбивые и братолюбивые, окажите и сегодня гостепріимство моему слову и, отверзши слухъ вашъ, какъ врата, вмѣстите въ нихъ мою рѣчь, и пріимите отъ меня спасительную проповѣдь о погруженіи Христа, которое было въ рѣкѣ Іорданѣ, чтобы вамъ болѣе возжелать столько къ намъ снисходящаго Владыку. Ибо, если и прошло торжество явленія Спасителя, однако благодать Его навсегда пребываетъ. Итакъ, насладимся его ненасытными душами, ибо прекрасна ненасытимость въ спасительныхъ вещахъ, прекрасна. Пріидите же всѣ изъ Галилеи на Іорданъ и устремимся вмѣстѣ со Христомъ. Блаженъ спутешествующій пути жизни. Пріидите, мысленными стопами достигнемъ Іордана и увидимъ Крестителя Іоанна, крестящаго Того, Кто не требуетъ крещенія, да даруетъ намъ благодать крещенія. Пріидите, узримъ образъ нашего возрожденія, сѣнописанный въ тѣхъ водахъ. Тогда приходитъ Іисусъ отъ Галилеи на Іорданъ креститься отъ него [2]). О, сколь великое смиренномудріе Владыки! Какое снисхожденіе! Царь небесъ притекъ къ Предтечѣ своему, не двигая небесныхъ воинствъ и не предпосылая предтечами безплотныхъ силъ; но просто приходя въ образѣ воина, приходитъ къ своему воину; приходитъ къ нему, какъ одинъ изъ многихъ. Искупитель сочисляетъ себя съ плѣнниками, и судія поставляетъ себя вмѣстѣ съ виновными; присовокупляетъ себя къ погибшимъ овцамъ пастырь добрый, который ради заблудшей овцы снисшелъ съ небесъ и небесъ не оставилъ, и съ плевелами смѣшано небесное сѣмя, безсѣменно произрастее. Посему Іоаннъ Креститель, увидѣвши Его и узнавши [въ Немъ] Того, Котораго

[1]) Ефес. II, 14. [2]) Мѳ. III, 3.

отъ чрева матери позналъ и поклонился, и ясно уразумѣвъ, что это—Тотъ, ради Котораго онъ въ утробѣ матери превыше возраста взыгралъ. нарушая предѣлы естества, онъ скрылъ свою досницу подъ одеждою. и подклонивъ голову, какъ любящій владыку рабъ, такими словами провѣщалъ къ Нему: мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ [1])? Что Ты дѣлаешь, Владыко? Зачѣмъ измѣняешь порядокъ вещей? Зачѣмъ съ рабами требуешь отъ твоего раба того, что свойственно рабамъ? Зачѣмъ хочешь получить то, въ чемъ не нуждаешься? Зачѣмъ отягчаешь Твоего раба столь многимъ снисхожденіемъ? Мнѣ надобно креститься отъ Тебя. Ты же не имѣешь нужды креститься отъ меня; худшее лучшимъ благословляется. а не лучшее худшимъ благословляется и освящается. Свѣтильникъ возжигается отъ солнца, а не солнце отъ свѣтильника освѣщается. Глина скудельникомъ приготовляется, но не скудельникъ глиной образовывается. Созданіе создателемъ возобновляется, а не создатель созданіемъ исправляется. Немощный врачемъ врачуется, а не врачъ отъ немощнаго принимаетъ попеченіе. Нуждающійся у богатаго заимствуется, а не богатый отъ бѣднаго вспомоществуется. Мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ. Развѣ я не знаю, кто Ты и отъ кого возсіялъ и откуда пришелъ? Развѣ я, поелику Ты содѣлался сообразнымъ мнѣ, отрину величіе Твоего Божества? Развѣ я, поелику Ты настолько снисшелъ ко мнѣ, насколько сдѣлался близкимъ по тѣлу, и всего меня носишь въ Себѣ, чтобы спасти всего человѣка, могу не замѣтить ради видимаго въ Твоемъ тѣлѣ умопостигаемаго въ [Твоемъ] Божествѣ? Развѣ, поелику ради моего спасенія Ты облекся въ мой начатокъ, я не познаю Тебя, одѣвающагося свѣтомъ, какъ одеждою? Развѣ, поелику Ты носишь сродную мнѣ плоть и являешься людямъ, чтобы они возмогли видѣть Тебя, сокроется отъ меня сіяніе блистающаго Твоего Божества? Развѣ, поелику вижу въ Тебѣ свой образъ, отвергну божественное, невидимое и непостижимое существо Твое? Знаю Тебя, Владыко! Знаю Тебя ясно! Знаю Тебя, наученный Тобою; ибо никто не можетъ познать Тебя, если не вкуситъ Твоего просвѣщенія. Знаю Тебя, Владыко, ясно, ибо видѣлъ Тебя духовно, прежде чѣмъ увидѣлъ сей свѣтъ. Когда Ты, будучи всецѣло въ безплотныхъ нѣдрахъ

[1]) Мѳ. III, 14.

небеснаго Отца, былъ всецѣлъ и въ утробѣ Твоей рабы и матери, а я во утробѣ Елисаветы, какъ въ темницѣ естествомъ былъ содержимъ и связанъ неразрѣшимыми узами младенчества, то взыгрався, я торжествовалъ, предпразднуя рождество Твое. Посему, если прежде рождества Твоего я проповѣдывалъ пришествіе Твое, развѣ не познаю явленія Твоего послѣ рождества Твоего? Будучи въ утробѣ учителемъ о Твоемъ пришествіи, неужели нынѣ, при совершенномъ познаніи, буду младенчествовать? Не могу не почитать Тебя, покланяемаго всей тварью; не могу не проповѣдывать Того, на Кого небо указало звѣздою и земля чрезъ волхвовъ привѣтствовала, ангельскіе лики, радуясь по причинѣ снисхожденія Твоего къ намъ, воспѣли, и пастыри, ночевавшіе на полѣ, воспрославили архипастыря словесныхъ овецъ. Не могу молчать въ Твоемъ присутствіи, ибо я—гласъ, гласъ—говоритъ—вопіющаго въ пустынѣ: уготовайте путь Господень. Мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ? Я, родившись, разрѣшилъ неплодство родившей меня матери и, будучи еще младенцемъ, сдѣлался врачомъ безмолвія моего отца, получивъ отъ Тебя съ дѣтства благодать чуда. Ты же, родившись отъ Дѣвы Маріи, какъ восхотѣлъ и какъ единъ вѣдаешь, не разрушилъ дѣвства ея, но и сохранилъ его и ей даровалъ наименованіе матери. Ни дѣвство не воспрепятствовало рождеству Твоему, ни рождество не нарушило дѣвства; но двѣ противоположнѣйшія вещи, рожденіе и дѣвство, стеклись въ единый союзъ, потому что это возможно для Тебя, Создателя естества. Я только человѣкъ, причастный божественной благодати, Ты же Богъ и человѣкъ, поелику по естеству человѣколюбивъ. Мнѣ надобно креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ?—Ты, сущій въ началѣ и къ Богу и Богъ, Ты—сіяніе Отчей славы, Ты—совершенный образъ совершеннаго Отца, Ты—свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, Ты—сущій въ мірѣ и пришелъ туда, гдѣ былъ, Ты плотью содѣлался, но не обратился въ плоть, Ты обиталъ среди насъ и рабамъ Своимъ явился въ образѣ раба, Ты небо и землю Своимъ святымъ именемъ соединилъ какъ бы мостомъ,—Ты приходишь ко мнѣ? Ты—столь великій къ таковому? Царь къ предтечѣ? Владыка къ рабу? Но если Ты не устыдился родиться въ смиренныхъ предѣлахъ человѣчества, однако, я не могу прейти мѣры естества. Знаю, каково разстояніе между

землею и Зиждителемъ; знаю, каково различіе между глиной и создателемъ; знаю, насколько Ты, Солнце правды, выше меня, свѣтильника Твоей благодати. Если и чистое облако тѣла объемлетъ Тебя, но я познаю Твое владычество. Исповѣдую свое рабство, проповѣдую Твое великолѣпіе, познаю Твое совершенное владычество, познаю свое недостоинство. Я недостоинъ разрѣшить ремень сапога Твоего, и какъ я дерзну прикоснуться къ чистой Твоей главѣ? Какъ я простру десницу мою на Тебя, простершаго небо какъ кожу и утвердившаго землю на водахъ? Какъ возложу мои рабскіе персты на божественную Твою главу? Какъ омыю непорочнаго и безгрѣшнаго? Какъ просвѣщу свѣтъ? Какую молитву произнесу надъ Тобою, принимающимъ и молитвы не вѣдущихъ Тебя?

Крестя другихъ, я крещу ихъ въ Твое имя, чтобы вѣровали въ Тебя, грядущаго со славою. Крестя же Тебя, кого воспомяну? Въ чье имя крещу Тебя? Во имя Отца? Но Ты всего Отца имѣешь въ Себѣ и весь Ты въ Отцѣ. Во имя Сына? Но нѣтъ, кромѣ Тебя, другого по естеству Сына Божія. Во имя Святаго Духа? Но Онъ всегда соприсущъ Тебѣ, какъ единосущный съ Тобою, единохотящій, единомысленный, единомощный и единочестный и съ Тобою отъ всѣхъ принимаетъ поклоненіе. Крести, если хочешь, Владыко! Крести меня— крестителя. Возроди того, кто въ Тебѣ имѣетъ причину своего рожденія. Простри Твою страшную десницу, которую Ты Самъ уготовалъ Себѣ, и увѣнчай главу мою Твоимъ прикосновеніемъ, чтобы поспѣшая увѣнчанный впереди Твоего царства, какъ предтеча, непрестанно благовѣствовалъ грѣшникамъ, вопія къ нимъ: Се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра [1]). Іорданъ рѣка, воспой и взыграй со мною, стройно подвигни потоки, какъ игралища, ибо у тебя стоитъ твой Зиждитель съ тѣломъ. Видѣлъ ты нѣкогда Израиля, переходящаго чрезъ тебя, и, раздѣливши воды, остановился, ожидая прохожденія народа. Нынѣ же сильнѣе раздѣляйся и теки медленнѣе и объемли непорочные члены Того, Кто тогда провелъ іудеевъ.

Горы и холмы, равнины и стремнины, моря и рѣки, благословите Господа, входящаго въ Іорданъ рѣку; ибо Онъ чрезъ эти воды посылаетъ освященіе всѣмъ водамъ. Іисусъ

---

[1]) Іоан. I, 29.

сказалъ ему въ отвѣтъ: оставь теперь, ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду [1]). Остави нынѣ: воздай, креститель, молчаніе времени Моего домостроительства; научись хотѣть того, чего Я [хочу], научись совершать для Меня служеніе, къ которому Я побуждаю. Не любопытствуй о томъ, чего Я хочу. Остави нынѣ: не проповѣдуй еще Моего Божества, не прославляй твоими устами Моего царства, чтобы мучитель, узнавши, не убѣжалъ отъ своего замысла противъ Меня. Предоставь діаволу подходить ко мнѣ, какъ ко всякому другому, и сталкиваться и получать благовременное пораженіе. Предоставь Мнѣ исполнить цѣль, ради которой Я пришелъ на землю. То, что совершается нынѣ въ Іорданѣ, есть таинство. Мои тайны—для Меня и для Моихъ. Таинство есть—не Мою нужду исполнять, но помышлять объ уврачеваніи уязвленныхъ. Таинство есть—въ этихъ водахъ преднаписать небесные источники пакибытія человѣческаго. Остави нынѣ. Когда увидишь Меня, богоприлично производящаго въ Моихъ твореніяхъ то, что Мнѣ угодно, тогда къ совершившемуся приспособь [соотвѣтствующія] пѣсни; когда увидишь Меня очищающимъ прокаженныхъ, тогда наименуй меня Зиждителемъ естества; когда увидишь Меня хромыхъ содѣлывающимъ бѣгающими, тогда съ благоподвижными ногами и ты приведи въ порядокъ языкъ свой для Моего благохваленія; когда увидишь Меня словомъ изгоняющимъ демоновъ, тогда поклонись Моему царству; когда увидишь Меня словомъ мертвыхъ изъ гробовъ пробуждающимъ, тогда и Меня съ возставшими прославь, какъ Подателя жизни; когда увидишь Меня одесную Отца сидящимъ, тогда богословствуй обо Мнѣ, какъ сопрестольномъ и совѣчномъ и единочестномъ Отцу и Святому Духу. Оставь теперь. ибо такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду. Я — законоположникъ и Сынъ законоположника, и Мнѣ надлежитъ прежде пройти чрезъ все установленное, и затѣмъ повсюду предложить доказательства Моего дара. Мнѣ надлежитъ исполнить законъ и затѣмъ подать благодать. Мнѣ надлежитъ представить тѣнь и потомъ истину. Мнѣ надлежитъ уничтожить ветхій завѣтъ и тогда проповѣдать новый и начертывать на сердцахъ человѣческихъ и подписывать Моею кровію и запечатлѣвать Моимъ

[1]) Мѳ. III, 15.

Духомъ. Мнѣ надлежитъ взойти на крестъ и быть пронзенному гвоздями и претерпѣть то, что только возможно претерпѣть, и страданіемъ исцѣлить страсти, и древомъ уврачевать происшедшее для людей чрезъ древо уязвленіе. Мнѣ надлежитъ сойти и до самаго основанія ада ради содержимыхъ тамъ мертвыхъ. Надлежитъ Мнѣ тридневною смертью Моей плоти низложить державу долговременной смерти. Надлежитъ Мнѣ возжечь свѣтильникъ Моего тѣла для сидящихъ во тьмѣ и сѣни смерти. Надлежитъ Мнѣ взойти плотію туда, гдѣ есмь Божествомъ. Надлежитъ Мнѣ привести ко Отцу Адама во Мнѣ царствующимъ. Надлежитъ Мнѣ это совершить. ибо ради этого Я и поставленъ надъ Моими тварями. Мнѣ надлежитъ креститься этимъ крещеніемъ нынѣ, и потомъ даровать всѣмъ людямъ крещеніе единосущной Троицы. Одолжи Мнѣ, Креститель, твою десницу для настоящаго домостроительства, какъ Марія одолжила Мнѣ для рожденія утробу Свою. Погрузи Меня въ струи Іордана, какъ родившая повила Меня младенческими пеленами. Дай Мнѣ крещеніе, какъ Дѣва млеко; прикоснись къ Моей главѣ, которую чтутъ серафимы; прикоснись къ [главѣ] сродной твоей десницѣ; прикоснись къ [главѣ], могущей по своему естеству быть удержанной; прикоснись къ уготованной Мною и Отцемъ для этого; прикоснись къ Моей главѣ, благочестно прикасающійся къ которой никогда не обуревается. Крести Меня, имѣющаго крестить вѣрующихъ водою и Духомъ и огнемъ,—водою, могущею омывать нечистоты грѣховъ, Духомъ, могущимъ содѣлать перстныхъ духовными, огнемъ, который по естеству сжигаетъ тернія беззаконій. Креститель, услышавши эти слова и остановивъ свою мысль на цѣли спасенія и вмѣщая въ себѣ таинство, которое принялъ, повиновался Божію велѣнію, ибо онъ былъ благочестивъ и благопослушливъ, и простерши трепещущую слегка и радующуюся свою десницу, крестилъ Владыку.

Когда же іудеи, присутствующіе вблизи и вдали, размышляли и самимъ себѣ и другимъ говорили: развѣ мы напрасно думали, что Іоаннъ лучше Іисуса? развѣ мы напрасно считали его превосходнѣе того? Само крещеніе не даетъ ли о крестителѣ лучшаго свидѣтельства? Не крестилъ ли онъ, какъ превосходящій, и не крестился ли тотъ, какъ низшій. Когда они объ этомъ шумно говорили между собою и не разумѣли тайны домостроительства, единый Господь и по естеству Отецъ Еди-

нороднаго, единый знающій точно Того, Кого Онъ единъ родилъ безстрастно, исправляя заблуждающееся подозрѣніе іудеевъ, отверзъ небесныя врата и послалъ Духа Святаго въ видѣ голубя на главу Іисуса, показуя перстнымъ новаго Ноя и Зиждителя Ноя и благого кормчаго для обуреваемаго естества, и Самъ съ неба вопіетъ, явственно говоря: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный. Сей—Іисусъ, а не Іоаннъ, крестившійся, а не креститель, — рожденный прежде всякаго временнаго пространства отъ Меня, а не отъ Захаріи, отъ Маріи рожденный по плоти, а не отъ Елисаветы явившійся сверхъ надежды; ненарушеннаго дѣвства невоздѣланный плодъ, а не отрасль нарушеннаго неплодія; съ вами обращавшійся, а не въ пустынѣ воспитанный. Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ, Сынъ единосущный, а не иносущный; единосущный Мнѣ по невидимому и единосущный вамъ по видимому, кромѣ грѣха. Сей есть создавшій со Мною человѣка. Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ. Не иной есть сей Мой Сынъ и иной Сынъ Маріи; но сей есть Сынъ Мой возлюбленный, видимый и умопостигаемый. Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ, того послушайте[1]). Если Онъ скажетъ: Азъ и Отецъ едино есма,[2]) — того послушайте. Если Онъ скажетъ: видѣвшій Меня видѣлъ и Отца[3]), — Того послушайте. Если Онъ скажетъ: пославшій Меня больше Меня[4]),—согласуйте этотъ гласъ съ домостроительствомъ. Если онъ скажетъ: кого Мя глаголютъ быти человѣцы Сына человѣческаго,—отвѣчайте Ему: Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго[5]). Этими словами, подобно грому сходящими съ неба отъ Отца, просвѣтился родъ человѣческій. [Люди] познали различіе Творца и твари, Царя и воина, Художника и художества, и, утвердившись вѣрою, пришли чрезъ крещеніе Іоанново къ крещающему Духомъ и огнемъ Христу, истинному Богу нашему. Съ Нимъ Отцу слава со всесвятымъ животворящимъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) Мѳ. III, 17; Мрк. I, 11. [2]) Іоан. X, 30.
[3]) Іоан. XIV, 9. [4]) Іоан. XIV, 28. [5]) Мѳ. XVI, 13.

Бесѣда на всѣхъ святыхъ.

Я хотѣлъ молчать и не выставлять публично деревенской грубости моего языка; ибо великое дѣло молчаніе, когда слово скудно, и чудно безмолвіе при необразованности: лучшій философъ посредствомъ молчанія скрываетъ невѣжество. И я рѣшился было сдѣлать это, зная слабость собственнаго языка. Но меня влечетъ къ рѣчи видъ того, что я созерцаю. Посему, такъ какъ празднество блистательное и зрѣлище непрестанное и пылаетъ вѣрою наше собраніе, то я приступлю къ своему дерзновенному слову, особенно, когда отецъ проситъ, церковь оказываетъ содѣйствіе и святые мученики укрѣпляютъ для этого мою слабость. Ибо они и старцевъ убѣдили со многимъ пóтомъ совершить длинное путешествіе и заставили укрѣпить нетвердыя ноги посохомъ слова; и женщинъ поощряли совершать путь вмѣстѣ съ юношами, и младенчествующій возрастъ, ползающій, увлекли сюда мученики, которые плясали предъ лицомъ смерти, смѣялись надъ мечами, привлекали на себя гнѣвъ тирановъ, у смерти исторгали заступника безсмертія, во время своего паденія пріобрѣтали побѣду, посредствомъ тѣла восходили къ небу, разсѣивали свои члены, чтобы скрѣпить свои души, разрывали затворы жизни, чтобы открыть ключи неба. Кто не вѣритъ, что смерть упразднена, адъ попранъ, что разорваны узы его, что тираннъ связанъ, тотъ пусть посмотритъ на мучениковъ, подвергающихся смертной опасности и воспѣвающихъ побѣду Христа. О, чудо! Съ того времени, какъ Христосъ обезоружилъ адъ, люди стали смѣяться надъ смертью. Смерть, гдѣ твое жало? адъ, гдѣ твоя побѣда? [1]). Обезоруживается адъ и діаволъ,—онъ лишенъ древняго всеоружія и изгоняется изъ собственной державы. И подобно тому, какъ Голіаѳу отсѣчена была голова его собственнымъ мечемъ, такъ и діаволъ, родившій смерть, смертью обращается въ бѣгство, и въ легкомъ способѣ собственнаго коварства находитъ сильное оружіе для своей собственной погибели. Какъ удочкой онъ пронзенъ Божествомъ и, проглотивши обычную приманку ясно уловляется тотъ, который надѣялся уловить, и захватилъ Бога вмѣсто человѣка. Вслѣдствіе этого мученики пляшутъ на головѣ дракона и

[1]) 1 Кор. XV, 55.

презираютъ всякій видъ пытокъ. Ибо съ того времени, какъ второй Адамъ возвелъ перваго со дна адова, какъ Іону изъ кита, и обольщеннаго, въ посрамленіе обольстившаго, явилъ жителемъ неба, врата ада заключены и врата небесныя отверсты, предоставляя безпрепятственный доступъ всѣмъ восходящимъ съ вѣрою. Въ древности Іаковъ созерцалъ лѣстницу, утвержденную до небесъ, и ангеловъ Божіихъ, восходящихъ и нисходящихъ: а нынѣ ради человѣка содѣлавшійся человѣкомъ человѣколюбецъ, поправши ногою Божества безчеловѣчнаго и понесши человѣка на рукѣ благости, уготовалъ непроходимый эеиръ для совершенія пути по нему человѣческими ногами. Тогда ангелы восходили и нисходили; теперь же великаго совѣта Ангелъ не восходитъ и нисходитъ, ибо откуда и куда перемѣстится вездѣ сущій и все наполняющій и въ Своей рукѣ содержащій концы [міра]? Ибо Онъ одинъ разъ сошелъ и одинъ разъ восшелъ, воспользовавшись [для этого] не измѣненіемъ природы, но снисхожденіемъ человѣколюбивой благости: Слово, сосѣдящее Отцу, и Слово, водворяющееся въ утробѣ, и Слово, вездѣ обрѣтающееся и отъ [Бога] всяческихъ никогда неотдѣляющееся. Смѣялся нѣкогда діаволъ надъ человѣческой природой великимъ смѣхомъ и нашимъ несчастіямъ радовался, какъ празднествамъ. Но смѣхъ трехдневный, а плачъ вѣчный, и великій смѣхъ уготовалъ ему еще болѣе великій плачъ, непрестающую слезу, неутѣшный плачъ, стрѣлу въ сердце. Эту стрѣлу военачальникъ выковалъ противъ врага въ дѣвственной печи, какую хотѣлъ и какъ хотѣлъ, посредствомъ огня, закаливши силою непобѣдимаго Божества, погрузивши въ воду незапятнаннаго крещенія, заостривши безстрастными страданіями и сдѣлавши блестящимъ посредствомъ таинственнаго воскресенія, всѣмъ воинствомъ своимъ умертвилъ злодѣя. Какое посему слово можетъ изложить или нашу радость или его [діавола] бѣдствіе? Ибо нѣкогда архангелъ, теперь діаволъ; нѣнѣкогда обитающій на небесахъ, теперь какъ змій видится влекомымъ по землѣ; нѣкогда блистающій съ херувимами, теперь мучимый, заключенъ въ загородкѣ для свиней. Его и мы обратимъ въ бѣгство, если будемъ помышлять противное его волѣ, — благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда на Рождество Христово.

I. Великое и дивное зримъ нынѣ, братія, таинство: пастыри приносятъ сынамъ человѣческимъ торжественныхъ вѣстниковъ, именно, не со стадами собесѣдуя на холмахъ и не въ долинахъ свиряя овцамъ, но въ городѣ Давидовомъ Виелеемѣ воспѣвая духовныя пѣсни; въ вышнихъ поютъ ангелы и архангелы пѣнія приносятъ; небесные херувимы возвѣщаютъ хвалы и серафимы славу Божію, воспѣвая «свять». Всѣ вмѣстѣ совершаютъ радостный праздникъ, видя Бога на землѣ и человѣка на небеса подъятаго. Дольніе Божіимъ промышленіемъ подъемлются на высоту, и высокое, по любви къ людямъ, склоняется къ дольнему, такъ какъ Вышній Своимъ уничиженіемъ возноситъ смиренныхъ на высоту [1]).

II. Въ этотъ день великаго праздника Виелеемъ становится подобнымъ небу, поелику вмѣсто сіяющихъ звѣздъ, гостепріимно принялъ ангеловъ, воспѣвающихъ славу, и, вмѣсто видимаго неба, безконечное и неизмѣримое Солнце правды, содѣлавшись способнымъ содержать въ себѣ все это. Но кто дерзнетъ изслѣдовать, каково и сколь важно значеніе столь великаго таинства? Ибо чего хочетъ Богъ, тому не въ силахъ воспрепятствовать твореніе. Итакъ, Богъ восхотѣлъ, снисшелъ, совершилъ спасеніе людей, и не изнемогъ, поелику жизнь всѣхъ тварей зависитъ отъ воли Божіей.

III. Въ этотъ радостный день Богъ пришедъ на рожденіе; въ этотъ день великаго измѣненія Богъ содѣлался тѣмъ, чѣмъ не былъ, поелику былъ Богомъ и содѣлался человѣкомъ. не отлучившись отъ Божества. Онъ не лишился Своего естества, ибо, содѣлавшись человѣкомъ, пребылъ Богомъ. Возрастая и достигая наивысшей степени [совершенства], Онъ, однако, возвысился до божественности не посредствомъ человѣческой добродѣтели, какъ если бы кто изъ человѣка сдѣлался Богомъ. Но, хотя Онъ былъ Словомъ, чуждымъ страданій, Онъ содѣлался плотью и явился не измѣненнымъ, не инымъ содѣлавшимся и не утратилъ естества, которымъ обладалъ.

IV. Родился въ Іудеѣ Царь новый, и іудеи отвергли новое и дивное рожденіе, въ которое увѣровали язычники. Фарисеи правильно не истолковали книгъ закона и пророковъ;

---

[1]) Лук. I, 52.

книжники и законники высказывали взаимно противорѣчащія утвержденія. Иродъ пытался развѣдать о новомъ и полномъ таинства рожденіи не затѣмъ, чтобы оказать царю почести, но чтобы изъять его изъ среды живыхъ.

V. Въ этотъ великій день мы видимъ величайшія дивныя дѣла: цари, снявши съ себя вѣнецъ, покланяются царю, ниспосланному съ неба, знающему высшія чудеса, происшедшему отъ законныхъ царей, содѣлавшемуся младенцемъ, ласками согрѣтому въ объятіяхъ Дѣвы. Тотъ, кто, оставивши ангеловъ, архангеловъ, престолы, господства, силы, стражи и всѣхъ огненныхъ духовъ, одинъ только, вступивши на новый путь, пришелъ изъ неповрежденной и безсѣменной утробы, творецъ всего, востокъ, имѣющій просвѣтить землю, не покидая осиротѣлыми ангеловъ или, содѣлавшись человѣкомъ, не отпадая отъ Божества, какъ изгнанный.

VI. Всѣ другіе цари оказываютъ славу и честь небесному царю; вождю воинствъ воины приносятъ мольбы и прошенія; жены почитаютъ сына жены, поелику онъ сдѣлался радостью для женъ, и дѣвы прославляютъ Дѣву, поелику чрезъ нее дѣвство восприняло благословеніе, и съ удивленіемъ говорятъ Маріи: «откуда у тебя само собою струится молоко, у тебя, которая дѣвственными и сверхъ ожиданія истекающими сосцами дивно вскармливаетъ молокомъ младенца»? Новою пѣснью дѣти ссущіе восхваляютъ рожденнаго младенца, поелику изъ устъ питающихся млекомъ младенцевъ и ссущихъ ты теперь именно совершилъ хвалу [1]). Дѣти одного и двухъ лѣтъ восхваляютъ младенца, мучениками коего они сдѣлались, вслѣдствіе зависти и гнѣва Ирода, который, будучи охваченъ яростью, умертвилъ дѣтей. Люди прославляютъ Бога, содѣлавшагося человѣкомъ, который достигъ совершеннаго возраста, и своей благостью исцѣлилъ язвы Адама, пастыри—крѣпкаго пастыря, который пришелъ взыскать погибшихъ и который возвратилъ тѣхъ, которыхъ обольстилъ сатана, душу свою полагая за овецъ [2]), священники—первосвященника, который, пришедши по чину Мелхиседекову, вошелъ во святыя святыхъ и сдѣлался первосвященникомъ на вѣки, рабы — того, который принялъ образъ раба и обрѣтенъ былъ какъ человѣкъ [3]), чтобы насъ искупить отъ рабства. рыбари – рыбаря изъ рыбарей, который

[1]) Пс. VIII, 1. [2]) Іоанн. X. 11. [3]) Къ Филип. II, 7.

избралъ изъ народа рыбарей нѣмыхъ рыбъ и, обративши ихъ, сдѣлалъ рыбарями людей, мытари—того, кто мытарей превратилъ въ евангелистовъ, наконецъ, грѣшники—того, кто отпускаетъ грѣхи и кто принялъ слезы любодѣйцъ.

VII. Я же, такъ какъ смотрю не на вѣнецъ на головѣ, не на трубу, не на цитру, не на оружіе, не на мечъ, не на украшеніе на лицѣ, не на факелы, не на свѣтильникъ для сопровожденія; но, напротивъ, такъ какъ вижу маловажное на взглядъ и неприкрашенное воспѣваніе Христа, побуждаюсь къ восхваленію. Ясли безсловесныхъ животныхъ и младенческія пелены, я разсматриваю какъ звучную цитру, какъ трубу, играющую пѣсни, какъ занимающія мѣсто свѣтильника, какъ свѣтъ, служащій Господу. Что я въ силахъ сказать о свѣтильникахъ и факелахъ? Но по истинѣ Онъ есть надежда и жизнь, Онъ же—спасеніе, Онъ же—благость, Онъ же залогъ царства небеснаго. Его самого нося, я предложу, да достигну силы, чтобы говорить съ ангелами небесными: слава въ вышнихъ Богу, и съ виѳлеемскими пастырями свиряющими принести радостную хвалу: и на земли миръ для людей благоволенія [1]).

VIII. Рожденный отъ Отца, въ своей ипостаси и въ своемъ существѣ неизреченный, днесь, неизреченнымъ и неизслѣдимымъ образомъ, раждается ради насъ. Тогда Онъ родился по своему существу, не отдѣлившись отъ Отца; теперь раждается отъ Дѣвы ради нашего спасенія, но не по Своему естеству [2]). Неизреченное рожденіе, которое было прежде вѣковъ, знаетъ только Тотъ, Кто родился; рожденіе нынѣшнее, которое не по естеству, знаетъ только благодать Святаго Духа; но первое рожденіе—истинное, а послѣднее—рожденіе въ уничиженіи—твердое и вѣрное. Богъ отъ Бога родился; Онъ же есть человѣкъ и отъ Дѣвы воспринялъ плоть. Въ вышнихъ, отъ единственнаго Отца единственный, есть единородный Сынъ единаго Отца; въ уничиженіи есть единственный отъ единственной Дѣвы, единородный Сынъ единой Дѣвы; и подобно тому, какъ въ первомъ рожденіи нѣтъ мѣста для поношенія, такъ какъ безъ посредства и безъ отдѣленія родился отъ Отца нераздѣльный и неотдѣлимый; подобнымъ образомъ и въ послѣднемъ рожденіи нѣтъ мѣста для нечестія, такъ какъ Онъ родился безъ истлѣ-

---

[1]) Лк. II, 14.

[2]) Т. е., очевидно, не по Своему божественному естеству.

нія, чистый сохраняя чистую. Богъ не потерпѣлъ болѣзней, божественно раждая Бога, и Дѣва не потерпѣла истлѣнія, поелику духовнымъ образомъ родила духовнаго. Первое рожденіе неизъяснимо, и послѣднее недоступно для испытанія. Первое не совершилось съ страданіемъ, послѣднее не произошло нечистымъ образомъ. Мы знаемъ, что днесь родила Дѣва, и вѣруемъ, что она родила Того, Кто есть отъ Отца вѣчности. Но я вовсе не надѣюсь изъяснить, каковъ образъ рожденія; словами изслѣдовать я не пытался, и не имѣю твердой увѣренности, что достигну мыслью, поелику естество Божіе не подпадаетъ наблюденію, мыслью не постигается, жалкимъ разумомъ не воспринимается: должно же вѣровать силѣ Его дѣлъ. Законы тѣлеснаго естества извѣстны: когда женщина вышла замужъ, она зачинаетъ и раждаетъ сына согласно съ закономъ брака; когда же незамужняя дѣва чудесно раждаетъ сына, оставаясь даже и тогда дѣвою, то [это] дѣло выше естества тѣла. Будемъ изслѣдовать дѣла, которыя происходятъ согласно тѣлесному естеству, но будемъ молчать о дѣлахъ, которыя превыше естества: не потому, чтобы мы боялись, но потому, что дѣло неизреченно,—будемъ молчать, чтобы молчаніемъ почтить добродѣтель, достойную чести, и чтобы, преступивъ мѣру, не лишиться небесныхъ даровъ.

IX. Что реку или что возглаголю? Обращу ли взоры на Дѣву—родительницу? Направлю ли вниманіе на новое и чудесное рожденіе? Разсматривая дивный образъ рожденія, предамся созерцанію, поелику побѣждается естество и нарушаются обычные законы вещей. Гдѣ воля Божія, тамъ открывается новое и дивное дѣло, поелику [и] новыя вещи совершаются согласно съ природой всѣхъ тѣлесныхъ вещей. И эти дивныя дѣла по своему естеству ни чуть не болѣе дивны; такъ какъ природа недѣятельна, то ничего не можетъ случиться по ея волѣ, и дивны всѣ дѣла Господни, которыя Онъ восхотѣлъ.

X. О неизреченное и неизслѣдимое таинство! Тотъ, Кто прежде міра былъ Единороднымъ, неосязаемый, простой, безтѣлесный содѣлался тѣлеснымъ, пришелъ и облекся въ тлѣнное тѣло, чтобы осязательно явиться. Ибо какимъ образомъ, если бы Онъ не былъ видимымъ, Онъ научилъ бы соблюдать ученіе и привелъ къ невидимому? Онъ явно былъ видимъ, чтобы видимое перенести къ невидимому. И поелику люди, считая глаза вѣрнѣе ушей, вѣрятъ тому, что видятъ, тогда какъ относительно того, чего не видятъ, сомнѣваются, то Богъ

восходѣлъ быть видимымъ по тѣлу, чтобы разрушить и ниспровергнуть сомнѣнія не вѣрующихъ. Онъ восхотѣлъ родиться отъ Дѣвы, не для того, чтобы научить Дѣву относительно вещей, въ которыхъ она не должна была соучаствовать, поелику важности этихъ вещей дѣва не сознавала, — и это таинство есть неизреченное дѣло [высшей] силы, почему (сама Дѣва) спросила Гавріила только объ одномъ: Какъ будетъ это, поелику я не знаю общенія съ мужемъ [1])? И вотъ, она получила истинный отвѣтъ: Духъ Святый найдетъ на Тебя и сила Всевышняго осѣнитъ Тебя [2]). Но какимъ образомъ Слово, Которое было отъ Бога, потомъ было отъ Дѣвы? Это—чудо, недоступное изслѣдующему. Ибо какъ мудрый золотыхъ дѣлъ мастеръ, нашедши металлъ, дѣлаетъ по своимъ надобностямъ сосудъ, какой ему нравится, такъ поступилъ и Христосъ и, обрѣтши Дѣву, святую по духу и по тѣлу, изъ нея принялъ одушевленное тѣло, сообразное съ Своими намѣреніями, напередъ представляя Себѣ совершенное тѣло, какъ бы надѣтое на Себя.

XI. Въ этотъ чудный день рождества Слово не устыдилось и не ужаснулось родиться въ утробѣ Дѣвы, поелику не считало недостойнымъ воспринять тѣло Своего творенія, чтобы Его твореніе, содѣлавшееся одеждой Творца, одарялось славою, и открывалась Его благодать, пока не сдѣлалось очевиднымъ, откуда сошелъ Богъ Своимъ благоволеніемъ. Ибо какъ сначала невозможно было, чтобы изъ праха вышелъ сосудъ, прежде чѣмъ глина попала въ руки художника, который обдѣлалъ ее, такъ и когда сосудъ разбитъ, невозможно было возобновить его, если бы онъ не сдѣлался одеждой Творца, Который одѣлъ ее.

XII. Но что реку или что возглаголю? Ибо новыя чудеса поражаютъ меня изумленіемъ. Ветхій денми содѣлался младенцемъ, чтобы людей сдѣлать сынами Божіими. Сидящій на небесномъ престолѣ и во славѣ—почиваетъ въ ясляхъ безсловесныхъ животныхъ по любви Своей къ людямъ. Безстрастное, непостижимое, безтѣлесное, не имѣющее крови, осязается человѣческими руками, чтобы уничтожить тяготы грѣшниковъ и неправедныхъ и разрѣшить узы; пеленами повивается, на колѣнахъ жены питается. Такъ именно потому, что хочетъ безчестіе обратить въ честь, позоръ привести къ славѣ и вмѣсто

[1]) Лк. I, 34. [2]) Тамъ же, стр. 35.

терній дать вѣнецъ. Онъ принимаетъ на Себя мое тѣло, чтобы я сдѣлался способнымъ воспринять Его духъ; принимаетъ и облекается въ мое тѣло и даетъ мнѣ Свой духъ, чтобы, давая и получая, я стяжалъ для себя сокровище жизни.

XIII. Но что реку или что возглаголю? Се дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ сына и нарекутъ имя ему Еммануилъ, что значитъ: съ нами Богъ [1]). Объ этомъ повѣствуется не какъ о будущемъ, чтобы, взирая на это, мы научались надеждѣ, но должно удивляться и разсказывать объ этомъ, какъ о совершившемся и законченномъ. Рѣчь прежде относилась къ іудеямъ, поелику на нихъ [это] исполнилось. Но на насъ оно сдѣлалось вѣрнымъ, поелику мы постигли и восприняли и увѣровали. Пророкъ говорилъ къ іудеямъ словами: се дѣва во чревѣ пріиметъ; но эта рѣчь, полная содержанія и богатства, направляется къ намъ и къ церкви. Іудеи принесли скрижали закона, христіане обладаютъ достопокланяемой жемчужиной. Тѣ одѣвали шерсть, окрашенную пурпуровой краской, а эти облеклись въ Господню одежду. Дѣва родила въ Іудеѣ, но всѣ страны восприняли сына; народъ вскормилъ его молокомъ и имѣлъ попеченіе о немъ; церковь приняла его и сдѣлалась плодоносной; въ томъ—корень виноградной лозы, въ этой—гроздъ истины; тѣ выжали виноградный сокъ, а язычники пили таинственную кровь; тѣ посѣяли хлѣбное зерно, а язычники вѣрою пожали колосъ; іудеи были задушены терновниками, а язычники исполнены дарами; тѣ сидѣли подъ засохшимъ деревомъ, а эти у подножія древа жизни; тѣ изъясняли преданія закона, а язычники срываютъ духовные плоды. Се дѣва во чревѣ пріиметъ. Объясни мнѣ, іудей, кого родила Дѣва? Будь смѣлымъ и говори, какъ говорилъ ты Ироду. Но я знаю, что ты не смѣешь, и ты не скажешь истины, потому что ты недостоинъ. Ты посовѣтовалъ Ироду убить младенца. Отъ меня ты скрываешь [это], потому что я поклоняюсь младенцу. Итакъ, кого на самомъ дѣлѣ родила Дѣва? Господа тѣлеснаго естества, потому что, хотя ты скрываешь это, однако всѣ твари возглашаютъ. Дѣва родила, но не такъ, какъ она сама восхотѣла, но какъ восхотѣлъ тотъ, кого она должна была родить. Не по образу тѣла держалъ Себя Богъ, и не подпалъ закону тѣла, но явилъ Себя какъ Владыку тѣлеснаго естества, Который показалъ міру дивное

[1]) Иса. VII, 14; Мѳ. I, 23.

рождество, чтобы очевидной сдѣлалась Его сила и чтобы показать, что, сдѣлавшись человѣкомъ, Онъ не раждается, какъ человѣкъ, но что какъ Богъ дѣлается человѣкомъ, потому что для (Его) воли нѣтъ ничего труднаго.

XIV. Въ этотъ великій день Онъ родился отъ Дѣвы и побѣдилъ естество. Онъ выше брака и свободенъ отъ истлѣнія. Ибо прилично было, чтобы Тотъ, Кто есть учитель чистоты, славно возсіялъ, исходя изъ чистой и непорочной утробы. Ибо Онъ есть Тотъ, Который, отъ начала, изъ дѣвственной земли, создалъ Адама, и Который изъ Адама безъ жены создалъ Еву въ видѣ жены. Далѣе, какъ Адамъ, безъ жены, прежде произвелъ на свѣтъ первую жену, такъ, въ этотъ день, дѣва родила безъ мужа, согласно тому образу, о которомъ пророкъ сказалъ: человѣкъ есть и кто познаетъ его [1])? Человѣкъ есть Христосъ, ибо явно былъ видимъ Тотъ, Который былъ отъ Бога рожденъ, поелику женскому полу надлежало предоставить то, что прежде было предоставлено мужескому полу. И какъ изъ Адама жена (произошла) безъ жены, такъ изъ жены безъ мужа (долженъ былъ произойти) мужъ, который, вмѣсто Евы, имѣлъ воздать мужескому полу долгъ, который былъ на ней, чтобы Адамъ не хвалился тѣмъ, что произвелъ жену безъ посредства жены. Посему Дѣва безъ сожитія мужа раждаетъ Бога Слово, содѣлавшагося человѣкомъ, чтобы равнымъ чудомъ и въ равной мѣрѣ равная честь была воздана обоимъ поламъ—мужескому и женскому. И какъ изъ Адама была взята жена такъ, что Адамъ не былъ умаленъ такъ и изъ Дѣвы взято было тѣло, и Дѣва не подверглась поврежденію и дѣвство ея не претерпѣло никакого ущерба. Цѣлымъ и неповрежденнымъ остался Адамъ, когда у него взято было ребро; такъ и Дѣва пребыла безъ порока, когда [отъ Нея] явился Богъ Слово. По этой причинѣ не отъинуду (Слово) восприняло Свою плоть, и не отъинуду Оно облеклось въ Свою одежду, чтобы ложно не вѣрили въ поврежденіе Адама. Ибо раненный человѣкъ сдѣлался орудіемъ и сосудомъ зла: по этой причинѣ Христосъ вполнѣ принялъ сосудъ въ свое тѣло, чтобы, соединившись съ тѣломъ Творца, онъ обратился отъ развращенныхъ пороковъ врага, и чтобы облекся въ вѣчное тѣло, которое во вѣки не можетъ быть ни разрушеннымъ, ни уничтоженнымъ. Однако, содѣлавшись человѣкомъ, Онъ не

[1]) Неизвѣстно, откуда взято это изреченіе.

раждается, какъ обыкновенно раждается человѣкъ, но раждается какъ Богъ, Который дѣлается человѣкомъ, Который обнаруживаетъ всю свою силу, поелику, если бы Онъ былъ рожденъ отъ обыкновеннаго естества, полагали бы, что Слово сдѣлалось чѣмъ-то ложнымъ. По причинѣ этого Онъ родился и возсіялъ отъ Дѣвы; (по этой причинѣ) Онъ въ Своемъ рожденіи сохранилъ неповрежденною утробу и дѣвство, чтобы неслыханныя условія рожденія были для насъ знакомъ великаго таинства.

XV. Поелику іудеи имѣютъ обыкновеніе спрашивать язычниковъ, требуя [сказать], Богъ ли Христосъ, то мы должны дать ясный отвѣтъ: дѣйствительно, Христосъ по естеству есть Богъ и содѣлался человѣкомъ, но не по естеству. Это утверждаемъ и поистинѣ вѣруемъ, призывая во свидѣтели печати непорочнаго дѣвства, чтобы подлинно было извѣстно, что Онъ— Богъ всемогущій, поелику, какъ Творецъ утробы, первовиновникъ и защитникъ дѣвства, избралъ образъ чистаго рожденія и содѣлался человѣкомъ, какъ восхотѣлъ.

XVI Скажи мнѣ, іудей, родила ли Дѣва, или нѣтъ? Ибо если родила, то вѣруй Его новому и дивному рожденію. Если же не родила, то зачѣмъ ты обманулъ Ирода, когда онъ спрашивалъ у тебя: гдѣ Іисусъ Христосъ долженъ родиться? Ибо ты сказалъ: въ Виѳлеемѣ іудейскомъ [1]). Развѣ я зналъ мѣсто и селеніе? Развѣ я зналъ бы образъ рожденія, если бы прежде пророки не указали этого? Исаія же называетъ Его Богомъ: дѣва зачнетъ,—говоритъ онъ,— и родитъ сына и наречено будетъ имя ему Еммануилъ [2]), что въ истолкованіи значитъ: съ нами Богъ. Но если пророчество исполнилось на дѣлѣ, то вы должны вѣровать. Развѣ вы, хотя и противоборствуя истинѣ, невольно не открыли истины? И теперь вы рѣшительно отрицаетесь и не вѣруете! Развѣ книжники и фарисеи, которые точно знали законъ, не научили насъ всему тому, что изобличаетъ ихъ? Неужели мы никогда не изучали еврейскаго языка? Вы передали намъ и законъ и пророковъ, изъяснили и научили. Чему же мы отсюда научились, какъ не тому, что прежде рожденія и послѣ рожденія Дѣва пребыла въ своемъ дѣвствѣ? А если это такъ, то почему вы рѣшительно отрицаете, что мы совершаемъ службу Богу, когда, говоря такъ, мы доказываемъ дѣло вашими писаніями? Развѣ и вы, когда Иродъ спросилъ васъ, не при-

[1]) Мѳ. II, 4. 5. [2]) Иса. VIII, 14.

вели ему въ свидѣтели пророка Михея, желая подтвердить вашу рѣчь и сдѣлать ее убѣдительною? И ты Виѳлеемъ, домъ Ефраѳовъ, не умаленъ среди владыкъ Іудовыхъ. Ибо изъ тебя произойдетъ вождь, который будетъ царствовать надъ народомъ моимъ Израилемъ [1]). Правильно сказалъ пророкъ: изъ тебя изыдетъ, поелику отъ васъ Онъ вышелъ, удалился и въ мірѣ содѣлался предметомъ вѣры. Ибо кто есть тотъ, который исходитъ и не остается? Онъ не иной, какъ тотъ, который есть прежде вѣковъ, который во вѣкъ пребываетъ, который есть истинный Богъ, обращающійся въ мірѣ.

XVII. Въ этотъ великій день праздника, Богъ явился какъ человѣкъ, какъ пастырь израильскаго народа, который Своею благостью оживотворилъ весь міръ. О вынужденные воители, о человѣколюбивые поборники, которые проповѣдали сокрытаго въ Виѳлеемѣ Бога и Сына Божія, которые сдѣлали явнымъ укрывающагося въ ясляхъ Господа всего, которые указали на сидящаго въ тѣсной пещерѣ, какъ на Бога! Неохотно и противъ своей воли они сдѣлались благодѣтелями. Хорошо поступаютъ, но нечестиво, вопреки желаніямъ, поелику, когда одни скрывали, другіе, хотя и не вѣруя, открыли. Видишь, какъ несвѣдущіе учители учатъ тому, чего не знаютъ? Отъ голода погибаютъ, а другихъ питаютъ. Жаждутъ, а другимъ подаютъ питье. Приступите нынѣ и будемъ съ радостью праздновать ежегодный праздникъ. Законы празднованія новые, поелику дивны также и образы рожденія.

XVIII. Въ этотъ день великаго праздника разрѣшены узы: сатана посрамленъ, демоны—всѣ обращены въ бѣгство, смертоносная смерть измѣнена въ жизнь, рай открытъ разбойнику, проклятія превращены въ благословенія, всѣ грѣхи упразднились, лукавство изгнано, истина пришла, рѣчи, исполненныя благоговѣнія къ Богу, распространились по вселенной, посѣяны чистые нравы, добродѣтель пересажена на землѣ, ангелы вошли въ общеніе съ людьми, и люди получили дерзновеніе говорить съ ангелами. Зачѣмъ и по какой причинѣ это совершилось? Потому что Богъ пришелъ въ міръ и потому что люди вознесены на небо. Совершилось смѣшеніе всего: Богъ всецѣло приходитъ на землю и однако своимъ естествомъ всецѣло пребылъ на небесахъ, даже тогда, когда весь на землѣ. Былъ

[1]) Мих. V, 2; ср. Мѳ. II, 6.

Богомъ и содѣлался человѣкомъ, никоимъ образомъ не отрекаясь быть Богомъ; такъ какъ Онъ былъ Словомъ и такъ какъ невозможно было Ему подвергаться мученіямъ, то онъ содѣлался плотью и претерпѣлъ муки. Не Богомъ содѣлался, потому что уже былъ Имъ по естеству, но содѣлался плотью, чтобы тѣлесное могло видѣть Его. Кого не видятъ небожители, Сему ясли предоставили обиталище; когда Онъ пришелъ, все умолкло предъ Нимъ. Зачѣмъ же положенъ былъ въ ясляхъ, если не для того, чтобы Тотъ, Кто все питаетъ, извлекалъ Себѣ младенческую пищу изъ дѣвственныхъ сосцовъ? Зачѣмъ Отецъ будущаго ссетъ молоко изъ сосцовъ, если не для того, чтобы благословить бракъ?

XIX. Въ этотъ великій день приходятъ волхвы, которые отвергши грубое и жестокое господство, удалились отъ [созерцанія] славы небесъ, такъ какъ постигли, при руководствѣ сіяющей звѣзды, что пришелъ Господь, чтобы освободить всѣ твари. Господь, возсѣдающій на облакѣ легкомъ, тѣломъ своимъ входящій въ Египетъ [1]), видѣнъ былъ изгнаннымъ отъ Ирода, но по истинѣ исполнилъ пророчество Исаіи, который говоритъ: въ тотъ день домъ Израилевъ будетъ третьимъ [2]); Ассирійцы поставлены первыми по порядку и сдѣлались первородными, поелику они прежде всѣхъ поклонились чрезъ волхвовъ только что родившемуся царю; и Египтяне поставлены съ Ассиріянами, поелику они видѣли того же (царя), вынужденнаго къ бѣгству человѣкоубійцей Иродомъ. Встрѣтили и приняли Его потомъ отъ дома Іерусалима, во множествѣ. Ибо когда Онъ (Христосъ) возвратился съ Іордана, то въ лицѣ апостоловъ они приступили къ Нему и признали Его. Іисусъ вошелъ въ Египетъ, потрясая и низвергая египетскихъ идоловъ, и, конечно, не напрасно, поелику Самъ Онъ заключилъ врата Египтянъ, погубивши первородныхъ. По этой причинѣ нынѣ вошелъ Первородный, чтобы уничтожить печаль и горькую скорбь и чтобы, уничтожая смерть первородныхъ, призвать ихъ къ жизни. Далѣе, что Христосъ называется первороднымъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Евангелистъ Лука, который говоритъ: и родила Сына Своего Первенца и спеленала Его, и положила Его въ ясли, потому

---

[1]) Иса. XIX, 1. [2]) Тамъ же, 24. [3]) Тамъ же.

что не было имъ мѣста въ гостинницѣ [1]). Волхвы вошли (въ пещеру), безъ всякаго напередъ принятаго рѣшенія, и она сдѣлалась для нихъ святымъ храмомъ. Богъ вошелъ въ Египетъ, чтобы, вмѣсто древней скорби, принести радость, и, вмѣсто мрака, разлить свѣтъ спасенія.

XX. Испорченная и отвратительная была вода Нила, когда дѣти преждевременною смертью были убиты въ ней. Явно вошелъ въ Египетъ Тотъ, Кто тогда претворилъ воды въ кровь и сдѣлалъ ихъ рѣкой воды спасительнаго рожденія, очищая скверны и преступленія силою Святаго Духа. Египтяне потерпѣли наказаніе, потому что обольщенные отреклись отъ Бога. Іисусъ вошелъ въ Египетъ и тамъ посѣялъ благоговѣніе къ Богу, чтобы отвращая души Египтянъ отъ заблужденія, сдѣлать ихъ любезными Богу. Воды рѣки Онъ сдѣлалъ достойными того, чтобы онѣ могли, подобно коронѣ, увѣнчать Его главу.

XXI. Но не будемъ растягивать рѣчи, а сплетая сущность ея и какъ бы перечень главъ, спросимъ, какимъ образомъ Слово, неспособное къ страданіямъ, содѣлалось плотью и было видимымъ, оставаясь тѣмъ же самымъ по своему божественному естеству?

Но что реку или что возлаголю? Ибо вижу плотника и ясли, Младенца и Дѣву-родительницу, лишенную всего, подавленную бѣдностью и нуждою. И теперь внимай, до какой крайней бѣдности ниспало величіе Божіе. Слово ради насъ сдѣлалось бѣднымъ, будучи богатымъ [2]). Ибо оно было положено не на ложѣ и на подушкахъ, но на вретищахъ. О бѣдность, источникъ всецѣлаго возвышенія! О нужда, обрѣтающая сокровище! Является бѣднымъ и бѣдныхъ преисполняетъ богатствъ! Лежитъ въ ясляхъ безсловесныхъ и словомъ приводитъ въ движеніе вселенную! Пеленами повивается, съ улыбкою, и узы грѣховъ сокрушаетъ Тотъ, Кто, [говоря] однимъ словомъ, воззвалъ къ своему почитанію вселенную.

XXII. Что реку или что возглаголю? Вижу младенца повитаго пеленами и положеннаго въ ясляхъ; Марія, вмѣстѣ дѣва и мать, стоитъ служа съ Іосифомъ, о которомъ говорили, что онъ—мужъ ея. Ибо онъ назывался мужемъ и она называвалась женой, именами, конечно, свойственными супружеству,

---

[1]) Лук. II, 7. [2]) 2 Кор. VIII, 9.

но только на словахъ, а не на дѣлѣ. Ибо она была обручена Іосифу, но ее сохранилъ для Себя Духъ Святый, по сказанному Евангелистомъ: Духъ Святый найдетъ на Тебя и сила Всевышняго осѣнитъ Тебя, такъ какъ то, что родится отъ Тебя, святое и отъ небеснаго сѣмени [1]). Не смѣлъ говорить Іосифъ, поелику былъ праведенъ, и не хотѣлъ позорить Дѣву. Не смѣлъ ни вѣрить преступленію, ни произносить относительно святой Дѣвы дурныя слова. Имѣющаго родиться сына не старался назвать своимъ, потому что зналъ, что онъ не отъ него.

XXIII. Итакъ, пока относительно сего сначала онъ пребывалъ въ недоумѣніи, онъ не понималъ, кто былъ младенецъ; когда, далѣе, онъ размышлялъ объ этомъ съ самимъ собою, ему послано было небесное видѣніе. Ибо явился ему ангелъ, который приступивши успокоилъ его, говоря: не бойся Іосифъ сынъ Давидовъ; ибо что имѣетъ родиться отъ Дѣвы Маріи, святое и наречется Сыномъ Всевышняго [2]). То есть: Духъ Святый найдетъ на непорочную Дѣву и осѣнитъ ее сила Всевышняго [3]). По этой причинѣ Онъ воистину родится отъ Дѣвы, дѣвство которой сохранитъ невредимымъ. Поелику же первая дѣва пала, обольщенная сатаной, то Дѣвѣ Маріи Онъ далъ вѣстника въ лицѣ Гавріила, чтобы дѣва сдѣлалась подобной дѣвѣ и рожденіе рожденію. Обманутая лестью, Ева произнесла смертоносныя рѣчи, а Марія, принявши вѣстника, родила воплощенное и животворящее Слово. За рѣчи Евы Адамъ былъ изверженъ изъ рая. Слово же (рожденное) отъ Дѣвы открыло крестъ, которымъ разбойникъ вошелъ въ рай Адамовъ. И поелику ни язычники, ни іудеи, ни первосвященники не вѣровали, что отъ Бога рожденъ сынъ безъ болѣзни и безъ мужа, то по этой причинѣ Онъ нынѣ раждается въ тѣлѣ, способномъ къ перенесенію страданій, сохраняя непорочнымъ тѣло (Дѣвы). Явилъ же Свое могущество, чтобы показать, что какъ Онъ родился отъ Дѣвы, при чемъ дѣвство Дѣвы осталось ненарушеннымъ, такъ Онъ родился отъ Бога безъ какого-либо насилія и болѣзни, или страданія, или поврежденія, и сущность Божества пребыла неприкосновенною, когда Богъ отъ Бога родился. Но поелику люди оставили Бога, чтобы вмѣсто Него почитать раскрашенныя

---

[1]) Лк. I, 35. [2]) Мѳ. I, 20, 21. [3]) Лк. I, 35.

изображенія людей, то Богъ Слово воспринялъ образъ человѣка, чтобы, изгоняя заблужденіе и возстановляя истину, предать забвенію то презрѣнное богопочитаніе и пріобрѣсти Себѣ честь, должную Богу, поелику Ему подобаетъ слава и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

Слово о воплощеніи Господа.

I. Воплощенное Слово, послѣ того, какъ видимо было на землѣ и обращалось съ людьми [1]), поистинѣ понесло наше бремя и, возсѣдая выше насъ, также и какъ человѣкъ, совершило дивное, какъ равное Отцу. Оно разрѣшило осужденіе прародителя, такъ какъ было вторымъ Адамомъ, обновляя своимъ нетлѣннымъ тѣломъ тлѣнное тѣло, уничтожая вражду, заимствуя отъ насъ тѣло, и, явившись подобнымъ намъ, кромѣ грѣха, содѣлалось всѣмъ для всѣхъ.

II. Далѣе, такъ какъ Оно вмѣстѣ Богъ и человѣкъ, то по первому своему рожденію Оно равно Отцу, по послѣднему же Оно первородно намъ прежде тварей: первородно именно между многими братіями [2]), во всемъ подобное Отцу, по сущности, одно и то же есть то, которое совершаетъ чудеса, и то, которое претерпѣваетъ болѣзни: поелику въ единомъ и томъ же Святомъ Духѣ совершаетъ чудеса и носитъ на себѣ наши немощи, не такъ, какъ мы, по необходимости и закону естества, но по своему изволенію. Ибо мы своего не претерпѣваемъ добровольно, но принуждаемые необходимостью и естествомъ. Во Христѣ же Богѣ дѣло обстоитъ не такъ; но Онъ избралъ то, что Ему угодно, какъ прилично было праведному и разумному Богу. Посему такимъ образомъ должно представлять въ Спасителѣ единство и не должно отрицать, изъ чего Онъ состоитъ. Ибо единъ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, и едино Лице Его, поелику хотя и мыслится, что Онъ состоитъ изъ двухъ, однако, одинъ и тотъ же есть Сынъ Божій и Сынъ человѣческій, поелику Онъ единаго и того же естества съ своими родителями. Тотъ, Который прежде вѣковъ родился отъ Отца, въ концѣ временъ произошелъ отъ Маріи Дѣвы; Тотъ, Кто въ лонѣ Отца, девять мѣсяцевъ пребылъ въ утробѣ жены. Тотъ, Кто всѣ твари изъ ничего привелъ къ бытію, раждается и по тѣлу

---

[1]) Вар. III, 35. [2]) Рим. VIII, 29.

возрастаетъ. Кто даетъ пищу всѣмъ живущимъ, оказывается ссущимъ молоко. Тотъ, Кто пятью хлѣбами напиталъ пять тысячъ человѣкъ, терпитъ голодъ, какъ человѣкъ. Тотъ, Кто изъ ничего безъ труда сотворилъ ангельскіе чины, отягощается сномъ и устаетъ въ пути. Тотъ, Кто есть сила и премудрость Отца, Кто испытуетъ всѣ сердца, пребываетъ, по божественному плану, въ невѣдѣніи. Тотъ, Кто призираетъ на землю и заставляетъ ее трястись [1]), поражается страхомъ, какъ человѣкъ. Тотъ, Кто сотворилъ небо и землю [2]) и Кто одаряетъ безсмертіемъ, претерпѣваетъ крестъ и вкушаетъ смерть.

III. И такимъ образомъ, какъ человѣкъ, носитъ на Себѣ всѣ грѣхи, и очищая ихъ, какъ Богъ, освобождаетъ насъ отъ проклятій. посланныхъ съ неба вслѣдствіе осужденія прародителя. Ибо одинъ Богъ можетъ разрѣшить побѣжденныхъ и сдѣлать наслѣдниками новой жизни,—всѣмъ имъ да подастся войти въ нее и насладиться ею во вѣки вѣковъ. Аминь.

Похвала Пресвятой Богородицѣ и Приснодѣвѣ Маріи.

Нынѣ возсіявшее солнце правды сокрыло то, что прежде блистало. Освобожденный отъ мрака я не въ состояніи выносить свѣта. Для меня снова взошелъ свѣтъ, и я смущаюсь отъ страха. О только что родившемся я вмѣстѣ и радуюсь и устрашаюсь. Явился новый источникъ, а прежній обращается вспять. Я увидѣлъ младенца рожденнаго и небеса приклонившіяся, чтобы поклониться ему. Мать раждаетъ и остается дѣвою; младенецъ укрывается, но показываетъ рожденіе и родительницу; родительница не имѣетъ мужа, и сынъ не имѣетъ отца; Спаситель раждается, и звѣзда открывается; пеленами повивается младенецъ, который связываетъ все; въ ясляхъ полагается Тотъ, Кому престоломъ служатъ херувимы; предъ животными приклоняется Тотъ, предъ лицемъ Котораго не въ силахъ жить серафимы; свѣтъ является, дивное воспѣвается, ангелы посылаются, пастыри пріемлютъ пророка, волхвы Бога проповѣдуютъ, священники Бога отвергаютъ, Иродъ укрощается, смерть попирается, Адамъ разрѣшается, адъ связывается, Ева спасается, змій проклинается, плѣннымъ даруется свобода и діаволъ терзается. Молоко ссетъ

[1]) Пс. CIII, 32. [2]) Пс. CXLV, 6.

младенецъ, который питаетъ питательницу; на рукахъ носится Тотъ, Кто держитъ держащаго; познается Творецъ, и природа поражается изумленіемъ.

II. Посему я съ трепетомъ дивлюсь таинству, возвѣщенному Гавріиломъ. Страхъ влечетъ меня къ Маріи, да будетъ (мнѣ) изъяснено чудо. Радуйся, благодатная, Господь съ Тобою. Радуйся, храмъ Божій тѣлесный! Радуйся, благодатная, ковчегъ небесныхъ колосьевъ! Радуйся, благодатная, неба и земли общее жительство! Радуйся, благодатная, истиннаго Сына истинная мать и дѣва! Радуйся, благодатная, неизсякаемый очагъ свѣта, всегда дѣйственный. Радуйся, благодатная, широкое вмѣстилище непостижимаго естества! Радуйся, благодатная, вдовствующаго міра непорочная невѣста и мать! Радуйся, благодатная, союзница свѣта! Радуйся, благодатная, въ утробѣ своей смерть умертвившая! Радуйся, благодатная, заблуждавшійся міръ къ истинѣ вѣрно воззвавшая! Радуйся, благодатная, несожигаемая житница міра!

III. Далѣе, смущенная этими словами и устрашенная явленіемъ, Дѣва не смѣла убѣжать и не дерзала оставаться, видя Ангела (собств. безплотнаго), предстоящаго ей, подъ образомъ человѣка, и въ присутствіи дѣвы держащаго себя скромно. Она избѣгала спросить его или посмотрѣть на него, почему, отъ страха, лице Дѣвы было похоже на видѣніе, когда она говорила сама съ собою: «что это за привѣтствіе и кто тотъ, который приноситъ мнѣ это привѣтствіе? Величественнѣе солнца сіяетъ и съ дѣвою бесѣдуетъ; съ неба сходитъ и рабу привѣтствуетъ; не облеченъ въ тѣло, но бесѣдуетъ человѣческимъ образомъ; на крыльяхъ летаетъ и произноситъ рѣчи. Чего онъ ищетъ на землѣ? Кажется мнѣ ангеломъ, но бесѣдуетъ какъ человѣкъ; отъ ангельскихъ воинствъ приходитъ и ко мнѣ направляетъ слово; имѣетъ лице свѣтлѣе молніи и одѣтъ въ одежду бѣлѣе снѣга; вижу юношу, не имѣющаго тѣла; попираетъ землю и не оставляетъ слѣдовъ; не обладаетъ языкомъ и говоритъ радуйся; не двигаетъ губами и возвѣщаетъ благодать. Не знаю, что мнѣ дѣлать. Ужасающее это видѣніе, поелику я не въ состояніи понять, кто посланъ. Какимъ образомъ я узнаю посылающаго? Если должно трепетать вѣстника, то насколько болѣе [должно трепетать] Того, Кто вѣстника послалъ! Если этотъ ослѣпляетъ своимъ блескомъ мое зрѣніе, то какимъ тѣломъ я покрою себя предъ солнцемъ правды? Если отъ раба я прихожу въ страхъ, то

какъ рожду Господа?» Ангелъ сказалъ ей: не бойся, Марія [1])! Не змій бесѣдуетъ съ тобою. Не бойся, Марія! Я возвѣстилъ тебѣ таинство, но не научилъ лжи. Не бойся, Марія. Я обѣщаю тебѣ, что ты будешь Богородительницей, но не Богомъ. Не бойся, Марія! Я обѣщаю тебѣ благодать и въ заблужденіе тебя не ввожу. Не бойся, Марія! Не останавливайся въ нерѣшительности, какъ Ева; отъ нея смерть, отъ тебя жизнь; отъ нея плодъ смерти, отъ тебя жизнь жизни; отъ нея прельщеніе, отъ тебя истина; отъ нея отвращеніе людей отъ Бога, отъ тебя неизреченное возсоединеніе Бога и человѣка; отъ нея мракъ и преисподній сонъ, отъ тебя сіяющій свѣтильникъ міра; отъ нея проклятія, отъ тебя благословеніе; отъ нея приговоръ смерти, отъ тебя возстановленіе жизни тѣла; отъ нея сомнѣніе, отъ тебя вѣра; отъ нея плачъ, отъ тебя рѣка воды жизни; отъ нея пóты, отъ тебя отдохновеніе; отъ нея тернистая земля, отъ тебя божественный рай; отъ нея три раны, отъ тебя троякая жизнь; отъ нея умерщвленіе человѣка, отъ тебя Богъ—другъ человѣка; отъ нея истребленіе потопомъ, отъ тебя купель, раждающая въ вѣчность; отъ нея убійство, отъ тебя обновленіе человѣка; отъ нея смерть жизни, отъ тебя воскресеніе мертвыхъ; отъ нея ненависть двѣнадцати колѣнъ, отъ тебя братское единеніе двѣнадцати апостоловъ; отъ нея смерть, введенная въ міръ, отъ тебя погибель смерти; отъ нея паденіе, отъ Тебя возстаніе. Не бойся Марія, ты обрѣла благодать у Бога. Вотъ зачнешь во чревѣ сына [2]) отъ Отца и родишь Того, кто старше Адама. Родишь Сына, возвышеннѣе небесъ; родишь Сына, высшаго херувимовъ; родишь Сына, равномощнаго Отцу; родишь Сына славою равнаго Святому Духу; родишь Сына, Которымъ все произошло [3]); родишь Сына, Котораго благословляютъ небеса и земля; родишь Сына, образа Котораго я не знаю; родишь Сына, въ присутствіи Котораго я съ трепетомъ предстою.

IV. Далѣе, исполнились дни родить Ей и родила Сына [4]), Котораго не насадилъ Отецъ; родила Сына, котораго не носила мать; родила колосъ, котораго не посѣяла рука; родила Творца, содѣлавшагося человѣкомъ; родила въ пещерѣ, и родившійся явился въ Персіи. Когда же Іисусъ родился въ Виѳлеемѣ іудейскомъ во дни Ирода царя, вотъ

[1]) Лук. I, 30. [2]) Лк. I, 30, 31. [3]) Іоан. I, 2. [4]) Лк. II, 6, 7.

пришли въ Іерусалимъ волхвы въ востока, говоря: гдѣ родившійся Царь Іудейскій[1])? Гдѣ Тотъ, Который вмѣсто Себя послалъ путеводствующую звѣзду? Гдѣ Тотъ, Кто дивными лучами влечетъ насъ къ духовному свѣту? Гдѣ Тотъ, Кто безконечною Своею рукою основалъ міръ? Гдѣ Тотъ, Который, хотя всюду есть, въ тѣлѣ сокрывается? Гдѣ освободившій насъ отъ лжи лукаваго? Гдѣ направившій насъ къ благодати богопознанія? Гдѣ Тотъ, Который въ трехъ ангелахъ явился подлѣ дуба? Гдѣ Тотъ, Который купины не опалилъ и утробы не нарушилъ? Гдѣ Тотъ, Который отъ Отца неотдѣлимъ и въ матери неизъяснимъ? Гдѣ Тотъ, Который раздѣлилъ Красное море и однако Онъ же молоко ссетъ и на землѣ питается? Гдѣ Тотъ, Кто дракона связалъ и нынѣ пеленами повивается? Гдѣ Тотъ, Котораго ангелы не видятъ, но Котораго люди видятъ и Котораго благословляютъ, въ высочайшей степени благословенный Богъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

Похвальное слово Пресвятой Богородицѣ и Приснодѣвѣ Маріи.

I. Слово, на Которое люди не могутъ взирать, Котораго не могутъ изречь, Которое отъ вѣка сокрыто отъ родовъ, отъ Него происходящихъ, Которое единое безсмертно, обладаетъ вѣдѣніемъ жизни, неизвѣстное износитъ на свѣтъ, тайное открываетъ,—[это Слово] мы видимъ снисшедшимъ на землю, чтобы измѣнить проклятія рожденія въ благословеніе, умертвить смерть и просвѣтить твари. Отъ Маріи получаетъ начало таинство воплощенія, и Тотъ, Кто достоинъ безконечнаго поклоненія, названъ человѣкомъ Божіимъ.

II. О неизслѣдимое чудо! О таинство божественное, единое неизъяснимое! Божіе Слово, Божіе дѣйствіе, Господь неба и земли, сосущественное и содѣйственное Отцу въ твореніи, вѣчный Сынъ сходитъ въ земную утробу, въ которой, составивши непостижимымъ образомъ тѣло, содѣлался совершеннымъ человѣкомъ, рожденъ отъ жены, оставаясь, чѣмъ былъ, Сыномъ Божіимъ какъ Онъ и есть Богъ во вѣки. Во времени Онъ все принялъ на Себя, кромѣ грѣха: болѣзни тѣла, голодъ, жажду, утомленіе, скорби, все человѣческое, даже смерть, и тѣмъ не менѣе

[1]) Мѳ. II, 1.

всегда живетъ и пребываетъ со Отцемъ, наслаждаясь честью своего Божества. Уничижая Себя или подвергая Себя смерти по образу человѣка, Онъ ни въ чемъ не былъ умаленъ, даже скорѣе возвышенъ, поелику потомъ подъ ноги Его положены враги Его [1]). И о имени Іисуса преклоняется всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, и всякій языкъ исповѣдуетъ, что Господь есть Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца [2]).

III. Днесь сокровенное отъ вѣка таинство становится явнымъ. Безчестію и смерти положенъ конецъ, вселенная же начинаетъ (жить). Здѣсь престали Законъ и Пророки, поелику твари во Христѣ содѣлались новыми, какихъ ни глазъ не видѣлъ, ни ухо не слышало и не приходило на сердце человѣку [3]) Здѣсь какъ изречемъ дивное, что превышаетъ языкъ? Изумленіе и страхъ удерживаютъ умъ, почему пораженное сердце размышляетъ, какимъ бы образомъ уста и языкъ могли изречь, что Господь есть Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца и вмѣстѣ есть Искупитель матери своей и небесный престолъ.

IV. О страшное и трепетное (таинство)! Дочь того, кто зміемъ былъ обольщенъ, ради кого земля проклята, изъ-за кого смерть пожрала человѣка и вся природа, приведенная въ разстройство, погибла, — его (говорю) дочь сидитъ превыше херувимовъ, подлѣ Божества, будучи названа Матерью Божіей и Царицей небесной. Кто видѣлъ, кто слышалъ, чтобы таковое было возможно для человѣка слабаго и въ высшей степени несовершеинаго? Ибо грѣхомъ падшій (человѣкъ) былъ осужденъ, но Господь все можетъ. Чѣмъ мы нѣкогда были, Онъ самъ создалъ. И, когда создалъ насъ, безсмертный Творецъ поставилъ насъ начальниками и владыками надъ тварями; а когда мы погибли, Онъ же Самъ снова великими и божественными знаменіями исцѣлилъ многихъ. Но Онъ снизошелъ и до этихъ крайнихъ дѣйствій, именно до рождества, до креста, до воскресенія; отсюда таинство его величія дивное, неизъяснимое, непостижимое. Проклятыхъ Онъ благословилъ, мертвыхъ оживотворилъ и сдѣлалъ безсмертными, земное соединилъ съ небеснымъ. земныя естества настолько возвысилъ, что почти обожилъ ихъ и помѣстилъ одесную Отца, на престолѣ Божества. Но, такъ какъ все это шло противъ діавола, вслѣдствіе того,

---

[1]) Пс. CIX, 1. [2]) Филип. II, 10, 11. [3]) 1 Кор. II, 9.

что, по зависти своей пораженный слѣпотою и приведенный къ безысходной и вѣчной погибели, онъ замышлялъ погубить родъ человѣческій и погубилъ; то Богъ, великій милосердіемъ, по безконечной любви, которою возлюбилъ насъ, снова обновилъ насъ неизреченнымъ образомъ; вслѣдствіе этого сатана упалъ въ тотъ самый ровъ, который своею неусыпною дѣятельностью ископалъ и устроилъ. Христосъ обратилъ скорби на голову діавола и на чело его сложилъ неправды его. Онъ есть тотъ, о которомъ Господь сказалъ: неугасимый огонь, уготованный діаволу и ангеламъ его [1]).

V. И теперь, о родъ человѣческій, что воздадимъ Господу за все это? Возвеличимъ корень всѣхъ благъ—святую Дѣву! Но есть ли такой, кто въ состояніи былъ бы въ умѣ своемъ обнять дивную славу, которой одна жена, Марія, найдена достойной на небѣ и на землѣ? Однако повторимъ то, что сказано въ законѣ, пророкахъ, апостолахъ и евангеліяхъ, воспѣвая съ церковію: Марія, высшая честь пророчества и людей! Марія, ѳиміамъ, принесенный Богу и Богу обрученная невѣста! Марія, обиталище Бога Слова, престолъ Всевышняго, вознесенная среди всѣхъ тварей! Марія, овчарня, Богомъ основанная, лоза цвѣтущая! Марія, дверь затворенная, земля, Богомъ обитаемая, блаженствомъ одаренная на вѣки. Марія, сила міра, сила Сущаго и Матерь Христа! Марія, книга Божія, храмъ и источникъ! Марія, царица вышнихъ! Марія, вмѣстилище свѣта, свѣтильникъ сіяющій! Марія, таинство креста и начало мира! Марія, жизнь міра, Дѣва всесвятая! Марія, невѣста Отца, покой Сына, Духомъ очищенная! Марія, голосъ вѣстниковъ, образъ дивный! Марія, купина неопалимая, великая между тварями! Марія, за грѣхи ходатаица у Сына своего! Марія, ковчегъ золотой, нардъ благоуханный! Марія, знаменіе обновленія вѣрныхъ! Марія, елей, исполненный нарда! Марія, вѣнецъ церкви, стѣна необоримая! Марія, золотой сосудъ, полный манны! Марія, алавастръ пріятныхъ благоуханій! Марія, слава міра, труба твореній! Марія, хвалы и славы достойная! Марія, вѣстница святости и благодати! Марія, столпъ свидѣтельства между іудеями и язычниками! Марія, лѣстница небесная, по сказанному патріарху: Господь на мѣстѣ семъ [2])! Извѣстно слово, которое сказалъ Господь всѣхъ: многіе пророки и праведники желали ви-

[1]) Мѳ. XXV, 41. [2]) Быт. XXVIII, 16.

дѣть то, что вы видите, и не видѣли, и слышать, что вы слышите, и не слышали [1]). Первый органъ музыкальный, скала, источающая воду, скинія Моисеева, названная скиніей свидѣнія, всѣмъ украшенная, въ которой Святое Святыхъ и херувимы славы, свѣтлѣйшее украшеніе священства, въ которомъ откровенія! Теперь, если законъ былъ намъ дѣтоводителемъ ко Христу [2]) и если законъ обладалъ образомъ будущихъ благъ [3]), какъ говоритъ блаженный Павелъ, какимъ образомъ были бы повинными, на основаніи закона, Богомъ написаннаго и даннаго людямъ въ помощь и во спасеніе, мы, утверждающіе, что Святая Дѣва— вина всѣхъ благъ? Ибо что такое будущія блага, сѣнью которыхъ былъ законъ, если не вина всѣхъ благъ, херувимской чести достойная Марія?

О Дѣво всесвятая, Матерь Бога Слова, отъ которой возсіялъ свѣтъ Божества, Іисусъ Христосъ, Который есть Богъ во всѣхъ, Ему же слава со Отцемъ и всесвятымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Похвальное слово въ честь первомученика и діакона святаго Стефана.

I. Досточестный Стефанъ какъ признанъ былъ достойнымъ дивнаго сіянія божественной славы, созерцанія и радости, такъ прославленный и исполненный благъ, именно свѣтоноснымъ изліяніемъ даровъ Святаго Духа, возвышенъ подвигоположникомъ Христомъ и увѣнчанный сидитъ превыше верховныхъ апостоловъ, поелику онъ былъ первымъ и первороднымъ изъ мучениковъ. Онъ возвышался своею дивною чистотою какъ тѣла, такъ и души, и не только чистотою, но и превосходнымъ украшеніемъ своей крѣпкой вѣры, лучше которой не было ничего. Теперь я снова буду говорить о преславныхъ дѣяніяхъ, которыя онъ совершилъ и посредствомъ которыхъ, сокрушая врага правды и противника всего добраго, наполняетъ святую каѳолическую церковь благоуханіемъ вѣры и покаянія.

II. Стефанъ—первый примѣръ мучениковъ и вождь дѣвственниковъ въ трудномъ состязаніи противъ врага человѣческаго! Стефанъ—начало борьбы апостоловъ и для всѣхъ святыхъ и праведныхъ причина царствованія со Христомъ Богомъ

[1]) Мѳ. XIII, 17. [2]) Гал. III, 24. [3]) Евр. X, 1.

въ безконечные вѣка! Стефанъ, которому нѣкогда ввѣрено было попеченіе о вдовахъ и служеніе, какъ діакону возвышенной благодати, теперь, сопричисленный къ воинству духовъ, не только какъ слуга вчиняется въ лики ангеловъ, но сдѣлался причастникомъ того же царства со Христомъ, съ неизреченною радостью поднимаетъ главу въ возвышенномъ сіяніи славы, какъ равными муками содѣлавшійся подобнымъ самому Христу и какъ прежде всѣхъ мучениковъ увѣнчанный! Стефанъ, который нѣкогда внѣ вратъ земного Іерусалима убитъ былъ какъ свидѣтель истины, теперь, въ вѣчномъ блаженствѣ, украшенный высочайшими и безконечными радостями, прославляется всѣми ангельскими силами! Прославлять его подвигъ есть откровеніе, даже болѣе—только назвать его подвигъ есть проповѣдь между ангелами и у людей! Ибо имя Стефана на еврейскомъ языкѣ значитъ вѣнецъ: вѣнецъ правды, которымъ его увѣнчала мать[1]). Онъ увѣнчанъ былъ іудеями и принесенъ [въ жертву] за церковь язычниковъ, поелику, когда увѣнчали его завистливые богоубійцы, враги христіанскаго благочестія, они невольно принесли его [въ жертву], какъ посредника надежды и жизни въ пользу церкви изъ язычниковъ. У іудеевъ, конечно, была причина для ревности и зависти, у церкви же — для прославленія и отрады. Онъ первый убивается местью того врага, который отъ начала былъ человѣкоубійцей, но сіяніемъ вѣры онъ сдѣлался надежнымъ мечомъ каѳолической церкви. Убили его, какъ совершающаго дѣло благоговѣнія ко Христу, и по силѣ Святаго Духа, которая въ немъ пребываетъ, онъ вѣнецъ радости для народа новаго во Христѣ. Поспѣшили изъять его изъ среды [живыхъ] надѣющіеся уничтожить проповѣдь вѣры, но Стефанъ сдѣлался могучей стѣной церкви, камнемъ несокрушимымъ волнами и вратами для всѣхъ почитающихъ Христа, дерзновенно моля виновника жизни, да даруетъ спасеніе и надежду жизни всѣмъ чтущимъ Христа, силою креста, обагреннаго кровію Христа.

III. Стефанъ—первое сѣмя пророческаго Духа и древо апостольской благодати, сопровождаемое всякими молитвами! Пріятный плодъ радости церкви изъ язычниковъ! Стефанъ—ученикъ апостоловъ, но учитель мучениковъ и ликованіе каѳолической церкви! Стефанъ—подобіе прекраснѣйшей розы,

[1]) Пѣсн. пѣсн. III, 11.

цвѣтущей среди терновиковъ іудейскаго народа и вставленной въ тіарѣ вѣнца небеснаго Жениха! Изгнанный за врата [города] въ міръ, онъ предалъ самого себя властелину міра, дракону, украшенному многими головами и чешуею, погибели, смерти, всѣмъ мукамъ; но такимъ образомъ онъ сдѣлался во всемъ подобнымъ Спасителю всѣхъ, кроткому, благому, тому непорочному Агнцу, который подъялъ грѣхи міра и который какъ овца пришелъ на закланіе [1]). Во время смерти онъ молился за побивающихъ его камнями враговъ истины, говоря: Господи, не вмѣни имъ грѣха сего [2]), и воззрѣвши на небеса, куда спѣшилъ достигнуть, ставши на колѣна, сказалъ: Господи Іисусе, пріими духъ мой [3]), и послѣ того, какъ будто съ удовольствіемъ принявши воздаяніе, испустилъ духъ свой. Когда уснулъ во Христѣ, перенесенный отъ смерти къ жизни вышняго міра и обвитый треблаженнымъ сіяніемъ божественной славы, блистая, подобно солнцу, дивнымъ свѣтомъ, жизнью почившихъ праведниковъ, приложился къ душамъ древнихъ патріарховъ, гдѣ, въ царствѣ небеснаго Іерусалима, сдѣлавшись причиною радости для ангеловъ и для всѣхъ вѣрующихъ во Христа началомъ награды, держитъ скипетръ.

IV. Стефанъ, котораго, какъ глашатая благочестія, чтобы подавить Евангеліе, стремились изъять изъ среды [живыхъ], подражая дѣяніямъ богоубійцъ, теперь поставленъ въ высшей чести, между ангельскими чинами, съ Павломъ и со Святымъ святыхъ царствуетъ въ обителяхъ вышняго царства, радуясь и ликуя со всѣми святыми въ безконечные вѣка!

Стефанъ, какъ неподвижный фундаментъ и непоколебимое основаніе, предпоставленъ въ церкви каѳолической не только по своей дивной доблести и непобѣдимому духу, проявленному имъ, когда онъ, съ надеждою на небесную помощь, поборалъ врага правды, но также и тогда, когда исполненнымъ богословія опроверженіемъ тѣхъ, которые по зависти возставали на Бога, и обличеніемъ іудеевъ, которое имѣлъ предъ синедріономъ, онъ, просвѣщаемый свѣтомъ благодати Святаго Духа, чрезъ подъятые въ борьбѣ за Христа труды, явился для жаждущихъ жизни виною никогда неувядающаго вѣнца. Стефанъ—вѣнецъ пріятности. рукою Господнею, и діадема царства, рукою Божіею избранная! Поэтому драгоцѣнная, какъ бисеръ,

[1]) Иса. LIII, 2. [2]) Дѣян. VII, 60. [3]) Дѣян. VII, 59.

или блестящая, какъ жемчугъ, она вставляется въ тіару Царя славы, поднимается изъ глубины безчисленныхъ испытаній бурнаго міра и сопричисляется къ украшенію вышняго Іерусалима.

V. Стефанъ по [своимъ] мукамъ и терпѣнію первый явился подобнымъ Спасителю, на подобіе Іова. Онъ подражалъ Ему въ кротости и невинности, молясь и говоря: Господи, не вмѣни имъ въ грѣхъ [1]). Плодомъ молитвы его, между прочимъ, было спасеніе и призваніе Павла, и не только это, но (и спасеніе и призваніе) разсѣянныхъ народовъ, чрезъ сообщенное всѣмъ прощеніе и чрезъ вѣнецъ, дарованный прежде всего тѣмъ, которые измученные умерли за Христа. Чрезъ него толпы вдовъ, по вѣрѣ во Христа, получили отъ вѣры утѣшеніе; полки святыхъ, возвышенные въ своемъ желаніи, возрадовались въ церкви, наслаждаясь сіяніемъ благодати Святаго Духа.

VI. Такимъ образомъ, всѣ добродѣтели, на подобіе свѣта и соединенной съ нимъ красоты, при содѣйствіи божественной руки, блистаютъ, и толпы всѣхъ мучениковъ въ надеждѣ на первоначальную духовную красоту увѣнчаны дивнымъ сіяніемъ.

Удостоенные чрезъ Стефана апостольской чести радуются священники. Отъ него и съ нимъ получили начало діаконы, какъ причастники его діаконства и съ нимъ поставленные слугами Слова жизни вмѣстѣ съ священниками, но ниже священническаго достоинства.

Чрезъ него церкви сіяютъ, вѣрные умножаются и ангелы, празднуя съ людьми праздничные дни, возсылаютъ къ небесамъ небесному Отцу пріятное пѣніе и мелодіи разныхъ гимновъ. Чрезъ него радуются чины мучениковъ и ликуютъ сонмы святыхъ.

VII. Нынѣ открываются свѣтлыя скиніи, чтобы принять въ своихъ обителяхъ ревностно стремящихся къ высшей жизни. Сатана со стыдомъ удаляется. Потрясенные и устрашенные демоны приходятъ въ отчаяніе! Заклейменные безславіемъ и ужаснымъ стыдомъ еретики убѣгаютъ. А благочестивые вѣрные, прославляя Бога, съ ангелами совершаютъ праздникъ.

Посему, достигши столь высокой степени славы, великій первомученикъ признанъ былъ отъ Всесвятаго Духа достойнымъ свѣтлѣйшей высоты божественнаго сокровища, и такъ надъ всѣмъ, какъ сказано, возвышенъ, что простымъ умомъ видѣлъ славу Божію. Видѣлъ, конечно, Іисуса и великій между апостолами, но по образу тѣла Адамова; первый же изъ му-

---

[1]) Дѣян. VII, 59.

чениковъ Стефанъ (видѣлъ Іисуса) преображеннаго и возвышеннаго до славы Божества, поелику видѣлъ Его преображеннаго, сидящаго одесную Всевышняго: грубаго измѣнившагося въ утонченнаго, смертнаго въ безсмертнаго, тлѣннаго въ нетлѣннаго, перстнаго въ духовнаго, влажнаго въ огненнаго, земного въ небеснаго, когда Онъ проникъ въ высоту вышняго міра, гдѣ снова удостоивается высочайшей чести одесную Отца свѣтовъ. Богъ устроилъ храмъ свѣта, поставивши надъ всѣми, какъ чувственными, такъ и духовными тварями смертнаго человѣка.

VIII. Итакъ, тогда отъ всей каѳолической церкви, чрезъ неусыпную ревность и неотлучную отъ Бога любовь, какъ сказано, онъ ушелъ духомъ къ первому небу и въ мѣстѣ духовъ упокоился. Если бы кто послѣ этого захотѣлъ вспомнить боголюбезные и свѣтомъ Христовымъ облитые лики младенцевъ, которыхъ убили въ Виѳлеемѣ іудейскомъ, то никто не возражалъ бы [противъ этого], поелику поистинѣ за Христа и во Христѣ умерли первородные изъ мучениковъ и первые мученики за истину. Вмѣстѣ съ тѣмъ они являются вождями святыхъ и праведныхъ, которые произошли изъ новаго народа, поелику они проникли на небеса прежде рожденія міру спасенія чрезъ крестъ. Но безсмертная и нетлѣнная жизнь начала процвѣтать въ мірѣ чрезъ крестъ, и потому они, насильственно умерщвленные, положены были среди на вѣкъ уснувшихъ, пока солнце правды пошлетъ туда лучи божественнаго свѣта. Что это, далѣе, такъ, научись отъ величайшаго между рожденными женами, отъ Іоанна Крестителя, который уже предъ самою смертью говорилъ Христу: Ты ли грядый, или намъ ожидать другого [1])? Здѣсь совершенно ясно, что дѣло идетъ о преисподней (куда Христосъ намѣренъ былъ идти) для совершенія спасенія тѣхъ. А если Іоаннъ могъ говорить это о себѣ самомъ и о восхожденіи праведныхъ, которые предшествовали ему, то насколько болѣе можно говорить это о младенцахъ, которыхъ, хотя они были невинны, убилъ Иродъ! Почему, раскрывая эту мысль, немного послѣ Спаситель сказалъ: Истинно, одно говорю вамъ, что изъ стоящихъ здѣсь есть нѣкоторые, кои не вкусятъ смерти, прежде чѣмъ увидятъ царство небесное [2]). Но, говоря о царствіи Божіемъ, Онъ не разумѣетъ ничего иного,

[1]) Мѳ. XI, 3. [2]) Мѳ. XVI, 28.

какъ Свое воскресеніе, которое для всѣхъ святыхъ имѣло быть залогомъ всеобщаго воскресенія и нетлѣнія. А что Христосъ сказалъ: не вкусятъ смерти, то этимъ Онъ разумѣлъ не разрушеніе настоящаго тѣла, а схожденіе во адъ послѣ освобожденія душъ святыхъ, совершеннаго крестомъ.

IX. И теперь, какъ Христосъ возвышенъ до небесъ и съ тѣмъ же тѣломъ, сидя одесную славы Божіей, для всѣхъ сдѣлался образцомъ всеобщаго воскресенія, безсмертія и нетлѣнія; такъ и души праведныхъ, которыя со Христомъ воскресли и которыя стремились къ небу, конечно, не по тѣлу, но по духу должны почитаться образцами для всѣхъ праведныхъ, которые во Христѣ сдѣлались великими или въ Ветхомъ, или въ Новомъ Завѣтѣ. Откуда ясно, что всѣ души, послѣдовавшія заповѣдямъ и волѣ Господа, послѣ исхода не погружаются въ преисподнюю, но устремляются къ небу, гдѣ, благоговѣя предъ возвышенной славой, пріобщаются къ свѣту живыхъ и полагаются среди ангеловъ и душъ святыхъ.

Заступничествомъ также и сего первомученика очищенный воздухъ сіяетъ, освѣщенные облака посылаютъ росу, обильные дожди щедрыми изліяніями орошаютъ земныя поля, земля украшается и насажденія, произрастая, приносятъ пріятные благоуханія цвѣтовъ и пріятность плодовъ, служа радости и наслажденію всѣхъ живущихъ. Отверстыя вверху небеса вливаютъ во всѣхъ грѣшниковъ дерзновеніе къ Богу спасеніемъ, надеждой покаянія, освобожденіемъ отъ грѣха и надеждой жизни во вѣкъ.

X. Адамъ, первый человѣкъ, былъ началомъ тварей Божіихъ; Ной—второй отецъ міра и изобрѣтатель воздѣлыванія полей; Авраамъ—таинство спасенія и первый изъ патріарховъ; Моисей—основатель закона, глава пророковъ и вождь въ землю обѣтованій; Давидъ—пророкъ Божій, начинатель царства израильскаго; Петръ — вождь апостоловъ и камень вѣры каѳолической церкви; Діонисій — первый епископъ Аѳинъ, вѣнчанный среди мучениковъ; блаженная Ѳекла—дѣвственнаго воинства апостолъ и первомученица. Такимъ образомъ, между возвышенными увѣнчанными, Стефанъ былъ первый, послѣ страданій Бога боговъ, жаждущій распятія, и поэтому онъ первый увѣнчанъ и сдѣлался и названъ началомъ мучениковъ каѳолической церкви; одѣтый свѣтлымъ сіяніемъ, на подобіе звѣзды, блистающей божественнымъ свѣтомъ, онъ сіяетъ между свѣтилами, своимъ разлитымъ свѣтомъ приводя

разсѣянныхъ сыновъ Божіихъ отъ мрака идолослуженія къ свѣту, и располагая ихъ среди множества ангеловъ, чтобы они получили наслѣдіе со всѣми святыми вышняго Іерусалима, то-есть, съ воинствомъ мучениковъ, которые имѣли часть въ страданіяхъ Христовыхъ, и со всѣми вѣрными, которые по-истинѣ возлюбили Бога. Будемъ и мы молить Стефана, чтобы, съ духомъ мудрости и страха и съ спасеніемъ, даровалъ (намъ) по благодати получить часть въ наслѣдіи, и чтобы, избѣгая дурной славы, и тѣ, которые слѣдуютъ нечестивымъ и богопротивнымъ таинствамъ, вмѣстѣ съ нами, съ радостною ревностью о благочестивой и православной вѣрѣ, сдѣлались достойными воздавать славу Отцу, Сыну и Святому Духу, теперь и всегда, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда въ честь Пресвятой Богородицы, Приснодѣвы.

1. Всякій разъ, какъ я вспоминаю непослушаніе Евы, я плачу. Но когда я вижу плодъ [1]) Маріи [2]), я опять обновляюсь. <Безсмертный по происхожденію, невидимый въ своей славѣ, прежде вѣковъ свѣтъ отъ свѣта, Ты рожденъ отъ Бога Отца. Будучи Словомъ и Сыномъ Божіимъ, Ты воспринялъ плоть отъ Маріи Дѣвы, чтобы обновить Адама, созданнаго Твоею святою рукою.

2. Святый, безсмертный, вѣчный, неприступный, неизмѣнный, непреложный, Ты—истинный Сынъ Божій прежде вѣковъ; но Ты соизволилъ быть зачатымъ и образованнымъ воутробѣ святой Дѣвы, чтобы снова оживить человѣка, вначалѣ созданнаго Твоею святою рукою, но [теперь] мертваго вслѣдствіе грѣха.

3. Ты произошелъ по благоизволенію,—по благоизволенію и волѣ невидимаго Отца. Посему всѣ мы, именуя Тебя царемъ, взываемъ къ Тебѣ: будь нашимъ помощникомъ! Ты родился отъ Дѣвы, повитъ пеленами и положенъ въ ясли, питался отъ сосцовъ Маріи, ради того, чтобы снова оживить первозданнаго Адама, который умеръ вслѣдствіе грѣха.

4. Наслаждаясь вѣдѣніемъ отъ божественнаго вѣдѣнія, изнесемъ, подобно источнику, сладкозвучные гимны хваленія, прославимъ благостное могущество Божественнаго Слова.

---

[1]) Въ греч.: вижу и помышляю.

[2]) Въ греч.: Богородицы Маріи.

Вмѣстѣ со сладкозвучнымъ ученіемъ будемъ возсылать хвалу, достойную божественной благости, принявъ во вниманіе, какъ земля и море, и вся тварь, видимая и невидимая, благословляетъ и прославляетъ любовь Бога къ человѣку, потому что Его слава была среди [насъ]. Ибо, будучи Богомъ, Онъ явился во плоти и, принявъ на Себя крайнее уничиженіе, родился отъ святой Дѣвы ради того, чтобы опять обновить того, кто былъ мертвъ вслѣдствіе непослушанія>.

5. Пріидите. людіе, <и приступите>, воспоемъ всѣ Рожденнаго отъ Дѣвы. Ибо, будучи славою и образомъ Божества прежде вѣкъ. Онъ сдѣлался подобострастнымъ нашей нищетѣ. Будучи величественною силою [и] образомъ Божіимъ [1]), Онъ воспринялъ образъ раба. <Тотъ, Кто одѣвается свѣтомъ, какъ одеждою, входитъ въ общеніе съ людьми, какъ уничиженный>. Воспѣваемый херувимами и тмами ангеловъ [2]), жительствуетъ въ мірѣ. Прежде призвавшій къ жизни всякую тварь [3]) родился отъ Святой Дѣвы, чтобы снова оживотворить первозданнаго.

6. <Христосъ, Богъ нашъ, принимаетъ начало отъ человѣчества, будучи причастнымъ безначальности Бога Отца, чтобы падшаго человѣка возвысить до безначальности Божества.

7. Онъ воспринимаетъ образъ раба отъ святой Дѣвы, чтобы призвать насъ къ прославленному Владычнему образу. Онъ облекается во образъ перстнаго, чтобы сдѣлать насъ причастниками небеснаго образа. Онъ сѣдитъ на лонѣ святой Дѣвы, чтобы насъ посадить одесную въ пріискреннемъ общеніи съ Своимъ Отцемъ. Онъ былъ въ уничиженномъ тѣлѣ, и въ немъ же полагается во гробъ, чтобы насъ явить наслѣдниками вѣчной жизни. Необъятный—Онъ былъ заключенъ во утробѣ святой Дѣвы, чтобы обновить Адама, поврежденнаго грѣхомъ.

8. Сила Отчая и живой Источникъ, Христосъ, Богъ нашъ, [Онъ] есть живоносное таинство, въ которое мы вѣруемъ по [Его] живому гласу. Безконечною жизнь Онъ щедро одаряетъ надѣющихся на Него и Духомъ благодати просвѣщаетъ роды людей. Отъ этого Источника, живого, приснотекущаго и сладостнаго, напаяется и насыщается всякій жаждущій съ вѣрою.

9. Посему единымъ гласомъ [будемъ воспѣвать хвалы]

---

[1]) Въ греч.: во образѣ Божіемъ.

[2]) Въ греч.: на херувимахъ воспѣваемый тмами ангеловъ.

[3]) Въ греч.: прежде сущій и спасающій весь міръ.

Богу Слову, Который по достоинству каждаго есть виновникъ и совершитель спасенія для юныхъ и старыхъ, дѣтей и женъ. Ибо отъ Маріи, божественнаго источника неизреченнаго Божества, разливаются благодать и щедрый даръ Духа Святаго. Отъ единой святой Дѣвы происходитъ многоцѣнная жемчужина, чтобы снова оживить первозданнаго человѣка, мертваго вслѣдствіе грѣха.

10. Онъ—Солнце правды, сіяющее на землѣ, и въ образѣ человѣческомъ Онъ соблагоизволилъ придти къ роду нашему. Сокрывши въ грубомъ веществѣ человѣчества лучезарное сіяніе Своего Божества и исполнивши [насъ] Божественнаго Духа, Онъ и насъ содѣлалъ достойными воспѣвать Ему ангельскую пѣснь хваленія.

11. Обовьемъ, какъ вѣнкомъ, наши души [празднолюбцы и слушатели] золотыми цвѣтами; увѣнчаемся вѣнками изъ неувядающихъ садовъ и, принося въ нашихъ рукахъ прекраснолодоносные цвѣты Христовы, будемъ собирать [ихъ]. Ибо богоподобный храмъ святой Дѣвы достоинъ быть прославленнымъ такимъ вѣнцомъ, потому что [отъ Нея] происходитъ блистающая жемчужина, чтобы возвести къ присно-текущему свѣту тѣхъ, которые ниспали во тьму и сѣнь смертную.

12. Наслаждаясь врачеваніемъ божественныхъ словесъ Христа, по благодати Его, будемъ возсылать Ему достойную пѣснь. Поспѣшимъ собрать плоды таинства безсмертія. Поспѣшимъ вдохнуть въ себя благоуханіе облекающей Бога красоты. Пусть въ языкѣ [нашемъ] изобилуетъ божественная благодать; поспѣшимъ отогнать отъ себя зловоніе грѣха. Скорѣе облечемся въ благовоніе дѣлъ праведности. Надѣвши на себя щитъ вѣры и одежду добродѣтельной жизни и святое и непорочное одѣяніе чистоты, будемъ твердыми (или бодрственными). Ибо Онъ—превосходство, и имѣетъ Свое обитаніе съ міромъ, сопряженъ съ любовью и сожительствуетъ [съ нею]; Онъ—цвѣтокъ, благоухающій надеждою. И агнцы, которые съ вѣрою питаются имъ, возрастаютъ въ свѣтоподобную лозу Троицы>. Но, возлюбленные, притекая къ саду Спасителя [1]), воспоемъ святую Дѣву, говоря вмѣстѣ съ ангелами <языкомъ божественной благодати>: «радуйся и веселись!» [2]). Ибо отъ Нея

---

[1]) Въ греч.: Посему пріидите, и мы, возлюбленные, притекши къ пристанищу (ἐπὶ τὸν λιμένα) Спасителя нашего.

[2]) Въ греч.: говоря съ Гавріиломъ: радуйся, благодатная.

впервые заблисталъ вѣчносіяющій свѣтъ [1]), освѣщающій насъ своею благостью.

13. <Святая Дѣва> есть и пречестный храмъ Божій, и ковчегъ чистый [2]), и златый алтарь кадильный, по своей безпредѣльной чистотѣ, божественный ѳиміамъ смѣшенія и святой елей освященія, многоцѣнный сосудъ чистаго нарда, первосвященническая діадема, открывающая благоволеніе Бога, къ Которому она одна приблизилась, будучи святою по тѣлу и по душѣ [3]); Она—дверь, зрящая на востокъ, и вхожденіемъ и исхожденіемъ [чрезъ нее] озаряется вся земля [4]); Она—плодоносная маслина, отъ которой Духъ Святый взялъ плотскую вѣтвь Господа и спасъ страждущій родъ человѣческій [5]); Она—похвала дѣвъ и радость матерей, она — архангельское возглашеніе,—именно такъ и сказано [6]): «радуйся и веселись [7]), Господь съ Тобою», и еще: «отъ Тебя», <чтобы опять обновить мертваго вслѣдствіе грѣха>.

14. Ты соизволилъ сохранить ея дѣвство, и Тебѣ благоугодно было, Господи, возлежать въ утробѣ Дѣвы, пославъ напередъ архангела возвѣстить [ей] объ этомъ [8]). И онъ, пришедши къ Маріи отъ вышнихъ неизреченныхъ силъ, прежде всего возгласилъ ей такую вѣсть: «радуйся и веселись» [9]), и тотчасъ опять прибавилъ: «Господь съ Тобою! Благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева Твоего». Она же смутилась и размышляла, что бы это было за привѣтствіе. И достойнымъ образомъ, <я думаю>, благодать избрала святую Дѣву [10]), ибо она была мудрою во всемъ, и не было подобной ей среди женъ во всѣхъ народахъ [11]).

---

[1]) Въ греч.: произошелъ свѣтъ истинный.

[2]) Въ греч.: Ибо она—священная скинія и пречестный храмъ Божій.

[3]) Въ греч.: открывающая неизреченную волю Божію, единая святая тѣломъ и духомъ.

[4]) Въ греч.: Владычнимъ вхожденіемъ и исхожденіемъ озаряющая міръ.

[5]) Въ греч.: Она—плодоносная маслина, отъ которой Духъ Святый взялъ таинственную вѣтвь Господню и устроилъ обуреваемый родъ людей.

[6]) Въ греч.: пріемлющая архангельское возглашеніе и божественное благовѣстіе.

[7]) Въ греч.: радуйся, благодатная.

[8]) Въ греч.: Ибо Господь, благоизволивъ быть зачатымъ отъ святой Дѣвы, предпослалъ благовѣствующаго архангела.

[9]) Въ греч.: радуйся, благодатная.

[10]) Въ греч.: + Марію.

[11]) Въ греч.: ибо святая была мудрою во всемъ между женами изъ всѣхъ родовъ и ни одной никогда не было подобной ей.

15. Она поступила не такъ, какъ первая дѣва [1]), которая, будучи одна въ саду, <нетвердымъ> и разслабленнымъ умомъ приняла совѣтъ [2]) змія и такимъ образомъ извратила помышленіе сердца своего, чрезъ что явились всякій трудъ и скорбь для святыхъ [3]). Но такова была Святая Дѣва, что ею были исправлены также и преступленія первой (т. е. Евы) [4]). Она не поступила и подобно Саррѣ, которая, получивъ благую вѣсть о рожденіи отъ нея сына, необдуманно засмѣялась; не поступила она и какъ Ревекка, которая, подобно перебѣжчику, приняла украшенія и съ готовностью напоила верблюдовъ своего жениха. И не какъ всякая [другая] жена, она не приняла пріятнаго привѣтствія неразсудительно (или безъ испытанія), а только послѣ яснаго и отчетливаго размышленія [5]).

16. Откуда ты принесъ намъ такое благословеніе? и [изъ] какой сокровищницы ты подалъ намъ жемчужину слова? [6]). Я хотѣла бы знать, что это за даръ, кто приноситъ слово [7]) и кто послалъ? Ты пришелъ съ неба, а показываешь образъ человѣка и блистаешь сіяніемъ свѣта [8]).

17. Объ этомъ въ сомнѣніи спрашивала саму себя святая Дѣва [9]). Но ангелъ разрѣшилъ ея [10]) недоумѣніе такими словами: Духъ Святый найдетъ на Тебя, и сила Всевышняго осѣнитъ тебя. Посему ты зачнешь и родишь Сына и наречешь имя Ему Іисусъ, <чтобы Онъ спасъ родъ человѣческій отъ смерти грѣха>.

18. Дѣва [11]) говоритъ въ отвѣтъ ангелу: <мой умъ утопаетъ въ твоихъ словахъ, какъ въ морѣ>. Какъ это будетъ со мною, когда я не желаю знать земного мужа, поелику я

---

[1]) Въ греч.: дѣва Ева. [2]) Въ греч.: рѣчь.

[3]) Въ греч.: и чрезъ нее произошелъ всякій подвигъ святыхъ.

[4]) Въ греч.: но въ единой только святой Дѣвѣ было исправлено паденіе той.

[5]) Въ греч.: но съ сильнымъ размышленіемъ и яснымъ разсудкомъ недоумѣвала въ себѣ и говорила: что бы это было за привѣтствіе? въ чемъ этотъ даръ имѣетъ основаніе?

[6]) Въ греч.: откуда онъ принесъ намъ это благословеніе? Изъ какихъ сокровищъ намъ послана жемчужина слова?

[7]) Въ греч. просто: καὶ τίς ὁ φέρων.

[8]) Въ греч.: ты пришелъ съ неба, а показываешь образъ человѣка (ἀνθρώπου χαρακτῆρα δεικνύεις); зрю человѣка, а блистаешь сіяніемъ свѣта.

[9]) Въ греч.: объ этомъ она недоумѣвала въ себѣ и говорила.

[10]) Въ греч.: Маріи. [11]) Въ греч.: святая Дѣва.

посвятила себя небесному Жениху? Я хочу остаться дѣвой. Я не желаю нарушать достоинства моего дѣвства.

19. Но Ангелъ снова утвердилъ святую <Дѣву> такими словами: не бойся, Маріа. Ибо я пришелъ не устрашать тебя, но отогнать всякое основаніе для страха. Не бойся, Маріа; ибо ты обрѣла благодать въ рукахъ Божіихъ [1]). Не изслѣдуй благодати, ибо благодать не терпитъ подчиненія законамъ естества. Духъ Святый найдетъ на тебя, почему и раждаемое отъ тебя святое наречется Сыномъ Божіимъ, сообразнымъ, соединосущнымъ и совѣчнымъ Отцу [2]); въ Которомъ Отецъ имѣетъ всецѣлое откровеніе [3]), какъ образъ въ ипостаси [4]), и въ Немъ чрезъ отраженіе сіяетъ Его слава [5]).

20. <Велика эта тайна>. Ты узнала, Маріа [6]), то, что доселѣ было сокрыто и отъ ангеловъ; ты постигла то, чему не ясно внимали [7]) пророки и патріархи; ты услышала [8]) то, чего никогда не удостоивался слышать ликъ богоносныхъ. Давидъ и Исаія и всѣ пророки [9]) предвозвѣщали о Господнемъ вочеловѣченіи. Но только ты одна, святая Дѣва, восприняла [10]) невѣдомую имъ тайну; внимай и не разсуждай относительно того, какъ это будетъ съ тобою. Ибо создавшій человѣка изъ дѣвственной земли, Самъ и теперь творитъ все, что Онъ хочетъ, чтобы спасти собственное созданіе.

21. <Новый лучъ вѣчнаго свѣта сіяетъ намъ во вдохновенномъ благозвучіи этихъ словъ>. Теперь и мнѣ прилично и благовременно выразить удивленіе поведенію святой Дѣвы, которую достойно привѣтствуетъ ангелъ прежде всего такъ: «радуйся и веселись» [11]); поелику съ нею пробуждаются и оживаютъ всѣ сокровища благодати [12]). <Изъ всѣхъ родовъ она одна только была и дѣва и матерь, не познавшая мужа, святая по тѣлу и по душѣ>. Изъ всѣхъ родовъ лишь она одна содѣлалась достойною родить Бога; она одна только носитъ въ себѣ глаголомъ своимъ носящаго всяческая.

---

[1]) Въ греч.: у Бога. [2]) σύμμορφος, συνομοούσιος, συναΐδιος τῷ πατρί.

[3]) Въ греч.: + Божества. [4]) ὁ χαρακτὴρ ἐν τῷ προσώπῳ.

[5]) Въ греч.: + да просвѣтитъ во тьмѣ сидящихъ.

[6]) Въ греч.: блаженная ὦ μακαρία.

[7]) Въ греч.: τὰ τοὺς προφήτας καὶ πατριάρχας λανθάνοντα.

[8]) Въ греч.: + Маріа. [9]) Въ греч.: οἱ λοιποὶ θεηγόροι.

[10]) Въ греч.: пріими и узнай — ὑποδέκου καὶ μάνθανε.

[11]) Въ греч.: радуйся, благодатная.

[12]) Въ греч.: поелику съ нею жительствуетъ (πολιτεύεται) все сокровище благодати.

22. И надлежитъ дивиться не только красотѣ святой Матери Божіей [1]), но также и превосходству ея души; посему къ ней и были обращены слова: «Господь съ Тобою, и еще: Господь отъ Тебя» [2]). <Этимъ какъ бы такъ было сказано: Онъ, какъ многомилостивый, спасетъ того, кто по его образу>. Святая Дѣва содѣлалась какъ бы готовымъ ковчегомъ божественной тайны, въ которомъ облечена была въ плоть и запечатлѣна жемчужина жизни; и такимъ образомъ она стала вмѣстилищемъ премірнаго и божественнаго спасенія [3]).

25. Итакъ, возлюбленные, приступимъ и мы и воздадимъ нашъ долгъ по мѣрѣ нашихъ силъ и, слѣдуя гласу архангела, громко воскликнемъ: радуйся и веселись [4]), Господь съ тобою! [5]) Не какой нибудь земной [6]) <женихъ>, но самъ Господь, Отецъ чистоты, хранитель дѣвства и Господь освященія, зиждитель нетлѣнія, податель свободы, ходатай спасенія, распорядитель и раздаятель истинной мудрости, [7])—Самъ Господь съ тобою, поелику въ тебѣ <и на тебѣ> почила божественная благодать, <дабы подобострастный Господь оживилъ родъ человѣческій>.

24. [8]) Адамъ больше не боится коварнаго змія, потому что пришелъ Господь нашъ и разъсѣялъ сонмъ враговъ [9]). Родъ человѣческій уже не страшится обольщенія и коварства змія, потому что Господь сокрушилъ главы дракона въ водѣ крещенія. Не боюсь уже и я слышать слова: земля еси и въ землю отъидеши. Ибо Господь въ крещеніи [10]) истребилъ во мнѣ скверну грѣховную. Я уже больше не плачу, не стенаю, не считаю опять несчастіемъ, когда терніи уязвляютъ

---

[1]) Въ греч.: Богородицы.

[2]) Въ греч.: посему и провозгласилъ ей ангелъ: радуйся, благодатная, Господь съ тобою.

[3]) Въ греч. только: ибо святая, уготовавши свою душу гостепріимною для Бога, содѣлалась вмѣстилищемъ гостепріимныхъ и божественныхъ тайнъ.

[4]) Въ греч.: радуйся, благодатная.

[5]) Въ греч. далѣе слѣдуетъ: ибо тебѣ воистину надлежитъ радоваться, поелику съ тобою вселился Господь, какъ вѣдалъ.

[6]) Въ армянскомъ, очевидно, по ошибкѣ: небесный.

[7]) Въ греч.: истиннаго міра.

[8]) Въ греч. + Радуйся, благодатная, Господь съ тобою.

[9]) Въ греч.: потому что родившійся отъ тебя разрушилъ всю силу врага

[10]) Въ греч.: во святомъ крещеніи.

меня [1]). Ибо Господь нашъ, исторгши терніи грѣховъ нашихъ, увѣнчалъ ими Свою главу. Разрѣшена древняя клятва [2]), говорившая: терніи и волчцы земля возраститъ тебѣ (Быт. III, 18), ибо терніе исторгнуто и волчецъ засохъ; а отъ святой Дѣвы произошло древо жизни и благодати. Ева не боится больше ни поношенія, ни мукъ рожденія, ибо святою Дѣвою ея преступленія [3]) упразднены и изглажены, <такъ какъ изъ нея родился Богъ, чтобы оживить созданнаго по Своему образу>.

25. Святая Дѣва содѣлалась оплотомъ [4]) <нетлѣнной> жизни для насъ и источникомъ свѣта для вѣрующихъ во Христа, явившись востокомъ мысленнаго свѣта. Радуйся и веселись [5]), Господь съ тобою и отъ тебя, совершенный въ Божествѣ <и въ человѣчествѣ>, въ Которомъ обитаетъ вся полнота Божества. Радуйся и веселись [6]): Господь съ тобою <и отъ тебя>— съ Своею рабою Господь славы [7]), съ нескверною—освящающій всяческая, съ прекрасною—красенъ добротою паче всѣхъ сыновъ человѣческихъ, чтобы оживить созданнаго по Своему образу [8]).

26. Мы вѣруемъ въ божественныя слова Учителя и радуемся, потому что Христосъ, наша нетлѣнная весна, пришелъ къ намъ съ розами, лиліями и благоухающими вѣнками и наполнилъ прекрасный садъ церквей, равно какъ и питомники нашихъ сердецъ [цвѣтами] изъ рая Божія [9]). Итакъ, приблизимся съ чистымъ сердцемъ и обрѣтемъ вѣру, блистающую подобно золоту и благоухающую плодами безсмертія. Ибо изъ неистлѣнной Маріи [10]) произрасло для насъ древо, приносящее прекрас-

---

[1]) Въ греч.: Я уже больше не плачу, не стенаю, не говорю: возвратихся на страсть, егда унзе ми терн̀ъ (см. Псал. XXXI, 4).

[2]) Въ греч.: Разрѣшенъ грѣхъ мой, разрѣшена древняя моя клятва.

[3]) Въ греч.: ибо въ святой Дѣвѣ исправлено ея заблужденіе.

[4]) Въ греч.: источникомъ. [5]) Въ греч.: радуйся, благодатная.

[6]) Въ греч.: радуйся, благодатная.

[7]) Въ греч.: съ рабою—Царь.

[8]) Въ греч.: чтобы спасти, человѣка, котораго создалъ по образу Своему; Его божественною вѣрою и благодатію мы радуемся и трисолнечнымъ свѣтомъ просвѣщаемся.

[9]) Въ греч. начало этого параграфа изложено такъ: Розы и лиліи и помазанія умнаго благоуханія! Пришелъ Христосъ, наша неизреченная весна, пріятный и прекраснѣйшій рай церквей, и божественными ароматами и небесными дарами исполнилъ трехчастную нашу душу.

[10]) Въ армянск.: въ пустынѣ Маріи.

ные плоды [1]), <чтобы, какъ святой и милостивый, Онъ оживилъ Свое твореніе>.

27: Преблагословенная Дѣва была святою и мудрою, во всѣхъ отношеніяхъ несравнимою среди всѣхъ народовъ и безподобною между женами [2]). Она [поступила] не такъ, какъ первая дѣва Ева, которая, будучи одна въ саду, въ своемъ слабомъ умѣ была обольщена зміемъ, и такимъ образомъ, принявши его рѣчь, внесла въ міръ смерть, и по причинѣ этого произошли всѣ страданія святыхъ [3]). Но въ ней одной, въ сей святой Дѣвѣ Маріи [4]), произросъ для насъ отпрыскъ жизни, потому что она одна содѣлалась непорочною по душѣ и тѣлу.

28. Съ дерзновеннымъ умомъ она отвѣчала ангелу: откуда это привѣтствіе, и какъ это будетъ со мною? Ты научи [5]), какимъ образомъ величественная сила дѣлается подобострастною нашей нищетѣ? Какъ имѣющій власть надъ небесными силами воспринимаетъ образъ нашего уничиженія? Какъ предвѣчный Богъ можетъ сдѣлаться младенцемъ и воплотиться Тотъ, Кто одѣвается свѣтомъ, какъ одеждою, <и даетъ жизнь Своему творенію>? Научи меня,—сказала Святая Дѣва,—этой непостижимой тайнѣ, и я, при осѣненіи Святаго Духа, сдѣлаюсь сосудомъ, который приметъ божественную тайну (или мысль), и я воспріиму истинную плоть Его въ свою плоть, при созиданіи премудростію свыше [6]).

29. Слово стало плотію и обитало въ насъ, т. е., въ той самой плоти, которую Оно приняло отъ насъ и которая была одушевлена Духомъ—[виновникомъ] ея рожденія [7]). Неизмѣ-

---

[1]) Въ греч: произрасло для насъ присно-живое древо благодати.

[2]) Въ греч.: Блаженная во всѣхъ родахъ была исполнена духовной мудрости во всемъ. Ни одна изъ женъ не сдѣлалась подобною ей, утвержденною во всѣхъ чувствахъ.

[3]) Въ греч.: и вслѣдствіе этого произошла многая борьба и труды святыхъ и преподобныхъ мужей.

[4]) Въ греч.: Но въ одной только нескверной и Приснодѣвѣ Маріи.

[5]) Въ греч.: я хочу узнать.

[6]) Отрывокъ: „ты научи меня—премудростію свыше“ въ греч. построенъ такъ: И ангелъ говоритъ къ ней: поистинѣ такъ сіе благоизволилъ (Богъ), чтобы спасти собственное созданіе. Святая Дѣва изслѣдовала столь непостижимое таинство и содѣлалась вмѣстилищемъ божественныхъ тайнъ, при осѣненіи Святаго Духа. И воспринята истина плоти, и премудрость создала домъ (Притч. IX, 1).

[7]) Въ греч.: которую приняло отъ человѣка, и которую духъ разумной души одушевилъ (καὶ πνεῦμα ψυχῆς λογικῆς ἐφύχωσεν.

имый Богъ воспринялъ образъ раба, чтобы вѣрующими почитаться, какъ человѣкъ, а невѣрующимъ открыться, какъ Богъ, <да обновитъ первозданнаго>.

30. Отъ святой Дѣвы воспринялъ плотское естество Сынъ Божій, ибо Онъ есть Богъ прежде вѣковъ. Онъ благоизволилъ родиться, быть именованнымъ Сыномъ человѣческимъ и сдѣлаться видимымъ, будучи невидимымъ; ради насъ обнищаваетъ Тотъ, Кто есть всякое богатство, и безстрастный и безсмертный страдаетъ, какъ человѣкъ [1]). Онъ <истинно> соединился съ плотью, но не измѣнился духомъ. Невидимый облекся въ смертное тѣло [2]), чтобы и его содѣлать безсмертнымъ, дѣлая его сопричастнымъ въ безсмертіи Божеству, <да обновитъ созданнаго Своею святою рукою>.

31. <Слава и> свѣтъ пришелъ въ міръ—Христосъ Богъ нашъ, <прославляя и> просвѣщая все присно-текущимъ свѣтомъ,—Онъ, о Которомъ гласъ невидимаго Отца свидѣтельствовалъ: «Сей Сынъ Мой и Слово, Который прежде вѣковъ» (ср. Мѳ. III, 17).

32. Марія была успокоена словомъ ангела, однако размышляла въ себѣ о рожденіи Господа, наталкиваясь на несоизмѣримость его съ человѣческою мыслью: то она возносится на высоту Божественнаго, то опять ея умомъ овладѣваетъ уничиженность человѣчества. И когда такимъ образомъ она колеблется на вѣсахъ размышленія то въ ту, то въ другую сторону, въ это именно время она дѣлается <истинно> достойною опредѣленнаго божественнаго рѣшенія. Ибо, сохранивши чистое сокровище дѣвства неповрежденнымъ, она сдѣлала непреклоннымъ и рѣшеніе своего сердца. И [такимъ образомъ] спасена тварь, которую Онъ создалъ по Своему образу [3]).

33. Христосъ, Сынъ Божій, родившійся [4]) отъ <святой> Дѣвы [5]), пришелъ <въ міръ>, какъ благодать [6]); создавшій всяческая оживилъ [7]) насъ благодатію. Нынѣ родился въ мірѣ Хри-

---

[1]) Въ греч.: Ибо будучи Сыномъ Божіимъ и предвѣчнымъ Богомъ, Онъ удостоилъ содѣлаться сыномъ святой жены, невидимый дѣлается видимымъ и богатый ради насъ обнищаваетъ и безстрастный и безсмертный страдаетъ, какъ человѣкъ.

[2]) Въ греч.: необъятный заключился въ смертное тѣло.

[3]) Въ греч.: Итакъ, святая исполнилась внутренней радости чрезъ Того, Кто отъ нея воспринялъ плоть.

[4]) Въ греч. + неизреченно. [5]) Въ греч. + Маріи.

[6]) Въ греч. + для насъ. [7]) Въ греч.: спасаетъ.

стосъ, — и вся тварь ликуетъ. <Въ залогъ Онъ даетъ Свое искупленіе, червонецъ долготерпѣнія, чтобы пріобрѣсти [для насъ] обители царства. Святая Дѣва исполнилась радости, потому что отъ нея Онъ воспринялъ Свою плоть, чтобы опять возстановить подпавшаго грѣху.

34. Да отвратятся отъ насъ дурные помыслы, когда мы воспѣваемъ псалмы Тебѣ, Небесный и Святый Отче, взирая на великій свѣтъ, который Ты даровалъ намъ, Іисуса Христа, рожденнаго отъ святой Дѣвы и Божествомъ Своимъ творящаго чудеса, однако ради насъ принимающаго страданія Своею плотію>. Посему и мы, еще сущіе во плоти, поспѣшимъ <тѣломъ и душею> умилостивить Бога ангельскими славословіями, посредствомъ испытаннаго образца вѣрно всѣмъ въ нашу мысль истину божественныхъ ученій. Ибо тайна эта непостижима, невидима, неизмѣнна, неописуема, въ молчаніи поклоняемая и страшная для ума. Ибо даже святая <Дѣва> сама изумлялась способу, какъ сіяніе свѣта бываетъ рожденіемъ жены? Она скрывала въ себѣ сокровище жизни и продолжала размышлять о привѣтствіи архангела, доколѣ не принесла зрѣлаго плода спасенія, <долженствовавшаго спасти [или: обновить] человѣка>.

35. Такъ вотъ прекрасные цвѣты ученія Христова производятъ <намъ на этомъ мѣстѣ> плоды благословенія; такъ всякая чистота и благоуханіе съ чистою совѣстію приносятъ Богу ѳиміамъ молитвы. Такъ дѣвство и ликовствующее цѣломудріе плодоносятъ живоносный гроздъ. Такъ знаменія побѣдоносной силы произращаютъ намъ сокровища любви. Такъ таинство Святой Троицы открыто ангеломъ Дѣвѣ по Евангелію: «Духъ Святый найдетъ на тебя и сила Всевышняго осѣнитъ тебя, посему рождаемое отъ тебя святое наречется Сыномъ Божіимъ,— Ему слава и честь во вѣки вѣковъ [1]).

---

[1]) Въ греч.: Ему слава и держава и поклоненіе во вѣки. Аминь.

Фрагменты твореній св. Григорія Чудотворца.

I.

Фрагменты догматическаго содержанія.

1. Изъ слова „О Троицѣ“ [1]).

Во всѣмъ я усматриваю три существенныхъ [момента]—сущность, родъ, имя. Мы говоримъ о человѣкъ, рабѣ, кураторѣ,—о человѣкѣ, по сущности, о рабѣ—по происхожденію или по состоянію, о кураторѣ—по званію. Мы говоримъ также объ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ, и однако это не имена, которыя [только] впослѣдствіи привзошли бы къ нимъ, но ипостаси. Названіе же «человѣкъ» не есть на самомъ дѣлѣ названіе, но общая людямъ сущность, и есть собственное обозначеніе всѣхъ людей; имена же суть Адамъ, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ; это, говорю,—имена. Божественныя ипостаси, конечно, суть имена; однако имена суть ипостаси; ипостаси же обозначаютъ то, что существуетъ и составляетъ то, что есть сущность Божія. Имя также обозначаетъ дѣйствительно существующее естество, какъ напр., если бы мы говорили «человѣкъ». Всѣ (ипостаси)—едино естество, едино существо, едина воля и называются Святой Троицей, которыя суть дѣйствительно существующія имена, одно естество въ трехъ ипостасяхъ, какъ одинъ родъ. Ипостась же Сына—соединенная, именно единая изъ двухъ, то есть изъ Божества вмѣстѣ и человѣчества, которыя два составляютъ едино. Однако Божество отъ этого не

[1]) Напечатанъ у Mai, Spicilegium Romanum, t. III, p. 696—699.

получаетъ никакого приращенія, но Троица пребываетъ, какъ была. И съ ипостасями, конечно, или съ именами не происходитъ ничего новаго, но они вѣчны и безвременны. Однако никто не въ состояніи былъ познать ихъ прежде, чѣмъ Сынъ, содѣлавшись плотію, открылъ ихъ, говоря: Отче, Я открылъ имя Твое человѣкамъ; прославь Меня и Ты, чтобы знали Меня—Сына Твоего [1]). На горѣ же Отецъ возгласилъ, говоря: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный [2]). И Онъ же послалъ на Іорданъ Своего Святаго Духа. И такимъ образомъ намъ доказано было, что равночестная Троица вѣчна.

Далѣе, рожденіе Сына отъ Отца непостижимо и неизреченно, и такъ какъ оно духовно, то недоступно изслѣдованію, ибо духовный предметъ не можетъ быть ни постигнутъ, ни изслѣдованъ тѣлеснымъ предметомъ; ибо для этого человѣческой природѣ недостаетъ многаго. Мы—люди, конечно, знаемъ наше рожденіе, равно какъ и рожденіе иныхъ предметовъ; но духовный предметъ выше человѣческаго состоянія и никакимъ образомъ не можетъ быть постигнутъ человѣческимъ мышленіемъ. Духовная сущность не можетъ ни погибнуть, ни разрушиться; наша же, именно какъ легкая для постиженія, погибаетъ и разрушается. Ибо какъ можетъ произойти, чтобы человѣкъ, который окруженъ съ шести сторонъ—востока, запада, сѣвера, юга, бездны и неба—могъ постигнуть предметъ, который выше неба, ниже бездны, дальше сѣвера и юга, и который находится во всякомъ мѣстѣ и всякую пустоту наполняетъ? А если бы мы были въ состояніи изслѣдовать духовную сущность, то и ея возвышенность совершенно погибла бы. Разсудимъ, что происходитъ въ нашемъ тѣлѣ, и далѣе посмотримъ, возможно ли намъ знать, какимъ образомъ отъ сердца раждаются помышленія, отъ языка—слова и под. Если уже о томъ, что въ насъ, мы знаемъ очень мало, то какъ можетъ случиться, чтобы мы постигли таинство несозданнаго Творца, которое превосходитъ всякій умъ? Въ самомъ дѣлѣ, если бы человѣку было доступно это таинство, то божественный Іоаннъ никоимъ образомъ не утверждалъ бы: Бога никто не видѣлъ никогда [3]) Итакъ, Кого никто никогда не видѣлъ, Тотъ кому долженъ

---

[1]) Іоан. XVII, 6. 5.
[2]) Мѳ. XVII, 5; Лк. IX, 35.
[3]) Іоан. I, 18.

считаться подобнымъ, чтобы мы отсюда могли знать Его рожденіе? И мы, конечно, безъ всякаго сомнѣнія знаемъ, что наша душа обитаетъ въ насъ, будучи соединенною съ тѣломъ,—однако, кто когда-нибудь видѣлъ свою душу? кто могъ разглядѣть ея соединеніе съ тѣломъ? Мы знаемъ только то, что душа въ насъ связана съ тѣломъ.

Посему такъ мы утверждаемъ и вѣруемъ, что Слово рождено отъ Отца, не считая однако изслѣдованнымъ или не зная способа этого. Оно прежде всякаго творенія, вѣчное отъ вѣчнаго, какъ источникъ отъ источника и свѣтъ отъ свѣта. Правда, терминъ «слово» относится къ тѣмъ тремъ родамъ словъ, которыя употребляются въ Писаніи и не являются ипостасными, именно [слово] въ мысли (τὸ κατ' ἔννοιαν), [слово] обнаруженное (προφορικόν) и [слово] членораздѣльное (ἀρθρικόν). Первое (τὸ κατ' ἔννοιαν) на самомъ дѣлѣ не есть сущность. Προφορικόν же—это тотъ голосъ, который пророки слышатъ отъ Бога или самая пророческая рѣчь; и оно, конечно, не есть сущность. Наконецъ, ἀρθρικόν есть человѣческая рѣчь, получившая форму въ воздухѣ, состоящая изъ словъ,—она равнымъ образомъ не есть сущность. Но Божіе Слово есть сущность, надѣлено возвышенной и сильной природой, совѣчно Ему [Богу] и неотдѣлимо отъ Него и не погибнетъ, но пребудетъ въ вѣчномъ соединеніи. Это Слово сотворило небо и землю, и въ Немъ создано все. Оно есть мышца и сила Божія, никогда неотдѣлимо отъ Отца вслѣдствіе недѣлимости природы, и вмѣстѣ съ самимъ Отцемъ не имѣетъ начала. Оно восприняло отъ Маріи Дѣвы нашу сущность, и посколько Оно духовно, Оно нераздѣльно равно [Отцу]; посколько же Оно тѣлесно, Оно одинаковымъ образомъ и неотдѣлимо равно намъ. И снова, посколько Оно духовно, Оно сравнивается со Святымъ Духомъ неотдѣлимо и безпредѣльно. И было не два, но едино естество Святой Троицы прежде воплощенія Сына Слова; также и по воплощеніи Сына естество Троицы пребыло единымъ. Если же кто вѣруетъ, что вслѣдствіе воспріятія Словомъ человѣчества произошло приращеніе въ Троицѣ, тотъ чуждъ намъ и служенію каѳолической и апостольской Церкви. Это—правая, святая, апостольская, вѣра святаго Бога. Слава Троицѣ Святой во вѣкъ и въ вѣкъ вѣка. Аминь.

2. О Святой Троицѣ [1]).

Изъ того, что въ насъ, можно познать и то, что выше насъ, ибо и Ветхій и Новый Завѣтъ знаетъ проповѣдывать единаго Бога съ Словомъ и Духомъ,—отсюда и Троица единосущная. Ибо Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ [2]) — отсюда и единица въ Троицѣ познается. Итакъ, изъ нашего примѣра можно познать и божественное. Ибо въ книгѣ Бытія Богъ говоритъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію [3]). Онъ береть не видимое въ человѣкѣ, но умопостигаемое, ибо видимое сложно, а Богъ простъ и несложенъ; умопостигаемое же есть умъ, слово и духъ человѣка. Сіи три равны въ человѣкѣ, ибо и умъ рождаетъ слово, и слово движетъ умъ, и ни умъ [не бываетъ] отдѣльно отъ слова, ни слово безъ ума. Подобнымъ же образомъ слово исходитъ изъ ума, когда въ насъ есть и духъ. Сіи три равны въ насъ, такъ какъ не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Итакъ, умъ остается умомъ, рождая слово, и слово остается словомъ. и духъ остается духомъ. Такъ должно мыслить и относительно божественной сущности; потому что Отецъ остается Отцемъ и не дѣлается Сыномъ, и Сынъ остается Сыномъ и не есть Отецъ, и Духъ остается Духомъ и не есть ни Сынъ, ни Отецъ, но Духъ Святый. Ибо Отецъ рождаетъ Сына и есть Отецъ, и рожденный Сынъ есть Слово и остается Сыномъ; подобнымъ образомъ и Святый Духъ, иже отъ Отца исходитъ [4]) есть Духъ Святый, Которымъ все освящается. Итакъ, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ— Троица единосущная. И въ насъ, созданныхъ по образу Божію, есть умъ, слово и духъ, три нераздѣльныхъ и равныхъ. И умъ рождаетъ слово безстрастно; но слово не можетъ произойти изъ ума отдѣльно отъ духа. Отсюда и въ насъ три ипостаси, но единъ человѣкъ по умопостигаемому въ трехъ ипостасяхъ [именно]- въ томъ, что мы имѣемъ умъ, слово и духъ.

---

[1]) Изъ рукописи Мюнхенской Королевской Библіотеки (Cod. graec. Monac. D IX, bomb., 4°, Saec. XV), p. 368 sq., напечатанъ C. P. Caspari въ Theologisk Tidsskrift. Ny Raekke. VIII. Christiania 1882, S 53—59.

[2]) Пс. 36, 6. [3]) Быт. 2, 26. [4]) Іоан. 16, 23.

3. Сей [1]) есть Тотъ, Который нѣкогда вывелъ первый народъ изъ Египта; Сей есть Тотъ, Который въ концѣ временъ всѣхъ насъ, т. е. человѣческій родъ, свободилъ отъ смерти и вывелъ изъ преисподней. Сей есть Тотъ, Который, какъ овча былъ закалаемъ и считался между овцами; но въ концѣ временъ Онъ Самъ былъ заклanъ за насъ: Пасха наша пожренъ бысть Христосъ [2]).

4. Богъ не подпадаетъ власти природы; но чего хочетъ Богъ, то и есть природа.

5. Безуменъ и безразсуденъ тотъ, кто утверждаетъ, что Богъ Слово претерпѣлъ страданіе вмѣстѣ съ своимъ храмомъ [т. е. тѣломъ] [3]).

6. Изъ произведенія на слово: яко идолъ ничто же есть въ мірѣ (1 Кор. VIII, 4 [4]).

Честь, воздаваемая истинно сущему Богу, безусловно есть честь и для самого чтущаго; честь же, воздаваемая не сущему Богу, напротивъ служитъ безчестіемъ и для самого почитающаго.

Если естество противодѣйствуетъ, то все тщетно.

7. Изъ трактата «О воскресеніи» [5]).

а) Іисусъ часто былъ приглашаемъ на вечери и въ присутствіи всѣхъ ѣлъ и пилъ, и дѣлалъ это не для того, чтобы обмануть (зрителей) и не призрачно только, какъ нѣкоторые думаютъ. Всю эту пищу Онъ принималъ, чтобы распростра-

---

[1]) Этотъ и слѣдующій фрагменты напечатаны у *Joh. Pitra*, Analecta sacra spicilegio solesmensi parata. T. 4. Parisiis. 1883, p. 386.

[2]) Кор. V. 7.

[3]) Напечатанъ у *Assemanus*, Bibliotheca Orientalis, t. 3, pars I, p. 542 a.

[4]) Сохранился въ Sacra Parallela; см. K. Holl, Fragmente vornicänischer Kirchenväter aus den Sacra Parallela. Leipzig 1899, S. 159.

[5]) Напечатанъ у *Joh. Pitra*, Analecta Sacra spicilegio solesmensi parata. T. 4, Parisiis 1883, p. 376—377.

нить о Себѣ молву, что Онъ ядца и винопійца. Если же кто-нибудь скажетъ, что Онъ ѣлъ и пилъ призрачно и зрители называли Его ядцей и винопійцей, потому что не знали истины, — кто такъ думаетъ, пусть убѣдится тѣмъ, что сказано: пришелъ Сынъ Человѣческій, чтобы ѣсть и пить [1]). Какимъ же образомъ кто-нибудь осмѣлится сказать, что Онъ не ѣлъ и не пилъ. Это значило бы не вѣрить тому, чему Онъ училъ.

б) Также и обрѣзаніе, которымъ Онъ былъ обрѣзанъ, не препятствуетъ намъ говорить, что обрѣзано было тѣло, подобное намъ.

в) Всѣмъ извѣстно, что̀ изъяснено было относительно обрѣзанія крайней плоти; поэтому обрѣзаніе можетъ смутить противниковъ, которые не въ состояніи доказать [существованія такого] духовнаго тѣла, которое было бы обрѣзано земнымъ желѣзомъ. Поэтому многіе не признавали недостойнымъ писать о крайней плоти и составлять о ней трактаты, чтобы показать, что ея нѣтъ у существъ духовной природы. Не меньше ими ставятся въ затрудненіе и тѣ, которые утверждаютъ, что тѣло Христа было душевно (ψυχικόν). Ибо въ [въ такомъ случаѣ] для насъ возникаетъ то же сомнѣніе относительно крови и воды, которыя истекли изъ бока, когда однимъ изъ воиновъ онъ пронзенъ былъ копьемъ. Но тому, кто уразумѣлъ уже сказанное, знаки гвоздей на Его тѣлѣ показываютъ, что у Него была истинная плоть, а не божественная плоть, которая выше язвъ.

г) А если это такъ, то не будемъ обращать вниманія на тѣхъ, которые говорятъ, что Онъ родился чрезъ Марію, а не отъ Маріи, какъ объ этомъ опредѣленно учитъ Павелъ, говоря: ибо когда пришла полнота временъ, Богъ послалъ Сына Своего, и Онъ [родился] отъ жены и подчинился закону, чтобы искупить подзаконныхъ [2]). Ибо онъ не сказалъ, что Онъ былъ чрезъ жену, но отъ жены.

д) Но вмѣстѣ съ тѣмъ думаютъ, что это былъ какъ бы призракъ. Ибо то, о чемъ думаютъ, что оно плоть и что всѣмъ людямъ представляется плотью, когда оно на самомъ дѣлѣ не плотского естества, должно считаться не чѣмъ инымъ, какъ призракомъ.

---

[1]) Мѳ. XI, 19. [2]) Гал. IV, 4. 5.

II.

Фрагменты экзегетическаго содержанія.

1. На цѣлую главу (Іов. III [1]).

Сравнивая все бѣдствіе на землѣ и весь трудъ съ блаженнымъ пребываніемъ въ раю, священные пророки и апостолы воздыхаютъ надъ этимъ міромъ. Дѣйствительно, относительно нынѣшнихъ дней божественный Павелъ учитъ насъ въ краткихъ словахъ, въ которыхъ говоритъ: дорожи временемъ, потому что дни лукавы [2]). И о Христѣ говоритъ: за грѣхи наши отдалъ Самого Себя, чтобы избавить насъ отъ настоящаго лукаваго вѣка [3]). И далѣе говоритъ: находясь въ этой хижинѣ мы воздыхаемъ [4]). И Давидъ плачетъ: горе мнѣ,—проживаніе мое продолжилось [5]). И Іеремія говоритъ: проклятъ человѣкъ, который принесъ вѣсть отцу моему: вотъ у тебя родился сынъ [6]). Для чего же это я вышелъ изъ утробы? Это голосъ скорбящаго и отягченнаго, не переносящаго перваго дня бытія.

Такова и цѣль рѣчей Іова, великаго борца; ибо онъ, не будучи въ состояніи примирить жизнь настоящую съ прежнею, бѣдность и нужду съ жизнью въ богатствѣ, когда у него были въ изобиліи стада скота и овецъ, а также съ настоящею бездѣтностью прежнее благочадіе, или болѣзнь съ здоровьевъ, сказалъ это, хотя на самомъ дѣлѣ ему можно было считать благословенными тѣ дни, въ которые онъ получилъ все, что есть въ этомъ мірѣ, проклятыми же считать только тѣ, въ которые онъ терпѣлъ противоположное, даже не такое, какое онъ испыталъ [въ послѣднее время]. Ибо какимъ образомъ столь великій борецъ, размысливши съ самимъ собою и о томъ, какъ всѣ дни,—какъ настоящіе, такъ и прежніе,—были для него днями зла, возвратившись къ самому началу, проклинаетъ первый день и ночь въ которую родился? И да не войдетъ она въ дни года, говоритъ онъ,—и да не считается въ числѣ мѣсяцевъ [7]), такого рода дней и годовъ,—

---

[1]) Напечатанъ у *Joh. Pitra*, Analecta sacra spicilegio solesmensi parata. T. 3. Parisiis 1883 p. 589—591.

[2]) Ефес. V, 16. [3]) Гал. I, IV. [4]) 2 Кор. V, 4.

[5]) Пс. CXIX, 5. [6]) Іерем. XX, 15. [7]) Іов. III, 6.

какихъ? И иное также обдумываетъ, говоря: помыслилъ я о дняхъ древнихъ и лѣтахъ вѣчныхъ [1]), но такихъ, которые не измѣряются подобнымъ временнымъ разстояніемъ. Ночь та да будетъ печальною, и даже не войдетъ въ нее веселіе и радость [2]).

Онъ говорилъ то, что естественно пришло ему [на мысль]: пусть никогда не придетъ истинное веселіе и радость на этотъ день и ночь, но пусть проклянетъ ее — говоритъ — проклинающій тотъ день, намѣревающійся одолѣть великаго кита [3]). Опять и здѣсь пророкъ такъ намекаетъ, какъ будто дни по природѣ бываютъ такими, когда говоритъ: проклятъ день тотъ, присоединяя потомъ: проклянетъ его проклинающій день тотъ, не съ тою цѣлью, чтобы это теперь совершилось; но пусть совершится то, что совершается, говоря: пусть проклянетъ этотъ день тотъ, кто намѣренъ одолѣть великаго кита, какъ будто есть что-нибудь общее между великимъ китомъ и тѣмъ днемъ, именно совершить теперь, чтобы китъ былъ плѣненъ. Ибо онъ тогда впервые беретъ въ руки человѣка, когда приходящая въ бытіе душа дѣлается во всемъ подвластной такъ называемому духу міра. Не радуется же и этотъ и всякій святой въ этотъ день, въ который радуется китъ.

2. О притворствѣ

(на Іерем. IX, 8—26 [4]).

Ст. 8. Ближнему своему говоритъ мирное, а въ себѣ имѣетъ вражду и пр.

Книжники и фарисеи народа іудейскаго не унаслѣдовали бы отъ Спасителя многократнаго «горе», если бы не было въ нихъ лицемѣрія. Ибо въ обличеніяхъ ихъ грѣховъ Господь не переставалъ по всякому поводу прежде всего говорить: горе вамъ, книжники и фарисеи лицемѣры [5]), называя ихъ гробами повапленными, которые снаружи кажутся людямъ красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты.

Ибо если мы сдѣлаемъ для ближняго что-нибудь доброе

---

[1]) Пс. LXXXI, 6. [2]) Іов. III, 7. [3]) Іов. III, 8.

[4]) Напечатанъ у *Joh. Pitra*, Analecta sacra spicilegio solesmensi parata. T. 3. Parisiis 1883, p. 211—295.

[5]) Мѳ. XXIII, 27.

по нелицемѣрной любви, то мы услышимъ отъ Спасителя: посколько вы сдѣлали одному изъ этихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, сдѣлали Мнѣ [1]). Такимъ же образомъ, какъ если мы показываемъ по отношенію къ брату что-нибудь дурное, обнаруживая при этомъ лукавое и гнусное лицемѣріе или какой бы то ни было другой грѣхъ, подобно тому мы согрѣшаемъ и въ отношеніи къ Богу. Итакъ, братіе, лицемѣріе — нѣчто ужасное и враждебное; оно — сокрытое въ сердцѣ коварство для обмана тѣхъ, которые ведутъ себя просто, прельщаетъ обладающихъ любовью, одно говоря устами, а другое имѣя въ сердцѣ.

Не хорошо высокомѣріе, заключающее въ себѣ много тщеславія; ибо ясно, что всякое совершенное благо отъ Бога исходитъ [2]), и оно не иначе можетъ быть достигнуто человѣкомъ, какъ тогда только, когда дѣйствительно обнаруживается совершенная истинность сказаннаго, что хвалящійся чѣмъ нибудь долженъ превозноситься только тѣмъ, что онъ разумѣетъ и знаетъ, что Господь самъ творитъ милость и судъ и правду [3]), и что въ этомъ—воля Божія. Ибо таковой человѣкъ угоденъ Божеству, и онъ всегда обладаетъ постоянными и вѣрными благами, если относитъ причину настоящихъ благъ къ истинному Виновнику, къ Которому должно возводить причину и отъ Котораго должно ожидать благъ.

Какимъ образомъ Слово, наименовавши обрѣзанныхъ, потомъ называетъ не іудеевъ только, не израильтянъ, не домъ Іакова, и не самое употребительное собственное имя — Іуду, но включаетъ съ ними и египтянъ, и Эдома, и сыновей Аммона, и сыновей Моава, какъ всѣхъ необрѣзанныхъ сердцемъ своимъ. Неужели Слово хочетъ сказать что-нибудь въ такомъ родѣ, что сыны Израилевы, конечно, кажутся имѣющими законъ обрѣзанія, но ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ необрѣзанныхъ народовъ, будучи и сами необрѣзанными въ сердцѣ своемъ, какъ необрѣзанные во злѣ? Неужели, говорю, Слово хочетъ сказать что-нибудь въ такомъ родѣ, что сыны Іуды, конечно, имѣютъ слово объ обрѣзаніи и прочія изреченія Божіи, однако, ничѣмъ не отличаются отъ не имѣющихъ закона Божія, Египта и Эдома, сыновей Аммона и сыновей Моава?

Неужели оно называетъ обрѣзанными всѣхъ вмѣстѣ, не только израильтянъ и іудеевъ, но и остальные народы, какъ

---

[1]) Тамъ же, XXV, 40. [2]) Іак. I, 17. [3]) Пс. XXXII, 5.

показываютъ и читаемыя писанія? Ибо всѣхъ оно назвало обрѣзанными и затѣмъ поставило Египетъ и Іуду и прочіе народы. И какъ можно присоединиться къ тому, чтобы всѣхъ ихъ назвать обрѣзанными?

Если кто приведетъ на память [исторію] отъ начала, то найдетъ, что всѣ эти названные народы произошли отъ сѣмени Авраама. Авраамъ былъ обрѣзанъ, будучи девяноста девяти лѣтъ, самъ и его сыновья, Измаилъ и всѣ мужи дома его, и домочадцы и купленные изъ чуждородныхъ народовъ, — онъ обрѣзалъ ихъ. Ибо все это дословно написано въ книгѣ Бытія [1]). Но какимъ образомъ переводитъ обрѣзаніе на Египтянъ и на Эдома и на сыновъ Моава и на сыновъ Аммона? Обрѣзанъ былъ, какъ я сказалъ, Измаилъ, по закону, будучи тринадцатилѣтнимъ, именно какъ сынъ Авраама отъ Агари, рабыни египтянки.

И немного спустя. И поселился, — говоритъ, — Измаилъ въ пустынѣ, и сдѣлался стрѣлкомъ, и жилъ въ пустынѣ. Привела же ему мать его египтянку въ жену [2]). Ради чего все это мною разсказывается? Ищу обрѣзанныхъ въ Египтѣ, и ищу обрѣзанныхъ въ пустынѣ, — всѣхъ, которыхъ записываетъ Слово. Итакъ, оказывается, что они были изъ рода Измаила, который поселился въ пустынѣ, взялъ же жену египтянку, и я уже не колеблюсь, что это были или тѣ, которые въ Египтѣ были обрѣзаны, или тѣ, лицо которыхъ острижено и которые поселились въ пустынѣ. Ибо естественно, что Измаилъ перенялъ отеческій законъ Авраама, какъ происходящій отъ боголюбезнаго отца, и когда ушелъ изъ дома, то и самъ дѣлалъ, и потомкамъ своимъ передалъ то, что считалъ самымъ твердымъ для себя, какъ переданное отъ отца. Такимъ образомъ, конечно, возможно найти обрѣзанныхъ египтянъ или населяющихъ пустыню. А какъ же и Эдомъ? Этотъ Эдомъ и самъ происходитъ изъ сѣмени Авраама. У Авраама былъ сынъ Измаилъ отъ Агари, былъ же и Исаакъ отъ Сарры. У Исаака же опять было два сына, именно Исавъ и Іаковъ. Іаковъ не взялъ жены изъ чужой крови, ни изъ хананеянокъ, такъ какъ отецъ позаботился объ этомъ. Исавъ же взялъ въ жену дочь Измаила, сестру Навеоѳа, какъ очевидно, взявши въ жену двоюродную сестру по отцу, чуждую же по матери, и дѣлается отцомъ многихъ сыновей. Первороднымъ же его былъ Эдомъ, и меня под-

---

[1]) Быт. XVII, 23. [2]) Быт. XXI, 30.

твердитъ священное слово, которое говоритъ: это — родство Исава отца Эдома [1]). Итакъ, что сказано было немного раньше объ Измаилѣ, именно, что онъ, принявши отъ отца законъ объ обрѣзаніи, передалъ его потомкамъ своимъ, это намъ можно сказать и объ Исавѣ, что онъ, будучи сыномъ Исаака, сына Авраама, законъ, который получилъ отъ дѣда и отъ отца нерешедшій къ нему, передалъ и дѣтямъ и, можетъ быть, самъ обрѣзалъ Эдома. Неужели это не ясно?

А какъ же сыны Аммона и сыны Моава? Болѣе трудолюбивые знаютъ, что они—сыновья Лота, сына сестры Авраама.

И немного спустя. Итакъ, отъ Лота рожденъ былъ Аммонъ и Моавъ, каждый отъ его дочерей, когда дочери Лота, подумавши, что вся земля пустынна, такимъ образомъ хотѣли спасти родъ человѣческій. Именно у старшей родился Моавъ, что значитъ «отъ отца», и у второй Аммонъ, что значитъ «сынъ рода». Все здѣсь сказанное убѣждаетъ, что намъ уже не трудно согласиться, что всѣ такимъ образомъ въ священномъ словѣ названы обрѣзанными, когда самъ Іеремія свидѣтельствуетъ и о сынахъ Моава и о сынахъ Аммона, потому что и ихъ онъ перечислилъ среди обрѣзанныхъ.

И немного спустя. Если же нужно, чтобы намъ сверхъ того была и какая-нибудь польза отъ сказаннаго, то правильно можно сказать такъ: много родовъ людей имѣютъ наружный видъ праведности и носятъ на себѣ нѣкоторые слѣды закона Божія и нѣкоторымъ образомъ притворяются и лицемѣрно заботятся о добродѣтели; однако такое произволеніе у насъ только для видимости, притворства и обольщенія, а въ дѣйствительности мы совершенно не стремились искоренить изъ себя зло и поношеніе на Египетъ и на Идумеянъ.

Гл. X, 2. По путямъ язычниковъ не учитесь.

Чему же должно учиться? Учитесь закону Божію, который говоритъ: да не будетъ у тебя другихъ боговъ, кромѣ Меня, — боги, которые не сотворили неба и земли, да погибнутъ отъ лица земли и изъ-подъ небесъ [2]).

3. На Евангеліе Матѳея, гл. VI, ст. 22. 23 [3]).

Свѣтильникъ тѣла есть око. Итакъ, если око твое будетъ просто, то все тѣло твое будетъ

[1]) Быт. XXVIII, 9. [2]) Исх. XX, 3; Іерем. X, 11.

[3]) Напечатанъ у *Migne*, PG., r. t. X, col. 1189.

свѣтло. Если же око твое будетъ лукаво, то все тѣло твое будетъ темно.

Если же свѣтъ, который въ тебѣ, тьма, то какова же тьма?

Простой глазъ есть нелицемѣрная любовь, посредствомъ которой, когда тѣло освѣщается, не иначе обнаруживаются внутреннія помышленія, какъ чрезъ наружныя части тѣла. Лукавый же глазъ—притворная любовь, которая называется и лицемѣріемъ,—чрезъ нее все тѣло человѣка дѣлается темнымъ. Достойныя тьмы дѣла [человѣкъ] помышляетъ внутри, чрезъ внѣшнія же части обнаруживаетъ такія слова, которыя кажутся принадлежащими къ свѣту. Ибо они на самомъ дѣлѣ—волки, одѣтые въ овечьи шкуры: они омываютъ только наружныя части чаши и блюда, и не видятъ, что если не будетъ очищена внутренняя сторона ихъ, то и наружная не можетъ сдѣлаться чистою. Посему, ясно обличая это, Спаситель говоритъ: если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма, то какова тьма? То-есть: если любовь, которая кажется тебѣ свѣтомъ, вслѣдствіе скрытаго въ тебѣ лицемѣрія, есть дѣло достойное тьмы, то чѣмъ будутъ твои явныя преступленія? [1]). И апостолы представлены какъ свѣтъ и глаза всего міра; поэтому Господь, возвѣщая, сказалъ имъ: если вы устоите и не подвигнетесь, будучи свѣтомъ тѣла, то, вотъ, все тѣло міра просвѣщено; если же вы, будучи солью, потеряете силу, и будучи свѣтомъ. помрачитесь, то какова тьма, которая есть міръ?

4. На Матѳ. XVIII, 19 [2]).

Когда, чего просятъ уста молящагося, о томъ же помышляетъ и сердце, тогда, о чемъ бы ни попросилъ человѣкъ. будетъ ему всякое дѣло отъ Бога; ибо благодаря этому онъ показалъ, что и ни къ какому ближнему онъ не имѣетъ лицемѣрія, когда согласно съ помышленіями сердца онъ и устами говоритъ къ ближнему.

---

[1]) Дальнѣйшая часть фрагмента напечатана *Friedr. Baethgen*'омъ въ „Göttingische Gelehrte Anzeigen“ 1880, II, S. 1398, которымъ взята изъ „Symbolorum in Matthaeum tom. alt. quo continetur catena patrum graecorum XXX collectione Niceta interprete Corderio“. Tolosae 1647, p. 242 sp.

[2]) Изъ тѣхъ же катенъ,—у *Friedr. Baethgen*, Göttingische Gelehrte Anzeigen, 1880, II, S. 1398.

III.

Нравственныя наставленія [1]).

1. При всякихъ обстоятельствахъ должно имѣть попеченіе о благочестіи, которое справедливо называютъ матерью всѣхъ добродѣтелей; ибо оно—начало и конецъ добродѣтелей.

2. Знать Бога и всеобъемлющую и творческую причину—[въ этомъ] учители — глазъ и естественный законъ; первый направляетъ на видимое и отвердѣвшее [т. е. тѣлесное], второй, посредствомъ этого видимаго и благоустроеннаго, заключаетъ къ его первовиновнику.

3. Лучше вѣра подъ открытымъ небомъ, чѣмъ пышное богопочтеніе, и трое собравшихся во имя Господа лучше многихъ отвергающихъ Божество.

4. Ничто такъ не возвышенно предъ Богомъ, какъ очищенное слово и душа совершенная въ ученіи истины.

5. Единственное неизмѣнное и пребывающее благо—благочестіе.

6. Ибо недостижимое является нѣкоторымъ образомъ и не заслуживающимъ вѣры вслѣдствіе зависти; ибо для нечистыхъ душъ ничто прекрасное не достовѣрно.

7. Вотъ чего Богъ требуетъ отъ христіанъ: правой вѣры отъ души, истины отъ языка и чистоты отъ тѣла.

---

[1]) Напечатаны у *Vict. Ryssel*, Gregorius Thaumaturgus. Sein Leben und seine Schriften. Leipzig 1880, S. 52—54.

Заклинаніе иже во-святыхъ отца нашего архіерарха и чудотворца Григорія на духовъ нечистыхъ [1]).

Въ началѣ было Слово и Слово было у Бога и Слово было Богъ. Оно было въ началѣ у Бога. Все чрезъ Него начало быть, и безъ Него ничто не начало быть, что начало быть. Въ Немъ была жизнь и жизнь была свѣтъ человѣковъ. И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не объяла (Іоан. 1, 1—5).

На васъ, духи нечистые, духи лукавые, родъ безстыдный, гнусный, корень заблужденія, начало беззаконія, древо грѣха, дрова геенскія, пища огня, лукавые демоны, услаждающіеся запахомъ жертвеннаго дыма, чада діавола, противники созданія Божія, летающіе подъ небесами, летающіе въ воздухѣ, летающіе въ эѳирѣ, сущіе на землѣ, въ глубинѣ, живущіе на горахъ, покоющіеся въ лѣсахъ, обитающіе на кладбищахъ, пребывающіе на дорогахъ, проникающіе въ горы, скрывающіеся въ разсѣлины скалъ, покоющіеся въ рощахъ, скрывающіеся въ пустыняхъ и подобныхъ мѣстахъ, укрывающіеся подъ тѣнью деревьевъ, тростника, папируса, кувшинки, сбивающіе съ путей, сидящіе подъ водами, увлекающіе къ утесамъ, плавающіе по рѣкамъ, бродящіе по пропастямъ, исходящіе изъ источниковъ, ночующіе на дорогахъ, кружащіеся въ безсвѣтныхъ мѣстахъ, обитающіе въ баняхъ и откуда бы то ни было приходящіе, демоны лукавые, покоющіеся на водахъ, сохраняемые на отмщеніе, въ пещь вѣчную, въ наказаніе непрестающее, на мученіе огненное, на пытку лютую, въ наказаніе жестокое,—на васъ и на родъ вашъ безстыдный, на родъ вашъ разнообразный, на видъ вашъ странный, не на видъ, не на изображеніе, не на образъ, не на созданіе Божіе. За-

[1]) Взято изъ *рукописнаго* Евхологія (X—XI в.) Іерусалимской библіотеки Свято-Гробскаго подворья въ Константинополѣ, № 355, *sel.* 81—85. Греческій текстъ заклинанія списанъ и любезно предоставленъ въ наше распоряженіе проф. И. А. Карабиновымъ.

претитъ вамъ Богъ вѣчный, вѣдущій сокровенное, невидимый, нетлѣнный, неизреченный, неописуемый, неизъяснимый, безначальный, единоначальный, нерожденный, рожденный, вѣчный, неизмѣнный, безсмертный, Богъ, единый имѣющій безсмертіе, свѣтъ обитающій неприступно, Котораго никто изъ людей не видѣлъ и не можетъ видѣть (1 Тим. 6, 16). Онъ повелѣваетъ вамъ—духамъ нечистымъ, царствующій Богъ, Господь господствующихъ, Зиждитель всяческихъ, Творецъ всего, Создатель людей, Владыка душъ, имѣющій власть надъ жизнью и смертью, наказующій и снова исцѣляющій, низводящій до вратъ адовыхъ и возводящій, гордымъ противящійся, смиреннымъ же дающій благодать (Притч. 3, 34), сидящій на высокихъ и на смиренныхъ призирающій, Творецъ всѣхъ архангеловъ, царь всѣхъ силъ, воздвигшій небеса и водрузившій твердь, утвердившій луну, зажегшій звѣзды, основавшій землю, утвердившій горы и поставившій на вѣсахъ и на чашахъ вѣсовыхъ холмы, сотворившій источники и учинившій бездны и деревья сдѣлавшій плодоносными и различныя деревья поставившій, сотворившій животныхъ движущихся и летающихъ повелѣніемъ явившій, измѣрившій небо пядью и землю горстью, нечестивыхъ истребляющій, гордыхъ погубившій потопомъ, праведнаго же Ноя спасшій въ ковчегѣ, Адама за преслушаніе изгнавшій, и разбойника за послушаніе въ рай пріявшій, Авеля принявшій и Каина проклявшій, Эноха преложившій и падшихъ ангеловъ въ узахъ мрака низвергшій въ адъ, предавши ихъ соблюдать на судъ для наказанія, Содомъ и Гоморру попалившій и Ниневію ради покаянія помиловавшій, Лота спасшій и жену его за невѣріе обратившій въ столпъ, Авраама обогатившій и Авимелеха наказавшій, Іакова возлюбившій и Исава возненавидѣвшій, Исаака по обѣтованію въ жертву живую пріявшій, Іосифа сохранившій и египтянку посрамившій, Моисея спасшій и фараона поразившій, потомъ евреевъ спасшій и египтянъ потопившій въ глубину, Моисея и народъ утвердившій и Ваала истребившій,—Имъ заклинаю васъ, духи нечистые, Богомъ, призирающимъ на землю и заставляющимъ ее трястись, прикасающимся къ горамъ, и онѣ дымятся (Пс. 103, 32),—Имъ заклинаю васъ, духи нечистые, безстыдные, Богомъ, предъ Которымъ трепещетъ вся тварь, посылающимъ молнію, дающимъ дождь на землю, произращающимъ траву скотамъ и злакъ на служеніе людямъ, чтобы дать имъ пищу благовременно; ибо когда Ты дашь имъ, они

соберутъ; когда Ты открываешь руку Свою, все исполнится благостыни (Пс. 146, 8; 103, 14, 27, 29). Итакъ, этою силою я повелѣваю вамъ, духамъ нечистымъ и тѣмъ, которые повинуются вамъ—выйти изъ человѣка сего, и не являться, но удалиться; и не говорите: мы человѣкомъ изгоняемся, духи скверные и нечистые. Ибо я, грѣшный и смиренный, немощенъ предъ Богомъ моимъ: я — земля и прахъ... [1]) и быть изгнаннымъ словомъ. Такъ что благодать дарована сынамъ человѣческимъ, вѣрующимъ въ Него. Сказавшій ученикамъ: духовъ изгоняйте, прокаженныхъ очищайте, даромъ получили,—Онъ повелѣваетъ вамъ—духамъ нечистымъ удалиться изъ этого человѣка, сущій у Бога, Богъ Слово Отчее, чтобы вы удалились изъ всякаго члена его—изъ головы, чела, ушей, глазъ, бровей, носа, слезъ, губъ, десенъ, зубовъ, языка, устъ, позвоночника, дыхательныхъ каналовъ, горла, шеи, ключицъ, плечей, спины, мышцъ, предплечья, рукъ, пальцевъ, груди, сосцовъ, сердца, желудка, печени, селезенки, почекъ, желчи, реберъ, реберныхъ хрящей, чрева, пупа, чреслъ, крѣпости, лодыжекъ, бедеръ, колѣнъ, голеней, икръ, ступни, пальцевъ на ногахъ, ногтей, подошвъ, отъ волосъ головы до волосъ ногъ, отъ правой стороны до лѣвой, и отъ внутреннихъ органовъ до наружныхъ, костей, реберъ, мозговъ, связей, отъ всего тѣла. Заклинаю васъ, звѣздовидные, глухіе, нѣмые, косноязычные, безстыдные, дѣлающіе безумными, удерживающіе языкъ, скрежещущіе зубами, вызывающіе слезы, угрюмые... [1]) схватывающіе сердца, дѣлающіе разслабленными, производящіе убійства, вызывающіе привидѣнія, являющіеся въ призракахъ, пугающіе, болтливые, производящіе оцѣпенѣніе, наводящіе уныніе, ввергающіе въ огонь, влекущіе въ пустыни, гонящіе въ могилы. Да не будетъ общенія съ ними ни въ пищѣ, ни въ питьѣ, ни во снѣ, ни въ бодрствованіи, ни въ дѣлѣ, ни въ отдыхѣ, ни въ пробужденіи, ни во всякомъ входѣ и исходѣ, ни въ надѣваніи одежды, ни въ раздѣваньи, ни ночью, ни днемъ, или утромъ, или въ полдень, ни вечеромъ, ибо я не молюсь вамъ въ обращеніи къ вамъ, въ ѳиміамахъ или въ возліяніи или возливаніи вина, или въ ладанѣ, или въ пролитіи крови, но крѣпкому и живому; ибо слово Божіе живо и дѣйственно и острѣе всякаго меча обоюду остраго и проникающее до раздѣленія души и тѣла и судитъ о помышленіяхъ и

[1]) Не прочитано одно слово.

намѣреніяхъ сердечныхъ (Евр. 4, 12), и потому что нѣтъ твари неявленной предъ Нимъ, но все обнажено и открыто предъ очами Его. Къ вамъ слово, которое изгонитъ васъ въ вѣчный огонь, уготованный вамъ, духамъ нечистымъ. Посему не противьтесь духи нечистые, но помните о судѣ, уготованномъ вамъ и подчинитесь божественному слову, дабы и въ этомъ [вы не?] имѣли оправданіе [я], говоря: мы не слышали имени Твоего нарицаемаго и удалились, владыко. Заклинаю васъ, духи нечистые Іисусомъ Христомъ, Спасителемъ всѣхъ, Сыномъ Божіимъ Единороднымъ и Ангеломъ великаго совѣта, изъ отческаго лона происшедшимъ прежде всѣхъ вѣковъ, Которымъ сотворено все, видимое и невидимое, въ послѣдніе дни пришедшимъ къ намъ изъ дѣвственной утробы и исцѣлившимъ всякую болѣзнь и всякую немощь, сокрушившимъ васъ и погрузившимъ въ море. Изгоняемые же Имъ и низвергаемые въ пропасть, вы исповѣдаете Его, говоря: о, что намъ и Тебѣ, Сынъ Бога живаго? Ты пришелъ прежде времени мучить насъ (Мрк. 5, 7). Имъ заклинаю васъ, духи нечистые, при Понтіи Пилатѣ исповѣдавшимъ доброе исповѣданіе, заушеннымъ, біеннымъ, претерпѣвшимъ бичеваніе, распятымъ и погребеннымъ и въ третій день возставшимъ, совозставившимъ тѣла святыхъ, явившимъ Себя прежде всего Маріи и Маѳѣ, потомъ Своимъ ученикамъ, восшедшимъ на небеса и сѣдшимъ одесную Отца и опять грядущимъ со славою судить живымъ и мертвымъ, царству Котораго не будетъ конца, пославшимъ Своихъ учениковъ проповѣдать это слово во всѣ народы и крестить вѣрующихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, чтобы изгнать васъ скорѣе отъ человѣческаго рода и заставить васъ не имѣть общенія съ симъ храмомъ но чрезъ произнесенныя имъ заклинанія очиститься ему отъ всякаго сатанинскаго дѣйствія, испѣлиться ему чрезъ возрожденіе водою и Святымъ Духомъ, потому что подобаетъ поклоненіе и слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь.

СВЯТЫЙ МЕѲОДІЙ

ЕПИСКОПЪ И МУЧЕНИКЪ,

ОТЕЦЪ ЦЕРКВИ III-го ВѢКА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ЕГО ТВОРЕНІЙ.

ПЕРЕВЕДЕННЫХЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ПРОФЕССОРА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

Евграфа Ловягина.

Изданіе 2-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. ТУЗОВА. Гостиный дв., № 45.
1905.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 27-го іюля 1904 г.

Цензоръ, Іеромонахъ **Александръ**.

Спб. Типо-литографія М. П. Фролової. Галерная, 6.

Отъ издателя.

(Къ первому изданію).

Въ настоящемъ изданіи предлагаются, въ переводѣ съ Греческаго языка, всѣ творенія Святаго Священномученика Меѳодія, которыя до сего времени найдены. За границею они имѣли уже нѣсколько изданій; у насъ же въ Россіи, въ полномъ своемъ составѣ, они являются впервые, и притомъ въ переводѣ возможно близкомъ къ подлиннику. Издатель почтетъ себя совершенно счастливымъ, если, хотя въ малой мѣрѣ, достигнется цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду, приступая къ этому дѣлу. Цѣль эта заключалась въ томъ, чтобы ознакомить православныхъ читателей съ высоконравственнымъ ученіемъ Святителя Меѳодія, ученіемъ, которымъ онъ, насколько тщился руководить паству свою къ достиженію царствія небеснаго путемъ исполненія заповѣдей и обѣтомъ чистоты или дѣвства, настолько же и охранялъ ее, какъ отецъ чадъ своихъ, отъ ложныхъ ученій и навѣтовъ, которыми, въ первые вѣка христіанства, столь тревожима была Христова Церковь.

Читая творенія Святаго мужа, мыслію невольно переносишься въ тѣ, отдаленныя отъ насъ и по несходству и по разстоянію времена, когда послѣдователи Христа, озаренные свѣтомъ Его ученія, предавались Ему всецѣло, слѣдовали Ему безтрепетно, и вѣру и любовь къ нисшедшему съ небесъ Учителю не только доказывали воздержаніемъ и чистотою жизни, но запечатлѣвали ихъ, когда это требовалось, и своею собственною кровію среди жесточайшихъ пытокъ и истязаній.

Главнѣйшимъ же побужденіемъ къ изданію въ свѣтъ твореній Святаго Пастыря Тирской и Патарской церквей составляло ревностное желаніе воздать славу великому угоднику Божію, святителю Меѳодію, отъ дѣятельности котораго, по милости Божіей, сохранилось до настоящаго времени достаточно твореній, чтобы намъ возможно было по нимъ составить себѣ точное понятіе о возвышенной душѣ и свѣтломъ умѣ добраго пастыря стада Христова, и чтобы мы могли съ вѣрою и надеждою обращаться къ Нему, какъ ходатаю и заступнику нашему предъ престоломъ Вышняго и мудрому руководителю, могущему, молитвами своими, внести болѣе согласія, мира и любви въ жизнь современнаго общества и направить участь всѣхъ и каждаго къ лучшему.

М. М—въ.

16 мая 1877.
г. Царское Село.

СВѢДѢНІЯ

О ЖИЗНИ И ТВОРЕНІЯХЪ

СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА МЕѲОДІЯ.

Св. Меѳодій принадлежитъ къ знаменитымъ учителямъ и Отцамъ первыхъ трехъ вѣковъ Христіанской Церкви, и притомъ такимъ, которыхъ высота ученія и святость жизни пріобрѣли имъ великое и всеобщее уваженіе не только отъ православныхъ христіанъ, но и отступниковъ отъ православной Церкви—еретиковъ. Церковный писатель VII вѣка († около 624 г.) Леонтій Византійскій, подвизавшійся въ одномъ изъ Іерусалимскихъ монастырей, исчисляя знаменитыхъ учителей и Отцевъ Церкви, жившихъ отъ Рождества Христова до царствованія Императора Константина великаго, ставитъ между ними и *Меѳодія Патарскаго* въ такомъ порядкѣ: „Игнатій Богоносецъ, Ириней, Іустинъ Философъ и мученикъ, Климентъ и Ипполитъ Епископы Римскіе, Діонисій Ареопагитъ, Меѳодій Епископъ Патарскій (Πατάρων), Григорій Чудотворецъ, Петръ Александрійскій Епископъ и мученикъ“, и затѣмъ прибавляетъ: „всѣхъ ихъ принимаютъ и бывшія послѣ нихъ ереси“ [1]). Другіе древніе писатели, свидѣтельствуя о многостороннемъ просвѣщеніи и мудрости св. Меѳодія (Патарскаго), благотворной дѣятельности его въ утвержденіи и защищеніи православной вѣры и славныхъ подвигахъ мученичества, вообще отзываются о немъ съ высокими похвалами; а нѣкоторые изъ

[1]) Леонт. Визант. De sectis. Act. III. § 1.

нихъ, какъ то: Андрей Епископъ Кесарійскій (VI вѣка), Іоаннъ Епископъ Ѳессалоникійскій (VII вѣка) и Патріархъ Фотій († 886) называютъ его *великимъ* [1]); и вся святая Церковь, празднуя память священномученика Меѳодія 20 іюня, воспѣваетъ въ честь его: „ученій пучину, и скрижаль наказаній, и зрѣнія высокаго сокровище тя знаемъ, и чувствъ престолъ, поюще благочестно Христа Царя во вся вѣки" (Канон. Пѣс. 8. троп. 4).

Въ свидѣтельствахъ древности Св. Меѳодій называется Епископомъ не только *Патарскимъ*, но и *Олимпійскимъ* и *Тирскимъ*. Такъ, кромѣ Леонтія Византійскаго, св. Іоаннъ Дамаскинъ († около 780 г.), выписывая одно мѣсто изъ сочиненія Св. Меѳодія о воскресеніи мертвыхъ, называетъ его Епископомъ *Патарскимъ* [2]). Между тѣмъ другіе, именно церковный историкъ Сократъ († 440 г.) и Св. Максимъ Исповѣдникъ († 662), упоминая объ этомъ самомъ сочиненіи того же св. Меѳодія, называютъ его Епископомъ *Олимпійскимъ* [3]). А блаж. Іеронимъ, жившій около того же времени († 419 г.), въ книгѣ о знаменитыхъ мужахъ называетъ Св. Меѳодія кромѣ того Епископомъ *Тирскимъ* [4]), чего не говорятъ другіе писатели. Но самъ же блаж. Іеронимъ дѣлаетъ для насъ возможнымъ согласить всѣ приведенныя свидѣтельства о мѣстѣ епископства святителя, выражаясь такъ: „Меѳодій, епископъ Олимпа Ликійскаго и потомъ Тира". Нѣтъ основанія сомнѣваться въ справедливости этого свидѣтельства, какъ нѣкоторые [5]) сомнѣваются, находя основанія къ сомнѣнію въ древнихъ церковныхъ правилахъ, которыми запрещалось епископамъ переходить изъ одной епархіи въ другую, а также въ свидѣтельствѣ церковнаго историка Евсевія Кесарійскаго († 338), который въ числѣ мучениковъ, пострадавшихъ во время гоненія Діоклитіанова,

[1]) Андр. Кесар. in Apocal. serm. XI, c. 33. Bibl Patr. T. V. p. 609. Іоанн. Ѳессалон. въ сочиненіи Льва Алляція De Method. Scriptis. ed 1656 p. 333. Фотія Bibl. cod. 235. Прочія свидѣтельства см. ниже.

[2]) De imagin. Or. II, Ed. Paris. 1712. T. I. p. 389.

[3]) Сократ. Hist. Eccl. VI, 13. Максим. Исп. Scholia ad Dionys. Hier. eccl. § 7.

[4]) De vir illustr. c. 83.

[5]) Tillemont. Monum. eccles. T. V. p. 198. et Not. 1. p. 342.

упоминаетъ о Тиранніонѣ, епископѣ Тирскомъ, не упоминая о Св. Меѳодіѣ (H. E. VIII, 13). Между тѣмъ древнія церковныя правила запрещали епископамъ переходить въ другія епархіи не безусловно; напротивъ они дозволяли епископу такой переходъ въ извѣстныхъ случаяхъ, когда „будетъ нѣкоторая вина благословная, сіе творити его понуждающая, яко могущаго большую пользу обитающимъ тамо принести словомъ благочестія“ (14 Прав. Апостол.); что же касается до епископа Тирскаго Тиранніона, то по всей вѣроятности это былъ преемникъ Св. Меѳодія, пострадавшій во время одного и того же продолжительнаго и жестокаго гоненія Діоклитіанова; ибо тогда, по словамъ Евсевія, въ иной разъ было убиваемо въ одинъ день отъ десяти до ста мучениковъ (VIII, 9). Слѣдовательно, Святитель Меѳодій, поставленный впослѣдствіи времени на каѳедру епископа Тирскаго, какъ духовный свѣтильникъ, имѣвшій возможность „принести обитающимъ тамо наибольшую пользу“ и остававшійся здѣсь до своего мученичества, прежде того былъ епископомъ Олимпійскимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей вѣроятности, и Патарскимъ; совмѣстность двухъ послѣднихъ названій объясняется или тѣмъ, что два названія этихъ мѣстъ означаютъ одинъ и тотъ же городъ, какъ полагаетъ ученый Свида (X вѣка), прибавляя къ словамъ Іеронима: „Олимпа Ликійскаго, т. е. (ἤτοι) Патаръ“; и другіе [1]); или тѣмъ, что св. Меѳодій въ одно и то же время завѣдывалъ церквами обоихъ этихъ городовъ, какъ нерѣдко бывало во время гоненій, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей [2]), особенно, если принять во вниманіе незначительность города Олимпа сравнительно съ Патарами и весьма близкое разстояніе между ними [3]). Патары, древнѣйшій городъ

[1]) Suidas. Lexic. подъ словомъ: Μεθόδιος. Фесслеръ. Instit. Patrol. I, 318.

[2]) Lequien. Or. Christ. T. I. p. 976. Филаретъ. Учен. объ Отц. и Учит. Цер. 1859. Т. I. стр. 167.

[3]) Въ латинскихъ Acta sanctorum (Iunii IV, 5. Sept. V, 18) полагается два епископа Меѳодія, одинъ Патарскій, котораго память у Грековъ 20 іюня, а другой Олимпійскій и потомъ Тирскій, котораго память у Латинянъ 18 сентября. Но, — справедливо замѣчаетъ Комбефизъ, — Іеронимовъ Меѳодій не отличается отъ Греческаго Патарскаго, и нѣтъ никакого слѣда въ исторіи,

Ликіи въ Малой Азіи, упоминаемый еще Геродотомъ въ его исторіи (1, 182) и впослѣдствіи времени называвшійся иначе Арсиноею Ликійскою по распоряженію Птоломея Филадельфа, находился на южномъ берегу при Средиземномъ морѣ близъ устья рѣки Ксанѳа, былъ цвѣтущимъ и торговымъ городомъ и нѣсколько времени столицею этой области до Римскаго въ ней владычества, и извѣстенъ въ церковной исторіи тѣмъ, что былъ отчизною св. Николая Мурликійскаго Чудотворца и мѣстомъ, гдѣ онъ началъ свое служеніе въ санѣ пресвитера и Епископа. Подъ именемъ же Олимпа (если только можно считать его отдѣльнымъ отъ Патаръ) нѣкоторые писатели разумѣютъ не что иное, какъ незначительное селеніе, образовавшееся изъ крѣпостнаго замка и стоявшее на отлогостяхъ Ликійской вулканической горы Олимпа [1]). Это селеніе, кажется, находилось весьма близко отъ Патаръ, такъ что св. Меѳодій, по собственнымъ словамъ его, могъ пѣшкомъ доходить отъ одного мѣста до другаго для посѣщенія братіи: „за нѣсколько дней предъ симъ,—говоритъ онъ,—ходилъ я (изъ Олимпа) въ Патары, желая видѣть Ѳеофила“ [2]); откуда еще болѣе становится вѣроятнымъ, что обѣ эти мѣстности въ одно и тоже время находились подъ іерархическою властію Св. Меѳодія прежде перемѣщенія его на каѳедру г. Тира. Этотъ послѣдній городъ, который въ древности былъ важнѣйшимъ и славнѣйшимъ изъ городовъ Финикіи по своему положенію, богатой промышленности и обширной торговлѣ, въ первыя времена христіанства находился еще въ цвѣтущемъ состояніи; и христіанская епископская каѳедра въ этомъ городѣ, просвѣщенномъ христіанскою вѣрою Св. Апостоломъ Павломъ и бывшемъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Патарами (Дѣян. XXI, 1—3), имѣла тогда важное значеніе. Здѣсь-то Промыслъ Божій судилъ святительствовать Св.

чтобы Патарскій отличался отъ Тирскаго; одни и тѣже сочиненія въ кодексахъ приписываются то Меѳодію Патарскому, то Олимпійскому и Тирскому. См. Migne, Patrol. T. XVIII, p. 18.

[1]) Pauly. Real-Encyclop. B. V. p. 927 и 1221.

[2]) Впрочемъ эти слова сохранились только въ славянскомъ переводѣ творенія Св. Меѳодія о воскресеніи. См. Филаретъ. Ук. Соч. стр. 167.

Меѳодію въ то время, когда послѣднее и жесточайшее гоненіе на христіанъ, начатое Императоромъ Діоклитіаномъ (съ 303 г.) и продолженное преемниками его власти на востокѣ Галеріемъ и Максиминомъ (до 312 г.), причиняло и пастырямъ и пасомымъ ужаснѣйшія бѣдствія. Неоднократными эдиктами этихъ жестокихъ гонителей повелѣвалось подвергать послѣдователей Христовыхъ единственно за исповѣданіе святой вѣры всевозможнымъ мученіямъ, такъ эдиктомъ 303 года, изданнымъ Діоклитіаномъ по наущенію Галерія, было предписано слѣдующее: всѣ богослужебныя собранія христіанъ запрещаются; христіанскіе храмы должны быть разрушены; списки Св. Писанія должны быть отбираемы и сожигаемы; всѣ, содержащіе Христіанство, лишаются своего достоинства и гражданскихъ правъ; у христіанскихъ рабовъ отнимается навсегда надежда на освобожденіе; при судѣ надъ христіанами дозволяется употреблять пытки безъ принятія отъ нихъ жалобъ. Вторымъ эдиктомъ повелѣвалось — всѣхъ предстоятелей церквей и другихъ духовныхъ лицъ, какъ политическихъ преступниковъ, заключать въ темницы; а вскорѣ послѣдовавшимъ третьимъ эдиктомъ предписывалось—всѣхъ заключенныхъ, принесшихъ жертвы идоламъ, освобождать, остающихся же непреклонными мучить жестокими пытками. Четвертымъ эдиктомъ 304 года всѣ христіане поголовно были осуждены на пытки и мученія съ цѣлію принудить ихъ къ отреченію отъ Христа и обращенію въ идолопоклонство. Жестокость гонителей не знала никакихъ границъ и выдумывала безчисленное множество различныхъ формъ мученій; и эти мученія производились не нѣсколько дней и не въ теченіе одного года, но въ продолженіе цѣлаго десятилѣтія до 312 года; потому что, хотя въ 311 году Галерій, пораженный тяжкою и неизлечимою болѣзнію и убѣдившійся, что никакая человѣческая сила не можетъ уничтожить ученія Христова, незадолго до своей смерти издалъ указъ о прекращеніи гоненія, но Кесарь, Максиминъ, управлявшій послѣ него Сиріею и Египтомъ и присвоившій себѣ Императорское достоинство, продолжалъ съ неменьшею жестокостію преслѣдовать христіанъ: запре-

щалъ имъ строить церкви, изгонялъ изъ городовъ, нѣкоторыхъ увѣчилъ, вырывалъ у нихъ ноздри или глаза, отрубалъ уши или руки, и, наконецъ, предавалъ смерти. Церковный историкъ Евсевій, современникъ этого гоненія, въ своей исторіи разсказывая подробно о всѣхъ ужасахъ, сопровождавшихъ преслѣдованіе христіанъ въ разныхъ областяхъ и городахъ римской Имперіи, какъ то: Фригіи и Египтѣ, въ Ѳиваидѣ и Александріи, говоритъ въ частности о Тирѣ Финикійскомъ, что здѣсь, между прочимъ, послѣ ужасныхъ бичеваній христіанъ, выпускали на нихъ пантеръ, медвѣдей, дикихъ кабановъ и быковъ, разъяренныхъ каленымъ желѣзомъ, и что въ это время церковь Тирская прославилась твердостію своихъ мучениковъ [1]). Гонители, ослѣпленные звѣрскою яростію, полагали, что они достигнутъ совершеннаго истребленія христіанскаго имени и возстановятъ почитаніе языческихъ боговъ; но со стороны Христіанства всюду выступали новые и новые поборники его и скорѣе жертвовали своею жизнію, нежели отказывались отъ содержимаго ими вѣроученія. Между этими святыми поборниками вѣры Христовой въ тогдашнее время занимаетъ славное мѣсто и Св. Меѳодій, управлявшій церковію въ предѣлахъ Тира Финикійскаго; ревность его, какъ истиннаго пастыря, безъ сомнѣнія много содѣйствовала достославной твердости Тирской церкви, доколѣ и самъ онъ, по любви къ Господу и для назиданія пасомыхъ, не запечатлѣлъ вѣру свою мученическимъ подвигомъ. Впрочемъ, дѣятельность этого святителя въ санѣ Епископа среди столь тяжкихъ обстоятельствъ Церкви не изложена въ какомъ-либо письменномъ памятникѣ и, конечно, не безъ воли Божіей, осталась неизвѣстною для вѣрующихъ чадъ Церкви и чтителей памяти Св. Меѳодія, равно какъ до насъ не дошло почти никакихъ извѣстій и о всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, предшествовавшихъ епископству, напр. мѣстѣ и годѣ его рожденія, мѣстѣ воспитанія, времени вступленія

[1]) Евсев. Ц. Ист. Кн. 8. Гл. 7 и дал. Начерт. Церк. Ист. Иннокентія, Отд. 1. Москва, 1838, стр. 75—78.

въ служеніе Церкви и пр., кромѣ общаго замѣчанія въ Менологіѣ греческаго Императора Василія (X вѣк.), повтореннаго въ синаксарѣ греческой Минеи (20 іюня), что „этотъ блаженный мужъ, съ дѣтства посвятивъ себя Богу, сдѣлался божественнымъ сосудомъ и вмѣстилищемъ божественнаго Духа; посему, получивъ изволеніемъ Божіимъ отъ божественной благодати священство, прекрасно и богоугодно пасъ ввѣренное ему стадо, просвѣщая общество церковное кроткими рѣчами". Что такая прекрасная и богоугодная жизнь святителя продолжалась до глубокой старости, въ которой и послѣдовала мученическая его кончина, объ этомъ можно заключать изъ словъ св. Епифанія († около 403 г.), который называетъ его: „нашъ прекраснѣйшій старецъ и блаженный мужъ Меѳодій" [1]). Мученическая же кончина его удостовѣрена несомнѣнными свидѣтельствами. Не исчисляя выраженій многихъ древнихъ писателей, которые, упоминая о Св. Меѳодіи, прилагаютъ къ нему названіе *мученика*, достаточно указать на блаж. Іеронима, который прежде всѣхъ написалъ о немъ слѣдующее: „онъ увѣнчанъ мученичествомъ въ концѣ послѣдняго (Діоклитіанова) гоненія, или, какъ другіе утверждаютъ, при Декіи и Валеріанѣ" [2]). Но что послѣднее мнѣніе нѣкоторыхъ не можетъ быть принято, т. е. будто св. Меѳодій пострадалъ во времена Императоровъ Декія и Валеріана, воздвигнувшихъ гоненіе на Христіанъ въ половинѣ III вѣка (249—260), это доказываютъ какъ его сочиненія противъ Оригена, писанныя уже долго спустя послѣ смерти этого учителя († 253 г.), такъ особенно сочиненіе его противъ языческаго философа Порфирія, который написалъ и обнародовалъ свои сочиненія противъ христіанства не прежде 270 года. Посему остается признать вѣрнымъ сказаніе Іеронима о мученичествѣ Св. Меѳодія во время десятаго (Діоклитіанова) гоненія на христіанъ, и именно отнести мученическую смерть его къ самому концу этого гоненія, по смыслу подлинныхъ выраженій Іеронима: „въ концѣ послѣдняго гоненія (ad extremum

[1]) Haeres. LXIV, c. 63.
[2]) De vir. illustr. § 83.

novissimae persecutionis)“ [1]), хотя по недостатку свидѣтельствъ невозможно съ точностію опредѣлить годъ этой смерти, которую посему новѣйшіе ученые и полагаютъ не раньше 310 и не позже 312 года по Р. Христовомъ [2]). Такимъ образомъ, кровь святителя Меѳодія была какъ-бы послѣднею благодатною росою, окропившею древній міръ предъ восходомъ надъ всею вселенною величественнаго солнца — Христіанской вѣры, восторжествовавшей и потомъ сдѣлавшейся господствующею при Императорѣ Константинѣ великомъ (въ 312 г.). Мѣстомъ мученической кончины его не былъ городъ Тиръ, въ которомъ онъ епископствовалъ, что можно принять за достовѣрное какъ по умолчанію объ этомъ въ свидѣтельствахъ о тогдашнихъ мученикахъ [3]), такъ и потому, что блаж. Іеронимъ полагаетъ мѣстомъ этой кончины *Халкиду Греческую* (in Chalcide Graeciae) [4]). Но такъ какъ здѣсь нѣтъ основаній разумѣть собственно греческій городъ Халкиду, находящійся въ Эгейскомъ морѣ на островѣ Евбеѣ, слишкомъ отдаленный отъ мѣста гоненія Максиминова и мѣста жительства святителя Тирскаго, то всего вѣроятнѣе здѣсь нужно разумѣть Халкиду Сирійскую, по имени которой назывался Халкидикою цѣлый тамошній округъ, простиравшійся отъ р. Оронта до Сирійской пустыни. Эта вѣроятность подтверждается свидѣтельствомъ современника Іеронима и переводчика его сочиненій на греческій языкъ— Софронія, который отличаетъ упомянутый городъ отъ гре-

[1]) Вопреки мнѣнію тѣхъ, которые понимаютъ слово ad extremum въ смыслѣ in initio (въ началѣ). См. Филарет. Ист. учен. объ Отц. стр. 168. Въ Четьи-Минеи 20 іюня говорится, что св. Меѳодій пострадалъ при Императ. Авреліанѣ (270—275 г.), неизвѣстно, на какомъ основаніи.

[2]) Селье (Cellier, H. Eccl. T. VI, p. 16) и Мёлеръ (Möhler, Patrol. II, 681), полагаютъ ее въ 311 году, Фесслеръ (Inst. Patrol. 1, 318) въ 312 г., а Преосв. Филаретъ въ ук. соч. не раньше 310 г.

[3]) Кромѣ исторіи Евсевія, о Св. Меѳодіѣ не упоминается и въ свидѣтельствѣ о 156 мученикахъ, сожженныхъ также при Діоклитіанѣ въ самомъ городѣ Тирѣ, между которыми поименованы два епископа изъ Египта *Пеллій* и *Нилъ*, священникъ *Зинонъ* и два именитые мужа *Патермуѳій* и *Иліи* (17 сентября).

[4]) Тамъ же. Въ Acta sanctorum (Junii IV, 5) мѣстомъ кончины св Меѳодія полагается также *Греческая Халкида*, и прибавляется, что онъ удалился туда изъ Тира для безопасности; но безъ всякихъ основаній.

ческой халкиды, называя его (вмѣсто *Греческой*) *восточною* Халкидою [1]); а позднѣйшіе ученые, напр. Фабриціи, уже прямо называютъ его Халкидою *Сирійскою* [2]); и, особенно, подтверждается тѣмъ соображеніемъ, что Епископу Тира Финикійскаго во времена восточнаго Кесаря Максимина всего естественнѣе было пострадать въ странѣ сосѣдней съ Финикіею, которая считалась одною изъ областей Сиріи въ сосѣдствѣ съ Келесиріею и съ городомъ Халкидою. Что же касается до рода мученической смерти Святителя, то въ упомянутомъ Менологіѣ Императора Василія и греческомъ синаксарѣ объ этомъ говорится такъ: „врагъ (діаволъ), не перенося дерзновенія и ревности этого великаго мужа, вооружилъ служителей своихъ къ его умерщвленію; онъ же, еще прежде мученичества облекшійся въ животворное умерщвленіе (плоти), принявъ отсѣченіе головы мечемъ, переселился въ лучшую жизнь; такъ прежде священнодѣйствовавшій Агнца Божія потомъ самъ былъ закланъ и принесенъ въ живую жертву Христу; посему онъ и украшенъ сугубыми вѣнцами, и какъ доблестный защитникъ истины, запечатлѣвъ жизнь мученическою кровію, упокоился на вѣки".

Писатели всѣхъ вѣковъ, упоминавшіе о Св. Меѳодіи, свидѣтельствуя о святости жизни и мученическихъ подвигахъ его, особенно превозносятъ похвалами его глубокую ученость, блестящее краснорѣчіе и искусство писать о высокихъ истинахъ Христіанства. Такъ блаж. Іеронимъ въ одномъ мѣстѣ называетъ его „краснорѣчивѣйшимъ (disertissimus) мужемъ", а въ другомъ, вышеприведенномъ мѣстѣ [3]), исчисляя его творенія, говоритъ: „онъ съ блистательнымъ и яснымъ краснорѣчіемъ написалъ нѣсколько книгъ противъ Порфирія и Пиръ десяти дѣвъ, превосходное сочиненіе о воскресеніи противъ Оригена, противъ него же о Пиѳониссѣ и о свободѣ воли, также толкованія на книгу Бытія и Пѣснь Пѣсней, и множество другихъ сочиненій, которыя читаются повсюду". Св. Епифаній въ своемъ со-

[1]) Migne, Patr. Curs. Compl. T. XVIII, p. 10.
[2]) Bibl. Graec. Vol. VII, p. 261. Edit. 1801.
[3]) De vir. illustr. c. 83. Comment. in Daniel. c. XIII.

чиненіи о ересяхъ представляетъ его „мужемъ ученымъ и крѣпко подвизавшимся за истину“, писавшимъ и прозою и стихами [1]). Св. Анастасій Синаитъ († 599 г.) называетъ Св. Меѳодія „богатымъ мудростію“ [2]). Въ греческомъ синаксарѣ говорится: „этотъ по истинѣ божественный священникъ Божій и мученникъ оставилъ намъ творенія, исполненныя всякаго вѣдѣнія и пользы“. И Св. Церковь воспѣваетъ въ честь его: „твоихъ словесъ молнія, и разума труба, и ученій благонарочитое вѣщаніе во всю землю изыде, преподобне, вся зовуще вѣрныя къ причастію, преблаженне, небесныхъ наслажденій“ (Канон. пѣс. 3. тр. 3). Послѣ столь высокихъ и согласныхъ отзывовъ не важно, хотя и довольно странно то, что Евсевій кесарійскій, собиравшій свѣдѣнія о знаменитыхъ мужахъ Церкви и ихъ твореніяхъ и современный Св. Меѳодію, въ своей церковной исторіи совершенно не упоминаетъ ни о твореніяхъ, ни о самомъ лицѣ его; можетъ быть, эти творенія еще не были достаточно распространены въ Христіанской Церкви при жизни Евсевія, а что касается лица святителя, то, можетъ быть, историкъ не отличалъ подвиговъ доблестнаго Пастыря отъ подвиговъ руководимыхъ имъ пасомыхъ—такъ тѣсно соединенъ былъ словомъ и дѣломъ добрый пастырь съ своею паствою!—; но отъ чего бы ни происходило такое молчаніе Евсевія [3]), оно нисколько не уменьшаетъ величія дарованій Св. Меѳодія и достоинства его твореній. „Особенная слава приписывается Св. Меѳодію за то, — говоритъ одинъ ученый издатель его твореній, — что ни въ комъ изъ его современниковъ не соединялись обильнѣе тѣ дарованія, которыя могутъ сдѣлать человѣка превосходнѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ учителемъ священной науки; ибо великому богатству его природной и пріобрѣтенной мудрости соотвѣт-

[1]) Haeres. LXIV, c. 63.

[2]) In Hexaemer. L. II. p. 920. Bibl. patr. T. IX.

[3]) Впрочемъ нѣкоторые изъ ученыхъ (Валезій, Мелеръ и др.) объясняютъ это молчаніе Евсевія о св. Меѳодіѣ личными отношеніями перваго къ послѣднему вслѣдствіе различныхъ взглядовъ ихъ на Оригена, котораго ученіе Евсевій ревностно защищалъ, а Меѳодій сильно опровергалъ въ своихъ сочиненіяхъ. См. Migne, Patr. T. XVIII, p. II.

ствуетъ и плодовитость рѣчи и высокое изящество сочиненія, благодаря которымъ прекрасныя мысли его переходятъ къ позднѣйшему потомству; однимъ словомъ: какъ никто не мыслилъ глубже его, такъ не легко найти, кто бы и писалъ обильнѣе, краснорѣчивѣе и стройнѣе его“ [1]). Эти сочиненія даже въ томъ неполномъ видѣ, въ какомъ многія изъ нихъ дошли до насъ, совершенно оправдываютъ превосходныя похвалы безсмертному ихъ автору. Они дѣйствительно отличаются христіанскою мудростію, твердымъ убѣжденіемъ, діалектическою тонкостію въ разсужденіяхъ и блистательнымъ краснорѣчіемъ. Заключая въ себѣ ученіе третьяго вѣка христіанскаго о тѣхъ предметахъ, которыхъ касался Св. Отецъ, они открываютъ не только его глубокое знаніе священнаго Писанія, но и обширное знакомство съ лучшими писателями языческаго міра; приводимыя имъ мѣста и выраженія изъ древнихъ греческихъ поэтовъ, ораторовъ и философовъ, особенно Гомера и Платона, доказываютъ какъ обширную его начитанность въ свѣтской литературѣ, такъ и мудрое умѣнье, по словамъ Апостола, *все испытывая держаться лучшаго* (1 Сол. V, 21), и представляютъ его тѣмъ *книжникомъ, наученнымъ царству небесному*, который, по словамъ Господа, *подобно хозяину выноситъ изъ сокровищницы своей новое и старое* (Матѳ. XIII, 52). По содержанію своему творенія Св. Меѳодія показываютъ въ немъ и превосходнаго проповѣдника христіанской нравственности, особенно высокой идеи христіанскаго дѣвства, и твердаго защитника догматовъ православной Вѣры противъ еретиковъ и язычниковъ, особенно противъ Валентиніанъ, Оригенистовъ и философа Порфирія, и глубокаго толкователя Св. Писанія. Главнѣйшія изъ нихъ прежде всѣхъ исчислилъ блаженный Іеронимъ, а на другія дѣлаютъ указанія другіе писатели. Они суть слѣдующія:

1. *Пиръ* (Συμπόσιον) *десяти дѣвъ*, или *о дѣвствѣ*. Это весьма значительное по объему разсужденіе сохранилось до нашего времени во всей цѣлости, и подлинность его не подлежитъ

[1]) Possin. Praef. ad Method. Convivium, въ Thesavrus ascet Paris. 1684.

сомнѣнію; объ немъ, кромѣ блаженнаго Іеронима, упоминаютъ: Св. Григорій Нисскій († около 374 г.) въ сочиненіи объ образѣ и подобіи Божіемъ (Oper. Edit. Paris, T. II, p. 26), Св. Андрей Кесарійскій и Ареѳа Архіепископъ Кесарійскій (X вѣка) въ своихъ толкованіяхъ на Апокалипсисъ (Андр. Кес. in Apocal XI, 33, Ареѳ. in Apocal c. XXXIII. Bibl. Patr. T. IX, p. 769), согласно называя Св. Меѳодія писателемъ этого творенія; извлеченія изъ „Пира дѣвъ", также съ указаніемъ имени Св. Меѳодія, находится у Св. Іоанна Дамаскина († около 780 г.) въ его сочиненіяхъ (Sacr. Parall. T. 11, p. 643) и особенно у Патріарха Фотія († 886 г.) въ его библіотекѣ (Bibl. cod. 234 и дал.). Оно написано въ видѣ разговора между десятью дѣвами, изъ которыхъ каждая, одна за другою, говоритъ болѣе или менѣе продолжительную рѣчь въ похвалу дѣвственной жизни. Кромѣ нихъ вводятся разговаривающими еще три лица: Арета, въ домѣ которой будто бы происходилъ описанный пиръ, Григора, слышавшая о происходившемъ на этомъ пирѣ отъ одной изъ десяти дѣвъ, и Еввулъ, которому Григора и пересказываетъ всѣ ихъ рѣчи. Въ заключеніе одна изъ десяти дѣвъ Ѳекла поетъ прекрасную пѣснь въ честь божественнаго Жениха Христа, на что прочія отвѣчаютъ неоднократнымъ повтореніемъ одного стройнаго припѣва. Здѣсь сообщаются превосходныя мысли о высокомъ достоинствѣ дѣвства, подкрѣпленныя свидѣтельствами Слова Божія и соображеніями просвѣщеннаго разума, и предлагаются побужденія и средства къ его сохраненію; изящное изложеніе, въ которомъ воображеніе и краснорѣчіе обильно пользуются всѣми красотами Греческой словесности, служитъ достойнымъ выраженіемъ прекрасныхъ мыслей писателя; общее же впечатлѣніе, производимое этимъ твореніемъ на читателя, сопровождается тѣмъ возвышеннымъ и душеспасительнымъ назиданіемъ, которое Св. Церковь въ пѣснопѣніяхъ своихъ памяти святаго автора его выражаетъ слѣдующими словами: „дѣвство честное и чистоты доброту искусомъ, славне, навыкъ, премудростію твоею и словесъ благодатію, всѣхъ (всю) сихъ доброту показуеши,

богомудре, и вѣчнующую свѣтлость... Крѣпчайшею пищею духовныхъ напоеній (συμποσίων) насыщшеся, премудре, твоихъ, истинною пищею оною наслаждаются (люди), пребывающею, приснотекущею немимоходно и растущею (возрастающею у) причастникомъ" (Канон. пѣсн. 3 троп. 2 и 4).

2. Слово о *Симеонѣ и Аннѣ*, въ день Срѣтенія Господня, также дошедшее до насъ въ цѣлости. Подлинное происхожденіе этого слова отъ Св. Меѳодія, подвергавшееся сомнѣнію [1]), доказывается тѣмъ, что въ самомъ его началѣ писатель указываетъ на свое сочиненіе подъ заглавіемъ „Пиръ", гдѣ онъ разсуждалъ о *дѣвствѣ* (§ 1), притомъ является противникомъ тѣхъ неправомыслящихъ, которые допускали возможность будущаго спасенія демоновъ (§ 13), т. е. Оригенистовъ, противъ которыхъ Св. Меѳодій, какъ извѣстно, писалъ обширныя сочиненія; затѣмъ дѣлаетъ намекъ на жестокія страданія христіанъ, соотвѣтствующій временамъ Діоклитіанова гоненія, взывая къ своей паствѣ: „не бойся малое стадо треволненій врага; ибо Отецъ благоволилъ дать тебѣ царство и (силу) попрать выю враговъ твоихъ" (§ 13); наконецъ нѣкоторые особенные обороты рѣчи показываютъ сходство этого слова съ несомнѣнно подлинными произведеніями Св. Меѳодія, въ особенности съ упомянутымъ его твореніемъ „Пиръ дѣвъ". По содержанію своему оно есть не что иное, какъ торжественный гимнъ хвалы и благодарности Богу Отцу, Спасителю нашему Іисусу Христу и Пресвятой Его Матери; а главная цѣль проповѣдника—возбудить подобныя чувствованія и во всѣхъ своихъ слушателяхъ при воспоминаніи о радостномъ событіи Срѣтенія божественнаго младенца въ храмѣ Іерусалимскомъ.

3. Слово въ *недѣлю Ваій* — третье произведеніе Св. Меѳодія, дошедшее до насъ въ цѣлости. Подлинность этого слова подвергалась сомнѣнію, но безъ достаточныхъ основаній [2]). Достоинство его такъ очевидно, что первоначально

---

[1]) Филар. ук. соч. Т. I, стр. 176 и Приб. къ Твор. Св. Отц. Ч. XVI. 1857, стр. 197.

[2]) Объ этомъ см. Филар. тамъ же стр. 176 и Приб. къ Твор. Св. Отц. тамъ же, стр. 200.

оно было признано и издано (ученымъ Савиліемъ) подъ именемъ Св. Іоанна Златоустаго на основаніи одной древней рукописи; но потомъ другой ученый (Комбефизъ) на основаніи болѣе вѣрной рукописи Парижской Королевской библіотеки не усумнился приписать его Св. Меѳодію и издалъ его въ общемъ собраніи твореній сего послѣдняго. И дѣйствительно слогъ этого произведенія краснорѣчиваго проповѣдника представляется болѣе свойственнымъ Св. Меѳодію, нежели Св. Златоусту. Содержаніемъ же его служитъ прославленіе Христа Спасителя по случаю воспоминанія торжественнаго Входа Его въ Іерусалимъ и возбужденіе въ христіанахъ чувствованій радости, благодаренія и словословія Господу.

4. О *свободѣ воли* — твореніе, направленное противъ Валентиніанъ, которые наслѣдовали заблужденія отъ еретика II-го вѣка Валентина и къ концу III вѣка продолжали распространять ихъ на востокѣ. Они, между прочимъ, утверждали, что матерія или вещество есть совѣчное Богу начало міра и что зло происходитъ отъ этой матеріи. Св. Меѳодій и опровергаетъ эти заблужденія въ своемъ сочиненіи, котораго подлинность, кромѣ бл. Іеронима, засвидѣтельствовали Св. Іоаннъ Дамаскинъ, Патріархъ Фотій и другіе церковные писатели, оставивъ намъ изъ него нѣсколько извлеченій (Дамаск. у Combef. p. 373 и д. Фот. Bibliot. cod. 236. Леонт. Bys. Rerum. Sacr. Lib. II. Tit. 3). Оно написано въ видѣ разговора между Православнымъ и двумя послѣдователями Валентина и по содержанію своему раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ въ первой опровергаются упомянутыя мнѣнія Валентиніанъ, а во второй доказывается происхожденіе зла отъ свободной воли человѣка и рѣшаются нѣкоторые соприкосновенные вопросы [1]).

5. О *воскресеніи*,— весьма важное и обширное твореніе, направленное противъ Оригена, знаменитаго учителя и пи-

[1]) На греческомъ языкѣ извѣстна только первая часть этого сочиненія и притомъ въ небольшихъ отрывочныхъ извлеченіяхъ; послѣдняя же часть сохранилась только въ славянскомъ переводѣ, который дополняетъ и то, что есть на греческомъ языкѣ, и носитъ заглавіе: „о Бозѣ и о вещи по самовластнѣ". См. Филар. ук. соч. стр. 169 и Приб. къ Твор. Св. Отц. Тамъ же стр. 177 и д.

сателя III вѣка, но допускавшаго въ своихъ сочиненіяхъ немало погрѣшительныхъ мнѣній. Понявъ опасность отъ этихъ мнѣній, угрожавшую чистотѣ Вѣры и неизмѣнности церковнаго преданія, Св. Меѳодій кромѣ собственной святой ревности имѣлъ еще ближайшее побужденіе къ борьбѣ съ Оригенистами, какъ епископъ Тира, гдѣ Оригенъ провелъ послѣдніе годы своей жизни и имѣлъ многихъ послѣдователей. Такъ какъ Оригенисты, между прочимъ, отвергали будущее воскресеніе человѣческихъ тѣлъ, то Св. Отецъ въ своемъ твореніи, опровергая ихъ возраженія, защищаетъ православное ученіе о воскресеніи мертвыхъ. Это твореніе назначено было для нѣкоего Ѳеофила и написано въ видѣ разговора, гдѣ разговаривающими лицами, кромѣ самого Меѳодія, вводятся Авксентій, Проклъ и Аглаофонъ, изъ которыхъ два послѣдніе представляются какъ бы послѣдователями Оригена. Происхожденіе его отъ Св. Меѳодія несомнѣнно; на него указываетъ бл. Іеронимъ, какъ на превосходное сочиненіе Св. Меѳодія (см. выше); Св. Максимъ исповѣдникъ совѣтуетъ прочитать это сочиненіе для того, чтобы узнать, какъ баснословны и странны понятія Оригенистовъ, приписывая его прямо святому мученику и епископу Олимпа Ликійскаго Меѳодію (въ Толков. на Церк. Іерарх. Діонисія Ареопаг. с. 5); изъ него сдѣлали сохранившіяся до насъ извлеченія Св. Епифаній (Haeres. LXIV), также Св. Іоаннъ Дамаскинъ (Orat. III, de imagin.), Патріархъ Фотій (Bibl. cod. 234) и другіе (Леонтій I. с.). Въ своей цѣлости оно служило великимъ пособіемъ и для другихъ пастырей въ борьбѣ съ Оригенистами въ послѣдующія времена[1]), и благотворные плоды его засвидѣтельствовала Св. Церковь, прославляя память Св. Меѳодія слѣ-

[1]) На греческомъ языкѣ это сочиненіе извѣстно также въ отрывочныхъ извлеченіяхъ; въ древнемъ же славянскомъ переводѣ представляется въ полнѣйшемъ видѣ и раздѣляется на три слова о воскресеніи, которыя начинаются такъ: 1-е Слово: „Доидохъ прежде дній сихъ въ Патары съ Мидійскимъ Прокломъ видѣти хотя Ѳеофила". 2-е Слово: „Видѣхомъ же убо, яже первѣе во Апостолѣ начахомъ глаголати". 3-е Слово: „Зѣло убо якоже ся и самъ препираю". Филар. ук. соч. стр. 169. Приб. къ Твор. Св. О. также стр. 166.

дующими словами: „распаляющуюся видѣвъ Оригенову прелесть, яко сый изряденъ пастырь, божественнымъ огнемъ скоро попалилъ еси всю онаго мглу, блистающую лучу вжегъ премудрости своея“ (Канон. Пѣсн. 3. тр. 1 ср. синаксарь 20 іюня).

6. Твореніе Св. Меѳодія о *сотворенномъ* также направлено противъ Оригенистовъ, которые между прочимъ утверждали, будто міръ не имѣетъ начала и совѣченъ Богу, противъ чего Св. Отецъ и ведетъ свое разсужденіе, чтобы доказать православное ученіе о Богѣ, какъ единомъ Творцѣ и виновникѣ всего. Патріархъ Фотій оставилъ нѣсколько извлеченій изъ этого сочиненія и несомнѣнно относитъ ихъ къ подлиннымъ твореніямъ Св. Меѳодія (Bibl. cod. 235). Изъ свидѣтельствъ другихъ древнихъ писателей не видно, чтобы Св. Меѳодій писалъ отдѣльное сочиненіе подъ такимъ заглавіемъ; посему нѣкоторые думаютъ [1]), что отрывки, сохраненные Фотіемъ, извлечены имъ изъ другаго творенія Св. Меѳодія, именно изъ его толкованія на книгу Бытія, о которомъ упоминаетъ бл. Іеронимъ (см. выше). Но достоинство этого творенія не уменьшается отъ того, было ли оно только частію толкованія на книгу Бытія или отдѣльнымъ сочиненіемъ Святителя.

7. Изъ твореній Св. Меѳодія, дошедшихъ до насъ только въ краткихъ отрывкахъ, замѣчательны: а) сочиненіе *противъ Порфирія*, который былъ современникомъ Св. Меѳодія, славился между язычниками своею ученостію и написалъ 15 книгъ противъ Христіанства. Св. Меѳодій первый возвысилъ свой голосъ въ защиту истины противъ коварнаго суемудрія языческаго философа, и этотъ голосъ въ особенности благопотребенъ былъ для церкви Тира, гдѣ, какъ въ мѣстѣ родины Порфирія, могли быть многіе, слѣпо довѣрявшіе клеветамъ его на Христіанство. Впрочемъ, это твореніе Св. Отца, которое по словамъ бл. Іеронима состояло изъ нѣсколькихъ книгъ и заключало въ себѣ до 10 тысячъ стиховъ (Epist. 83 ad. Magnum), утрачено временемъ. Не-

[1]) Cavé Hist. litter. 1741. T. 1. p. 152.

большіе отрывки, сохранившіеся въ извлеченіяхъ у Св. Іоанна Дамаскина (Parall. Op. T. II. 778. 784 и 785), не даютъ намъ яснаго понятія ни объ общемъ содержаніи сочиненія, ни о частныхъ опроверженіяхъ возраженій языческаго философа; б) Слово *о мученикахъ*, изъ котораго сохранился одинъ отрывокъ у блаж. Ѳеодорита Епископа Кирскаго (V вѣка, Dial. I. De immutab. Oper. T. IV. p. 37 Ed. Sirmondi); но и изъ этого краткаго отрывка можно заключить, что Св. Отецъ ревностно утверждалъ вѣрующихъ среди гоненій, представляя подвигъ мученичества достойнымъ удивленія и желанія, такъ какъ Самъ Сынъ Божій оставилъ намъ примѣръ мученическаго терпѣнія. Такія увѣщанія вполнѣ соотвѣтствуютъ и времени жизни Св. Меѳодія, когда Церковь Христова страдала отъ жестокихъ гоненій со стороны язычниковъ, и святой ревности пастырскаго служенія Святителя.

Всѣ исчисленныя творенія были неоднократно издаваемы въ свѣтъ иностранными учеными. Первый сдѣлалъ собраніе твореній Св. Меѳодія Ф. *Комбефизъ* (Combefisius) въ Oper. S. Methodii, Amphilochii et Andreae Cret. Paris. 1644, и съ новыми дополненіями въ Auctario noviss. T. I. Paris. 1672. Затѣмъ, Левъ *Аллацій* (Allatius) издалъ въ исправнѣйшемъ видѣ „Пиръ десяти дѣвъ“ при своемъ сочиненіи: Diatriba de Methodiorum scriptis, Romae, 1656, изъ котораго заимствовалъ это твореніе для новаго изданія П. *Поссини* (Possini) въ своемъ Thesaurus Asceticus, Paris, 1684. Потомъ полнѣйшее изданіе всѣхъ твореній сдѣлалъ Анд. *Галландъ* (Galland) въ Bibliotheca Veterum Patrum, Venet. 1755, и съ дополненіями Venet. 1781, T. III, обогативъ текстъ примѣчаніями собственными и своихъ предшественниковъ.. Съ него сдѣлано въ настоящемъ столѣтіи новое изданіе въ Patrologiae Cursus completus, T. XVIII. Edit. Migne, Paris, 1857 г. Самое же лучшее и послѣднее изданіе принадлежитъ А. *Яну* (Jahnius) подъ заглавіемъ: J. Methodii opera, Halis Saxonum, 1865 г.— Кромѣ изданныхъ извѣстны еще нѣсколько твореній Св. Меѳодія по однимъ заглавіямъ. Таковы: 1, Толкованіе *на книгу Бытія*, 2, толкованіе на *Пѣснь Пѣсней*, и 3, о *Пивониссѣ*,

т. е. волшебницѣ, вызывавшей душу Самуила для царя Саула (1 Цар. гл. XXVIII), о которыхъ упоминаетъ бл. Іеронимъ изъ числа множества извѣстныхъ ему сочиненій Святителя, которыя читались повсюду [1]); далѣе 4, толкованіе *на Псалмы*, 5, толкованіе *на Евангелія*, 6, толкованіе *на Апокалипсисъ*, извѣстныя по древнимъ рукописямъ западныхъ библіотекъ [2]); и 7, разговоръ подъ заглавіемъ *Ксенос*, касавшійся Оригеновыхъ мнѣній, о которомъ упоминаетъ церковный историкъ Сократъ [3]). Приписанныя же ему нѣкоторыми издателями *Откровенія о послѣднихъ временахъ* и *Хроника*, по общему убѣжденію ученыхъ и по внутреннимъ признакамъ, не могутъ принадлежать Меѳодію III вѣка [4]). Утраченныя творенія Святителя вознаграждаются драгоцѣнными сборниками его сочиненій въ древнемъ славянскомъ переводѣ, хранящимися въ русскихъ библіотекахъ [5]), именно въ Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) подъ № 496, полууст. XV — XVI вѣк., при Московской духовной Академіи подъ № 40 и 41, у графа Толстаго—2 № 56, въ Волоколамскомъ сборникѣ игумена Евфимія. Въ нихъ заключаются, кромѣ вышеупомянутыхъ 1, Сочиненія о *свободѣ воли*, и 2, Трехъ словъ *о воскресеніи*, еще сочиненія: 3, *о житіи и дѣяніи разумнѣ*, которое впрочемъ считается частію сочиненія о свободѣ воли; 4, *О разлученіи яди* (т. е. о различеніи родовъ пищи) *и о юницы мѣнимѣй* (т. е. упоминаемой) *въ Левитицѣ, ея же пепеломъ грѣшніи кропляхуся* (Числ. гл. XIX); 5, *о прокаженіи* (Левит. гл. 1) и 6, *О піявицы, сущіи въ Прит-*

[1]) De vir. illust. c. 83.

[2]) Прибав. къ твор. Св. Отц. Тамъ же стр. 204.

[3]) Hist. Eccl. VI, 13.

[4]) Möhler, ук. сочин.

[5]) Филар. ук. сочин. стр. 169. Приб. къ Твор. Св. Отц. Тамъ же стр. 195 и 204—209. На русскомъ языкѣ было напечатано одно слово Св. Меѳодія въ *недѣлю Ваій* (въ Христ. Чтен. 1837 г. ч. 2) въ устарѣломъ переводѣ. Встрѣчающееся въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ (Московской Синодальной подъ № 38 и др.) подъ именемъ Св. Меѳодія Патарскаго *Слово о Царствіи языкъ послѣднихъ временъ* напрасно носитъ имя этого Святителя и есть не что иное, какъ переводъ изъ лѣтописи греческаго писателя Константина Манассіи (XII в.). Оно издано въ Памятник. Отречен. Рус. Литературы И. Тихонравовымъ, Т. II. Моск. 1863. стр. 212 и дал. См. изслѣд. Черткова о Манас. лѣтоп. въ Русск. Истор. Сборникѣ, Том. 6. 1843 г.

чахъ (Притч. XXX, 15) и о *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Псал. XVIII, 2). Сходство мыслей и образа рѣчи въ этихъ сочиненіяхъ съ извѣстными греческими твореніями Св. Меѳодія доказываютъ подлинность принадлежности ихъ этому Святителю. Желательно, чтобы всѣ эти славянскіе переводы были пересмотрѣны и изданы, какъ рѣдкія сокровища, частію дополняющія текстъ изданныхъ греческихъ твореній Св. Меѳодія, частію неизвѣстныя ни на какомъ другомъ языкѣ.

Таковы немногочисленныя, но достовѣрнѣйшія свѣдѣнія о жизни и твореніяхъ Св. Священномученика Меѳодія, дошедшія до насъ изъ восточныхъ и западныхъ областей Христіанской Церкви, въ которыхъ имя его всегда было извѣстно и одинаково прославляется при богослуженіи. Православная Церковь не престаетъ воспѣвать въ честь его такими словами:

Тропарь: Кровь твоя, мудре, тайно вопіетъ отъ земли, якоже Авелева къ Богу, богомудре Святителю Меѳодіе, ясно проповѣдавый Божіе вочеловѣченіе, тѣмъ же и посрамилъ если Оригенову лесть, и преставился еси въ небесный чертогъ: моли Христа Бога, да спасетъ души наша.

Кондакъ. Священнотаинникъ Святыя Троицы, и яже паче ума повелѣній божественныхъ проповѣдникъ, и православнымъ утвержденіе былъ еси, Меѳодіе, злославныя обличилъ еси смыслы правовѣрія ради, кровію твоею священномученикъ явлься, и Христу со Ангелы предстоя, моли спастися намъ.

Е. Л.

I.

ПИРЪ ДЕСЯТИ ДѢВЪ

или

О ДѢВСТВѢ.

Лица, разговаривающія: *Еввулъ* и *Григора* [1]).

ЛИЦА ВВОДНЫЯ:

Арета, *Маркелла*, *Θеофила*, *Θалія*, *Θеопатра*, *Θаллуса*, *Агава*, *Прокилла*, *Θекла*, *Тисіана*, *Домнина*.

Введеніе.

Цѣль сочиненія. — Путь къ раю. — Изображеніе и олицетвореніе добродѣтели. — Агносъ — символъ дѣвства. — Маркелла — старшая и первая между дѣвами Христовыми.

Еввулъ. Очень благовременно пришла ты, Григора; я недавно искалъ тебя, желая узнать, какія были рѣчи о дѣвствѣ въ обществѣ Маркеллы и прочихъ дѣвъ, собравшихся тогда на пиршество. Онѣ, говорятъ, такъ великолѣпно и сильно разсуждали между собою, что не опустили ничего, необходимо относящагося къ этому предмету. И такъ, если ты пришла для чего-нибудь другаго, то отложи это до дру-

[1]) Въ греческомъ подлинникѣ Εὐβουλιον и Γρηγόριον уменьшительныя имена, первое—мужеское, а второе—женское. Подъ первымъ нѣкоторые (Левъ Алляцій) разумѣютъ самого св. Меѳодія, который имѣлъ прозваніе Εὐβούλιου,

гаго времени, а теперь не полѣнись разсказать по порядку всё, о чемъ мы просимъ тебя.

Григора. Кажется, я обманулась въ своей надеждѣ, такъ какъ кто-то другой уже напередъ разсказалъ о томъ, о чемъ ты спрашиваешь. Я думала, что ты еще ничего не слыхалъ о происходившемъ, и очень восхищалась и утѣшалась тѣмъ, что первая разскажу тебѣ. Потому я и поспѣшила скорѣе придти сюда къ вамъ, опасаясь этого самаго, чтобы кто нибудь другой не предупредилъ меня.

Еввулъ. Успокойся, блаженная; мы ничего обстоятельно не узнали о происходившемъ. Говорившій не могъ объяснить ничего болѣе, кромѣ того, что происходили разговоры, а какіе и какъ, онъ не могъ отвѣчать на вопросы.

Григора. И такъ, если за этимъ я пришла сюда, хотите ли вы слышать обо всемъ сказанномъ съ самаго начала, или мнѣ иное опустить, а припомнить только то, что найду достойнымъ вспоминанія.

Еввулъ. Нѣтъ, Григора, разскажи намъ съ самаго начала, и о собраніи, гдѣ оно происходило, и о яствахъ приготовленныхъ, и о себѣ самой, какъ ты возливала вино, а онѣ

„ . . . кубки пріемля златые,
чествовали другъ друга, на великое небо взирая“ [1]).

Григора. Ты всегда искусенъ въ бесѣдахъ и очень любознателенъ, такъ что просто всѣхъ превосходишь.

Еввулъ. Не время теперь, Григора, спорить съ тобою объ этомъ; о чемъ просимъ тебя, о томъ разскажи намъ, какъ происходило съ самаго начала, и не иначе.

Григора. Постараюсь. Но напередъ ты самъ отвѣть мнѣ: знаешь ли ты дочь Философіи — Арету? [2]).

Еввулъ. Что-же?

какъ свидѣтельствуетъ св. Епифаній (Haer. LXIV, c. 63), хотя въ концѣ этого самаго сочиненія Меѳодій (впрочемъ неизвѣстно, какой именно) представляется лицомъ отдѣльнымъ отъ Εὐβούλιον; а что это дѣйствительно собственное имя мужчины, такъ думаютъ многіе толкователи текста, не смотря на нѣкоторыя мѣста сочиненія, повидимому указывающія въ немъ женщину, какъ и въ имени Γρηγόριον. См. Method. Oper. Edit Jahnii. 1865.

[1]) Иліад. IV, 3, 4.

[2]) Арета отъ ἀρετὴ — добродѣтель, которой свойства и описываются далѣе.

Григора. Въ ея садъ, находящійся на востокѣ, мы были приглашены срывать созрѣвшіе плоды, и отправились, именно: я (мнѣ разсказывала Ѳеопатра, отъ ней я слышала), Прокилла и Тисіана, какимъ, Григора, утесистымъ, труднымъ и крутымъ путемъ мы проходили!—Когда же мы приближались къ тому мѣсту,—продолжала Ѳеопатра,—то насъ встрѣтила какая-то величественная и благообразная, молча и благопристойно выступавшая женщина, одѣтая въ весьма свѣтлую, какъ бы изъ снѣга, одежду; вся она была по истинѣ нѣкоторою божественною и дивною красотою; стыдливость съ великою важностью выражалась на лицѣ ея. Такой взглядъ страшный, соединенный съ пріятною кротостію,—говорила она, — не знаю видала ли я когда-нибудь. Она была совершенно безъ прикрасъ и не имѣла ничего неестественнаго. Подошедши съ великою радостію, она каждую изъ насъ, какъ мать, увидѣвшая послѣ долгаго отсутствія, обняла и поцѣловала, и говорила: дщери мои, ко мнѣ, сильно желающей ввести васъ въ садъ нетлѣнія, съ трудомъ пришли вы, испытавъ на пути различныя опасности отъ змѣй; я, наблюдая, видѣла, какъ часто вы уклонялись, и боялась, чтобы вы, какъ-нибудь сбившись съ дороги, не погибли въ утесахъ; но благодареніе Жениху, которому я обручила васъ, дѣти мои (2 Кор. XI, 2), который помогъ устроиться всему по желаніямъ (нашимъ)! Между тѣмъ какъ она говорила это, мы,—говорила Ѳеопатра,—достигли ограды, такъ какъ двери еще были открыты (Матѳ. XXV, 10), и нашли уже пришедшихъ Ѳеклу, Агаѳу и Маркеллу, намѣревавшихся приступить къ ужину. Тогда,— говорила она,— Арета сказала: войдите и вы возлечь здѣсь на ряду съ этими вашими подругами. Всѣхъ же насъ пировавшихъ тамъ, я думаю,—говорила она мнѣ, было числомъ десять [1]). Самая мѣстность была чрезвычайно красивая и исполненная великой пріятности. Благорастворенный воздухъ, озаренный чистыми лучами свѣта, легко колебался; по срединѣ ключъ тихо, по-

[1]) Лицъ, участвовавшихъ въ пирѣ и разговорѣ, было собственно одиннадцать; но здѣсь говорится о приглашенныхъ на пиръ дѣвахъ безъ Ареты, въ домъ которой онѣ были приглашены.

добно елею, источалъ пріятнѣйшее питье; вытекающая изъ него прозрачная и чистая вода составляла источники, а эти, разливаясь рѣкою, напаяли всю мѣстность, доставляя обильную влагу. Были тамъ различныя деревья, изобилующія свѣжими осенними плодами, которые, вися, представляли одну прекрасную картину; также всегда цвѣтущіе луга, усѣянные благоухающими и разнообразными цвѣтами, отъ которыхъ вѣтеръ нѣжно разносилъ пріятнѣйшій запахъ. А вблизи находился агносъ [1]), высокое дерево, подъ которымъ мы расположились, такъ какъ оно было весьма широко и тѣнисто.

Еввулъ. Ты, блаженная, изображаешь второе райское жилище.

Григора. Ты говоришь правду. И такъ, когда мы насладились всякими яствами и различными сладостями, такъ что не оставалось никакихъ пріятностей, тогда — говорила она—вошла Арета и предложила слѣдующее: отроковицы, краса моего радушія, прекрасныя дѣвы, воздѣлывающія непорочными руками нетлѣнные сады Христовы; уже довольно было яствъ и угощенія; всего у насъ достаточно и съ избыткомъ. Чего же еще хотѣлось бы мнѣ, и чего я ожидаю? Того, чтобы каждая изъ васъ сказала похвальную рѣчь дѣвству. Пусть начнетъ Маркелла, такъ какъ она сидитъ первою и притомъ старше другихъ. Когда же она прекрасно исполнитъ это дѣло, то я почту за стыдъ для себя, если не сдѣлаю ее примѣромъ подражанія, увѣнчавъ чистымъ вѣнкомъ мудрости. Такимъ образомъ, помнится мнѣ,—говорила она, — Маркелла тотчасъ и начала говорить слѣдующее.

---

[1]) Ἄγνος, vitex, или Komapicha, агнецъ непорочный или цѣломудренникъ, растеніе, которое по самому названію своему соотвѣтствуетъ заглавію настоящаго сочиненія: περὶ ἁγνείας. Это душистое растеніе изъ рода кустарниковъ описываютъ Платонъ въ Федрѣ, 230. В. Плиній Hist. Nat. XXIV. 19. Оно упоминается и въ Св. Писаніи. Левит. XXIII, 40.

РѢЧЬ I.

МАРКЕЛЛА.

Глава I.

Трудность и превосходство дѣвства. — Упражненіе въ ученіи необходимо для дѣвъ.

Дѣвство есть нѣчто чрезвычайно великое, дивное и славное и, если можно сказать откровенно, слѣдуя священнымъ Писаніямъ, оно — питомникъ нетлѣнія, цвѣтъ и начатокъ его. Оно только одно есть превосходнѣйшій и прекраснѣйшій подвигъ. Посему и Господь обѣщаетъ входъ въ царство небесное тѣмъ, которые сами себя сдѣлали дѣвственниками, когда въ Евангеліи говоритъ о различіи скопчества (Матѳ. XIX, 12); потому что очень рѣдко и трудно для людей дѣвство; и чѣмъ оно выше и величественнѣе, тѣмъ большимъ подвергается опасностямъ. Нужны крѣпкія и мужественныя природныя силы, которыя стремительно воспаривъ надъ потокомъ сладострастія, направляютъ колесницу души въ высоту и не уклоняются отъ этой цѣли до тѣхъ поръ, пока легко перенесшись чрезъ міръ быстрѣйшимъ полетомъ мысли и ставши по истинѣ у небеснаго свода, не узрятъ прямо самаго нетлѣнія, исходящаго изъ чистыхъ нѣдръ Вседержителя. Земля не въ состояніи производить этотъ нектаръ; одно небо можетъ источать его. Ибо дѣвство, хотя ходитъ по землѣ, но, нужно думать, касается небесъ. Нѣкоторые, стремившіеся къ нему и взиравшіе только на конецъ его, приступивъ съ неомытыми ногами и несовершенными въ трудахъ, возвратились съ половины пути, не получивъ надлежащаго направленія мыслей отъ этого подвига; потому что не только нужно сохранять тѣла чистыми, подобно какъ храмамъ не слѣдуетъ оказываться лучше святынь ихъ; но нужно, чтобы души,— эти святыни тѣлъ, были соблюдаемы, украшаясь правдою. А соблюдаются и очищаются онѣ болѣе тогда, когда, нелѣностно соревнуя слушать божественныя изреченія, не

престаютъ дотолѣ, пока не достигнутъ того, что есть „истинное", приходя къ дверямъ мудрыхъ (Сирах. VI, 36). Какъ солью истребляется гной и гнилость и все вредное въ мясѣ, такъ и въ дѣвѣ всѣ неразумныя плотскія пожеланія обуздываются ученіемъ. Душа не орошаемая, какъ бы солью, глаголами Христовыми, по необходимости, портится и производитъ червей, подобно какъ царь Давидъ, раскаяваясь со слезами, взывалъ въ горахъ: *смердятъ и гноятся раны мои* (Псал. XXXVII, 6); потому что онъ не обуздалъ самого себя, какъ бы солью, цѣломудріемъ, но по нерадѣнію увлекся похотью и засмердѣлъ прелюбодѣяніемъ. Посему въ книгѣ Левитъ (II, 13) запрещается приносить въ жертву Господу Богу всякій даръ, если онъ не осолится солью. А для насъ ѣдкою солью, очищающею на пользу, служитъ всякое духовное упражненіе въ Писаніяхъ, безъ котораго душа не можетъ разумно принести себя въ жертву Вседержителю; *ибо вы соль земли* (Матѳ. V, 13), сказалъ Господь Апостоламъ. Итакъ дѣвѣ всегда нужно стремиться къ доброму и отличаться между первенствующими въ мудрости и не имѣть никакого нерадѣнія и легкомыслія, но подвизаться и помышлять о приличномъ дѣвству, постоянно очищая разумомъ гной сладострастія, чтобы какая-нибудь малая скрывшаяся гнилость не произвела червя невоздержанія. *Ибо незамужняя заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу, чтобъ быть святою и тѣломъ и духомъ* (1 Кор. VII, 34), говоритъ блаженный Павелъ. Между тѣмъ многія, считая слушаніе (Св. Писанія) дѣломъ маловажнымъ, думаютъ, что онѣ оказываютъ большую заслугу, если на короткое время обращаютъ къ нему слухъ свой, который нужно было бы заградить; потому что душѣ легкомысленной, низкой и воображающей себя мудрою, не слѣдуетъ сообщать божественнаго ученія. И не смѣшными ли можно назвать тѣхъ, которыя въ вещахъ маловажныхъ употребляютъ всѣ усилія, чтобы наилучшимъ образомъ достигнуть желаемаго; а къ предметамъ необходимымъ, чрезъ которые у нихъ особенно усиливается любовь къ цѣломудрію, не прилагаютъ величайшаго усердія?

Глава II.

Дѣвство — небесное растеніе, поздно узнанное.— Какъ устроено возвышеніе человѣка къ совершенству.

Растеніе дѣвства ниспослано людямъ съ небесъ по истинѣ къ великому преуспѣянію; и потому оно не было открыто первымъ поколѣніямъ. Тогда родъ человѣческій былъ еще немногочисленъ и ему нужно было размножаться и усовершенствоваться. Посему небыло непристойнымъ, что древніе вступали въ супружество съ своими сестрами, до тѣхъ поръ, пока пришедшій законъ опредѣлилъ и, запретивъ казавшееся прежде хорошимъ, объявилъ это грѣхомъ, называя проклятымъ открывающаго наготу сестры своей (Лев. XVIII, 9; XX, 17); Богъ попечительно оказывалъ помощь роду нашему соотвѣтственную времени, какъ родители поступаютъ съ дѣтьми. Они не тотчасъ съ самаго младенчества приставляютъ къ нимъ учителей, но позволяя имъ въ дѣтскомъ возрастѣ забавляться играми, подобно юницамъ, сначала посылаютъ ихъ къ учителямъ лепечущимъ вмѣстѣ съ ними; когда же они сбросятъ юношескій пухъ ума, то посылаютъ ихъ заниматься высшими науками, а затѣмъ еще болѣе высшими. Такъ, нужно думать, Богъ и Отецъ всѣхъ обращался и съ нашими предками; пока міръ еще не былъ наполненъ людьми, то человѣкъ былъ какъ бы младенецъ и ему нужно было прежде размножаться, и такимъ образомъ возрастать въ мужа. А когда онъ былъ населенъ отъ концевъ до концевъ своихъ, и человѣчество безпредѣльно распространилось, то Богъ не допустилъ людямъ оставаться при прежнихъ нравахъ, имѣя въ виду, чтобы они, переходя отъ одного къ другому, постепенно болѣе и болѣе приближались къ небесамъ, пока не сдѣлаются совершенными, достигнувъ величайшаго и высочайшаго ученія — дѣвства; именно, чтобы они сначала перешли отъ смѣшенія съ сестрами къ вступленію въ бракъ съ посторонними женщинами, потомъ чтобы не совокуплялись съ многими подобно четвероногимъ животнымъ, какъ бы родившіеся для совокупленія, затѣмъ чтобы они не были прелюбодѣями; а потомъ

далѣе (перешли бы) къ цѣломудрію, и отъ цѣломудрія къ дѣвству, въ которомъ, научившись возвышаться надъ плотію, безбоязненно вступили бы въ безмятежную пристань нетлѣнія.

Глава III.

Браки съ сестрами прекращены обрѣзаніемъ Авраама. Со временъ пророческихъ отвергнуто многоженство. Самая супружеская чистота ограничена.

Чтобы кто-нибудь не сталъ обвинять эту рѣчь въ недостаткѣ свидѣтельствъ изъ Писаній, то мы предложимъ и свидѣтельства пророковъ, и тѣмъ еще болѣе докажемъ истинность вышесказаннаго. Такъ Авраамъ первый, получивъ завѣтъ обрѣзанія, обрѣзывая часть собственной своей плоти, кажется, указывалъ не на что иное, какъ на то, чтобы болѣе не раждать дѣтей отъ потомковъ одного сѣмени, научая каждаго отсѣкать удовольствіе совокупленія съ собственною сестрою, какъ бы съ своею плотію. Такъ сближеніе и сожитіе съ своими сестрами прекращено со временъ Авраама; сожитіе же съ многими женами уничтожено со временъ пророческихъ. *Не ходи вслѣдъ похотей твоихъ, и воздерживайся отъ пожеланій твоихъ,* говоритъ Премудрый (Сир. XIX, 2). *Ибо вино и женщины развратятъ разумныхъ* (Сир. XIX, 2). И въ другомъ мѣстѣ: *источникъ воды твоей да будетъ у тебя твой, и утѣшайся женою юности твоей* (Притч. V, 15—18). Т. е. онъ отвергаетъ многоженство. Іеремія же прямо называетъ похотливыми *конями* тѣхъ, которые вступаютъ въ связь съ различными женщинами (V, 8) *Ибо плодородное множество нечестивыхъ не принесетъ пользы; и прелюбодѣйныя отрасли не дадутъ корней въ глубину,* говоритъ Премудрый (Прем. Сол. IV, 3). Впрочемъ, чтобы намъ не слишкомъ распространяться, приводя пророческія изреченія, представимъ еще какъ цѣломудріе преемствовало супружеству съ одною женою, мало по малу ослабляя плотское сладострастіе, доколѣ совершенно не обуздало обычнаго стремленія къ совокупленію. Вотъ наконецъ уже представляется прямо отказывающійся отъ такого образа жизни. *Господи,* говоритъ онъ, *Отче и Владыко жизни моей, не оставь меня на*

мою ихъ. Возношеніе очей отврати отъ меня. Пожеланіе чрева [1]) *и сладострастіе да не овладѣютъ мною* (Сир. XXIII, 14. 5). И въ поучающей всѣмъ добродѣтелямъ книгѣ Премудрости Духъ Святый, открыто побуждая слушателей къ воздержанію и цѣломудрію, громогласно воспѣваетъ такъ: *лучше безплодность съ добродѣтелію, ибо память о ней безсмертна; она признается и у Бога и у людей; когда она присутца, ей подражаютъ* [2]), *а когда отойдетъ, стремятся къ ней: и въ вѣчности увѣнчанная она торжествуетъ, какъ одержавшая побѣду непорочными подвигами* (Прем. IV, 1. 2).

Глава IV.

Одинъ Христосъ научилъ дѣвству, открыто предсказывая царство небесное. Уподобленіе Богу должно совершаться при свѣтѣ божественныхъ добродѣтелей.

И такъ о человѣчествѣ въ разныя времена, какъ оно, начавъ съ смѣшенія съ сестрами, перешло къ воздержанію, сказано; остается сказать о дѣвствѣ; постараемся же посильно сказать и объ этомъ. И прежде всего нужно объяснить, почему изъ многихъ пророковъ и праведниковъ, возвѣщавшихъ и совершавшихъ многое и прекрасное, никто не прославлялъ и не избралъ дѣвства? Потому, что преподать это ученіе предоставлено было одному Господу, такъ какъ Онъ одинъ, пришедши, научилъ человѣка шествовать къ Богу. Ибо первосвященнику, первопророку и первоангелу надлежало назваться и перводѣвственникомъ. Въ древности человѣкъ еще не былъ совершеннымъ, и потому еще не былъ въ состояніи вмѣстить совершенное — дѣвство. Онъ, сотворенный по образу Божію, еще имѣлъ нужду въ томъ, чтобы быть по подобію (Божію). Для исполненія этого посланное въ міръ Слово напередъ приняло нашъ образъ, запятнанный (у насъ) многими грѣхами, дабы мы, ради которыхъ Оно приняло его, могли опять получить образъ бо-

[1]) Въ подлинникѣ: καρδίας—сердца, вм. κοιλίας, какъ читается въ Библіи.

[2]) Въ подлинникѣ: τιμῶσιν—почитаютъ вм. μιμοῦνται, какъ читается въ Библіи.

жественный. Ибо быть въ точности по подобію Божію возможно тогда, когда мы, отпечатлѣвъ черты его человѣческой жизни въ самихъ себѣ, какбы на доскахъ, подобно искуснымъ живописцамъ, сохранимъ ихъ, изучая тотъ путь, который Онъ самъ открылъ. Для того Онъ, будучи Богомъ, и благоволилъ облечься въ человѣческую плоть, чтобы и мы, взирая, какбы на картинѣ, на божественный образъ жизни Его, могли подражать начертавшему ее. Ибо Онъ не иное мыслилъ, а иное дѣлалъ, и не иное считалъ прекраснымъ, а иному училъ, но что по истинѣ было полезно и прекрасно, тому Онъ и училъ, то и дѣлалъ.

Глава V.

Христосъ, сохранивъ плоть нерастлѣнною въ дѣвствѣ, побуждаетъ къ соблюденію дѣвства. Небольшое число дѣствеиниковъ въ сравненіи съ множествомъ другихъ святыхъ.

Что же Господь, истина и свѣтъ, сдѣлалъ пришедши (въ міръ)? Онъ, принявъ плоть, сохранилъ ее нерастлѣнною—въ дѣвствѣ. Такъ и мы, если хотимъ быть подобными Богу и Христу, должны стараться соблюдать дѣвство. Ибо подобіе Божіе состоитъ въ воздержаніи отъ растлѣнія. А что вочеловѣчившееся Слово стало перводѣвственникомъ, и первопастыремъ, и первопророкомъ Церкви, это объяснилъ намъ вдохновенный Христомъ Іоаннъ въ книгѣ Откровенія, сказавъ: *и взглянулъ я, и вотъ Агнецъ стоитъ на горѣ Сіонѣ, и съ нимъ сто сорокъ четыре тысячи, у которыхъ имя Его* (1) *и имя Отца Его написано на челахъ. И слышалъ я голосъ съ неба, какъ шумъ отъ множества водъ и какъ звукъ сильнаго грома; и услышалъ голосъ какъ бы гуслистовъ, играющихъ на гусляхъ своихъ. Они поютъ новую пѣснь предъ престоломъ и предъ четырьмя животными и старцами; и никто не могъ научиться сей пѣсни, кромѣ сихъ ста сорока четырехъ тысячъ, искупленныхъ отъ земли. Это суть тѣ, которые не осквернились съ женами: ибо они дѣвственники; это суть тѣ, которые слѣдуютъ за Агнцемъ, куда бы*

1) Прибавленныя слова: *имя Его и* — читаются въ нѣкоторыхъ спискахъ Апокалипсиса.

онъ ни пошелъ (Апок. XIV, 1—4). Притомъ замѣть, какъ велико достоинство дѣвства предъ Богомъ: *они искуплены изъ людей, какъ первенцы Богу и Агнцу, и въ устахъ ихъ нѣтъ лукавства; они непорочны, и слѣдуютъ за Агнцемъ, куда бы онъ ни пошелъ* (Апок. XIV, 4. 5). Этимъ онъ хочетъ ясно внушить намъ, что такимъ числомъ, т. е. сто сорокъ четырьмя тысячами издревле опредѣлено количество дѣвственниковъ, между тѣмъ какъ другихъ святыхъ неопредѣленное множество. Ибо замѣчательно, что̀ онъ прибавляетъ, говоря о прочихъ: *и взглянулъ я, и вотъ изъ всѣхъ языковъ и племенъ и всѣхъ народовъ великое множество, котораго никто не могъ перечислить* (Апок. VII, 9). Итакъ онъ представляетъ, какъ я сказала, безчисленное множество другихъ святыхъ, а дѣвственниковъ весьма небольшое число сравнительно съ составляющими безчисленное множество.—

Такова, Арета, моя рѣчь тебѣ о дѣвствѣ. Если я опустила что-нибудь, то пусть дополнитъ слѣдующая за мною Ѳеофила.

РѢЧЬ II.

ѲЕОФИЛА.

Глава I.

Похвалою дѣвству не уничтожаются браки.

Итакъ, — говорила она,—Ѳеофила сказала слѣдующее: такъ какъ Маркелла, прекрасно начавъ рѣчь, не вполнѣ докончила её, то мнѣ представляется необходимымъ постараться докончить эту рѣчь. Что человѣкъ постепенно дошелъ до дѣвства при помощи Бога, побуждавшаго его отъ времени до времени, это, по моему мнѣнію, прекрасно изложено; а что будто бы поэтому уже не нужно рождать дѣтей,— этого сказать нельзя. Изъ Писаній, мнѣ кажется, ясно видно, что по появленіи дѣвства Слово (Божіе) не отвергло совершенно дѣторожденія. Если луна больше звѣздъ, то этимъ не уничтожается свѣтъ прочихъ звѣздъ.— Начнемъ съ книги Бытія, чтобы почтить старѣйшее Писаніе. Опредѣленіе Божіе и заповѣдь о дѣторожденіи (Быт. I, 28),

конечно, и донынѣ исполняется; Создатель еще доселѣ образуетъ человѣка. Это совершенно ясно, такъ какъ Богъ доселѣ, подобно художнику, образуетъ міръ, какъ и Господь научилъ, сказавъ: *Отецъ Мой донынѣ дѣлаетъ* (Іоанн. V, 17). Вотъ, если бы рѣки уже окончили свое теченіе, излившись въ морское вмѣстилище, если бы свѣтъ былъ совершенно отдѣленъ отъ тьмы (а теперь онъ еще отдѣляется), если бы суша перестала производить плоды съ пресмыкающимися и четвероногими животными и предопредѣленное число людей исполнилось, тогда, конечно, слѣдовало бы воздерживаться и отъ дѣторожденія. А теперь необходимо, чтобы человѣкъ и съ своей стороны дѣйствовалъ по образу Божію, такъ какъ міръ еще стоитъ и устрояется; *плодитесь*, сказано *и размножайтесь* (Быт. I, 28). И не слѣдуетъ гнушаться опредѣленіемъ Творца, вслѣдствіе котораго и мы сами стали существовать. Началомъ рожденія людей служитъ ввереніе сѣмени въ нѣдра женской утробы, чтобы кость отъ костей и плоть отъ плоти, бывъ восприняты невидимою силою, снова были образованы въ другаго человѣка тѣмъ же Художникомъ. Такимъ образомъ, нужно думать, исполняется изреченіе: *вотъ это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей* (Быт. II, 23).

Глава II.

Рожденіе подобно образованію первой Евы изъ ребра и кости Адама. — Въ обыкновенномъ рожденіи Богъ есть Создатель людей.

На это, быть можетъ, указываетъ и сонное изступленіе, наведенное на первозданнаго (Быт. II, 21), предъизображая услажденіе мужа при сообщеніи, когда онъ въ жаждѣ дѣторожденія приходитъ въ изступленіе, разслабляясь снотворными удовольствіями дѣторожденія, чтобы нѣчто, отторгшееся отъ костей и плоти его, снова образовалось, какъ я сказала, въ другаго человѣка. Ибо, когда нарушается тѣлесная гармонія отъ раздраженія при сообщеніи, то, какъ говорятъ намъ опытные въ брачномъ дѣлѣ, вся мозговая и плодотворная часть крови, состоящая изъ жидко-

образной кости, собравшись изъ всѣхъ членовъ, обратившись въ пѣну и сгустившись, извергается дѣтородными путями въ животворную почву женщины. Поэтому справедливо сказано, что человѣкъ оставляетъ отца и матерь, какъ забывающій внезапно обо всемъ въ то время, когда онъ, соединившись съ женою объятіями любви, дѣлается участникомъ плодотворенія, предоставляя Божественному Создателю взять у него ребро, чтобы изъ сына сдѣлаться самому отцемъ. — Итакъ, если и теперь Богъ образуетъ человѣка, то не дерзко ли отвращаться отъ дѣторожденія, которое не стыдится совершать самъ Вседержитель своими чистыми руками? Онъ сказалъ Іереміи: *прежде нежели Я образовалъ тебя во чревѣ, Я позналь тебя* (Іер. I, 5). И Іову сказалъ: *или ты, взявъ бреніе, создалъ животное, и самое словесное (животное) сотворилъ на землѣ* (Іов. XXXVIII, 14) [1])? И Іовъ съ благоговѣніемъ, обращаясь къ Нему, говоритъ: *Твои руки трудились надо мною и образовали меня* (X, 8). Не нелѣпо ли отвергать брачныя узы, тогда какъ еще и послѣ насъ ожидаются будущіе мученики и противники лукаваго, для которыхъ Слово обѣщало сократить *тѣ дни* (Матѳ. XXIV, 20; Марк. XIII, 20)? Если впослѣдствіи дѣторожденіе признано Богомъ за худое дѣло, какъ ты сказала, то какъ же они, родившись вопреки опредѣленію и водѣ божественной, могутъ предстать благоугодными предъ Богомъ? Или не слѣдуетъ ли признать рожденныхъ подложными, а не богорожденными, если они образуются, подобно фальшивой монетѣ, вопреки волѣ и опредѣленію (творческой) силы? Иначе мы должны приписать и людямъ способность создавать людей.

Глава III.

Толкованіе мѣста изъ Писанія. Незаконнорожденные бываютъ не только вѣрующими, но иногда и предстоятелями.

Маркелла, прервавъ ее, сказала: великая ошибка оказывается (въ твоей рѣчи), Ѳеофила, и противное тому, что ты сказала; — и ужели ты думаешь укрыться, напустивъ

[1]) По переводу 70 толковниковъ.

такого тумана? Вотъ то возраженіе, которое, быть можетъ, предложитъ кто-нибудь, требуя отчета отъ тебя, какъ мудрѣйшій: что ты скажешь о рождающихся незаконно отъ прелюбодѣянія? Ты допустила, что необычно и невозможно кому-нибудь войти въ міръ безъ воли и дѣйствія великой силы Бога, устрояющаго ему (тѣлесную) хижину [1]). И чтобы ты не прибѣгла, какъ бы къ надежной стѣнѣ, къ свидѣтельству Писанія, которое говоритъ: *дѣти прелюбодѣевъ будутъ не совершенны* (ἀτελεσφόρητα. Прем. III, 16), то и противъ этого онъ кротко возразитъ тебѣ, сказавъ: однако мы часто видимъ, что зачатые отъ незаконныхъ связей при совершенномъ чревоношеніи рождаются зрѣлымъ плодомъ. Если же ты, ухищряясь еще скажешь: почтенный, подъ *несовершенствомъ* я разумѣю отчужденіе отъ преподанной Христомъ правды, къ которой принадлежатъ совершенные, то онъ отвѣтитъ: однако, блаженная, очень многіе незаконнорожденные тѣмъ не менѣе не только причисляются къ паствѣ братій, но даже нерѣдко бываютъ избираемы въ руководители ихъ. Если же очевидно все свидѣтельствуетъ, что и рожденные отъ прелюбодѣянія достигаютъ *совершенства*, то, надобно думать, что Духъ предвозвѣстилъ не о зачатіяхъ и рожденіяхъ, но, можетъ быть, о прелюбодѣйствующихъ въ отношеніи къ истинѣ, которые, искажая Писанія неправыми мнѣніями, порождаютъ несовершенную мудрость, примѣшивая заблужденіе къ благочестію. Посему, когда отнятъ у тебя и этотъ предлогъ, изволь отвѣчать, что и рождающіеся отъ прелюбодѣянія рождаются по волѣ Божіей. Ибо ты сказала, что невозможно плоду человѣческому достигнуть зрѣлости, если не образуетъ и не одушевитъ его Господь.

Глава IV.

Объясненіе человѣческаго рожденія и дѣйствія въ немъ Божія.

Ѳеофила, какъ бы схваченная по срединѣ сильнымъ противникомъ, смутилась и, едва переведши духъ, сказала:

[1]) Въ подлинникѣ: σκήνωμα, выраженіе заимствованное изъ посланій св. Апостоловъ Петра, 2 Пет. 1, 13 и Павла, 2 Коринѳ. V, 1.

ты, блаженная, требуешь объясненія этого вопроса посредствомъ примѣра, чтобы тебѣ еще болѣе убѣдиться, что творческая сила Божія, простирающаяся на все, особенно дѣйствуетъ сама въ рожденіи людей, возращая посѣянное на плодотворной почвѣ. Подлинно нужно обвинять не то, что̀ сѣется, а того, кто безстыдно бросаетъ собственное сѣмя на чужую ниву, какъ наемникъ за малое удовольствіе, на прелюбодѣйныхъ ложахъ. Представь наше рожденіе въ жизнь подобныхъ чему-нибудь, напримѣръ такому дому, который имѣетъ входъ, обставленный высокими горами; а самый домъ простирается далеко внизъ, снабженъ съ внѣшней стороны до вершинъ входа множествомъ отверстій и имѣетъ круглый видъ съ этой стороны.—Представляю, сказала Маркелла.—Потомъ вообрази, что внутри сидитъ ваятель, чтобы дѣлать множество статуй; еще представь, что ему отвнѣ чрезъ отверстія обильно доставляется глиняное вещество многими людьми, между тѣмъ какъ самаго художника никто не видитъ. Допусти, что этотъ домъ покрытъ мглою и облаками и имъ отвнѣ ничего не видно, кромѣ однихъ отверстій.—Пусть, сказала та, будетъ и это.—Еще то, что каждому изъ сотрудниковъ, доставляющихъ глиняное вещество, назначено одно отверстіе, въ которое онъ одинъ только долженъ слагать собственное вещество, не касаясь другихъ. А если кто-нибудь опрометчиво дерзнетъ открыть отверстіе, назначенное для другого, тому пусть угрожаютъ огонь и бичи. Представь же слѣдующее за тѣмъ. Ваятель извнутри, обходя отверстія и принимая находящееся въ каждомъ изъ нихъ порознь глиняное вещество, образуетъ его и, образовавъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсячныхъ періодовъ, возвращаетъ наружу чрезъ тоже отверстіе, слѣдуя заповѣди: обработывать безразлично всякое способное къ обработкѣ глинянное вещество, хотя бы оно было кѣмъ-нибудь внесено неправильно чрезъ чужое отверстіе. Вещество ни въ чемъ невиновно, и потому оно, какъ невиновное, должно быть обдѣлываемо и образуемо; а того, кто вопреки установленію и заповѣди положилъ его въ чужое отверстіе, должно наказывать, какъ злодѣя и пре-

ступника. Не глиняное вещество нужно обвинять, а того, кто сдѣлалъ это вопреки священному повелѣнію, такъ какъ онъ по распутству, принесши, положилъ его въ чужое отверстіе тайно, съ насиліемъ. — Ты говоришь весьма справедливо, (сказала Маркелла).

Глава V.

Святой Отецъ продолжаетъ изъяснять тотъ же предметъ.

Итакъ, по окончаніи всего этого, остается тебѣ, мудрѣйшая, приложить весь этотъ примѣръ къ вышесказанному. Домъ подобенъ невидимой природѣ нашего рожденія, а входъ обставленный горами — нисхожденію и вселенію душъ съ небесъ въ тѣла [1]); отверстія—женщинамъ и вообще женскому полу; ваятель—творческой силѣ Божіей, которая, подъ покровомъ рожденія, распоряжаясь нашею природою, внутри невидимо облекаетъ насъ въ человѣческій образъ, устрояя одѣянія для душъ. Приносящимъ же глиняное вещество нужно уподобить мужчинъ и вообще мужескій полъ, когда они въ жаждѣ дѣторожденія ввергаютъ сѣмя въ естественные женскіе проходы, какъ тамъ глиняное вещество въ отверстія. Это сѣмя, дѣлаясь причастнымъ божественной, такъ сказать, творческой силы, само по себѣ не должно считаться причиною непотребныхъ раздраженій. Между тѣмъ художество постоянно обработываетъ предлагаемое вещество. Никакая вещь сама по себѣ не должна считаться зломъ, но она дѣлается такою отъ злоупотребленія пользующихся ею. Употребляемое благопристойно и цѣломудренно выходитъ благопристойнымъ; а употребляемое постыдно и непристойно выходитъ постыднымъ. Такъ, чѣмъ виновно желѣзо, пріобрѣтаемое для земледѣлія и художествъ,

[1]) Приведенныя слова о происхожденіи душъ человѣческихъ нѣтъ нужды объяснять такъ, будто св. Меѳодій слѣдовалъ ученію философа Платона и Оригена о предсуществованіи душъ, какъ объясняли нѣкоторые (Migne, p. 53 и 222. Jahnii указ. соч.), но они могутъ означать тоже, что содержится въ словахъ Премудраго: *духъ возвратится къ Богу, который далъ его* (Еккл. XII, 7), какъ видно и изъ дальнѣйшихъ словъ св. Отца о томъ же предметѣ.

въ томъ, что нѣкоторые оттачивали его для гибельныхъ междоусобныхъ войнъ? Чѣмъ (виновно) золото, или серебро, или мѣдь и вообще всякое обработываемое произведеніе земли, въ томъ, что нѣкоторые, неблагодарно согрѣшая противъ своего Творца, обращаютъ ихъ въ свои разнообразные истуканы? Также, если кто-нибудь доставитъ ткацкому художеству волну, пріобрѣтенную воровствомъ, то художество обработываетъ предлагаемое вещество, обращая вниманіе только на одно, способно ли оно къ обработкѣ, и не отвергая ничего пригоднаго для него; потому что украденное вещество, какъ бездушное, здѣсь нисколько невиновно. Оно должно быть обдѣлываемо и украшаемо; а унесшій его беззаконнымъ хищеніемъ долженъ быть наказанъ. Такъ и осквернителей браковъ и нарушителей прекрасной гармоніи струнъ жизни, разгорячающихся страстію и доводящихъ похоть до прелюбодѣянія, должно обуздывать и наказывать, потому что они хищнически наносятъ вредъ плодотворнымъ союзамъ въ чужихъ садахъ; а сѣмени, какъ тамъ волнѣ, слѣдуетъ быть образуемымъ и одушевляемымъ.

Глава VI.

Попеченіе Божіе и о незаконнорожденныхъ людяхъ. — Имъ даны Ангелы хранители.

И для чего мнѣ распространять рѣчь, приводя столько примѣровъ? Природа безъ божественнаго содѣйствія въ столь короткое время не могла бы совершить такого дѣла. Подлинно, кто сплотилъ несплоченную сущность костей? Кто соединилъ члены такъ, что они натягиваются жилами и двигаются, сгибаясь около составовъ? Кто приготовилъ внутренніе проходы для крови и нѣжную артерію для дыханія? Или кто другой, примѣшавъ къ влагѣ кровь, какъ бы закваску, образовалъ изъ бренія нѣжную плоть, какъ не одинъ высочайшій Художникъ, созидающій человѣка, — насъ, — въ разумный и одушевленный свой образъ, и изъ влажныхъ и мельчайшихъ сѣмянъ, какъ бы изъ воска,

устрояющій насъ въ утробѣ? Кто печется, чтобы плавающій внутри зародышъ не задохся отъ влаги и тѣсноты сосудовъ? Или кто, послѣ рожденія и появленія на свѣтъ, сообщаетъ слабому и малому высокій ростъ, красоту и силу, если не тотъ же, какъ я сказала, высочайшій Художникъ-Богъ, творческою силою составляющій и живуписующій образы Христовы? Посему мы и находимъ въ богодухновенныхъ Писаніяхъ, что дѣти, хотя бы рожденныя отъ прелюбодѣянія, ввѣряются Ангеламъ-хранителямъ. Если бы они родились вопреки волѣ и опредѣленію этого блаженнаго существа — Бога, то какъ они могли бы быть ввѣряемы Ангеламъ для воспитанія съ великою нѣжностію и охраною? И какъ они могли бы призывать на судъ Христовъ своихъ родителей, чтобы обвинять ихъ? Господи, скажутъ они, Ты не отказалъ намъ въ этомъ общемъ свѣтѣ (жизни); а они предали насъ на смерть, презрѣвъ заповѣдь Твою. *Ибо дѣти*, говорится въ Писаніи, *раждаемыя отъ беззаконныхъ сожитій, суть свидѣтели разврата противъ родителей при допросѣ ихъ* (Прем. IV, 6).

Глава VII.

Разумная душа — отъ самого Бога. Дѣвство — не единственное благо, хотя лучшее и предпочтительное.

Можетъ быть, кто-нибудь еще станетъ утверждать и найдетъ между людьми неразсудительными и неразумными довѣріе, будто плотяный покровъ души, насаждаемый людьми, образуется самъ собою безъ опредѣленія Божія; но конечно никто не повѣритъ тому, кто сталъ бы учить, что вмѣстѣ съ смертнымъ тѣломъ также насаждается и безсмертное существо души. Безсмертное и нестарѣющееся вдыхаетъ въ насъ одинъ Вседержитель, и Онъ одинъ есть Творецъ невидимаго и негибнущаго. *И вдунулъ въ лице его дыханіе жизни*, говорится въ Писаніи, *и сталъ человѣкъ душою живою* (Быт. II, 7). А противъ тѣхъ художниковъ, которые на погибель людямъ дѣлаютъ человѣкообразныя статуи, неспособныя къ познанію своего Создателя, въ научающей всѣмъ добродѣтелямъ книгѣ Премудрости говорится: *сердце ихъ пепелъ, и*

надежда ихъ ничтожнѣе земли, и жизнь ихъ презрѣннѣе грязи: ибо они не познали сотворившаго ихъ и вдунувшаго въ нихъ дѣятельную душу, и вдохнувшаго въ нихъ духъ жизни (XV, 10. 11). Этотъ Творецъ всѣхъ людей есть Богъ. И потому, какъ говоритъ Апостолъ, *Онъ хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанія истины* (I Тим. II, 4). Такъ какъ и это разсужденіе почти окончено, то наконецъ надобно сказать, что́ слѣдуетъ отсюда. Кто тщательно изучитъ область свойственнаго человѣку по природѣ, тотъ убѣдится, что не слѣдуетъ гнушаться дѣторожденіемъ, но должно хвалить и предпочитать дѣвство. Ибо потому только, что медъ слаще и пріятнѣе другихъ вещей, не слѣдуетъ считать горькими всѣ остальные плоды, которые также имѣютъ прирожденную имъ пріятность. Въ подтвержденіе этого представлю достовѣрнаго свидѣтеля, Павла, который говоритъ: *посему выдающій замужъ свою дѣвицу поступаетъ хорошо, а не выдающій поступаетъ лучше* (1 Кор. VII, 38). Такъ Писаніе, предлагая лучшее и болѣе желательное, не запрещаетъ всего другаго, но заповѣдуетъ, предоставлять каждому свойственное ему и полезное. Для однихъ оно не находитъ дѣвство еще доступнымъ, но другимъ не желаетъ, чтобы они осквернялись постыдными раздраженіями, а съ самаго начала пеклись и помышляли о равноангельскомъ преобразованіи тѣлъ, въ которомъ, по неложному изреченію Господа, *ни женятся, не выходятъ замужъ* (Мѳ. XXII, 30). Ибо не всѣмъ ввѣряется нескверное и ведущее къ царству небесному скопчество (Мѳ. XIX, 12), но только тѣмъ, которые могутъ сохранить цвѣтъ дѣвства всегда цвѣтущимъ и непорочнымъ. И въ пророческомъ словѣ Церковь уподобляется цвѣтущему и разнообразнѣйшему лугу, какъ украшенная и увѣнчанная не только цвѣтами дѣвства, но и цвѣтами дѣторожденія и воздержанія; ибо *въ ризахъ позлащенныхъ, преиспещренная предстоитъ царица одесную жениха* (Псал. XLIV, 10) [1]). — Вотъ и я, Арета, привношу посильное съ своей стороны въ разсужденіе объ истинѣ. — Когда Ѳеофила сказала это,

[1]) По переводу 70 толковниковъ.

то, — говорила Ѳеопатра, — пріятный говоръ произошелъ между всѣми дѣвами, хвалившими рѣчь. Когда же онѣ утихли, то послѣ продолжительнаго молчанія встала Ѳалія; ибо ей предоставлено было говорить третьей послѣ Ѳеофилы. Начавъ въ свою очередь, она, я думаю, сказала слѣдующее.

РѢЧЬ III.

Ѳ А Л І Я.

Глава I.

Сравненіе словъ книги Быт. II, 23, 24, съ словами Ап. Павла въ посланіи къ Ефес. V, 28—32.

Ты, Ѳеофила, — сказала она, — мнѣ кажется, превосходишь всѣхъ и дѣломъ и словомъ и никому не уступаешь въ мудрости. Никто не станетъ укорять твою рѣчь, какъ бы онъ ни былъ сварливъ и склоненъ къ препирательству. Но, блаженная, только одно изъ всего, сказаннаго правильно, повидимому, смущаетъ и тяготитъ меня, при представленіи моемъ о томъ, что такой мудрый и исполненный духа мужъ, — разумѣю Павла, — напрасно не сравнилъ бы союза первозданнаго человѣка и его жены со Христомъ и Церковію (Ефес. V, 32), если бы Писаніе не заключало здѣсь ничего выше простыхъ словъ и историческаго событія. Ибо, если это мѣсто Писанія должно понимать буквально о союзѣ мужа и жены, то для чего Апостолъ, упомянувъ о немъ и, я думаю, желая руководить насъ на путь духовный, относящееся къ Евѣ и Адаму иносказательно относитъ ко Христу и Церкви? Мѣсто изъ книги Бытія гласитъ такъ: *и сказалъ Адамъ: вотъ это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей; она будетъ называться женою: ибо взята отъ мужа своего. Потому оставитъ человѣкъ отца своего и мать свою, и прилѣпится къ женѣ своей; и будутъ два одна плоть* (Быт. II, 23, 24). Апостолъ, обращая вниманіе на это мѣсто, не желаетъ принимать его, какъ я сказала, въ буквальномъ смыслѣ, чувственно, о союзѣ мужа и жены, какъ дѣлаешь ты. Ты, объясняя эти слова въ физическомъ смыслѣ, до-

пустила, что Писаніе говоритъ только о зачатіяхъ и рожденіяхъ; ибо (ты сказала), чтобы могъ родиться другой человѣкъ, какъ кость, взятая отъ костей, для этого живыя тѣла, созрѣвшія для рожденія подобно деревамъ, соединяются во время зачатія. А онъ, въ духовномъ смыслѣ относя эти слова ко Христу, поучаетъ такъ: *любящій свою жену любитъ самого себя. Ибо никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣетъ ее, какъ и Господь церковь: потому что мы члены тѣла Его. Посему оставитъ человѣкъ отца своего и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ двое одна плоть. Тайна сія велика; я говорю по отношенію ко Христу и къ церкви* (Ефес. V, 28 — 32).

Глава II.

Переходы въ рѣчахъ Ап. Павла. — Характеръ его ученія, не заключающаго въ себѣ никакихъ противорѣчій. — Не безопасно обращать все въ аллегорію.

Но пусть не смущаетъ тебя то, что онъ, говоря объ одномъ, переходитъ къ другому, такъ что подумаешь, будто онъ примѣшиваетъ и привноситъ нѣчто, не относящееся къ предмету, уклоняясь отъ своей цѣли, какъ и здѣсь. Ибо намѣреваясь, какъ видно, обстоятельно изложить ученіе о дѣвствѣ, онъ напередъ предрасполагаетъ къ своему предмету, употребляя въ началѣ болѣе снисходительный образъ рѣчи. Таковъ характеръ его рѣчей, весьма разнообразный и постепенно усиливающійся; онъ начинаетъ съ низшаго и переходитъ къ болѣе высокому и величественному; потомъ, снова ниспускаясь въ глубину, оканчиваетъ то простѣйшимъ и легкимъ, то труднѣйшимъ и возвышеннымъ, не привнося однако этими переходами ничего чуждаго главнымъ предметамъ, но, соединяя все это нѣкоторою дивною связію, сводитъ къ одной предположенной у него цѣли предмета. Итакъ мнѣ нужно обстоятельнѣе раскрыть смыслъ апостольскихъ словъ, не отвергая ничего изъ вышесказаннаго. — Ты, Ѳеофила, мнѣ кажется, достаточно и ясно раскрыла ихъ, изложивъ слова Писанія болѣе безопаснымъ образомъ, такъ, какъ они читаются. Конечно, опасно пре-

небрегать текстомъ, какъ онъ сказанъ, особенно въ книгѣ Бытія, гдѣ излагаются непреложныя повелѣнія Божіи, устроившія вселенную, сообразно съ которыми еще и теперь міръ управляется самымъ совершеннымъ образомъ и въ совершенной соразмѣрности, пока самъ Законодатель, устроившій міръ, пожелавъ преобразовать его, снова инымъ повелѣніемъ не разрушитъ прежнихъ законовъ природы. Но такъ какъ не слѣдуетъ оставлять этихъ словъ съ неполнымъ и какъ бы полухрамлющимъ объясненіемъ, то мы придадимъ ему и другое соотвѣтственное значеніе, вникнувъ глубже въ Писаніе; ибо не должно оставлять безъ вниманія того, какъ Павелъ, возвышаясь надъ буквальнымъ чтеніемъ, относитъ эти слова ко Христу и Церкви.

Глава III.

Сравненіе перваго и втораго Адама.

И во-первыхъ надобно изслѣдовать, можетъ ли быть сравниваемъ съ Сыномъ Божіимъ Адамъ, оказавшійся падшимъ чрезъ преслушаніе и услышавшій: *прахъ ты, и въ прахъ возвратишься* (Быт. III, 19). Какъ можетъ быть названъ *рожденнымъ прежде всякой твари* (Кол. I, 15) тотъ, кто образованъ изъ персти послѣ земли и тверди? Какъ можетъ почитаться *древомъ жизни* (Апок. II, 7) тотъ, кто за преслушаніе изгнанъ, чтобы онъ опять *не простеръ руки (къ древу жизни) и вкусивши отъ него не сталъ жить вѣчно* (Быт. III, 22)? Сравниваемое должно быть во многомъ подобно и соотвѣтственно тому, съ чѣмъ сравнивается, а не имѣть въ себѣ противоположныя и несходныя свойства. Такъ оказался бы благоразумнымъ не тотъ, кто рѣшился бы уподоблять неравное равному или гармонію негармоніи, но (кто сравнилъ бы) равное съ равнымъ по природѣ, хотя бы оно было равно въ немногомъ, и бѣлое съ бѣлымъ по природѣ, хотя бы оно (было бѣлымъ) въ весьма малой степени и представляло въ себѣ немного бѣлизны послѣдняго, отъ чего и само называется бѣлымъ. Равное же, гармоническое и свѣтлое, какъ несомнѣнно ясно для всякаго, есть то, что безгрѣшно и

нетлѣнно, т. е. премудрость; а неравное и негармоническое есть то, что́ смертно и грѣховно и извергнуто по неодобренію и подверглось осужденію.

Глава IV.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Почти такія, я думаю, представляются возраженія тѣми, которые не допускаютъ сравненія перваго человѣка со Христомъ, кажется, не обращая вниманія на мудрость Павла. Посему мы посмотримъ, какъ правильно Павелъ сравнилъ Адама со Христомъ, полагая, что онъ (Адамъ) не образъ только и подобіе (Христа), но именно онъ самъ и сталъ Христомъ отъ того, что на него низошло Слово, существующее прежде вѣковъ. Ибо надлежало, чтобы первороженный отъ Бога, первая и единородная отрасль, т. е. Премудрость, вочеловѣчилась, соединившись съ первозданнымъ, первымъ и первороднымъ изъ людей человѣкомъ, чтобы такимъ образомъ Христосъ былъ человѣкомъ, исполненнымъ чистаго и совершеннаго Божества, и Богомъ, вмѣстившимся въ человѣкѣ; ибо весьма сообразно было, чтобы древнѣйшій вѣковъ и высшій Архангеловъ [1]), восхотѣвъ обращаться съ людьми, вселился въ древнѣйшаго и перваго изъ людей, Адама. Такимъ образомъ возобновляя бывшее въ началѣ и возстановляя отъ Дѣвы и Духа, онъ образуетъ того же самаго (Адама); ибо и въ началѣ, когда земля была еще дѣвственна и невоздѣлана, Богъ, взявъ персть, безъ сѣмени образовалъ изъ ней разумнѣйшее животное (человѣка) [2]).

[1]) Слова подлинника: πρεσβύτατος τῶν αἰώνων καὶ πρῶτος τῶν Ἀρχαγγέλων могутъ быть переведены: „старѣйшій изъ эоновъ и первый изъ Архангеловъ“, какъ переводятъ нѣкоторые (см. Migne, p. 67). Если же дѣйствительно таковъ смыслъ этого мѣста, то здѣсь нельзя не видѣть одного изъ тѣхъ искаженій настоящаго сочиненія св. Меѳодія Аріанами, о которыхъ говоритъ Фотій въ Bibl. cod. CCXXXVII, p 950—963.

[2]) Изложенное мнѣніе св. отца о воплощеніи Слова Божія въ Адама не будетъ представляться столь страннымъ, какъ думаютъ нѣкоторые (см. Migne. p. 66), если подъ Адамомъ разумѣть человѣческую природу, перешедшую отъ Адама ко всѣмъ его потомкамъ и обратно простирающуюся отъ потомковъ до перваго праотца.

Глава V.

Изъясненіе мѣста изъ пророчества Іереміи.

Пусть предстанетъ достовѣрнымъ и яснымъ свидѣтелемъ моимъ пророкъ Іеремія, который говоритъ: *и сошелъ я въ домъ горшечника, и вотъ онъ работалъ свою работу на кружалѣ. И сосудъ, который онъ дѣлалъ, развалился въ рукахъ его, и онъ снова сдѣлалъ изъ него другой сосудъ, какой ему вздумалось сдѣлать* (Іерем. XXXVIII, 3. 4). Когда созданный изъ персти Адамъ былъ, такъ сказать, мягкимъ и влажнымъ и еще не успѣлъ, подобно обожженной глинѣ, окрѣпнуть въ нетлѣніи, то грѣхъ, подобно текучей и каплющей водѣ, разрушилъ его. Посему Богъ, желая снова возстановить и образовать его изъ персти такимъ же *(сосудомъ) въ честь* (2 Тим. II, 20. 21), сначала сдѣлавъ его твердымъ и крѣпкимъ въ дѣвственной утробѣ, соединивъ и смѣшавъ его съ Словомъ, вывелъ его въ жизнь несокрушимымъ и невредимымъ, чтобы онъ по рожденіи, когда устремятся на него отвнѣ потоки тлѣнія, опять не подвергся разрушенію, какъ поучаетъ Господь и въ извѣстной притчѣ объ обрѣтеніи овцы, гдѣ Господь мой говоритъ къ предстоящимъ: *кто изъ васъ, имѣя сто овецъ и потерявъ одну изъ нихъ, не оставитъ девяноста девяти въ пустынѣ и не пойдетъ за пропавшею, пока не найдетъ ея? А нашедши возьметъ ее на плеча свои; и пришедши домой, созоветъ друзей и сосѣдей, и скажетъ имъ: порадуйтесь со мною; я нашелъ свою пропавшую овцу* (Лук. XV, 4—6).

Глава VI.

Цѣлостное число духовныхъ овецъ. Человѣкъ—второй послѣ Ангеловъ ликъ во славу Божію. Объясненіе притчи о погибшей овцѣ.

Это и былъ и есть по истинѣ Тотъ, который *въ началѣ былъ у Бога и былъ Богъ* (Іоан. I, 1), повелитель и пастырь небесныхъ (существъ), которому повинуются и слѣдуютъ всѣ разумныя (существа) и который стройно правитъ и исчисляетъ сонмы разумныхъ Ангеловъ. А число этихъ безсмертныхъ существъ, раздѣленныхъ на роды и чины, будетъ

равнымъ и совершеннымъ тогда, когда присоединится къ этой паствѣ человѣкъ; ибо и онъ созданъ былъ неподлежащимъ тлѣнію, чтобы прославлять Царя и Творца всѣхъ, воспѣвая соотвѣтственно раздающимся съ неба голосамъ Ангельскимъ. Но такъ какъ случилось, что онъ, преступивъ заповѣдь, палъ тяжкимъ и пагубнымъ паденіемъ и подвергся смерти, то Господь говоритъ, что Онъ самъ сошелъ съ небесъ въ міръ, оставивъ чины и воинство Ангеловъ. Ибо (въ той притчѣ) горы означаютъ небеса, а девяносто девять овецъ — силы и начала и власти, которыя оставивъ, начальникъ и пастырь сошелъ отыскать погибшую овцу. Оставалось включить въ этотъ свитокъ и въ это число человѣка, тѣмъ, что Самъ Господь облекся въ него и понесъ его, дабы онъ, обуреваемый треволненіями и напастями, какъ я сказала, опять не подвергся потопленію. Такимъ образомъ Слово восприняло человѣка, чтобы чрезъ себя самого разрушить пагубное осужденіе, поразивъ змія. Ибо слѣдовало лукавому быть побѣждену не чрезъ кого-либо другаго, а чрезъ того, надъ которымъ онъ считалъ себя властвующимъ, обольстивъ его; потому что иначе не возможно было разрушиться грѣху и осужденію, какъ только такъ, чтобы тотъ самый человѣкъ, по винѣ котораго было сказано: *прахъ ты, и въ прахъ ты возвратишься* (Быт. III. 19), бывъ возсозданъ, уничтожилъ это опредѣленіе, перешедшее отъ него на всѣхъ, дабы какъ прежде въ Адамѣ умирали всѣ, такъ обратно во Христѣ, воспріявшемъ Адама, всѣ оживали (1 Кор. XV, 22).

Глава VII.

Дѣла Христовы, свойственныя Богу и человѣку, принадлежатъ Ему самому, какъ единому.

Что человѣкъ, сдѣлавшись орудіемъ и одѣяніемъ Единороднаго, совершаетъ то, что и самъ вселившій въ него,— объ этомъ, мнѣ кажется, довольно сказано; а что здѣсь нѣтъ несогласія, объ этомъ нужно еще разсудить кратко. Кто говоритъ, что прекрасное по своей природѣ и праведное

и святое по своей природѣ, по участію въ которомъ и другія (существа) дѣлаются прекрасными, есть Премудрость, существующая съ Богомъ, и что наоборотъ порочное и неправедное и злое есть грѣхъ, тотъ говоритъ весьма справедливо. Подлинно, два предмета крайне противоположны другъ другу: жизнь и смерть, нетлѣніе и тлѣніе. Жизнь есть равенство, а тлѣніе неравенство; справедливость и мудрость есть согласіе, а безуміе и несправедливость — несогласіе. Человѣкъ же, находясь посединѣ между ними, не есть ни самая справедливость, ни самая несправедливость; но бывъ поставленъ въ срединѣ между нетлѣніемъ и тлѣніемъ, если къ которому изъ нихъ увлекшись преклонится, то и говорится о немъ, что онъ измѣнился въ природу одержавшаго верхъ. Склонившись къ тлѣнію, онъ дѣлается тлѣннымъ и смертнымъ, а (склонившись) къ нетлѣнію,— нетлѣннымъ и безсмертнымъ. Такъ, находясь между древомъ жизни и (древомъ) познанія добра и зла, онъ отъ плодовъ котораго вкусилъ, въ образъ того и измѣнился (Быт. II, 9), не бывъ самъ ни древомъ жизни, ни древомъ тлѣнія, но оказавшись смертнымъ отъ общенія и союза съ тлѣннымъ, а отъ общенія и союза съ жизнію — опять нетлѣннымъ и безсмертнымъ, какъ и Павелъ учитъ, когда говоритъ: *тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія* и смерть жизни (1 Кор. XV, 50), справедливо называя тлѣніемъ и смертію то́, что́ растлѣваетъ и убиваетъ, а не то, что́ подвергается тлѣнію и умираетъ; нетлѣніемъ же и жизнію — то́, что́ даетъ безсмертіе и животворитъ, а не то́, что́ получаетъ безсмертіе и оживотворяется. И такъ человѣкъ не есть ни несогласіе и неравенство, ни равенство и согласіе; но когда онъ принялъ несогласіе (т. е. преслушаніе и грѣхъ), то сталъ несогласнымъ и безобразнымъ, а когда онъ принимаетъ согласіе (т. е. правду), то дѣлается стройнымъ и благоприличнымъ орудіемъ, такъ что Господь,—это нетлѣніе, побѣдившее смерть,—благозвучно воспѣваетъ воскресеніе въ плоти (своей), не допуская ее опять сдѣлаться наслѣдіемъ тлѣнія. Теперь и объ этомъ довольно сказано.

Глава VIII.

Кости и плоть Премудрости. Ребро, изъ котораго образована духовная Ева, есть Духъ Святый. Жена, помощница Адама, есть обрученныя Христу дѣвы.

Такъ не маловажными доказательствами изъ Писанія подтверждено, что первозданный справедливо можетъ быть сравниваемъ съ самимъ Христомъ, не только какъ образъ, изображеніе и подобіе Единороднаго, но какъ бы дѣлающійся самою Премудростію и Словомъ. Соединившись съ премудростію и жизнію, подобно водѣ, человѣкъ становится тѣмъ, чѣмъ былъ самъ вселившійся въ него чистый свѣтъ. Посему Апостолъ справедливо отнесъ ко Христу то, что относится къ Адаму, и такимъ образомъ оказывается весьма сообразнымъ, что изъ костей и плоти Его произошла Церковь, для которой Слово, оставивъ Отца небеснаго, сошло на землю, чтобы вселиться въ жену, и, уснувъ, истощаніемъ страданія, добровольно умерло за нее, *чтобы представить Себѣ Церковь славною и непорочною, очистивъ ее банею водною* (Ефес. V, 26. 27), для принятія духовнаго и блаженнаго сѣмени, которое сѣетъ Самъ внушающій и насаждающій во глубинѣ ума; а Церковь, подобно женѣ, принимаетъ и образуетъ его для рожденія и воспитанія добродѣтели. Итакъ слова Писанія: *плодитесь и размножайтесь* (Быт. I, 28), надлежащимъ образомъ исполняются, когда Церковь со дня на день возрастаетъ въ величіи, красотѣ и численности, вслѣдствіе союза и общенія съ Словомъ, которое еще и теперь нисходитъ къ намъ и подвергается истощанію при воспоминаніи страданій. Иначе Церковь не могла бы собрать вѣрующихъ и возродить ихъ банею пакибытія, если бы Христосъ, истощивъ себя за нихъ, чтобы вмѣститься въ нихъ чрезъ возобновленіе страданій, какъ я сказала, снова не умиралъ—сошедши съ небесъ, и, соединившись съ своею женою, Церковію, не попускалъ исходить изъ ребра своего нѣкоторой своей силѣ, чтобы всѣ зиждущіеся на Немъ возрастали, возраждаясь этою банею, воспринимая отъ костей и плоти Его, т. е. отъ святости и славы Его. Ибо тотъ гово-

ритъ весьма справедливо, кто говоритъ, что кости и плоть Премудрости суть мудрость и добродѣтель, а ребро—Духъ истины, Утѣшитель, отъ котораго заимствуя просвѣщаемые возраждаются въ нетлѣніе. Никто не можетъ сдѣлаться причастнымъ св. Духу и стать членомъ Христовымъ, если напередъ Слово, сошедши и на него, не подвергнется истощенію какъ бы сну, чтобы и онъ, возставши отъ сна съ уснувшимъ для него и возсоздавшись, могъ получить обновленіе и возрожденіе Духа. Ибо онъ собственно, Духъ истины, семивидный по словамъ пророка (Ис. XI, 2), можетъ быть названъ ребромъ Слова, отъ котораго заимствуя, Богъ по истощаніи Христа, т. е. послѣ вочеловѣченія и страданія, приготовляетъ Ему помощницу, т. е. соединившіяся съ Нимъ и уневѣстившіяся Ему души. Такъ въ Писаніяхъ часто называется самое общество и собраніе вѣрующихъ, Церковь, въ которой совершеннѣйшіе по степени преуспѣянія составляютъ какъ бы одно лице и тѣло Церкви. И подлинно лучшіе и яснѣе усвоившіе истину, какъ избавившіеся отъ плотскихъ похотей чрезъ совершенное очищеніе и вѣру, дѣлаются Церковью и помощницею Христа, какъ бы дѣвою, по словамъ Апостола, соединяясь съ Нимъ и уневѣщиваясь Ему, чтобы, принявъ чистое и плодотворное сѣмя ученія, съ пользою содѣйствовать проповѣди для спасенія другихъ. А несовершенные и еще начинающіе спасительное ученіе возрастаютъ и образуются, какъ бы въ материнскомъ чревѣ, отъ болѣе совершенныхъ, пока они, достигнувъ зрѣлости возрожденія, пріобрѣтутъ величіе и красоту добродѣтели, и потомъ по преуспѣяніи сами, сдѣлавшись Церковію, будутъ содѣйствовать рожденію и воспитанію другихъ дѣтей, во вмѣстилищѣ души, какъ бы въ утробѣ, непреложно осуществляя волю Слова.

Глава IX.

Дѣйствіе благодати въ Апостолѣ Павлѣ.

Такъ слѣдуетъ разсуждать и о бывшемъ съ приснопамятнымъ Павломъ. Когда онъ еще не былъ совершеннымъ во Христѣ, то напередъ раждается и питается млекомъ

отъ Ананіи, который проповѣдалъ ему и обновилъ его крещеніемъ, какъ говорится въ Дѣяніяхъ (IX, 7—19). А когда онъ возмужалъ и благоустроился, достигнувъ духовнаго совершенства, и сдѣлался помощникомъ и невѣстою Слова, воспринявъ и возративъ въ себѣ сѣмена жизни, тогда, бывшій прежде младенцемъ, сталъ церковію и матерію, раждая и самъ увѣровавшихъ чрезъ него во Христа, доколѣ въ нихъ не родился изобразившись Христосъ: *дѣти мои*, говоритъ онъ, *для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ* (Гал. IV, 19); и еще: *я родилъ васъ во Христѣ Іисусѣ благовѣствованіемъ* (1 Кор. IV, 15). Посему такъ слѣдуетъ относить сказанное объ Адамѣ и Евѣ къ Церкви и Христу. Это по истинѣ великая и вышемірная тайна, которой я, по слабости и тупости ума, не въ силахъ объяснить сообразно съ ея достоинствомъ и величіемъ. Впрочемъ нужно попытаться, ибо надлежитъ сказать вамъ и слѣдующее за тѣмъ.

Глава X.

Ученіе того же Апостола о цѣломудріи.

Павелъ, призывая всѣхъ къ святости и цѣломудрію, сказанное о первозданномъ и Евѣ отнесъ ко Христу и Церкви во вторыхъ въ томъ смыслѣ, чтобы такимъ образомъ заставить умолкнуть невѣждъ, лишивъ ихъ предлоговъ. Они, предаваясь своимъ чрезмѣрнымъ похотямъ сладострастія, дерзаютъ извлекать изъ Писаній смыслъ противный православному, выставляя его въ защиту своего невоздержанія, именно изъ слѣдующихъ словъ: *сказалъ Богъ: плодитесь и размножайтесь*, и еще: *потому оставитъ человѣкъ отца своего и мать свою* (Быт. 1, 28; II, 24), и не стыдятся уклоняться отъ Духа, но, какъ бы для того и родились, раздуваютъ зараждающуюся и еще тлѣющую похоть, воспламеняя ее раздраженіями. Посему онъ, весьма сильно поражая ихъ коварныя ухищренія и выдуманные предлоги, дошедши до заповѣди о томъ, какъ мужья должны относиться къ женамъ, и сказавъ, что—такъ, какъ къ Церкви

Христосъ, *предавшій себя за нее, чтобы освятить ее, очистивъ банею водною, посредствомъ слова* (Еф. V, 26), обращается къ книгѣ Бытія, припоминая слова, сказанныя о первозданномъ и объясняя и ихъ сообразно съ смысломъ излагаемаго имъ предмета, чтобы не подать повода злоупотреблять этими словами тѣмъ, которые, подъ предлогомъ дѣторожденія, предаются тѣлесному сладострастію.

Глава XI.

О томъ же предметѣ.

Ибо смотрите, дѣвы, какъ онъ, желая, чтобы вѣрующіе по мѣрѣ силъ были цѣломудренны, старается доказать имъ превосходство дѣвства множествомъ доводовъ. Онъ говоритъ: *о чемъ вы писали ко мнѣ, то хорошо человѣку не касаться женщины* (1 Кор. VII, 1), ясно уже этимъ выражая, что хорошее дѣло не касаться женщины, напередъ поставивъ и опредѣливъ это безусловно. Потомъ сознавая немощь и наклонность невоздержныхъ къ совокупленію, онъ позволилъ тѣмъ, которые не могутъ владѣть плотію, лучше имѣть своихъ женъ, чѣмъ падать, гнусно предаваясь блуду. Затѣмъ тотчасъ послѣ этого позволенія онъ прибавилъ: *чтобы не искушалъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ* (1 Кор. VII, 5). Это значитъ: если вы, люди, не можете быть совершенно цѣломудренными, по причинѣ тѣлеснаго сластолюбія, то я позволяю вамъ лучше имѣть общеніе съ собственными женами, чтобы вы, считаясь давшими обѣтъ воздержанія, не подвергались постоянному искушенію отъ діавола, разжигаясь на чужихъ (женъ).

Глава XII.

Павелъ—примѣръ для вдовыхъ и тѣхъ, которые могли бы не имѣть женъ.

Разсмотримъ же тщательно самый текстъ; въ немъ Апостолъ позволилъ это многимъ не безусловно, но прибавилъ напередъ причину, по которой онъ поступилъ такъ. Сказавъ: *хорошо человѣку не касаться женщины*, онъ тотчасъ

прибавилъ: *но во избѣжаніе блуда каждый имѣй свою жену*, т. е. по причинѣ опасенія блуда, если вы не будете въ состояніи обуздывать сластолюбія; *и каждая жена имѣй своего мужа. Мужъ оказывай женѣ должное благорасположеніе; подобно и жена мужу. Жена не властна надъ своимъ тѣломъ, но мужъ; равно и мужъ не властенъ надъ своимъ тѣломъ, но жена. Не уклоняйтесь другъ отъ друга, развѣ по согласію, на время, для упражненія въ молитвѣ, а потомъ опять будьте вмѣстѣ, чтобы не искушалъ васъ сатана невоздержаніемъ. Впрочемъ сіе сказано мною какъ позволеніе, а не какъ повелѣніе* (I Кор. VII, 1—6). Весьма предусмотрительно (сказано) и это. Словами: *какъ позволеніе* — онъ выразилъ, что онъ даетъ совѣтъ, а не повелѣніе; потому что *повелѣніе* онъ употребляетъ касательно цѣломудрія и того, чтобы не касаться женщины, а позволеніе, какъ я сказала, касательно тѣхъ, которые не могутъ обуздывать похоти. Итакъ касательно единобрачныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, которые уже состоятъ въ бракѣ, или еще будутъ состоять, онъ такъ заповѣдуетъ; а о потерявшихъ своихъ женъ мужьяхъ, или женахъ (потерявшихъ) мужей, намъ опять надобно тщательно изслѣдовать изреченіе Апостола, какъ онъ заповѣдуетъ. *Безбрачнымъ же*, говоритъ онъ, *и вдовамъ говорю: хорошо имъ оставаться, какъ я. Но если не могутъ воздержаться, пусть вступаютъ въ бракъ; ибо лучше вступить въ бракъ, нежели разжигаться* (1 Кор. VII, 8. 9). И здѣсь онъ продолжаетъ отдавать преимущество воздержанію. Ибо, представивъ себя самого величайшимъ примѣромъ, онъ приглашаетъ слушателей соревновать ему въ такомъ подвигѣ, научая, что бывшему женатымъ на одной женѣ лучше остаться съ самимъ собою, какъ и онъ. Но если бы для кого-нибудь по причинѣ разжженія и похоти тѣлесной это было неудобоисполнимо, то онъ даетъ такому позволеніе вступать во второй бракъ, не объявляя этимъ второбрачія хорошимъ дѣломъ, а только считая его лучшимъ разжженія. Подобно тому, какъ если кто-нибудь въ день Пасхи [1]) и поста принесъ пищу тяжко больному

[1]) Подъ *Пасхою* здѣсь разумѣются дни воспоминанія страданій Христовыхъ, ближайшія къ празднику Пасхи, и въ особенности великая суббота.

и совѣтовалъ по болѣзни вкусить принесеннаго, сказавъ: „по истинѣ, почтенный, прекрасное дѣло и слѣдовало бы и тебѣ, подобно намъ, терпѣливо сохранивъ воздержаніе, потомъ насладиться одними съ нами благами; ибо сегодня совершенно запрещено даже вспоминать о пищѣ; но такъ какъ ты, удрученный болѣзнію, ослабѣлъ и не можешь перенести этого, то мы въ видѣ позволенія совѣтуемъ тебѣ вкусить пищи, чтобы тебѣ, по причинѣ болѣзни, не имѣющему силъ противиться пожеланію пищи, не умереть“; такъ и Апостолъ здѣсь, сказавъ сначала, что онъ желалъ-бы, чтобы всѣ оставались цѣломудренными, подобно ему, потомъ удрученнымъ болѣзнію страстей, чтобы они вслѣдствіе раздраженія къ дѣторожденію не устремлялись на прелюбодѣяніе, дозволилъ второбрачіе, считая его лучше разжженія и распутства.

Глава XIII.

Объясняется ученіе Павла о дѣвствѣ.

О воздержаніи и бракахъ и цѣломудріи и сожитіи въ замужествѣ, и о томъ, какая отъ нихъ бываетъ польза для пріобрѣтенія праведности, почти уже окончена моя рѣчь; о дѣвствѣ же остается еще сказать, есть ли какія-нибудь заповѣди и относительно его. Итакъ, нужно разсудить и объ этомъ. Вотъ, что говоритъ Апостолъ: *относительно дѣвства я не имѣю повелѣнія Господня, а даю совѣтъ, какъ получившій отъ Господа милость быть Ему вѣрнымъ. По настоящей нуждѣ за лучшее признаю, что хорошо человѣку оставаться такъ. Соединенъ ли ты съ женою? не ищи развода. Остался ли безъ жены? не ищи жены. Впрочемъ если и женишься, не согрѣшишь; и если дѣвица выйдетъ замужъ, не согрѣшитъ. Но таковые будутъ имѣть скорби по плоти; а мнѣ васъ жаль* (1 Кор. VII, 25—28). Весьма осторожно начавъ рѣчь о дѣвствѣ и намѣреваясь предложить совѣтъ, кому угодно, отдавать дочь свою замужъ, чтобы въ дѣлахъ святости ничто не было по необходимости и принужденію, но по свободному произволенію души, (потому что это угодно Богу), — онъ хочетъ говорить объ

этомъ, т. е. относительно замужества дѣвицы, не въ видѣ повелѣнія и воли Господней. Именно, сказавъ: *если дѣвица и выйдетъ замужъ, не согрѣшитъ*, онъ опять предусмотрительно ограничиваетъ это снисхожденіе, объявляя, что даетъ такой совѣтъ, какъ человѣческое позволеніе, а не божественное. Далѣе послѣ словъ: *если дѣвица выйдетъ замужъ не согрѣшитъ*, онъ тотчасъ прибавилъ: *но таковые будутъ имѣть скорби по плоти; а мнѣ васъ жаль* (1 Кор. VII, 28), т. е. я, щадя васъ, други, далъ такое позволеніе, если уже вы предпочитаете такъ разсуждать, — чтобы не показалось, будто я влеку васъ силою къ этому и принуждаю кого-нибудь. Впрочемъ, если вы, будучи не въ состояніи переносить дѣвства, болѣе склоняетесь къ этому позволенію, то и при этомъ, я думаю, для васъ полезнѣе умѣрять плотскія раздраженія, не давая своимъ членамъ, подъ предлогомъ позволенія вступать въ бракъ, нечистаго употребленія. Поэтому онъ прибавляетъ: *я вамъ сказываю, братія: время уже коротко; такъ что имѣющіе женъ должны быть, какъ не имѣющіе* (1 Кор. VII, 29). Потомъ опять настойчиво убѣждая къ тому же, онъ такъ ведетъ рѣчь, чтобы еще сильнѣе утвердить расположеніе къ дѣвству. Въ дополненіе къ вышесказанному, онъ буквально говоритъ слѣдующее: *я хочу, чтобы вы были безъ заботъ. Неженатый заботится о Господнемъ; а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ. Есть разность между замужнею и дѣвицею: незамужняя заботится о Господнемъ, чтобъ быть святою и тѣломъ и духомъ; а замужняя заботится о мірскомъ, какъ угодить мужу* (1 Кор. VII, 32—34). Безъ сомнѣнія ясно для всѣхъ, что заботиться о Господнемъ и угождать Богу гораздо лучше, нежели заботиться о мірскомъ и угождать женѣ. Кто же такъ глупъ и слѣпъ, чтобы не понять отсюда, что увѣщаніе Павла клонится больше къ дѣвству? *Говорю это*, продолжаетъ онъ, *для вашей же пользы, не съ тѣмъ, чтобы наложить на васъ узы, но чтобы вы благочинно* (служили Господу) (1 Кор. VII, 35).

Глава XIV.

Дѣвство есть даръ Божій, и рѣшимость на него не всякимъ безразсудно должна быть принимаема.

Кромѣ вышесказаннаго представь и то, что, по ученію Павла, расположеніе къ дѣвству даруется Богомъ. Посему— тѣхъ изъ невоздержныхъ, которые рѣшаются на него изъ тщеславія, онъ отвергаетъ, совѣтуя имъ вступать въ бракъ, чтобы во время зрѣлаго возраста, когда начнутся плотскія волненія и страсти, они не посрамились, раздражаясь въ душѣ. Посмотримъ же, какъ онъ учитъ. *Если кто*, говоритъ онъ, *почитаетъ неприличнымъ для своей дѣвицы то, чтобы она, будучи въ зрѣломъ возрастѣ, оставалась такъ, тотъ пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ; не согрѣшитъ: пусть таковыя выходятъ замужъ* (1 Кор. VII, 36). Здѣсь онъ собственно предпочитаетъ бракъ посрамленію для тѣхъ, которые, рѣшившись оставаться въ дѣвствѣ, потомъ унываютъ и тяготятся, и на словахъ изъ стыда предъ людьми представляются воздержными, а на дѣлѣ не могутъ долѣе оставаться въ дѣвствѣ. Тому же, кто по собственному и свободному расположенію рѣшается соблюдать свою плоть дѣвственною, *не будучи стѣсняемъ нуждою* (1 Кор. VII, 37) (т. е. страстію, возбуждающею въ чреслахъ похоть, потому что тѣла, какъ извѣстно, бываютъ различныхъ свойствъ), и притомъ, если онъ соревнуетъ и подвизается и твердо пребываетъ въ своемъ обѣтѣ и прекрасно выдерживаетъ его до конца (Павелъ), заповѣдуетъ быть твердымъ и соблюдать это, отдавая преимущество дѣвству. Кто можетъ, говоритъ онъ, и старается сохранить свою плоть дѣвственною, тотъ дѣлаетъ лучше; а кто не можетъ и вступаетъ въ законный бракъ, а не растлѣваетъ себя тайно, тотъ поступаетъ хорошо. Впрочемъ объ этомъ довольно.— Желающій пусть возьметъ въ руки посланіе къ Коринѳянамъ, и вникнувъ подробно въ написанное тамъ, пусть потомъ разсмотритъ сказанное нами и сравнитъ, есть ли между тѣмъ и другимъ полное согласіе и единомысліе.

Вотъ, что и я по силамъ приношу тебѣ, Арета, въ разсужденіе о дѣвствѣ.

Еввулъ. Весьма многословно, Григора, но едва коснулась она предмета, измѣривъ и проплывъ обширнѣйшее море словъ.

Григора. Кажется, такъ; но будемъ припоминать по порядку и въ точности излагать и остальное, что, мнѣ кажется, еще раздается въ моихъ ушахъ, прежде, нежели оно улетитъ и исчезнетъ, потому что у стариковъ легко изглаждается изъ памяти недавно слышанное.

Еввулъ. Скажи же; мы для того и сошлись, чтобы охотно послушать этихъ рѣчей.

Григора. И такъ, когда Ѳалія, какъ ты сказалъ, совершивъ свое безмятежное плаваніе, сошла на землю, то Ѳеопатра, по порядку смѣнивъ ее, какъ она сама говорила, сказала слѣдующее.

РѢЧЬ IV.

ѲЕОПАТРА.

Глава I.

Необходимо прославлять добродѣтель всякому, у кого есть къ тому способность.

Если бы мудрость словеснаго искусства, дѣвы, стояла на одной и той же степени и постоянно шла однимъ и тѣмъ же путемъ, то не было бы никакого способа не наскучить вамъ для меня, рѣшающейся говорить о предметѣ уже разсмотрѣнномъ. Но такъ какъ есть множество оборотовъ и способовъ рѣчи, при помощи Бога, *многократно и многообразно* вдохновляющаго насъ (Евр. I, 2); то какая надобность таиться и страшиться? При томъ не безвиненъ тотъ, кто, будучи причастенъ благодати, не станетъ прославлять прекраснаго благодарственными рѣчами и не будетъ порицать дурного. Поэтому и мы будемъ восхвалять это блистательнѣйшее и почтеннѣйшее изъ дарованій, свѣтило Христово, дѣвство. Это — пространнѣйшій и обильнѣйшій путь Духа. Посему, о чемъ говорить намъ покажется приличнымъ и

соотвѣтственнымъ вышесказанному, съ того и надобно начать разсужденіе.

Глава II.

Цѣломудріе и дѣвство даны Богомъ въ охрану людямъ, чтобы они избавлялись отъ нечистоты пороковъ.

Мнѣ кажется,—я точно дознала, что нѣтъ ничего столь дѣйствительнаго для возвращенія въ рай, для возстановленія въ нетлѣніе и примиренія съ Богомъ, и столь спасительнаго для людей, руководствующаго насъ къ жизни, какъ дѣвство. Постараюсь теперь раскрыть это, какъ понимаю, чтобы вы, ясно услышавъ о силѣ упомянутаго дарованія, узнали, какія оно доставило намъ блага. Въ древности, (послѣ того какъ человѣкъ за преслушаніе былъ изгнанъ изъ рая) и переселенъ, потокъ тлѣнія разлился широко и, несясь съ необычайною стремительностію, не только во внѣ безпорядочно увлекалъ все встрѣчающееся, но и вторгаясь внутрь потоплялъ души. Однѣ изъ нихъ, часто подвергаясь этимъ нападеніямъ, увлекались слѣпо и безчувственно, оставивъ управленіе своими ладьями, потому что не имѣли, за чтобы ухватиться твердое. Ибо душевныя чувства, какъ утверждаютъ свѣдущіе въ этомъ, бывъ поражаемы нападающими отвнѣ страстями и подвергаясь потоку вторгающейся внутрь волны безумія, тотчасъ сбиваются съ прямаго пути, не имѣя возможности отъ помраченія благополучно проходить все его естественное теченіе. Посему Богъ, сжалившись надъ нами, находившимися въ такомъ положеніи и не имѣвшими силъ возстать и оправиться, послалъ съ небесъ превосходнѣйшую и славнѣйшую помощь—дѣвство, чтобы, прикрѣпивъ къ ней наши тѣла, подобно кораблямъ, мы наслаждались тишиною и безвредно вошли въ пристань, какъ свидѣтельствуетъ и Св. Духъ. Это содержится въ сто тридцать шестомъ псалмѣ, гдѣ души, переселившіяся и взятыя отсюда и уже шествующія со Христомъ на небѣ, радостно воспѣваютъ благодарственную пѣснь Богу, что онѣ не были увлечены земными и тѣлесными волненіями. Потому и Фараонъ Египетскій, говорятъ, сталъ образомъ діа-

вола, когда повелѣлъ безпощадно бросать въ рѣку младенцевъ мужескаго пола, а женскій полъ оставлять въ живыхъ (Исх. I, 16): ибо и діаволъ, царствовавшій отъ Адама до Моисея надъ великимъ Египтомъ, т. е. надъ міромъ, старался ввергать въ потоки страстей и убивать мужескія и разумныя порожденія души; а плотскія и безумныя старается онъ умножать и увеличивать.

Глава III.

Объясняется псаломъ Давида: На рѣкахъ Вавилонскихъ и пр. Что означаютъ арфы, повѣшенныя на вербахъ? Верба—символъ дѣвства. Вербы, напоенныя водами.

Но, чтобы намъ не отступить отъ предмета, возьмемъ въ руки и объяснимъ тотъ псаломъ, который воспѣваютъ Богу чистыя непорочныя души. *При рѣкахъ Вавилона*, говорятъ онѣ, *тамъ сидѣли мы и плакали, когда вспоминали о Сіонѣ; на вербахъ посреди его повѣсили мы наши арфы* (Псал. CXXXVI, 1. 2). Арфами онѣ ясно называютъ свои (тѣлесныя) хижины, которыя связавъ вервями дѣвства, онѣ повѣсили на деревѣ, чтобы онѣ не могли быть отторгнуты и опять увлечены потокомъ невоздержанія. Ибо Вавилонъ, означающій *смятеніе* или *смѣшеніе* (Быт. XI, 9), [1]) указываетъ на здѣшнюю, окруженную водами жизнь, среди которой мы, пока находимся въ мірѣ, утопаемъ въ рѣкахъ, постоянно устремляющихся на насъ. Посему мы и страшимся и взываемъ къ Богу съ плачемъ и рыданіемъ, чтобы арфы наши (т. е. тѣла) не погибли, бывъ отторгнуты волнами сластолюбія отъ дерева дѣвства. Ибо верба въ священныхъ Писаніяхъ вездѣ принимается за образъ дѣвства (Лев. XXIII, 40. Исаія. XLIV, 4): потому что цвѣтъ ея, истертый въ водѣ и выпитый, погашаетъ все, что возбуждаетъ похоть и сладострастіе, а иногда дѣлаетъ совершенно безплоднымъ и непроизводительнымъ всякое дѣтородное пожеланіе, какъ замѣтилъ и Гомеръ, по этому назвавшій вербы *губящими плоды* [2]). И у Исаіи гово-

[1]) Съ Еврейскаго: Balal, смѣшивать.
[2]) Ὀλεσικάρποι. Одисс. X, 510.

рится, что *праведники будутъ расти, какъ ивы при потокахъ водъ* (XLIV, 4). Подлинно, вѣтвь дѣвства вырастаетъ крѣпко и пышно тогда, когда праведникъ и тотъ, кому поручено соблюдать и воздѣлывать ее, напаяется тихими потоками Христовыми, орошаясь премудростію. Какъ это дерево обыкновенно зеленѣетъ и растетъ отъ воды, такъ и дѣвство обыкновенно цвѣтетъ и возрастаетъ, укрѣпляясь (священными) реченіями, такъ что всякій можетъ повѣсить на немъ свою арфу.

Глава IV.

Писатель продолжаетъ объясненія того же мѣста.

Итакъ, если рѣки Вавилонскія, какъ утверждаютъ мудрые, суть потоки сладострастія, возмущающіе и разстроивающіе душу, то вербы должны означать цѣломудріе, посредствомъ котораго привѣшивая мы возвышаемъ орудія похоти, тяготѣющія внизъ и погружающія умъ, чтобы они, нисходя по протокамъ невоздержанія, подобно червямъ, не смѣшались съ нечистотами и гнилостію. Богъ даровалъ дѣвство, какъ полезнѣйшее и дѣйствительное средство къ достиженію нетлѣнія, пославъ въ немъ союзника тѣмъ, которые желаютъ и стремятся къ нему; ихъ Псалмопѣвецъ разумѣетъ подъ именемъ Сіона, который означаетъ блистательную любовь и заповѣдь о ней; такъ какъ слово *Сіонъ* значитъ: *заповѣдь наблюденія* (ἐντολὴ σκοπιᾶς) [1]). Такъ будемъ разсуждать и о дальнѣйшемъ. О чемъ же говорятъ души, утверждая, что плѣнившіе требовали отъ нихъ *пѣть пѣснь Господню на землѣ чужой?* Безъ сомнѣнія онѣ учатъ, что евангеліе есть священная и таинственная пѣснь, которую только грѣшники и прелюбодѣи воспѣваютъ предъ лукавымъ. Ибо они преступаютъ заповѣди, исполняя волю духовъ злобы, и бросаютъ святыню псамъ и жемчугъ предъ свиньями (Мѳ. VII, 6), подобно тѣмъ, о которыхъ съ негодованіемъ говоритъ пророкъ: *и внѣ читали законъ* (Амос. IV, 5) [2]). Не

[1]) Съ Еврейскаго: Ziwah, заповѣдь, и Zijun, знакъ, памятникъ.

[2]) По переводу 70-ти толковниковъ.

за то пророкъ сильно укоряетъ ихъ и провозглашаетъ виновными въ преступленіи, что они выходили читать законъ за ворота Іерусалима, или (за двери) домовъ, но за то, что нарушая заповѣди и совершая нечестіе предъ Богомъ, они лицемѣрно, какъ будто благочестивые, читали заповѣди, а въ душѣ не принимали ихъ, не содержали съ вѣрою, напротивъ презирали, отвергая ихъ своими дѣлами. Посему они и поютъ пѣснь Господню на землѣ чужой, низкимъ образомъ извращая и толкуя законъ, ожидая чувственнаго царства и возлагая свои надежды на эту чуждую землю, о которой Слово (Божіе) говоритъ, что она пройдетъ (1 Петр. II, 10), и въ которой плѣнившіе увлекаютъ ихъ пріятностями, коварно доводя до обольщенія.

Глава V.

Свойства дѣвственницъ, которыми украсившись онѣ усвояются одному мужу — Христу.

Возвѣщающіе евангеліе безумнымъ подобны поющимъ пѣснь Господню на землѣ чужой, которой воздѣлыватель не Христосъ; а облекшіяся и сіяющія чистѣйшею, свѣтлою, непорочною, благочестивою и благовидною красотою дѣвства, оставшіяся безплодными и непроизводительными въ отношеніи къ приходящимъ и прискорбнымъ страстямъ, не поютъ пѣсни на землѣ чужой, потому что не туда онѣ стремятся надеждами, не предаются пагубнымъ наслажденіямъ смертныхъ тѣлъ и не низко понимаютъ смыслъ заповѣдей, но прекрасно и благородно, съ высокимъ разумѣніемъ внимаютъ горнимъ обѣтованіямъ, жаждая небеснаго и сроднаго имъ жилища. Посему и Богъ, радуясь такимъ помысламъ ихъ съ клятвою обѣщаетъ даровать имъ превосходныя почести, поставить впереди и посадить ихъ во главѣ веселія. Онъ такъ говоритъ: *если я забуду тебя, Іерусалимъ, забудь меня десница моя; прильпни языкъ мой къ гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалима во главѣ веселія моего* (Псал. CXXXVI, 5. 6). Іерусалимомъ называетъ Онъ, какъ я сказала, эти самыя чистыя и непорочныя души, которыя, воздержно вкушая питіе дѣвства неосквернеными

устами, обручаются *единому мужу*, чтобы предстать на небѣ *Христу чистою дѣвою* (2 Кор. XI. 3), одержавъ побѣду *непорочными подвигами* (Прем. IV, 2) Такъ и пророкъ Исаія возглашаетъ: *возстань, свѣтись, Іерусалимъ; ибо пришелъ свѣтъ твой, и слава Господня взошла надъ тобою* (LX, 1). А что эти обѣтованія исполнятся по воскресеніи (Филип. III, 11), это ясно для всякаго; ибо Духъ Святый пророчествуетъ не объ іудейскомъ извѣстномъ городѣ, но о томъ небесномъ и по истинѣ блаженномъ городѣ Іерусалимѣ, который есть собраніе душъ, которыя Богъ, по Его словамъ, ясно обѣщаетъ поставить впереди, первыми, во главѣ веселія новыхъ вѣнковъ, поселивъ ихъ, облеченныхъ блистательнѣйшею красотою дѣвства, и въ чистомъ жилищѣ незаходимаго свѣта, за то, что онѣ не думали совлекать съ себя украшеніе невѣстъ, т. е. омрачать умъ гнусными помыслами.

Глава VI.

Дѣвство вездѣ и всегда должно быть соблюдаемо и восхваляемо.

Подлинно, слова Іереміи: *забываетъ ли дѣвица украшеніе свое и невѣста нарядъ* (στηθοδεσμίδα) свой (II, 32) означаютъ то, чтобы не распускать и не ослаблять узъ цѣломудрія предъ соблазнами и обольщеніями. Ибо подъ словомъ στῆθι (грудь), конечно, разумѣются мысли и умъ нашъ; а στηθόδεσμος (грудная повязка) — этотъ поясъ, связывающій и укрѣпляющій расположеніе души дѣвству,—есть любовь къ Богу, который (поясъ) предводитель нашъ и пастырь, Владыка и Женихъ Іисусъ да поможетъ мнѣ и вамъ, прекрасныя дѣвы, сохранить до конца неослабнымъ и запечатлѣннымъ; потому что не легко найти другую помощь людямъ лучше этого сокровища, угоднаго и пріятнаго Богу. Посему я утверждаю, что всѣ должны почитать дѣвство, и всегда соблюдать и восхвалять его. Этихъ начатковъ рѣчей отъ насъ да будетъ достаточно для тебя, Арета, какъ для шутки, такъ и не для шутки.—Принимаю этотъ даръ, сказала Арета,—говорила она, — но предлагаю говорить послѣ тебя Ѳаллусѣ; потому что мнѣ нужно отъ каждой изъ васъ выслушать по

рѣчи. Итакъ,—говорила она,—Ѳаллуса, помедливъ немного и какъ бы углубившись въ себя, сказала.

РѢЧЬ V.

ФАЛЛУСА.

Глава I.

Обѣтъ дѣвства есть великое приношеніе.

Прошу тебя, Арета, быть мнѣ и теперь помощницею, чтобы рѣчь моя оказалась достойною во первыхъ тебя, а потомъ и (прочихъ) присутствующихъ. Я убѣждена, достаточно научившись изъ священныхъ Писаній, что подвигъ дѣвства есть величайшая и превосходнѣйшая жертва и даръ, достойнѣе котораго люди не могутъ ничего другаго принести Богу. Подлинно, многіе во время закона совершили много прекрасныхъ дѣлъ по обѣтамъ, но совершившими великій обѣтъ назывались только тѣ, которые по свободной волѣ пожелали посвятить (Богу) самихъ себя. Такъ говорится въ одномъ мѣстѣ: *и сказалъ Господь Моисею, говоря: объяви сынамъ Израилевымъ, и скажи имъ: мужчина или женщина, который дастъ великій обѣтъ, соблюдать чистоту предъ Господомъ...* (Числ. VI, 1) [1]). Иной обѣщаетъ принести и посвятить въ храмъ золотые и серебряные сосуды, другой — посвятить десятину отъ плодовъ, иной (десятину) отъ имѣній, другой самое лучшее изъ стадъ, иной все имущество; но никто изъ нихъ еще не можетъ назваться давшимъ великій обѣтъ Господу, а только тотъ, кто всецѣло посвятилъ Богу самого себя.

Глава II.

Что значитъ принесеніе Авраамомъ въ жертву трилѣтней телицы, трилѣтней козы и трилѣтняго овна? Всякій возрастъ долженъ быть посвящаемъ Богу. Трикратная смѣна стражи и нашъ возрастъ.

Надобно постараться предъ вами, дѣвы, надлежащимъ образомъ объяснить смыслъ Писанія касательно предложеннаго предмета. Кто отчасти соблюдаетъ себя и внима-

[1]) По переводу 70 толковниковъ.

теленъ къ себѣ, а отчасти развлекается и согрѣшаетъ, тотъ не всецѣло посвящаетъ себя Богу. Ибо надобно совершенно всего себя посвятить (Богу), какъ по душѣ, такъ и по тѣлу, чтобы быть вполнѣ благоустроеннымъ и не имѣть недостатка. Посему и Аврааму Богъ повелѣваетъ: *возьми*, говоритъ, *Мнѣ трилѣтнюю телицу, трилѣтнюю козу, трилѣтняго овна, горлицу и молодаго голубя* (Быт. XV, 9). Прекрасно. Смотри, какъ Онъ и здѣсь внушаетъ тоже: „принеси Мнѣ и соблюди то, что́ небыло подъ ярмомъ и плугомъ, именно душу свою, какъ телицу, также и плоть и умъ: первую какъ бы козу, ибо она ходитъ по стремнинамъ и утесамъ; а послѣдній, какъ бы овна, чтобы онъ прыгая не палъ и не уклонился отъ истины; такимъ образомъ ты, Авраамъ, будешь совершеннымъ и непорочнымъ, посвятивъ Мнѣ и душу, и чувство, и умъ“, — которые символически Онъ назвалъ трилѣтними телицею, козою и овномъ, какъ бы указывая на правильное понятіе о Троицѣ. А можетъ быть, Онъ намекаетъ на первый, средній и послѣдній путь нашей жизни и нашего возраста, желая, какъ и вполнѣ слѣдуетъ, чтобы мы посвящали Ему и дѣтскій, и мужескій, и старческій возрасты, провождая цѣломудренную жизнь, какъ и Господь нашъ, Іисусъ Христосъ говоритъ въ евангеліяхъ, заповѣдуя такъ: *да будутъ чресла ваши препоясаны и свѣтильники горящи; и вы будьте подобны людямъ, ожидающимъ возвращенія господина своего съ брака, дабы, когда прійдетъ и постучитъ, тотчасъ отворить ему. Блаженны вы; ибо онъ посадитъ васъ, и подходя станетъ служить. И если во вторую и въ третью стражу (найдетъ такъ), то блаженны вы* (Лук. XII, 35—38). Смотрите, дѣвы, какъ Онъ, представляя три ночныхъ стражи, вечернюю, вторую и третью, и три прибытія свои, указалъ на три смѣны нашего возраста, дѣтскую, мужескую и старческую, чтобы придти и взять насъ отъ міра, хотя бы мы были въ первомъ возрастѣ, т. е. дѣтьми, если Онъ найдетъ насъ готовыми и чистыми и не преданными ничему порочному, также хотя бы во второмъ, хотя бы въ третьемъ. Ибо вечерняя стража есть время цвѣтущаго возраста человѣка и юности, когда умъ начинаетъ смущаться, увлекаясь развлеченіями жизни, а плоть его созрѣваетъ и пре-

дается страсти; вторая, когда онъ дѣлается совершеннымъ мужемъ, и умъ начинаетъ достигать устойчивости и твердости противъ смятеній и тщеславія; а третья, когда пожеланія большею частію прекращаются, и плоть уже увядаетъ и склоняется къ старости.

Глава III.

Самое лучшее — съ дѣтства упражняться въ добродѣтели.

Посему, зажегши въ сердцѣ неугасимый свѣтильникъ вѣры и препоясавши чресла цѣломудріемъ, должно бодрствовать и постоянно ожидать Господа, чтобы Онъ, захочетъ ли взять кого-либо изъ насъ въ первомъ возрастѣ, или во второмъ, или въ третьемъ, пришедши и нашедши насъ готовыми и исполнившими заповѣданное, упокоилъ въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова. *Благо человѣку*, говоритъ Іеремія, *когда онъ несетъ иго въ юности своей* (Плач. Іерем. III, 27), *и отъ Господа не удаляется душа его* (Іерем. XVII, 5). По истинѣ благо тому, кто, съ дѣтства подклонивъ выю подъ ученіе божественное, до старости не сбрасываетъ этого всадника, сидящаго надъ чистыми мыслями: потому что лукавый постоянно увлекаетъ умъ къ худшему. Напротивъ, кто, не перенося цѣломудрія, этого возницы, обуздывающаго и укрощающаго коня нечестія, не предается удовольствіямъ и наслажденіямъ посредствомъ зрѣнія, или слуха, вкуса, обонянія и осязанія? Иной, имѣя въ виду что-нибудь другое, будетъ думать иначе, а мы утверждаемъ, что совершенно посвящаетъ самаго себя Богу тотъ, кто съ дѣтства старается хранить и плоть свою чистою, соблюдая дѣвство. Ибо оно скоро доставляетъ посвятившимъ себя ему вожделѣнные великіе дары надеждъ, ослабляя пагубныя страсти и раздраженія души. Объяснимъ же, какимъ образомъ мы можемъ посвящать себя Господу.

Глава IV.

Какой же обѣтъ и посвященіе Богу — совершенны?

Итакъ, заключающаяся въ книгѣ Числъ заповѣдь о великомъ обѣтѣ (Числ. VI, 1) указываетъ на то, на что ука-

зываю я въ болѣе обстоятельномъ объясненіи, утверждая, что величайшій изъ всѣхъ обѣтовъ есть обѣтъ дѣвства. Ибо очевидно тогда я всю себя посвящаю Господу, когда стараюсь сохранить плоть не только непричастною совокупленію, но незапятнанною и другими нечистотами. *Незамужняя*, говоритъ Апостолъ, *заботится о Господнемъ, какъ угодить Господу* (1 Кор. VII, 34), не только такъ, чтобы получить славу храмлющей на одну сторону добродѣтели, но чтобы съ обѣихъ сторонъ, по словамъ Апостола, и тѣломъ и духомъ быть святою, посвящая члены свои Господу. А что значитъ совершенно посвятить себя Господу, объ этомъ надобно сказать. Если я буду раскрывать уста свои для чего-нибудь одного и закрывать для другаго, напр. если буду раскрывать для объясненія Писаній, чтобы по возможности православно и великолѣпно прославлять Бога, и закрывать, прилагая къ нимъ *дверь и ограждение* (Псал. CXL, 3), чтобы не говорить пустаго, — то уста мои дѣвствуютъ и посвящены Богу; *языкъ мой* сталъ *тростію* (Псал. XLIV, 2), орудіемъ мудрости; ибо чрезъ него явственными письменами пишетъ духовное Слово, просвѣщающее умъ глубиною и силою Писаній, Господь, вѣчный *книжникъ скорописецъ;* такъ какъ Онъ одинъ скоро и быстро пишетъ и исполняетъ волю Отца, слыша слова: *спѣшитъ грабежъ, ускоряетъ добыча* (Ис. VIII, 1). Этого книжника тростію и становится языкъ мой. Ему онъ дѣвственно преданъ и посвященъ, какъ прекрасная трость, пишущая прекраснѣе поэтовъ и ораторовъ, раскрывающихъ ученія человѣческія. Также если я пріучу глаза не устремляться съ вожделѣніемъ на красоту тѣлесную и не услаждаться непристойными зрѣлищами, но созерцать горнее,—то и глаза мои дѣвствуютъ и посвящены Господу. Если я, заградивъ уши отъ злословія и пустословія, буду открывать ихъ для Слова Божія, посѣщая мудрыхъ (Сир. VI, 36), то и слухъ свой я посвятила Господу. Если я буду удерживать руки отъ ростовщичества, отъ перепродажи, отъ любостяжанія, отъ нанесенія ударовъ, то и руки мои дѣвствуютъ для Бога. Если я удержу ноги отъ хожденія по путямъ разврата, то и ноги я посвятила (Богу),

ходя не на судилища и пиршества, гдѣ бываютъ люди нечестивые, но употребляя ихъ на исполненіе какой-либо заповѣди. Что мнѣ за тѣмъ остается, если я дѣвствую и по сердцу, посвятивъ Господу всѣ помышленія его, если не думаю ни о чемъ дурномъ, если нѣтъ во мнѣ ни гордости, ни гнѣва, и днемъ и ночью занимаюсь закономъ Господнимъ? Это и значитъ *быть чистымъ великою чистотою, обѣщаться великимъ обѣтомъ* (Числ. VI, 1).

Глава V.

Обѣтъ дѣвства и постановленіе о немъ въ законѣ. Виноградныя лозы — Христосъ и діаволъ.

Я постараюсь объяснить вамъ, дѣвы, и слѣдующія за тѣмъ предписанія, такъ какъ и они касаются вашихъ обязанностей, составляя законоположенія о дѣвствѣ и требованія, научающія, отъ чего дѣва должна воздерживаться и удаляться. Тамъ написано такъ: *и сказалъ Господь Моисею, говоря: объяви сынамъ Израилевымъ, и скажи имъ: если мужчина или женщина дастъ великій обѣтъ соблюдать чистоту предъ Господомъ, то онъ долженъ воздержаться отъ вина, и крѣпкаго напитка (σίκερα), и не долженъ употреблять ни уксусу изъ вина, ни уксусу изъ напитка, и ничего приготовленнаго изъ винограда не долженъ пить, и не долженъ пить ни сырыхъ, ни сушеныхъ виноградныхъ ягодъ во всѣ дни обѣта своего* (Числ. VI, 1—4) [1]). Это значитъ: кто обрекъ и посвятилъ себя Господу, тотъ не долженъ срывать плодовъ съ дерева нечестія, потому что они всегда производятъ опьяненіе и изступленіе. Ибо мы знаемъ изъ Писаній, что есть два рода винограда, которые растутъ отдѣльно другъ отъ друга и различны между собою. Одинъ доставляетъ безсмертіе и правду, а другой бываетъ причиною неистовства и безумія. Виноградъ, отрезвляющій и веселящій (Зах. IX, 1. 7; Псал. CIII, 15), радостно производящій изъ глаголовъ своихъ, какъ бы изъ вѣтвей, грозды дарованій, источающіе любовь, есть Господь нашъ,

[1]) По переводу 70 толковниковъ.

Іисусъ Христосъ, который ясно говоритъ Апостоламъ: *я есть истинная виноградная лоза, вы вѣтви, а Отецъ Мой виноградарь* (Іоан. XV, 1. 5). Дикій же и смертоносный виноградъ, источающій неистовство, ядъ и гнѣвъ, есть діаволъ, какъ говоритъ Моисей, описывая его такъ: *виноградъ ихъ отъ виноградной лозы Содомской и съ полей Гоморскихъ; ягоды ихъ ягоды ядовитыя, грозды ихъ горькіе; вино ихъ ядъ драконовъ и гибельная отрава аспидовъ* (Второзак. XXXII, 32. 33). Имъ насыщаясь, жители Содома дошли до такого неистовства, что предались противоестественному безплодному мужеложеству (Быт. XVIII, 20; XIX, 4). Имъ упиваясь, современники Ноя впали въ невѣріе, и погибли подъ водами потопа (Быт. VI, 7). Отсюда почерпая, Каинъ обагрилъ братоубійственныя руки и осквернилъ землю родственною кровію (Быт. IV, 8). Имъ упиваясь, народы возбуждаютъ ярость свою къ убійственнымъ войнамъ другъ противъ друга. Не въ такое приходитъ человѣкъ изступленіе и умопомѣшательство отъ вина, какъ отъ зависти и гнѣва; не столько пьянѣютъ и неистовствуютъ отъ вина, сколько отъ скуки, отъ любовной страсти, отъ невоздержности. Отъ этого винограда запрещено вкушать дѣвѣ, чтобы она, оставаясь трезвенною и неусыпляемою отъ житейскихъ заботъ, возжигала Слову свѣтильникъ, сіяющій свѣтомъ правды. *Смотрите же за собою,* говоритъ Господь, *чтобы сердца ваши не отягчались объяденіемъ и пьянствомъ и заботами житейскими, и чтобы день тотъ не постигъ васъ, какъ сѣть* (Лук. XXI, 34).

Глава VI.

Сикеръ-вино искусственное и поддѣльное, и также опьяняющее. Дѣвѣ нужно остерегаться и отъ того, что близко ко грѣху. Дѣвы—жертвенникъ ѳиміама.

Дѣвѣ запрещено касаться какимъ-либо образомъ не только того, что̀ приготовляется изъ этого винограда, но и того, что̀ сходно и сродно съ нимъ; такъ крѣпкимъ напиткомъ (σίκερα) называется всякое искусственное и поддѣльное вино, будетъ ли оно приготовлено изъ финиковъ, или

изъ другихъ древесныхъ плодовъ. И эти напитки столь же сильно омрачаютъ разумъ, какъ и употребленіе вина. И если сказать вамъ правду, то мудрые называютъ сикеромъ все, что подобно виноградному вину производитъ опьяненіе и изступленіе души. Посему, чтобы дѣва, охраняя себя только отъ существенныхъ грѣховъ нечестія, не осквернялась подобнымъ и сроднымъ съ ними, отъ одного воздерживаясь, а другому предаваясь, напр. украшаясь тканями отличныхъ одеждъ, или камнями и золотомъ и другими тѣлесными украшеніями, которыя также опьяняютъ душу,—для этого предписывается, чтобы она не предавалась чрезмѣрно женскому легкомыслію, смѣху, притворству и пустословію, которыя кружатъ и смущаютъ умъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ внушаетъ (Писаніе), когда говоритъ: *не ѣшьте гіены* (θαῖνα) *и тому подобныхъ, и крота и тому подобныхъ* (Лев. XI, 27—29). Ибо—тотъ самый прямой и краткій путь къ небу, чтобы не только не брать съ собою ничего, препятствующаго и вреднаго для человѣка, склоннаго къ сладострастію и наслажденіямъ, но и подобнаго тому. Подлинно, сонмъ дѣвственницъ есть безкровный жертвенникъ, какъ говоритъ преданіе; такимъ великимъ и славнымъ стяжаніемъ является дѣвство. Посему всячески должно соблюдать его незапятнаннымъ и чистымъ, непричастнымъ плотскихъ нечистотъ, и ставить его предъ (ковчегомъ) откровенія внутри Святаго Святыхъ позлащеннымъ премудростію и воскуряющимъ ѳиміамъ любви Господу. *Сдѣлай Мнѣ*, говоритъ Онъ, кромѣ жертвенника, обложеннаго мѣдью, для всесожженій, на которомъ приносились жертвы, другой *жертвенникъ изъ деревъ негніющихъ, обложи его золотомъ, и поставь его предъ завѣсою, которая предъ ковчегомъ откровенія, противъ крышки, которая на ковчегѣ откровенія; гдѣ Я буду открываться тебѣ. На немъ Ааронъ будетъ курить благовоннымъ куреніемъ, каждое утро, когда онъ приготовляетъ лампады, будетъ курить на немъ всегдашнее куреніе предъ Господомъ въ роды ваши. Не будетъ приноситься на немъ никакого инаго куренія, ни всесожженія, ни приношенія хлѣбнаго, и возліянія не будетъ возливаться на немъ* (Исх. XXVII, 2. 3. XXX, 1—9).

Глава VII.

Церковь находится въ срединѣ между тѣнями закона и небесными истинами.

Если законъ, по словамъ Апостола, духовенъ и заключаетъ въ себѣ образы *будущихъ благъ* (Евр. X, 1), то снявъ съ него покрывало письмени, мы можемъ открыто видѣть непокровенную истину. Евреямъ было заповѣдано украсить скинію, подобіе Церкви, чтобы они могли посредствомъ чувственныхъ предметовъ предвозвѣщать образъ божественныхъ. Ибо образецъ, показанный на горѣ, на который взирая Моисей устроилъ скинію (Исх. XXX, 40), былъ точнымъ отраженіемъ небеснаго селенія, предъ которымъ мы теперь служимъ яснѣе прообразовъ (τὺπων), но темнѣе самой истины. Самая истина, какова она есть сама по себѣ, еще не пришла къ намъ—людямъ, которые здѣсь не можемъ переносить созерцанія чистаго нетлѣнія, какъ не можемъ смотрѣть на лучи солнечные. Евреи возвѣщали тѣнь образа, третью отъ истины; мы же свѣтло величаемъ образъ (εἰχόνα) небеснаго селенія. А самая истина въ точности откроется по воскресеніи, когда мы *не гадательно и отчасти, а лицемъ къ лицу* (1 Кор. XIII, 12) будемъ созерцать святую скинію, тотъ небесный городъ, *котораго художникъ и строитель Богъ* (Евр. XI, 10).

Глава VIII.

Два жертвенника — вдовы и дѣвы. Золото — символъ дѣвства.

Іудеи предвозвѣщали о нашемъ, а мы возвѣщаемъ о небесномъ, такъ какъ скинія была символомъ Церкви, а Церковь—небесъ. Если это такъ, если скинія, какъ я сказала, принимается за образъ Церкви, то необходимо, чтобы и жертвенники служили какими-нибудь знаками принадлежностей Церкви. Жертвенникъ, обложенный мѣдью, можно уподобить старческому отдѣлу вдовъ; ибо онѣ суть одушевленный жертвенникъ Божій, на который приносили тельцовъ и десятины и другіе добровольные дары, посвящаемые въ жертву Господу; а жертвенникъ, обложенный золотомъ,

который находился внутри Святаго Святыхъ предъ ковчегомъ откровенія, и на который запрещено было приносить жертву и возліянія, надобно сравнить съ дѣвственницами, укрѣпившими нерастлѣнныя совокупленіемъ тѣла свои нетлѣннымъ золотомъ. Въ похвалу золота указываютъ на два свойства его, на то, что оно не подвергается ржавчинѣ, и на то, что по цвѣту своему оно нѣсколько уподобляется солнечнымъ лучамъ; оно справедливо и служитъ символомъ дѣвства, которое не допускаетъ пятна и порока (Ефес. V, 27) и постоянно сіяетъ свѣтомъ Слова. Посему оно и стоитъ внутри Святаго Святыхъ, весьма близко и предъ самою завѣсою, вознося чистыми руками, какъ бы ѳиміамъ, молитву Господу въ пріятное благоуханіе, какъ внушаетъ и Іоаннъ, говоря, что ѳиміамы въ чашахъ двадцати четырехъ старцевъ суть молитвы святыхъ (Апок. V, 8). — Вотъ что тебѣ, Арета, и я безъ приготовленія посильно приношу въ разсужденіе о дѣвствѣ.

Когда Ѳаллуса сказала это,—говорила Ѳеопатра, — то Арета коснулась жезломъ Агаѳы, которая, почувствовавъ, тотчасъ встала и отвѣчала.

РѢЧЬ VI.

АГАѲА.

Глава I.

Превосходство дѣвы, соблюдающей свою красоту. Душа создана по подобію образа Божія, т. е. Сына. Діаволъ-обольститель души.

Такъ какъ ты, Арета, сама возбуждаешь великое дерзновеніе и увѣренность и желаніе сказать что-нибудь хорошее, то и я постараюсь привнести что-нибудь къ разсужденію объ этомъ предметѣ по моимъ силамъ, а не соотвѣтственно тому, что уже сказано. Ибо я не могу разсуждать наравнѣ съ тѣмъ, что такъ прекрасно и блистательно отдѣлано. Кажется, я навлекла бы на себя обличеніе въ неразумiи, если бы рѣшилась равняться съ превосходнѣйшими въ мудрости. Итакъ, если вы будете сни-

сходительны и къ тѣмъ, которые говорятъ какъ случится, то я приступлю къ рѣчи, впрочемъ со всею тщательностію. Начну отсюда.—Дѣвы! мы всѣ приходимъ въ сей міръ одаренными красотою несравненною, сродною и близкою съ Премудростію. Души въ точности соотвѣтствуютъ родившему и образовавшему ихъ въ особенности тогда, когда онѣ, сіяя чистою красотою подобія (съ Нимъ) и чертами того первообраза, созерцая который Богъ образовалъ ихъ имѣющими безсмертный и нетлѣнный видъ, остаются такими. Ибо Онъ,—эта красота нерожденная и безплотная, не имѣющая начала и непричастная разрушенію, неизмѣнная, нестарѣющаяся и ни въ чемъ не нуждающаяся, самъ въ Себѣ и по Себѣ Свѣтъ, обитающій въ неизреченномъ и неприступномъ жилищѣ (1 Тимоѳ. VI, 16), преизбыткомъ могущества содержащій и творящій и образующій все, создалъ душу по подобію своего образа. Потому она и разумна и безсмертна; ибо она, бывъ создана, по образу Единороднаго, какъ я сказала, имѣетъ несравненную красоту. Потому и духи злобы (Ефес. VI, 12), по нечистой любви къ ней, строятъ козни, стараясь осквернить этотъ богоподобный и вожделѣнный видъ ея, какъ изображаетъ и пророкъ Іеремія въ обличеніе Іерусалима: *у тебя былъ лобъ блудницы, ты отбросила стыдъ съ любовниками твоими* (Іерем. III, 1—3), говоря о той, которая отдаетъ сама себя на оскверненіе враждебнымъ силамъ. Эти любовники суть діаволъ и ангелы его, которые своимъ вмѣшательствомъ стараются запятнать и осквернить словесную и разумную красоту нашего ума и желаютъ прелюбодѣйствовать со всякою душею, обрученною Господу.

Глава II.

Притча о десяти дѣвахъ.

Итакъ, если кто сохранитъ это красоту незапятнанною, неповрежденною и такою, какою отпечатлѣлъ ее самъ создавшій и украсившій ее по подобію вѣчнаго и разумнаго Существа, котораго человѣкъ есть образъ и подобіе, явив-

шись какъ бы прекраснѣйшимъ и священнымъ Его изображеніемъ, то онъ, переселившись отсюда въ городъ блаженныхъ, т. е. на небеса, поселится какъ бы во храмѣ. Красота же наша всего лучше и надежнѣе сохраняется чистотою тогда, когда она, ограждаясь дѣвствомъ, не чернится отвнѣ огнемъ растлѣнія, но оставаясь одинаковою сама въ себѣ, украшается правдою, обручившись Сыну Божію, какъ и самъ Онъ говоритъ, когда заповѣдуетъ, чтобы въ нашихъ тѣлахъ, какъ бы въ свѣтильникахъ, горѣлъ свѣтъ дѣвства (Матѳ. XXV). Десять дѣвъ означаютъ души, вѣрующія въ Іисуса Христа; а числомъ десять изображается прямой единственный путь на небеса. Но пять изъ нихъ были благоразумныя и мудрыя, другія же пять глупыя и неразумныя; ибо онѣ не позаботились наполнить свои сосуды елемъ, не исполнившись правды. Подъ послѣдними разумѣются тѣ, которыя стремятся достигнуть цѣли дѣвства и пристойно и трезвенно исполняютъ все, ведущее къ достиженію этой вожделѣнной цѣли, но разглашая и тщеславясь этимъ намѣреніемъ ослабѣваютъ и побѣждаются преходящею суетою міра и оказываются болѣе начертывающими тѣнь добродѣтели, нежели исполняющими самую одушевленную истину.

Глава III.

Стремленіе и предначинанія къ дѣвству бываютъ одинаковы, а послѣдствія различны.

Слова: *подобно царство небесное десяти дѣвамъ, которыя, взявъ свѣтильники свои, вышли на встрѣчу жениху* (Матѳ. XXV, 1), выраженіемъ десятеричнаго числа указываютъ на то, что ими избранъ былъ одинъ и тотъ же путь жизни. Ибо онѣ отправились, согласившись между собою на одно и тоже дѣло, и потому полагаются въ числѣ десяти, что имѣли, какъ я сказала, одно и тоже намѣреніе; но не одинаково онѣ вышли на встрѣчу жениху. Однѣ изъ нихъ въ изобиліи и на будущее время запасли пищу для свѣтильниковъ, питающихся елеемъ; а другія, заботясь только о настоящемъ, были безпечны. Раздѣленіе ихъ на равныя числа по пяти

означаетъ пять чувствъ, которыя многія называютъ вратами мудрости, и которыя однѣ изъ нихъ сохранили чистыми и дѣвственными отъ грѣховъ, а другія напротивъ исказили множествомъ неправдъ, предавшись нечестію. Онѣ, при своемъ дѣвствѣ, воздерживаясь отъ дѣлъ правды, принесли болѣе грѣховныхъ плодовъ, отъ чего и произошло то, что онѣ были отвергнуты и остались внѣ божественныхъ чертоговъ. Ибо, дѣлаемъ ли мы что-нибудь доброе, или грѣшимъ, чрезъ эти (чувства) исполняются и добрыя и злыя дѣла. И какъ Ѳаллуса сказала, что есть дѣвственность глазъ, ушей, языка и прочихъ чувствъ, такъ и здѣсь пятью дѣвами называется всякая, сохранившая неповрежденною вѣрность пяти проводниковъ добродѣтели — зрѣнія, вкуса, обонянія, осязанія и слуха, когда она воспріятія пяти чувствъ представляетъ чистыми Христу, свѣтло сіяя, подобно свѣтильнику, святостію каждаго изъ нихъ. По истинѣ наше тѣло есть пятисвѣщный свѣтильникъ, который душа неся, подобно факелу, представитъ въ день воскресенія Жениху-Христу, выразивъ проявляющуюся чрезъ всѣ чувства свѣтлую вѣру, какъ Онъ самъ научилъ, сказавъ: *огонь пришелъ Я низвесть на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся* (Лук. XII, 49), называя землею наши (тѣлесныя) хижины, въ которыхъ Онъ желалъ скорѣе возжечь животворное и пламенное дѣйствіе своего ученія. А елей надобно уподобить мудрости и правдѣ. Ибо, когда душа изобилуетъ ими и проводитъ ихъ въ тѣло, то неугасимое пламя добродѣтели поднимается вверхъ, озаряя людей добрыми дѣлами такъ, что прославляется Отецъ небесный (Матѳ. V, 16).

Глава IV.

Что значитъ елей въ свѣтильникахъ?

Такой же елей приносили и тѣ (ветхозавѣтные), по книгѣ Левитъ, *елей чистый, выбитый, для освѣщенія, чтобы горѣлъ свѣтильникъ внѣ завѣсы предъ Господомъ* (XXIV, 2). Но имъ повелѣно было поддерживать самый слабый свѣтъ отъ вечера до утра. Ибо ихъ свѣтильникъ, питаемый дѣлами и

вѣрою народа, кажется, соотвѣтствовалъ пророческому слову, прямо указывающему на цѣломудріе, а храмъ (соотвѣтствовалъ) *удѣлу наслѣдія* (Псал. CIV, 11), такъ какъ свѣтильникъ можетъ свѣтить только въ одномъ домѣ. Посему этому свѣтильнику надлежало горѣть до наступленія дня: *пусть возжигаютъ его*, сказано тамъ, *до утра* (Лев. XXIV, 3), т. е. до пришествія Христа; потому что когда возсіяло солнце дѣвства и правды, то нѣтъ нужды въ свѣтильникѣ. Итакъ доколѣ этотъ народъ приносилъ необходимое для питанія свѣтильника, доставляя елей (добрыми) дѣлами, дотолѣ у нихъ не угасалъ свѣтильникъ цѣломудрія, но всегда блисталъ и свѣтилъ *въ удѣлѣ наслѣдія*. Когда же этотъ елей оскудѣлъ отъ того, что они уклонились отъ вѣры въ невоздержаніе, то свѣтильникъ совершенно погасъ, дабы дѣвы преемственно, какъ бы свыше озаряя міръ нетлѣніемъ, опять засвѣтили эти свѣтильники. Посему и нынѣ должно приносить въ изобиліи чистый елей добрыхъ дѣлъ и мудрости, очищенный отъ всякаго влекущаго долу тлѣнія, дабы, въ ожиданіи замедлившаго Жениха, и наши свѣтильники также не погасли. Это замедленіе есть время до пришествія Христова; дремота и сонъ дѣвъ — отшествіе отъ жизни; полночь — царство антихриста, когда ангелъ-истребитель пройдетъ по (нашимъ) жилищамъ; а раздавшійся крикъ: *вотъ Женихъ идётъ, выходите Ему на встрѣчу* (Матѳ. XXV, 6) — голосъ съ небесъ и трубный звукъ, когда святые, по воскресеніи всѣхъ ихъ, будутъ восхищены на облакахъ и пойдутъ въ срѣтеніе Господу (I Сол. IV, 16. 17). Ибо надобно замѣтить, послѣ этого крика *встали всѣ дѣвы*, какъ говоритъ Слово (Божіе), т. е. послѣ голоса съ небесъ мертвые воскреснутъ, какъ учитъ и Павелъ, когда говоритъ: *самъ Господь при возвѣщеніи, при гласѣ Архангела и трубѣ Божіей сойдетъ съ неба, и мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде* (I Сол. IV, 16), т. е. (тѣлесныя) хижины, которыя умерли, разлучившись съ душами. *Потомъ мы, оставшіеся въ живыхъ, вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ* (ст. 17); это онъ говоритъ о душахъ. Ибо мы, живущіе, собственно суть наши души, которыя вмѣстѣ съ тѣлами, опять воспринятыми, на об-

лакахъ пойдутъ на встрѣчу (Господу), неся свѣтильники, украшенные не чуждымъ и мірскимъ украшеніемъ, но свѣтомъ мудрости и цѣломудрія, исполненнымъ эѳирнаго сіянія подобно сіяющимъ звѣздамъ.

Глава V.

Награда дѣвства.

Таково торжество нашего таинства, прекрасныя дѣвы; таковы священнодѣйствія посвященныхъ въ таинство дѣвства; таковы награды чистыхъ подвиговъ цѣломудрія (Прем. IV, 2). Я дѣлаюсь невѣстою Слова, и получаю въ приданое вѣчный вѣнецъ нетлѣнія и богатство отъ Отца; и вѣчно торжествую, увѣнчанная блестящими и неувядающими цвѣтами мудрости; ликую на небѣ съ Мздовоздаятелемъ Христомъ, близъ безначальнаго и безконечнаго Царя. Я стала свѣщеносицею незаходимаго свѣта и воспѣваю новую пѣснь въ обществѣ Архангеловъ, прославляя новую благодать Церкви; ибо сонмъ дѣвъ всегда слѣдуетъ за Господомъ и торжествуетъ вмѣстѣ съ Нимъ, гдѣ бы Онъ ни былъ. Это выражаетъ и Іоаннъ, упоминая о ста-сорока четырехъ тысячахъ (Апок. VII, 4). Итакъ, шествуйте, юныя дщери новыхъ вѣковъ! Шествуйте, наполняйте ваши сосуды правдою! Ибо уже время встать и идти на встрѣчу Жениху. Шествуйте, смѣло проходя мимо забавъ и прелестей житейскихъ, смущающихъ и очаровывающихъ душу; ибо вы получите обѣщанное. „Клянусь Тѣмъ, Кто указалъ намъ путь жизни [1])“.

Этотъ вѣнокъ, сплетенный изъ пророчествъ, и я собрала съ пророческихъ луговъ, и приношу тебѣ, Арета.

Когда Агаѳа такъ прекрасно окончила свою рѣчь, — говорила она, — и удостоилась похвалы отъ тѣхъ, предъ которыми произносила ее, тогда Арета еще предложила говорить Прокиллѣ. Она же, вставши и занявши мѣсто предъ палаткою, сказала слѣдующее:

---

[1]) Экзаметръ, составленный примѣнительно къ ст. 47 такъ называемыхъ Золотыхъ стиховъ Пиѳагора.

РѢЧЬ VII.

ПРОКИЛЛА.

Глава I.

Какой истинно-достойный способъ хваленія? Отецъ больше Сына по силѣ начала, но не по существу. Дѣвство-лилія. Души вѣрныхъ и дѣвы; единая невѣста единаго Христа.

Отставать мнѣ, Арета, не слѣдуетъ даже и послѣ такихъ рѣчей, мнѣ, несомнѣнно вѣрующей въ многообразную премудрость Божію, которая можетъ богато и различно одарять тѣхъ, кого хочетъ. Мореплаватели говорятъ, что иногда для плавающихъ на корабляхъ дуетъ одинъ и тотъ же вѣтеръ; а между тѣмъ разные, управляя своимъ плаваніемъ различно, направляются не въ одну и ту же сторону. Для однихъ этотъ вѣтеръ, дуя прямо въ корму, дѣлается попутнымъ, а для другихъ онъ дуетъ съ боку; и однако и тѣхъ и другихъ плаваніе совершается весьма удобно. Такъ и *разумный, святый и единородный Духъ премудрости* (Прем. VII, 22), тихо вѣя свыше изъ отческихъ сокровищъ и навѣвая на всѣхъ насъ пріятное дыханіе вѣдѣнія, да поможетъ безопасно совершить теченіе слова. Однако мнѣ пора уже начать рѣчь.

Истинный и основательный способъ хвалы, дѣвы, одинъ тотъ, когда хвалящій представляетъ свидѣтеля, высшаго хвалы и всего хвалимаго. Ибо такимъ образомъ можно ясно убѣдиться, что словесная похвала дѣлается не изъ угожденія, не по необходимости, не по мнѣнію, а по истинѣ и нелицепріятному суду. Такъ и пророки и апостолы, полнѣе разсуждая о Сынѣ Божіемъ и богословствуя, что Онъ выше всѣхъ людей, не ангельскими словами подтверждали хвалы Ему, но Тѣмъ самимъ, отъ Котораго зависитъ сила и власть всего. Ибо надлежало, чтобы большій всѣхъ прочихъ послѣ Отца, получилъ свидѣтельство отъ одного Отца, Который *болѣе Его* (Іоан. XIV, 28) [1]). Посему и я буду под-

[1]) Выраженія этого мѣста о лицѣ І. Христа подавали нѣкоторымъ поводъ думать, что здѣсь содержатся Аріанскія мысли, вставленныя еретиками

твердать похвалы дѣвству не человѣческимъ мнѣніемъ, а Тѣмъ, Который печется (о насъ) и Который выше всего, объяснивъ, что Онъ есть воздѣлыватель его и любитель красоты его и достовѣрный свидѣтель. Это можетъ ясно видѣть всякій желающій въ Пѣсни Пѣсней, гдѣ самъ Христосъ, восхваляя твердо пребывающихъ въ дѣвствѣ, говоритъ: *что́ лилія между тернами, то́ возлюбленная моя между дѣвицами* (II, 2), сравнивая даръ дѣвства съ лиліей по чистотѣ, благоуханію, пріятности и красотѣ. Подлинно дѣвство есть весенній цвѣтокъ, нѣжно произращающій на своихъ всегда бѣлыхъ листьяхъ цвѣтъ нетлѣнія. Посему Онъ и не стыдится открыто выражать свою любовь къ цвѣтущей красотѣ его. *Плѣнила сердце мое ты, сестра моя, невѣста*, говоритъ Онъ далѣе, *плѣнила сердце мое ты однимъ взглядомъ очей твоихъ, однимъ ожерельемъ на шеѣ твоей. О, какъ прекрасна грудь твоя, и благоуханіе одеждъ твоихъ лучше всѣхъ ароматовъ* [2])! *Сотовый медъ каплетъ изъ устъ твоихъ, невѣста, медъ и молоко подъ языкомъ твоимъ, и благоуханіе одежды твоей подобно благоуханію Ливана! Запертый садъ — сестра моя, невѣста заключенный колодезь, запечатанный источникъ.* (Пѣснь пѣсн. IV, 9—12). Такія похвалы воспѣваетъ Христосъ тѣмъ, которыя вступили на поприще дѣвства, изображая всѣхъ ихъ подъ однимъ именемъ невѣсты, такъ какъ невѣста должна соотвѣтствовать жениху и по названію приспособляться къ нему; равно какъ должна быть чистою и непорочною подобно запечатанному саду, въ которомъ растутъ всякіе ароматы небеснаго благоуханія, чтобы одинъ Христосъ, пришедши срывалъ ихъ, произрасшихъ отъ безтѣлесныхъ сѣмянъ. Ибо ничто плотское не удостоивается любви Слова, такъ какъ Оно по существу своему не услаждается ничѣмъ тлѣннымъ, напр. руками, или лицемъ, или ногами, но взираетъ на

впослѣдствіи времени (см. Migne, p. 124 и 231); но, при правильномъ разумѣніи какъ этихъ выраженій, такъ и приведеннаго текста Св. Писанія, здѣсь можетъ и не заключаться ничего противнаго православному ученію, хотя надобно прибавить, что св. Меѳодій, писавшій прежде Аріанской ереси и 1-го Вселенскаго Собора, не могъ быть слишкомъ точенъ въ выраженіяхъ догматическихъ.

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ.

невещественное и духовное и имъ утѣшается, не прикасаясь къ красотѣ тѣлесной.

Глава II.

Объясненіе мѣста изъ Пѣсни Пѣсней: IV, 9—12.

Замѣтьте, дѣвы, что слова Его къ невѣстѣ: *ты плѣнила сердце мое однимъ взглядомъ очей твоихъ*, относятся къ зрительному оку разума, когда внутренній человѣкъ, очистивъ его, ясно созерцаетъ истину. Ибо всякому извѣстно, что есть два чувства зрѣнія: одно-душевное, а другое тѣлесное, но не о любви своей къ тѣлесному свидѣтельствуетъ Слово, а только къ духовному, когда говоритъ: *ты плѣнила сердце мое однимъ взглядомъ очей твоихъ, однимъ ожерельемъ на шеѣ твоей.* Это значитъ: ты возжделѣннымъ взоромъ мудрости твоей возбудила любовь въ сердцѣ Моемъ, сіяя внутри свѣтлою красотою цѣломудрія. Шейными ожерельями называются надѣваемыя на шею цѣпи, составленныя изъ разнообразныхъ и драгоцѣнныхъ камней. Души, заботящіяся о тѣлѣ, надѣваютъ это чувственное украшеніе на внѣшнюю шею тѣла для обольщенія зрителей, а дѣвственныя души придаютъ себѣ внутри украшеніе, состоящее по истинѣ изъ драгоцѣнныхъ и разнообразныхъ камней: свободы, великодушія, мудрости, любви, мало заботясь о такихъ временныхъ украшеніяхъ, которыя, подобно листьямъ, нѣсколько времени цвѣтутъ и вмѣстѣ съ измѣненіемъ тѣла увядаютъ. Такимъ образомъ, у человѣка оказываются два украшенія, изъ которыхъ къ внутреннему нетлѣнному благоволитъ Господь, свидѣтельствуя, что *сердце Его плѣнилось однимъ ожерельемъ на шеѣ невѣсты*, какъ-бы выражая то, что Онъ возлюбилъ сіяющее свѣтомъ одѣяніе внутренняго человѣка, какъ свидѣтельствуетъ и Псалмопѣвецъ, говоря: *вся слава дочери царя внутри* (Псал. XLIV, 14).

Глава III.

Дѣвы, какъ мученицы, занимаютъ первое мѣсто между близкими ко Христу.

Впрочемъ, да не подумаетъ кто-нибудь, что прочее общество вѣрующихъ отвергается, вообразивъ, будто мы только—однѣ дѣвы—будемъ введены въ наслѣдіе обѣтованія, и не сообразивъ, что тамъ будутъ разные сонмы и обители и разряды, сообразно съ вѣрою каждаго. Это и Павелъ изображаетъ такъ: *иная слава солнца, иная слава луны, иная звѣздъ, и звѣзда отъ звѣзды разнится во славѣ: такъ и при воскресеніи мертвыхъ* (I Кор. XV, 41—42). И Господь свидѣтельствуетъ, что не всѣмъ будутъ даны однѣ и тѣже почести, но однимъ Онъ присвояетъ царство небесное, другимъ обѣщаетъ наслѣдіе земли, инымъ созерцаніе Отца (Матѳ. V). Такъ и здѣсь Онъ предвозвѣщаетъ, что святый сонмъ дѣвъ, какъ первый разрядъ; войдетъ вмѣстѣ съ Нимъ въ покой новыхъ вѣковъ, какъ-бы въ брачный чертогъ. Ибо онѣ принадлежатъ къ мученикамъ, перенося тѣлесныя тягости не какое-нибудь краткое время, но страдая во всю жизнь, и не убоявшись подвизаться поистинѣ олимпійскимъ подвигомъ дѣвства; посему онѣ, какъ сопротивляющіяся жестокимъ пыткамъ удовольствій, и опасеніямъ и скорбямъ и другимъ бѣдствіямъ человѣческаго нечестія, прежде всѣхъ получаютъ почести, занимая лучшее мѣсто обѣтованія. Притомъ эти только души Слово называетъ своею избранною и истинною невѣстою, а прочія — сожительницами и дѣвицами и дщерями, въ слѣдующихъ словахъ: *есть шестьдесятъ царицъ и восемьдесятъ наложницъ и дѣвицъ безъ числа! но единственная она, голубка моя, чистая моя, единственная она у матери своей, отличенная у родительницы своей. Увидѣли ее дочери* [1]), *и превознесли ее, царицы и наложницы и восхвали ее* (Пѣснь Пѣсн. VI, 7—8). Т. е. хотя много есть дщерей Церкви, но только одна есть избранная и возлюбленнѣйшая въ очахъ Ея больше всѣхъ; это — сонмъ дѣвственницъ.

[1]) Θυγατέρες по переводу 70-ти толковниковъ.

Глава IV.

Объясненіе мѣста изъ книги Пѣснь Пѣсней, IV, 7—8. Царицы-души святыхъ, жившихъ до потопа.—Сожительницы—души пророковъ.—Божественное сѣмя для рожденія духовныхъ плодовъ въ книгахъ пророковъ.—Какъ-бы тайный бракъ Слова съ пророческими душами.

Если же кто недоумѣваетъ, находя эти слова (Писанія) еще недостаточно объясненными, и желаетъ, чтобы они были полнѣе раскрыты въ духовномъ ихъ смыслѣ, что такое царицы и дѣвицы, то мы скажемъ, что они могутъ относиться къ тѣмъ, которыя отъ начала въ теченіи вѣковъ отличались праведностію, какъ-то: жившія прежде потопа, жившіе послѣ потопа и жившія со времени Христа. Такъ невѣста есть Церковь, а царицы—тѣ царственныя, угодившія Богу души, которыя жили прежде потопа, т. е. временъ Авеля и Сиѳа и Эноха; сожительницы же—души жившихъ послѣ потопа пророковъ, съ которыми Господь, вступая въ общеніе какъ съ сожительницами, прежде нежели Церковь соединилась съ Нимъ, сѣялъ въ нихъ истинные глаголы нетлѣннаго и чистаго любомудрія, чтобы онѣ, зачавши вѣру, родили *духъ спасенія* (Исаіи XXVI, 18)[1]. Ибо такіе плоды, приносящіе приснопамятную славу, раждаютъ тѣ души, съ которыми входитъ въ общеніе Христосъ. Если вы, дѣвы, захотите взглянуть въ писанія Моисея, или Давида, или Соломона, или Исаіи, или послѣдующихъ пророковъ, то вы увидите, какіе спасительные для жизни плоды свои оставили они вслѣдствіе общенія съ Сыномъ Божіимъ. Посему Слово (Божіе) мудро назвало души пророковъ сожительницами, потому что Онъ имѣлъ общеніе съ ними не такъ явно, какъ съ Церковію, за которую совершено закланіе упитаннаго тельца (Лук. XV, 23).

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ.

Глава V.

Шестьдесятъ царицъ: почему исчислено шестьдесятъ, и почему онѣ названы царицами? Превосходство святыхъ перваго вѣка.

Кромѣ того, чтобы ничто изъ необходимаго не ускользнуло отъ нашего вниманія, нужно объяснить, почему исчислено царицъ шестьдесятъ, сожительницъ восемьдесятъ, дѣвицъ столько, что и сосчитать нельзя, а невѣста одна. И во первыхъ надобно сказать о шестидесяти. Здѣсь шестьюдесятью царицами, я думаю, называются тѣ, которыя отъ первозданнаго до Ноя преемственно угождали Богу, потому что они не имѣли нужды въ предписаніяхъ и законахъ для спасенія, такъ какъ для нихъ было еще недавнимъ устройство міра въ шесть дней. Они помнили какъ Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней и что произошло въ раю, какъ человѣкъ, получивши заповѣдь не касаться древа познанія, палъ, бывъ увлеченъ виновникомъ зла (Быт. III, 3). Посему (Писаніе) символически и назвало шестьюдесятью (ἑξήκοντα) царицами эти души, которыя вскорѣ по сотвореніи міра преемственно питали любовь къ Богу и были, если можно такъ выразиться, почти порожденіями перваго вѣка и близкими къ шестидневному творенію, потому что онѣ жили, какъ я сказала, непосредственно послѣ шести дней (ἑξήμερον) творенія. Ибо онѣ пользовались великою честію, бесѣдуя съ ангелами и часто созерцая Бога на яву, а не во снѣ. Посмотрите, какое дерзновеніе имѣлъ предъ Богомъ Сиѳъ, какое Авель, какое Еносъ, какое Энохъ, какое Маѳусалъ, какое Ной — первые любители правды и первые изъ *первенцовъ, написанныхъ на небесахъ* (Евр. XII, 23), наслѣдовавшіе царство, какъ нѣкоторый начатокъ растеній во спасеніе, какъ произрасшій ранній плодъ Богу. Впрочемъ объ нихъ довольно.

Глава VI.

Кто такія восемьдесятъ сожительницъ? Преподанное пророками ученіе о воплощеніи.

Еще надобно сказать о сожительницахъ. У тѣхъ, которыя жили послѣ потопа, познаніе Бога было болѣе отда-

ленное, и онѣ имѣли нужду въ другомъ ученіи, которое послужило бы имъ врачевствомъ и помощію при распространявшемся идолопоклонствѣ. Поэтому, чтобы родъ человѣческій не былъ омраченъ забвеніемъ добра, Богъ поручилъ Сыну Своему внушить пророкамъ будущее пришествіе Свое въ жизнь во плоти, во время котораго возвѣстится радость духовнаго восьмаго дня (ὀγδοάδος) и вѣдѣніе, доставляющее отпущеніе грѣховъ и воскресеніе; ибо чрезъ него отсѣкаются человѣческія страсти и тлѣніе [1]). Поэтому рядъ пророковъ со временъ Авраама, по важности обрѣзанія, въ которомъ заключается восьмеричное число и отъ котораго зависитъ и законъ, названъ восьмидесятью (ὀγδοήκοντα) сожительницами, такъ какъ прежде обрученія Церкви съ Словомъ, онѣ первыя, воспріявши божественныя сѣмена, предвозвѣстили духовное обрѣзаніе въ восьмой день.

Глава VII.

Дѣвицы — древніе праведники. Церковь — единственная невѣста, превосходнѣе всѣхъ прочихъ.

Затѣмъ дѣвицами, которымъ нѣтъ числа, называется множество тѣхъ, которые жили праведно подъ руководствомъ высшихъ и юношески и усердно боролись со грѣхомъ. Но изъ нихъ ни царицы, ни сожительницы, ни дѣвицы не сравниваются съ Церковію. Ибо она, совершенная и избранная преимущественно предъ всѣми ими, состоящая и соединенная изъ всѣхъ Апостоловъ, есть невѣста, превосходящая всѣхъ красотою цвѣтущей юности и дѣвства. Посему она и ублажается и восхваляется другими, такъ какъ она обильно и видѣла и слышала то, чего тѣ желали хотя бы на короткое время видѣть, но не видѣли, и слышать, но не слышали. *Блаженны,* сказалъ Господь ученикамъ, *очи ваши, что видятъ, и уши ваши, что слышатъ, ибо истинно говорю вамъ, что многіе пророки и праведники желали видѣть, что*

[1]) Здѣсь разумѣется христіанское крещеніе, которое соотвѣтствуетъ ветхозавѣтному обрѣзанію, совершавшемуся въ восьмой день послѣ рожденія младенца.

вы видите, и не видѣли, и слышать, что вы слышите, и не слышали (Матѳ. XIII, 16—17). Потому пророки и ублажаютъ Церковь и удивляются ей, что, чего они сами не сподобились слышать и видѣть, того она удостоилась и сдѣлалась причастницею. *Ибо шестьдесятъ царицъ, и восемьдесятъ наложницъ, и дѣвицъ безъ числа: но единственная она, голубка моя, чистая моя* (Пѣснь Пѣсн. VI, 7).

Глава VIII.

Человѣческая природа Христа — единственная голубка Его.

Иначе можно разумѣть подъ невѣстою пречистую плоть Господа, для (воспріятія) которой Онъ оставилъ Отца, снизошелъ сюда, соединился съ нею и вмѣстился въ ней вочеловѣчившись. Образно она названа голубкою потому, что это животное ручное, домашнее, и охотно живущее вмѣстѣ съ людьми. Ибо она одна, такъ сказать, оказалась чистою и непорочною и превосходящею всѣхъ добротою и красотою праведности, такъ что никто даже изъ высоко угодившихъ Богу не можетъ стать подлѣ нея по сравнительному достоинству добродѣтели. Посему она и удостоилась быть соучастницею царства Единороднаго, сочетавшись съ Нимъ. И описанная въ сорокъ четвертомъ псалмѣ царица, изъ многихъ ставшая одесную Бога, облеченная въ золотое украшеніе добродѣтели, которой красоты возжелалъ Царь, есть, какъ я сказала, та пречистая и блаженная плоть, которую само Слово вознесши на небеса посадило одесную Отца, облеченную въ золотую одежду, т. е. въ нетлѣнныя свойства, которыя символически названы *золотыми украшеніями* (Псал. XIV, 14) [1]); ибо эта одежда составляется и сплетается изъ различныхъ совершенствъ (какъ то: дѣвства, мудрости, вѣры, любви, терпѣнія и прочихъ добродѣтелей), которыя, прикрывая неблаговидность плоти, украшаютъ человѣка золотымъ украшеніемъ.

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ.

Глава IX.

Дѣвы слѣдуютъ непосредственно за царицею и невѣстою.

А что вѣщаетъ Духъ въ дальнѣйшихъ словахъ псалма послѣ посажденія на престолѣ одесную Отца того человѣка, котораго восприняло Слово, на это надобно обратить вниманіе. *За нею*, говоритъ онъ, *ведутся къ Царю дѣвы подруги ея, приводятся съ веселіемъ и ликованіемъ, входятъ въ чертогъ Царя* (Псал. XLIV, 15—16). Здѣсь, кажется, весьма ясно Духъ восхваляетъ дѣвство и обѣщаетъ, что за невѣстою Господа, какъ мы изложили, вторыми приступятъ къ Всемогущему съ радостію и веселіемъ дѣвы, окруженныя и сопровождаемыя ангелами. Такъ по истинѣ достолюбезна и вожделѣнна красота дѣвства, что вслѣдъ за Царицею, которую Господь вознесъ и представилъ безгрѣшною Отцу, приводится сонмъ ликующихъ дѣвъ, удостоенный втораго мѣста послѣ невѣсты. — Эти упражненія въ словѣ о дѣвствѣ и отъ насъ, Арета, приносятся тебѣ на усмотрѣніе.

Когда Прокилла высказала это, то Ѳекла сказала: теперь, послѣ нея, моя очередь говорить, и я радуюсь, что мнѣ присуще словесное искуство и что я чувствую себя внутри, подобно цитрѣ, настроенною и приготовленною сказать стройно и благопристойно.

Арета: Прекрасно, Ѳекла, съ удовольствіемъ взираю на твое усердіе, которое внушаетъ мнѣ увѣренность, что ты подаришь мнѣ рѣчь, по силѣ своей соотвѣтствующую предмету; у тебя нѣтъ недостатка въ знаніи круга философскихъ наукъ и всякой учености, а что касается до евангельскаго и Божественнаго ученія, то что и говорить о тебѣ, обогащенной премудростію Павла?

РѢЧЬ VIII.

Ѳ Е К Л А.

Глава I.

Производство снова παρθενία (дѣвство) въ смыслѣ почти обожествленія. Добродѣтель (ἀρετή) почему такъ называется?

Итакъ начнемъ рѣчь прежде всего съ самаго названія, почему этотъ высшій и блаженный образъ жизни названъ дѣвствомъ; затѣмъ, каковъ онъ, и какую имѣетъ силу, и наконецъ—какіе приноситъ плоды. Ибо почти всѣ едва ли знаютъ о немъ, хотя онъ превосходнѣе множества другихъ свойствъ добродѣтели, какими мы стараемся очищать и украшать душу. Дѣвство (παρθενία) чрезъ перемѣну одной буквы получаетъ названіе почти обожествленія (παρθεία), такъ какъ оно одно уподобляетъ Богу владѣющаго имъ и посвященнаго въ его нетлѣнныя тайны, выше чего невозможно найти другаго блага, столь чуждаго (мірской) радости и печали, которымъ оживляясь крылья души поистинѣ возрастаютъ и дѣлаются легкими, привыкая ежедневно возлетать выше человѣческихъ заботъ. — Если наша жизнь, какъ говорятъ мудрецы, есть публичное состязаніе, а мы выходимъ какъ бы на театрѣ представлять драму истины, т. е. правду, между тѣмъ какъ противъ насъ дѣйствуютъ и строятъ козни діаволъ и демоны, то намъ необходимо устремлять взоръ горѣ и возлетая возвышаться и избѣгать очарованій обольстительнаго голоса ихъ и дѣйствій, прикрытыхъ извнѣ видомъ цѣломудрія, избѣгать болѣе, нежели гомеровскихъ Сиренъ. Между тѣмъ многіе, увлекаясь обманчивыми удовольствіями, теряютъ крылья и тяготятся вести нашу жизнь, вслѣдствіе ослабленія и недѣятельности у нихъ тѣхъ силъ, которыми укрѣпляются въ существѣ своемъ крылья цѣломудрія, поднимающія вверхъ то́, что́ клонится внизъ къ тѣлесному растлѣнію. Поэтому и ты, Арета [1]), по-

[1]) Отъ ἀρετή — добродѣтель.

лучила такое имя, какъ всегда шествующая съ чистѣйшими мыслями, или потому, что ты сама по себѣ αἱρέτη (избранная) [1]), или потому, что другихъ поднимаешь (αἴρειν) [2]) и возносишь на небо; будь же ты мнѣ руководительницею въ рѣчи, которую говорить ты сама приказала.

Глава II.

Высокій образъ мыслей и твердость святыхъ дѣвъ. Вступленіе дѣвъ въ блаженныя обители прежде другихъ.

Тѣ, которыя потеряли крылья и предались удовольствіямъ, не отстаютъ отъ здѣшнихъ скорбей и заботъ, пока онѣ, подчинившись страстной похоти невоздержанія, не будутъ отвергнуты и удалены отъ области истины, какъ предавшіяся вмѣсто стыдливаго и цѣломудреннаго дѣторожденія дикимъ удовольствіямъ любви. Напротивъ тѣ, которыя обладаютъ хорошими крыльями и легко поднимались изъ сей жизни въ мѣста вышемірныя и видѣли издали то, чего никто изъ людей не видалъ, т. е. самые луга нетлѣнія, въ изобиліи произрастающіе цвѣты несравненной красоты, постоянно стремятся къ нимъ, воспоминая тамошнія зрѣлища, и поэтому считаютъ маловажными здѣшнія воображаемыя блага: богатство, славу, знаменитость рода, замужество, и ничего такого не считаютъ важнымъ. Но хотя бы кому-нибудь изъ нихъ предстояло отдать тѣло свое звѣрямъ, или огню на истязаніе, онѣ съ готовностію и безъ унынія переносятъ страданія, по любви и стремленію къ тѣмъ благамъ; такъ что имъ кажется, что онѣ, обращаясь въ мірѣ, не находятся въ мірѣ, но мыслію и желаніемъ уже находятся въ обществѣ жителей небесныхъ. Подлинно, крыльямъ дѣвства, по ихъ природѣ, свойственно не склоняться къ землѣ, а возноситься на небо, въ чистый эѳиръ, въ жизнь равноангельскую. Посему сохранившія точно и вѣрно свое дѣвство для Христа, по призваніи и переселеніи отсюда, первыя удостоиваются побѣдныхъ наградъ, получая отъ Него

[1]) Отъ ἀιρέω — избираю.
[2]) Отъ ἀίρω — поднимаю.

увѣнчаніе цвѣтами нетлѣнія. Ибо говорятъ, что какъ скоро такія души оставляютъ міръ, то встрѣчающіе дѣвъ ангелы съ великимъ славословіемъ сопровождаютъ ихъ на упомянутые луга, къ которымъ онѣ стремились и прежде, издалека созерцая ихъ тогда, когда, еще находясь въ тѣлахъ, воображали предметы божественные.

Глава III.

Жребій и наслѣдіе дѣвства.

Пришедши туда (говорятъ), онѣ созерцаютъ нѣкоторыя дивныя и блистательныя и блаженныя красоты, какія трудно выразить на языкѣ человѣческомъ. Ибо тамъ существуетъ самая правда и мудрость, самая любовь и истина и цѣломудріе, и прочіе столь же прекрасные цвѣты и произрастенія мудрости, которыхъ однѣ только воображаемыя тѣни мы здѣсь видимъ какъ бы во снѣ, и думаемъ, что они состоятъ изъ дѣлъ человѣческихъ; потому что здѣсь нѣтъ никакого яснаго образа ихъ, но одни только неясныя очертанія, которыя мы и чувствуемъ, часто смутно воображая ихъ. Здѣсь никто никогда не созерцалъ глазами величія, или вида, или красоты самой правды, или мудрости, или мира: а тамъ они созерцаются въ самой сущности, какъ они существуютъ, всецѣло и ясно. Ибо тамъ есть древо самаго цѣломудрія, древо любви, древо мудрости, и какъ плоды здѣшнихъ растеній, напримѣръ винограда, гранатоваго и яблочнаго деревъ, такъ точно плоды и тѣхъ растеній срываются и вкушаются, только срывающіе не старѣютъ и не умираютъ, но возрастаютъ въ безсмертіи и божественности, подобно тому какъ и первозданный, отъ котораго мы всѣ происходимъ, прежде паденія и ослѣпленія очей его, находясь въ раю, наслаждался плодами, такъ какъ по Божію опредѣленію, человѣкъ былъ поставленъ воздѣлывателемъ и хранителемъ растеній мудрости. Ибо такіе же плоды воздѣлывать поручено было и первому Адаму. И пророкъ Іеремія признаетъ, что они существуютъ особо въ какомъ-то мѣстѣ, удаленномъ на великое разстояніе отъ

нашей вселенной, когда, оплакивая отпадшихъ отъ вѣчныхъ благъ, говоритъ: *познай, гдѣ находится мудрость, гдѣ сила, гдѣ знаніе, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, гдѣ находятся долголѣтіе и жизнь, гдѣ находится свѣтъ очей и миръ; кто нашелъ мѣсто ея, или кто взошелъ въ сокровищницы ея?* (Вар. III, 14, 15).— Итакъ въ сокровишницы этихъ добродѣтелей,—говорятъ,—дѣвы вступаютъ и наслаждаются плодами ихъ, орошаясь обильнымъ и благопріятнымъ свѣтомъ, который подобно источнику изливаетъ на нихъ Богъ, освѣщающій ту жизнь незаходимымъ свѣтомъ; а онѣ ликуютъ, благозвучно прославляя Бога. Ибо ихъ объемлетъ воздухъ чистый и такой, въ которомъ никогда не заходитъ солнце.

Глава IV.

Увѣщаніе къ соблюденію дѣвства. — Предлагается объясненіе мѣста изъ Апокал. XII, 1—6.

Итакъ, дѣвы, дщери чистаго цѣломудрія, мы стремимся къ жизни блаженной и царству небесному. Ревнуйте и вы усердно о той же славѣ дѣвства, какъ и предшественницы ваши, не много заботясь о здѣшней жизни. Ибо не мало способствуютъ блаженству нерастлѣніе и дѣвство, возвышая самую плоть на горнюю высоту, и осушая влажность и бренную тяжесть ея, высшею силою. Пусть же не заглушаетъ вашего слуха нечистота, пресмыкающаяся по землѣ; пусть печаль не нарушаетъ радости, ослабляя надежды на лучшее. Но безъ унынія отгоняйте отъ себя случающіяся съ вами несчастія, не смущая разума воплями. Пусть всегда побѣждаетъ вѣра, и свѣтъ ея пусть разсѣеваетъ призраки, наводимые лукавымъ на сердце. Какъ иногда луна, сіяя, наполняетъ небо блескомъ, и воздухъ весь становится прозрачнымъ; и вдругъ черныя облака, набѣжавъ откуда-нибудь съ запада, немного затемняютъ свѣтъ ея, однако не уничтожаютъ его, потому что тотчасъ разсѣеваются силою вѣтра, такъ точно и вы, дѣвы, сіяющія въ мірѣ дѣвствомъ, подвергаясь скорбямъ и затрудненіямъ, не теряйте надеждъ. Ибо Духомъ будутъ разсѣяны навѣваемыя лука-

вымъ облака, если и вы, какъ ваша Мать, родившая Дѣвственнаго Младенца мужескаго пола на небѣ (Апок. XII, 4), не убоитесь подстерегающаго и преслѣдующаго змія. О ней я скажу вамъ нѣсколько подробнѣе; ибо теперь благопріятный къ тому случай. *И явилось на небѣ великое знаменіе*, говоритъ Іоаннъ въ Апокалипсисѣ, *жена облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ. Она имѣла во чревѣ и кричала отъ болей и мукъ рожденія. И другое знаменіе явилось на небѣ. Вотъ большой красный драконъ съ седмью головами и десятью рогами, и на головахъ его семь діадимъ. Хвостъ его увлекъ съ неба третью часть звѣздъ и повергъ ихъ на землю. Драконъ сей сталъ предъ женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родитъ, пожрать ея младенца. И родила она младенца мужескаго пола, которому надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ; и восхищено было дитя ея къ Богу и престолу Его. А жена убѣжала въ пустыню, гдѣ приготовлено было для ней мѣсто отъ Бога, чтобы питали ее тамъ тысячу двѣсти шестьдесятъ дней* (Апок. XII, 1—6). Повѣствуемое о женѣ и драконѣ, кратко сказать, этимъ оканчивается; но найти объясненіе этого и высказать словами— превыше нашихъ силъ; впрочемъ надобно рѣшиться, вѣруя въ Повелѣвшаго *изслѣдовать писанія* (Іоан. V, 39). Итакъ, если и вы согласны на это, то нѣтъ препятствій приступить къ дѣлу. Во всякомъ случаѣ простите, если я не въ состояніи буду въ точности выразить смыслъ Писанія.

Глава V.

Жена, раждающая при враждебномъ драконѣ, есть Церковь; ея священнослуженіе и благодать.

Явившаяся на небѣ жена, облеченная въ солнце и увѣнчанная двѣнадцатью звѣздами, которой подножіемъ служила луна, и имѣвшая во чревѣ и кричавшая отъ болей и мукъ рожденія,— это въ собственномъ и точномъ смыслѣ есть Мать наша, дѣвы, нѣкоторая сила сама по себѣ отличная отъ дѣтей своихъ, которую пророки, въ виду приписываемыхъ ей свойствъ, называли то Іерусалимомъ, то Невѣстою,

то горою Сіонскою, то Храмомъ и скиніею Божіею. Ибо сила, стремящаяся къ просвѣщенію, по словамъ пророка: *свѣтись Іерусалимъ*,— какъ взывалъ къ ней Духъ,— *ибо пришелъ свѣтъ твой, и слава Господня взошла надъ тобою; ибо вотъ тьма покроетъ землю и мракъ — народы, а надъ тобою возсіяетъ Господь, и слово его явится надъ тобою и прійдутъ народы къ свѣту твоему и цари къ восходящему надъ тобою сіянію; возведи очи твои и посмотри вокругъ; всѣ они собираются и идутъ къ тебѣ; сыновья твои издалека идутъ и дочерей твоихъ на рукахъ несутъ* (Исаіи LX, 1—4),—есть Церковь, дѣти которой всѣ вмѣстѣ придутъ къ ней по воскресеніи, стекшись къ ней отвсюду; а она, достигнувъ невечерняго свѣта и облекшись сіяніемъ Слова, какъ бы одеждою, будетъ радоваться. Ибо какимъ другимъ драгоцѣннѣйшимъ, или достойнѣйшимъ украшеніемъ надлежало бы украшаться царицѣ, которая облекается въ свѣтъ, какъ въ одежду, чтобы сдѣлаться невѣстою Господа, для чего она и призвана Отцомъ? Приступите же, возвысившись умомъ, посмотрите, подобно какъ (смотрите) на брачныхъ дѣвъ, на эту великую жену, которая сіяетъ чистою и непорочною, всецѣлою и неувядающею красотою, ни въ чемъ не уступающею сіянію свѣта, вмѣсто одежды облеченную въ самый свѣтъ, вмѣсто драгоцѣнныхъ камней украшенную на головѣ сіяющими звѣздами. Ибо, что́ для насъ одежда, то для ней свѣтъ; что для насъ золото, или блестящіе камни, то для ней звѣзды не такія, какія находятся на видимомъ своемъ мѣстѣ, но лучшія и блистательнѣйшія, такъ что здѣшнія могутъ считаться не болѣе, какъ ихъ образами и подобіями.

Глава VI.

Дѣло Церкви — рожденіе дѣтей въ крещеніи. Она какъ бы свѣтъ луны при крещеніи. — Полнолуніе страданія Христова.

То выраженіе, что она вступила *на луну*, по моему мнѣнію, въ переносномъ смыслѣ указываетъ на вѣру очищающихся отъ (грѣховнаго) тлѣнія посредствомъ крещенія; потому что свѣтъ луны много походитъ на теплую воду, и

она имѣетъ вліяніе на всю стихію. Такимъ образомъ при вѣрѣ и обращеніи нашемъ, какъ бы въ образѣ луны, предстоитъ Церковь, испытывая муки рожденія и возраждая душевныхъ въ духовныхъ, пока не достигнется полнота народовъ; почему она и есть мать наша. Ибо какъ жена, принявъ безвидное сѣмя мужа, въ извѣстный періодъ времени раждаетъ цѣлаго человѣка; такъ точно и Церковь, можно сказать, постоянно зачиная прибѣгающихъ ко Христу и образуя ихъ по образу и подобію Христа, въ извѣстный періодъ времени содѣлываетъ ихъ гражданами той блаженной жизни. Посему она необходимо должна предстоять при крещеніи, какъ раждающая очищаемыхъ имъ. Поэтому дѣйствіе ея при крещеніи и называется луною (σελήνη) [1]), потому что возраждаемые, обновляясь, сіяютъ новымъ блескомъ (σέλας), который есть новый свѣтъ; потому они и называются *новопросвѣщенными*, чѣмъ въ переносномъ смыслѣ она указываетъ имъ на духовное полнолуніе, періодъ страданія (Христова) и всегда новое воспоминаніе о немъ, пока не явится сіяніе и совершенный свѣтъ великаго дня.

Глава VII.

Рожденіе отъ жены въ Апокалипсисѣ есть рожденіе не Христа, а вѣрующихъ — въ крещеніи.

Если же кто (нисколько не трудно сказать еще яснѣе), не удовлетворившись сказаннымъ, возразитъ: почему вамъ, дѣвы, предлагается объясненіе вопреки смыслу Писанія, тогда какъ въ Апокалипсисѣ опредѣленно говорится, что Церковь раждаетъ младенца мужескаго пола, а вы допускаете, что плодовитое рожденіе ея совершается омовеніемъ крещаемыхъ? На это мы скажемъ: но, любитель словопренія, и тебѣ нельзя доказать, что раждаемый есть самъ Христосъ. Ибо таинство вочеловѣченія Слова исполнилось задолго до Апокалипсиса; Іоаннъ же повѣствуетъ о настоя-

[1]) Т. е: какъ бы *блескомъ луны*, которой названіе (σελήνη) производится отъ σέλας — блескъ, сіяніе.

щемъ и будущемъ. Притомъ Христосъ за долго рожденный не былъ восхищенъ по рожденіи къ престолу Божію изъ опасенія, чтобы змій не причинилъ ему вреда (Апок. XII, 5), но для того Онъ и родился и сошелъ съ престола отчаго, чтобы укротить дракона, выдержавъ нападенія его на плоть. Такимъ образомъ и тебѣ необходимо признать, что Церковь имѣетъ во чревѣ крещаемыхъ, какъ и у Исаіи въ одномъ мѣстѣ Духъ говоритъ: *еще не мучилась родами, а родила; прежде нежели наступили боли ея, избѣгла* [1]) *и разрѣшилась сыномъ. Кто слыхалъ таковое? Кто видалъ подобное этому? Возникала ли страна въ одинъ день? Рождался ли народъ въ одинъ разъ, какъ Сіонъ, едва началъ родами мучиться, родилъ сына?* (ἀρσένα. Исаіи LXVI, 7—8) [2]). Кого же избѣгла? Конечно дракона, чтобы этотъ духовный Сіонъ родилъ народъ, мужа, который бы, не имѣя женскихъ слабостей и изнѣженности, вступилъ въ единеніе съ Господомъ и укрѣплялся въ ревности.

Глава VIII.

Мужи суть вѣрующіе, въ крещеніи уподобляющіеся Христу. — Святые сами — помазанники.

Однако возвратимся къ началу и станемъ объяснять сказаное, пока по порядку дойдемъ до конца. Итакъ, посмотри, не найдешь ли и ты вѣроятнымъ то, какъ исполняется Слово (Божіе). По моему мнѣнію, о Церкви сказано, что она раждаетъ младенца мужескаго пола; потому что просвѣщаемые получаютъ черты, изображеніе и мужественный видъ Христа, тогда какъ въ нихъ отпечатлѣвается образъ Слова и раждается въ нихъ чрезъ истинное вѣдѣніе и вѣру такъ, что въ каждомъ духовно раждается Христосъ. Для того Церковь и носитъ во чревѣ и испытываетъ муки рожденія, доколѣ не изобразился въ насъ родившійся Христосъ (Гал. IV, 19), чтобы каждый изъ святыхъ, чрезъ причастіе Христу, родился помазанникомъ (χρηστός). Въ этомъ смыслѣ и говорится въ одномъ мѣстѣ

[1]) Слово: *избѣгла* прибавлено по переводу 70-ти толковниковъ.

[2]) Въ Библіи: *сыновъ своихъ*.

Писанія: *не прикасайтесь къ помазанникамъ моимъ и пророкамъ моимъ не дѣлайте зла* (Псал. CIV, 15), такъ какъ крещенные во Христа съ причастіемъ Духа дѣлаются помазанниками а Церковь здѣсь содѣйствуетъ изображенію въ нихъ Слова и преображенію ихъ. Это подтверждаетъ и Павелъ, который ясно учитъ такъ: *для сего преклоняю колѣна мои предъ (Богомъ и) Отцомъ, отъ Котораго именуется всякое отечество на небесахъ и на землѣ, да дастъ вамъ, по богатству благодати* (χρηςότητος) [1] *своей крѣпко утвердиться Духомъ Его во внутреннемъ человѣкѣ, вѣрою вселиться Христу въ сердца ваши* (Еф. III, 14—17). Ибо необходимо въ душахъ возрождаемыхъ отпечатлѣвается и изображается Слово истины.

Глава IX.

Сынъ Божій, Который самъ всегда существуетъ, нынѣ раждается въ душахъ и чувствахъ вѣрующихъ.

Съ вышесказаннымъ, кажется, весьма сходно и согласно то, что изречено свыше отъ самого Отца Христу, пришедшему на Іорданъ для крещенія водою: *Ты сынъ мой, я нынѣ родилъ Тебя* (Псал. II, 7; Матѳ. III, 17; Марк. I, 11). Ибо, надобно замѣтить,— о томъ, что Онъ есть Сынъ Его, (Отецъ) сказалъ неограниченно и безъ времени: Ты *еси* (ἐι), говоритъ Ему; а не: ты *сталъ* (γέγονας), выражая, что Онъ, не недавно произшедши, получилъ усыновленіе, и не существовавши прежде потомъ получилъ довершеніе, но что Онъ, бывъ рожденъ издревле, есть и будетъ однимъ и тѣмъ же. А слова: *Я нынѣ родилъ Тебя*, значатъ: Я восхотѣлъ существовавшаго на небесахъ прежде вѣковъ родить и въ мірѣ, т. е. прежде невѣдомаго сдѣлать вѣдомымъ. Подлинно для тѣхъ людей, которые еще не чувствуютъ многоразличной премудрости Божіей, Христосъ еще не родился, т. е. еще не познанъ, еще не открылся, еще не явился. Если же и они возчувствуютъ таинство благодати, то и для нихъ, когда они обратятся и увѣруютъ, Онъ раж-

[1] Въ Библіи: *Славы* (δόξης).

дается чрезъ вѣдѣніе и разумѣніе. Посему о Церкви справедливо говорится, что она всегда образуетъ и раждаетъ въ крещаемыхъ младенца мужескаго пола — Слово. Итакъ о рожденіи ея посильно сказано. Теперь слѣдуетъ перейти къ сказанному о драконѣ и о прочемъ. Попытаемся же еще, дѣвы, какъ-нибудь объяснить и это, нисколько не страшась величія притчей Писанія. Если же что́ встрѣтится затруднительное въ этихъ словахъ, то я опять постараюсь какъ бы перевести васъ чрезъ рѣку.

Глава X.

Драконъ—діаволъ.—Звѣзды, увлеченныя съ неба хвостомъ дракона,—еретики.—Числа Троицы, т. е. исчисленіе лицъ Ея.—Заблужденіе касательно ихъ.

Драконъ великій, красный, многообразный, многовидный, седмиглавый, рогоносный, увлекающій третью часть звѣздъ, подстерегающій, чтобы пожрать младенца раждающей жены, есть діаволъ, строющій козни, подстерегающій, чтобы извратить преданный Христу умъ просвѣщенныхъ и возродившійся въ нихъ образъ и подобіе Слова. Но онъ не достигаетъ цѣли и не уловляетъ добычи, такъ какъ возрожденные восхищаются на высоту къ престолу Божію; т. е. вверхъ къ божественному сѣдалищу и непоколебимому основанію истины возвышается умъ обновленныхъ, научившихся созерцать тамошнее и представлять тамошнее, дабы онъ не былъ обольщенъ драконом, пресмыкающимся до́лу. Ибо ему не позволяется губить тѣхъ, которые стремятся и взираютъ горѣ́. Звѣзды же, которыя онъ, касаясь ихъ вершины концемъ хвоста, совлекаетъ на землю, суть еретическія секты. Ибо собранія иновѣрныхъ надобно назвать темными, мрачными и низко вращающимися звѣздами; потому что и они присвояютъ себѣ знаніе небеснаго и вѣру во Христа, пребываніе души на небесахъ и близость къ звѣздамъ, какъ бы чада свѣта; но они низлагаются, будучи увлекаемы кознями дракона; потому что не остаются внутри тройственнаго образа благочестія, уклоняясь отъ православнаго его богопочтенія. Посему они и названы

третьею частью звѣздъ, какъ заблуждающіеся касательно одного изъ числъ Троицы, то касательно (лица) Отца, какъ Савелій, говорившій, что пострадалъ самъ Вседержитель, то касательно (лица) Сына, какъ Артема и тѣ, которые утверждали, что Онъ родился призрачно, то касательно (лица) Духа, какъ Евіонеи, доказывающіе, что пророки говорили по собственному побужденію. О Маркіонѣ же и Валентинѣ и послѣдователяхъ Елкесея и другихъ лучше и не упоминать.

Глава XI.

Жена, родившая сына и живущая въ пустынѣ, есть Церковь. — Пустыня дѣвъ и святыхъ. — Совершенство чиселъ и тайнъ. — Равенство и совершенство числа шести. — Приложеніе числа шести ко Христу. — Изъ этого же числа созданіе міра и вся стройность его.

Раждающая и родившая въ сердцахъ вѣрующихъ младенца мужескаго пола — Слово, и удалившаяся непорочною и невредженною отъ ярости звѣря въ пустыню, есть, какъ мы сказали, мать наша—Церковь. Пустыня, въ которую она пришла и питается тамъ тысячу двѣсти шестьдесятъ дней (Апок. XII, 6), по истинѣ свободная отъ золъ, непроизводительная и безплодная для тлѣнія, неудободоступная и неудобопроходимая для многихъ, но плодоносная и питательная и цвѣтущая и удободоступная для святыхъ, исполненная мудрости и произрастающая жизнь,—это есть прекрасная и богатая растеніями и благовонная обитель добродѣтели, гдѣ *лются ароматы, когда поднимается вѣтеръ съ сѣвера и приносится вѣтеръ съ юга* (Пѣсн. Пѣсн. IV, 16), и все исполнено божественной росы, бывъ увѣнчано неувядающими растеніями безсмертной жизни, гдѣ и мы теперь собираемъ цвѣты и чистыми перстами плетемъ для царицы пурпуровый и блистательный вѣнокъ дѣвства. Ибо невѣста Слова украшается плодами добродѣтели. А тысяча двѣсти шестьдесятъ дней, въ теченіе которыхъ мы, дѣвы, находимся здѣсь, есть такое точное и превосходное вѣдѣніе объ Отцѣ и Сынѣ и Духѣ, которымъ радуется и веселится мать наша, возрастая въ это время до явленія новыхъ вѣковъ, когда

она въ небесномъ собраніи будетъ не посредствомъ знанія прозирать, но ясно созерцать „сущее“, пребывая вмѣстѣ со Христомъ. Ибо тысяча, слагающаяся изъ десяти сотенъ, составляетъ совершенное и полное число, и поэтому служитъ символомъ Отца, который самъ собою сотворилъ и въ себѣ самомъ содержитъ все. Двѣсти, слагающіяся изъ двухъ совершенныхъ чиселъ, служатъ символомъ Святаго Духа, такъ какъ Онъ сообщаетъ вѣдѣніе о Сынѣ и Отцѣ. А шестьдесятъ, заключая въ себѣ число шесть, взятое десять разъ, служитъ символомъ Христа; потому что число шесть, начиная съ единицы, слагается изъ собственныхъ дѣлителей, такъ что въ немъ нѣтъ ни недостатка, ни излишка; раздѣляясь на своихъ дѣлителей, оно вполнѣ слагается изъ нихъ. Такъ, если число шесть раздѣлить на одинаковыя части одинаковыми дѣлителями, то изъ раздѣленныхъ частей опять вполнѣ составляется тоже количество. И во первыхъ оно, по раздѣленіи на два, даетъ три, потомъ, по раздѣленіи на три, даетъ два, наконецъ, по раздѣленіи на шесть, даетъ единицу, и изъ нихъ опять вполнѣ слагается въ самого себя. Ибо, давая по раздѣленіи на два — три, и по раздѣленіи на три — два и по раздѣленіи на шесть — единицу, оно при сложеніи трехъ, двухъ и единицы опять дѣлается вполнѣ шестью [1]). А все то, что не нуждается для своей полноты въ другомъ и никогда не дѣлается больше самого себя, необходимо есть совершенное. Изъ прочихъ же чиселъ одни болѣе чѣмъ совершенны, какъ напр. двѣнадцать, ибо по раздѣленіи на два, оно даетъ шесть, на три — четыре, на четыре — три, на шесть — два, и на двѣнадцать — единицу, а эти числа, на которыя оно можетъ дѣлиться, бывъ сложены, превышаютъ двѣнадцать, которое такимъ образомъ не остается равнымъ своимъ дѣлителямъ, какъ число шесть; а другія менѣе, чѣмъ совершенны, какъ напр. восемь; ибо по раздѣленіи на два, оно даетъ четыре, на четыре—два, и на восемь—единицу; числа

[1]) Число 6 называется совершеннымъ потому, что и сумма и произведеніе простыхъ дѣлителей его равны ему самому и между собою, т. е. $6=1+2+3=1\times2\times3$.—

же, на которыя оно дѣлится, бывъ сложены, составляютъ семь, и потому оно нуждается еще въ единицѣ для своего восполненія, — не такъ, какъ шесть, которое во всякомъ случаѣ остается равнымъ самому себѣ. Посему это послѣднее и прилагается къ Сыну Божію, который изъ полноты Божества низшелъ въ здѣшнюю жизнь. *Уничиживъ же себя и принявъ образъ раба* (Фил. II, 7), Онъ опять вошелъ въ полноту Своего совершенства и достоинства. Ибо, умалившись въ Самомъ Себѣ и, такъ сказать, разрѣшившись на Свои части, Онъ опять изъ Своего умаленія и этихъ частей Своихъ вошелъ въ Свою полноту и величіе, никогда и при умаленіи не переставая быть совершеннымъ.—Кромѣ того и во всемъ созданіи міра и стройности его оказывается содержащимся это число, такъ какъ въ шесть дней Богъ создалъ небо и землю и все, что въ нихъ, творческою силою Слова, объемлющаго число шесть, по которому существуетъ тройственной видъ, составляющій тѣла. Ибо долгота, широта и глубина составляютъ тѣло, а число шесть и составляется изъ этихъ трехъ сторонъ. Впрочемъ теперь не благовременно раскрывать это подробно, чтобы, оставивъ настоящій предметъ, намъ не разсуждать о постороннемъ.

Глава XII.

Дѣвы приглашаются къ подражанію Церкви, живущей въ пустынѣ и побѣждающей дракона.

Итакъ, пришедши въ эту безплодную для золъ пустыню, Церковь питается здѣсь, возносясь до небесъ на крыльяхъ дѣвства, которыя Слово (Божіе) назвало *крыльями большаго орла* (Апок. XII, 14; Езек. XVII, 3), побѣдивъ змія и отгнавъ отъ своего полнолунія неблагопріятныя облака. Для того между прочимъ и предложены всѣ эти рѣчи, чтобы научить васъ, прекрасныя дѣвы, посильно подражать матери и не смущаться скорбями, превратностями и бѣдствіями жизни, дабы вамъ вмѣстѣ съ нею смѣло войти въ брачный чертогъ съ горящими свѣтильниками. И такъ не страшитесь

козней и клеветъ этого звѣря, но бодро приготовляйтесь къ борьбѣ, вооружившись спасительнымъ шлемомъ и бронею и препоясаніемъ (Еф. VI, 14 — 17). Ибо вы нанесете ему великое пораженіе, устремившись на него съ великою отвагою и благодушіемъ; и конечно онъ не устоитъ, видя противницъ, выступившихъ съ высшею помощію; но тотчасъ предоставитъ вамъ трофей седми родовъ борьбы [1]). Этотъ многоглавый и многоличный звѣрь,—

„Левъ головою, задомъ драконъ и коза (серединой)
„Страшно дыхалъ онъ пожирающимъ пламенемъ бурнымъ [2]);
„Но того поразилъ Беллерофонтъ; а этого Царь Христосъ;
„Многихъ сгубилъ онъ, и никто не могъ бы снести
„Изрыгаемой изъ устъ его гибельной пѣны“ [3]),

если бы напередъ Христосъ не нанесъ ему пораженія и не сдѣлалъ его совершенно безсильнымъ и презрѣннымъ для насъ.

Глава XIII.

Седмь діадимъ звѣря низлагается побѣдоноснымъ дѣвствомъ. Десять роговъ дракона—противоположные десяти заповѣдямъ пороки. Мысль о судьбѣ—величайшее зло.

Посему, имѣя мужественный и бодрый духъ, вооружитесь противъ гордаго звѣря; отнюдь не отступайте, смущаясь его дерзостію; за то вы получите великую славу, если, одержавъ побѣду, отнимете находящіеся на немъ семь вѣнцовъ, за которые намъ и предстоитъ состязаніе и борьба по ученію Павла (Еф. VI, 12). Ибо та, которая напередъ преодолѣетъ діавола и умертвитъ седмь головъ, сдѣлается обладательницею семи вѣнцовъ добродѣтели, совершивъ

[1]) Седмь родовъ борьбы, составляющихъ упражненія на общественныхъ греческихъ играхъ, упоминаются здѣсь примѣнительно къ седми головамъ Дракона.

[2]) Т. е. Химера, описанная въ Иліадѣ VI, 181. 182.

[3]) Дополненіе нѣсколькихъ экзаметровъ къ стихамъ Гомера принадлежитъ, вѣроятно, самому автору.

великіе подвиги дѣвства. Такъ голова дракона есть невоздержаніе и роскошь; сокрушившій ее украсится вѣнцомъ цѣломудрія. Его же голова — страхъ и уныніе; поправшій ее получитъ вѣнецъ мученичества. Его же голова—невѣріе и безуміе и прочіе подобные виды нечестія; поразившій и умертвившій ихъ удостоится за это почестей, многообразно сокрушивъ силу дракона. А десять роговъ и рожновъ, которые онъ носитъ на головахъ, какъ сказано (Апок. XII, 3), суть десять сопротивленій десятословію, прекрасныя дѣвы, которыми онъ обыкновенно поражаетъ и низвергаетъ души многихъ, замышляя и изобрѣтая противное заповѣди: *люби Господа твоего* (Втор. VI, 5) и прочимъ заповѣдямъ. Вотъ его рогъ пламенный и исполненный горечи — блудъ, которымъ онъ низвергаетъ невоздержныхъ; вотъ прелюбодѣяніе, вотъ ложь, вотъ сребролюбіе, вотъ воровство, и другіе близкіе и сродные имъ пороки, которые свирѣпствуютъ, выросши на человѣкоубійственныхъ головахъ его; вы же, исторгнувъ ихъ при помощи Христовой, возло́жете на ваши божественныя головы цвѣтущіе вѣнцы въ награду за побѣду надъ драконо́мъ. Ибо наша обязанность предпочитать высшее и ставить его выше земнаго, сохраняя умъ самостоятельнымъ и самовластнымъ, внѣ всякой необходимости, при свободно́мъ избраніи благоугоднаго, не раболѣпствуя судьбѣ и случаямъ. Такъ, человѣкъ не можетъ быть господиномъ самого себя и добродѣтельнымъ, если онъ не будетъ соображаться съ человѣческимъ примѣромъ Христа и жить, изображая себя по Его первообразу и подражая Ему. Подлинно, величайшее изъ всѣхъ золъ, усвоенное многими, состоитъ въ томъ, что относятъ причины грѣховъ къ движеніямъ звѣздъ и говорятъ, что жизнь наша управляется необходимостію судьбы, какъ дѣлаютъ весьма надменные наблюдатели звѣздъ; ибо они, вѣруя больше по догадкамъ, нежели по благоразумному разсужденію, тому, что находится въ срединѣ между истиною и ложью,— много уклонились отъ созерцанія дѣйствительно существующаго. Посему, если ты позволишь, Арета, при окончаніи моей рѣчи, которую ты сама, госпожа, приказала произ-

нести, то я постараюсь при твоемъ содѣйствіи и сочувствіи противъ недовольныхъ и сомнѣвающихся въ истинѣ нашихъ словъ, что человѣкъ властно свободенъ, разъяснить, что люди „по своему безразсудству безъ судьбы терпятъ бѣдствія“ [1]), предпочитая пріятное полезному.

Арета: я позволяю и буду содѣйствовать; ибо съ присоединеніемъ и этого рѣчь будетъ совершенно прекрасною.

Глава XIV.

Ученіе математиковъ, поколику оно относится къ познанію звѣздъ, не совсѣмъ достойно отверженія. — Двѣнадцать знаковъ Зодіака — названія баснословныя.

Θекла. И такъ еще скажемъ посильно объ этомъ, и прежде всего обнаружимъ обольщеніе хвалящихся тѣмъ, будто они одни знаютъ, какимъ образомъ устроенъ міръ, по предположеніямъ Египтянъ и Халдеевъ. Они утверждаютъ, что окружность міра подобна выпуклостямъ какъ бы обдѣланнаго шара, въ которомъ земля занимаетъ мѣсто центра и средоточія. Такъ какъ эта окружность, говорятъ они, шарообразна, то при равныхъ разстояніяхъ одинаковыхъ частей, въ срединѣ вселенной необходимо должна находиться земля, около которой, какъ происшедшей прежде всего, вращается небо. Ибо, если окружность составилась изъ средоточія и центра (безъ центра невозможно описать круга и самый кругъ невозможенъ безъ центра); то не слѣдуетъ ли, говорятъ они, что прежде всего образовалась земля и ея хаосъ и бездна? Подлинно въ бездну и хаосъ низверглись эти несчастные! *Они, познавъ Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце* (Римл. I, 21), и притомъ тогда, какъ ихъ же мудрецы говорили, что нѣтъ ничего изъ земнороднаго почтеннѣе и старше Олимпійскихъ (боговъ). По истинѣ познавшіе Христа не остаются всегда дѣтьми, какъ Эллины [2]), которые затмивъ истину

[1]) Одисс. I, 34, ср. I, 7, и Иліада IV, 409.

[2]) При этомъ имѣется въ виду отзывъ объ Эллинахъ, сказанный мудрому Солону однимъ Египетскимъ жрецомъ, что „Еллины всегда остаются дѣтьми“. Plat. Tim: Климентъ Ал. Strom. I, 21. 128.

болѣе миѳами и вымыслами, нежели словеснымъ искусствомъ, и поставивъ человѣческія бѣдствія въ связь съ небесными предметами, не стыдятся изображать окружность вселенной геометрическими знаками и фигурами и учить, что небо украшено подобіями птицъ и рыбъ и земныхъ животныхъ, и что качества звѣздъ произошли отъ приключеній съ древними людьми, такъ что у нихъ движенія планетъ зависятъ отъ этихъ тѣлесныхъ существъ; ибо, говорятъ они, звѣзды вращаются около двѣнадцати животныхъ, будучи увлекаемы движеніемъ зодіакальнаго круга, такъ что изъ ихъ сочетанія можно усматривать имѣющее случиться со многими, судя по ихъ сближенію другъ съ другомъ и отклоненію, равно какъ по восхожденію и захожденію. По ихъ мнѣнію, небо шаровидное и имѣющее въ землѣ свой центръ и средоточіе,—потому что всѣ прямыя линіи, падающія отъ окружности на землю, равны между собою,— оказываетъ вліяніе посредствомъ объемлющихъ его круговъ, изъ которыхъ большій называется меридіаномъ, второй, разсѣкающій его на равныя части,—горизонтомъ, третій, пересѣкающій ихъ,— экваторомъ, по сторонамъ котораго находятся два тропика, лѣтній и зимній, одинъ въ сѣверной части, а другой въ южной, кромѣ того такъ называемая ось, около которой находятся медвѣдицы, какъ напр. сѣверная внѣ тропика. Медвѣдицы, вращаясь около самихъ себя и, посредствомъ полюсовъ производя давленіе на ось, производятъ движеніе всего міра, имѣя головы свои обращенными къ бедрамъ другъ друга и не соприкасаясь съ нашимъ горизонтомъ. Зодіакъ же, говорятъ они, касается всѣхъ круговъ, совершая косвенное движеніе; въ немъ находятся двѣнадцать животныхъ, которые называются двѣнадцатью знаками, начиная съ Овна до Рыбъ и, по сказанію ихъ, поступили въ число созвѣздій по баснословнымъ причинамъ. Такъ говорятъ, Овенъ есть тотъ, который перевезъ (чрезъ Эллеспонтъ) Эллу, дочь Аѳаманта, съ Фриксомъ къ Скиѳамъ; Телецъ — въ честь Зевса, который въ видѣ вола переправилъ Европу въ Критъ; такъ называемый млечный путь, начинающійся при соединеніи Рыбъ съ Овномъ, говорятъ,

проистекъ изъ сосцевъ Иры для Иракла, по повелѣнію Зевса. Такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, до Европы, Фрикса и Діоскуровъ (близнецовъ) и другихъ знаковъ Зодіака, помѣщенныхъ въ число созвѣздій изъ людей и животныхъ, не было рока (γένεσις) [1]), но безъ рока жили наши предки. Попытаемся же, не будемъ ли мы въ состояніи уничтожить ложь, подобно врачамъ, употребивъ противъ нее цѣлительныя врачества рѣчи, имѣя въ виду истину, слѣдующимъ образомъ.

Глава XV.

Доказательства отъ новизны судьбы и рока. — Древніе люди — золотой родъ. — Сильныя доказательства противъ (вѣровавшихъ въ рокъ) математиковъ.

О жалкіе, еслибы для людей лучше было подлежать року, нежели не подлежать, то почему рока не было съ самаго начала, какъ произошелъ родъ человѣческій? Если же онъ былъ, то какая была нужда помѣщать между созвѣздіями: Льва, Рака, Близнецовъ, Дѣву, Тельца, Вѣсы, Скорпіона, Овна, Стрѣльца, Рыбъ, Козерога, Водолея, Персея, Кассіопію, Кифея, Пегаса, Гидру, Ворона, Чашу, Лиру, Дракона и другихъ, которыхъ наблюденію научившись, по вашимъ словамъ, многіе постигли это математическое, или лучше сказать, противонаучное (καταθεματικήν) предвѣдѣніе? И такъ, или дѣйствительно издавна былъ рокъ, то напрасна постановка этихъ существъ (въ числѣ созвѣздій); или его не было, и потомъ Богъ привелъ жизнь въ лучшее состояніе и направленіе, между тѣмъ какъ прежніе люди переживали худшее время; но древнѣйшіе лучше нынѣшнихъ; посему они и названы *золотымъ родомъ* [2]). Слѣдовательно

[1]) Подъ словомъ γένεσις здѣсь очевидно разумѣется вліяніе знаковъ Зодіака на рожденіе и жизнь людей, т. е. рокъ, судьба. Такъ какъ св. Меѳодій составилъ свое сочиненіе „Пиръ дѣвъ“ по внѣшней формѣ сходно съ „Пиромъ“ философа Платона (при содержаніи противоположномъ ему), гдѣ приводятся слова Парменида о γένεσις, какъ матери древнѣйшаго Бога Эроса, или вообще какъ плодотворной силѣ природы, то можно думать, что св. Меѳодій имѣлъ въ виду и это сказаніе греческихъ философовъ. См. сочин. Платона, перев. Карпова. 1863. Т. IV, стр. 157.

[2]) Hesiod. Op. et D. ст. 109.

нѣтъ рока. — Если солнце, объѣзжая эти круги и проходя въ извѣстныя времена года знаки Зодіака, производитъ измѣненія и перемѣны временъ, то какимъ образомъ тѣ, которые жили до помѣщенія между созвѣздіями этихъ животныхъ и до украшенія ими неба, могли благополучно существовать, когда еще не были отдѣлены лѣто, осень, зима и весна, вліяніемъ которыхъ тѣлесная природа растетъ и укрѣпляется? Между тѣмъ они благополучно существовали и были долговѣчнѣе и крѣпче нынѣшнихъ, такъ какъ Богъ и въ то время одинаково устроялъ времена. Слѣдовательно небо получило разнообразіе не отъ этихъ знаковъ. — Если солнце и луна и прочія звѣзды, существующія для опредѣленія и соблюденія чиселъ времени (Быт. I, 17), для украшенія неба и измѣненія временъ года, божественны и превосходнѣе людей, то они сами необходимо должны проводить жизнь превосходнѣйшую, блаженную, мирную и гораздо лучшую нашей жизни по правдѣ и добродѣтели, совершая стройное и благополучное движеніе. Если же они причиняютъ несчастія и худыя настроенія смертнымъ и служатъ виновниками непотребствъ, превратностей и приключеній жизни, то они несчастнѣе людей, взирая на землю и на жалкія и беззаконныя дѣйствія (смертныхъ), и проводятъ жизнь нисколько не лучше людей, если наша жизнь зависитъ отъ ихъ отклоненія и движенія.

Глава XVI.

Другія многочисленныя доказательства, направленныя противъ тѣхъ же математиковъ.

Если никакое дѣйствіе не бываетъ безъ желанія, и желаніе безъ нужды, Божество же ни въ чемъ не имѣетъ нужды, и слѣдовательно не помышляетъ о причиненіи зла, и если звѣзды по своей природѣ ближе къ Богу и по добродѣтели превосходнѣе самыхъ лучшихъ людей, то слѣдуетъ, что звѣзды не замышляютъ зла (людямъ) и ни въ чемъ не нуждаются. — Кромѣ того, всякій, кто убѣжденъ, что солнце,

луна и звѣзды божественны, согласится съ нами, что они весьма далеки отъ зла и земныхъ дѣйствій, какъ недоступныя для страстей, удовольствія и скорби; ибо такія постыдныя ощущенія не свойственны небеснымъ существамъ. Если же они по природѣ своей чужды этому и ни въ чемъ не имѣютъ нужды, то какъ они могутъ причинять людямъ то, чего сами не желаютъ и чему сами не причастны? — Утверждающіе, что человѣкъ не свободенъ, а управляется неизбѣжною необходимостію и неписанными повелѣніями судьбы, нечестиво относятся къ самому Богу, считая Его виновникомъ и устроителемъ человѣческихъ золъ. Ибо если Онъ неизреченною и непостижимою премудростію стройно управляетъ всѣмъ круговымъ движеніемъ звѣздъ, держа бразды правленія вселенной, а звѣзды производятъ свойства добра и зла въ жизни, привлекая къ нимъ людей узами необходимости: то, по ихъ мнѣнію, Богъ есть виновникъ и податель золъ. Между тѣмъ, по убѣжденію всѣхъ, Богъ не есть виновникъ никакого зла; слѣдовательно нѣтъ рока.

— Всякій хотя нѣсколько разсудительный согласится, что Богъ благъ, праведенъ, премудръ, истиненъ, благодѣтеленъ, не причиняетъ золъ, не причастенъ страсти, и все тому подобное: если же справедливые лучше несправедливыхъ и несправедливость отвратительна для нихъ; Богъ же какъ праведный радуется справедливости и несправедливость отвратительна для Него, какъ противоположная и враждебная справедливости, то слѣдовательно Богъ не есть виновникъ несправедливости. — Если полезное несомнѣнно есть добро, а цѣломудріе полезно и для дома, и для жизни, и для друзей, то, значитъ, цѣломудріе есть добро. И если цѣломудріе по свойству своему есть добро, а невоздержаніе противоположно цѣломудрію, противоположное же добру есть зло, то значитъ, невоздержаніе есть зло. И если невоздержаніе по свойству своему есть зло, отъ невоздержанія же происходятъ прелюбодѣянія, кражи, ссоры и убійства, то, значитъ, преступная жизнь по свойству своему есть зло. А Божество по природѣ своей непричастно злу. Слѣдовательно не рокъ (есть причина добра и зла). — Если

цѣломудренные лучше невоздержныхъ и невоздержаніе отвратительно для нихъ; Богъ же, какъ непричастный страстямъ, радуется цѣломудрію, то значитъ, невоздержаніе отвратительно и для Бога.

А что цѣломудренное дѣйствіе, какъ добродѣтель, лучше невоздержнаго дѣйствія, какъ порока, это можно видѣть на царяхъ, правителяхъ, военачальникахъ, женахъ, дѣтяхъ, гражданахъ, господахъ, рабахъ, пѣстунахъ, учителяхъ, потому, что каждый изъ нихъ при своемъ цѣломудріи бываетъ полезенъ и самому себѣ и обществу, а при невоздержаніи вреденъ и самому себѣ и обществу. И такъ какъ есть нѣкоторое различіе между порочными и добродѣтельными, невоздержными и цѣломудренными, и жизнь добродѣтельныхъ и цѣломудренныхъ лучше, а жизнь противоположныхъ хуже; и живущіе лучше—близки и любезны Богу, а живущіе хуже—далеки и противны для Него; то утверждающіе, будто по роковой необходимости справедливость и несправедливость есть одно и тоже, не различаютъ порока и добродѣтели, невоздержанія и цѣломудрія, что́ невозможно. Ибо если добро и зло противоположны, а несправедливость есть зло и противоположна справедливости, справедливость же есть добро; а добро враждебно злу, и зло не одинаково съ добромъ, то значитъ справедливость есть нѣчто иное, нежели несправедливость. Слѣдовательно Богъ не есть виновникъ золъ и не радуется (людямъ) злымъ, не содѣйствуетъ имъ Слово, какъ благое. Если же существуютъ порочные, то они порочны по недостатку разума, а не по вліянію рока, „по своему безразсудству безъ судьбы претерпѣвая бѣдствія“ [1]).— Если рокъ заставляетъ убивать кого-либо и обагрять руки кровію убійства, а законъ запрещаетъ это, опредѣляя наказанія злодѣямъ и угрозами отмѣняя внушенія рока, какъ то: причинять несправедливость, прелюбодѣйствовать, воровать, отравлять, то, значитъ, законъ противоположенъ року. Ибо что́ рокъ опредѣляетъ, то законъ запрещаетъ; а что́ законъ запрещаетъ, то дѣлать рокъ принуждаетъ; слѣ-

[1]) Одисс. I, 34.

довательно законъ враждебенъ року. А если они враждебны, то, значитъ, законодатели (существуютъ и дѣйствуютъ) не по року, потому что, опредѣляя противное року, они разрушаютъ рокъ. И такъ или существуетъ рокъ и тогда не слѣдовало бы существовать законамъ, или существуютъ законы, и слѣдовательно, они существуютъ не по року. Но, говорятъ, безъ рока невозможно ни родиться кому-либо, ни совершиться чему-либо; потому что никто не можетъ и пальцемъ двинуть безъ судьбы; слѣдовательно по року являлись законодатели: Миносъ, Драконъ, Ликургъ, Солонъ и Залевкъ, и постановляли законы, запрещая прелюбодѣянія, убійства, насилія, грабежи, кражи, какъ дѣйствія не существующія и не бывающія по року. Если же и эти дѣйствія бываютъ по року, то законы постановлялись не по року; потому что рокъ не сталъ бы разрушать самого себя, отмѣняя самъ себя и возставая самъ на себя, то постановляя законы, запрещающіе прелюбодѣянія и убійства, и обвиняя и наказывая злодѣевъ, то производя убійства и прелюбодѣянія. Но это невозмомно; потому что нѣтъ ничего противнаго самому себѣ, враждебнаго съ самимъ собою, разрушительнаго для самаго себя и несогласнаго съ самимъ собою. Слѣдовательно, нѣтъ рока.— Если все, что происходитъ, происходитъ по року, и безъ рока ничто не бываетъ, то неизбѣжно (допустить), что и законъ произошелъ отъ рока. Но законъ уничтожаетъ рокъ, научая, что добродѣтель пріобрѣтается и исполняется тщательностію, а порокъ можетъ быть избѣгаемъ и происходитъ отъ недостатка воспитанія. Слѣдовательно, нѣтъ рока.— Если рокъ производитъ то, что (люди) обижаютъ другъ друга и бываютъ обижаемы другъ другомъ, то какая нужда въ законахъ? Если они (существуютъ) для того, чтобы наказывать виновныхъ, такъ какъ Богъ печется объ обижаемыхъ, то лучше было бы, чтобы злые не поступали по судьбѣ, нежели послѣ преступленій были исправляемы законами. Но Богъ благъ и премудръ и устрояетъ все лучшее. Слѣдовательно, нѣтъ рока. — Причинами грѣховъ бываютъ или воспитаніе и нравы, или страсти душевныя и похоти тѣлес-

ныя. Что̀ изъ этого ни было бы причиною того, чего оно бываетъ причиною, Богъ не есть тому причина.—Если лучше быть справедливымъ, нежели несправедливымъ, то почему человѣкъ не бываетъ такимъ самъ по себѣ съ самаго рожденія? Если же онъ впослѣдствіи вразумляется ученіемъ и законами, чтобы сдѣлаться лучшимъ, то значитъ, онъ вразумляется какъ свободный, а не какъ злой по природѣ.—Если порочные раждаются порочными по року, опредѣленіемъ Провидѣнія, то они не подлежатъ осужденію и наказанію по законамъ, какъ живущіе по своей собственной природѣ, потому что они не могутъ измѣниться. — И еще: если добрые, живя по своей природѣ, заслуживаютъ похвалы, хотя рокъ причиною того, что они добры; то и злые, живя по своей природѣ, также не должны быть обвиняемы справедливымъ судьею. И если нужно сказать прямо, то всякій, живущій по присущей ему природѣ, нисколько не грѣшитъ. Ибо не самъ онъ сдѣлалъ себя такимъ, но судьба, и живетъ онъ по ея побужденію, влекомый неизбѣжною необходимостію; посему нѣтъ ни одного злого. Однако злые существуютъ, и зло достойно порицанія и противно Богу, какъ доказано въ рѣчи; а добродѣтель достолюбезна и похвальна, когда Богъ постановилъ законъ для наказанія злыхъ. Слѣдовательно нѣтъ судьбы.

Глава XVII.

Желанія плоти и духа: порокъ и добродѣтель.

Впрочемъ, для чего мнѣ распространять рѣчи, истрачивая время на такія обличенія, когда я уже изложила болѣе необходимое для убѣжденія и склоненія къ полезному, и когда сдѣлала, хотя и въ немногихъ словахъ, яснымъ для всѣхъ разногласіе ихъ выдумки съ самой собою, такъ что даже ребенокъ можетъ видѣть ихъ заблужденіе и понять, что отъ насъ зависитъ дѣлать добро или зло, а не отъ звѣздъ? Въ насъ есть два движенія, два естественныхъ желанія: *плоти и духа* (Галат. V, 17), различныя между

собою, и потому получившія два названія: добродѣтели и порока. Слѣдовать же намъ должно лучшему и полезнѣйшему водительству добродѣтели, избирая прекрасное вмѣсто худого. Однако объ этомъ уже довольно; удержу рѣчь; потому что стыжусь и сожалѣю, что послѣ рѣчей о дѣвствѣ принуждена была излагать мнѣнія метеорологовъ, или тщенаблюдателей, которые съ надменностію тратятъ время жизни, употребляя его только на баснословныя выдумки. — Вотъ тебѣ, госпожа Арета, и отъ насъ принесены дары, составленные изъ божественныхъ изреченій.

Еввулъ. Какъ, Григора, поразительно и прекрасно говорила Ѳекла!

Григора. А что, если бы ты слышалъ саму ее, когда рѣчь ея текла обильнымъ и быстрымъ потокомъ съ великою пріятностью и отрадою? Каждый слушавшій восхищался цвѣтистымъ образомъ рѣчи; такъ одушевленно и поистинѣ живописно излагала она то, о чемъ говорила, между тѣмъ какъ лицо ея румянилось отъ стыдливости; а вся она отличалась бѣлизною и по тѣлу и по душѣ.

Еввулъ. Справедливо, Григора, ты сказала это, и нѣтъ въ этомъ ничего ложнаго. Ибо я узналъ мудрость ея и изъ другихъ ея доблестей, изъ рѣчей, какія она говорила, и дѣлъ, какія совершила, доказывая чрезвычайную любовь свою ко Христу; и какъ достославно она часто претерпѣвала великіе и первостепенные подвиги мученическіе, оказывая великодушіе равное усердію и силу тѣлесную равную твердости намѣреній!

Григора. Весьма справедливо говоришь и ты; но не будемъ терять времени. Объ этомъ намъ можно будетъ и въ другое время часто бесѣдовать. А теперь мнѣ надобно пересказать тебѣ рѣчи и прочихъ дѣвъ, какъ я обѣщала, именно Тисіаны и Домнины, которыя еще остались. Итакъ, когда и Ѳекла, сказавъ это, окончила рѣчь, то,—говорила Ѳеопатра, — Арета приказала говорить Тисіанѣ, а эта, улыбнувшись и вышедши предъ нее, сказала:

РѢЧЬ IX.

ТИСІАНА.

Глава I.

Дѣвство — главное украшеніе истинной кущи. — Что означаетъ седмь дней, предписанныхъ Іудеямъ для празднованія кущей? — Неизвѣстность предѣла этого седмеричнаго числа, и никому не открыто, когда совершится будущее окончаніе міра. — Устройство міра еще продолжается.

Арета, возлюбленная краса любителей дѣвства! И я прошу тебя оказать мнѣ твою помощь, чтобы у меня не было недостатка въ словѣ, послѣ столь многихъ и разнообразныхъ рѣчей. Посему я оставляю вступительныя и предварительныя слова рѣчей, чтобы, потративъ время на составленіе ихъ надлежащимъ образомъ, мнѣ не отступить отъ самаго предмета рѣчи, отъ того, какъ славно и почтенно и величественно дѣвство. — Богъ, желая научить истинныхъ Израильтянъ, какъ должно праздновать и чтить истинный праздникъ кущей, изображаетъ это въ книгѣ Левитъ, объясняя, что каждый долженъ больше всего украшать чистотою свою собственную кущу. Приведу самыя слова Писанія, изъ которыхъ несомнѣнно будетъ ясно для всѣхъ, какъ и для Бога благоугоденъ и пріятенъ этотъ подвигъ дѣвственной чистоты. *А въ пятнадцатый день седмаго мѣсяца, когда вы собираете произведенія земли, празднуйте праздникъ Господень седмь дней; а въ осьмой день покой. Въ первый день возьмите себѣ вѣтви красивыхъ деревъ, вѣтви пальмовыя и вѣтви деревъ широколиственныхъ и вербъ и вѣтви агноса рѣчнаго* [1]*, и веселитесь предъ Господомъ Богомъ вашимъ седмь дней въ году. Это постановленіе вѣчное въ роды ваши. Въ седьмой мѣсяцъ празднуйте его. Въ кущахъ живите седмь дней. Всякій туземецъ Израильтянинъ долженъ жить въ кущахъ, чтобы знали роды ваши, что въ кущахъ поселилъ Я сыновъ Израилевыхъ, когда*

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ, въ которомъ отдѣльно отъ другихъ исчисленныхъ вѣтвей названы вѣтви *агноса* (ἄγνου κλάδους), того самаго дерева, подъ тѣнію котораго происходилъ пиръ дѣвъ. Смотр. выше стран. 28. Примѣчаніе.

вывелъ васъ [1]) *изъ земли Египетской. Я Господь Богъ вашъ* (Лев. XXIII, 39 — 43). Конечно Іудеи, (витая около одного письмени Писанія, какъ шмели около листьевъ овощей, а не около цвѣтовъ и плодовъ, какъ пчела), будутъ утверждать, что эти слова и предписанія относятся къ той кущѣ, которую они сами устрояютъ, какъ будто Богъ утѣшается тѣми тлѣнными украшеніями, которыя они разнообразно устрояютъ изъ древесныхъ вѣтвей; но они не понимаютъ богатства будущихъ благъ, какъ все это есть не что иное, какъ дуновеніе и образныя тѣни, предвозвѣщающія воскресеніе нашей павшей на землѣ (тѣлесной) скиніи, которую обратно получивъ безсмертною въ седьмое тысящелѣтіе [2]), мы будемъ праздновать великій праздникъ истинныхъ кущей въ новомъ и непреходящемъ мірѣ, когда будутъ собраны земные плоды и люди уже не будутъ раждать и раждаться, и когда Богъ успокоится отъ дѣлъ мироздания. Ибо какъ въ шесть дней Богъ создалъ небо и землю. и совершилъ весь міръ; а въ седьмый день почилъ отъ дѣлъ своихъ, которыя творилъ, и благословилъ день седьмый и освятилъ его (Быт. II, 1. 2), и какъ прообразовательно въ седьмый мѣсяцъ, когда уже собраны земные плоды, намъ повелѣно праздновать Господу, такъ когда этотъ міръ достигнетъ до седьмаго тысящелѣтія, тогда Богъ, по истинѣ совершивъ вселенную *возвеселится* о насъ (Пс. CIII, 31). Теперь еще все устрояется могущественною волею и непостижимою силою Его, земля еще произращаетъ плоды, и воды собираются въ свои вмѣстилища; свѣтъ еще отдѣляется (отъ тьмы), и число людей еще увеличивается, солнце восходитъ для управленія днемъ, и луна для управленія ночью (Быт. 1, 16); четвероногіе, звѣри и пресмыкающіеся происходятъ изъ земли, а птицы и рыбы изъ влажной стихіи. А тогда, когда исполнятся времена, и Богъ перестанетъ совершать эти

[1]) Въ Библіи: *ихъ*.

[2]) Выраженное здѣсь мнѣніе о близкой кончинѣ настоящаго міра, именно при наступленіи седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра, бывшее между христіанами первыхъ вѣковъ, объясняется тяжкими для нихъ обстоятельствами тогдашняго времени.

творенія, въ седьмый мѣсяцъ — въ великій день воскресенія — будетъ праздноваться въ честь Господу нашъ праздникъ кущей, котораго символы и образы представлены въ книгѣ Левитъ, которыя и нужно объяснить, чтобы уразумѣть открытую истину. Этого *послушаетъ мудрый*, говорится въ Писаніи, *и умножитъ познанія и уразумѣетъ притчу и замысловатую рѣчь, слова мудрецовъ и загадки ихъ* (Притч. I, 5. 6). Посему да устыдятся Іудеи, не постигающіе глубины Писаній и думающіе, что законъ и пророки говорили все о плотскомъ, между тѣмъ сами стремясь къ мірскому и внѣшнее богатство предпочитая душевному. Тогда какъ Писанія содержатъ образы предметовъ двоякаго рода, прошедшихъ и будущихъ, они несчастные, уклонившись отъ этого, принимаютъ прообразы будущаго, какъ бы уже прошедшаго; такъ о закланіи агнца они думаютъ, что таинство агнца есть только воспоминаніе спасенія отцевъ ихъ въ Египтѣ, когда при избіеніи первенцевъ Египетскихъ они спаслись, окропивъ кровію косяки домовъ своихъ, но не поняли, что оно было еще предвѣщательнымъ прообразомъ закланія Христа, котораго кровію огражденныя и запечатлѣнныя души, при сожженіи вселенной и погибели первородныхъ чадъ сатаны, спасутся отъ гнѣва (Божія), потому что наказующіе Ангелы будутъ отступать отъ начертанной на нихъ печати этой крови.

Глава II.

Прообразъ, образъ, истина, — законъ, благодать, слава. Человѣкъ созданъ безсмертнымъ. — Смерть введена для истребленія грѣха.

Это сказано мною для примѣра въ доказательство того, что Іудеи, считая данное имъ образомъ уже прошедшаго, лишились надежды будущихъ благъ, не хотѣвши признать ни предвѣщательныхъ прообразовъ образовъ, ни самихъ образовъ истины. Между тѣмъ законъ есть прообразъ и тѣнь образа т. е. Евангелія, а Евангеліе — образъ самой истины. Ибо древніе и законъ пророчески предвозвѣстили намъ свойства Церкви, а Церковь свойства новыхъ вѣковъ.

Посему мы, принявъ Христа, который сказалъ: *Я есмь истина* (Іоан. XIV, 6), убѣждены, что тѣни и прообразы уже прекратились, и спѣшимъ къ истинѣ, возвѣщая дѣйствительные образы ея. Ибо мы еще *знаемъ отчасти и какъ бы сквозь тусклое стекло*, потому что еще не настало для насъ совершенное (т. е. царство небесное и воскресеніе), *когда то, что отчасти, прекратится* (I Кор. XIII, 10. 12). Тогда крѣпко поставятся скиніи всѣхъ насъ, когда, по соединеніи и сращеніи костей съ плотію, тѣло воскреснетъ. Тогда по истинѣ мы будемъ праздновать день радости предъ Господомъ, когда получимъ новыя скиніи, которыя уже не умрутъ или не разрушатся *въ прахъ земли* (Даніил. XII, 2). Наша скинія и прежде была неразрушающеюся, но отъ преступленія поколебалась и пала, а Богъ разрушаетъ грѣхъ смертію, чтобы грѣшный человѣкъ, будучи безсмертнымъ съ живущимъ въ немъ грѣхомъ, не остался вѣчно осужденнымъ. Посему онъ и подвергся смерти, не будучи смертнымъ или тлѣннымъ, и душа отдѣляется отъ плоти, чтобы чрезъ смерть умерщвлялся грѣхъ, который уже не можетъ жить въ умершемъ. Итакъ, по смерти и истребленіи грѣха, я опять возстаю безсмертною и воспѣваю Бога, спасающаго чрезъ смерть дѣтей (своихъ) отъ смерти, и законно праздную въ честь Его, украсивъ свою скинію — плоть — добрыми дѣлами, какъ (Евангельскія) дѣвы — пятью горящими свѣтильниками (Матѳ. XXV, 7).

Глава III.

Какимъ образомъ каждый долженъ приготовляться къ будущему воскресенію?

На испытаніе въ первый день воскресенія приношу ли я заповѣданное, украшена ли я плодами добродѣтели, осѣнена ли вѣтвями дѣвства? Представь, что воскресеніе есть устроеніе кущи. Представь, что принимаемое на устройство этой кущи суть дѣла правды. Итакъ разбираю требующее въ первый день, т. е. въ тотъ день, въ который я предстаю на судъ, украсила ли я свою кущу тѣмъ, что заповѣдано, находится ли въ ней то, что намъ повелѣвается

въ здѣшнемъ мірѣ пріобрѣсти, а тамъ принести Богу? Займемся же разсмотрѣніемъ того, что́ слѣдуетъ далѣе. *Въ первый день*, говорится, *возьмите себѣ красивый древесный плодъ, и вѣтви пальмовыя, и вѣтви деревъ широколиственныхъ, и вербъ, и вѣтви агноса ручнаго, и веселитесь предъ Господомъ Богомъ вашимъ* (Лев. XXIII, 40). Подъ красивѣйшимъ плодомъ древеснымъ необрѣзанные сердцемъ Іудеи разумѣютъ лимонное дерево по его величинѣ, и не стыдятся утверждать, что Богъ, Которому недостаточны для всесожженія всѣ животныя земныя и ливанъ для куренія, чтится лимоннымъ деревомъ. И притомъ, о упорные, если красиво лимонное дерево, то развѣ не болѣе красива виноградная лоза? — развѣ не красиво гранатовое дерево? — развѣ не красива яблоня и другія плодовыя деревья, которыя гораздо лучше лимоннаго? Такъ и Соломонъ, упоминая въ Пѣсни Пѣсней (IV, 13) обо всѣхъ этихъ прекрасныхъ деревьяхъ, умолчалъ только о лимонномъ. Но они неразумные впали въ заблужденіе, не понявъ (что здѣсь говорится) о древѣ жизни, которое прежде произрастало въ раю, а теперь для всѣхъ произрастила Церковь, которое приноситъ прекрасный и красивый плодъ вѣры. Этотъ-то плодъ мы и должны принести, пришедши въ первый день праздника на судъ Христовъ, и если мы не будемъ имѣть такого плода, то не будемъ праздновать вмѣстѣ съ Богомъ и, по словамъ Іоанна, не будемъ *имѣть участія въ воскресеніи первомъ* (Апок. XX, 6). Ибо древо жизни есть первородная изъ *всѣхъ* Премудрость. *Она,* говоритъ пророкъ, *древо жизни для тѣхъ, которые пріобрѣтаютъ ее, и твердыня для тѣхъ, которые опираются на нее, какъ на Господа* (Притч. III, 18) [1]); *древо, посаженное при потокахъ водъ, которое приноситъ плодъ свой во время свое* (Псал. 1, 3): т. е. ученіе и мудрость, доставляемая въ надлежащее время приходящимъ къ водамъ искупленія. А тотъ, кто не увѣровалъ во Христа, кто не позналъ, что Онъ есть начало и древо жизни, кто не можетъ показать Богу кущу свою украшенною прекраснѣйшимъ изъ прекрасныхъ плодовъ, какъ бу-

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ.

детъ праздновать? — какъ будетъ веселиться? Хочешь ли узнать прекрасный плодъ этого дерева? Посмотри на слова Господа нашего Іисуса Христа, какъ они *прекрасньe* (словъ) *сыновъ человѣческихъ* (Псал. XLIV, 3). Прекрасный плодъ произросъ чрезъ Моисея — законъ; но онъ не былъ такъ прекрасенъ, какъ Евангеліе; ибо тотъ былъ только прообразомъ и тѣнью будущихъ вещей, а это — истина и благодать жизни. Прекрасенъ былъ плодъ пророковъ, но не такъ прекрасенъ, какъ воздѣлываемый изъ этого (Евангелія) плодъ нетлѣнія.

Глава IV.

Умъ, очистившись отъ пороковъ, становится проницательнѣе. Украшеніе души и порядокъ добродѣтелей. Любовь — вѣтвиста и плодовита. — Дѣвство — крайнее изъ всѣхъ украшеній. — Самое пользованіе бракомъ должно быть цѣломудренно.

Въ первый день возьмите себѣ красивый древесный плодъ и вѣтви пальмовыя (Лев. XXIII, 40),—говорится объ упражненіи въ божественномъ ученіи, которымъ душа очищается и украшается, побѣждая страсти, между тѣмъ какъ грѣхи изъ нея выметаются подобно сору и выбрасываются. Ибо на этотъ праздникъ должны приходить чистые и украшенные, тщательно снабдившіе себя трудами и подвигами добродѣтели, какъ бы прикрасами; потому что умъ, очищенный прилежными трудами и подвигами отъ различныхъ, потемняющихъ его помысловъ, становится проницательнѣе къ истинѣ. Такъ и въ Евангеліи вдова нашла кодрантъ, когда вымела домъ и выбросила соръ (Лук. XV, 9. Марк. XII, 42), т. е. страсти, помрачающія и потемняющія душу и умножающіяся отъ нашей изнѣженности и безпечности. И такъ кто хочетъ быть на праздникѣ тѣхъ кущей и находиться вмѣстѣ со святыми, тотъ прежде всего пусть пріобрѣтетъ прекрасный плодъ—вѣру, потомъ пальмовыя вѣтви—упражненіе и занятіе Писаніями, затѣмъ цвѣтущія и широколиственныя вѣтви любви, которыя (Писаніе) повелѣваетъ взять послѣ пальмовыхъ вѣтвей, весьма мѣтко назвавъ любовь широколиственными вѣтвями, потому что она есть

какъ бы вѣтвистое, всецѣло плодовитое и тучное растеніе, не имѣющее голыхъ или пустыхъ мѣстъ, но вездѣ полное и на сучьяхъ и на стволѣ. Такова и любовь; она никогда не бываетъ пустою или безплодною. Ибо, *если я продамъ имѣніе мое и раздамъ нищимъ, если отдамъ тѣло мое на сожженіе, и если пріобрѣту такую вѣру, что и горы могу переставлять, а любви не имѣю, то я ничто* (1 Кор. XIII, 2. 3). И такъ любовь есть плодовитое дерево и широколиственнѣйшее изъ всѣхъ, какъ изобилующая и исполненная благодатныхъ даровъ. Потомъ что еще предлагаетъ оно взять? Вѣтви вербовыя, говоритъ, называя вербовыми вѣтвями правду, потому что праведники, по словамъ пророка, *растутъ, какъ трава посреди воды, и какъ ивы при потокахъ водъ* (Исх. XLIV, 4), процвѣтая мудростію. Кромѣ всего этого заповѣдуется приносить для украшенія кущи вѣтви агноса, такъ какъ это дерево по самому названію [1]) означаетъ дѣвство, которымъ украшается все вышесказанное. Пусть же отойдутъ прочь невоздержные и по своему сладострастію отвергающіе дѣвство! Какъ могутъ войти на праздникъ со Христомъ не украсившіе своей кущи вѣтвями дѣвства, этимъ богонасажденнымъ блаженнымъ растеніемъ, которымъ должны облекаться и осѣнять свои чресла поспѣшающіе на этотъ праздникъ и бракъ? Вникните же, прекрасныя дѣвы, въ самое Писаніе и заповѣди, какъ Слово (Божіе) поставило дѣвство въ заключеніе всѣхъ вышесказанныхъ добродѣтелей, научая, сколь оно прекрасно и вожделѣнно при воскресеніи и какъ безъ него никто не получитъ обѣтованныхъ благъ; его мы, дѣвствующія, преимущественно и воздѣлываемъ и приносимъ Господу. Впрочемъ его имѣютъ и тѣ, которые дѣвственно живутъ съ своими супругами; они приносятъ какъ бы отрасли отъ ствола его, произращающія цѣломудріе, не достигая и не касаясь верхнихъ и великихъ его вѣтвей; однако тѣмъ не менѣе и они приносятъ хотя малыя отрасли дѣвственности. А похотливые, хотя и не предающіеся прелюбодѣянію, но съ одною и законною женою обращающіеся не-

[1]) Названіе этого растенія объяснено выше, въ прим. на стран. 28.

воздержно, какъ будутъ праздновать, какъ будутъ веселиться, когда они не украсили своей кущи, т. е. плоти, вѣтвями агноса и не внимали сказанному: *и имѣющіе женъ должны быть какъ не имѣющіе?* (1 Кор. VII, 29).

Глава V.

Тайна кущей.

Посему я утверждаю, что тѣ, которые стремятся къ подвигамъ и отличаются великимъ благоразуміемъ, должны больше всѣхъ ревностно чтить дѣвство, какъ полезнѣйшее и славнѣйшее (всего); ибо въ новомъ и непреходящемъ мірѣ, если кто окажется не украшеннымъ вѣтвями дѣвства, тотъ не получитъ покоя, какъ не исполнившій заповѣди Божіей по закону, и не войдетъ въ землю обѣтованія, не праздновавъ напередъ праздника кущей. Одни только праздновавшіе въ кущахъ вступаютъ въ святую землю, отправившись отъ такъ называемыхъ кущей, пока не достигнутъ храма и города Божія, т. е. перейдутъ къ высшей и славнѣйшей радости, какъ показываютъ и прообразы, бывшіе у Іудеевъ. Ибо какъ они, вышедши изъ предѣловъ Египта и начавъ странствованіе, пришли въ кущи [1]), и оттуда опять отправившись пришли въ землю обѣтованную, такъ и мы. Такъ и я, отправившись отсюда и вышедши изъ Египта — сей жизни, сначала достигаю воскресенія, этого истиннаго праздника кущей, и тамъ поставивъ мою кущу, украшенную плодами добродѣтели, въ первый день праздника воскресенія, во время суда, празднуя вмѣстѣ со Христомъ тысящелѣтіе покоя, называемое седмью днями, эту истинную субботу. Потомъ, слѣдуя за Іисусомъ, *прошедшимъ небеса* (Евр. IV, 14), прихожу, какъ и они, послѣ покоя праздника кущей въ землю обѣтованную, на небеса, не оставаясь въ кущахъ, т. е. (тѣлесная) моя скинія не остается такою же, но послѣ тысящелѣтія измѣняется изъ вида человѣческаго

[1]) Здѣсь указывается на селеніе *Сокхоѳъ*, въ которомъ между прочимъ Израильтяне располагались станомъ во время странствованія по пустынѣ (Исх. XII, 37. Числ. XXXIII, 5) и котораго названіе (отъ Евр. Sacad) значитъ: *куща*, скинія, палатка.

и тлѣннаго въ ангельское величіе и красоту, а тамъ наконецъ изъ *дивнаго мѣста селенія* (σκηνῆς, Пс. XLI. 5) [1]), по окончаніи праздника воскресенія, мы, дѣвы, перейдемъ къ большему и лучшему, взойдемъ въ самый *домъ Божій*, находящійся выше небесъ, *со гласомъ радости и славословія празднующаго сонма*, какъ говоритъ Псалмопѣвецъ (Псал. XVI, 5).— Это праздничное украшеніе и я, по мѣрѣ силъ моихъ, приношу въ даръ тебѣ, госпожа Арета.

Еввулъ. Весьма тревожусь я, Григора, представляя себѣ, въ какомъ смущеніи была теперь Домнина, какъ волновалось ея сердце и какъ она боялась, что у нея не достанетъ словъ и что она скажетъ хуже прочихъ дѣвъ, когда уже было сказано о предметѣ такъ много и такъ разнообразно. Если она дѣйствительно обнаруживала смущеніе, то въ заключеніе скажи и объ этомъ. Я удивляюсь, если она могла сказать что-нибудь, когда досталось ей говорить послѣдней.

Григора. Что она была очень смущена, Еввулъ, объ этомъ мнѣ говорила Ѳеопатра; но у нея не недостало словъ. Когда окончила Тисіана, Арета обратила взоръ къ ней и сказала: выйди и ты, дочь моя, и скажи рѣчь, чтобы нашъ пиръ былъ вполнѣ совершеннымъ. Домнина, сильно покраснѣвъ, едва переведши духъ и вставши, стала молиться и просила Премудрость (Божію) быть ей помощницей. По окончаніи молитвы, — говорила она, — тотчасъ явилась у нея смѣлость и какая-то божественная увѣренность объяла ее, и она сказала:

РѢЧЬ X.

ДОМНИНА.

Глава I.

Одно дѣвство производитъ и совершаетъ то, что душа управляется наилучшимъ образомъ.

И я, Арета, оставивъ длинныя вступленія, постараюсь по силамъ своимъ приступить къ самому предмету, чтобы, распространяясь о постороннемъ, не употребить на рѣчь

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ.

объ этомъ слишкомъ много времени; ибо, я думаю, гораздо благоразумнѣе не заводить издалека прежде разсужденія о предметѣ длинныхъ рѣчей, услаждающихъ слухъ, но тотчасъ же отвѣчать на данный вопросъ. Съ этого я и начну, потому что уже время.—Ничто не можетъ, прекрасныя дѣвы, приносить столько добра человѣку, какъ дѣвство. Одно дѣвство производитъ и совершаетъ то, что душа управляется наилучшимъ и успѣшнѣйшимъ образомъ и избавляется отъ золъ и заразъ міра. Ибо, какъ скоро Христосъ научилъ насъ соблюдать его и показалъ намъ чрезвычайную красоту его, разрушено царство діавола, прежде постоянно плѣнявшаго и порабощавшаго всѣхъ, такъ что никто изъ древнихъ не былъ благоугоднымъ Богу [1]), но всѣ подвергались грѣхопаденіямъ, такъ какъ законъ не былъ въ состояніи освободить людей отъ растлѣнія, пока дѣвство, преемствовавъ закону, стало управлять людьми по заповѣдямъ Христа. Подлинно, древніе не склонялись бы такъ часто къ ссорамъ и убійствамъ, разврату и идолопоклонству, если бы законная праведность была достаточна имъ для спасенія. Между тѣмъ они тогда часто подвергались великимъ и многимъ паденіямъ, а съ тѣхъ поръ, какъ Христосъ вочеловѣчился, украсилъ и вооружилъ плоть дѣвствомъ, жестокій тиранъ, руководитель невоздержанія, низложенъ, и господствуютъ миръ и вѣра, отъ того что люди уже не такъ склонны къ идолопоклонству, какъ прежде.

Глава II.

Изъясненіе мѣста Судей IX, 8—15. Аллегорическое сказаніе о деревьяхъ, искавшихъ себѣ царя.

Но чтобы кому-нибудь не показалось, что я неправо мудрствую, предлагаю только вѣроятную догадку и говорю неосновательно, приведу и я вамъ, дѣвы, изъ Ветхаго Завѣта письменное пророчество въ доказательство того, что я говорю истину, именно изъ книги Судей, гдѣ уже ясно

[1]) Т. е. столько, сколько христіанскіе дѣвственники, при другихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ.

предвозвѣщено царство дѣвства. Тамъ говорится: *пошли нѣкогда дерева помазать надъ собою царя и сказали маслинѣ: царствуй надъ нами. Маслина сказала имъ: оставлю ли я тукъ мой, который прославили Богъ и люди* [1]) *и пойду ли скитаться по деревамъ? И сказали дерева смоковницѣ: иди ты, царствуй надъ нами. Смоковница сказала имъ: оставлю ли я сладость мою и хорошій плодъ мой и пойду ли скитаться по деревамъ? И сказали дерева виноградной лозѣ: иди ты, царствуй надъ нами. Виноградная лоза сказала имъ: оставлю ли я сокъ мой, который веселитъ Бога и людей* [2]), *и пойду ли скитаться по деревамъ? Наконецъ сказали всѣ дерева терновнику: иди ты, царствуй надъ нами Терновникъ сказалъ деревамъ: если вы по истинѣ поставляете меня царемъ надъ собою, то идите, покойтесь подъ тѣнью моею: если же нѣтъ, то выйдетъ огонь изъ терновника и пожжетъ кедры Ливанскіе* (Суд. IX, 8—15). Очевидно, что это сказано не о деревьяхъ, растущихъ изъ земли. Деревья бездушныя и корнями прикрѣпленныя къ землѣ не могли сами собою собираться для избранія царя, но конечно это говорится о душахъ, которыя прежде вочеловѣченія Христова, изобилуя грѣхопаденіями, съ мольбою приступали къ Богу, чтобы склонить Его на снисхожденіе къ нимъ и царствовать (надъ ними) съ милостію (ἔλεος) и кротостію, которую Писаніе представило подъ образомъ маслины (ἐλαία); потому что масло полезно для тѣла, облегчаетъ страданія и болѣзни и служитъ для освѣщенія. Всякій свѣтъ въ свѣтильникахъ увеличивается отъ подливаемаго масла; такъ и милосердіе Божіе избавляетъ отъ смерти и помогаетъ человѣчеству и питаетъ свѣтъ сердца. Разсудите же, не обозначаетъ ли этимъ Писаніе заповѣди, которыя были даны со времени первозданнаго до Христа, и въ подражаніе которымъ коварный діаволъ своими вымыслами обольщалъ родъ человѣческій: смоковницѣ оно уподобило заповѣдь, данную человѣку въ раю, такъ какъ послѣ обольщенія онъ тотчасъ прикрылъ свою наготу листьями смоковницы (Быт. III, 7); а виноградной лозѣ—заповѣдь, данную Ною

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ.
[2]) По переводу 70-ти толковниковъ.

при потопѣ, такъ какъ онъ былъ осмѣянъ (Быт. IX, 22), уснувъ отъ вина; маслинѣ же — заповѣди, данныя Моисею въ пустынѣ, такъ какъ пророческій даръ, этотъ святый елей, оскудѣвалъ въ наслѣдіи (Божіемъ — Іудеяхъ), когда они предавались беззаконіямъ; а терновнику — заповѣди, данныя Апостоламъ для спасенія міра, такъ какъ чрезъ нихъ мы научились дѣвству, которому одному діаволъ не могъ противопоставить какое-либо обольстительное подобіе. Поэтому и Евангелій дано четыре, такъ какъ Богъ четыре раза благовѣстилъ человѣчеству и руководилъ его четырьмя законодательствами, которыхъ времена ясно означаются различіемъ плодовъ. Такъ смоковница по своей сладости и красотѣ представляетъ бывшую *сладость рая* до преступленія человѣка (Быт. III, 23); ибо случается и очень часто, что Духъ Святый принимаетъ плодъ смоковницы въ лучшемъ смыслѣ, какъ мы покажемъ послѣ (Іер. VIII, 13). Виноградъ же, по причинѣ веселія, происходящаго отъ вина и радости спасшихся отъ гнѣва (Божія) и потопа, выражаетъ избавленіе ихъ отъ страха и заботы и перемѣну на радость; а маслина, по свойству плода своего — елея, означаетъ милосердіе Бога, Который опять послѣ потопа, когда люди обратились къ безбожію, оказалъ долготерпѣніе, такъ что далъ законъ и являлся нѣкоторымъ и какъ бы елеемъ возгрѣвалъ уже погасавшій свѣтъ добродѣтели.

Глава III.

Терновникъ и агносъ—символъ дѣвства.—Четыре Евангелія, т. е. провозвѣстія или правила, руководящія ко спасенію.

Терновникъ есть тоже, что́ агносъ; одни называютъ его терновникомъ, а другіе агносомъ; и можетъ быть по сродству этого растенія съ дѣвствомъ, оно такъ названо—терновникомъ и агносомъ, терновникомъ (ῥάμνος) по терпкости (στερέμνιον) и непригодности къ удовольствіямъ, а агносомъ (ἄγνος) по всегдашней дѣвственности (ἁγνεύειν). Посему и объ Иліи, убѣжавшемъ отъ женщины Іезавели, Слово (Божіе) говоритъ, что онъ сначала скрылся подъ терновникомъ

(3 Цар. XIX, 4), и бывъ услышанъ укрѣпился и принялъ пищи; потому что для избѣгающихъ похоти и женщины, т. е. удовольствія, прибѣжищемъ и покровомъ возрасло древо дѣвства, со времени пришествія Перводѣвственника Христа воцарившееся надъ людьми. Ибо, такъ какъ первыя законодательства, данныя при Адамѣ, Ноѣ и Моисеѣ, не могли спасти человѣка, то одно Евангельское законодательство спасло всѣхъ. Поэтому смоковница, какъ сказано, и не приняла царства надъ деревьями, подъ которыми разумѣются люди, а подъ смоковницей заповѣдь; т. е. хотя человѣкъ послѣ паденія и желалъ опять быть подъ господствомъ добродѣтели и не лишаться нетлѣнія сладостнаго рая, но, за преступленіе былъ отринутъ и изгнанъ далеко, какъ еще не имѣвшій возможности и неспособный быть подъ господствомъ нетлѣнія. И вотъ послѣ паденія ему сначала посылается проповѣдь чрезъ Ноя, дабы онъ могъ, если бы былъ внимателенъ, спастись отъ грѣха хотя чрезъ эту заповѣдь, обѣщавшую отдохновеніе отъ бѣдствій и радость (Быт. V, 20), если бы онъ соблюдалъ ее всѣми силами, подобно какъ и виноградная лоза обѣщаетъ произвести вино для трудящихся и воздѣлывающихъ ее. Но это законодательство не воцарилось надъ человѣчествомъ, потому что его не послушались, хотя Ной ревностно проповѣдывалъ его. Впрочемъ, когда стали уже потопляться и задыхаться отъ воды, то начали раскаяваться и обѣщать, что они будутъ подчиняться заповѣдямъ; но не смотря на это были лишены воцаренія, т. е. лишены помощи отъ проповѣданной заповѣди потому, что пренебрегли тѣми людьми, которымъ Богъ повелѣлъ помогать и спасать и утѣшать ихъ, какъ то Ноемъ и бывшими съ нимъ, почему Духъ съ укоризною и отвѣчалъ имъ: упорные, какъ приду я къ вамъ, которые безплодны мудростію и ничѣмъ не отличаетесь отъ сухихъ деревъ, прежде не вѣровавъ мнѣ, проповѣдывавшему удаленіе отъ настоящихъ (благъ)?

Глава IV.

Законъ недѣйствителенъ для спасенія. — Послѣдній законъ дѣвства подъ видомъ терновника.

Когда, такимъ образомъ, и эти люди оказались недостойными Божественнаго попеченія, и когда родъ человѣческій снова впалъ въ заблужденіе, Богъ опять послалъ при Моисеѣ законъ, который бы царствовалъ надъ ними и напоминалъ о правдѣ. Но они, далеко уклонившись и отъ него, впали въ идолопоклонство. Посему Богъ предалъ и ихъ междоусобіямъ, изгнаніямъ и плѣненіямъ, между тѣмъ какъ законъ отказался спасать ихъ. Подвергшись бѣдствіямъ, они опять съ горестью обѣщали повиноваться заповѣдямъ, пока наконецъ Богъ въ четвертый разъ, сжалившись надъ человѣкомъ, послалъ для царствованія дѣвство, которое въ Писаніи послѣдовательно названо терновникомъ. Оно, истребляя удовольствія, вмѣстѣ съ тѣмъ угрожаетъ, что, если всѣ не будутъ повиноваться ему безпрекословно и по истинѣ, то оно всѣхъ истребитъ огнемъ; потому что послѣ него уже не будетъ другаго закона или ученія, но судъ и огонь. Съ того времени наконецъ человѣкъ и началъ поступать праведно и твердо вѣровать въ Бога и удаляться отъ діавола. Такимъ образомъ дѣвство послано людямъ какъ полезнѣйшее и надежнѣйшее средство. Только ему одному діаволъ не могъ противопоставить подобнаго способа обольщенія, какъ (онъ дѣлалъ) съ прочими законодательствами.

Глава V.

Подражательная во всемъ злоба діавола. — Два рода смоковницъ и виноградныхъ лозъ.

Такъ какъ смоковница по сладости плода и красотѣ своей, какъ я сказала, принимается за образъ райской сладости, то діаволъ, обольстивъ человѣка подобіями ея, уловилъ его въ свои сѣти, внушивъ прикрыть наготу тѣла

листьями смоковницы, т. е. сладострастнымъ раздраженіемъ, вслѣдствіе раздражающаго свойства ихъ. А затѣмъ спасшихся отъ потопа, напоивъ до опьянѣнія питьемъ подобнымъ винограду духовнаго веселія, онъ также подвергъ осмѣянію, обнаживъ человѣка отъ добродѣтели. Сказанное мною еще яснѣе будетъ изъ слѣдующаго. Вражеская сила всегда подражаетъ внѣшнему виду добродѣтели и правды, не для исполненія ихъ по истинѣ, а для обольщенія и притворства. Дабы увлечь къ смерти избѣгающихъ смерти, она украшается внѣшнимъ видомъ безсмертія. Такъ, она хочетъ казаться и смоковницею и виноградомъ, производить и сладость и веселіе, принимая видъ Ангела свѣта (2 Кор. XI, 14) и подобіемъ богопочтенія обольщая многихъ. Въ Писаніяхъ мы находимъ, что есть два различныхъ рода смоковницъ и виноградныхъ лозъ. *Смоквы хорошія весьма хороши*, и: *смоквы горькія, весьма горьки* (πικρά, — Іер. XXIV, 3) [1]). *Вино, которое веселитъ сердце человѣка* (Пс. CIII, 15), и: *вино ядъ драконовъ и гибельная отрава аспидовъ* (Второз. XXXII, 33). Но какъ скоро наконецъ воцарилось надъ людьми дѣвство, то обольщеніе обличено и препобѣждено, такъ какъ Перводѣвственникъ Христосъ низпровергъ его; и истинная смоковница и истинная виноградная лоза стали приносить плоды послѣ того, какъ надъ всѣми приняло власть дѣвство, какъ возвѣщаетъ и пророкъ Іоиль: *не бойся земля*, говоритъ онъ, *радуйся и веселись; ибо Господь великъ, чтобы совершить это. Не бойтесь животныя, ибо пастбища пустыни произрастили траву, дерево принесло плодъ свой, смоковница и виноградная лоза оказали свою силу. И вы, чада Сіона, радуйтесь и веселитесь о Господѣ Богѣ вашемъ; ибо Онъ далъ пищу въ правду* (Іоил. II, 21—23) [2]). Деревами виноградным и смоковничнымъ, произрастившими для чадъ духовнаго Сіона плоды въ правду, онъ называетъ прежнія законодательства, которыя стали приносить плоды по вочеловѣченіи Слова, когда воцарилось надъ нами дѣвство, между тѣмъ какъ прежде, по причинѣ грѣха и великаго заблужденія, они были безсильны и не

[1]) Въ Библіи: худыя — весьма худы (πονηρά).

[2]) По переводу 70-ти толковниковъ.

произращали отраслей. Ибо истинная виноградная лоза и истинная смоковница не могли доставлять намъ пищу, способствующую къ жизни, пока процвѣтала смоковница не истинная и разнообразно украшенная для обольщенія; когда же Господь изсушилъ ложныя и подражавшія истиннымъ дерева, сказавши горько-плодной смоковницѣ: *да не будетъ впредь отъ тебя плода во вѣкъ* (Мѳ. XXI, 19), тогда истинно плодоносныя расцвѣли и произрастили пищу въ правду. Случается и многократно, что виноградная лоза прилагается къ Самому Господу (Іоан. XV. 1), а смоковница къ Духу Святому, такъ какъ Господь веселитъ, а Духъ врачуетъ сердца людей. Посему и Езекіи повелѣно было сначала приложить себѣ пластъ смоквъ (4 Цар. XX, 70. Ис. XXXVIII, 21), чтобы исцѣлиться, что означаетъ плодъ Духа, т. е. любовь, по словамъ Апостола, который говоритъ: *плодъ же Духа — любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, вѣра, кротость, воздержаніе* (Галат. V, 22 — 23), которыя, по причинѣ сладости ихъ, пророкъ назвалъ смоквами. И Михей говоритъ: *каждый будетъ сидѣть подъ своею виноградною лозою и подъ своею смоковницею, и никто не будетъ устрашать ихъ* (Мих. IV, 4). Очевидно, что прибѣгшіе и успокоившіеся подъ покровомъ Духа и Слова не будутъ страшиться и бояться возмутителя сердецъ.

Глава VI.

Тайна видѣнія пророка Захаріи.

Что маслина означаетъ законодательство, данное при Моисеѣ, это объясняетъ пр. Захарія, говоря такъ: *и возвратился тотъ Ангелъ, который говорилъ со мною и пробудилъ меня, какъ пробуждаютъ человѣка отъ сна его, и сказалъ онъ мнѣ: что ты видишь? и отвѣчалъ я: вижу, вотъ свѣтильникъ, весь изъ золота, и чашечка для елея на верху его, и двѣ маслины, — одна съ правой стороны чашечки, другая съ лѣвой стороны ея* (Зах. IV, 1—3). И спустя немного: когда пророкъ спросилъ, что значатъ двѣ маслины съ правой и съ лѣвой стороны свѣтиль-

ника и двѣ масличныя вѣтви близъ двухъ трубочекъ, то Ангелъ сказалъ въ отвѣтъ: *это два помазанные елеемъ, предстоящіе Господу всей земли* (Зах. IV, 4), называя такъ двѣ первородныя силы, предстоящія Богу (1), которыя въ этомъ домѣ (ст. 9—10) посредствомъ вѣтвей мѣрно проводятъ духовный елей Божій, чтобы онъ имѣлъ свѣтъ Божественнаго вѣдѣнія. Ибо двѣ вѣтви двухъ маслинъ суть законъ и пророки, которыхъ призваніе состояло въ мѣрномъ устроеніи наслѣдія и которыхъ произрастилъ Христосъ и Духъ Святый, потому что мы еще не могли вмѣстить всего плода и величія этихъ растеній прежде, нежели дѣвство стало владычествовать и царствовать надъ міромъ, а только вѣтви ихъ, т. е. законъ и пророчества мы предварительно воздѣлывали, и притомъ умѣренно, часто подвергаясь паденіямъ. Подлинно, кто могъ когда-либо совершенно вмѣстить Христа или Духа, не сдѣлавшись напередъ чистымъ? А подвигъ, приготовляющій душу съ дѣтства къ вожделѣнному и достолюбезному прославленію, съ легкостію дѣлающій для нея этотъ міръ немучительнымъ здѣсь и доставляющій за маловременные труды великія награды тамъ, это есть доставляющее тѣламъ нашимъ безсмертіе дѣвство, которое всѣ люди должны охотно предпочитать и прославлять, одни потому, что совершившіе подвигъ дѣвства дѣлаются чрезъ него невѣстами Слова; другіе потому, что имъ освобождаются отъ осужденія: *прахъ ты, и въ прахъ возвратишься* (Быт. III, 19). — Такова тебѣ, Арета, и отъ меня посильная рѣчь о дѣвствѣ, которую, хотя она и умѣренна и невелика, прошу тебя, госпожа, благосклонно принять отъ меня, избранной говорить послѣднею.

---

1) Въ подлинникѣ употреблено выраженіе: δορυφορσας τὸν Θεόν, т. е. предстоящія Богу какъ бы въ качествѣ оруженосцевъ или слугъ; но такого унизительнаго или еретическаго смысла оно не можетъ имѣть по отношенію къ Сыну Божію и Св. Духу, о которыхъ здѣсь говорится, какъ думали нѣкоторые (Migne, p. 203), а употреблено здѣсь примѣнительно къ описанному видѣнію свѣтильника съ двумя маслинами около вершины его, и здѣсь же получаетъ надлежащій смыслъ названіемъ этихъ Божественныхъ силъ *первородными* (ἀρχεγόνης).

РѢЧЬ XI.

АРЕТА.

Глава I.

Истинныхъ и непорочныхъ дѣвственницъ—немного.—Дѣвство—подвигъ.—Θекла — главнѣйшая изъ дѣвъ.

Принимаю, сказала Арета, — говорила Θеопатра, — и вполнѣ хвалю тебя. Весьма хорошо, хотя и не совсѣмъ ясно, но тщательно воспользовавшись сказаннымъ, ты изложила предметъ, составивъ не пустословную рѣчь для услажденія слушателей, а напоминаніе объ исправленіи и бодрствованіи. Ибо кто говоритъ, что должно ставить дѣвство выше (другихъ) моихъ упражненій и любить его прежде всего прочаго, тотъ говоритъ справедливо. Многіе думаютъ, что они почитаютъ и соблюдаютъ его, но на самомъ дѣлѣ почитаютъ его, такъ сказать, немногіе. Подлинно, не тогда человѣкъ почитаетъ его, когда старается соблюдать свою плоть непричастною удовольствію совокупленія, а между тѣмъ не воздерживается отъ всего другаго; напротивъ, еще болѣе безчеститъ его тотъ, кто предается низкимъ пожеланіямъ, перемѣняя одни удовольствія на другія. Когда кто-нибудь старается преодолѣвать внѣшнія пожеланія, а между тѣмъ надмевается гордостію, то потому самому, что онъ можетъ обуздывать плотскія похоти, а между тѣмъ всѣхъ считаетъ за ничто, онъ еще не признается почитающимъ дѣвство; напротивъ, онъ безчеститъ его, оскорбляя высокомѣріемъ, тѣмъ, что очищаетъ внѣшность *чаши и блюда* (Мѳ. XXXIII, 25), плоть, тѣло, а сердце свое оскверняетъ гордостію и честолюбіемъ. И тотъ, кто предается страсти къ богатству, не есть ревностный почитатель дѣвства; напротивъ, онъ больше всего безчеститъ его, предпочитая малую выгоду тому, съ чѣмъ не можетъ сравняться ничто изъ житейскихъ драгоцѣнностей. Ибо всякое богатство и *золото* предъ нимъ какъ *ничтожный песокъ* (Прем. Солом. VII, 9). И тотъ, кто чрезмѣрно любитъ самого себя и старается

наблюдать полезное только для одного себя, а не заботится о ближнихъ, не почитаетъ дѣвства; напротивъ и онъ безчеститъ его; ибо, нарушая свойственную дѣвству любовь и человѣколюбіе, онъ далеко отстоитъ отъ достойныхъ причастниковъ его. Подлинно, не слѣдуетъ дѣвственникамъ съ одной стороны соблюдать дѣвство, а съ другой осквернять себя дурными дѣлами и непотребными пожеланіями; съ одной стороны обѣщаться сохранять чистоту и цѣломудріе, а съ другой быть нечистымъ и грѣшить; также съ одной стороны исповѣдывать удаленіе отъ заботъ о мірскихъ благахъ, а съ другой пріобрѣтать и заниматься ими; но (должно) соблюдать всѣ члены неприкосновенными и непричастными растлѣнію, не только служащіе къ раздраженію и совокупленію, но и болѣе ихъ дѣятельные. Ибо смѣшно было бы дѣторадные члены соблюдать дѣвственными, а языкъ не соблюдать; или языкъ соблюдать дѣвственнымъ, а зрѣніе, или слухъ, или руки не соблюдать такими; или всѣ эти члены имѣть и соблюдать дѣвственными, а сердце не соблюдать, но блудодѣйствовать гордостію и гнѣвливостію. Посему, кто намѣревается не погрѣшать въ подвигѣ дѣвства, тому должно соблюдать всѣ члены и чувства свои чистыми и огражденными, подобно тому, какъ кормчіе ограждаютъ связи кораблей, чтобы вторгающійся грѣхъ не могъ имѣть доступа внутрь. Съ великими занятіями непремѣнно случаются и великія паденія; и истинному добру зло болѣе враждебно, нежели недобру. Такъ многіе думавшіе, что дѣвство состоитъ (только) въ обузданіи похотливыхъ пожеланій, а обо всемъ прочемъ не радѣвшіе, потерпѣли паденіе и въ отношеніи къ нему и навлекли укоризны на тѣхъ, которые правильно стремятся къ нему, какъ доказали вы,—образецъ во всемъ, сами соблюдающія дѣвство и дѣломъ и словомъ. И такъ свойства дѣвственницы, какова она должна быть, теперь изображены; васъ же, прекрасно состязавшихся рѣчами, я, слушавшая самолично, объявляю всѣхъ побѣдительницами и увѣнчиваю, но Ѳеклу—вѣнкомъ большимъ и густѣйшимъ, какъ первую изъ васъ и наиболѣе отличившуюся.

Глава II.

Ѳекла стройно поетъ пѣснь, а прочія дѣвы подпѣваютъ ей. Іоаннъ Креститель — исповѣдникъ дѣвства. Церковь — невѣста Божія, непорочная дѣва.

Сказавъ это, Арета приказала всѣмъ встать, — говорила Ѳеопатра, — и вмѣстѣ подъ агносомъ благоговѣйно воспѣть Господу благодарственную пѣснь, а начинать и предшествовать—Ѳеклѣ. И такъ, когда всѣ встали, — говорила она,—то Ѳекла, ставши посреди дѣвъ и по правую сторону Ареты, начала стройно пѣть; а прочія, ставши кругомъ, какъ бы въ видѣ хора, подпѣвали ей.

Припѣвъ (Ὑπακοή) [1].

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую, и держа горящіе свѣтильники, Тебя встрѣчаю я (Мѳ. XXV, 7).

Пѣснь (Ψαλμός).

Свыше, дѣвы, раздался звукъ голоса, воскрешающій мертвыхъ, призывающій всѣхъ встрѣчать Жениха въ бѣлыхъ одеждахъ и со свѣтильниками на востокѣ.—Встаньте, пока Царь не вошелъ внутрь за двери.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Удалившись отъ многоплачевнаго счастія смертныхъ, удовольствій пріятной жизни и любви, я желаю укрыться

---

[1]) Предлагаемая пѣснь, состоящая изъ 24 строфъ съ отдѣльнымъ припѣвомъ, имѣетъ алфавитный акростихъ изъ 24 буквъ Греческаго алфавита. По мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей древнихъ церковныхъ пѣснопѣній (Anthologia graeca carminum christ. IV Christ et M. Paranikas, Lips. 1871. p. XVI и 33. Method. oper. ed. Jahnii, 1865 p. 49—51 и д.), она была назначена для домашняго употребленія, хотя и носитъ названія, употреблявшіяся для церковныхъ пѣснопѣній (*ипакои* и *псаломъ*), и составлена ямбическимъ риѳмомъ, впрочемъ не вездѣ метрически правильнымъ, съ раздѣленіемъ каждой строфы на четыре стиха, изъ которыхъ три болѣе длинные (большею частью семистопные ямбы), и одинъ болѣе короткій (большею частію четырехстопный ямбъ), по образцу припѣва, состоящаго изъ двухъ стиховъ, длиннаго и короткаго:

Ἀγνεύω σοι, καὶ λαμπάδας φαεσφόρους κρατοῦσα,
Νυμίῃε, ὑπαντάνω σοι.

въ Твоихъ живоносныхъ объятіяхъ и непрестанно созерцать Твою красоту, Блаженный.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Оставивъ смертное брачное ложе и дорогой домъ, къ Тебѣ, Царь, я пришла въ чистыхъ одеждахъ, чтобы и мнѣ вмѣстѣ съ Тобою войти внутрь всеблаженнаго чертога.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Избѣжавъ безчисленныхъ обольстительныхъ козней змія, также пламени огня и смертоносныхъ нападеній дикихъ звѣрей, Тебя, Блаженный, я ожидаю съ небесъ.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Забыла я отечество (Псал. XLIV, 11), ища Твоей благодати, забыла хоры сверстницъ—дѣвъ, и гордость матери и родныхъ: ибо Ты Самъ, Христе, все для меня.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Ты—Податель жизни, Христе; радуйся, свѣтъ незаходимый; пріими сей возгласъ: хоръ дѣвъ взываетъ къ Тебѣ, совершенный Цвѣтъ, Любовь, Радость, Разумъ, Премудрость, Слово.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Отверстыми дверями пріими и меня въ чертогъ, свѣтоносная Царица, непорочная, прекрасная, Невѣста, дышущая красотою; и мы предстанемъ Христу, прославляя бракъ твой, всеблаженная Отроковица.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Горько плачутъ теперь жалкія дѣвы внѣ дверей, и горестно взываютъ, что, погасивъ свѣтъ свѣтильниковъ, не успѣли войти въ сокровищницу радостей (Мѳ. XXV, 11).

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Уклонившись отъ священнаго пути, онѣ несчастныя не позаботились пріобрѣсти больше елея для путей жизни, но, неся негорѣвшіе свѣтлымъ пламенемъ свѣтильники, стенаютъ во глубинѣ души.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Чаши, наполненныя сладкимъ нектаромъ, предложены; будемъ пить, дѣвы; это — небесное питіе, которое Женихъ предложилъ достойно призваннымъ на бракъ.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Авель, ясно прообразуя смерть Твою, Блаженный (Быт. IV, 10), окровавленный сказалъ, взирая на небо: умоляю, безжалостно убитаго рукою брата пріими меня Ты, Слово.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Величайшую награду за дѣвственность получилъ мужественный отрокъ Твой, Слово, Іосифъ (Быт. XXXIX, 12); ибо жена, пламенѣвшая похотію, насильно влекла его на преступное ложе; а онъ, нисколько не смутившись, убѣжалъ нагимъ, взывая:

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Новую жертву Богу принесъ Іефѳай — не познавшую мужа дочь (Суд. XI, 38), подобно агницѣ; она же мужественно представляя образъ плоти Твоей, Блаженный, громко взывала:

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Смѣлая Іудиѳь удачною хитростію обезглавила иноземнаго вождя народовъ, прельстивъ его красивымъ видомъ и не потерпѣвъ осквернения въ членахъ своего тѣла (Іуд. XIII, 8), и побѣдоносно воззвала:

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Увидѣвъ благовидную красоту Сусанны, два судьи воспламенились къ ней страстною любовію (Дан. XIII, 19) и сказали: любезная жена, мы пришли, желая тайно раздѣлить съ тобою брачное ложе; она же дрожащимъ голосомъ сказала:

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Гораздо лучше мнѣ умереть, нежели, предавъ ложе вамъ, развратники, терпѣть вѣчное осужденіе Божіе на огненныя мученія (Дан. XIII, 23). Спаси меня, Христе, отъ этого и нынѣ.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Предтеча Твой, омывавшій очистительными потоками людей, злымъ человѣкомъ беззаконно былъ отведенъ на смерть за дѣвственность; оросивъ же землю пролитою своею кровію, восклицалъ къ Тебѣ, Блаженный:

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

И Твоя Родительница, благодатная, непорочная, не-

тлѣнная Дѣва, нося въ чистомъ чревѣ Тебя, безсѣменно зачатаго, подверглась подозрѣнію, какъ бы предавшая ложе (Мѳ. I, 18); но имѣя внутри плодъ, восклицала (къ Тебѣ), Блаженный:

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Желающіе видѣть брачный день Твой, Блаженный (Мѳ. II, 1), приходятъ, сколько Ты самъ свыше призвалъ ихъ, Царь Ангеловъ, принося величайшіе дары Тебѣ, Слово, въ чистыхъ одеждахъ.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Пѣснями нынѣ мы, служительницы чертога Твоего, величаемъ Тебя, блаженная Богоневѣста, чистая Дѣва — Церковь, бѣлая, какъ снѣгъ, темноволосая, цѣломудренная, непорочная, возлюбленная.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Миновалось тлѣніе и трудныя плачевныя болѣзни; разрушена смерть; погибло всякое безуміе; умерла душепагубная скорбь, и внезапно опять возсіяла смертнымъ радость Христа Бога.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Рай уже не остается пустымъ безъ смертныхъ; ибо опять по Божественному повелѣнію, какъ прежде, обитаетъ въ немъ человѣкъ, избѣгшій разныхъ козней змія, нетлѣннымъ, безстрашнымъ, Блаженный.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

Воспѣвая нынѣ новую пѣснь, хоръ дѣвъ превозноситъ до небесъ Тебя, Царица, весь свѣтло увѣнчанный бѣлыми цвѣтами лилій и держащій въ рукахъ горящіе свѣтильники.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую и проч.

О Блаженный, живущій въ пречистыхъ обителяхъ небесныхъ, содержащій все вѣчною властію (Своею)! Пріими и насъ предстоящихъ, Отче, вмѣстѣ съ Сыномъ Твоимъ, внутрь за двери жизни.

Для Тебя, Женихъ, я дѣвствую, и держа горящіе свѣтильники, Тебя встрѣчаю я (Мѳ. XXV, 7).

Глава III.

Кто лучше: воздержные ли, или обладающіе невозмутимостію души? Опасность борьбы у дѣвственниковъ.—Счастіе невозмутимости.—Чистыя и спокойныя души — божественны и узрятъ Бога. — Добродѣтель, испытанная искушеніями, заслуживаетъ предпочтеніе.

Еввул. Достойно, Григора, Ѳекла получила первую награду.

Григора. Дѣйствительно достойно.

Еввул. А что́, скажи мнѣ, Телмисская гостья ([1])? Удивляюсь, если она осталась спокойною, узнавъ объ этомъ пиршествѣ, и не прилетѣла тотчасъ, какъ птица на кормъ, послушать разговаривающихъ.

Григора. Говорятъ, что она находилась при Меѳодіѣ, когда онъ разспрашивалъ объ этомъ самомъ у Ареты. Прекрасное и блаженное дѣло имѣть такого учителя и руководителя, какъ Арета.

Еввул. Впрочемъ, Григора, какихъ людей мы назовемъ лучшими, тѣхъ ли, которые не чувствуютъ похоти и воздерживаются отъ похоти, или тѣхъ, которые чувствуютъ похоть, но соблюдаютъ дѣвство?

Григора. Конечно тѣхъ, которые не чувствуютъ похоти; потому что они имѣютъ и умъ и чувство неосквернённые, и совершенно нерастлѣнны, не согрѣшая ни въ чемъ.

Еввул. Прекрасно и разумно, Григора; клянусь цѣломудріемъ ([2]). Впрочемъ, позволь мнѣ сказать нѣсколько словъ противъ этого, чтобы мнѣ крѣпче удостовѣриться и чтобы никто уже не разубѣдилъ меня.

---

[1]) Городъ Телмиссъ, находившійся въ Ликіи, недалеко отъ Патаръ, славился языческими прорицателями, по свидѣтельству древнихъ, Герод. 1, 182. Цицер. De div. 1, 41, 91. Plin. H. N. 1, 2. Здѣсь подъ именемъ Телмисской гостьи разумѣется или вообще языческая мудрость, любознательная, но не достигшая до высоты чистыхъ христіанскихъ истинъ, или та личность, которая сообщила Еввулу о пирѣ дѣвъ прежде Григоры, но не могла разсказать подробностей, какъ сказано въ началѣ этого сочиненія.

[2]) Σωφροσύνη — цѣломудріе, или здравомысліе, здѣсь олицетворяется какъ совокупность всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ совершенствъ, примѣнительно къ понятію греческихъ философовъ, и приводится во свидѣтели справедливости словъ Григоры о дѣвственной чистотѣ.

Григора. Говори противъ этого, сколько хочешь. Я могу, Еввулъ, вполнѣ убѣдить тебя, что не чувствующій похоти лучше чувствующаго похоть, и уже никто не разубѣдитъ тебя.

Еввул. Прекрасно; я радуюсь, что ты такъ великодушно отвѣчаешь мнѣ, и этимъ доказываешь, какъ ты обогатилась мудростію.

Григора. Кажется, ты шутишь, Еввулъ.

Еввул. Почему же?

Григора. Потому, что этими словами ты скорѣе насмѣхаешься надо мною, нежели говоришь правду.

Еввул. Не говори этого, блаженная; я дѣйствительно весьма уважаю твою мудрость и благоразуміе. Я сказалъ это потому, что по словамъ твоимъ ты не только знаешь, но и берешься научить другого касательно того, о чемъ многіе мудрецы часто разногласятъ между собою.

Григора. Скажи мнѣ, на самомъ ли дѣлѣ ты не согласенъ съ тѣмъ, что не чувствующіе похоти рѣшительно превосходнѣе чуствующихъ похоть и воздерживающихся? Или только забавляешься теперь надо мною?

Еввул. Какъ забавляюсь, когда я признаюсь, что не знаю этого? Впрочемъ, скажи мнѣ, мудрѣйшая, чѣмъ отличаются нечувствующіе похоти и соблюдающіе себя чистыми отъ чувствующихъ похоть и соблюдающихъ дѣвство?

Григора. Прежде всего тѣмъ, что у нихъ самая душа чиста и въ ней постоянно обитаетъ Духъ Святый, такъ какъ она не развлекается и не помрачается мечтами и помыслами невоздержанія, и потому не терпитъ вреда отъ похоти; но они во всѣхъ отношеніяхъ и по тѣлу и по сердцу бываютъ недоступны для похоти, наслаждаясь миромъ безъ страстей. А тѣ, посредствомъ зрѣнія обольщаясь извнѣ призраками и допуская похоти притекать къ сердцу, подобно потоку, тѣмъ самымъ часто оскверняются и думаютъ, что они борются и противятся удовольствіямъ, между тѣмъ какъ въ умѣ бываютъ поражаемы.

Еввул. И такъ людей, наслаждающихся миромъ и несмущаемыхъ похотію, мы должны назвать чистыми?

Григора. И очень. О такихъ людяхъ Богъ, представляющій въ блаженствахъ несомнѣнно вѣрующихъ въ Него какъ бы богами, говоритъ, что они съ дерзновеніемъ *узрятъ Бога* (Мѳ. V, 8); потому что они, не имѣя ничего помрачающаго или смущающаго око души, чтобы устремляться къ божественному созерцанію, и находясь внѣ всѣхъ мірскихъ желаній, не только, какъ я сказала, сохраняютъ плоть свою чистою отъ смѣшенія, но и сердце недоступнымъ для помысловъ невоздержанія; а въ такомъ сердцѣ, какъ въ храмѣ, особенно обитаетъ и покоится Духъ Святый.

Еввул. Послушай же. Я думаю, что мы вѣрнѣе дойдемъ до рѣшенія того, кто лучше, такимъ образомъ: скажи мнѣ: называешь ли ты кого-нибудь хорошимъ кормчимъ?

Григора. Да.

Еввул. Кого же, того ли, который спасалъ корабль во время большихъ и опасныхъ бурь, или того, который управлялъ имъ въ тихую, безвѣтренную погоду?

Григора. Бывшаго среди большихъ и опасныхъ бурь.

Еввул. Такъ и душу, обуреваемую треволненіями страстей и не ослабѣвающую и не утомляющуюся, но мужественно направляющую корабль, т. е. плоть, къ пристани цѣломудрія, мы должны назвать лучшею и отличнѣйшую той, которая плаваетъ при тихой погодѣ.

Григора. Должны назвать.

Еввул. Ибо подвергаться нападеніямъ дуновеній злаго духа и не быть ниспровергаемымъ и побѣждаемымъ, но всецѣло стремиться ко Христу и сильно бороться съ сладострастными пожеланіями, — это заслуживаетъ бо́льшей похвалы, нежели соблюденіе дѣвства съ легкостью, безъ волненій.

Григора. Кажется.

Еввул. А что и Господь? Развѣ неизвѣстно, что Онъ отдаетъ преимущество чувствующему похоть и воздерживающемуся, предъ нечувствующимъ похоти и соблюдающимъ дѣвство?

Григора. Гдѣ же?

Еввул. Тамъ, гдѣ Онъ, сравнивая благоразумнаго человѣка съ хорошо основаннымъ (на камнѣ) домомъ, предста-

вляетъ его непоколебимымъ, не могущимъ упасть отъ дождя и рѣкъ и вѣтровъ (Мѳ. VII, 24), кажется, уподобляя бурямъ — похоти, а камню — постоянную и непоколебимую твердость души въ дѣвственной чистотѣ.

Григора. Кажется, ты говоришь правду.

Еввул. И изъ врачей, не того ли ты называешь лучшимъ, который отличился при важныхъ болѣзняхъ и исцѣлилъ многихъ?

Григора. Да.

Еввул. А того, который еще ничего не сдѣлалъ, и вовсе не имѣлъ на своихъ рукахъ больныхъ, не называешь ли ты всегда неопытнѣйшимъ?

Григора. Да.

Еввул. Такъ и душу, которая владѣетъ болѣе разслабленнымъ тѣломъ и, болѣзненныя наклонности его къ удовольствіямъ, удерживаетъ врачевствами цѣломудрія, не слѣдуетъ ли назвать болѣе способною къ врачеванію, нежели ту, которой досталось управлять тѣломъ здоровымъ и безстрастнымъ?

Григора. Слѣдуетъ назвать.

Еввул. И въ борьбѣ, тотъ ли борецъ лучше, который имѣетъ великихъ и сильныхъ противниковъ, и въ постоянной борьбѣ съ ними не бываетъ преодолѣваемъ, или тотъ, который не имѣетъ противниковъ?

Григора. Очевидно, что имѣющій.

Еввул. Слѣдовательно и въ борьбѣ тотъ борецъ есть отличнѣйшій, который имѣетъ противниковъ?

Григора. Необходимо.

Еввул. Также совершенно необходимо допустить, что и душа, которая борется съ движеніями похоти, не увлекается ими, а напротивъ устраняетъ себя и противится имъ, оказывается болѣе сильною, нежели не чувствующая похоти.

Григора. Справедливо.

Еввул. Что же? Какъ тебѣ кажется, Григора, сильно бороться съ движеніями дурныхъ пожеланій не значитъ ли имѣть болѣе мужества?

Григора. И очень.

Еввул. А это мужество не есть ли сила добродѣтели?

Григора. Очевидно.

Еввул. Если же сила добродѣтели есть терпѣніе, то душа возмущаемая, но сильно противящаяся пожеланіямъ, не оказывается ли сильнѣе невозмущаемой?

Григора. Такъ.

Еввул. Если же она сильнѣе, то и превосходнѣе?

Григора. Такъ.

Еввул. И такъ изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что душа, чувствующая похоть и воздерживающаяся, превосходнѣе не чувствующей этого и воздерживающейся.

Григора. Ты говоришь правду; впрочемъ я желала бы еще обстоятельнѣе поговорить съ тобою объ этомъ. Если тебѣ угодно, то завтра я опять приду послушать тебя. А теперь, какъ видишь, намъ уже пора обратиться къ заботамъ и о внѣшнемъ человѣкѣ.

II.

СЛОВО О СИМЕОНѢ И АННѢ.

Въ день Срѣтенія Господня [1]).

---

1. Нѣкогда, по возможности въ краткихъ словахъ, мы изложили мысли о дѣвствѣ въ твореніи: „Пиръ“ (или) „о дѣвствѣ“; а нынѣ, слѣдуя теченію времени, представляемъ славу дѣвства въ самомъ полномъ основаніи и неувядающемъ вѣнцѣ его на радость питомцамъ Церкви. Ибо нынѣ открывается совѣтъ божественныхъ опредѣленій и священными проповѣдниками объясняются церковному собранію прообразы и послѣдствія настоящаго славнаго дня. Нынѣ самыми дѣлами преславно открывается міру исполненіе древняго и истиннаго совѣта (Божія). Нынѣ мы безъ покрывала, *открытымъ лицемъ, какъ въ зеркалѣ, взираемъ на славу Господа* и Его божественнаго кивота (2 Кор. 3, 18). Нашъ святѣйшій праздникъ на раменахъ своихъ приноситъ и подаетъ роду человѣческому небесную радость, которой ожидали изъ рода въ родъ. *Древнее прошло, и процвѣло новое и* нестарѣющееся (2 Кор. 5, 17, Ис. 43, 19). Уже не господствуетъ болѣе суровое ученіе закона, но царствуетъ благодать Господня, обращая къ себѣ всѣхъ спасительнымъ долготерпѣніемъ. Не поражается опять невидимымъ образомъ какой-либо Оза, дерзнувшій прикоснуться къ неприкосновенному

[1]) Въ рукописяхъ, съ которыхъ издано это слово, полное заглавіе его такое: „Меѳодія, Епископа Патарскаго и мученика, на Симеона и Анну, въ день Срѣтенія; и на святую Богородицу“, Migne, Patrol. Curs. Comp. T. XVII p. 347.

(2 Цар. 6, 6—7). Ибо самъ Богъ призываетъ, и кто будетъ бояться? *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные,* взываетъ Онъ: и кто не поспѣшитъ? (Матѳ. 11, 28). Пусть никто изъ Іудеевъ не противится истинѣ, взирая на прообразъ (этого) въ домѣ Аведара (2 Цар. 6, 10). Господь *пришелъ къ своимъ* явно (Псал. 49, 3. Іоан. 1, 11) и, какъ бы на очистилищѣ, въ одушевленномъ кивотѣ (плоти) шествуетъ по землѣ. Мытарь, прикоснувшійся этого кивота, объявляется праведнымъ. Блудница, приблизившаяся къ нему, дѣлается цѣломудренною. Прокаженный, подошедшій къ нему, снова становится здоровымъ. Никого онъ не отвергаетъ; никого не отвращается. Сообщаетъ здоровье, не принимая вреда отъ больныхъ; ибо Господь человѣколюбія пребываетъ въ немъ. Таковы дары новой благодати! Это *новое* совершилось *подъ солнцемъ* (Еккл. 1, 10), не бывшее прежде, и не имѣющее быть послѣ. Онъ предопредѣлилъ это по милосердію къ намъ, и пришелъ, и исполнилъ по человѣколюбію, Ему свойственному. Посему достойно возглашала священная труба: *древнее прошло, теперь все новое* (2 Кор. 5, 17). Что же я помыслю, или что скажу достойное этого дня, въ виду предметовъ недоступныхъ? Ибо память святой Дѣвы всегда превосходитъ всякое слово. Посему, если величіе достоинствъ превышаетъ немощь нашу, прибѣгнемъ къ посильной хвалебной пѣсни, и, прославляя непобѣдимую побѣду, съ восторгомъ будетъ ликовать вмѣстѣ съ паствою, любящею празднества Христовы. Ты же, божественнѣйшее и священнѣйшее собраніе слушателей, пребывай въ молчаніи, чтобы спокойно при посредствѣ слуха ввести въ пристань ума сокровища истины. Мы совершаемъ праздникъ, не представляющій смѣшного и шумнаго пиршества боговъ эллинскаго баснословія, а воспоминающій нисшествіе (къ намъ) неприступной славы Того, который есть Богъ сущій надъ всѣмъ (Римл. 9, 5).

2. Итакъ, ты, торжественнѣйшій изъ проповѣдниковъ и величайшій изъ пророковъ, Исаія, повѣдай Церкви тайну этого славнаго торжества, и предложи доблестнымъ собратіямъ обильно насладиться неотъемлемыми благами, чтобы

и ты, сравнивъ съ твоимъ зерцаломъ открытую намъ истину, могъ, какъ неложный прорицатель, рукоплескать исполненію пророчествъ. *Было*, говоритъ онъ, *въ годъ, въ который умеръ царь Озія, видѣлъ я Господа, сѣдящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, и исполнился домъ славы Его. И Серафимы стояли вокругъ Его: шесть крыльевъ у одного, и шесть крыльевъ у другаго. И взывали другъ ко другу, и говорили: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ! вся земля полна славы Его. И поколебались верхи вратъ отъ гласа восклицающихъ, и домъ наполнился куреніями. И сказалъ я: горе мнѣ! погибъ я! Ибо я человѣкъ съ нечистыми устами, и живу среди народа, также съ нечистыми устами, и царя Господа Саваоѳа видѣлъ я глазами моими. И посланъ былъ ко мнѣ одинъ изъ Серафимовъ, и въ рукѣ у него былъ горящій уголь, который онъ взялъ клещами съ жертвенника, и коснулся онъ устъ моихъ, и сказалъ: вотъ это коснулось устъ твоихъ, и отъиметъ беззаконіе твое, и грѣхи твои очиститъ. И услышалъ я голосъ Господа, говорящаго: кого Я пошлю? и кто пойдетъ къ народу сему? И я сказалъ: вотъ я, пошли меня. И сказалъ онъ: иди и скажи народу сему: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и (очами), смотрѣть будете, и не увидите* (Ис. 6, 1—9). Таковы предвѣщанія пророка, по внушенію Духа. Ты же, возлюбленный, вникни въ силу сказаннаго, чтобы понять исполненіе тайнъ и узнать, каково и для чего здѣшнее собраніе наше. При словахъ пророка, предвѣщающаго чудо, ты поди и перенесись мысленнымъ взоромъ съ пламеннымъ чувствомъ, съ радостію и усердіемъ, къ славному Виѳлеему, и напечатлѣй въ себѣ ясный образъ, сравнивъ пророчество съ исполненіемъ событій; ибо кто пристально посмотритъ на тамошнія событія, для того не нужны будутъ длинныя рѣчи, чтобы достигнуть познанія. *Все ясно для разумныхъ и справедливо для пріобрѣтшихъ знаніе* (Притч. 8, 9). Ибо вотъ здѣсь открыто предстоитъ Дѣва-Матерь, какъ престолъ для Царя Господа Саваоѳа, высокій и превознесенный славою Создавшаго его. На немъ представъ Господа, нынѣ пришедшаго къ тебѣ во плоти. На этомъ, говорю, дѣвственномъ престолѣ преклонились предъ Тѣмъ, который предпринялъ для тебя такой новый и преславный

путь. Посмотри вокругъ очами вѣры, и ты найдешь около Него и царское священство Серафимовъ. Ибо и они обыкновенно сопровождаютъ шествіе Царя. Посему тамъ и говорится, что они восхваляли не только хвалами тріипостасное существо единаго Божества, но и почитаемую всѣми славу, явившуюся нынѣ на землѣ Богоявленіемъ одного изъ лицъ Святой Троицы, словами: *вся земля полна славы Его.* Ибо мы вѣруемъ, что вочеловѣчившемуся для насъ *по благоволенію* (Ефес. 1, 5) Сыну присущъ по божеству и нераздѣльный отъ него Отецъ съ единосущнымъ своимъ Духомъ. *Потому что Богъ*, говоритъ священно-проповѣдникъ Павелъ, *былъ во Христѣ, примиряя съ Собою міръ, не вмѣняя людямъ преступленій ихъ* (2 Кор. 5, 19), указывая на Отца въ Сынѣ по причинѣ одного ихъ благоволенія.

3. Ты же, любитель празднества, представляя столь славныя и для тебя совершаемыя дѣла въ Виѳлеемѣ, присоединись съ радостію къ тѣмъ, которые величественно торжествуютъ на небесахъ твое спасеніе. Ликуй предъ дѣвственнымъ престоломъ, какъ нѣкогда Давидъ предъ кивотомъ (1 Цар. 6. 14). Прославь Господа, всегда и вездѣ сущаго, и *отъ Ѳемана*, какъ говоритъ пророкъ (Авв. 3, 3), благоволившаго явиться во плоти роду человѣческому. Скажи вмѣстѣ съ Моисеемъ: *Онъ Богъ мой и прославлю Его, — Богъ Отца моего, и превознесу Его* (Исх. 15, 2). Затѣмъ послѣ благодаренія весьма полезно изслѣдовать, какая была причина явленія Царя славы въ Виѳлеемѣ. Родиться въ Виѳлеемѣ тѣлесно побудило, Непринуждаемаго, милосердіе къ намъ; какая необходимость могла быть для того, чтобы Безвременный, ставши грудным младенцемъ во времени, и Невмѣстимый, бывъ обвитъ пеленами, сдѣлался изгнанникомъ и переселенцемъ? Если ты, божественное и богодухновенное собраніе, хочешь знать и это, то послушай Моисея, который ясно проповѣдуетъ народу, и, приводя къ познанію сверхъестественнаго рожденія, говоритъ: *всякій младенецъ мужескаго пола, разверзающій ложесна посвящается Господу* (Исх. 15, 2. Лук. 2, 23). О чудо! *О бездна богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія!* (Римл. 11, 33). Господу закона и пророковъ надлежало совершить

все по собственному своему закону, и быть не нарушителемъ, но исполнителемъ закона, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ окончаніемъ закона соединить начало благодати своей. Посему и высшая закона, Матерь, подчиняется закону, и пречистая соблюдаетъ, опредѣленный для нечистыхъ, сороковый день; и свободная отъ закона, повинуется закону, и приношеніе дѣлается за Того, Который освятилъ насъ,—пара чистыхъ птицъ, въ знакъ невинности приходящихъ. А что это рожденіе было чистое и не подлежавшее очищенію, свидѣтель словъ моихъ объ этомъ Исаія, ясно возвѣщающій вселенной: *еще не мучилась родами, а родила, прежде нежели наступили боли ея, (избѣгла и)* [1]), *разрѣшилась сыномъ, Кто слыхалъ таковое? Кто видалъ подобное этому?* (Ис. 66, 7). Итакъ пресвятая Дѣва-Матерь избѣгла свойственнаго женамъ предъ рожденіемъ, какъ и зачала безъ соитія, потому-что Святый Духъ предобручилъ и освятилъ ее. Она родила первороднаго и единороднаго Сына Отца, который на небесахъ возсіялъ единородно безъ матери изъ Отчаго естества и сохранилъ нераздѣльною и неразлучною дѣвственность естественнаго единства (съ Нимъ), и на землѣ, въ дѣвственномъ чертогѣ, какъ женихъ, непреложно соединился съ Адамомъ и сохранилъ материную чистоту неповрежденною и непорочною, который на небесахъ рожденъ нетлѣнно, и на землѣ родился неизреченно. Впрочемъ обратимся къ предложенному предмету.

4. Итакъ пророкъ отвелъ Дѣву изъ Назарета, чтобы спасительный плодъ родился въ Виѳлеемѣ, и пророкъ же, изведши, явилъ міру надежду жизни. Такимъ образомъ воздвигшись со стогновъ Виѳлеемскихъ, кивотъ Божій (который воздавалъ долгъ закону о сороковомъ днѣ не по долгу, а по благодати), остановился на горахъ Сіонскихъ; и воспріявшая въ чистѣйшія нѣдра, какъ на высокій престолъ, превосходящаго человѣческое естество, Царя всѣхъ, сопрестольнаго Богу-Отцу и неотлучнаго отъ Него Сына, представила тамъ (Его) съ чистѣйшею воспринятою отъ нея

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ.

плотію. Входитъ во храмъ священная Матерь, чтобы явить чуждое закону чудо, вожделѣннаго Сына, отверзшаго ложесна дѣвства и не повредившаго ключей дѣвства, стоящаго выше закона и исполняющаго законъ, бывшаго прежде рожденія и явившагося по рожденіи, воплотившагося отъ ней превыше закона природы. Всякое чрево, напередъ разверзаемое и оплодотворяемое отъ соитія, воспринимаетъ зачатокъ рожденія, и при послѣднихъ болѣзняхъ производитъ на свѣтъ, по премудрости Создателя, разумный и соотвѣтственный плодъ природы, по Слову Божію: *плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю* (Быт. 1, 22). А ея чрево, не бывъ напередъ разверзаемо и оплодотворяемо, пребывъ въ одномъ и томъ же состояніи дѣвства, произрастило плодъ сверхъестественный и вмѣстѣ сродный себѣ, по нераздѣльному съ нимъ единству, невредимо, чудодѣйственно. Итакъ входитъ во храмъ превысшая храма, облеченная двойною славою, т. е. славою пречистаго дѣвства и неизреченнаго дѣторожденія, благословеніемъ закона и святостію благодати. Посему и говоритъ тайнозритель: *и исполнился домъ славы Его и Серафимы стояли вокругъ Его, и взывали другъ ко другу, и говорили: святъ, святъ, святъ Господь Саваовъ! вся земля полна славы Его* (Ис. 6, 3). Тоже самое и блаженный пророкъ Аввакумъ прекрасно воспѣлъ, говоря: *посреди двухъ животныхъ Ты будешь узнанъ; когда приближатся лѣта, Ты будешь познанъ; когда придетъ время, Ты будешь показанъ* (Авв. 3, 2.) [1]). Смотри, съ какою ясною точностію говоритъ Духъ. *Знаніе*, говоритъ Онъ, *познаніе*, и *показаніе*, которыя означаютъ слѣдующее; слова: *посреди двухъ животныхъ ты будешь узнанъ* —означаютъ осѣненіе божественною славою Его, бывшее при законѣ въ недоступномъ (Святомъ святыхъ) надъ очистилищемъ кивота, между изображеніями Херувимовъ, какъ говоритъ Богъ къ Моисею: *тамъ я буду открываться тебѣ* (Исх. 25, 22); равно какъ и упомянутое нынѣ Ангельское собраніе по поводу преславнаго Богоявленія самого Спасителя во плоти, какъ провозвѣстилъ Исаія. А

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ.

слова: *когда приближатся лѣта, ты будешь познанъ*,—означаютъ, какъ сказано, преславное познаніе невидимаго Спасителя нашего Бога, какъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ священнотаинникъ Павелъ: *когда пришла полнота времени, Богъ послалъ Сына своего, который родился отъ жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконныхъ, дабы намъ получить усыновленіе* (Гал. 4, 4—5). Слѣдующія затѣмъ слова: *когда придетъ время, ты будешь показанъ* — нужно ли объяснять для того, кто внимательнымъ окомъ приникнетъ къ настоящему празднеству? Ты будешь показанъ, говорится здѣсь, въ храмѣ, какъ бы на царскомъ сѣдалищѣ, родившею Тебя пречистою Матерію въ благолѣпіи воплощенія Твоего. Выражая это съ большею ясностію, пророкъ взывалъ такъ: *Господь во святомъ храмѣ своемъ; трепещи предъ лицемъ Его вся земля* (Псал. 10, 5. 95, 9).

5. По истинѣ страшно совершившееся съ Тобою таинство, Матерь-Дѣва, духовный престолъ, препрославленный и достойный Бога. Ты явила изумительное чудо для небесныхъ и земныхъ. Свидѣтельствомъ и неопровержимымъ доказательствомъ этого служитъ то, что при новомъ чудѣ сверхъестественнаго Твоего рожденія Ангелы на землѣ воспѣвали: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣкахъ благоволеніе* (Лук. 2, 14), тройственностію пѣсни выражая тройственность святыни. Блаженна Ты между женами, богоблаженная; ибо чрезъ Тебя земля исполнилась священной славы Божіей, какъ и въ псалмахъ поется: *благословенъ Господь Богъ Израилевъ* (71, 18), *и наполнится славою Его вся земля; буди, буди* (ст. 19). И *поколебались*, говоритъ пророкъ, *верхи вратъ отъ гласа восклицающихъ* (Ис. 6, 4), чѣмъ означается завѣса храма, осѣнявшая прообразовавшій Тебя ковчегъ Завѣта, чтобы открылась для меня истина и чтобы чрезъ предшествовавшіе образы и подобія мнѣ научиться со страхомъ и трепетомъ почитать и поклоняться совершающемуся съ Тобою таинству, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы этою тѣнію закона я былъ удержанъ отъ дерзновеннаго и безстыднаго, не благоговѣйнаго созерцанія Того, кто стоитъ выше всего въ своей непостижимости. Ибо если прообразу Твоей святости воздана была такая честь отъ Бога, что никто кромѣ священниковъ

не могъ подходить или имѣть доступъ къ его созерцанію, такъ какъ завѣса отдѣляла и охраняла входъ туда, какъ къ царицѣ; то какое и сколь великое почитаніе отъ насъ уничиженнѣйшихъ должно быть Тебѣ, истинной Царицѣ, истинному одушевленному Кивоту Законодателя Бога, сдѣлавшейся по истинѣ вмѣстительнымъ небомъ для невмѣстимаго Бога? Ибо когда Ты, Пресвятая, явилась міру, какъ свѣтоносный день, и явила Солнце правды, то разсѣялась ужасная тьма, уничтожилась власть тирана, разрушилась смерть, ниспровергнутъ адъ, и всякая вражда исчезла предъ миромъ, и пагубныя болѣзни отступили отъ появившагося спасенія, и вся вселенная наполнилась свѣтомъ чистой истины. На это указывая и Соломонъ, въ книгѣ Пѣснь Пѣсней, говорилъ: *возлюбленный мой принадлежитъ мнѣ, а я ему;* онъ *пасетъ между лиліями, доколѣ дышетъ день прохладою и убѣгаютъ тѣни* (2, 16. 17). И такъ, когда, по словамъ праведнаго Давида, *явился Богъ боговъ въ Сіонѣ* (Пс. 83, 8) [1]) и *великолѣпіе* красоты *Его* явилось во Іерусалимѣ (Пс. 95, 6), и *свѣтъ возсіялъ на Праведника и на правыхъ сердцемъ веселіе* (Пс. 96, 11), то Освятитель и Господь освящаемыхъ призвалъ Духомъ Святымъ учителя и служителя закона на служеніе и свидѣтельство совершающемуся.

6. Посему старецъ Симеонъ, сбросивъ немощь возраста и облекшись силою надежды, поспѣшилъ встрѣтить предъ лицемъ закона подателя закона, самовластнаго учителя, Бога Авраамова, защитника Исаакова, Святаго Израилева, наставника Моисея, обѣщавшаго открыть ему, какъ бы *сзади* (Исх. 33, 23), Божественное воплощеніе, богатаго въ бѣдности, предвѣчнаго въ младенчествѣ, невидимаго въ видимомъ, непостижимаго въ объемлемомъ, величайшаго въ маломъ видѣ, находящагося въ храмѣ и на небесахъ возсѣдающаго на царскомъ престолѣ и на колесницѣ херувимской, непрестанно пребывающаго долу и горѣ, сущаго въ образѣ раба и въ образѣ Бога Отца, повинующагося и царствующаго надъ всѣмъ. Онъ весь исполнился желанія,

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ.

весь-надежды, весь-радости, и сталъ уже самъ не свой, а Того, кто былъ предметомъ его надежды. Святый Духъ возвѣстилъ ему, и онъ, еще прежде прибытія въ храмъ, окрыляясь очами ума, восхищался какъ-бы уже обладая желаемымъ. Побуждаемый такими чувствованіями, онъ, быстро восходитъ по ступенямъ и входитъ въ древній священный храмъ, но не заботясь о храмѣ распростираетъ священныя объятія для Владыки храма, говоря и вмѣстѣ воспѣвая такія слова, приличныя вожделѣнному торжеству: Тебя я желаю, Владыка Боже Отцевъ и Господи милости, сподобившаго собственною славою и силою, промышляющею о всѣхъ, и милостію снисхожденія къ намъ, какъ бы примирительнымъ посредничествомъ, установить дружественное согласіе между небесными и земными; Тебя я ищу, Создателя всѣхъ: на Тебя взираю, объемлющаго все Словомъ Своимъ; Тебя срѣтаю, владычествующаго надъ жизнію и смертію; Тебя ожидаю, законодателя и преемника закона; Тебя алкаю, воскрешающаго мертвыхъ; Тебя жаждаю, облегчающаго страждущихъ; Тебя желаю, Творца и Искупителя міра; ты — Богъ нашъ, и Тебѣ мы покланяемся; Ты — святый храмъ нашъ, и къ Тебѣ мы возносимъ молитвы; Ты — законодатель законовъ, и Тебѣ мы повинуемся; Ты — Богъ первый, и прежде Тебя не было другаго Бога, родившагося отъ Бога Отца (Ис. 43, 10), и послѣ Тебя не будетъ другаго Сына у Отца, Единосущнаго и равночестнаго; *знать Тебя, есть полная праведность, и признавать власть Твою — корень безсмертія* (Прем. 15, 3); Ты для нашего спасенія—*камень краеугольный, драгоцѣнный и избранный* (Ис. 28, 16, 1 Петр. 2, 6), предвозвѣщенный Сіону; Тебѣ подчинено все, какъ виновнику, приведшему все изъ небытія въ бытіе, дающему крѣпкое устройство неустроенному, держащему и сохраняющему сотворенное, Создателю различныхъ тварей, управляющему всѣмъ своею всемогущею и премудрою десницею, приводящему въ порядокъ всякое нестроеніе и соединяющему всѣхъ неразрывными узами согласія и мира. Ибо Тобою мы живемъ и движемся и существуемъ (Дѣян. 17, 28); посему, Господи Боже мой, я превознесу Тебя, восхвалю

имя Твое; ибо Ты совершилъ *дивное, опредѣленія древнія истинныя* (Ис. 25, 1), *облекшись славою и величіемъ* (Пс. 103, 1). Подлинно, что славнѣе для царя блестящей порфиры и свѣтлой діадимы? Или что величественнѣе для милосердаго Бога человѣколюбиваго воплощенія, свѣтлыми лучами своими озаряющаго *сѣдящихъ во тьмѣ и тѣни смертной?* (Лк. 1, 79). Справедливо временный царь и слуга Твой назвалъ Тебя *Царемъ вѣковъ*, сказавъ: *Ты прекраснѣе сыновъ человѣческихъ* (Пс. 44, 2—3), какъ Богъ и человѣкъ между людьми; ибо Ты при божественномъ воплощеніи Твоемъ *препоясалъ чресла свои правдою* (Ис. 11, 5), какъ въ самомъ себѣ правда и истина и веселіе всѣхъ. Итакъ веселись сегодня небо вмѣстѣ со мною; ибо сжалился Богъ надъ народомъ своимъ; *кропите облака правду* міру (Ис. 45, 8), и основанія земли возглашайте миръ находящимся во адѣ; явилось воскресеніе мертвыхъ; пусть и земля провозглашаетъ милость живущимъ на ней, ибо я *исполненъ утѣшеніемъ и преизобилую радостію* (2 Кор. 7, 4); потому что я увидѣлъ Тебя, Спасителя людей.

7. Когда старецъ ликовалъ такимъ образомъ и радовался Божественнымъ веселіемъ, тогда святая Богоматерь явно исполняла то́, что́ образно описано пророкомъ Исаіею (6, 6). Она, принявъ объятіями святыхъ рукъ своихъ, какъ бы клещами, животворящій и неизреченный уголь, принявшій плоть отъ пречистаго и пренепорочнаго ея жертвенника, подала его праведнику, говоря, мнѣ кажется, и вмѣстѣ увѣщевая такъ: пріими, досточимый старецъ и прекраснѣйшій изъ священниковъ, пріими Господа, и насладись своею неоскудѣвающею надеждою; пріими, доблестнѣйшій, сокровище неисчерпаемое и богатство неизсякаемое; пріими, мудрѣйшій въ объятія свои крѣпость неизъяснимую и силу непостижимую, тебя укрѣпляющую; возьми, служитель храма, величіе безпредѣльное и крѣпость несравненную. Соединись объятіями, достоуважаемый, съ самобытною жизнію и живи; обними, праведнѣйшій, нетлѣніе и обновись; это — не дерзновенное дѣло; не сомнѣвайся, священнѣйшій; насладись желаемымъ, достоуважаемый, и восхищайся подаваемымъ

тебѣ, или лучше подающимъ самаго Себя; просвѣщайся, благоговѣйнѣйшій, Солнцемъ правды, сіяющимъ сквозь чистое зерцало плоти. Не бойся скромности, не страшись кротости Его, блаженнѣйшій; не страшись смиренія и не изумляйся уничиженію Его, преданнѣйшій; съ готовностію прилѣпись къ Нему и не медли повиновеніемъ. Изрекаемое и предлагаемое не есть дѣло дерзновенное; не сопротивляйся, разумнѣйшій. Не опаляетъ огонь благодати Господа моего, но просвѣщаетъ, праведнѣйшій. Пусть убѣдитъ тебя, законовѣдущій, *купина* (Ис. III, 2), прообразовавшая меня въ несожигавшемъ ее пламени. Пусть убѣдитъ тебя, дѣтоводитель, росоносная пещь (Дан. III, 21) въ домостроительствѣ этого таинства. Кромѣ того пусть научитъ тебя и мое чрево, въ которомъ вмѣстился Невмѣстимый, изъ котораго и воплотилось безплотное Слово. Уже звуки трубъ не устрашаютъ приступающихъ (Исх. XIX, 16), и гора дымящаяся уже не внушаетъ страха приближающимся, и законъ уже не наказываетъ нещадно прикасающагося дерзновенно (2 Цар. V, 6); ибо нынѣ происходящее есть дѣло человѣколюбія, нынѣ являющееся есть дѣло снисхожденія Божія. Съ благодарностію пріими пришедшаго къ тебѣ Бога; ибо Онъ истребитъ беззаконія твои и очиститъ грѣхи твои. На тебѣ пусть будетъ предъизображено очищеніе (всего) міра; въ тебѣ и чрезъ тебя пусть предвозвѣстится народамъ благодатное оправданіе. Ты достоинъ быть животворнымъ началомъ. Ты пользовался закономъ? Насладись и благодатію. Ты утомленъ письменемъ? Обновись въ духѣ. Совлеки съ себя ветхое и облекись въ новое. Ты и самъ, я думаю, не незнаешь этого.

8. Послѣ всего этого праведникъ возъимѣвъ смѣлость и повинуясь увѣщанію Богоматери, послужившей Богу для людей, принялъ въ старческія объятія *Ветхаго днями* въ младенчествѣ (Дан. 7, 13), благословилъ Бога и сказалъ: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, съ миромъ; ибо видѣли очи мои спасеніе Твое, которое Ты уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ народовъ, свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и славу народа Твоего Израиля* (Лук. 2, 29—32). Я принялъ отъ Тебя

безпечальную радость; пріими меня, радующагося и прославляющаго милости Твои, Господи. Ты даровалъ мнѣ веселіе; душевно воздаю Тебѣ благодарностію. Я позналъ силу любви Божіей; ибо для меня Богъ, неизъяснимо и нетлѣнно родившійся отъ Тебя, сдѣлался человѣкомъ. Я позналъ неизреченное величіе Твоего о насъ попеченія; ибо Ты послалъ собственнаго Сына своего на помощь намъ. Я позналъ наставленіе Соломона, который говоритъ: *крѣпка какъ смерть любовь* (Пѣс. пѣсн. 8, 6); ибо чрезъ нее сокрушится жало смерти, чрезъ нее умершіе увидятъ жизнь, чрезъ нее смерть познаетъ свою смерть, потерявъ надъ нами свою власть; чрезъ нее и виновникъ зла змій будетъ плѣненъ и низверженъ. *Ты явилъ намъ, Господи, спасеніе Твое* (Пс. 97, 2), даровавъ намъ произрастеніе мира, и мы уже не будемъ болѣе блуждать. Ты открылъ намъ, Господи, что не окончательно Ты презрѣлъ рабовъ Твоихъ, Благій, и не забылъ твореній рукъ Твоихъ; ибо Ты сжалился надъ бѣдственнымъ состояніемъ нашимъ, обильно изливъ на насъ свойственную Тебѣ и неисчерпаемую милость Твою, совершивъ искупленіе наше чрезъ Единороднаго и Неизмѣняемаго и Единосущнаго Сына Твоего, признавъ недостойнымъ Твоего величія и благости ввѣрить рабу это благодѣяніе и спасеніе рабовъ Твоихъ или предоставить служителю примиреніе съ Тобою преступниковъ; но чрезъ Единосущный Свѣтъ ты даровалъ свѣтъ *сѣдящимъ во тьмѣ и тѣни смертной* (Ис. 9, 2. 42, 7. Лук. 1, 79), чтобы они во *свѣтѣ Твоемъ увидѣли свѣтъ* вѣдѣнія (Пс. 35, 10), и чрезъ Владыку и Создателя Ты благоволилъ возстановить насъ въ нетлѣніе; и чрезъ изгнавшаго изъ сладостнаго рая даровалъ намъ возвращеніе въ рай; и чрезъ *имѣющаго власть прощать грѣхи* (Марк. 2, 10) Ты *истребилъ рукописаніе на насъ* (Колос. 2, 14); и чрезъ возсѣдающаго вмѣстѣ съ Тобою на престолѣ и неотлучнаго отъ Божественнаго естества Твоего Ты даровалъ намъ примиреніе съ Тобою и дерзновенный доступъ къ Тебѣ, чтобы обѣтованіе столь многихъ и столь великихъ благъ, утвержденное рукописаніемъ верховнаго Владыки и истиннаго и самовластнаго Бога, было несомнѣнно для помилованныхъ и сподобившихся благодати. Объ

этомъ и пророкъ предсказалъ, говоря: *не ходатай, и не ангелъ, но самъ Господь спасъ ихъ: Онъ любитъ ихъ, и щадитъ ихъ, и воспринялъ ихъ, и вознесъ ихъ* (Ис. 63, 9) [1]). И все это *не по дѣламъ праведности, которыя бы мы сотворили* (Тит. 3, 5), и не потому, чтобы мы возлюбили Тебя (ибо земнородный прародитель нашъ, удостоенный райской сладостной жизни, презрѣвъ божественную и спасительную заповѣдь Твою, признанъ недостойнымъ этого животворнаго жилища и все потомство сдѣлалъ бѣдственнымъ, передавъ ему пагубные плоды грѣха), но Ты Самъ, Господи, по неизреченной любви къ созданію Твоему, умилосердился надъ нами, и сжалился надъ отверженіемъ нашимъ, и оказалъ состраданіе къ растлѣнію нашему, чтобы помиловать насъ (1 Іоан. 5, 9). Посему у насъ, потомковъ Адама, и составляются празднества, что Создатель Адама добровольно сдѣлался новымъ Адамомъ, *и благоволеніе Господа Бога нашего явилось на насъ* (Пс. 89, 17), такъ что мы узрѣли Бога лицемъ къ лицу и спасаемся. Посему, Владыка, я и желаю отпущенія отъ Тебя. Я увидѣлъ спасеніе Твое: да буду избавленъ отъ бремени тяжкаго письмени. Я увидѣлъ вѣчнаго и несмѣняемаго Царя; да буду избавленъ отъ рабскихъ и тягостныхъ узъ. Я увидѣлъ Владыку по естеству и Искупителя; да сподоблюсь свободныхъ узъ Его. Избавь меня отъ ига осужденія и подвергни игу оправданія. Избавь меня отъ ига проклятія и *убивающаго письмени* (2 Кор. 3, 6) и присоедини къ благословенному числу принимаемыхъ въ усыновленіе благодатію сего истиннаго, равночестнаго и равномощнаго Сына Твоего.

9. Такими краткими словами, говоритъ онъ, да ограничится нынѣ благодареніе Богу. Но чтоже скажу я Тебѣ, Матерь-Дѣва и Дѣва-Матерь? Твое дѣло не человѣческое, и хвала Тебѣ выше человѣка. Но печальное недоумѣніе мое облегчается славословіями тебѣ отъ Духа; посему, принося Тебѣ Твое, вѣнцомъ съ безсмертныхъ луговъ я украшу священную и боговѣнчанную главу Твою. Съ отеческими хвалебными пѣснями я обращусь къ Тебѣ, дщерь Давида и

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ.

Матерь Господа и Бога Давидова; ибо недостойно и неблагопотребно было бы украшать чуждыми украшеніями Тебя, блистающую собственною славою. И такъ, прими, благосклоннѣйшая, дары драгоцѣнные и свойственные Тебѣ одной, высшая всѣхъ родовъ и честнѣйшая всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ тварей. Блаженъ корень Іессеевъ и треблаженъ домъ Давидовъ, въ которомъ Ты произрасла. *Богъ посреди Тебя и не поколеблешься: ибо Всевышній освятилъ жилище свое* (Пс. 45, 3—5). Въ Тебѣ завѣты и клятвы Бога къ отцамъ нашимъ получили славное окончаніе; ибо чрезъ Тебя Господь, Богъ силъ, явился съ нами. Прообразовавшая Твой боговидный образъ неприступная купина неопально (Исх. 3, 2) вмѣщала Бога, явившагося пророку, какъ Онъ благоволилъ открыться. Твердый и несѣкомый камень, прообразовавшій проистекшую изъ тебя всемірную благодать и отраду, изъ сухихъ нѣдръ своихъ обильно произвелъ для жаждущаго въ пустынѣ народа (Исх. 17, 6) спасительное врачевство. И жезлъ священническій (Числ. 17, 8), произрастившій невоздѣланный плодъ (Евр. 9, 4)—залогъ непрерывнаго священства, показалъ неложное знаменіе Твоего сверхъестественнаго рожденія. Что еще? И великій Моисей, проведши долгое время на горѣ, не представилъ ли недовѣдомыя таинства, совершающіяся съ Тобою, чистая, въ таинственныхъ о Тебѣ прообразахъ? Получивъ повелѣніе устроить ковчегъ по образу и подобію, Онъ тщательно исполнилъ повелѣніе, хотя и случилось нѣчто печальное предъ его нисшествіемъ (Исх. 32, 1), устроилъ его въ размѣрахъ пяти съ половиною локтей (1), и прикрывъ Херувимами сдѣлалъ его вмѣстилищемъ закона, весьма ясно предзнаменующимъ Тебя, Богородица, непорочно зачавшую и неизреченно родившую нетлѣнный плодъ въ концѣ пяти съ половиной оборотовъ міра 2). Ради Тебя и непорочнаго принятія отъ Тебя Богомъ Словомъ плоти, пребывающей съ Нимъ навсегда неизмѣнно и нераздѣльно, и стамна златая (Евр. 9, 4), какъ неложный

1) Ковчегъ завѣта былъ въ длину два локтя съ половиною, въ ширину — полтора локтя и въ высоту полтора локтя. Исход. 25, 10.

2) Т. е. около 5500 лѣтъ послѣ сотворенія міра.

прообразъ Твой, хранила внутри себя неизмѣнною и постоянною манну, которая иначе измѣнялась и портилась въ одинъ день. И пророкъ Илія, какъ провидецъ и соревнователь Твоей чистоты дѣйствіемъ Духа, украсился вѣнцомъ огненоснаго вида (4 Цар. 2, 11), бывъ поставленъ божественнымъ изволеніемъ выше смерти. И преемникъ его Елисей, наученный мудрымъ учителемъ, предъизображая Тебя, еще не бывшую, какъ бы уже присущую, сверхъестественно знаменіями (будущихъ) истинъ оказывалъ помощь нуждающимся, то посредствомъ чаши новой и содержащей цѣлительную соль, исправляя нездоровую воду, въ знакъ возстановленія міра чрезъ совершающееся на Тебѣ таинство, то незаквашенною мукою, прообразомъ безсѣменнаго рожденія (Твоего), истребляя въ пищѣ смертную горечь, то сверхъестественными дѣйствіями въ Іорданѣ, превышая дѣйствія естественныя, и тѣмъ предвозвѣщая низшествіе Господа нашего во адъ и чудесное избавленіе находящихся въ тлѣніи (4 Царст. 4, 20—41.8, 10). Ибо все уступало и покорялось, бывъ побѣждаемо Твоимъ Божественнымъ образомъ.

10. Впрочемъ, для чего мнѣ слишкомъ распространять свою рѣчь, задерживая ея теченіе различными прообразованіями, когда предъ нашими глазами предстоитъ совершившаяся на Тебѣ истина, которою всего лучше и полезнѣе можно наслаждаться? И такъ, оставивъ духовныя повѣствованія и чудеса святыхъ во всѣхъ поколѣніяхъ, къ Тебѣ, приснопамятная, обращаюсь при настоящемъ торжествѣ. Благословенна ты, всеблагословенная и всевожделѣнная. Благословеніями Господа преисполнено богоблагодатнѣйшее имя Твое, Богородительница и просвѣтительница вѣрныхъ. Ты объемлешь, такъ сказать, необъемлемаго; Ты—корень прекраснѣйшаго цвѣта (Ис. XI, 1), матерь Создателя, питательница питающаго, содержащая Вседержителя, носящая *держащаго все словомъ* (Евр. I, 3). Ты—врата грядущаго Бога во плоти, клещи очистительнаго угля (Ис. VI, 6), малое вмѣстилище вмѣщающаго въ нѣдрахъ своихъ все, руно́ непостижимой росы (Суд. VI, 37), жизнедательный колодезь Виѳлеемскій, желанный Давидомъ (2 Цар. XXIII, 15),

изъ котораго проистекло питіе безсмертія, — очистилище (Исх. XXV, 17), изъ котораго Богъ явился людямъ въ человѣческомъ образѣ, — чистое одѣяніе *одѣвающагося свѣтомъ, какъ ризою* (Пс. CIII, 2); Ты дала не нуждающемуся ни въ чемъ плоть, которой Онъ не имѣлъ, чтобы Онъ, Всемогущій, сдѣлался тѣмъ, чѣмъ благоволилъ сдѣлаться. Что славнѣе этого? Что выше этого? Тотъ, Кто наполняетъ и небо и землю (Іер. XXIII, 24), которому принадлежитъ все, сдѣлался нуждающимся въ Тебѣ; ибо Ты сообщила Богу плоть, которой Онъ не имѣлъ. Ты облекла Всемогущаго въ благолѣпное всеоружіе плоти, чрезъ которую и Онъ сдѣлался видимымъ и доступнымъ для меня, и я могу приступить къ Нему и взирать на Него, и чрезъ которую *всѣ раскаленныя стрѣлы лукаваго будутъ угашены* (Ефес. VI, 16). Дивно и прекрасно, матерь и раба Божія! Дивно и прекрасно, имѣющая заимодавца всѣхъ должникомъ своимъ! Всѣ мы должники предъ Богомъ, а Онъ дѣлается Твоимъ должникомъ. Сказавшій: *почитай отца твоего и мать* (Исх. XX, 12), самъ благоволивъ принять на себя это, тѣмъ болѣе соблюдетъ благорасположеніе и собственную заповѣдь къ послужившей добровольному Его рожденію, и боголѣпно прославить Ту, которую наименовалъ матерію безъ мужа, самъ родившись безъ отца. Такъ будетъ это, будетъ. Приносимыя нами хвалы Тебѣ, святѣйшее и дивное жилище Божіе, не суть слова безплоднаго краснорѣчія, и не плодъ мірской лести и угодливости это славословіе Тебѣ, Богохвальная и млекопитающая Бога, который даетъ смертнымъ начало бытія посредствомъ рожденія, но свидѣтельство дѣйствительной истины. Впрочемъ, и намъ и будущимъ поколѣніямъ не достанетъ времени, чтобы по достоинству ублажить Тебя, матерь *Царя вѣковъ* (1 Тит. I, 17), какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ священный пророкъ, внушая намъ непостижимость Твою: *какъ великъ домъ Божій, и какъ пространно мѣсто владычества Его! Великъ Онъ и не имѣетъ конца, высокъ и неизмѣримъ* (Варух. III, 24—25). По истинѣ пророческое и по истинѣ неложно это слово о Твоемъ величіи; ибо Ты одна удостоилась уподобиться Богу въ дѣлахъ Бо-

жіихъ, Ты одна родила по плоти Бога, единородно и совѣчно рожденнаго отъ Бога Отца. Такъ по истинѣ исповѣдуютъ содержащіе правую вѣру.

11. Обратимся наконецъ, любомудрые, къ старцу Богопріимцу и благочестивому учителю, спасительно переплывшему море (достоинствъ) Дѣвы, и отпустимъ Его, получившаго Божественное отпущеніе и доставившаго намъ вожделѣнное ученіе о Богѣ; сами же продолжимъ слово, неуклонно направляя путь къ предположенной цѣли при вышнемъ руководствѣ, чтобы намъ не остаться совершенно безплодными и безполезными для должнаго. И такъ, когда къ этому священному событію были призваны священство и пророчество и предстали къ этому славному и дѣвственному престолу два богоименитые праведника, т. е. Симеонъ и Анна, представлявшіе дѣйствительные образы двухъ народовъ (старецъ — израиля и обветшавшаго закона, а вдовица — вдовствовавшей тогда церкви язычниковъ); то старецъ, олицетворявшій законъ, просилъ отпущенія, а вдовица, олицетворявшая Церковь, представила исповѣданіе и говорила о Немъ всѣмъ, ожидавшимъ избавленія во Іерусалимѣ (Лук. II, 38), какъ все это весьма благовременно и сверхъестественно сказанное ими обоими и соотвѣтствующее священнодѣйствію, изложено въ Писаніи. Ибо надлежало, по истинѣ надлежало старцу, знавшему сказанное въ законѣ: *его послушайте, и всякій, кто не послушаетъ Его, будетъ истребленъ изъ народа своего* (Втор. XVIII, 15, 19), желать мирнаго отпущенія отъ руководства закона. Ибо оскорбленіемъ и дерзостію было бы, если бы въ присутствіи и при бесѣдѣ царя оруженосецъ сталъ говорить противное и слушатели ему стали внимать. Надлежало и вдовицѣ, получившей дары, превышающіе разумъ, торжественно воздать благодареніе Богу, такъ чтобы совершавшееся здѣсь было согласно и съ закономъ. Наконецъ необходимо объяснить, почему между пророческими прообразованіями, которыя имѣютъ, какъ показано, близкое отношеніе къ этимъ необыкновеннымъ торжествамъ, сказано, что домъ наполнился *куреніями* (дыма); и это было не случайно, а знаменательно вслѣдствіе три-

святаго гласа, какъ говоритъ пророкъ, который взывали небожители (Ис. VI, 4). Если ты, любомудрый, обратишь вниманіе на повѣствуемое, то найдешь причину этого. *Слухомъ*, продолжаетъ пророкъ, *услышите, и не уразумѣете; и очами смотрѣть будете, и не увидите* (Ис. VI, 9, Дѣян. XXVIII, 26). Такъ неблагодарные Іудеи, видѣвъ славныя *чудеса*, которыя совершилъ Богъ *на землѣ*, по словамъ пѣснопѣвца Давида (Пс. XLV, 9) [1]), видѣвъ непрерывныя и непрестанныя знаменія и *въ глубинѣ и на высотѣ* (Ис. VII, 11), какъ предрекъ Исаія (а что именно? Матерь выше естества и рожденіе выше разума, матерь земную, а Сына небеснаго, необыкновенное Боговочеловѣченіе и безбрачное дѣторожденіе, которыхъ что могло быть славнѣе и удивительнѣе между тварями?), видѣвъ все это, относились какъ-бы не видѣвшіе, смежая глаза свои и не обращаясь къ славословію; посему и наполнился домъ тщеславія ихъ дымомъ.

12. При этомъ видѣніи они еще и слышали, стоявшаго выше всего видимаго, старца праведнѣйшаго, мужа достовѣрнаго, мужа достойнаго подражанія, мужа вдохновеннаго, законоучителя, почтеннаго священствомъ, украшеннаго даромъ пророчества, продлившаго жизнь свою надеждой на Христа и (доселѣ) отложившаго долгъ смерти, ликующаго, славословящаго, преобразившагося отъ радости, всецѣло прекраснымъ вдохновеніемъ вышедшаго изъ себя для Бога (2 Кор. V, 13), измѣнившагося въ Ангела прекраснымъ измѣненіемъ, возносящаго отъ избытка радости благодаренія и возвѣщающаго *свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и славу народа Твоего Израиля* (Лук. II, 32), и однако не захотѣли внять слышанному и дивному для самихъ небожителей; посему домъ тщеславія ихъ и наполнился дымомъ. А дымъ есть знаменіе и свидѣтельство гнѣва, какъ написано: *поднялся дымъ отъ гнѣва Его и изъ устъ Его огонь поядающій* (Псал. XVII, 9); и въ другомъ мѣстѣ: *и въ народѣ непокорномъ воспылался (огонь) гнѣва* (Сир. XVI, 7). Указывая на это, Господь въ св. Евангеліи говоритъ Іудеямъ: *се оставляется домъ*

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ

вашъ пустъ (Мѳ. XXIII, 28), и еще: *пославъ войска свои, царь истребилъ убійцъ оныхъ и сжегъ городъ ихъ огнемъ* (Мѳ. XXII, 7). Таковы дѣйствія Іудейскаго невѣрія, вопреки троичному славословію. Между тѣмъ какъ предѣлы всей вселенной освящались и величайшій домъ Церкви наполнился, какъ-бы разлившеюся въ обиліи водою моря, славою Господнею отъ трисвятаго славословія (Ис. VI, 3. 4), надъ ними сбылось возвѣщенное; и съ ихъ концемъ соединилось начало пророчества, означавшаго, какъ сказано Духомъ, провозвѣстникомъ истины, будущую бѣдственную перемѣну съ ними въ примѣрѣ, въ слѣдующихъ словахъ: (и было) *въ годъ, въ который умеръ царь Озія, видѣлъ я Господа* (Ис. 6, 1). гдѣ отступникъ Озія взятъ въ образецъ всѣхъ отступниковъ, которыхъ онъ есть какъ-бы глава, который за свое безразсудство и получилъ наказаніе, по божественному опредѣленію напечатлѣнное на челѣ, какъ бы на мѣдной статуѣ, показывая всѣмъ это воздаяніе за отвратительное нечестіе. Посему богомудро провидецъ (нынѣ) совершающагося, въ противоположность отверженію неблагодарной синагоги, указалъ на благодарную Анну, которой самое имя означаетъ Церковь, оправданную благодатію Христа Бога въ крещеніи; ибо *Анна* значитъ *„благодать“* [1]).

13. Впрочемъ, остановимъ здѣсь, какъ бы въ пристани, крестоносный корабль слова, по надлежащему собравъ паруса и сдѣлавъ нѣсколько привѣтствій *городу великаго Царя* (Пс. XLVII, 3. Мѳ. V, 35), вмѣстѣ съ народомъ Церкви, какъ бы пребывая духомъ и празднуя вмѣстѣ съ бывшими тамъ достопочтимыми отцами и братьями. Радуйся, градъ великаго Царя, въ которомъ совершились таинства нашего спасенія. Радуйся, земное небо, *вѣрный* наконецъ Господу городъ *Сіонъ* (Ис I, 26). Радуйся и *свѣтись, Іерусалимъ, ибо пришелъ свѣтъ твой* (Ис. LX, 1): Свѣтъ присносущій, Свѣтъ вѣчный, Свѣтъ высочайшій, Свѣтъ невещественный, Свѣтъ единосущный Богу Отцу, Свѣтъ сущій въ Духѣ и въ которомъ (пребываетъ) Отецъ. Свѣтъ просвѣтившій вѣка, Свѣтъ

[1]) Съ Еврейскаго: Hanna.

просвѣтившій вышемірное и находящееся въ мірѣ, Христосъ истинный Богъ нашъ. Радуйся, городъ святый и избранный Господомъ, торжествуй съ веселіемъ праздники свои, которые уже не подвергнутся обветшанію. Радуйся, городъ счастливѣйшій; ибо *славное возвѣщено о тебѣ* (Ис. LXXXVI, 3); *священники твои облекутся въ спасеніе и святые твои радостію возрадуются* (Пс. CXXXI, 16), и нищіе твои насытятся хлѣбомъ. Радуйся и веселись Іерусалимъ, ибо воцарился Господь *посреди тебя* (Ис. XII, 6), Господь, чистымъ и невещественнымъ Божествомъ вошедшій въ наше естество и неизреченно воплотившійся отъ дѣвственнаго чрева, Господь, не соединявшійся ни съ чѣмъ другимъ кромѣ состава Адама, прельщеннаго зміемъ; ибо не *Ангеловъ воспринявъ* (Евр. II, 16), отпадшихъ отъ дарованнаго имъ въ началѣ славнаго чина и состоянія, Господь явилъ снисхожденіе, будучи Словомъ Божіимъ, всегда пребывающимъ съ Отцемъ. И не для призванія или возстановленія отпавшихъ отъ Свѣта преступныхъ демоновъ, какъ думаютъ нечестивѣйшіе сообщники лукаваго, Онъ пришелъ въ міръ, но, какъ говоритъ божественный Павелъ, принявъ *сѣмя Авраамово* и чрезъ него весь родъ человѣческій, Творецъ и Создатель всѣхъ непреложно сдѣлался человѣкомъ, чтобы чрезъ общеніе Его съ нами и соединеніе насъ съ Нимъ прекратился доступъ къ намъ грѣха, мало по малу теряющаго силу и исчезающаго, какъ воскъ отъ божественнаго огня, который Спаситель пришедши *низвелъ на* нашу *землю* (Лук. XII, 49). Радуйся же и ты, Церковь каѳолическая, находящаяся во всей вселенной, и торжествуй вмѣстѣ съ нами. *Не бойся малое стадо* треволненій врага: *ибо Отецъ благоволилъ дать Тебѣ царство* (Лук. XII, 32) и (силу) попрать выю враговъ твоихъ. Радуйся и веселись, нѣкогда бездѣтная и для благочестія безплодная, а теперь имѣющая многихъ чадъ вѣры (Ис. LIV, 1). Радуйся и ты, народъ Божій, *родъ избранный, царственное священство, народъ святый, люди, взятые въ удѣлъ; возвѣщай совершенства призвавшаго тебя изъ тьмы въ чудный свой свѣтъ* (1 Петръ II, 9), прославляй Его за милость Его.

14. Радуйся вѣчно, нескончаемая радость наша (пресвятая Дѣва); къ тебѣ опять я обращаюсь. Ты — начало, средина и конецъ нашего торжества; Ты — драгоцѣнный перлъ царства, истинный тукъ всякой священной жертвы, одушевленный жертвенникъ хлѣба жизни. Радуйся, сокровище любви Божіей; радуйся, источникъ человѣколюбія Сына; радуйся, *осьненная гора* Святаго Духа (Авв. III, 3) [1]. Ты возсіяла, вожделѣнная родительница Свѣта (духовнаго) Солнца, неприступными лучами пламенной любви, родивъ въ концѣ (временъ) рожденнаго отъ начала, явивъ сокровенное и неизреченное таинство, Сына невидимаго Отца, подателя мира, дивно уничижившагося болѣе всякаго уничиженія. Посему молимъ Тебя, превосходнѣйшую всѣхъ и удостоившуюся матернихъ почестей и дерзновенія, непрестанно памятуй, всесвятая Богородица, о насъ, хвалящихся Тобою и боголѣпными славословіями почитающихъ присноживущую и неизгладимую память твою. И ты, досточтимый старецъ Симеонъ, первопріемникъ благочестиваго исповѣданія нашего и проповѣдникъ воскресенія вѣрныхъ, также будь ходатаемъ за родъ нашъ предъ Спасителемъ Богомъ, котораго ты удостоился принять въ свои объятія. Ибо и мы вмѣстѣ съ тобою воспѣваемъ Христа, властвующаго надъ жизнію и смертію, говоря: Ты — Свѣтъ истинный отъ Свѣта истиннаго, Богъ истинный отъ Бога истиннаго, единый Господь прежде воплощенія и послѣ преславнаго воплощенія, Богъ Самъ по себѣ, а не по благодати, для насъ же (сдѣлавшійся) и совершеннымъ человѣкомъ, Царь по существу своему, не имѣющій надъ собою царя, для насъ же и нашего спасенія непорочно и пречисто явившійся въ образѣ раба. Будучи нетлѣннымъ, Ты пришелъ разрушить тлѣніе, чтобы сдѣлать все нетлѣннымъ. Тебѣ принадлежитъ слава и держава, величіе и великолѣпіе съ Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ, Аминь.

По переводу 70-ти толковниковъ.

III.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ ВАЙЙ [1].

1. Благословенъ Богъ! Поспѣшимъ, братія, отъ чудесъ къ чудесамъ Господа, и *пойдемъ* какъ бы *отъ силы въ силу* (Псал. LXXXIII, 8). Какъ въ золотой цѣпи, составленной изъ колецъ, взаимно соединенныхъ, каждое изъ нихъ держится другаго изъ соприкосновенныхъ съ нимъ, одно прикрѣплено къ другому и одно слѣдуетъ за другимъ, такъ и въ ряду чудесъ, о которыхъ повѣствуютъ святыя Евангелія, одно ведетъ къ другому чтительницу празднествъ, Церковь Божію, и всѣ вмѣстѣ услаждаютъ ее *не пищею тлѣнною, но пребывающею въ жизнь вѣчную* (Іоан. VI, 27). Посему, возлюбленные, и мы *съ готовностію сердца* (Псал. IX, 38), *и внимательнымъ ухомъ* (Прит. XXV, 12) *послушаемъ, что скажетъ* намъ *Господь Богъ*, чрезъ пророковъ и Евангеліе, о настоящемъ святѣйшемъ празднествѣ. По истинѣ Онъ *скажетъ миръ народу своему и избраннымъ своимъ и обращающимъ сердца къ Нему* (Псал. LXXXIV, 9) [2]. Нынѣ вѣщанія пророковъ, подобно трубнымъ звукамъ, привели въ движеніе вселенную, преисполнили радостію и восторгомъ всѣ церкви Божіи и, отвлекши вѣрныхъ съ поприща святаго поста, отъ подвиговъ борьбы со страстями, возбудили ихъ пѣть гимнъ побѣды и новую пѣснь мира въ честь Побѣдителя Христа. И такъ *пріидите* всѣ, *воспоемъ Господу!* (Пс. ICIV, 1). Пріидите *всѣ народы, восплещемъ руками, воскликнемъ Богу Спасителю нашему гласомъ*

[1]) Въ рукописяхъ это слово озаглавливается такъ: „Святаго отца нашего Меѳодія слово на Ваіи“. Migne, Patr. Curs. Compl. T. XVIII, p. 384.

[2]) По переводу 70-ти толковниковъ.

радости (Пс. XLVI, 2. ICIV, 1). Никто не оставайся непричастнымъ благодати, никто не уклоняйся отъ призыванія: ибо *племя непокоряющихся бываетъ въ пагубу* (Ис. XXXIII, 2) [1]). Никто не пренебрегай срѣтеніемъ Царя, чтобы не остаться внѣ брачнаго чертога (Мат. XXV, 10). Никто не будь между нами съ мрачнымъ лицемъ, когда нужно принять Его, чтобы не подвергнуться осужденію вмѣстѣ съ лукавыми гражданами, и именно съ тѣми, которые не хотѣли принять Господа своего Царемъ надъ собою (Лук. XIX, 27). Всѣ стечемся съ радостію; всѣ примемъ Его съ усердіемъ и будемъ торжествовать съ благолѣпіемъ. Вмѣсто распростертія одеждъ *изліемъ предъ Нимъ сердца* наши (Пс. LXI, 9), воздадимъ Ему благодареніе съ псалмами и пѣснопѣніями, и непрестанно будемъ взывать: *благословенъ грядущій во имя Господне!* (Марк. XI, 9). Ибо *благословляющіе* Его *благословенны*, а *проклинающіе* Его *прокляты* (Быт. XXVII, 29). И снова скажу, не преставая побуждать къ святому дѣлу: пріидите, возлюбленные, благословить Благословеннаго, дабы и Онъ благословилъ насъ! Слово Божіе равно приглашаетъ принесть хвалу Господу всѣ возрасты и званія,—*царей земныхъ и всѣ народы, князей и всѣхъ судей земныхъ, юношей и дѣвицъ* (Пс. CXLVIII, 11. 12), и что ново и удивительно, юному и незлобивому возрасту младенцевъ и грудныхъ дѣтей предоставляетъ честь, чтобы они, какъ въ древности Моисей предъ исшедшимъ изъ Египта народомъ, прежде всѣхъ начали славословить Господа богодухновенною пѣснію: *благословенъ грядущій во имя Господне!*

2. Нынѣ блаженный Давидъ, видя псалтирь свою въ рукахъ младенцевъ, радуется радостію, ликуетъ духомъ и торжествуетъ съ ними, какъ нѣкогда предъ ковчегомъ Божіимъ, сливаетъ стройныя пѣсни свои съ ихъ пѣснями и радостно взываетъ: *благословенъ грядущій во имя Господне!* Спросимъ же его; скажи намъ, пророкъ: кто этотъ *грядущій во имя Господне?* „Нынѣ, отвѣчаетъ онъ, не мое дѣло научать; младенцамъ предоставлено отъ Того, Кто *изъ устъ младен-*

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ.

цевъ и грудныхъ дѣтей устроилъ хвалу, сдѣлать безмолвнымъ врага и мстителя (Пс. VIII, 3), дабы и чрезъ это чудо *возвратить сердца отцовъ дѣтямъ и непокоривымъ образъ мыслей праведниковъ* (Лук. I, 17).— Скажите же намъ, дѣти, откуда у васъ это прекрасное усердіе и радостная пѣснь? Кто внушилъ, кто составилъ (ее)? Кто собралъ (васъ)? Изъ какихъ книгъ, отъ какихъ наставниковъ вы заимствовали (ее)? „Примите, отвѣчаютъ они, участіе въ нашемъ торжествѣ и пѣснопѣніи, и вы узнаете то, что желалъ знать Моусей и прочіе пророки (Лук. X, 24).—„И такъ, когда приглашеніе намъ сдѣлано и дѣти подали намъ руки въ знакъ общенія, пріидите, возлюбленные, съ усердіемъ примемъ и мы участіе въ священномъ ликованіи, и вмѣстѣ съ Апостолами *будемъ сопутствовать возшедшему на небо небесъ на востокъ* (Пс. LXVII, 5. 34) [1]), и на землѣ благоволившему возсѣсть на *сына подъяремной* (Мат. XXI, 5). Возмемъ вѣтви вмѣстѣ съ отроками и восплещемъ масличными отраслями, чтобы и насъ осѣнилъ Духъ Святый, и намъ стройно воспѣть Богодухновенную пѣснь: *благословенъ грядущій во имя Господне! осанна въ вышнихъ!* (Мат. XXI, 9). Нынѣ и Патріархъ Іаковъ, видя совершившимся свое пророчество, торжествуетъ духомъ, и съ вѣрными поклоняется Отцу: ибо *привязавшій къ виноградной лозѣ осленка своего* (Быт. XLIX, 11) возсѣлъ на молодаго осла. Нынѣ приготовляется осленокъ, безсловесный образъ безсмысленныхъ нѣкогда язычниковъ, въ знакъ покорности народа изъ язычниковъ, и младенцы изображаютъ младенчество ихъ въ богопознаніи и послѣдующее за тѣмъ совершенство въ боговѣдѣніи. Нынѣ, согласно съ пророчествомъ, Царь славы прославляется на землѣ, и земнородныхъ дѣлаетъ участниками торжества небеснаго, дабы показать, что Онъ есть Господь тѣхъ и другихъ, какъ тамъ и здѣсь согласно воспѣваемый. Посему горьніе, возвѣщая о спасеніи, совершающемся на землѣ, пѣли: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ: вся земля полна славы Его!* (Псал. VI, 3). А дольніе, принимая радостное участіе въ небесномъ торже-

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ.

ствѣ, взывали: *осанна въ вышнихъ! осанна сыну Давидову!* (Мат. XXI, 9). Горьніе славословили: *благословенна слава Господня отъ мѣста своего!* (Іез. III, 12). А дольніе восклицали: *благословенъ грядущій во имя Господне!*

3. Но между тѣмъ, какъ это совершалось и ученики радовались о всѣхъ чудесахъ, ими видѣнныхъ, и говорили: *благословенъ царь грядущій во имя Господне! миръ на небесахъ и слава въ вышнихъ!* (Лук. XIX, 37. 38), *городъ пришелъ въ движеніе и говорилъ: кто это?* (Мат. XXI, 10), стараясь этимъ возбудить слѣпую зависть противъ Господа славы (а подъ городомъ разумѣй древнее безпорядочное скопище Синагоги). Неблагодарные спрашиваютъ: *кто это?* какъ будто они еще не видѣли въ Немъ благодѣтеля, славнаго Божественными чудесами. Но *тьма не объяла* незаходимый свѣтъ, возсіявшій въ ней (Іоан. I, 5). Посему прямо о нихъ пророкъ Исаія взывалъ: *глухіе слушайте и слѣпые смотрите, чтобы видѣть. И кто такъ слѣпъ, какъ рабы мои, и глухъ, какъ владѣющіе ими? и ослѣпли рабы Божіи. Видѣли многое и не замѣчали, уши были открыты и не слышали* (Ис. XLII, 18—20) [1]). Замѣтьте, возлюбленные, вѣрность пророчества, какъ провидящій Божественный Духъ, чрезъ святыхъ, возвѣщалъ будущее, какъ настоящее. Подлинно, неблагодарные видѣли и осязали въ чудесахъ, что чудодѣйствуетъ Богъ, и остались въ невѣріи. Видѣли, что бывшій слѣпымъ отъ рожденія исповѣдуетъ Богомъ возвратившаго ему свѣтъ. Видѣли, какъ разслабленный, котораго недугъ жилъ и возсталъ вмѣстѣ съ нимъ, освобожденъ былъ однимъ словомъ отъ болѣзни. Смотрѣли на Лазаря, избѣгшаго смерти. Слышали, какъ Спаситель ходилъ по морю, приготовлялъ вино, не воздѣлывая винограда, безъ усилій доставлялъ хлѣбъ для насыщенія, прогонялъ демоновъ, возвращалъ здоровье больнымъ. Улицы ихъ проповѣдывали о чудесахъ, пути ихъ возвѣщали ходящимъ о Его исцѣленіяхъ. Вся Іудея преисполнена была благодѣяніями. А они, услышавъ хвалебную пѣснь Богу, спрашиваютъ: *кто это?* О безумные, лжеимен-

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ.

ные учители! о невѣрующіе отцы, о безсмысленные старцы! *племя* безстыднаго *Ханаана, а не Іуды* благочестиваго! (Дан. XIII, 56). Дѣти узнали Творца, а невѣрующіе отцы говорили: *кто это?* Юный и неопытный возрастъ прославлялъ Бога, а *состарѣвшіеся въ злыхъ дняхъ* (Дан. XIII, 52) спрашивали: *кто это?* Грудные младенцы богословствуютъ, а старцы богохульствуютъ. Дѣти благоговѣйно возносятъ хвалебную пѣснь, а неосвященные священники безчинно *негодуютъ!* (Мат. XXI, 15).

4. Вы, *противящіеся образу мыслей праведниковъ* (Лук. I, 17), обратите сердца ваши на дѣтей вашихъ; познайте тайны Божіи. Настоящее событіе свидѣтельствуетъ, что такъ воспѣваемый ненаученными устами есть Богъ. *Изслѣдуйте писанія;* вы слышали отъ Господа, что *они свидѣтельствуютъ о немъ* (Іоан. V, 39), и не оставайтесь въ невѣдѣніи касательно этого чуда. Послушайте, неблагодарнѣйшіе и чуждые благодати, что благовѣствуетъ вамъ пророкъ Захарія. *Ликуй о тъ радости,* говоритъ онъ, *дщерь Сіона! се Царь твой грядетъ къ тебѣ праведный и спасающій, кроткій и сѣдящій на молодомъ ослѣ* (Зах. IX, 9). Для чего же вы отвергаете эту радость? Для чего, и при солнечномъ, свѣтѣ, любите тьму? Для чего, противъ ненарушимаго мира замышляете войну? Если вы сыны Сіона, то ликуйте вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Благочестіе дѣтей вашихъ пусть будетъ для васъ побужденіемъ къ радости. Узнайте отъ нихъ, кто научилъ ихъ? кто собралъ? откуда у нихъ такія мысли? откуда это новое богословіе при древнемъ пророчествѣ? Если никто изъ людей не могъ научить ихъ этому, если они отъ себя воспѣваютъ хвалебную пѣснь, то познайте, что это дѣло Божіе, какъ и въ законѣ написано: *изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты устроилъ хвалу* (Пс. VIII, 3). Сугубо радуйтесь, что вы удостоились быть отцами такихъ дѣтей, которыя по внушенію Божію, провозгласили то, чего не знали даже старцы. Обратите сердца ваши къ дѣтямъ своимъ, и не закрывайте очей вашихъ отъ истины. Если же вы все тѣ же, слыша не слышите, видя не видите, и безразсудно отступаете отъ младенцевъ, то *они будутъ вамъ судьями* (Мат. XII, 27), по

слову Спасителя. Посему хорошо предрекъ о васъ между прочимъ и это пророкъ Исаія: *не нынѣ постыдится Іаковъ, и не нынѣ измѣнитъ лице свое. Но когда увидятъ дѣти ихъ дѣла Мои, то для Меня будутъ святить имя Мое, святаго Іаковлева, и бояться Бога Израилева. И блуждающіе духомъ познаютъ мудрость и непокорные научатся послушанію, и языки нѣмотствующіе научатся говорить миръ* (Ис. XXIX, 22—24) [1]). Видишь ли, неразумный Іудей, какъ съ первыхъ словъ пророкъ предвозвѣщаетъ вамъ стыдъ за невѣріе ваше? Научитесь хотя отъ него, что пѣснь дѣтей вашихъ внушена имъ отъ Бога, какъ предрекъ и блаженный Давидъ, говоря: *изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты устроилъ хвалу.* И такъ, или сами пріобрѣтите должную святость дѣтей, или уступите намъ дѣтей вмѣстѣ съ благочестіемъ (ихъ). Мы будемъ ликовать вмѣстѣ съ ними и пѣть Богодухновенную пѣснь новой славѣ.

5. Нѣкогда старецъ Симеонъ срѣтилъ Спасителя, принялъ въ объятія Творца вѣковъ въ видѣ младенца, и исповѣдалъ Его Господомъ и Богомъ; а нынѣ, вмѣсто нечестивыхъ старцевъ, дѣти срѣтили Спасителя, подобно Симеону; вмѣсто объятій распростерли вѣтви, и благословили Господа Бога, сѣдящаго на осленкѣ, какъ бы на Херувимахъ: *осанна сыну Давидову! благословенъ грядущій во имя Господне!* Вмѣстѣ съ ними воскликнемъ и мы: благословенъ пришедшій Богъ, Царь славы, который, по естеству своему, будучи непричастенъ нищетѣ, обнищалъ для насъ, дабы обогатить насъ своею благостію! (2 Кор. VIII, 9). Благословенъ пришедшій въ смиреніи, и опять имѣющій придти во славѣ; являющійся теперь кроткимъ на осленкѣ и прославляемый восклицаніями младенцевъ, дабы исполнилось написанное: *видѣли шествіе Твое, Боже, шествіе Бога моего, Царя во святынѣ* (Пс. LXVII, 25), а въ другой разъ имѣющій придти на облакахъ грознымъ, окруженнымъ Ангелами и силами! О медоточныя уста дѣтей! о чистое ученіе Боголюбезныхъ отроковъ! Давидъ пророчески сокрылъ мысль подъ буквою; дѣти, отверзши сокровищницу, языкомъ изгла-

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ.

голали богатство и благодатными словами внятно призвали всѣхъ къ наслажденію. Воспользуемся же и мы, вмѣстѣ съ ними, неотъемлемымъ богатствомъ. Станемъ хранить въ пространныхъ нѣдрахъ и сокровищницахъ (сердца) Божественные дары. Будемъ, не умолкая, восклицать: *благословенъ грядущій во имя Господне,*—Богъ истинный во имя Бога истиннаго, Вседержавный отъ Вседержавнаго, Сынъ во имя Отца, Царь истинный отъ Царя истиннаго, имѣющій царство, совѣчное и предвѣчное, какъ и Родившій Его! Ибо дѣйствительно царство у нихъ общее; и Слово Божіе усвояетъ Сыну царственную честь не такъ, какъ бы она дана была Ему отвнѣ, или имѣла начало, или могла получить приращеніе,—нѣтъ—какъ естественную и по истинѣ свойственную Ему. Ибо одно царство Отца и Сына и Духа Святаго, какъ одно существо и одно господство; посему мы и почитаемъ однимъ поклоненіемъ одно Тріипостасное Божество, безначальное, несозданное, безконечное и вѣчное. Ибо, ни Отецъ никогда не престанетъ быть Отцемъ, ни Сынъ—быть Сыномъ и Царемъ, ни Духъ Святый быть тѣмъ, что Онъ есть по ипостаси; ни одно лице Троицы не уменьшится ни по вѣчности, ни по общности, ни по царству. Такъ, Сынъ Божій не потому сталъ царемъ, что сдѣлался для насъ человѣкомъ, и во плоти низложилъ нашего мучителя, одержавъ чрезъ нее побѣду надъ злымъ нашимъ врагомъ; но и нынѣ, и по принятіи плоти, и всегда потому Онъ Царь, подобно родившему Его, что Онъ вѣчно Господь и Богъ. Итакъ, еретикъ, не порицай Царства Христова, дабы не нанесть оскорбленія родившему Его. А кто вѣренъ, съ вѣрою приступи ко Христу, истинному Богу нашему, *а не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла* (1 Пет. II, 16). Если ты рабъ, съ трепетомъ покорись Владыкѣ. Кто враждуетъ противъ Слова, тотъ уже не добрый рабъ, но явный врагъ, какъ написано: *кто не чтитъ Сына, тотъ не чтитъ Отца, пославшаго Его* (Іоан. V, 23).

6. Но возвратимся, возлюбленные, къ тѣмъ словамъ, на которыхъ мы остановились, и воскликнемъ: *благословенъ грядущій во имя Господне!* Это добрый и благій пастырь грядетъ

положить добровольно душу свою за овецъ своихъ. Какъ звѣроловы посредствомъ овцы улавливаютъ волковъ, пожирающихъ овецъ, такъ и Пастыреначальникъ, предавъ себя въ образѣ человѣка духовнымъ и душегубительнымъ волкамъ, уловляетъ этихъ хищниковъ для Адама, нѣкогда уловленнаго ими. *Благословенъ грядущій во имя Господне!*—Богъ (грядущій) противъ діавола, не съ открытымъ могуществомъ, котораго и зрѣніе снести не можетъ, но въ немощной плоти, дабы связать сильнаго, востающаго на насъ. *Благословенъ грядущій во имя Господне!* — Царь (грядущій) противъ мучителя, не съ вседержительною силою и премудростію, но съ мнимымъ безуміемъ креста, дабы исторгнуть добычу у змія, мудраго на зло. *Благословенъ грядущій во имя Господне!*—это (грядетъ) истинный противъ лжеца, Спаситель противъ губителя, Князь мира противъ виновника браней, Человѣколюбецъ — противъ человѣконенавистника. *Благословенъ грядущій во имя Господне!*—это (грядетъ) Господь помиловать свое твореніе. *Благословенъ грядущій во имя Господне!*—это (грядетъ) Господь спасти заблуждшаго человѣка, разсѣять обольщеніе, просвѣтить сѣдящихъ во тьмѣ, уничтожить заблужденіе идолопоклонства, ввести спасительное Богопознаніе, освятить міръ, прекратить нечестіе и горе отъ служенія мнимымъ богамъ. *Благословенъ грядущій во имя Господне!*—единъ (грядетъ предать себя) за многихъ, дабы бѣдный родъ человѣческій *избавитъ отъ рукъ сильнѣйшихъ, бѣднаго и нищаго отъ грабителей его* (Псал. XXXIV, 10). *Благословенъ грядущій во имя Господне!*—(Онъ грядетъ) возлить вино и елей на *попавшагося разбойникамъ* и пренебреженнаго (Лук. X, 30—32). *Благословенъ грядущій во имя Господне!*—(Онъ грядетъ) спасти насъ Самимъ Собою, какъ говоритъ пророкъ: *не ходатай и не ангелъ, но Самъ Господь спасъ* насъ (Псал. LXIII, 9) [1]. Посему мы и благословляемъ Тебя, Господи, благословеннаго со Отцемъ и Святымъ Духомъ прежде вѣковъ и во вѣки вѣковъ, существовавшаго безплотно прежде вѣковъ и доселѣ, а нынѣ и на вѣки съ обоготворенною и неизмѣнною и нераздѣльною Твоею плотію.

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ.

7. Посмотримъ и далѣе, что говоритъ Божественный Евангелистъ. Когда Господь вошелъ въ храмъ, *приступили къ нему хромые и слѣпые и Онъ исцѣлилъ ихъ. Видѣвъ же первосвященники и фарисеи чудеса, которыя Онъ сотворилъ, и дѣтей восклицающихъ и говорящихъ: осанна Сыну Давидову!* (Матѳ. XXI, 14, 15), *благословенъ грядущій во имя Господне!* (ст. 9), не вынесли чести, оказанной Ему; посему, приступивъ къ Нему, сказали: *„слышишь ли, что они говорятъ?* (ст. 16). Какъ бы такъ они говорили: и Ты не огорчаешься тѣмъ, что Тебя прославляютъ, какъ Бога? Тебѣ не прискорбно слышать отъ невинныхъ (младенцевъ) хвалы, приличныя единому Богу? Развѣ Богъ не открылъ въ древности чрезъ пророка: *славы Моей никому не дамъ?* (Псал. XLII, 8). И какъ *Ты, будучи человѣкомъ, дѣлаешь себя Богомъ?“* (Іоан. X, 33). Что же отвѣчалъ на это Долготерпѣливый, Многомилостивый и *Медленный на гнѣвъ?* (Іак. I, 19). Онъ останавливаетъ безумныхъ, своимъ отвѣтомъ укрощаетъ ярость ихъ, напоминаетъ и самъ о словахъ Писанія, приводитъ изъ него свидѣтельства о настоящемъ событіи, и не отказывается спрашивать ихъ самихъ. „Развѣ вы, говоритъ Онъ, никогда не слыхали того, что сказалъ Я чрезъ пророка: *въ тотъ день узнаете, что Я тотъ же, который сказалъ: вотъ Я?* (Ис. LII, 6), — и еще: *изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты устроилъ хвалу, ради враговъ Твоихъ, дабы сдѣлать безмолвнымъ врага и мстителя?* (Пс. VIII, 3). Враги эти—вы, которые слушаете законъ и читаете пророковъ, а Меня, закономъ и пророками возвѣщеннаго, отвергаете. Подъ видомъ благочестія, вы думаете, что защищаете славу Божію; и не разумѣете, что *ненавидящій Меня ненавидитъ и Отца Моего* (Іоан. XV, 23)! *Я изшелъ отъ Отца и пришелъ въ міръ* (Іоан. XVI, 28). Моя слава есть слава Отца Моего. Такимъ образомъ эти безсмысленные, бывъ изобличены Спасителемъ нашимъ Богомъ, перестали прекословить, такъ какъ истина заградила уста ихъ; но они предприняли другой безумный умыселъ, составили противъ него заговоръ.

Мы же будемъ воспѣвать: *великъ Господь нашъ, и велика крѣпость Его и разумъ его неизмѣримъ!* (Псал. CXLVI, 5). Ибо

все это совершилось для того, чтобы *Агнецъ* и Сынъ *Божій, который взялъ на себя грѣхъ міра* (Іоан. I, 29), добровольно пострадалъ для нашего спасенія, чтобы Онъ обращенъ былъ какъ бы въ предметъ купли, и покупатели положили тридцать сребренниковъ за Того, Кто животворящею Своею кровію искупилъ міръ, и чтобы *Пасха наша Христосъ былъ закланъ за насъ* (1 Кор. V, 7), дабы тѣ, которые окропляются драгоцѣнною Его кровію, и которыхъ уста, какъ верхи дверей, запечатлѣваются ею, могли избѣгать стрѣлъ губителя, и дабы пострадавшій плотію Христосъ, по тридневномъ воскресеніи, принялъ отъ всѣхъ тварей, вмѣстѣ съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, равночестное и равномѣрное поклоненіе. Ибо предъ Нимъ *преклонится всякое колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ* (Филип. II, 10), воздавая Ему славу во вѣки вѣковъ. Аминь.

IV.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ.

а) О свободѣ воли [1]).

(Противъ Валентиніанъ).

Православный. По сказанію Эллиновъ, Итакійскій правитель (т. е. Одиссей), по неудержимой страсти къ пѣнію, желая послушать пѣсни Сиренъ, связаннымъ плылъ въ Сицилію и товарищамъ своимъ заткнулъ уши, не потому, чтобы завистливо хотѣлъ слушать безъ нихъ, или дѣйствительно желалъ связать себя узами, а потому, что послѣдствіемъ ихъ пѣнія была для слушателей смерть (ибо таковы Эллинскія удовольствія отъ Сиренъ); я же не буду слушателемъ такого пѣнія и не желаю слушать Сиренъ, которыя поютъ надгробную пѣснь людямъ и которыхъ молчаніе бываетъ для людей полезнѣе пѣнія; но желаю наслаждаться нѣкоторымъ Божественнымъ пѣніемъ, которое, какъ бы часто я ни слушалъ, снова желаю слушать, не покоряясь неудержимой страсти къ пѣнію, а научаясь Божественнымъ тайнамъ и въ концѣ ожидая не смерти, но вѣчнаго спасенія. Ибо эту пѣснь поютъ не смертоносныя Сирены Эллиновъ, а Божественный хоръ Пророковъ, отъ

[1]) Переводъ сдѣланъ съ греческаго текста, изданнаго въ Patrol. Curs. Compl. par Migne (указ. изд.) и дополненнаго въ изданіи Яна S. Method. Oper. стр. 54—64. А самый текстъ извлеченій взятъ изъ твореній Св. Іоанна Дамаскина, Edit. Combef. p. 373 и д. Патріарха Фотія Bibl. cod. 236. Ed. Bekk. Леонтія Визант. Rerum. Sacr. Lib. II. Tit. III. Edit. Migne T. LXXXVI, II. p. 2055 и другихъ.

которыхъ не слѣдуетъ ни затыкать ушей товарищей, ни самого себя связывать какими-либо узами, боясь наказанія за слушаніе; потому что, послѣ пѣнія тѣхъ, слушатель лишается жизни, а чѣмъ болѣе слушаетъ онъ этихъ, тѣмъ лучшею будетъ наслаждаться жизнію, предавшись руководительству Божественнаго Духа. И такъ пусть всякій приходитъ и слушаетъ Божественную пѣснь, не боясь ничего; у насъ нѣтъ Сицилійскихъ Сиренъ, нѣтъ узъ Одиссея, нѣтъ растопленнаго воска, влагаемаго въ уши людей, но полное ослабленіе узъ и свобода слушанія для каждаго изъ приходящихъ. Подлинно, слѣдуетъ послушать такой пѣсни и, мнѣ кажется, надобно желать — имѣть при себѣ такихъ пѣвцовъ. Если же кто желалъ бы послушать и хора Апостоловъ, тотъ найдетъ (и у нихъ) такую же стройность пѣнія; ибо тѣ таинственно предвоспѣвали Божественное домостроительство нашего спасенія, а эти воспѣваютъ, объясняя таинственно возвѣщенное тѣми. Какая согласная гармонія, составленная Божественнымъ Духомъ! Какая прелесть поющихъ эти тайны! Вмѣстѣ съ ними и я желаю пѣть. И такъ воспоемъ и мы такую же пѣснь и вознесемъ гимнъ святому Отцу, Духомъ прославляя Іисуса, сущаго въ нѣдрѣ Его (Іоан. I, 18). Не убѣгай, человѣкъ, отъ духовнаго гимна, и не относись враждебно къ этому слушанію; оно не причиняетъ смерти; наша пѣснь есть повѣствованіе о спасеніи. Мнѣ кажется, что, бесѣдуя объ этомъ, я уже наслаждаюсь высшими благами, особенно когда предо мною находится такой цвѣтистый лугъ, т. е. наше собраніе какъ слушающихъ, такъ и поющихъ вмѣстѣ Божественныя тайны. Потому я и осмѣливаюсь говорить предъ вами, что вы представляете мнѣ слухъ чистый отъ всякой зависти, не подражая зависти Каина (Быт. IV, 5), не преслѣдуя брата, подобно Исаву (Быт. XXVII, 41), не соревнуя братьямъ Іосифа, ненавидѣвшимъ его за то, что онъ говорилъ имъ (Быт. XXXVII, 4), но отстоя далеко отъ всего этого; потому каждый изъ васъ думаетъ говорить тоже, что ближній; потому и зависти нѣтъ въ васъ, старающихся восполнять недостающее у брата. О, прекрасное собраніе!

о, пиръ, достопочтенный и исполненный духовныхъ яствъ! Съ такими по истинѣ я желалъ бы всегда быть вмѣстѣ.

Валентиніанинъ. Другъ, вчера вечеромъ гуляя по морскому берегу и устремивъ пристальный взоръ на море, я увидѣлъ превосходное зрѣлище Божественной силы и искусство мудраго вѣдѣнія, если только можно назвать это искусствомъ. Подлинно, какъ говорится въ стихахъ Гомера:

„Словно два быстрые вѣтра, волнуютъ понтъ многорыбный,

„Шумный Борей и Зефиръ, кои изъ Ѳракіи дуя

„Вдругъ налетаютъ свирѣпые, вдругъ почернѣвшія зыби

„Грозно холмятся и множество пороста хлещутъ изъ моря“ ([1]), такъ, кажется, и со мною было вчера. Ибо я видѣлъ волны, подобныя вершинамъ горъ и достигавшія, такъ сказать, до самаго неба, отъ которыхъ я не ожидалъ ничего другаго, какъ потопленія всей земли, такъ что мнѣ пришло на умъ мѣсто убѣжища и представлялся ковчегъ Ноя. Но того, чего я ожидалъ, не случилось. Напротивъ море тотчасъ послѣ того, какъ вздувалось, снова ниспадало въ самого себя и не переступало собственнаго предѣла, страшась, такъ сказать, какого-то Божественнаго повелѣнія (Іов. XXXVIII, 11). И какъ иногда какой-либо рабъ, принуждаемый господиномъ дѣлать что-нибудь противъ воли, по страху повинуется приказанію, а что испытываетъ самъ въ себѣ при нежеланіи дѣлать, о томъ не смѣетъ ничего говорить, но ворчитъ про себя, предаваясь гнѣву; такъ и море казалось мнѣ какъ бы гнѣвающимся и удерживающимъ гнѣвъ въ самомъ себѣ, обуздывающимъ самого себя и не желающимъ обнаружить своего гнѣва предъ Владыкою. Я молча началъ всматриваться во все окружающее, и хотѣлъ измѣрить умомъ и небо и окружность его; изслѣдовалъ, откуда оно начинается и гдѣ оканчивается, и какое имѣетъ движеніе,— поступательное ли, т. е. съ одного мѣста на другое, или круговое; и отъ чего оно имѣетъ постоянное движеніе. И о солнцѣ мнѣ хотѣлось знать, какимъ образомъ

[1]) Иліад. IX, 4—7.

оно поставлено на небѣ, каковъ кругъ его теченія, и куда оно спустя немного времени удаляется, и однако и оно не переступаетъ предѣла своего теченія, но также соблюдаетъ, такъ сказать, какую-то заповѣдь высшаго (Существа): является у насъ, когда ему позволяется, и потомъ уходитъ, какъ бы отзываемое. Изслѣдуя это, я увидѣлъ, что солнечное сіяніе прекращается и дневной свѣтъ уменьшается, и тотчасъ наступаетъ тьма и луна смѣняетъ солнце; притомъ сначала она является въ меньшемъ видѣ, а потомъ, подвигаясь впередъ въ своемъ теченіи, представляется въ большемъ видѣ. Я не переставалъ дѣлать изслѣдованія и о ней, и отыскивалъ причину ея уменьшенія и увеличенія и того, что и она соблюдаетъ извѣстный кругъ дней; отсюда, казалось мнѣ, слѣдуетъ, что есть нѣкоторое Божественное управленіе и сила высшихъ (существъ), содержащая все, которую мы справедливо могли бы назвать Богомъ. Затѣмъ я началъ прославлять Создателя, видя утвержденную землю, различныхъ животныхъ и разнообразные виды растеній. Однако умъ мой не остановился на одномъ только этомъ, но я началъ изслѣдовать далѣе, откуда все это получаетъ бытіе, отъ тако голи чего-нибудь, что всегда существуетъ вмѣстѣ съ Богомъ, или отъ Него одного безъ существованія чего-нибудь вмѣстѣ съ Нимъ; ибо мнѣ казалось, что не совершенно неосновательно положеніе, что изъ ничего ничего не бываетъ; ибо происходящее обыкновенно происходитъ изъ существующаго. А съ другой стороны также мнѣ казалось истиннымъ положеніе, что нѣтъ ничего всегда существующаго вмѣстѣ съ Богомъ, кромѣ Его самого, а все произошло изъ Него; въ этомъ нѣкоторымъ образомъ убѣждалъ меня стройный порядокъ стихій и благоустройство природы. Думая, что такое рѣшеніе мое хорошо, я возвратился въ свой домъ. Но на слѣдующій день, т. е. сегодня, вышедши, я увидѣлъ двухъ однородныхъ существъ (т. е. людей), ссорившихся между собою и поносившихъ другъ друга; потомъ еще другаго, который хотѣлъ снять одежду съ ближняго; а нѣкоторые осмѣливались дѣлать нѣчто еще худшее; такъ одинъ ограбилъ мертвеца, и тѣло, уже скры-

тое въ землѣ, снова выставилъ на солнечный свѣтъ, и такимъ образомъ подвергъ поношенію подобный себѣ образъ, оставивъ мертваго на съѣденіе псамъ. Другой обнажилъ мечъ и устремился на подобнаго себѣ человѣка; тотъ хотѣлъ найти спасеніе въ бѣгствѣ, а преслѣдующій не отставалъ и не хотѣлъ укротить своего гнѣва. Впрочемъ для чего много говорить? Бросившись на того, онъ тотчасъ поразилъ его мечемъ. Тотъ умолялъ ближняго и простиралъ къ нему съ мольбою руки, и готовъ былъ отдать одежду, прося только пощадить жизнь; но этотъ не укротилъ своего гнѣва, не сжалился надъ однороднымъ, не хотѣлъ видѣть въ немъ собственнаго образа, а какъ дикій звѣрь началъ терзать его мечемъ, даже и уста свои приблизилъ къ подобному себѣ тѣлу; въ такой онъ былъ ярости. И можно было видѣть, какъ одинъ терпѣлъ насиліе, а другой грабилъ и даже не покрылъ землею тѣло, съ котораго онъ снялъ одежду. За тѣмъ появился другой, который хотѣлъ обезчестить жену ближняго, окрадывая чужой бракъ, и домогался войти на противозаконное ложе, намѣреваясь сдѣлать супруга не истиннымъ отцомъ. Послѣ этого я сталъ вѣрить трагедіямъ, и ужинъ Ѳіеста казался мнѣ дѣйствительно бывшимъ [1]), также вѣроятными стали для меня и беззаконное желаніе Эномая [2]), и нападеніе братьевъ другъ на друга съ мечами. И такъ, бывъ зрителемъ столь многихъ и такихъ дѣлъ, я сталъ изслѣдовать, отъ чего все это, какая начальная причина ихъ стремленія и кто такъ злобно вліяетъ на людей, откуда такіе у нихъ умыслы и кто учитель ихъ. Осмѣлиться назвать Бога виновникомъ этого невозможно; напротивъ отъ Него это не имѣетъ ни происхожденія, ни начала бытія. Ибо какъ можно подумать это о Богѣ? Онъ благъ и виновникъ всего лучшаго, а дурного въ Немъ ничего нѣтъ; Онъ по существу своему не радуется ничему

[1]) Ѳіесту, сыну Пелопса, былъ предложенъ братомъ его Атреемъ ужинъ, состоявшій изъ приготовленныхъ частей тѣла собственнаго его сына, по сказанію греческихъ трагиковъ.

[2]) Эномай, владѣтель Илиды, хотѣлъ подъ предлогомъ состязанія убить всѣхъ женихов своей дочери, опасаясь самъ быть убитымъ отъ своего зятя на основаніи предсказанія оракула, по сказанію греческихъ писателей.

такому и запрещаетъ быть этому; и тѣхъ, которые радуются этому, Онъ отвергаетъ, а избѣгающихъ этого одобряетъ. Не нелѣпо ли было бы называть Бога виновникомъ того, чего Онъ отвращается? Онъ не пожелалъ бы, чтобы это было, если бы Онъ Самъ былъ первымъ виновникомъ этого. Ибо Онъ хочетъ, чтобы принадлежащіе Ему были подражателями Его. Посему мнѣ показалось неразумнымъ приписывать это Богу, или считать какъ бы происшедшимъ отъ Него (иначе нужно допустить, что изъ ничего можетъ произойти нѣчто), такъ чтобы Онъ же произвелъ и зло; и приведши Его изъ небытія въ бытіе, Онъ не обращалъ бы его изъ бытія въ небытіе. И еще необходимо было бы сказать, что было нѣкогда время, когда Богъ радовался злу; между тѣмъ этого нѣтъ. Посему, мнѣ кажется, невозможно сказать этого о Богѣ, потому что приписывать Ему это не свойственно существу Его. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, вмѣстѣ съ Нимъ существуетъ нѣчто такое, что называется веществомъ (ὕλη), изъ котораго Онъ создалъ все существующее, распредѣливъ и прекрасно устроивъ все съ мудрымъ искусствомъ; изъ него же мнѣ кажется происходитъ и зло. Ибо, когда оно было безкачественно и безвидно и притомъ носилось безпорядочно, нуждаясь въ исскуствѣ Бога, Онъ не отвратился отъ него, не оставилъ его навсегда носиться такимъ образомъ, а сталъ устраивать и восхотѣлъ отдѣлить лучшія его части отъ худшихъ, и такимъ образомъ создалъ то, что изъ него благопотребно было создать Богу, а то, что въ немъ составляло, такъ сказать, подонки, Онъ оставилъ такъ, какъ было, какъ непотребное къ созданію и ни къ чему непригодное для Него. Изъ этого-то, мнѣ кажется, теперь и происходитъ зло у людей. Такъ думать, по моему мнѣнію, хорошо. Если же тебѣ, другъ мой, кажется, что мною сказано что-нибудь не хорошо, ты скажи, а я весьма желаю послушать объ этомъ.

Правосл. Усердіе твое, другъ, я одобряю и ревность твою къ ученію хвалю; а что ты рѣшилъ такъ относительно существующаго, какъ будто Богъ создалъ все изъ какого-то

готоваго вещества, и этого я нисколько не осуждаю. Ибо дѣйствительно существованіе зла располагало многихъ думать такимъ же образомъ. Многіе способные люди прежде насъ съ тобою весьма ревностно занимались этимъ предметомъ; и одни изъ нихъ пришли къ такимъ же мыслямъ, какъ и ты; другіе признали виновникомъ зла Бога, боясь допустить совѣчное Ему вещество; а тѣ, изъ боязни—признать Бога Творцемъ зла, рѣшились допустить совѣчное ему вещество. Но случилось, что и тѣ и другіе говорили не хорошо, такъ какъ боялись Бога несогласно съ истиннымъ знаніемъ. Иные же въ самомъ началѣ отказались отъ изслѣдованія объ этомъ предметѣ, такъ какъ подробное изслѣдованіе будто бы не имѣетъ конца. Но мнѣ дружеское отношеніе къ тебѣ не позволяетъ отказаться отъ этого изслѣдованія, особенно когда ты показываешь такое свое расположеніе не подъ вліяніемъ предубѣжденія (хотя по твоимъ разсужденіямъ кажется, что ты такъ относишься къ этому предмету), но изъ желанія, какъ ты говоришь, достигнуть познанія истины. Посему и я охотно приступлю къ изслѣдованію. Я желаю, чтобы и этотъ товарищъ былъ слушателемъ нашихъ рѣчей; кажется и онъ думаетъ объ этомъ одинаково съ тобою; посему я хочу обратить рѣчь къ вамъ обоимъ вмѣстѣ; ибо что я сказалъ бы тебѣ при такомъ твоемъ настроеніи, тоже сказалъ бы и ему одинаковымъ образомъ. Итакъ, если тебѣ покажется, что я дѣйствительно говорю благоразумно о высшемъ (Существѣ), то ты отвѣчай мнѣ на каждый вопросъ, который я предложу; ибо отсюда произойдетъ то, что и ты будешь поучаться истинѣ и я не напрасно буду говорить тебѣ.

Вал. Я охотно буду дѣлать то, что ты сказалъ; спрашивай меня, сколько угодно, обо всемъ, чѣмъ ты можешь, по твоему мнѣнію, научить меня познанію о высшемъ; ибо мнѣ желательно не одержать дурную побѣду, а узнать истину. Итакъ начинай рѣчь.

Правосл. Что невозможно существовать двумъ несотвореннымъ вмѣстѣ, это, я думаю, не безъизвѣстно и тебѣ, хотя ты, кажется, предварительно предположилъ это въ

своей рѣчи. При этомъ необходимо должно сказать одно изъ двухъ, или то, что Богъ отдѣленъ отъ вещества, или наоборотъ, что Онъ не отдѣленъ отъ него. Если же кто захочетъ утверждать, что они соединены, то онъ признаетъ одно несотворенное (ибо каждое изъ нихъ будетъ частію другаго); а будучи частями другъ друга, они уже не будутъ двумя, но однимъ, состоящимъ изъ различныхъ (частей). Человѣка, состоящаго изъ различныхъ членовъ, мы не раздѣляемъ на нѣсколько сотворенныхъ, но, какъ требуетъ разумъ, говоримъ, что Богъ создалъ человѣка, какъ нѣчто одно сотворенное, состоящее изъ многихъ частей. Такъ необходимо сказать и то, что, если Богъ не отдѣленъ отъ вещества, то они суть одно несотворенное. Если же кто-нибудь скажетъ, что Онъ отдѣленъ, то необходимо, чтобы существовало нѣчто среднее между ними обоими, что доказывало бы ихъ раздѣленіе. Ибо невозможно представлять что-нибудь отдѣленнымъ отъ чего нибудь безъ существованія еще иного, отъ котораго происходитъ раздѣленіе того и другаго. Сказанное относится не къ одному только этому, но и къ весьма многому другому. Доказательство, которое мы высказали касательно двухъ несотворенныхъ, необходимо простирать такимъ же образомъ, если бы предложено было три несотворенныхъ; и о нихъ я могъ бы спросить, отдѣлены ли они другъ отъ друга, или наоборотъ, каждое соединено съ другимъ. И если кто захочетъ сказать, что они соединены, то услышитъ доказательство, одинаковое съ прежнимъ; а если наоборотъ (скажетъ), что они раздѣлены, то не избѣгнетъ необходимаго существованія чего-нибудь раздѣляющаго. Если же кто предложитъ еще третье мнѣніе, будто бы приложимое къ несотвореннымъ, т. е. что Богъ ни отдѣленъ отъ вещества, ни соединены они какъ части, но Богъ пребываетъ въ веществѣ, какъ въ какомъ-либо мѣстѣ, а вещество пребываетъ въ Богѣ, тотъ пусть знаетъ, что если мы назовемъ вещество мѣстомъ Бога, то по необходимости должно признать Его вмѣстимымъ и ограниченнымъ отъ вещества. Также необходимо допустить, что Онъ не имѣетъ постояннаго пребыванія и самостоятельности, такъ какъ вещество,

нъ которомъ Онъ существуетъ, носится туда и сюда. Кромѣ того необходимо было бы сказать, что Богъ находился въ худшемъ состояніи. Ибо, если вещество было нѣкогда не устроено, а Богъ устроилъ его, рѣшившись привести его въ лучшее состояніе, то было нѣкогда время, когда Богъ существовалъ въ неустроенномъ. Справедливо также я могъ бы спросить, наполнялъ ли Богъ вещество, или находился въ нѣкоторой части вещества? И если бы кто захотѣлъ сказать, что Богъ находился въ нѣкоторой части вещества, то призналъ бы, что Онъ гораздо меньше вещества, такъ какъ часть его вмѣщала въ себѣ цѣлаго Бога; а если бы сказалъ, что Онъ былъ во всемъ и простирался въ цѣломъ веществѣ, то пусть объяснитъ, какимъ образомъ Богъ устроилъ его. Необходимо допустить нѣкоторое отступленіе Бога для того, чтобы Онъ устроилъ то, отъ чего отступилъ; иначе Онъ вмѣстѣ съ веществомъ устроилъ бы и самого себя, не имѣя мѣста для отступленія. Если наоборотъ кто-нибудь скажетъ, что вещество пребываетъ въ Богѣ, то надобно подобнымъ же образомъ спросить: такъ ли, что при этомъ Онъ раздѣляется самъ въ себѣ, какъ разные роды существъ находятся въ воздухѣ, который раздѣляется и раздробляется для принятія заключающагося въ немъ, или какъ бы въ опредѣленномъ мѣстѣ, т. е. какъ вода въ землѣ? Если мы скажемъ: какъ въ воздухѣ, то необходимо признать Бога дѣлимымъ; если же (скажемъ): какъ вода въ землѣ,—а вещество было безпорядочно и неустроено и притомъ заключало въ себѣ и зло, — то необходимо признать Бога вмѣстилищемъ неустроеннаго и злаго. А это, мнѣ кажется, не только не основательно, но и опасно. Ибо ты хочешь допустить существованіе вещества для того, чтобы не признать Бога виновникомъ зла, и между тѣмъ, намѣреваясь избѣжать этого, говоришь, что Онъ есть вмѣстилище зла. Итакъ, если ты, предполагая вещество внѣ созданныхъ существъ, говорилъ, что оно не сотворено, то и я могъ бы сказать о немъ многое въ доказательство того, что оно не можетъ быть несозданнымъ; но такъ какъ по твоимъ словамъ причиною такого предположенія слу-

житъ происхожденіе зла, то, мнѣ кажется, къ изслѣдованію этого и надобно приступить. Ибо, когда объяснится, какимъ образомъ произошло зло, и что не слѣдуетъ признавать Бога виновникомъ зла, то такое предположеніе, внушаемое допущеніемъ при Немъ вещества, кажется, уничтожится; потому что, если Богъ создалъ несуещствовавшія качества, то также (могъ создать) и предметы. Итакъ ты говоришь, что вмѣстѣ съ Богомъ существовало безкачественное вещество, изъ котораго Онъ сотворилъ міръ?

Вал. Мнѣ кажется, такъ.

Правосл. Если же вещество было безкачественно, и міръ сотворенъ Богомъ, а въ мірѣ есть качества, то Богъ сталъ Творцемъ этихъ качествъ?

Вал. Да.

Правосл. Такъ какъ я слышалъ, что ты прежде говорилъ, будто изъ ничего не можетъ произойти что-нибудь, то отвѣть мнѣ на мой вопросъ: какъ тебѣ кажется, эти качества міра произошли не изъ прежде-существовавшихъ качествъ?

Вал. Кажется.

Правосл. Они суть нѣчто другое, нежели самые предметы?

Вал. Да.

Правосл. Итакъ, если Богъ сотворилъ качества не изъ преждесуществовавшихъ качествъ, и если они получили бытіе не изъ предметовъ, потому что они не суть самые предметы, то необходимо признать, что они сотворены Богомъ изъ ничего. Посему, мнѣ кажется, ты напрасно утверждаешь, будто невозможно думать, что Богъ сотворилъ нѣчто изъ ничего. Таково и пусть будетъ рѣшеніе касательно этого. И между нами мы видимъ людей, которые дѣлаютъ нѣчто изъ ничего, хотя и кажется, что они дѣлаютъ изъ чего-нибудь. Такъ возьмемъ въ примѣръ строителей: они строятъ города не изъ городовъ и храмы не изъ храмовъ. Если ты думаешь, что они дѣлаютъ это не изъ ничего, такъ какъ основаніемъ для нихъ служатъ предметы, то ты ошибаешься. Ибо не предметъ строитъ городъ, или храмы, а искусство, прилагаемое къ предмету, которое не происходитъ отъ ка-

кого-нибудь готоваго искусства въ самыхъ предметахъ, а происходитъ отъ искусства, котораго нѣтъ въ нихъ. Но ты, кажется, можешь возразить на мое доказательство такъ, что художникъ создаетъ посредствомъ искуства, которое заключается въ предметѣ; а я лучше отвѣчу на это, что оно является въ человѣкѣ не изъ какого-нибудь готоваго искусства; ибо невозможно, чтобы предметъ самъ по себѣ давалъ искусство; такъ какъ оно есть одно изъ свойствъ и притомъ такихъ, которыя получаютъ бытіе тогда, когда они являются въ какомъ-нибудь предметѣ. Человѣкъ можетъ быть и безъ строительнаго искусства, а оно не можетъ быть, если прежде не будетъ человѣка. Посему необходимо признать, что искусства по природѣ своей таковы, что они являются у людей изъ ничего. Если же мы доказали, что такъ бываетъ у людей, то почему не свойственно Богу имѣть силу создавать изъ ничего не только качества, но и предметы? Если оказалось возможнымъ происходить чему-нибудь изъ ничего, то ясно, что и съ предметами бываетъ также. Впрочемъ, если ты желаешь знать о происхожденіи зла, то я обращу рѣчь къ этому, и кратко хочу спросить тебя: какъ тебѣ кажется, зло есть ли предметъ, или качество предмета?

Вал. Мнѣ кажется, хорошо будетъ сказать, что качество.

Правосл. А вещество было безкачественнымъ и безвиднымъ?

Вал. Такъ я прежде говорилъ въ своей рѣчи.

Правосл. Итакъ, если зло есть качество предмета, а вещество было безкачественно, качествъ же Творецъ по твоимъ словамъ есть Богъ, то Богъ будетъ Творцемъ и зла. Если же и такимъ образомъ невозможно не признать Бога виновникомъ зла, то, мнѣ кажется, напрасно и присоединять къ Нему вещество. Впрочемъ, если ты имѣешь что сказать на это, то скажи; если бы наше изслѣдованіе было по страсти къ словопренію, то я не просилъ бы тебя во второй разъ сдѣлать опредѣленіе зла; но такъ какъ мы болѣе по дружбѣ и желанію пользы ближнему ведемъ сло-

весное изслѣдованіе, то прошу сдѣлать одолженіе снова опредѣлить это.

Валент. Кажется, тебѣ весьма извѣстно мое намѣреніе и стараніе; я хочу не побѣдить, утверждая ложь, но показать истину послѣ тщательнаго изслѣдованія, и о тебѣ я точно знаю, что ты такого же расположенія; посему какимъ способомъ ты надѣешься отыскать истину, такой и употреби, нисколько не стѣсняясь; ибо, употребивъ наилучшій, ты принесешь пользу не только себѣ самому, но конечно и мнѣ касательно того, чего я не знаю.

Прав. Ты, кажется мнѣ, ясно выражаешь, что и зло есть нѣкоторый предметъ; ибо я не вижу его существующимъ внѣ предметовъ; итакъ, другъ, если по твоимъ словамъ и зло есть предметъ, то необходимо изслѣдовать понятіе о самомъ предметѣ (ѳσία). Какъ тебѣ кажется, не есть ли предметъ какой-нибудь тѣлесный составъ?

Вал. Кажется.

Прав. А самый тѣлесный составъ отъ себя ли самого существуетъ, не нуждаясь въ чемъ-либо, отъ чего онъ получаетъ бытіе?

Вал. Да.

Прав. А какъ тебѣ кажется, не есть ли зло дѣйствіе чего-нибудь?

Вал. Такъ мнѣ кажется.

Прав. А дѣйствія не тогда ли получаютъ бытіе, когда есть дѣйствующій?

Вал. Да.

Прав. А когда нѣтъ дѣйствующаго, то не будетъ и того, что онъ дѣлаетъ?

Вал. Не будетъ.

Прав. Итакъ, если предметъ есть нѣкоторый тѣлесный составъ, а этотъ не нуждается въ чемъ-либо, въ чемъ онъ находясь получалъ бы свое бытіе, зло же есть дѣйствіе чего-нибудь, а дѣйствія нуждаются въ чемъ-либо, въ чемъ они находясь получаютъ свое бытіе, то зло не будетъ предметомъ; такъ, если зло есть предметъ, а убійство есть зло, то убійство будетъ предметомъ; между тѣмъ убійство

есть дѣйствіе кого-нибудь, слѣдов. убійство не есть предметъ; если ты захочешь сказать, что дѣйствующее есть предметъ, то я согласенъ съ тобою; напр. человѣкоубійца, поколику онъ есть человѣкъ, есть предметъ, а убійство, которое онъ дѣлаетъ, не есть предметъ, а дѣйствіе предмета; и человѣка мы называемъ то злымъ за убійство, то напротивъ добрымъ за благодѣянія. Слѣдовательно эти названія приписываются предмету отъ случайныхъ принадлежностей его, которыя не есть онъ самъ; ибо предметъ не есть ни убійство, ни прелюбодѣяніе, ни какое-нибудь изъ подобныхъ золъ; но какъ грамматикъ называется такъ, отъ грамматики и риторъ отъ риторики и врачъ отъ врачеванія, тогда какъ самый этотъ предметъ не есть ни врачеваніе, ни риторика, ни грамматика, но отъ случайныхъ принадлежностей своихъ получаетъ названіе, по которымъ онъ такъ называется, не будучи ни которымъ изъ нихъ, такъ и отъ зла, мнѣ кажется, предметъ получаетъ названіе, не будучи самъ зломъ. Подобнымъ образомъ разсуждай, представляя въ умѣ и другаго кого-нибудь, служащаго причиною золъ для людей, что и онъ, поколику дѣйствуетъ и содѣйствуетъ имъ дѣлать зло, и самъ становится злымъ отъ дѣлъ своихъ; ибо потому и онъ называется злымъ, что онъ есть совершитель золъ; а то, что онъ совершаетъ, не есть онъ самъ, но это — дѣйствія его, отъ которыхъ онъ получаетъ названіе злаго. Ибо, если бы мы сказали, что самъ онъ есть то, что онъ совершаетъ, а онъ совершаетъ убійства и прелюбодѣянія и тому подобное, то онъ самъ и былъ бы этимъ. Если же онъ самъ есть это, а это имѣетъ бытіе тогда, когда совершается, когда же не совершается, то перестаетъ быть; между тѣмъ это происходитъ отъ людей; слѣдовательно люди суть совершители этого и виновники бытія и небытія всего этого. Это, какъ ты сказалъ, суть дѣйствія человѣка, по которымъ онъ дѣлается злымъ, а не по которымъ онъ становится предметомъ; и злымъ, какъ мы сказали, называется предметъ отъ принадлежностей своихъ, которыя не суть самый предметъ, какъ врачъ не отъ врачеванія; если же каждый бываетъ злымъ вслѣд-

ствіе того, что онъ совершаетъ, а совершаемое имъ получаетъ начало бытія, то и онъ началъ быть злымъ, и самое зло получило начало бытія. Если же такъ, то ни злой не существуетъ такимъ безначально, ни зло не есть что-нибудь несотворенное, потому что, какъ сказано, оно отъ него произошло.

Вален. другой [1]). Мнѣ кажется, другъ, что ты достаточно разсуждалъ съ другимъ. Изъ того, что онъ предварительно допустилъ въ рѣчи, кажется, ты хорошо вывелъ заключенія. Дѣйствительно, если вещество было безкачественно, а Богъ есть Творецъ качествъ, качества же суть зло, то Богъ будетъ Творцемъ зла. Объ этомъ сказано хорошо. Но мнѣ кажется ложнымъ называть вещество безкачественнымъ; ибо ни о какомъ предметѣ нельзя сказать, что онъ безкачественъ. Напротивъ, тѣмъ самымъ, что называешь его безкачественнымъ, ты утверждаешь, что у него есть качественность, опредѣляя, каково это вещество, что и составляетъ видъ качества. Посему, если тебѣ угодно, начни свою рѣчь снова; ибо мнѣ кажется, что вещество безначально имѣетъ качества. Такимъ образомъ и зло, по моему мнѣнію, изъ него проистекаетъ, такъ что Богъ не есть виновникъ золъ, но всѣхъ ихъ виновникъ — вещество.

Прав. Усердіе твое, другъ, я одобряю и тщательность твою въ словахъ хвалю; ибо каждому изъ желающихъ научиться по истинѣ слѣдуетъ не просто и какъ случится относиться къ словамъ, но тщательно обдумывать рѣчь. Иначе, если изслѣдующій неточнымъ опредѣленіемъ понятій подастъ поводъ собесѣднику выводить заключенія, какія онъ хочетъ, то это не убѣдитъ слушателя, но что ему покажется возможнымъ признать хорошимъ, то онъ и признаетъ; а изъ этого произойдетъ одно изъ двухъ: или слушающій совершенно легкомысленно склонится къ тому, что ему кажется, или будетъ обличать собесѣдника, какъ ска-

[1]) Съ этого мѣста разговора до конца въ изданіи Яна поставлено вмѣсто *Валентиніанина* слово ἑταῖρος — товарищъ, о которомъ сказано выше, такъ что весь разговоръ представляется происходящимъ между православнымъ и двумя послѣдователями Валентина.

:авшаго неправду. Ты, мнѣ кажется, неправильно сказалъ, что вещество безначально имѣло качества; ибо, если бы это было такъ, то чего же Богъ былъ бы Творцемъ? Если скажешь: предмета, то мы уже допустили, что онъ существовалъ прежде; если же качествъ, то теперь говоримъ, что и они существовали. И такъ, если существовали и предметъ и качества, то мнѣ кажется, напрасно называть Бога Творцемъ. Но отвѣть мнѣ на слѣдующій вопросъ: въ какомъ смыслѣ ты называешь Бога Творцемъ? — въ томъ ли, что Онъ обратилъ тѣ предметы, которые прежде существовали, въ небытіе, или въ томъ, что предметы Онъ сохранилъ, а измѣнилъ ихъ качества?

Вал. друг. Мнѣ кажется, что съ предметами измѣненія не произошло, а только съ качествами, по отношенію къ которымъ мы и называемъ Бога Творцемъ. Подобно тому, какъ если бы кто сказалъ, что домъ построенъ изъ камней, то отсюда нельзя было бы заключать, что камни, называясь домомъ, по своей сущности не остались камнями; ибо, я думаю, они стали домомъ по качеству ихъ сложенія. Такъ и Богъ, мнѣ кажется, произвелъ въ предметѣ, который между тѣмъ остался предметомъ, нѣкоторое измѣненіе, по которому я и говорю, что міръ получилъ бытіе отъ Бога.

Правосл. Если же, какъ ты говоришь, Богъ произвелъ нѣкоторое измѣненіе качествъ, то я намѣреваюсь кратко спросить тебя, а ты отвѣчай мнѣ о слѣдующемъ: скажи, какъ тебѣ кажется, есть ли зло качество предмета?

Валент. друг. Кажется.

Прав. Всегда ли это качество было въ веществѣ, или оно получило начало бытія?

Валент. друг. Я утверждаю, что это качество безначально было присуще веществу.

Прав. Но не говоришь ли ты, что Богъ произвелъ нѣкоторое измѣненіе качествъ?

Вал. друг. Я говорю это.

Прав. Къ лучшему или къ худшему?

Вал. друг. Мнѣ кажется, нужно сказать, что къ лучшему.

Прав. Итакъ, если зло есть качество вещества, а Богъ измѣнилъ качества его къ лучшему, то необходимо спросить: откуда же зло? Качества не остались такими, какими они были по своей природѣ; если же эти качества прежде не были злыми по своей природѣ, а только отъ измѣненія Богомъ качества, вещества сдѣлались такими, какъ ты говоришь, то Богъ будетъ виновникомъ зла, измѣнивъ качества, небывшія прежде злыми, въ злыя; или ты думаешь, что злыя качества Богъ не измѣнилъ къ лучшему, а только остальныя, которыя были безразличными, измѣнены Богомъ для благоустроенія міра?

Вал. друг. Я давно такъ думалъ.

Прав. Почему же ты говоришь, что Онъ оставилъ злыя качества такъ, какъ они были? Могъ ли Онъ уничтожить ихъ, или не могъ, хотя и желалъ? Если скажешь, что могъ, но не желалъ, то Онъ самъ виновникъ ихъ; потому что могъ сдѣлать, чтобы не было зла, и однако допустилъ ему остаться такъ, какъ было, и особенно когда Онъ сталъ устроять вещество. Если бы Онъ совершенно не имѣлъ никакихъ намѣреній относительно вещества, то не былъ-бы виновникомъ того, чему допустилъ остаться; но такъ какъ нѣкоторую часть вещества Онъ устрояетъ, а нѣкоторую часть предоставляетъ самой себѣ, хотя могъ и ее измѣнить къ лучшему, то Онъ, оставивъ часть вещества злою, мнѣ кажется, есть виновникъ зла. Такимъ образомъ Онъ устроялъ съ ущербомъ для одной части; или лучше, чрезъ это Онъ, мнѣ кажется, допустилъ несправедливость по отношенію и къ той части вещества, которую Онъ устроилъ, такъ какъ она стала получать вліяніе отъ зла. Ибо, прежде нежели она была устроена, ей не было присуще ощущеніе зла, а теперь каждая изъ частей вещества ощущаетъ зло. Возьмемъ примѣръ съ человѣка: прежде, нежели было сотворено это живое существо, оно не чувствовало зла; но съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ созданъ отъ Бога по подобію (Его), онъ получаетъ и ощущеніе приближающагося зла. Такимъ образомъ и то, что по твоимъ словамъ произошло отъ Бога ко благу вещества, оказывается пришедшимъ

болѣе ко вреду его. — Если же ты скажешь, что Богъ потому не прекратилъ зла, что не могъ уничтожить его, то скажешь, что Богъ немогущъ; а немогущество бываетъ или отъ природной слабости, или отъ того, что порабощенный поражается страхомъ предъ кѣмъ-нибудь высшимъ. Когда же ты осмѣлишься сказать, что Богъ слабъ по природѣ, то ты, мнѣ кажется, подвергаешь опасности самое спасеніе; а если отъ пораженія страхомъ предъ высшимъ, то зло будетъ выше Бога, какъ преодолѣвающее желанія Его воли, что сказать о Богѣ, кажется мнѣ, нелѣпо; иначе почему лучше не быть Богомъ тому, что по твоимъ словамъ можетъ преодолѣвать Бога, если мы называемъ Богомъ то, что имѣетъ власть надъ всѣмъ?— Впрочемъ, я хочу спросить тебя кратко и о самомъ веществѣ; скажи мнѣ, простое это вещество или сложное? Ибо разнообразіе существующаго приводитъ меня къ изслѣдованію объ этомъ предметѣ. Если вещество было простое и однообразное, а міръ сложенъ и состоитъ изъ различныхъ сущностей и смѣсей, то нельзя говорить, что онъ произошелъ изъ вещества, потому что сложное не можетъ составиться изъ одного безкачественнаго; сложное указываетъ на смѣшеніе нѣсколькихъ простыхъ. Если же наоборотъ, ты назовешь вещество сложнымъ, то конечно скажешь, что оно сложено изъ нѣсколькихъ простыхъ; а если оно сложено изъ простыхъ, то были нѣкогда простыя сами по себѣ, отъ сложенія которыхъ произошло вещество, изъ чего оно и оказывается сотвореннымъ. Ибо если вещество сложно, а сложное составляется изъ простыхъ, то было нѣкогда время, когда вещества не было, а между тѣмъ никогда не было времени, когда бы не существовало несотворенное, слѣдов. вещество не есть нѣчто несотворенное; иначе отсюда слѣдовало бы, что есть много несотворенныхъ. Если былъ Богъ несотворенный, и были несотворенныя простыя, изъ которыхъ сложилось вещество, то несотворенныхъ будетъ не два только. Я не буду изслѣдовать, что такое эти простыя, вещество или форма? Ибо и отсюда можно было бы вывести много нелѣпыхъ заключеній. Но какъ тебѣ кажется,

точно ли ничто изъ существующаго не противоположно самому себѣ?

Вал. др. Кажется.

Прав. Но огню противоположна вода?

Вал. др. Мнѣ кажется противоположна.

Прав. Равнымъ образомъ и свѣту—тьма, и холодному—теплое, также и сухому—влажное?

Вал. др. Мнѣ кажется, такъ.

Прав. Итакъ, если ничто изъ существующаго не противоположно самому себѣ, то они не будутъ ни однимъ веществомъ, ни происходить изъ одного вещества. Еще я хочу спросить тебя о подобномъ этому; какъ тебѣ кажется, части (одного цѣлаго) не уничтожаютъ другъ друга?

Вал. др. Кажется.

Прав. А огонь, и вода и прочее суть ли части вещества?

Вал. др. Да.

Прав. А что, какъ тебѣ кажется, вода не уничтожаетъ ли огонь и свѣтъ—тьму, и прочее, тому подобное?

Вал. др. Кажется.

Прав. Итакъ, если части (одного цѣлаго) не уничтожаютъ другъ друга, а части вещества уничтожаютъ другъ друга, то онѣ не будутъ частями другъ друга. Если же онѣ не части другъ друга, то онѣ не будутъ принадлежать одному веществу. Даже онѣ не будутъ веществомъ; потому что ничто изъ существующаго не уничтожаетъ самого себя по понятію о противоположномъ; ибо ничто не противоположно самому себѣ; противоположное же обыкновенно противополагается другому; напр. бѣлое не противоположно самому себѣ, но оно называется противоположнымъ черному; также и свѣтъ не оказывается противоположнымъ самому себѣ, но относится такъ къ тьмѣ, и многое другое подобное. Итакъ, если бы было какое-нибудь одно вещество, то оно не было бы противоположно самому себѣ; а такъ какъ противоположные предметы существуютъ, то оказывается, что вещества нѣтъ.—Впрочемъ о веществѣ довольно. Нужно приступить къ изслѣдованію о злѣ и необходимо разсмотрѣть его между людьми. Зло между людьми—виды этого

зла или части? Если виды, то кромѣ ихъ не будетъ другаго зла самого въ себѣ, потому что роды являются и существуютъ въ видахъ. Если же такъ, то зло будетъ сотвореннымъ; ибо виды (его) оказываются творимыми, напр. убійство и прелюбодѣяніе и тому подобное. Если же ты захочешь считать ихъ за части какого-то зла, а эти части сотворены, то по необходимости и оно сотворено; ибо то, чего части сотворены, по необходимости также сотворено, такъ какъ цѣлое состоитъ изъ частей. Не будетъ и цѣлаго, если нѣтъ частей; а изъ частей нѣкоторыя могутъ быть, хотя бы цѣлаго и не было. Но нѣтъ ничего изъ существующаго, чего одна часть была бы сотворена, а другая не сотворена. Если бы я допустилъ и это въ своей рѣчи, то значило бы, что было нѣкогда зло, когда оно еще не было цѣлымъ, т. е., прежде нежели Богъ создалъ вещество. Цѣлымъ же оно становится тогда, когда сотворенъ Богомъ человѣкъ; ибо человѣкъ есть виновникъ частей зла. А отсюда Богъ, сотворившій (человѣка), будетъ виновникомъ того, что стало существовать цѣлое зло; а это нечестиво.— Если же ты скажешь, что зло не есть ни то, ни другое, а назовешь такъ совершеніе чего нибудь злаго, то этимъ покажешь, что оно есть нѣчто сотворенное: ибо совершеніе чего-нибудь имѣетъ начало бытія. Притомъ ты не можешь указать никакого другаго зла, кромѣ этого. Какое другое злое дѣйствіе помимо совершающагося между людьми ты можешь указать? А что совершающій (зло) не есть самъ зло по своей сущности, но (бываетъ злымъ) вслѣдствіе самаго совершенія зла, это уже доказано. Ничто не есть зло по природѣ, но злое становится злымъ по употребленію.

Что люди сотворены злыми отъ Бога, этого, мнѣ кажется, сказать нельзя; но я говорю, что первый человѣкъ сотворенъ самовластнымъ, т. е. свободнымъ, отъ чего и преемники рода наслѣдовали такую же свободу. Итакъ, я утверждаю, что человѣкъ сотворенъ свободнымъ, а не хочу (назвать) его рабствующимъ; это, по моему мнѣнію, есть самое лучшее, что даровано ему отъ Бога. Ибо всѣ прочія

(твари) по необходимости повинуются Божественному повелѣнію, и ни которая изъ нихъ не можетъ дѣлать чего-нибудь другаго, кромѣ того, для чего она сотворена; посему мы и не восхваляемъ ихъ, повинующихся Господу такимъ образомъ, и нѣтъ для нихъ никакой высшей надежды, потому что онѣ невольно исполняютъ повелѣнное; а человѣкъ хочетъ убѣждаться умомъ; ибо человѣкъ получилъ власть, безъ принужденія необходимостію природы и безъ насилія, подчиняться тому, что для него лучше; для этого, по моему мнѣнію, онъ и одаренъ (такою властію), т. е., чтобы онъ могъ получить нѣчто больше того, чѣмъ владѣетъ, что прибавляется ему за послушаніе отъ высшаго (Существа) и что требуется какъ долгъ отъ Создателя. Ибо человѣкъ, говорю я, сотворенъ не для погибели, а для лучшаго. Если бы онъ былъ сотворенъ подобно какой-нибудь изъ стихій, или тварей такимъ же образомъ служащихъ Богу, то онъ не получалъ бы награды достойной хотѣнія, но былъ бы какъ орудіемъ Создателя, и не основательно было бы укорять его за дурныя дѣла его; потому-что виновникомъ ихъ былъ бы пользующійся имъ (какъ орудіемъ). Даже человѣкъ и не зналъ бы лучшаго, не зная Виновника, а только то, для чего онъ существовалъ бы по природѣ. Итакъ, по моему мнѣнію, Богъ далъ человѣку способность дѣлать то, что онъ хочетъ, вознамѣрившись почтить его такимъ образомъ и сдѣлать знающимъ лучшее, и склоняетъ его способность къ лучшему, также не отнимая свободы, но желая указать лучшее. Ибо эта возможность остается при немъ, и заповѣдь онъ получаетъ; а Богъ (только) увѣщеваетъ обратить свободную способность къ лучшему. Какъ отецъ увѣщеваетъ сына, имѣющаго свободную способность учиться наукамъ, еще болѣе заниматься науками, чѣмъ указываетъ на это лучшее, а не отнимаетъ у сына свободной способности, хотя бы онъ неохотно хотѣлъ учиться; такъ, мнѣ кажется, и Богъ, побуждая человѣка повиноваться повелѣніямъ, не отнимаетъ у него власти свободной способности, по которой онъ можетъ и не слушаться этихъ повелѣній. И причина такого побужденія по-

казываетъ, что Онъ не отнимаетъ этой власти. Онъ даетъ повелѣнія для того, чтобы человѣкъ могъ наслаждаться лучшимъ; ибо это слѣдуетъ за повиновеніемъ повелѣнію Божію. Такимъ образомъ Онъ благоволитъ давать повелѣнія не для того, чтобы отнять власть, которую самъ далъ, но чтобы доставить лучшее (человѣку), какъ достойному получить большее за послушаніе Богу, тогда какъ онъ имѣлъ власть и не послушаться. Я утверждаю, что человѣкъ сотворенъ самовластнымъ, не такъ, какъ будто бы напередъ существовало какое-то зло, которое избирать человѣкъ получилъ власть, если захочетъ, но (получилъ) только одну способность, служащую причиною послушанія Богу или непослушанія. Ибо въ этомъ состояла свобода воли. Между тѣмъ сотворенный человѣкъ получаетъ отъ Бога заповѣдь; и отсюда уже начинается зло; ибо онъ не повинуется Божественному повелѣнію; и только это и есть зло,—преслушаніе, которое тогда получило бытіе. Слѣдовательно никто не можетъ назвать его несотвореннымъ, когда совершившій его сотворенъ. Но конечно ты спросишь: откуда же это преслушаніе? Объ этомъ ясно изложено въ Божественномъ Писаніи. Посему я и не утверждаю, что человѣкъ такимъ сотворенъ отъ Бога, но говорю, что онъ подвергся этому по нѣкоторому наущенію. Ибо человѣкъ не получилъ такой природы; иначе, если бы онъ былъ такимъ, этого не случилось бы съ нимъ по наущенію, потому что такова была бы его природа. А нѣкто Божественнымъ голосомъ говоритъ, что человѣкъ *научился* злу (Іерем. XIII, 23). Итакъ, я говорю, что онъ научился не повиноваться Богу. Только это и есть зло, что бываетъ противъ воли Божіей; а человѣкъ научается злу не самъ по себѣ. Научающій злу есть драконъ...

Итакъ я сказалъ, что начало зла есть зависть; а зависть отъ того, что человѣкъ удостоился отъ Бога высшей чести; зло же есть преслушаніе заповѣди Божіей.

б) О Воскресеніи.

(Противъ Оригена) [1].

Глава I.

Основываясь на этомъ [2]) болѣе простые изъ увѣровавшихъ думаютъ, (говоритъ Оригенъ), что нечестивые не получатъ воскресенія, между тѣмъ не высказываютъ ясно, что́ они разумѣютъ подъ воскресеніемъ и какой воображаютъ судъ. А если повидимому и выражаютъ свои мысли объ этомъ, то изобличитъ ихъ изслѣдованіе, такъ какъ они не могутъ усвоить этого въ послѣдовательномъ порядкѣ. Если мы спрашиваемъ ихъ, что воскреснетъ; они отвѣчаютъ: тѣла, которыми мы теперь облечены. Потомъ — если мы спросимъ ихъ еще; въ полномъ ли существѣ воскреснутъ, или нѣтъ, — они, не изслѣдовавъ, говорятъ: въ полномъ. А когда мы, примѣняясь къ ихъ простотѣ, выразимъ недоумѣніе: ужели вмѣстѣ съ тѣломъ воскреснетъ и кровь, истекшая при разсѣченіи жилъ, и мясистыя части, и волосы, когда-нибудь бывшіе у насъ, или тѣ одни, которые выпали при кончинѣ,—они ссылаются на то, что Богъ можетъ дѣлать, что хочетъ. А болѣе рѣшительные изъ нихъ, чтобы избѣжать необходимости составлять въ умѣ соображенія о той самой крови, которой много разъ случалось выдѣляться изъ нашихъ тѣлъ, говорятъ, что воскреснетъ наше тѣло такимъ, какимъ было при концѣ жизни. Противъ этого мы высказывали сомнѣніе по той причинѣ, что естество измѣнчиво, что какъ въ наше тѣло поступаютъ снѣди и измѣняютъ свой видъ, такъ и наши тѣла измѣняются, и въ плотоядныхъ птицахъ и звѣряхъ становятся частями ихъ тѣлъ; эти опять измѣ-

[1]) Слѣдующія 51 глава сохранились у св. Епифанія Кипрскаго (Haeres. LXIV), который говоритъ, что онъ извлекъ это буквально изъ слова Меѳодія о воскресеніи.

[2]) Т. е. на словахъ Псалма 1: *„не воскреснутъ нечестивіи на судѣ“*. Извлеченіе начинается сокращеннымъ изложеніемъ мнѣній Оригеновыхъ.

няются, будучи съѣдаемы людьми, или другими животными, и становятся тѣлами людей или другихъ животныхъ. И такъ какъ это повторяется многократно, то необходимо допустить, что одно и тоже тѣло много разъ бываетъ частію многихъ людей. Чьимъ же тѣломъ оно будетъ при воскресеніи? Такимъ образомъ намъ придется впасть въ бездну безразсуднаго пустословія.

Глава II.

И послѣ всѣхъ этихъ недоумѣній, они [1]) обращаются къ тому, что для Бога все возможно, и приводятъ изреченія Священнаго Писанія, которыя, по ближайшему своему смыслу, могутъ подтверждать ихъ мнѣніе. Таково мѣсто изъ пророка Іезекіиля: *была на мнѣ рука Господа и Господь вывелъ меня духомъ, и поставилъ меня среди поля, и оно было полно костей (человѣческихъ), и обвелъ меня кругомъ около нихъ, и вотъ весьма много ихъ на поверхности поля, и вотъ онѣ весьма сухи. И сказалъ мнѣ: сынъ человѣческій! оживутъ ли кости сіи? Я сказалъ: Господи Боже! Ты знаешь это. И сказалъ мнѣ: изреки пророчество на кости сіи, и скажи имъ: „кости сухія! слушайте слово Господне!“ Такъ говоритъ Господь Богъ костямъ симъ: вотъ Я введу духъ въ васъ и оживете, и обложу васъ жилами, и выращу на васъ плоть; и покрою васъ кожею, и введу въ васъ духъ (мой) и оживете и помѣщу васъ на землѣ вашей, и узнаете, что Я Господь* (Іезек. XXXVII, 1). Этимъ изреченіемъ пользуются они, какъ наиболѣе убѣдительнымъ. Приводятъ и другія изреченія, Евангельскія, напримѣръ: *тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ* (Мат. VIII, 12); и еще: *а бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ геенну* (Мат. X, 28); и изъ посланій Павла: *оживитъ и ваши смертныя тѣла Духомъ своимъ, живущимъ въ васъ* (Рим. VIII, 11).

Глава III.

Всякій любящій истину долженъ, остановившись на этомъ мыслію, подвизаться за истину воскресенія, сохранить

[1]) Т. е. простые изъ увѣровавшихъ, о которыхъ сказано выше.

преданіе древнихъ и предостеречься отъ опасности впасть въ пустоту жалкихъ мыслей, и невозможныхъ и Бога недостойныхъ. По отношенію къ тому мѣсту [1]) должно такъ разсуждать: всякое тѣло, поддерживаемое природою, которая для питанія вводитъ въ него нѣчто отвнѣ и вмѣсто введеннаго выдѣляетъ другое,— какъ вы, напримѣръ, растенія или животныхъ,—никогда не остается одинаковымъ въ матеріальномъ отношеніи. Поэтому тѣло не дурно названо рѣкою: такъ какъ, при тщательномъ разсмотрѣніи, можетъ быть, даже въ продолженіе двухъ дней первоначальное вещество не остается тѣмъ же въ нашемъ тѣлѣ. Однако, напримѣръ, Павелъ или Петръ, всегда остаются одинаковыми не по душѣ только, сущность которой не растекается въ насъ и не получаетъ текучаго, хотя естество тѣла и измѣняемо, но у нихъ остается тотъ же самый видъ, характеризующій тѣло, такъ что однѣми и тѣми же остаются и формы, представляющія тѣлесную качественность Петра и Павла. Вслѣдствіе этихъ качествъ отъ дѣтства остаются на тѣлахъ рубцы и другіе знаки, напр. веснушки и другое тому подобное. Эта форма, по которой отличаются другъ отъ друга Павелъ и Петръ, есть тѣлесная, и она во время воскресенія опять будетъ окружать душу, перемѣнившись въ лучшую и образовавшись совершенно уже не по прежнему. И какъ форма остается отъ младенчества до старости, хотя черты повидимому получаютъ большое измѣненіе: такъ и относительно теперешняго вида тѣла должно думать, что онъ одинаковъ съ будущимъ, хотя и будетъ весьма большое измѣненіе къ лучшему. Душѣ, пребывающей въ мѣстахъ тѣлесныхъ, необходимо имѣть тѣло, соотвѣтствующее мѣстопребыванію. И какъ, если бы намъ нужно было сдѣлаться водяными животными и жить въ морѣ, то намъ нужно было бы имѣть жабры и другое устройство рыбье: такъ и тѣмъ, которые имѣютъ наслѣдовать царство небесное и будутъ въ различныхъ мѣстахъ, необходимо имѣть тѣла духовныя, впрочемъ не такія, чтобы видъ прежняго тѣла уничтожился, но чтобы

[1]) Т. е. къ вышеизложенному недоумѣнію Оригена.

послѣдовало измѣненіе его въ болѣе славное, подобно тому, какъ видъ Іисуса, Моусея и Иліи не сдѣлался, во время преображенія, инаковымъ противъ того, какимъ онъ былъ.

Глава IV.

Поэтому не смущайся, если кто скажетъ, будто первоначальное вещество тѣла въ то время не будетъ такимъ же, такъ какъ разумъ показываетъ способнымъ разумѣть, что и теперь, даже въ продолженіе двухъ дней, не можетъ оставаться одинаковымъ прежнее вещество тѣла. Слѣдуетъ остановить вниманіе и на томъ, что иное сѣется, а иное востаетъ: *сѣется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное* (1 Кор. XV, 44). Къ этому Апостолъ присовокупляетъ ученіе, что мы имѣемъ, такъ сказать, сложить съ себя земныя качества, тогда какъ видъ тѣла сохранится во время воскресенія: *но то скажу вамъ, братія, что плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія, и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія* (ст. 50). Можетъ быть святого человѣка, охраняемаго Богомъ, создавшимъ нѣкогда плоть, будетъ окружать уже не плоть, но что нѣкогда отпечатлѣвалось во плоти, то и будетъ отпечатлѣно въ тѣлѣ духовномъ. И въ чемъ братія наши ссылаются на изреченіи Писанія, о томъ также нужно сказать; и прежде всего о словахъ у Іезекіиля. Такъ какъ на нихъ хотятъ утверждаться простѣйшіе, то, по буквальному ихъ смыслу, не будетъ и воскресенія плоти, а только воскресеніе костей, кожи и жилъ. Вмѣстѣ и то нужно показать имъ, что они увлекаются, не уразумѣвъ написаннаго; ибо не вездѣ, гдѣ говорится о костяхъ, подъ именемъ костей должно разумѣть именно эти кости, какъ напримѣръ въ слѣдующихъ мѣстахъ: *сыплются кости наши въ челюсти преисподней* (Пс. CXL, 7); *всѣ кости мои разсыпались* (Пс. XXI, 15); и еще: *исцѣли меня, Господи, ибо кости мои потрясены* (Псал. VI, 3). Очевидно, что здѣсь говорится о костяхъ не въ общепринятомъ значеніи. Указываютъ на слова пророка: *они говорятъ: изсохли кости наши* (Іезек. XXXVII, 11). Но ужели потому говорятъ они (Іудеи): *изсохли кости наши,*

что желаютъ воскреснуть, когда будутъ собраны вмѣстѣ? Это невозможно. Сказать: *изсохли кости наши* — они могли бы, какъ бывшіе въ плѣну и потерявшіе всякую жизненность. Поэтому они присовокупляютъ: *и погибла надежда наша, мы оторваны отъ корня.* И такъ это есть обѣтованіе возстанія народа отъ паденія и какъ бы смерти, которою умерли они за грѣхи, бывъ преданы врагамъ. И грѣшники отъ Спасителя называются *гробами полными костей мертвыхъ и всякой нечистоты* (Мѳ. XXIII, 27).—Богу подобаетъ отверзть гробъ каждаго и вывести изъ гробовъ насъ оживотворенными, такъ же, какъ Спаситель извёлъ вонъ Лазаря.

Глава V.

Что же касается до словъ: *тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ,*—то имъ должно сказать, что, какъ всякій членъ Создатель устроилъ для какого-либо употребленія въ сей жизни, такъ и зубы устроены для раздробленія твердой пищи. Какая же нужда въ зубахъ для подвергаемыхъ мученію? Находящіеся въ геенѣ не будутъ ѣсть ими. И еще нужно показать, что не все должно принимать буквально. Говорится: *сокрушаешь зубы нечестивыхъ* (Пс. III, 8); и еще: *разбей, Господи, челюсти львовъ* (Пс. LVII, 7). Кто же будетъ такъ безразсуденъ, чтобы предполагать, будто Богъ, не касаясь тѣла грѣшниковъ, сокрушитъ только зубы ихъ? А если желавшій понимать ихъ такъ, необходимо долженъ будетъ склониться къ смыслу аллегорическому; то нужно допустить такое изъясненіе и относительно скрежета зубовъ у подвергаемыхъ мученію. Имѣетъ ли душа способность двигать челюсти, чтобы она во время обличенія за грѣхи, на которые она склонилась мыслію, могла скрежетать зубами, подобно какъ бываетъ при столкновеніи зубовъ? А изреченіе: *бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ геенну* (Матѳ. X, 24), можетъ быть, указываетъ на то, что душа безтѣлесна, а можетъ быть показываетъ и то, что она безъ тѣла не будетъ мучиться, о чёмъ сказали мы въ физіологическомъ изслѣдованіи „о видѣ и пер-

ной сущности". И сказанное у Апостола: *оживитъ и ваши смертныя тѣла Духомъ своимъ, живущимъ въ васъ*, можетъ, — такъ какъ тѣло наше смертно и непричастно истинной жизни, — означать то, что тѣлесный видъ, о которомъ мы сказали, по естеству смертенъ, а когда явится Христосъ, *жизнь наша* (Кол. III, 4), то и онъ изъ состоянія смертнаго тѣла перемѣнится въ оживотворенное, такъ что силою Духа животворящаго онъ содѣлается духовнымъ. Равнымъ образомъ слова: *но скажетъ кто-нибудь, какъ воскреснутъ мертвые и въ какомъ тѣлѣ прійдутъ?* (1 Кор. XV, 35) ясно показываютъ, что прежнее существо тѣла не востанетъ. Ибо, если хорошо поняли мы тотъ примѣръ (о сѣмени), то надобно сказать, что сила сѣмени въ зернѣ пшеницы, овладѣвъ окружающимъ веществомъ, проникнувъ его всецѣло, вкоренившись въ самомъ составѣ его, придаетъ силы, какія имѣетъ, тому, что прежде было землею, водою, воздухомъ и огнемъ, и, преодолѣвъ ихъ качества, измѣняетъ ихъ въ то самое, котораго само бываетъ производителемъ, и такимъ образомъ наполняется колосъ, который чрезвычайно отличается отъ первоначальнаго зерна величиною, видомъ и разнообразіемъ.

Глава VI [1]).

Вотъ — (сказалъ Проклъ), — въ сокращеніи все, что высказалъ Оригенъ, занимаясь разсужденіемъ о воскресеніи и доказывая свои мысли разными умозрѣніями. Ты же внимательно разсмотри и то, что слѣдуетъ за этимъ. Остается къ сказанному присоединить еще свидѣтельства изъ Писаній, дабы рѣчь, подобно статуѣ, имѣя всѣ части въ соразмѣрности, была обработана вся вполнѣ и не имѣла недостатка ни въ чемъ, относящемся до ея формы и красоты. И такъ надобно сказать, насколько согласуются съ

[1]) Главы 6 и 7 составляютъ особую „рѣчь Прокла" въ извлеченіи у Св. Епифанія изъ Меѳодія. Объясненіе этого заключается въ томъ, что въ словѣ св. Меѳодія о воскресеніи представляются бесѣдующими между собою: Аглаофонъ, Проклъ, Авксентій и самъ Меѳодій; и изъ нихъ Проклъ въ вопросѣ о воскресеніи держитъ сторону Оригена.

этимъ Писанія, руководствующія человѣка къ совершенству лучшей жизни. Если кто можетъ, не искажая подлинника строго разсуждать, тотъ узнаетъ, что воскресеніе должно понимать въ отношеніи не къ этому тѣлу, такъ какъ оно не можетъ оставаться неизмѣннымъ въ продолженіе вѣковъ, а въ отношеніи къ тѣлу духовному, въ которомъ будетъ сохраняться тоже отличительное свойство, какое въ немъ выражается и нынѣ, такъ что каждый изъ насъ и по внѣшнему виду будетъ однимъ и тѣмъ же, какъ это сказано и у Оригена. Ибо онъ полагаетъ, что таково будетъ воскресеніе: такъ какъ вещественное тѣло перемѣнчиво, и никогда, даже на короткое время, не остается въ одинаковомъ положеніи, но прибавляется и убавляется во внѣшнемъ видѣ, отличающемъ человѣка, отъ чего зависитъ и самый обликъ его; то по необходимости, говоритъ, должно предполагать, что воскресеніе касается только одного вида человѣка. И дабы ты не сказалъ: не понимаю, — ибо онъ темно это изложилъ,—то я здѣсь яснѣе раскрою тебѣ смыслъ этихъ словъ. Ты, конечно, видалъ кожу животнаго (мѣхъ) или другое, что подобное, наполненное водою; если, выпустивъ изъ него воду, снова по немногу наполнять, то онъ всегда представляетъ одинъ и тотъ-же видъ; потому, что каково содержащее, таковъ видъ необходимо принимаетъ и то, что внутри его. Представь же себѣ теперь: если, когда выливается вода, будетъ кто-нибудь прибавлять столько, сколько выливается, не допуская мѣху совершенно остаться безъ воды, то прибавляемое, хотя и не таково, по необходимости является такимъ, каково все прочее; потому что во время убавленія и прибавленія воды содержащее есть одно и тоже. И такъ кто захочетъ уподобить этому тѣло, тотъ не постыдится. Ибо такимъ же образомъ и пища, принимаемая въ замѣнъ изверженныхъ веществъ, перемѣняется въ образъ содержащаго вида. Такъ, что разойдется по глазамъ, становится сходнымъ съ глазами, что по лицу, то съ лицомъ, и что по другимъ частямъ, то имъ уподобляется; отъ этого каждый представляется однимъ и тѣмъ же, хотя первоначаль-

ное вещество тѣла не остается въ томъ же положеніи, но только видъ, сообразно съ которымъ формируется привходящее въ тѣло. И такъ, если мы даже въ теченіе немногихъ дней не бываемъ одними и тѣми же относительно тѣла, а только по виду, который имѣетъ тѣло, такъ какъ онъ одинъ остается въ насъ отъ рожденія; то тѣмъ болѣе въ то время мы не будемъ тѣми же по плоти, но только по виду, который и теперь всегда сохраняется въ насъ и пребываетъ неизмѣннымъ. Ибо что тамъ кожа (мѣха), то здѣсь видъ, и что въ приведенномъ сравненіи вода, то здѣсь прибавленіе и убавленіе (вещества). Посему, какъ теперь, хотя тѣло не остается однимъ и тѣмъ же, но внѣшнія черты по виду сохраняются однѣми и тѣми же: такъ и тогда, хотя тѣло будетъ не тоже самое, но видъ, возвышенный въ болѣе славное состояніе, окажется уже не въ тлѣнномъ тѣлѣ, но въ безстрастномъ и духовномъ, каково напримѣръ было тѣло Іисуса во время преображенія, когда Онъ взошелъ на гору съ Петромъ, Моисеемъ и Иліею, явившимися Ему.

Глава VII.

И объ этомъ довольно разсуждать; потому что таковъ вкратцѣ смыслъ ученія Оригенова. Если же кто изъ сомнѣвающихся, указавъ на тѣло Христово,— такъ какъ Христосъ называется *первенецъ изъ умершихъ* (Апок. I, 5. 1 Кор. XV, 20),— скажетъ, что какъ Онъ воскресъ, такъ надобно полагать и о всѣхъ, что они воскреснутъ подобно Ему; *ибо, если Іисусъ воскресъ, то и умершихъ въ Іисусѣ Богъ приведетъ съ Нимъ* (Сол. IV, 14); а тѣло Іисуса воскресло съ тою же плотію и костями, какія Онъ имѣлъ, какъ убѣдился въ томъ и Ѳома; то на это мы скажемъ: тѣло Христово было *не отъ хотѣнія мужа* (Іоан. I, 13), не *отъ сладжденія, соединеннаго со сномъ* (Прем. VII, 2), *не въ беззаконіи зачатое и во грѣхѣ рожденное* (Псал. L, 7), но отъ *Духа Святаго и силы Всевышняго* (Лук. I, 34) и отъ Дѣвы; тогда какъ твое тѣло есть сонъ, услажденіе и скверна. Посему и пре-

мудрый Сирахъ говоритъ: *когда же человѣкъ умретъ, то наслѣдіемъ его становятся пресмыкающіеся, звѣри и черви* (Сир. X, 13); также въ 87-мъ псалмѣ говорится: *развѣ надъ мертвыми Ты сотворишь чудо? Развѣ мертвые встанутъ и будутъ славить Тебя? Или во гробѣ будетъ возвѣщаема милость Твоя, и истина Твоя въ мѣстѣ тлѣнія? Развѣ во мракѣ познаютъ чудеса Твои и въ землѣ забвенія правду Твою?* (ст. 11—13). Есть и другія такого рода изреченія, которыя желающій можетъ выбрать изъ Писаній, чтобы намъ, приведши ихъ всѣ во множествѣ, не увеличить слова слишкомъ много.

Глава VIII [1]).

И такъ, когда Проклъ съ трудомъ окончилъ рѣчь и долго молчали присутствующіе, довольно увлекаемые къ невѣрію; когда я замѣтилъ, что онъ дѣйствительно окончилъ, то, приподнявъ слегка голову и собравшись съ духомъ, какъ бываетъ съ плывущими, когда уже утихаетъ буря, но еще находясь въ страхѣ и смущеніи — (ибо я, такъ сказать вамъ, былъ пораженъ и подавленъ важностію тѣхъ словъ),— я обратился къ Авксентію, и, назвавъ его, сказалъ: Авксентій! я думаю, что не напрасно сказано у поэта: „когда двое идутъ вмѣстѣ“ и пр. [2]). Ибо два у насъ противника, поэтому мы должны выдержать силу обоихъ. Я избираю тебя помощникомъ и сотрудникомъ въ спорѣ съ ними, дабы Аглаофонъ съ Прокломъ и Оригеномъ, вооружившись противъ насъ разрушительными доказательствами, не ниспровергъ воскресенія. Выступимъ же противъ ихъ софизмовъ, нисколько не страшась ихъ возраженій, которыми они нападаютъ на людей робкихъ. Ибо ничего у нихъ нѣтъ вполнѣ здраваго и основательнаго, но одинъ красивый наборъ словъ, подготовленный для пораженія и убѣжденія слушателей, не ради истины и пользы, но дабы показаться, присутствующимъ, мудрыми въ словѣ. Отъ этого рѣчи, вытекающія изъ вѣроятностей и разукра-

[1]) Отсюда опять начинается рѣчь самого Меѳодія.

[2]) Иліад. X, 224.

щенныя для вида и удовольствія, иногда у простыхъ людей считаются гораздо лучшими тѣхъ, которыя направлены къ точному изслѣдованію истины. Сами учители ревнуютъ уже не о томъ, что́ лучше и что́ достойно уваженія, но о томъ, чтобы понравиться и доставить удовольствіе, какъ поступаютъ софисты, которые берутъ плату за рѣчи, дешево продавая похвалы мудрости. Въ прежнія времена, рѣшительно употреблялась краткость въ изъясненіи, потому что старались не о томъ, чтобы доставить удовольствіе, а пользу присутствующимъ. Впослѣдствіи, когда изъяснять Писанія стало безъ всякаго затрудненія дозволеннымъ для всѣхъ, и всѣ, исполнившись самомнѣнія, сдѣлались тупы къ дѣланію добра, а начали преуспѣвать въ краснорѣчіи, величаясь, будто они способны знать все; когда стали почитать за стыдъ—сознаться, что имъ нужно еще учиться, а болѣе спорили и выступали впередъ, какъ учители: тогда произошло то, что, возъимѣвъ дерзость, уклонились отъ благоговѣнія и кротости и отъ вѣры, что Богъ все можетъ сдѣлать, какъ обѣщалъ, а обратились къ пустымъ спорамъ и богохульствамъ, не помысливъ о томъ, что не дѣла нуждаются въ словахъ, а слова — въ дѣлахъ, какъ бываетъ въ врачебномъ искусствѣ, гдѣ слова, отъ которыхъ больные должны получить исцѣленіе, подтверждаются дѣлами. Нужно, чтобы, при единомыслiи между нами, умъ нашъ былъ въ согласіи съ отборными словами, а нравы—съ языкомъ, подобно лирѣ, и не было бы ничего грубаго и нестройнаго. Ибо для того, чтобы намъ пріобрѣсти способность подвизаться за истину, а не казаться только такими, должно упражняться въ справедливости, и не идти хромая, по пути мудрости, заботясь болѣе о славѣ, нежели объ истинѣ и прикрываясь предлогами и видами и всякимъ покровомъ лицемѣрія.

Глава IX.

Ибо есть, подлинно есть люди, наряжающіеся въ пышную одежду украшенныхъ словъ, какъ наряжаются женщины, чтобы прельстить юношей, если кто-нибудь изъ нихъ, не

оградивъ себя вѣрою и цѣломудріемъ, взглянетъ на нихъ. Посему, прежде тщательнаго изслѣдованія, намъ должно съ опасеніемъ принимать къ сердцу такую рѣчь; потому что обольстители часто успѣваютъ привлечь на свою сторону учителей, какъ Сирены, которыя ненависть свою къ людямъ предъ бѣгущими отъ нихъ прикрываютъ пріятнымъ пѣніемъ издали. Какъ ты, Авксентій, сказалъ я, думаешь объ этомъ? Онъ отвѣчалъ: такъ же, какъ и ты. О неправо-мыслящихъ софистахъ мы можемъ конечно сказать, что они поддѣлываются подъ видъ истины, но не знаютъ самой истины, подобно какъ и живописцы; ибо эти послѣдніе стараются подражательно изобразить и кораблестроителей, и корабли, и кормчихъ, но сами не умѣютъ ни строить кораблей, ни управлять ими. И такъ хочешь ли ты, чтобы мы, снявши краски, убѣдили удивляющихся этимъ рисункамъ юношей, что то не корабль, что кажется кораблемъ, и не кормчій, что представляется кормчимъ, а стѣна, раскрашенная снаружи красками и рисунками для удовольствія, и что сдѣлавшіе это изъ красокъ, а не самый корабль, суть копировщики вида корабля и кормчаго? Длинно это предисловіе, любезнѣйшій,—сказалъ я,—однако для желающаго слушать полезно. Ибо если кто отниметъ у нихъ изреченія Богодухновенныхъ Писаній, которыми они пестро украшаютъ свои мнѣнія для обольщенія другихъ, самодовольно называя ихъ справедливыми и истинными, а сами совершенно не зная справедливости: то какъ, по твоему мнѣнію, смѣшны будутъ они, лишившись такихъ названій? „Совершенно такъ“, сказалъ онъ.—Какъ же Авксентій, сказалъ я, ты ли хочешь быть вождемъ на этомъ пути, или я буду предводительствовать?—„Справедливо, сказалъ онъ, тебѣ быть вождемъ, потому что ты первенствуешь въ рѣчи“.

Глава X.

Теперь изслѣдуемъ мнѣніе Аглаофона послѣдовательно, по частямъ, съ самаго начала. Онъ говорилъ: „душа получила это тѣло, въ которое мы облечены, вслѣдствіе пре-

ступленія, а въ прежнія времена проводила жизнь блаженную, безъ тѣла. Тѣла суть кожаныя одежды, въ которыя суждено быть заключенными душамъ, дабы въ смертномъ тѣлѣ понести наказаніе за свои дѣла". Не это ли съ самаго начала было сказано тобою, врачъ? Но если тебѣ кажется, что я чего-нибудь не припомнилъ, то ты припомни. „Нѣтъ теперь никакой нужды въ этомъ припоминаніи, сказалъ онъ, потому что мы прежде всего сказали это самое".— Что же? Неужели и то, что часто говорилъ ты впослѣдствіи, именно: что тѣло служитъ для насъ препятствіемъ къ уразумѣнію и познанію дѣйствительно сущаго, по причинѣ нашей заботливости объ украшеніи его и уходѣ за нимъ, и по причинѣ другихъ потребностей, относящихся къ прихоти чрева? И кромѣ того, тѣло бываетъ виною злорѣчія и всякихъ прегрѣшеній; потому что душа сама по себѣ—одна безъ тѣла—совершенно не можетъ грѣшить, а посему, чтобы, по отшествіи отсюда, она могла быть свободна отъ грѣха и преслушанія на небѣ, гдѣ и будетъ имѣть пребываніе вмѣстѣ съ Ангелами, она должна остаться свободною и отрѣшенною отъ тѣла, потому что тѣло служитъ для нея причиною осквернения грѣхомъ и содѣйствуетъ этому? Ибо безъ тѣла душѣ невозможно грѣшить; поэтому, дабы сохраниться безгрѣшною въ безконечные вѣки, она уже не получитъ тѣла, которое влечетъ ее долу къ тлѣнію и неправдѣ? „Сказано было и это": Чтожъ? Неужели ты думаешь, что это сказано тобою справедливо и хорошо? сказалъ я. „А почему это тебѣ кажется не такъ? сказалъ онъ. Ты не можешь опровергнуть этихъ словъ". Нисколько, сказалъ я. Но я хочу изслѣдовать причину, почему ты сказалъ такъ. „Это хорошо и справедливо", сказалъ онъ. Хорошо ли и справедливо, по твоему мнѣнію, поступаетъ тотъ, кто говоритъ противорѣчащее себѣ и несогласное? „Никакъ". Не кажется ли тебѣ, что онъ невѣжественно искажаетъ истину? „Совершенно такъ", отвѣчалъ онъ. Неужели ты одобришь того, кто дѣлаетъ намѣренныя ошибки для ложной стройности рѣчи? „Никакимъ образомъ". Поэтому ты и самого себя не можешь оправдать въ томъ, что такъ

неосновательно говоришь. Ибо допустивъ, что души согрѣшили безъ тѣла, нарушивши заповѣдь, и сказавъ, что за беззаконіе Богъ далъ имъ наконецъ кожаныя одежды, дабы, нося мертвенность, онѣ подверглись наказанію, назвавъ этими одеждами тѣла, — ты въ продолженіи рѣчи забылъ, что утверждалъ прежде того, и говоришь, что душа сама по себѣ не можетъ согрѣшить, потому что по природѣ она совершенно неспособна на это, но что тѣло содѣлалось для нея виною всякихъ золъ. Поэтому, дабы душа опять не устремилась къ неправдѣ, какъ это случилось съ нею прежде вслѣдствіе соединенія съ тѣломъ, она на вѣки останется безъ тѣла, хотя сначала сказалъ ты, что душа согрѣшила до соединенія съ тѣломъ, когда была еще въ раю блаженною и безпечальною. Ибо послѣ нарушенія заповѣди Божіей, когда уже возобладалъ надъ нею грѣхъ, вслѣдствіе повиновенія змію, будто бы дано ей тѣло въ наказаніе, какъ узы. Посему или первое или послѣднее мнѣніе оказывается несправедливымъ. Ибо или душа еще не имѣя тѣла согрѣшила, и хотя бы не получила тѣла, тѣмъ не менѣе будетъ грѣшить, слѣд. всякое разсужденіе о томъ, что тѣло не воскреснетъ, будетъ напраснымъ и излишнимъ; или она согрѣшила вмѣстѣ съ тѣломъ, и такимъ образомъ кожаныя одежды не могутъ быть приняты за тѣло; потому что человѣкъ оказывается преступникомъ заповѣди Божіей прежде ихъ устроенія; а между тѣмъ одежды для того и устроены, чтобы ими прикрыть происшедшую отъ грѣха наготу. Наконецъ убѣждаю ли я тебя, и видишь ли ты, какъ допустилъ ты противорѣчіе себѣ самому? Ясно ли это для тебя? Или ты, Аглаофонъ, сказалъ я, еще не понимаешь, что я говорю? „Понимаю“, сказалъ онъ, и не имѣю нужды второй разъ слушать это. Но я и не замѣтилъ, что сказалъ такъ несправедливо. Ибо мнѣ, когда я допустилъ, что кожаныя одежды суть тѣла, нужно было признать и то, что душа согрѣшила прежде нежели вошла въ тѣло, такъ какъ преступленіе совершено было прежде устроенія одеждъ; ибо одежды даны людямъ по причинѣ преступленія, а не преступленіе произошло по причинѣ одеждъ. Когда мы согла-

сились въ этомъ, то должны вмѣстѣ согласиться и въ томъ, что причиною грѣха не тѣло, а душа сама по себѣ, поэтому она будетъ грѣшить, хотя бы и не получила тѣла, такъ какъ согрѣшила и прежде, когда была безъ тѣла. Потому безразсудно говорить, будто тѣло не можетъ воскреснуть отъ того, чтобы не содѣлаться причиною грѣха для души; ибо какъ она согрѣшила до соединенія съ тѣломъ, такъ будетъ грѣшить и по отложеніи тѣла, хотя бы опять и не получила тѣла. Поэтому мнѣ нѣтъ нужды вѣрить ни себѣ самому, ни другому, кто говоритъ, что кожаныя одежды суть тѣла. Но если я соглашусь въ этомъ, то вмѣстѣ долженъ согласиться и въ томъ, что сказано".

Глава XI.

Чтожъ? сказалъ я. Не кажется ли тебѣ, Аглаофонъ, и это несправедливымъ? „Что такое?" Утверждать, сказалъ я, будто тѣло устроено для души, какъ узы и оковы, на томъ основаніи, что и пророкъ назвалъ насъ *узниками* земли (Зах. IX, 11), и Давидъ *окованными?* (Псал. CXLV, 7). Тогда онъ отвѣчалъ: „я не могу тебѣ такъ скоро отвѣтить на это; но почему ты съ другимъ не разсуждаешь"? Тогда я, замѣтивъ, что онъ краснѣетъ и избѣгаетъ обличенія, сказалъ: ужели ты думаешь, что я стараюсь изобличать тебя по зависти, а не потому, что было намѣреніе сдѣлать разъясненіе въ спорѣ? Нѣтъ, любезный! Не тяготись моими вопросами; ты видишь, что у насъ идетъ рѣчь не о маловажныхъ предметахъ, но о томъ, какъ должно вѣровать; и я ни въ чемъ не полагаю столько зла для человѣка, сколько происходитъ отъ ложнаго мнѣнія о предметахъ необходимыхъ. И такъ охотно и ясно отвѣчай на вопросы; и если покажется тебѣ, что я говорю неправду, обличи, заботясь болѣе объ истинѣ, нежели обо мнѣ; ибо я считаю лучшимъ благомъ принимать обличенія, нежели самому обличать другихъ, на сколько лучше самому удаляться отъ зла, нежели удалять другихъ. И такъ сличимъ теперь наши рѣчи, и посмотримъ, въ чемъ онѣ между собою расходятся. Ибо пред-

меты, о которыхъ мы споримъ, вовсе не маловажны, а таковы, что знать ихъ прекрасно, а не знать постыдно. И такъ ты не допускаешь воскресенія тѣла, а я допускаю. „Конечно, сказалъ онъ, я уже сказалъ это“. Но ты, сказалъ я, назвалъ тѣло узами, темницею, гробомъ, бременемъ и оковами, а я не называю его такъ. „Правду ты говоришь мнѣ“, сказалъ онъ. Ты сказалъ еще, что тѣло есть причина невоздержности, обольщенія, печали, гнѣва и, кратко сказать, всѣхъ другихъ золъ, которыя препятствуютъ намъ въ стремленіи души къ прекрасному и не позволяютъ намъ достигнуть уразумѣнія и познанія истинно сущаго; потому что хотя бы мы старались уловить что-нибудь изъ существующаго, всегда окружающій насъ мракъ помрачаетъ умъ, не допуская насъ ясно разсмотрѣть истину. Ибо, какъ сказалъ ты, познанія, пріобрѣтаемыя нашими ушами, исполнены обмана, равно какъ пріобрѣтаемыя зрѣніемъ обманчивы, обманчиво и то, что пріобрѣтается другими чувствами. „Видишь“, сказалъ онъ, „Еввулій, что я готовъ хвалить тебя, когда ты правильно разъясняешь предметы“.

Глава XII.

И такъ буду еще говорить, чтобы ты болѣе хвалилъ меня. Если, по вашему мнѣнію, тѣло—узы, то нельзя думать, будто оно причина грѣха и неправды для души, а напротивъ оно—причина цѣломудрія и благовоспитанности. Разсуждай объ этомъ такъ, ибо такъ лучше поймешь: куда мы отводимъ страждущихъ тѣлесными болѣзнями? Не ко врачамъ ли? „Очевидно такъ“, сказалъ онъ. А куда—преступниковъ? Не къ судіямъ ли? „Непремѣнно“. Не для того ли, сказалъ я, чтобы они получили достойное наказаніе за дѣла свои? „Да“. А что справедливо, то и прекрасно? “Согласенъ“. Значитъ, судящій справедливо, хорошо дѣлаетъ, ибо справедливо судитъ? „И на это согласенъ“. А что прекрасно, то и полезно? „Кажется такъ“: Потому что подсудимые получаютъ пользу; такъ какъ истязаніями порочность ихъ удерживается, подобно тому, какъ отъ врачеб-

ихъ операцій и лѣкарствъ прекращаются болѣзни, потому что наказать обидѣвшаго значитъ исправить душу и устранить сильную болѣзнь, т. е. неправду. „Согласенъ“. Чтоже? Не по мѣрѣ ли грѣховъ, скажешь ты, опредѣляются и наказанія достойно наказуемымъ, подобно тому, какъ и врачуемымъ по мѣрѣ ранъ дѣлаются операціи? „Изъявляю согласіе“. И такъ сдѣлавшій достойное смерти наказывается смертію, достойное ударовъ—ударами, достойное узъ—узами? „Согласенъ“. И такъ, сказалъ я, виновный наказывается узами, или ударами, или другимъ какимъ-либо подобнымъ наказаніемъ для того, чтобы раскаявшись пересталъ дѣлать неправду и этими наказаніями исправился, какъ исправляется искривленное дерево? „Совершенную правду говоришь ты“, сказалъ онъ. Потому что судія наказываетъ за вину не только ради прошедшаго, но и будущаго, чтобы онъ опять не сдѣлалъ того же? „Это очевидно“, сказалъ онъ. Ибо очевидно, что узы отнимаютъ у него стремленіе къ неправдѣ, не позволяя ему дѣлать того, что хочетъ? „Истинно такъ“. И такъ онъ удерживается отъ грѣха потому, что узы не дозволяютъ ему свободно предаваться удовольствіямъ, но стѣсняютъ его и учатъ уважать справедливость, доколѣ онъ, вразумляемый, не научится быть цѣломудреннымъ? „Кажется такъ“, сказалъ онъ. И такъ узы, какъ видно, не бываютъ виною грѣха, потому что уцѣломудриваютъ людей и дѣлаютъ ихъ болѣе справедливыми, служа лѣкарствомъ для души, хотя горькимъ и ѣдкимъ, но цѣлительнымъ. „Это очевидно“, сказалъ онъ.—Что же? Пересмотримъ еще сказанное прежде. Не допустилъ ли ты, что тѣло есть узы души вслѣдствіе преступленія? „Да, я допускаю это“, сказалъ онъ. Еще: что душа грѣшитъ вмѣстѣ съ тѣломъ, потому что прелюбодѣйствовать, убивать и поступать нечестно тебѣ кажется грѣхомъ, а вѣдь это душа дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ? „Согласенъ“. Но мы еще признали, что узникъ не можетъ обижать? „Признали“, сказалъ онъ. Отъ того, что боль отъ узъ мѣшаетъ этому? „Да!“ Но вѣдь плоть—узы души? „Подтверждаю это“. Но, находясь во плоти, мы грѣшимъ при согласіи на это плоти? „Такъ“,

сказалъ онъ. А связанный не можетъ грѣшить? „И на это изъявляю согласіе“. Отъ того, что чувствуетъ боль? „Да!“ Отъ того, что узы не дозволяютъ? „Конечно“. Но тѣло содѣйствуетъ грѣху? „Да!“ А узы удерживаютъ? „Согласенъ“. И такъ, сказалъ я, ни по твоему, Аглаофонъ, ни по чьему-либо другому мнѣнію, тѣло не есть узы, но въ томъ и въ другомъ, т. е. какъ въ добрѣ, такъ и во злѣ, оно содѣйствуетъ душѣ. „Согласенъ“.

Глава XIII.

Если это такъ, то ты, Аглаофонъ, защищай то, что ты прежде говорилъ. Ибо ты въ прежнихъ бесѣдахъ утверждалъ, что тѣло есть узы, темница и оковы души, и видишь, какъ это не согласуется съ тѣмъ, что ты сказалъ. Если нужно, любезный, плоть признавать узами, а душа пользуется этими узами, какъ пособіемъ и содѣйствіемъ къ неправдѣ, то возможно ли согласить это? Конечно невозможно. Ибо, если наказаніе опредѣлено за грѣхъ, чтобы душа, удрученная скорбію, научилась Богопочитанію: то какимъ образомъ тѣло можетъ служить ей пособіемъ и содѣйствіемъ къ неправдѣ? Узы, темницы, оковы, и, кратко сказать, всѣ такого рода относящіяся къ исправленію карательныя средства имѣютъ силу удерживать наказуемыхъ отъ неправды и грѣха. Ибо не для того, чтобы обидѣвшій еще болѣе дѣлалъ неправды, даются ему узы, какъ пособіе къ неправдѣ, но для того, чтобы томимый узами пересталъ творить неправду. Для этого-то судіи и заключаютъ злодѣевъ въ оковы: узы по неволѣ удерживаютъ ихъ отъ злодѣянія; и дѣлать зло свойственно людямъ, пользующимся свободою и живущимъ безъ надзора, а не связаннымъ. Человѣкъ напередъ совершалъ убійство, какъ напр. Каинъ, укрѣпился въ невѣріи, прилѣпился къ идоламъ, отступилъ отъ Бога; какимъ же образомъ тѣло дано ему вмѣсто узъ? Или какимъ образомъ, когда человѣкъ согрѣшилъ до соединенія съ тѣломъ, Богъ далъ ему тѣло для содѣйствія къ большей неправдѣ? Какимъ, наконецъ, образомъ послѣ

устроенія этихъ узъ говорится: *вотъ я предложилъ тебѣ жизнь и добро, смерть и зло*, избери жизнь (Втор. 30, 15); также: *если захотите и послушаетесь* (Исаіи 1, 19); это сказано ему, какъ обладающему полною свободою, а не какъ связанному узами и необходимостію. Изъ всего этого слѣдуетъ, что тѣло не должно признавать узами, или темницею или оковами, и *узники земли* поэтому не означаютъ того, что души связаны земными узами вслѣдствіе осужденія ихъ Богомъ; ибо какъ это можетъ быть, когда ничѣмъ доказать нельзя? Очевидно, нелѣпо и то мнѣніе, будто въ вѣчной жизни тѣло не соединится съ душею по той причинѣ, что оно есть узы и оковы, дабы мы не содѣлались навѣки осужденными узниками тлѣнія, когда будемъ находиться въ царствѣ свѣта. Послѣ достаточнаго опроверженія и обличенія того ученія, по которому признавали тѣло узами души, уничтожается и та мысль, будто тѣло не воскреснетъ на томъ основаніи, чтобы мы не были изъ-за него узниками въ царствѣ свѣта, которое получимъ. Какое же наконецъ нужно представить другое доказательство для убѣжденія недовольныхъ? Они не удовлетворяются доказательствомъ и яснѣйшимъ вышеприведенныхъ. Но такое ихъ словопреніе можно изобличить какъ на основаніи этого мѣста, такъ и многихъ другихъ. Въ дальнѣйшемъ продолженіи рѣчи мы естественными доводами, а не предположеніями, докажемъ, что ни Іеремія не называлъ насъ *узниками* земли (Пл. Іер. 3, 34), вслѣдствіе соединенія съ тѣломъ, ни Давидъ по этой же причинѣ—*окованными* (Псал. 145, 7). Слѣдуетъ указать и на то, въ чемъ они наиболѣе оказываются уклонившимися отъ истины. И такъ, господа судьи (я васъ, державный Ѳеофилъ, называю судіями рѣчей), сказавъ надлежащее о кожанныхъ одеждахъ и о томъ, что прежде устроенія ихъ прародители жили съ тѣломъ, наслаждаясь безсмертіемъ, и еще — о томъ, что нельзя почитать тѣло узами и темницею, я обращусь наконецъ къ слѣдующимъ предметамъ, какъ обѣщалъ, дабы намъ яснѣе увидѣть то, чего желаемъ.

Глава XIV.

Послѣ того, какъ Создатель всего Богъ прекрасно устроилъ вселенную, подобно великому городу, и украсилъ ее, велѣніемъ своего слова, послѣ того какъ соразмѣрно расположилъ въ ней каждую стихію и наполнилъ все различными животными, дабы міръ достигъ совершенной красоты,— Онъ, сотворивши многоразличные виды природы: звѣзды на небѣ, пернатыхъ въ воздухѣ, четвероногихъ на землѣ и плавающихъ въ водѣ, послѣ всего ввелъ въ міръ человѣка, точное подобіе собственнаго Его образа, предуготовивъ для него этотъ міръ, какъ прекраснѣйшее жилище, и своими руками образовавъ его, какъ бы прекрасное изваяніе въ великолѣпномъ храмѣ. Онъ зналъ, что содѣланное Его рукою по необходимости будетъ безсмертно, какъ произведеніе безсмертія; ибо отъ безсмертія безсмертное бываетъ безсмертнымъ, такъ же какъ и отъ злобы злое бываетъ злымъ, отъ неправды неправедное — неправеднымъ. Неправедное не есть произведеніе правды, но неправды: равно какъ содѣлать тлѣннымъ свойственно не нетлѣнію, а тлѣнію, и обезсмертить не есть дѣло тлѣнія, а нетлѣнія,— и кратко сказать: каково производящее, таковымъ (обыкновенно) по необходимости бываетъ и происходящее отъ него. Богъ есть и безсмертіе, и жизнь, и нетлѣніе: а человѣкъ— произведеніе Божіе; и такъ какъ произведенное безсмертіемъ — безсмертно, то человѣкъ безсмертенъ. Поэтому-то Богъ Самъ произвелъ человѣка, а прочіе роды животныхъ повелѣлъ произвести воздуху, землѣ и водѣ. Человѣкомъ въ самомъ истинномъ смыслѣ относительно природы называется не душа безъ тѣла и не тѣло безъ души, но то, что составилось въ одинъ прекрасный образъ изъ соединенія души и тѣла. Отсюда открывается, что человѣкъ созданъ безсмертнымъ и непричастнымъ никакому тлѣнію и болѣзнямъ. Въ этомъ достаточно можно убѣдиться и изъ Писанія; ибо о другихъ тваряхъ, которыя въ продолженіи времени измѣняются, возрастая и состарѣваясь, гово-

рится: *да произведетъ вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетятъ надъ землею, по тверди небесной.* И еще: *да произведетъ земля душу живую по роду ея, скотовъ, и гадовъ, и звѣрей земныхъ по роду ихъ* (Быт. 1, 20—24). О человѣкѣ же не такъ говорится, какъ о тѣхъ: *да произведетъ земля*, или *да произведетъ вода*, или: *да будутъ свѣтила;* но говорится: *сотворимъ человѣка по образу Нашему (и) по подобію Нашему; и да владычествуютъ они надъ рыбами морскими, и надъ птицами небесными (и надъ звѣрями) и надъ скотомъ* (ст. 26). *И создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земнаго* (Быт. 2, 7).

Глава XV.

А чтобы вы лучше уразумѣли отличіе человѣка, какъ онъ во всемъ различается отъ другихъ тварей, и, будучи безсмертнымъ, оказывается поставленнымъ на второмъ мѣстѣ послѣ Ангеловъ,—и это мы изложимъ также въ истинномъ и православномъ смыслѣ. Прочимъ животнымъ дано жить посредствомъ воздушнаго одушевленія, а человѣку — отъ самой безсмертной и отличной сущности, и *вдунулъ Богъ въ лице его дыханіе жизни, и сталъ человѣкъ душею живою* (Быт. 2, 7). Тѣмъ повелѣно служить и быть въ подчиненіи: этому начальствовать и владычествовать; тѣмъ даны различные виды и формы естества, какіе по повелѣнію Божію породила грубая и видимая природа: этому-нѣчто боговидное и богоподобное, во всемъ соотвѣтствующее первообразному и единородному образу Отца: *и сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его* (Быт. 1, 27); посему и позаботился объ утвержденіи въ немъ Своего образа, дабы онъ не былъ удободоступенъ для тлѣнія, подобно какъ обыкновенно поступаютъ дѣлатели статуй: они заботятся не только о красотѣ и благолѣпіи своихъ изваяній, чтобы онѣ были прекрасны до великолѣпія, но и стараются,— на сколько это возможно для нихъ, — о безсмертіи своихъ произведеній, чтобы онѣ сохранялись не поврежденными на долгое время, какъ напр. Фидій, сдѣлавши статую Юпитера Олимпійскаго (а была она изъ слоновой кости), приказалъ

налить масла около ногъ впереди статуи, чтобы сохранить ее по возможности безсмертною. Такимъ образомъ, если такъ поступаютъ художники вещей рукотворенныхъ, то не болѣе ли Богъ, высочайшій художникъ, Который все можетъ и изъ несущаго сотворить, несомнѣнно могъ устроить, чтобы Его разумное произведеніе—человѣкъ былъ не гибнущимъ и безсмертнымъ? Ужели бы Онъ попустилъ, чтобъ такъ безславно разрушилось и предано было погибели и тлѣнію то, что́ Онъ нарочито удостоилъ создать Своими руками, образовавъ по образу Своему и по подобію это украшеніе міра, для котораго и міръ созданъ? Этого сказать невозможно. Дерзнувшій такъ мыслить впалъ бы въ безуміе.

Глава XVI.

Но, можетъ быть, не остановившись внимательно на сказанномъ теперь, вы, Аглаофонъ, скажете: „если, по вашему мнѣнію, это живое существо было безсмертно отъ рожденія, то какимъ образомъ оно содѣлалось смертнымъ, когда безсмертное непремѣнно должно быть тѣмъ, что оно есть, не ниспадая и не переходя въ худшее и смертное естество? Это невозможно, иначе оно не безсмертно“. На это скажу: на свободу въ избраніи добра, данную человѣку и получившую такой законъ, возстала съ злорадствомъ ненавистница добра—зависть. Богъ сотворилъ человѣка для нетлѣнія и сдѣлалъ его образомъ собственной вѣчности: *Богъ не сотворилъ смерти, и не радуется погибели живущихъ: но завистію діавола вошла въ міръ смерть,* какъ свидѣтельствуетъ и премудрость Соломона (Прем. 1, 13. 2, 24). „Но опять необходимо спросить: откуда же смерть, если Богъ смерти не сотворилъ? Если отъ зависти: то какимъ образомъ зависть могла быть сильнѣе изволенія Божія? Это мы назовемъ оскорбительнымъ для Бога“. Противникъ спрашиваетъ: откуда зависть? Если отъ діавола; то для чего получилъ бытіе діаволъ? А если получилъ бытіе, значитъ сотворившій его есть виновникъ существованія зла? Но Богъ рѣшительно не есть виновникъ зла ни въ какомъ

отношеніи; слѣдовательно діаволъ не получилъ бытія, а если не получилъ, то и не подлежитъ страданіямъ и погибели и не имѣетъ ни въ чёмъ нужды: это по необходимости должно быть съ неполучившимъ бытія, а между тѣмъ онъ подвергается уничиженію и мученіямъ. Но то, что подвергается мученіямъ, измѣняется и страждетъ,—ибо нерожденное не подвергается страданію,—слѣдовательно и діаволъ, не есть не получившій бытія, а получившій. Если же онъ получилъ бытіе и если то, что́ получило бытіе, произошло отъ какого-либо начала и существуетъ творецъ его, то, значитъ, есть какой-либо творецъ и діавола. И такъ получилъ-ли онъ бытіе, или не получилъ? Должно думать, что имѣющее незаимствованное бытіе есть только одно, именно Богъ: ибо вообще, кромѣ Его, рѣшительно не можетъ быть другого творца. *Я первый, и Я послѣдній*, говоритъ Господь, *и кромѣ Меня нѣтъ Бога* (Исаіи 44, 6). Безъ Его воли ничто не можетъ быть передѣлано или сотворено, ибо и Сынъ исповѣдуетъ, что *Онъ не можетъ творить Самъ отъ Себя, если не увидитъ Отца творящаго. Ибо что творитъ Онъ, то и Сынъ творитъ также* (Іоан. 5, 19). Нѣтъ ничего враждебнаго, или непріязненнаго, или сопротивляющагося Богу; потому что если бы что-нибудь воспротивилось Богу, то перестало бы существовать, такъ какъ бытіе его было бы уничтожено могуществомъ и силою Божіею; только одному создавшему возможно уничтожить и безсмертное.

Глава XVII.

И такъ, вы скажете, что такое діаволъ? Духъ обращающійся около вещества, какъ сказано и у Аѳинагора [1]), получившій бытіе отъ Бога, также какъ и прочіе Ангелы получили отъ Него бытіе, и имъ ввѣрено было управленіе веществомъ и видами вещества. Таково было назначеніе Ангеловъ, быть съ Богомъ при Его промышленіи о тваряхъ, Имъ благоустроенныхъ, такъ чтобы всеобщее и главное

[1]) Аѳинагоръ—христіанскій писатель II вѣка, оставившій дошедшія до насъ *Апологію* и Слово *о воскресеніи мертвыхъ*.

попеченіе о всемъ имѣлъ Богъ, самъ обладая господствомъ и властію надъ всѣмъ и все, какъ корабль, неуклонно направляя правиломъ мудрости, а отчасти смотрѣли бы за тѣмъ приставленные къ сему Ангелы. Прочіе Ангелы пребыли въ томъ состояніи, въ какомъ Богъ сотворилъ ихъ и распредѣлилъ; а этотъ возгордился и въ управленіи ввѣреннымъ ему сдѣлался лукавымъ, очреватѣвъ завистію противъ насъ, подобно тѣмъ, которые впослѣдствіи воспламенились плотію и вступили въ любострастное общеніе съ дочерями человѣческими (Быт. 6, 2). Ибо и имъ, такъ же какъ и людямъ, Богъ опредѣлилъ имѣть свободное желаніе того или другаго, чтобы — или, повинуясь Его слову, пребывали вмѣстѣ съ Нимъ и наслаждались блаженствомъ,— или же, если не будутъ повиноваться, подверглись осужденію. Былъ и діаволъ звѣздою утреннею: *какъ упалъ ты съ неба, денница, сынъ зари?* (Исаіи 14, 12). Онъ вмѣстѣ съ Ангелами сіялъ свѣтомъ, былъ звѣздою утреннею, но ниспалъ и низверженъ на землю, и направилъ человѣка въ противную сторону. Ибо Богъ гнѣвается на гордыхъ и надменнымъ умышленіямъ поставляетъ преграду. Приходитъ мнѣ на мысль сказать объ этомъ и стихами:

Змѣй! Ты начало всѣхъ золъ для людей и конецъ,
Ты — обольщенье слѣпаго, которое ношу тяжелую зла
порождаетъ,
Вождь къ безразсудству,— ты радость находишь
Въ слезахъ житейскихъ, въ стенаніяхъ смертныхъ;
Единокровныхъ къ обидѣ преступной
Братоубійственно руки ты поднялъ;
Каина ты убѣдилъ обагрить кровяными струями
Землю впервые; и праотца ты обольстилъ,
Такъ что онъ съ жизни нетлѣнной на землю ниспалъ.

Глава XVIII.

Таковъ діаволъ. Смерть же введена для наказанія, подобно тому, какъ дѣтямъ, начинающимъ учиться грамотѣ, даютъ удары для исправленія. Смерть же есть не что иное,

какъ разлученіе и отдѣленіе души отъ тѣла.—Вы скажете: чтожъ? значитъ, виновникъ смерти Богъ? — Опять встрѣчаемъ мы ту же рѣчь. Да не будетъ этого, потому что и учители не главные виновники того, что дѣти испытываютъ боль отъ ударовъ. И такъ хорошее дѣло — смерть, если введена, подобно ударамъ, для наказанія дѣтей, не грѣховная смерть, мужи премудрые, но смерть, состоящая въ разъединеніи и отлученіи души отъ тѣла. Ибо человѣкъ, будучи свободнымъ и самовластнымъ, и получивъ самовладычествующую волю и свободное произволеніе для избранія добра, какъ сказалъ я, когда услышалъ: *отъ всякаго дерева въ саду ты будешь пость; а отъ дерева познанія добра и зла, не пшь отъ него; ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертію умрешь* (Быт. 2, 16. 17), самъ склонившись ко вкушенію, при помощи діавола, убѣждавшаго къ преслушанію разнаго рода обольстительною хитростію, нарушилъ заповѣдь Божію; и это сдѣлалось для него соблазномъ, сѣтію и преткновеніемъ. Ибо Богъ не сотворилъ зла, и вообще никакимъ образомъ не есть виновникъ зла. Но все, что Имъ сотворено свободнымъ для сохраненія и соблюденія закона, Имъ праведно поставленнаго, если не соблюло его, называется зломъ. А самый тяжкій вредъ — преслушать Бога, преступивъ самопроизвольно предѣлы правды. Посему, когда человѣкъ, отступивъ отъ указанія Божія, запятналъ себя и осквернилъ, и отпечатлѣлъ на себѣ скверны многоразличнаго зла, которыя породилъ князь и отецъ прелести, *зачавъ неправду*, по Писанію (Псал. 7, 15), дабы имѣть возможность постоянно увлекать и побуждать человѣка къ неправдѣ: тогда Вседержитель Богъ, увидѣвъ, что человѣкъ, сотворенный безсмертнымъ, до униженія потерпѣлъ озлобленіе отъ коварства діавола, не позволилъ ему вкусить отъ древа жизни, но облекъ его и жену его Евву въ кожанныя одежды, и изгналъ ихъ изъ рая, опредѣливъ имъ смерть и сказавъ: *ибо прахъ ты, и въ прахъ возвратишься* (Быт. 3, 19), дабы воскресеніемъ избавить отъ униженія, какъ свойственно наилучшему художнику, и опять возстановить ихъ въ собственномъ ихъ тѣлѣ безъ униженія.

Глава XIX.

Уже прежде разсмотрѣно было сомнѣніе и доказано, что кожаныя одежды не суть тѣла. Тѣмъ не менѣе и опять будемъ говорить (такъ какъ не разъ надлежитъ сказать объ этомъ). Ибо еще прежде устроенія этихъ одеждъ первозданный признаетъ, что имѣетъ кости и плоть, когда увидѣвъ приведенную къ нему жену, восклицаетъ: *вотъ, это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей; она будетъ называться женою: ибо взята отъ мужа своего. Поэтому оставитъ человѣкъ отца своего и мать свою, и прильпится къ женѣ своей; и будутъ два одна плоть* (Быт. 2, 23. 24). Я не могу потерпѣть нѣкоторыхъ празднословящихъ и безстыдно насилующихъ Писаніе, которые, чтобы провести мнѣніе, будто нѣтъ воскресенія плоти, предполагаютъ и кости духовныя и плоть духовную, и съ иносказаніями бросаются туда и сюда, вверхъ и внизъ. А что это надобно принимать такъ, какъ написано, подтверждаетъ Писаніе. Христосъ фарисеямъ, спрашивавшимъ объ отпущеніи жены, отвѣчаетъ: развѣ не знаете, что *сотворившій въ началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ? И сказалъ: посему оставитъ человѣкъ отца и мать* и т. д. (Мат. 19, 45). Далѣе, какъ можно принимать только въ разсужденіи душъ слова: *плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю?* (Быт. 1, 28). И еще: *и создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земнаго* (2, 7), что очевидно сказано собственно о тѣлѣ; ибо не отъ персти и не изъ тяжелаго вещества душа получила существо. Такимъ образомъ изъ всего этого по всей справедливости слѣдуетъ, что человѣкъ сотворенъ съ тѣломъ прежде кожаныхъ одеждъ, потому что обо всемъ этомъ сказано прежде его паденія, а о томъ, что касается одеждъ, послѣ паденія. Поэтому приступимъ опять къ разсмотрѣнію того, что предъ нами, достаточно доказавъ, что кожаныя одежды не суть тѣла, но смертная принадлежность, приготовленная для разумнаго. Теперь остается разсмотрѣть, отъ чего человѣкъ выселяется изъ предѣловъ рая. Богъ не по-

тому изгналъ его, будто не хотѣлъ, чтобы онъ срывалъ отъ древа жизни и вкушалъ (ибо опять вкусивши отъ древа жизни онъ могъ бы жить во вѣки), но чтобы, какъ мы предположили, зло не сдѣлалось безсмертнымъ. Въ противномъ случаѣ для чего и Христа Онъ послалъ съ неба на землю, если рѣшительно хотѣлъ, чтобы человѣкъ умеръ окончательно, не вкушая жизни? Если пререкающій скажетъ, будто Богъ сдѣлалъ это вслѣдствіи раскаянія, то разсужденіе это слабо, такъ какъ допускаетъ въ Богѣ измѣненія мысли. Нѣтъ, Богъ не есть невѣдующій будущаго и не есть творецъ зла, но въ высшей степени благъ и знаетъ наперед будущее. Такимъ образомъ Онъ изгналъ человѣка изъ рая не для того, чтобы онъ не жилъ во вѣки, вкушая отъ древа жизни, но чтобы смертію прежде всего умерщвленъ былъ грѣхъ, дабы такимъ образомъ по истребленіи грѣха, вставъ чистымъ послѣ смерти, человѣкъ вкушалъ жизнь.

Глава XX.

Никто не будетъ такъ безразсуденъ, чтобы отважиться утверждать, будто это сказано въ другомъ смыслѣ. Ибо вообще утверждающій, что эта плоть не способна къ безсмертію, какъ по истинѣ подверженный болѣзни безумія, богохульствуетъ. Для чего же послѣ устроенія кожаныхъ одеждъ Адамъ изгоняется, получивъ запрещеніе вкушать отъ древа жизни и жить, если бы совершенно было невозможно человѣку жить вѣчно съ тѣломъ? Но запрещеніе дѣлается вслѣдствіе того, что онъ могъ бы не умереть, если бы взялъ и вкусилъ отъ древа жизни. Ибо говорится: *и сдѣлалъ Господь Богъ Адаму и женѣ его одежды кожаныя и одѣлъ ихъ. И сказалъ Господь Богъ: вотъ, Адамъ сталъ какъ одинъ изъ Насъ, зная добро и зло; и теперь какъ бы не простеръ онъ руки своей, и не взялъ бы также отъ дерева жизни, и не вкусилъ бы, и не сталъ бы жить вѣчно. И выслалъ его Господь Богъ изъ сада Едемскаго, чтобы воздѣлывать землю, изъ которой онъ взятъ. И изгналъ Адама* (Быт. 3, 21—24). И такъ тѣло (чело-

вѣка) могло жить во вѣкъ и быть безсмертнымъ, если-бы онъ не получилъ запрещенія вкушать отъ жизни. А запрещеніе получилъ для того, дабы и грѣхъ былъ разрушенъ, умерщвленный вмѣстѣ съ тѣломъ, и тѣло востало по истребленіи грѣха. И такъ, чтобы человѣкъ не былъ безсмертнымъ, какъ я сказалъ, зломъ, или вѣчно живущимъ, заключая въ себѣ преобладающій, какъ бы прозябшій въ безсмертномъ тѣлѣ и имѣющій безсмертное питаніе, грѣхъ,— для сего Богъ сдѣлалъ его смертнымъ, облекши мертвенностію. Такую цѣль и имѣли кожаныя одежды, дабы чрезъ разрушеніе и распаденіе тѣла грѣхъ весь до основанія погибъ, какъ бы вырванный съ корнемъ, дабы не осталось ни малѣйшей части корня, отъ которой опять пошли бы новыя отрасли грѣховъ.

Глава XXI.

Подобно тому, какъ дикая смоковница, выросши на зданіи прекраснаго храма, разросшаяся въ ширину и въ высоту и распространившаяся своими многовѣтвистыми корнями по всѣмъ связямъ камней, не прежде перестаетъ произрастать, пока совсѣмъ не оторвется вслѣдствіе распаденія камней на мѣстахъ, на которыхъ она росла (ибо по отторженіи смоковницы камни могутъ опять быть сложены на своихъ мѣстахъ, дабы храмъ сохранился, не имѣя уже при себѣ ничего изъ разрушающихъ его неблагопріятныхъ условій, а между тѣмъ смоковница, отвалившаяся вся съ корнемъ, засыхаетъ): такимъ же образомъ и художникъ Богъ разрушилъ храмъ свой—человѣка, произрастившаго грѣхъ, на подобіе дикой смоковницы, умерщвляя временными пораженіями смерти, какъ написано, и оживотворяя, дабы по изсушеніи и умерщвленіи грѣха плоть съ тѣми же членами, подобно возобновленному храму, востала безсмертною и неповрежденною, послѣ совершеннаго и окончательнаго уничтоженія грѣха. Ибо пока еще живетъ тѣло до смерти, необходимо живетъ съ нимъ вмѣстѣ и грѣхъ, который скрываетъ внутри насъ свои корни, хотя бы отвнѣ и под-

вергался ударамъ со стороны здравыхъ мыслей и внушеній; иначе послѣ крещенія, по совершенномъ отъятіи отъ насъ грѣха, не случалось бы никакой неправды. А теперь и послѣ того, какъ мы увѣровали и пришли къ водѣ крещенія, часто обрѣтаемся во грѣхахъ. Ибо никто не можетъ похвалиться, чтобы до такой степени былъ внѣ грѣха, чтобы даже и не помышлять вовсе о неправдѣ. Изъ сего слѣдуетъ, что теперь грѣхъ сдерживается и усыпляется вѣрою, чтобы не принести пагубныхъ плодовъ, а не истребленъ до корня. Теперь въ этой жизни мы сдерживаемъ его прозябенія, каковы лукавыя вожделѣнія, дабы не безпокоилъ насъ *какой горькій корень и возникнувъ не причинилъ вреда* (Евр. XII, 15), и не позволяемъ себѣ открывать глаза и раскрывать сжатыя уста къ этимъ прозябеніямъ, между тѣмъ какъ разумъ, подобно сѣкирѣ, посѣкаетъ родившіеся внизу горькіе корни. Въ будущемъ же уничтожится и самое помышленіе о злѣ.

Глава XXII.

Желающіе искренно говорить истину не имѣютъ недостатка и въ свидѣтельствующемъ словѣ Писаній; такъ Апостолъ зналъ, что корень грѣха еще не всецѣло уничтоженъ въ людяхъ, когда говоритъ въ одномъ мѣстѣ: *ибо знаю, что не живетъ во мнѣ, то есть, во плоти моей, доброе: потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ.* И еще: *ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ: но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня (совершеннымъ) плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ* (Римл. VII, 18—20, 22—23). Такимъ образомъ еще не произошло того, чтобы грѣхъ былъ пресѣченъ, бывъ вырванъ съ корнями (ибо не умеръ окончательно), но еще живетъ (ибо какъ это можетъ быть прежде, нежели человѣкъ подвергнется

смерти?), дабы вмѣстѣ съ человѣкомъ увядши и исчахнувъ, подобно растенію, совершенно погибнуть и разрушиться вслѣдствіе уничтоженія того, на чемъ, какъ я сказалъ, скрытно держался онъ корнями; а человѣкъ воскреснетъ, уже не имѣя вновь проникающаго въ него горькаго корня. Посему-то для искорененія и уничтоженія грѣха истинный Заступникъ и Врачъ нашъ Богъ подобно противоядію попустилъ смерть, дабы зло, возникнувъ въ насъ, какъ безсмертныхъ, не было вѣчно безсмертнымъ, а сами мы изувѣченные и, подобно больнымъ, лишенные собственной силы, не остались надолго въ такомъ состояніи, питая въ постоянно пребывающихъ и безсмертныхъ тѣлахъ великую болѣзнь грѣха. Посему прекрасно то, что для спасенія того и другаго, и души и тѣла, Богъ изобрѣлъ смерть, какъ бы врачебное очищеніе, дабы мы сдѣлались по истинѣ непорочными и невредимыми.

Глава XXIII.

И такъ какъ для этого нужны многіе примѣры, то мы здѣсь въ особенности изложимъ ихъ, не прекращая рѣчи до тѣхъ поръ, пока достигнемъ до яснѣйшаго истолкованія и доказательства. Представимъ въ примѣръ какого-нибудь искуснаго художника, который прекрасную статую, устроенную изъ золота или изъ другаго вещества, соразмѣрно во всѣхъ частяхъ украшенную до изящества, опять бы расплавилъ, внезапно усмотрѣвъ, что она повреждена какимъ-нибудь злѣйшимъ человѣкомъ, который изъ зависти не стерпѣвъ, что статуя была благолѣпна, попортилъ ее, наслаждаясь суетнымъ удовольствіемъ зависти. Замѣть, премудрый Аглаофонъ, что, если художникъ желаетъ, чтобы статуя, надъ которою онъ трудился съ такимъ стараніемъ и заботою, не была совершенно испорчена и обезображена, то онъ опять постарается, расплавивши ее, сдѣлать такою же самою, какою она была и прежде. А если не расплавитъ и не возобновитъ ея, а оставитъ такъ, починивая ее и поправляя, то статуя отъ закаливанія въ огнѣ и отъ

ковки по необходимости не можетъ уже остаться такою-же, но окажется измѣненною и искаженною. Посему, если онъ хочетъ, чтобы это была работа прекрасная и безукоризненная, то долженъ расплавить её и вновь слить, такъ чтобы посредствомъ передѣлки и переливки уничтожились безобразія и всѣ измѣненія, случившіяся съ нею отъ коварства и зависти, и чтобы статуя опять приведена была въ свой неповрежденный и чистый видъ, наиболѣе сходный съ прежнимъ ея видомъ. Со статуею это дѣлается не для того, чтобы она погибла для самого художника, хотя бы она опять обратилась въ первоначальное вещество, но чтобы была возстановлена. Нужно, чтобы уничтожились безобразія и поврежденія (ибо вмѣстѣ съ перелитіемъ они пропадаютъ), а не то, чтобы они опять появились; потому что превосходный художникъ во всякомъ искусствѣ имѣетъ въ виду не безобразіе или неправильность, но соразмѣрность и правильность произведенія. Такимъ же представляется мнѣ и домостроительство Божіе относительно насъ. Увидѣвъ, что человѣкъ прекраснѣйшее произведеніе Божіе, поврежденъ злыми навѣтами зависти, Богъ по человѣколюбію не восхотѣлъ оставить его такимъ, чтобы онъ, нося въ себѣ неизгладимое смертію пятно, не подвергся вѣчному позору, но разрѣшилъ его снова въ первоначальное вещество, чтобы чрезъ возсозданіе истребилось и уничтожилось въ нёмъ все позорное. Ибо что̀ тамъ расплавленіе статуи, то̀ здѣсь смерть и разрѣшеніе тѣла; что̀ тамъ новая форма или передѣлка вещества, то̀ здѣсь воскресеніе послѣ смерти, какъ говоритъ и пророкъ Іеремія; ибо онъ согласно съ этимъ возвѣщаетъ, когда говоритъ: *и сосудъ, который горшечникъ дѣлалъ изъ глины, развалился въ рукѣ его; и онъ снова сдѣлалъ изъ него другой сосудъ, какой горшечнику вздумалось сдѣлать. И было слово Господне ко мнѣ: не могу ли Я поступить съ вами, домъ Израилевъ, подобно горшечнику сему? говоритъ Господь. Вотъ, что глина въ рукѣ горшечника, то вы въ Моей рукѣ, домъ Израилевъ* (Іерем. XVIII, 4—7).

Глава XXIV.

Замѣть, какъ послѣ преступленія человѣка, великая рука, какъ сказалъ я, не восхотѣла оставить твореніе свое въ униженіи, какъ недоброкачественное, когда лукавый беззаконно повредилъ его по зависти, но растворивъ опять обратила его въ персть, подобно горшечнику, вновь выдѣлывающему сосудъ, такъ чтобы отъ передѣлки уничтожились въ немъ всѣ безобразія и язвы, и все стало по прежнему безукоризненно прекраснымъ. *Не властенъ ли горшечникъ надъ глиною, чтобы изъ той же смѣси сдѣлать одинъ сосудъ для почетнаго употребленія, а другой для низкаго?* (Рим. 9, 21). Это значитъ (ибо, мнѣ кажется, Апостолъ точно указываетъ на это): развѣ не имѣетъ Богъ власти изъ того же самого вещества, возсоздавъ и возобновивъ каждаго по своему, одного воскресить въ честь и славу нашу, другаго въ безчестіе и осужденіе? Въ безчестіе — тѣхъ, которые дурно провели жизнь въ грѣхахъ, а въ честь — тѣхъ, которые пожили въ правдѣ, какъ показано и у Даніила, который говоритъ, что *многіе изъ спящихъ въ прахѣ земли пробудятся, одни для жизни вѣчной, другіе на вѣчное поруганіе и посрамленіе. И разумные будутъ сіять, какъ свѣтила на тверди* (Дан. 12, 2—3). Ибо въ нашей власти не то, чтобы совершенно уничтожить корень зла, но чтобы не попускать ему вырасти больше и приносить плоды. Ибо всецѣлое и совершенное истребленіе и уничтоженіе зла до самыхъ корней совершается Богомъ, какъ сказано, по разрушеніи тѣла, а нами — по частямъ, чтобы оно не давало отростковъ. Посему кто воспиталъ зло для размноженія его и увеличенія, а не сдѣлалъ, сколько могъ, безплоднымъ и не подавилъ его, тотъ необходимо подлежитъ суду, потому что, будучи въ состояніи и имѣя власть на это, рѣшился предпочесть вредное полезному.

Глава XXV.

И такъ никто, самъ будучи виновенъ; да не порицаетъ необузданнымъ языкомъ Существо Божіе, будто бы Оно

несправедливо распредѣлило каждому воздаяніе за зло, или за добродѣтель. *А ты кто, человѣкъ, что споришь съ Богомъ? Издѣліе скажетъ ли сдѣлавшему его: зачѣмъ ты меня такъ сдѣлалъ?* (Рим. IX, 20). И какъ это возможно, когда человѣкъ самовластною волею избралъ зло? Посему онъ и не можетъ сказать Богу, судящему по неизмѣннымъ законамъ правды: для чего Ты сотворилъ меня такъ, чтобъ я осужденъ былъ на скорби? Замѣть, какъ Апостолъ, подобно искусному стрѣлку, выпустивъ (изъ устъ) эти нечестивыя слова, обращаетъ однако же неясное и сокрытое въ глубинѣ буквы заключеніе въ самое истинное и православное и не имѣющее въ себѣ ничего неосторожнаго или хульнаго. Для тѣхъ, которые не съ усердіемъ, а съ низкими цѣлями внимаютъ словамъ, иногда кажется, что онъ говоритъ странное и несообразное, а которые—съ усердіемъ и съ трезвымъ помысломъ, для тѣхъ какого порядка и истины исполнены слова его! Впрочемъ, тщательное изслѣдованіе объ этомъ одно само по себѣ было бы на этотъ разъ достаточнымъ. Но смѣшно было бы, оставивъ въ сторонѣ твое недоумѣніе, вслѣдствіе котораго мы пустились въ изслѣдованіе, перейти къ другому. Это сказано нами въ наказаніе и осужденіе тѣхъ, которые намѣренно дѣлаютъ худое. И такъ когда яснѣйшимъ образомъ указано, что смерть устроена не на какое-либо зло человѣку, то не съ дурною цѣлію внимающій словамъ долженъ наконецъ уразумѣть то, что касается воскресенія тѣла. Ибо какимъ образомъ смерть бываетъ не на пользу, когда она разрушаетъ то, что окрадываетъ нашу природу, хотя въ то время, когда приходитъ, она и представляется непріятною, какъ самое кислое лѣкарство для больнаго? Но чтобы много разъ не говорить одного и того же объ одномъ и томъ же, мы, подкрѣпивъ сказанное еще словами изъ пѣсни Второзаконія, перейдемъ къ дальнѣйшему изслѣдованію.

Глава XXVI.

Ибо сказанное Богомъ: *Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцѣляю; и никто не избавитъ отъ руки Моей* (Втор.

32, 39), чему другому имѣетъ цѣлію научить, какъ не тому, что тѣло прежде подвергается смерти и умираетъ, для того, чтобы послѣ воскреснуть и ожить?— поражается прежде и разрушается для того, чтобы послѣ образовалось изъ него цѣлое и здравое? И вообще ничто не въ силахъ исхитить (насъ) изъ великой и державной руки Его для уничтоженія и погибели, ни огонь, ни смерть, ни тьма, ни хаосъ, ни тлѣніе. *Кто отлучитъ насъ*, говоритъ Апостолъ, *отъ любви* Господа (который называется рукою Отца и Словомъ), *скорбь, или тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или опасность, или мечъ, какъ написано* (Пс. 43, 23): *за Тебя умерщвляютъ насъ всякій день; считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе: но все сіе преодолѣваемъ силою Возлюбившаго насъ*? (Рим. 8, 35—37). И это вполнѣ истинно, дабы исполнились, какъ сказалъ я, тѣ слова: *я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцѣляю;* и: *никто не отлучитъ насъ отъ любви Божіей о Христѣ*, для нашей погибели. Посему мы и сдѣлались какъ бы *овцами, обреченными на закланіе*, чтобы, умерши для грѣха, мы стали жить для Бога. Но объ этомъ довольно; надобно еще разсмотрѣть то, что находится въ связи съ этимъ.

Глава XXVII.

„Все рожденное подвержено болѣзнямъ (такъ возражаетъ противникъ) и въ рожденіи и въ питаніи растетъ, говоритъ, отъ привходящаго, и умаляется отъ убывающаго. Напротивъ, что не раждается, то здорово, потому что не подвергается болѣзни, ни въ чемъ не нуждается, и не имѣетъ желаній. А раждающееся желаетъ и сообщества и пищи. Желать значитъ болѣть, а не нуждаться и не желать значитъ быть здоровымъ. Раждающееся болитъ, потому что желаетъ, а не раждающееся не болитъ. Болящее страждетъ или отъ изобилія или отъ недостатка веществъ привходящихъ и убывающихъ. Страждущее же и погибаетъ и уничтожается, потому что раждается. А человѣкъ раждается, слѣдовательно человѣкъ не можетъ быть безстрастнымъ и безсмертнымъ“. Но на этомъ самомъ и падаетъ

умозаключеніе. Ибо если все происходящее или раждающееся погибаетъ (ничто не мѣшаетъ сказать такъ, потому что и первозданные не рождены, а произведены), а между тѣмъ и Ангелы и души произведены (какъ сказано въ Писаніи): *Ты творишь ангелами Своими духовъ* (Пс. 103, 4); то по мнѣнію ихъ гибнутъ и Ангелы и души. Но ни Ангелы, ни души не погибаютъ; ибо они безсмертны и не разрушимы, по волѣ Создателя. Посему безсмертенъ и человѣкъ. Но непригодно и то, если сказать, что вселенная погибнетъ до основанія, и не будетъ ни земли, ни воздуха, ни неба. Хотя для очищенія и обновленія весь міръ, объятый нисшедшимъ огнемъ, загорится, однакоже онъ не придетъ въ совершенную погибель и разрушеніе. Ибо, если міру лучше не быть, нежели быть, то почему Богъ, сотворившій міръ, избралъ худшее? Но Богъ ничего напрасно не творилъ. Посему Богъ устроилъ, чтобы тварь существовала и продолжала бытіе, какъ утверждаетъ это и Премудрость: *ибо Онъ создалъ все для бытія, и все въ мірѣ спасительно, и нѣтъ пагубнаго яда* (Прем. 1, 14). И Павелъ ясно свидѣтельствуетъ, говоря: *ибо тварь съ надеждою ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ: потому что тварь покорилась суетѣ не добровольно, но по волѣ покорившаго ее, въ надеждѣ, что и сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ* (Рим. 8, 19 — 21). Тварь покорилась (говоритъ онъ) суетѣ, но онъ ожидаетъ, что тварь освободится отъ такого рабства, желая такъ называть настоящій міръ.—Ибо работаетъ тлѣнію не невидимое, но это видимое. Посему тварь продолжаетъ бытіе, когда обновляется въ лучшій и благолѣпнѣйшій видъ, веселясь и радуясь о воскресеніи съ чадами Божіими, за которыхъ *тварь совокупно стенаетъ и мучится до нынѣ* (ст. 22), ожидая и сама избавленія нашего отъ тлѣнія тѣла, дабы, когда мы востанемъ и стряхнемъ съ себя мертвенность плоти, какъ написано: *отряси съ себя прахъ; встань, плѣнный Іерусалимъ* (Исаіи 52, 2), и когда избавимся отъ грѣха, избавиться и ей отъ тлѣнія и работать уже не суетѣ, а правдѣ. Ибо *знаемъ, что вся тварь совокупно стенаетъ и мучится до нынѣ; и не только она, но и мы сами*

имѣя начатокъ Духа, и мы въ себѣ стенаемъ, ожидая усыновленія, искупленія тѣла нашего (Рим. 8, 22 — 23). И Исаія говоритъ: *ибо какъ новое небо и новая земля, которыя Я сотворю, всегда будутъ предъ лицемъ Моимъ, говоритъ Господь, такъ будетъ и сѣмя ваше и имя ваше* (Исаіи 66, 22). И еще: *ибо такъ говоритъ Господь, сотворившій небеса, Онъ Богъ, образовавшій землю и создавшій ее; онъ утвердилъ ее; не напрасно сотворилъ ее; Онъ образовалъ ее для жительства* (45, 18). По истинѣ не тщетно и напрасно, не для погибели, создалъ Богъ вселенную, какъ думаютъ суемудрые, но для того, чтобы она существовала, была обитаема и продолжала бытіе. Посему и земля и небо необходимо опять будутъ существовать послѣ сожженія и воспламененія всего. Почему же это необходимо, слово о томъ было бы длиннѣе сказаннаго. Ибо вселенная, разрушившись, преобразится не въ безформенное вещество и не въ такое состояніе, въ какомъ была прежде устроенія, и не подвергнется совершенному уничтоженію и тлѣнію.

Глава XXVIII.

Но если вселенная не уничтожится, скажутъ противники, то почему же Господь сказалъ, что *небо и земля прейдутъ* (Мат. 24, 35); и пророкъ: *ибо небеса исчезнутъ какъ дымъ, и земля обветшаетъ, какъ одежда?* (Ис. 51, 6). Это потому, скажемъ мы, что въ Писаніяхъ обыкновенно перемѣна міра изъ настоящаго состоянія въ лучшее и славнѣйшее называется уничтоженіемъ, такъ какъ прежняя форма съ измѣненіемъ всего въ лучшій видъ пропадаетъ; въ Божественныхъ словахъ нѣтъ никакого противорѣчія и несообразности. *Ибо проходитъ образъ міра сего,* (Кор. 7, 31), а не міръ, сказано въ Писаніи. Такимъ образомъ въ Писаніяхъ обыкновенно называется уничтоженіемъ обращеніе прежней формы въ лучшій и благообразнѣйшій видъ, подобно тому, какъ если бы кто назвалъ уничтоженіемъ измѣненіе младенческаго вида въ видъ мужа совершеннаго, когда возрастъ младенца измѣняется въ величинѣ и красотѣ. *Когда я былъ младенцемъ, то помладенчески говорилъ, помладенчески мыс-*

лилъ, помладенчески разсуждалъ; а какъ сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое (1 Кор. 13, 11). Посему надобно ожидать, что тварь будетъ страдать, какъ бы обреченная на смерть во время горѣнія, но для того, чтобы быть возсозданной, а не погибнуть, дабы мы обновленные жили въ обновленномъ мірѣ, не испытывая печали, по словамъ сто третьяго псалма: *пошлешь духъ Твой, созидаются, и Ты обновляешь лице земли* (ст. 30), такъ какъ Богъ дастъ благосостояніе окружающему (насъ). А если земля будетъ существовать и послѣ настоящаго вѣка, то по всей необходимости будутъ и обитатели, которые не будутъ умирать, ни жениться, ни родиться, но, подобно Ангеламъ, неизмѣнно въ нетлѣніи будутъ наслаждаться блаженствомъ. Посему безразсудно говорить, какую жизнь въ то время будутъ проводить тѣла, когда не будетъ ни воздуха, ни земли и ничего другого.

Глава XXIX.

Кромѣ сказаннаго, достойно, Аглаофонъ, разсмотрѣнія и то, въ какое великое заблужденіе можно впасть, давая себѣ свободу разсуждать о такихъ предметахъ. Ибо сказавъ, что Господь, когда искушали Его Саддукеи, объяснилъ, что имѣющіе *достигнуть* того *воскресенія* будутъ въ то время, *какъ Ангелы* (Лук. 20, 35; Марк. 12, 25), ты присовокупилъ: „но Ангелы, какъ безплотные, поэтому и пребываютъ на высотѣ блаженства и славы; слѣдовательно и намъ, имѣющимъ сравняться съ Ангелами, необходимо нужно, подобно имъ, быть обнаженными отъ тѣлъ". Не примѣтилъ ты, любезнѣйшій, что создавшій и устроившій вселенную изъ ничего, естество безсмертныхъ удѣлилъ не однимъ Ангеламъ и служебнымъ духамъ, но и Началамъ, Престоламъ и Властямъ. Ибо иной родъ Ангеловъ, иной Властей, потому что не одинъ чинъ, не одинъ сонмъ, поколѣніе и племя безсмертныхъ, но существуютъ (нѣсколько) родовъ, чиновъ и разрядовъ. Ни Херувимы, выступая изъ своего естества, не премѣняются въ образъ Ангеловъ, равно какъ ни Ангелы въ образъ другихъ. Ибо они должны быть тѣмъ,

что есть, и какими произошли. И человѣкъ, поставленный жить въ мірѣ и владычествовать надъ всѣмъ, что есть въ немъ, по первоначальному распоряженію будучи безсмертенъ, никогда изъ человѣческаго состоянія не измѣнится въ образъ Ангеловъ, или другихъ существъ, потому что и Ангелы не выходятъ изъ первоначальнаго вида и не измѣняются въ образъ другихъ существъ. И Христосъ пришелъ проповѣдать не превращеніе или премѣненіе человѣческаго естества въ иной образъ, но возвращеніе его въ то состояніе, въ какомъ человѣкъ былъ сначала до паденія, когда былъ безсмертенъ. Посему каждому изъ сотворенныхъ существъ должно оставаться въ усвоенномъ ему образѣ состоянія, дабы все было наполнено всѣмъ, небеса Ангелами, Престолами, Властями, свѣты—служебными духами, Божественныя мѣста и ясные свѣты — Серафимами, предстоящими великому Совѣту, правящему вселенною, а міръ—людьми. Если же допустимъ, что люди измѣняются въ Ангеловъ, то вмѣстѣ должны допустить, что и Ангелы перемѣняются во Власти, а Власти, еще, въ иной и иной видъ, доколѣ слово, восходя выше и выше, не подвергнется опасности.

Глава XXX.

И этого нельзя допустить, будто Богъ, создавъ человѣка худымъ, или сдѣлавъ ошибку при его устроеніи вздумалъ сдѣлать его впослѣдствіи Ангеломъ, раскаявшись, подобно самымъ плохимъ художникамъ; или будто сначала Онъ хотѣлъ сотворить Ангела, но не имѣя силъ для этого, создалъ человѣка. Это слабо. Почему же Онъ сотворилъ человѣка, а не Ангела, если хотѣлъ, чтобы человѣкъ былъ Ангеломъ, а не человѣкомъ? Потому ли, что не могъ? Это богохульно. Или отложилъ лучшее до будущаго и сдѣлалъ худшее? Это нелѣпо. Онъ не ошибается въ твореніи прекраснаго, не откладываетъ, не чувствуетъ безсилія, но, какъ хочетъ и когда хочетъ, имѣетъ возможность сдѣлать, такъ какъ Онъ есть сила. Посему желая, чтобы былъ человѣкъ, Онъ въ началѣ и сотворилъ человѣка. Если же Онъ, когда чего

желаетъ, то желаетъ прекраснаго, прекрасное же есть человѣкъ, а человѣкомъ называется существо, составленное изъ души и тѣла, то слѣдовательно человѣкъ не будетъ существовать безъ тѣла, а съ тѣломъ, дабы кромѣ человѣка не появился другой человѣкъ. Ибо Богу должно сохранять всѣ безсмертные роды; а человѣкъ безсмертенъ. Ибо *Богъ создалъ человѣка*, говоритъ Премудрость, *для нетлѣнія, и содѣлалъ его образомъ вѣчнаго бытія Своего* (Прем. 2, 23). Слѣдовательно, тѣло не уничтожится, потому что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла.

Глава XXXI.

Посему, замѣть, какъ Господь этому самому хочетъ научить, когда Саддукеи не вѣровали въ воскресеніе плоти. Ибо таково ученіе Саддукеевъ. Они, приготовивши притчу о женѣ и семи братьяхъ, дабы отвергнуть ученіе о воскресеніи тѣла, приступили къ Нему, какъ говоритъ Евангелистъ: *приступили къ Нему Саддукеи, которые говорятъ, что нѣтъ воскресенія* (Матѳ. 22, 23). Если бы не было воскресенія тѣла, но сохранилась бы одна душа, то Христосъ согласился бы съ ними, какъ съ мыслящими хорошо и правильно. Между тѣмъ Онъ отвѣчаетъ: *въ воскресеніи ни женятся, ни выходятъ замужъ; но пребываютъ какъ Ангелы Божіи на небесахъ* (ст. 30); не то, что люди не будутъ тогда имѣть тѣла, но не женятся и не вступаютъ въ замужество, а пребываютъ въ нетлѣніи, приближаясь, говоритъ Онъ, къ Ангеламъ въ томъ, что какъ Ангелы на небѣ, такъ и мы въ раю будемъ заниматься уже не браками и пиршествами, но созерцаніемъ Бога и устроеніемъ своей жизни, подъ управленіемъ Христа. Не сказалъ: *будутъ Ангелами*, но: *какъ Ангелы*, какъ увѣнчанные славою и честію по написанному: *не много Ты умалилъ его предъ Ангелами* (Пс. 8, 6), и близкіе къ тому, чтобы быть Ангелами. Какъ если бы кто, при благорастворѳніи въ воздухѣ и тишинѣ, во время ночи, когда все украшено яснымъ свѣтомъ луны, сказалъ: луна свѣтитъ, какъ солнце, то мы конечно не стали бы говорить, будто онъ свидѣтельствуетъ,

что луна есть солнце, но только *какъ* солнце. Равнымъ образомъ и о томъ, что не золото, а близко къ золоту, обыкновенно говорится, что оно *какъ* золото, а не самое золото. Если бы оно было золото, не стали бы говорить: *какъ* золото, но золото. А такъ какъ оно не есть золото, но близко къ золоту, и представляется золотомъ, то и говорится: не золото, но *какъ* золото. Такъ, когда Господь говоритъ, что святые въ воскресеніи будутъ, *какъ* Ангелы, то мы понимаемъ это не такъ, будто Онъ обѣщаетъ, что святые въ воскресеніи будутъ Ангелами, но близкими къ тому, чтобы быть Ангелами. Поэтому весьма безразсудно говорить, что такъ какъ Христосъ возвѣстилъ, что святые въ воскресеніи явятся, какъ Ангелы, то поэтому настоящія тѣла не востанутъ. Самое выраженіе ясно показываетъ значеніе того, что произойдетъ. Ибо слово: *востаніе* употребляется не о томъ, что не упало, а о томъ, что упало и встаетъ, подобно какъ и пророкъ говоритъ: *Я возстановлю скинію Давиду падшую* (Амосъ 9, 11). Пала же подвергшаяся измѣненію скинія души, неиспустившись *въ прахъ земли* (Дан. 12, 2). Ибо опускается внизъ не то, что не умираетъ, а что умираетъ. Умираетъ же тѣло, ибо душа безсмертна. И такъ если душа безсмертная, а тѣло умираетъ, то тѣ, которые говорятъ, что есть воскресеніе, только не тѣла, отвергаютъ бытіе воскресенія; потому что не стоящее, но падшее и лежащее востаетъ, какъ написано: *развѣ упавши не встаютъ, и совратившись съ дороги, не возвращаются?* (Іерем. 8, 4).

Глава XXXII.

А что душа безсмертна, ясно научилъ Господь, говоря и Самъ и чрезъ Соломона. Самъ—въ исторіи о богатомъ и о нищемъ Лазарѣ, представивъ этого послѣдняго, по отложеніи тѣла, успокоившимся въ нѣдрахъ Авраама, а того осудивъ на мученія, и введши въ бесѣду съ ними Авраама. Чрезъ Соломона же въ книгѣ, надписываемой: „Премудрость“, въ которой написано: *а души праведныхъ въ рукѣ*

Божіей, и мученіе не коснется ихъ. Въ глазахъ неразумныхъ они казались умершими, и исходъ ихъ считался погибелью и отшествіе отъ насъ — уничтоженіемъ: но они пребываютъ въ мирѣ, и надежда ихъ полна безсмертія (Пр. 3, 1—4). И такъ воскресеніе принадлежитъ тѣлу, а не душѣ; ибо не стоящаго поднимаютъ, но лежащаго, равно какъ и лѣчатъ не здороваго, а больнаго. Если же кто усиливается утверждать, что будетъ воскресеніе души, а не тѣла, это великая глупость и безуміе. Ибо прежде должно доказать тлѣніе и разрушеніе души, чтобы доказать и ея воскресеніе, дабы показать себя не пустословящимъ, но основательно говорящимъ. Впрочемъ уступимъ ему, пусть онъ признаетъ душу смертною. Тогда одно изъ двухъ должно положить: или что Господь возвѣстилъ истину, когда училъ, что душа безсмертна, и слѣдовательно не справедливо говорить, что она подлежитъ тлѣнію: или—что подвержена тлѣнію и что Христосъ и въ рѣчи о богатомъ и нищемъ, и въ явленіи Моисея и Иліи, ложно училъ, что она не гибнуща и безсмертна. Но Господь ничего не говорилъ несправедливаго и ложнаго. Ибо не какъ призракъ и привидѣніе, изъ желанія обольстить Апостоловъ, Онъ показалъ имъ на горѣ Моисея и Илію, но то, что они были на самомъ дѣлѣ. Изъ этого, такъ сказать, и самый необразованный пойметъ, что этимъ Онъ подтвердилъ безсмертіе и негиблемость души.

Глава XXXIII.

И такъ воскресеніе принадлежитъ тѣлу, а не душѣ, дабы падшая въ тлѣніе скинія Давидова возстала, и будучи возстановлена и вновь устроена пребывала невредженною и не разрушимою, какъ *въ дни древніе* (Амос. 9, 11); потому что Богу свойственно не каменный домъ Давиду устроять на будущее время, дабы въ царствѣ небесномъ онъ имѣлъ прекрасное жилище, но возстановлять обиталище души — плоть, которую Онъ создалъ своими руками. Такъ ты долженъ разсуждать объ этомъ, мудрѣйшій Аглаофонъ! И это всего легче ты поймешь, если обратишь вниманіе на при-

мѣръ сна и пробужденія. Ибо если за бодрствованіемъ слѣдуетъ сонъ, а за сномъ пробужденіе: то въ этомъ заключается ученіе о смерти и воскресеніи; такъ какъ „сонъ и смерть близнецы“ [1]), то оживотвореніе изъ мертвыхъ, чтобы плоть ожила, такъ же необходимо, какъ востаніе отъ сна. Ибо какъ за сномъ слѣдуетъ бодрствованіе, и спящій конечно не остается на всегда въ одномъ и томъ же сонномъ состояніи, но опять встаетъ, такъ и за смертію послѣдуетъ жизнь, и умершій конечно не останется въ томъ же состояніи. Такъ, если послѣ сна бываетъ бодрствованіе, послѣ паденія—востаніе, послѣ разрушенія возсозданіе: то какъ можно не ожидать, что падшее востанетъ и умершее оживетъ? И мы не обольщаясь исповѣдуемъ, что умершія тѣла снова оживутъ. Объ этомъ, если хочешь, заключай не только отъ сна и востанія, но и отъ сѣмянъ и растеній, такъ какъ всѣми ими возвѣщается воскресеніе. Посмотри на сѣмена, какъ онѣ голыя и тощія бросаются въ землю, а оттуда появляются опять плодоносными. Если-бы сѣмена умирали и согнивали, и изъ сѣмянъ не происходило новой жизни и растенія: тогда что другое вышло-бы, какъ не то, что все было бы истреблено смертію?

Глава XXXIV.

Но болѣе говорить объ этомъ теперь, державный Ѳеофилъ и прочіе судіи словъ нашихъ, мы не станемъ, а разсмотримъ, что слѣдуетъ по порядку, такъ какъ наша рѣчь допустила слишкомъ далекое отступленіе. Ибо по натянутому и несообразному истолкованію противникомъ пророчества въ 65 Псалмѣ, Богъ, будто бы въ наказаніе за грѣхи, заключаетъ душу въ тѣло, какъ въ узы. Это скорѣе нелѣпость, чѣмъ справедливое мнѣніе. Ибо если ранѣе преступленія, какъ мы прежде изложили, души получили тѣло: то какимъ образомъ послѣ преступленія онѣ заключаются въ тѣло, какъ въ узы, когда нѣтъ времени, въ которое бы онѣ прежде полученія тѣла согрѣшили? Тотъ не

[1]) Иліад. XVI, 672.

уменъ, кто говоритъ, то—будто бы души по причинѣ тѣла согрѣшили, то—будто бы послѣ того, какъ согрѣшили, въ осужденіе за это тѣло стало темницею и узами. Если души согрѣшили по причинѣ тѣла, значитъ, тѣло соединено было съ ними сначала, еще прежде грѣха. Ибо какъ онѣ согрѣшили бы по причинѣ того, что еще не существовало? И еще: если тѣло человѣка принимать за узы, оковы и темницу, то не оба они вмѣстѣ виновны во грѣхѣ, но одна душа. Ибо что бываетъ послѣ грѣха съ согрѣшившимъ? Ему готовятъ темницу, узы и оковы. Но мы признали, что тѣло не можетъ быть названо узами души; потому что тѣло содѣйствуетъ ей въ томъ и другомъ, т. е. въ праведности и въ неправедности, а узы удерживаютъ отъ неправды. Поэтому, какъ я говорю, надобно допустить одно изъ двухъ: или мы отъ начала согрѣшили вмѣстѣ съ тѣломъ, и не представляется времени, въ которое бы мы были безъ тѣла, и слѣдовательно тѣло вмѣстѣ съ душею есть вина и добрыхъ и худыхъ дѣлъ; или мы согрѣшили, когда жили безъ тѣла, а посему тѣло совершенно не виновно во злѣ. Но душа безъ тѣла не побѣждается неразумнымъ сластолюбіемъ, а между тѣмъ первозданные побѣждены, бывъ уловлены неразумнымъ сластолюбіемъ; слѣдовательно душа была соединена съ тѣломъ еще до грѣха.

Глава XXXV.

Мнѣ кажется, я уже вполнѣ и со всякою убѣдительностію доказалъ, что нельзя думать, будто тѣло стало узами въ наказаніе за преступленіе, дабы душа, облекшись въ мертвенность, несла, по ихъ мнѣнію, непрестающее и постоянное наказаніе. Посему несостоятельно и невозможно то положеніе, будто тѣло есть сѣть и узы, и будто Богъ заключилъ души въ эту сѣть въ наказаніе, свергнувъ ихъ съ третьяго неба, за то, что онѣ нарушили заповѣдь. Ибо на какомъ основаніи можно повѣрить такимъ опрометчивымъ словамъ ихъ? И въ Псалмѣ этого нѣтъ, а они натянуто изъясняютъ его... Но я представлю самыя слова,

тамъ находящіяся, дабы обнаружилась лживость толкованія ихъ, какъ они не хотятъ правильно понимать Писанія. Эти слова слѣдующія: *Ты испыталъ насъ, Боже, переплавилъ насъ, какъ переплавляютъ серебро. Ты ввелъ насъ въ сѣть, положилъ оковы на чресла наши; посадилъ человѣка на главу нашу. Мы вошли въ огонь и въ воду, и Ты вывелъ насъ на свободу* (Пс. 65, 10—11). Они тотчасъ присовокупляютъ: это сказано о душахъ низверженныхъ съ третьяго неба, гдѣ рай, въ это тѣло, какъ въ сѣть, какъ бы для подвига. Ибо, говорятъ, слова: „мы прошли чрезъ огонь и воду“ означаютъ: или вшествіе души въ міръ чрезъ утробу матернюю, такъ какъ она пребываетъ тамъ какъ бы въ пламени и влагѣ; или — ниспаденіе съ небесъ въ эту жизнь, совершающееся чрезъ источники огненные и воды, находящіяся надъ пространствами тверди. Противъ нихъ-то я и нашелъ нужнымъ выступить. Ты, Аглаофонъ, самъ дай за нихъ отвѣтъ, что они будутъ говорить?

Глава XXXVI.

Во первыхъ рай, откуда мы изгнаны въ лицѣ первозданнаго, очевидно есть избранное мѣсто на этой землѣ, именно назначенное святымъ для безпечальнаго успокоенія и жизни, откуда истекая Тигръ и Евфратъ и другія рѣки показываются здѣсь, чтобы своимъ теченіемъ орошать нашъ материкъ; не съ неба онѣ текутъ и низвергаются, потому что и земля не въ состояніи была бы принять такую массу воды, заразъ устремляющейся съ высоты. И Апостолъ полагаетъ рай не на третьемъ небѣ, если кто умѣетъ понять тонкій смыслъ словъ его: *знаю человѣка, который восхищенъ былъ до третьяго неба. И знаю о такомъ человѣкѣ (только не знаю, въ тѣлѣ, или внѣ тѣла, Богъ знаетъ), что онъ былъ восхищенъ въ рай* (2 Кор. 12, 2—4). Онъ показываетъ, что видѣлъ два откровенія, очевидно дважды бывъ восхищенъ: однажды — до третьяго неба, въ другой разъ — въ рай. Ибо слова: „знаю человѣка, который восхищенъ былъ до третьяго неба“ указываютъ собственно на откровеніе, бывшее ему во время восхищенія на третье

небо; а слѣдующія за тѣмъ слова: „и знаю о такомъ человѣкѣ (только не знаю, въ тѣлѣ или внѣ тѣла, Богъ знаетъ), что онъ былъ восхищенъ въ рай“ указываютъ на другое откровеніе, бывшее ему въ раю. И такъ говоритъ, что души низвергаются съ неба, и, стремясь въ нашъ міръ, проходятъ чрезъ огненные источники и воды надъ пространствами тверди, есть пустословіе и натянутая рѣчь; потому что и Адамъ не съ неба былъ низверженъ, но изъ рая, насажденнаго въ Эдемѣ на востокѣ; и паденіе было не прежде облеченія въ тѣло, какъ мы достаточно показали; также и это тѣло не есть сѣть, но паденіе произошло по соединеніи души съ тѣломъ, потому что человѣкъ состоитъ изъ того и другаго, и изгнаніе изъ рая случилось здѣсь же. Но противники наши, Аглаофонъ, не обратили тщательнаго вниманія на это слово, но пустились въ разсужденіе о такихъ предметахъ, о которыхъ не безопасно разсуждать, и стали изъяснять Псаломъ согласно съ мнѣніемъ людей неблагонамѣренныхъ, о чемъ говорить больше не станемъ.

Глава XXXVII.

Такъ какъ мы однажды рѣшились исправить ихъ невѣжество, то я хочу раскрыть имъ смыслъ и этого пророчества: *Ты испыталъ насъ, Боже, переплавилъ насъ, какъ переплавляютъ серебро.* Такъ мученики, продолжительно искушенные ударами мученій во время пытокъ (ибо многое въ пророчествахъ относится къ намъ и исполняются они по вѣрѣ), славно и мужественно подвизавшись, словами: „Ты испыталъ насъ“ благодарятъ Бога за то, что Онъ, для доставленія имъ большей славы, испыталъ ихъ многими скорбями, предложивъ имъ одержать побѣду въ состязаніи, по истинѣ олимпійскомъ. Посмотрите, какъ согласно съ этими словами и ясно говоритъ о мученіяхъ и Соломонъ (ибо наше слово не лишено свидѣтельства и изъ другихъ Писаній): *потому что Богъ испыталъ ихъ, и нашелъ ихъ достойными Его. Онъ испыталъ ихъ какъ золото въ горнилѣ, и принялъ*

ихъ какъ жертву всесовершенную, и во время воздаянія имъ и пр. (Прем. 3, 5 — 6); а выше сказалъ: *ибо хотя они въ глазахъ людей и наказываются, но надежда ихъ полна безсмертія. И немного наказанные, они будутъ облагодѣтельствованы* (ст. 4—5). И въ 123-мъ Псалмѣ говорится: *если бы не Господь былъ съ нами, когда востали на насъ люди, то живыхъ они поглотили-бы насъ, когда возгорѣлась ярость ихъ на насъ; воды потопили бы насъ, потокъ прошелъ бы надъ душею нашею; прошли бы надъ душею нашею воды бурныя. Благословенъ Господь, который не далъ насъ въ добычу зубамъ ихъ! Душа наша избавилась, какъ птица, изъ сѣти ловящихъ; сѣть расторгнута, и мы избавились* (Пс. 123, 2 — 8). Этотъ Псаломъ поютъ мученики. Такъ два лика добропобѣдныхъ мучениковъ, — одинъ Новаго, другой Ветхаго завѣта поперемѣнно возсылаютъ Богу-Заступнику и Царю всѣхъ стройную пѣснь: *Ты испыталъ насъ, переплавилъ насъ, какъ переплавляютъ серебро; Ты ввелъ насъ въ сѣть, положилъ оковы на чресла наши;* здѣсь разумѣется судилище язычниковъ, или пытки, во время которыхъ истерзанные и опаленные огнемъ были сильно искушаемы. *Искуси меня, Господи,* говоритъ Псалмопѣвецъ, *и испытай меня; расплавь внутренности мои и сердце мое* (Пс. 25, 2). Пусть и Авраамъ, разжегшійся утробою о единородномъ и предпочетшій всему повелѣніе Божіе, послѣ того какъ услышалъ голосъ: Авраамъ! пощади сына своего и брось мечь, говоритъ такія слова: *Ты испыталъ насъ, Боже, переплавилъ насъ, какъ переплавляютъ серебро.* Пусть и Іовъ, послѣ того какъ истекъ гноемъ, поносимъ былъ друзьями и болѣлъ тѣломъ, пусть и онъ, услышавъ Бога, глаголавшаго ему въ вихрѣ: *неужели ты думаешь, что Я такъ поступилъ съ тобою для чего-нибудь иного, а не для того, чтобы ты явился праведнымъ?* (Іов. XL, 3) [1]), говоритъ: *Ты положилъ оковы на чресла наши, испышалъ насъ, какъ золото въ горнилѣ.* Пусть и три отрока, орошаемые въ пещи, дабы не были опалены огнемъ, говорятъ: *Ты испыталъ насъ, Боже, переплавилъ насъ, какъ переплавляютъ серебро. Мы вошли въ огонь и въ воду, и Ты вывелъ*

[1]) По переводу 70-ти толковниковъ.

насъ на свободу... Боже Вседержитель, вѣчный, Отче Христа! Даруй и мнѣ, Меѳодію, когда я въ день Твой безболѣзненно пройду чрезъ огонь и избѣгну стремленія водъ, премѣнившихся въ огненное естество, даруй сказать: — *Я вошелъ въ огонь и въ воду и Ты вывелъ меня на свободу;* ибо таково обѣтованіе Твое любящимъ Тебя: *будешь ли переходить черезъ воды, Я съ тобою, чрезъ рѣки ли, онѣ не потопятъ тебя; пойдешь ли чрезъ огонь, не обожжешься, и пламя не опалитъ тебя* (Исаія, 43, 2). Однако довольно этого для изъясненія Псалма.

Глава XXXVIII.

Теперь должно обратить вниманіе на то, какъ они, подобно соннымъ, увлеченные многообразными обольщеніями, указываютъ на слова Апостола: *я жилъ нѣкогда безъ закона* (Рим. 7, 9), и говорятъ, будто Апостолъ подъ жизнію прежде заповѣди разумѣлъ нашу въ первозданномъ жизнь прежде тѣла, что показываютъ послѣдующія слова: *я плотянъ, проданъ грѣху* (ст. 14); потому что человѣкъ не могъ сдѣлаться подвластнымъ и подчиниться злу, *бывъ проданъ* ему вслѣдствіе преступленія, если бы не сдѣлался плотянымъ; такъ какъ, по ихъ словамъ, душа сама по себѣ недоступна грѣху, поэтому Апостолъ съ намѣреніемъ присовокупилъ: *а я плотянъ, проданъ грѣху,* сказавъ прежде: *я жилъ нѣкогда безъ закона.* Отъ такихъ словъ ихъ многіе въ тогдашнее время приходили въ удивленіе и изумленіе, а теперь, когда истина уже яснѣе обнаружилась, они оказываются не только далеко заблуждающимися, но и дошедшими до крайняго богохульства; допустивъ, что души прежде заповѣди жили безъ тѣла, и разсудивъ, что онѣ сами по себѣ совершенно недоступны грѣху, они опять опровергли свое ученіе, или лучше самихъ себя. Ибо они усвояютъ имъ тѣла, полученныя будто бы послѣ въ наказаніе за то, что онѣ согрѣшили прежде тѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ навлекаютъ неодобреніе и на самихъ себя, уподобляя тѣло узамъ и оковамъ и говоря другія безсмыслицы. Между тѣмъ, какъ сказано, все напротивъ. Ибо душа прежде грѣха

должна существовать вмѣстѣ съ тѣломъ; потому что, если душа сама по себѣ недоступна грѣху, то она никакимъ образомъ не согрѣшила бы прежде тѣла; а если согрѣшила, то уже сама по себѣ не недоступна грѣху, но скорѣе удобопреклонна и легко доступна, слѣдовательно и опять будетъ грѣшить, хотя бы и не получила этого тѣла, какъ грѣшила и прежде полученія его. И вообще для чего бы она получила тѣло впослѣдствіи, послѣ совершенія грѣха? И какая была ей нужда въ тѣлѣ? Если для того, чтобы понести мученія и скорби, то почему же она вмѣстѣ съ тѣломъ роскошествуетъ и распутствуетъ? Какимъ образомъ также она является самовластною въ этомъ мірѣ? Ибо отъ насъ зависитъ исправиться и согрѣшить, отъ насъ—дѣлать добро и дѣлать зло. И можно ли послѣ этого ожидать будущаго суда, на которомъ Богъ воздастъ каждому по дѣламъ и намѣреніямъ? Не признать ли, что судъ уже есть и теперь, если родиться и войти въ тѣло для души значитъ быть осужденной и получить возмездіе, а умереть и разлучиться съ тѣломъ значитъ освободиться и придти въ покой, потому что, по вашему мнѣнію, она заключена въ тѣло въ осужденіе и въ наказаніе за то, что согрѣшила прежде тѣла? Но разсужденіе достаточно и съ избыткомъ доказало, что невозможно признать, будто тѣло есть мѣсто мученія и узы души.

Глава XXXIX.

И такъ, доказавъ изъ самаго Писанія, что первозданный прежде преступленія состоялъ изъ души и тѣла, можно удовлетвориться и окончить здѣсь разсужденіе объ этомъ предметѣ. Таперь, дабы не нарушать порядка рѣчи, я разберу ихъ ученіе въ главныхъ основаніяхъ съ тѣмъ, чтобы возраженіями опровергнуть начала ихъ доказательствъ. Ибо вы уже сами можете видѣть, судіи, что сказанныя въ посланіи къ Римлянамъ слова: *я жилъ нѣкогда безъ закона*—не могутъ, согласно съ ихъ мнѣніемъ, указывать на жизнь души прежде тѣла, какъ показываютъ послѣдующія за тѣмъ слова, хотя бы этотъ знаменитый врачъ, вырвавъ послѣ-

дующее, усиливался передѣлать слова Апостола на пригодный ему смыслъ, поступивъ въ этомъ случаѣ не какъ врачъ, а какъ ребенокъ. Ибо вмѣсто того, чтобы соблюсти члены тѣлесные въ ихъ собственныхъ сочлененіяхъ и связяхъ, дабы весь естественный видъ тѣла былъ цѣлъ, онъ, не обративъ вниманія, изуродовалъ связь Писанія, какъ Скиѳъ, который безпощадно рѣжетъ члены какого-нибудь врага для его истребленія. Пусть такъ; какъ же, скажутъ, разумѣлъ эти слова Апостолъ, когда ты доказалъ, что они имѣютъ не такой смыслъ? Я сказалъ бы, что онъ закономъ называетъ заповѣдь. Пусть же будетъ прежде всего по нашему предположенію, что онъ заповѣдь назвалъ закономъ,—и при этомъ онъ не высказалъ, что первозданный прежде заповѣди жилъ безъ тѣла, а только безъ грѣха. Ибо не много протекло времени отъ сотворенія его до заповѣди, когда онъ жилъ безъ грѣха, не безъ тѣла, но съ тѣломъ. Скоро послѣ заповѣди онъ былъ изгнанъ, очень краткое время проведши въ раю. А если кто, воспользовавшись слѣдующимъ изреченіемъ: *когда мы жили по плоти, тогда страсти грѣховныя, обнаруживаемыя закономъ, дѣйствовали въ членахъ нашихъ*, подумаетъ, будто Апостолъ порицаетъ и обвиняетъ плоть, и прибавитъ къ этому то, что сказано о томъ же въ другихъ мѣстахъ,—именно: *чтобы оправданіе закона исполнилось въ насъ, живущихъ не по плоти, но по духу*, или еще: *ибо живущіе по плоти о плотскомъ помышляютъ, а живущіе по духу о духовномъ; помышленія плотскія суть смерть, а помышленія духовныя жизнь и миръ; потому что плотскія помышленія суть вражда противъ Бога; ибо закону Божію не покоряются, да и не могутъ; но вы не по плоти живете, а по духу* (Рим. 8, 4 — 9), — то ему надобно сказать: отрѣшился ли уже отъ жизни Апостолъ и тѣ, къ которымъ онъ писалъ это, если онъ въ этомъ мѣстѣ порицалъ не жизнь по плоти, но плоть, или еще былъ во плоти? Но что онъ не былъ во плоти, когда написалъ это, этого сказать нельзя; ибо очевидно, что и самъ онъ былъ во плоти, и тѣ, къ которымъ онъ писалъ это. Если бы ни самъ онъ уже не былъ во плоти, ни тѣ, къ которымъ онъ пишетъ, то какъ могъ бы онъ

сказать: *когда мы жили по плоти, тогда страсти грѣховныя, обнаруживаемыя закономъ, дѣйствовали въ членахъ нашихъ?* Итакъ, онъ разсуждаетъ о жизни невоздержной, а не о самой плоти; ибо онъ обыкновенно называетъ живущаго такимъ образомъ человѣка плотскимъ, равно какъ душевнымъ человѣкомъ такого, который потерялъ надежду видѣть истину и свѣтъ таинства. Пусть же говорятъ, что душа совсѣмъ не можетъ спастись. Ибо написано: *душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ сіе безумiемъ; но духовный судитъ о всемъ* (1. Кор. 2, 14. 15). На ряду съ душевнымъ представляется тамъ и духовный человѣкъ,—духовный въ числѣ спасаемыхъ, а душевный въ числѣ погибающихъ, и не потому, будто душа погибаетъ, а другое кромѣ души спасается; такъ и здѣсь, когда онъ говоритъ, что плотскіе и сущіе во плоти погибаютъ и не могутъ угодить Богу, онъ старается истребить не плоть, но жизнь по плоти. Далѣе онъ говоритъ: *живущіе по плоти Богу угодить не могутъ;* и тотчасъ присовокупляетъ: *но вы не по плоти живете, а по духу, если только Духъ Божій живетъ въ васъ;* и нѣсколько далѣе: *если же Духъ Того, Кто воскресилъ изъ мертвыхъ Іисуса, живетъ въ васъ: то Воскресившій Христа изъ мертвыхъ оживитъ и ваши смертныя тѣла Духомъ Своимъ, живущимъ въ васъ. И такъ, братія, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти: ибо, если живете по плоти, то умрете; а если духомъ умерщвляете дѣла плотскія, то живы будете* (Рим. 8, 8. 9. 11. 12. 13). Должно обратить вниманіе на удостовѣреніе Апостола, что не тѣло умерщвляется, а стремленіе тѣла къ сладострастію.

Глава XL.

Если же на это опять возразятъ и скажутъ: почему-же сказано: *плотскія помышленія суть вражда противъ Бога: ибо закону Божію не покоряются, да и не могутъ* (Рим. 8, 7): то надобно сказать, что и здѣсь они погрѣшаютъ. Ибо Апостолъ сказалъ, что не можетъ покоряться закону Божію не самая плоть, но мудрованіе плоти, что совсѣмъ

другое, нежели плоть. Такъ если бы кто-либо сказалъ: примѣсь въ нехорошо-очищенномъ серебрѣ не покоряется художнику, чтобы сдѣлать годный сосудъ; ибо не можетъ, потому что нужно прежде отдѣлить и очистить ее чрезъ огонь: то этимъ показалъ бы, что нельзя выработать въ полезный сосудъ не серебро, но находящуюся въ серебрѣ примѣсь мѣди и другое твердое вещество. Такъ и Апостолъ, сказавъ о мудрованіи плоти, не сказалъ, будто плоть не можетъ покоряться закону Божію, но мудрованіе во плоти, разумѣя стремленіе ея къ невоздержанію. Въ другихъ мѣстахъ онъ называлъ это иногда ветхимъ квасомъ злобы и лукавства, повелѣвая намъ совершенно очищать себя отъ него (1 Кор. 5, 7), иногда—закономъ противовоюющимъ закону ума и плѣняющимъ (Рим. 7, 23). Но если бы онъ говорилъ о самой плоти, что она не можетъ покоряться закону Божію: тогда мы, будемъ ли распутствовать или грабить, или дѣлать другія какія-нибудь подобнаго рода дѣла при посредствѣ тѣла, не могли бы заслужить осужденія отъ праведнаго Судіи; потому что плоть не можетъ покоряться закону Божію. Ибо какъ можно было бы осуждать тѣло, когда оно живетъ сообразно съ присущею ему природою? Равнымъ образомъ тѣла нельзя было бы подчинить требованіямъ непорочности или добродѣтели, такъ какъ ему отъ природы свойственно не покоряться добру. Ибо, если естество плоти таково, что она не можетъ покоряться закону Божію, а законъ Божій есть правда и цѣломудріе: тогда по необходимости совершенно нельзя было бы быть ни дѣвственникомъ, ни воздержникомъ. Если же есть дѣвственники и воздержники, то они воздерживаются очевидно потому, что покоряютъ тѣло; иначе невозможно воздержаться отъ грѣха. Если тѣло не можетъ покоряться закону Божію, то какимъ бы образомъ Іоаннъ подчинилъ свое тѣло чистотѣ, или Петръ—святости, или другіе—праведности? Зачѣмъ же и Павелъ говоритъ: *и такъ да не царствуетъ грѣхъ въ смертномъ вашемъ тѣлѣ, чтобы вамъ повиноваться ему въ похотяхъ его, и не предавайте членовъ вашихъ грѣху въ орудія неправды, но представьте себя Богу, какъ оживившихъ изъ*

мертвыхъ, и члены ваши Богу, въ орудія праведности? (Рим. 6, 12 — 13)—и еще: *какъ предавали вы члены ваши въ рабы нечистотѣ и беззаконію на дѣла беззаконныя: такъ нынѣ представьте члены ваши въ рабы праведности на дѣла святыя?* (ст. 19).

Глава XLI.

И такъ Апостолъ зналъ, что эта внѣшняя храмина можетъ быть исправлена и направлена къ добру, чтобы умерщвлены были въ ней грѣхи. Иначе, какимъ образомъ человѣкъ и въ нашемъ положеніи можетъ поработиться правдѣ, если прежде не покоритъ члены своего тѣла такъ, чтобы они повиновались уже не грѣху, но правдѣ, и не будетъ вести жизнь, достойную Христа? Согрѣшеніе и несогрѣшеніе происходитъ при посредствѣ тѣла, такъ какъ душа пользуется имъ, какъ орудіемъ, въ добродѣтели или въ порокѣ. И если *ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злорѣчивые, ни хищники, царства Божія не наслѣдуютъ* (1 Коринѳ. 6, 9. 10), а дѣла эти совершаются и усиливаются при посредствѣ тѣла,— и оправдаться не можетъ никто, если прежде не воздержится отъ нихъ, воздерживается же отъ нихъ тотъ, кто направленъ къ цѣломудрію и вѣрѣ,—то отсюда слѣдуетъ, что тѣло можетъ покоряться закону Божію; потому что законъ Божій есть цѣломудріе. Посему-то Апостолъ сказалъ, что не покоряется добру не плоть, но мудрованіе плотское, какъ бы истребляя самое ея стремленіе къ невоздержанію, равно какъ и воспламененіе души къ неправдѣ. Вооружаясь и противъ невоздержанія чревобѣсія, онъ сказалъ, что нужно очищать себя, научая истреблять такія пожеланія и страстныя влеченія и пристыждая тѣхъ, которые думаютъ проводить жизнь въ такихъ удовольствіяхъ, которые признаютъ чрево богомъ (Фил. 3, 10), говоря: *станемъ пѣсть и пить; ибо завтра умремъ* (1 Кор. 15, 32), какъ ненасытныя животныя, заботящіяся только о дольней пищѣ и трапезахъ. Сказавши: *пища для чрева, и чрево для пищи,* онъ присовокупилъ: *но*

Богъ уничтожитъ и то и другое; тѣло же не для блуда, но для Господа, и Господь для тѣла. Богъ воскресилъ Господа, воскреситъ и насъ силою своею. Развѣ не знаете, что тѣла ваши суть члены Христовы? И такъ отниму ли члены у Христа, чтобы сдѣлать ихъ членами блудницы? Да не будетъ! Или не знаете, что совокупляющійся съ блудницею становится одно тѣло съ нею, ибо сказано: два будутъ одна плоть (Быт. 2, 24). *А соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ. Бѣгайте блуда: всякій грѣхъ, какой дѣлаетъ человѣкъ, есть внѣ тѣла; а блудникъ грѣшитъ противъ собственнаго тѣла. Не знаете ли, что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа, котораго имѣете вы отъ Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою цѣною. Посему прославляйте Бога и въ тѣлахъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, которыя суть Божіи* (1 Кор. 6, 13—20).

Глава XLII.

Замѣть, что Апостолъ потому сказалъ эти слова, что это тѣло можетъ воспріять законъ Божій и безсмертіе, если очистится отъ нечистыхъ разжженій, совершенно не оскверняясь беззаконными возбужденіями страстей. Ибо что другое можетъ прилѣпляться къ сквернодѣйцѣ, сближаться и быть одною плотію съ нею чрезъ соединеніе и взаимное общеніе членовъ, какъ не это внѣшнее тѣло, которымъ совершаются всѣ эти прегрѣшенія, относящіяся къ совокупленію и разжженію? *Бѣгайте блуда: всякій грѣхъ, какой дѣлаетъ человѣкъ, есть внѣ тѣла; а блудникъ грѣшитъ противъ собственнаго тѣла* (1 Кор. 6, 18). Ибо гордость, невѣріе, ярость, лицемѣріе суть грѣхи души; а блудъ, похоть, развратъ суть грѣхи тѣла; съ ними ни душа не можетъ воспарить къ истинѣ, ни тѣло подчиниться правиламъ цѣломудрія, но оба должны лишиться царства Божія. И такъ, если тѣла наши, содержимыя въ святости, суть *храмъ живущаго въ насъ Духа* (1 Кор. 6, 19), если и Господь пребываетъ въ тѣлѣ, и члены тѣла суть члены Христовы, значитъ, тѣло можетъ покоряться закону Божію и можетъ наслѣдовать царствіе Божіе. *Воскресившій изъ мертвыхъ Христа,*

говоритъ Апостолъ, *оживитъ и ваши смертныя тѣла Духомъ своимъ, живущимъ въ васъ* (Рим. 8, 11), чтобы *тлѣнное сіе облеклось въ нетлѣніе, и смертное сіе облеклось въ безсмертіе, и поглощена была смерть побѣдою* (1 Кор. 15, 54). Не о другомъ тѣлѣ, какъ вы думаете, разсуждалъ здѣсь Апостолъ, но объ этомъ умирающемъ и умерщвляемомъ, посредствомъ котораго можно и блудодѣйствовать и распутствовать.

Глава XLIII.

Если же они предполагаютъ, что есть различіе между тѣломъ и плотію, и желаютъ, чтобы и мы согласились на такое ихъ умствованіе, по которому они тѣломъ почитаютъ нѣчто другое, какъ бы свойственное самой душѣ, невидимое, а плотію — это внѣшнее, видимое: то противъ этого должно сказать, что не только Павелъ и Пророки эту плоть обыкновенно называютъ тѣломъ, но даже и философы, у которыхъ въ особенности наблюдается точность названій. Если они хотятъ научно изслѣдовать это, то вообще плотію называется собственно не вся эта масса нашей тѣлесной храмины, но нѣкоторая часть цѣлаго, какъ то: кости, нервы, жилы, а тѣломъ — все, цѣлое. Поэтому врачи, которые тщательно изслѣдовали природу тѣла, называютъ тѣломъ это видимое тѣло. И самъ Платонъ это самое признаетъ тѣломъ. Такъ въ Федонѣ Сократъ говоритъ: „почитаемъ ли мы смертію что-нибудь другое, а не отрѣшеніе души отъ тѣла? Умереть не то ли значитъ, что тѣло, отрѣшенное отъ души, существуетъ само по себѣ, а душа, отрѣшившаяся отъ тѣла, существуетъ сама по себѣ?“ [1]). И блаженный Моисей (мы опять обращаемся къ Господнимъ Писаніямъ) не это ли тѣло разумѣетъ, которое и мы называемъ, когда говоритъ: *и омоетъ одежды свои* во время очищенія прикоснувшійся къ нечистому, *и омоетъ тѣло свое водою и нечистъ будетъ до вечера?* (Лев. 14, 9. 11, 25). Что и Іовъ? Не это ли мертвенное тѣло обозначаетъ и онъ словами: *тѣло мое одѣто червями?* (Іов. 7, 5). И Соломонъ гово-

[1]) Федон. 64, С.

ритъ: *въ лукавую душу не войдетъ премудрость, и не будетъ обитать въ тѣлѣ, порабощенномъ грѣху* (Прем. 1, 4). И у Даніила говорится о мученикахъ: *огонь не имѣлъ силы* (надъ тѣломъ ихъ), *и волоса на головѣ не опалены* (Дан. 3, 94). Также и Господь въ Евангеліи: *посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ пѣсть и что пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться. Душа не больше ли пищи, и тѣло одежды?* (Мат. 6, 25). И Апостолъ словами: *и такъ да не царствуетъ грѣхъ въ смертномъ вашемъ тѣлѣ* (Рим. 6, 12), указываетъ на это тѣло, въ которое мы облечены: и еще: *если же духъ Того, кто воскресилъ изъ мертвыхъ Іисуса, живетъ въ васъ: то Воскресившій Христа изъ мертвыхъ оживитъ и ваши смертныя тѣла* (Рим. 8, 11); и опять: *если нога скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не рука; то неужели она потому не принадлежитъ къ тѣлу?* (1 Кор. 12, 15). И еще: *и не изнемогши въ вѣрѣ, онъ не помышлялъ, что тѣло его, почти столѣтняго, уже омертвѣло* (Рим. 4, 19); также: *ибо всѣмъ намъ должно явиться предъ судилище Христово, чтобы каждому получить, соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ* (2 Кор. 5, 10); также: *въ посланіяхъ онъ строгъ и силенъ, а въ личномъ* (тѣлесномъ) *присутствіи слабъ, и рѣчь его незначительна* (2 Кор. 10, 10); еще: *знаю человѣка во Христѣ, который назадъ тому четырнадцать лѣтъ (въ тѣлѣ ли, не знаю, внѣ ли тѣла, не знаю* (2 Кор. 12, 2); и опять: *такъ должны мужья любить своихъ женъ, какъ свои тѣла* (Еф. 5, 28); и еще: *Самъ Богъ мира да освятитъ васъ во всей полнотѣ, и вашъ духъ и душа и тѣло да сохранится безъ порока въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа* (1 Сол. 5, 23). Но они, ничего этого вѣрно не понявъ, подумали, что Апостолъ находится въ волненіи и смущеніи, какъ будто мысли его не имѣютъ твердости и основательности въ словахъ, но вращаются туда и сюда и сами себѣ противорѣчатъ: будто бы онъ говоритъ, что плоть то воскреснетъ, то не воскреснетъ.

Глава XLIV.

Посему, дабы не опустить ничего изъ предложеннаго, я опять возвращусь къ предмету, чтобы совершенно пора-

зить гидру. Представивъ въ порядкѣ, какъ я обѣщалъ, и другія основанія ихъ недоумѣнія, и доказавъ, что должно сказать противъ нихъ, я вслѣдъ за этимъ покажу и то, что касательно вѣры въ воскресеніе плоти противникъ сказалъ согласно и тождественно съ нами. И такъ разсмотримъ то, что прежде рѣшились мы сказать о словахъ Апостола. Слова его: *я жилъ нѣкогда безъ закона*, какъ мы показали сначала, означаютъ прежнюю жизнь нашу въ лицѣ прародителей, въ раю, прежде заповѣди, не безъ тѣла, но вмѣстѣ съ тѣломъ; потому что прежде, нежели дана была заповѣдь, *Богъ создалъ человѣка изъ праха земнаго* (Быт. 2, 7); и тогда мы жили безъ похоти, совершенно не зная прираженій неразумной похоти, которая увлекательными обольщеніями удовольствій побуждаетъ насъ къ невоздержанію. Ибо кто не имѣетъ опредѣленнаго закона, сообразно съ которымъ онъ долженъ жить, ни самостоятельной власти разсудка, какой избрать образъ жизни для того, чтобы заслужить справедливую похвалу или порицаніе, тотъ, надобно сказать, свободенъ отъ всякаго обвиненія; потому что такой человѣкъ не можетъ пожелать того, что не запрещено; а если пожелаетъ, не будетъ виноватъ. Ибо желаніе наклоняется не къ присущимъ и находящимся въ нашей власти предметамъ, но къ такимъ, которые, хотя присущи намъ, но не въ нашей власти находятся. Какъ же можетъ кто-либо желать и любить то, что ему не воспрещено и въ чемъ оно не имѣетъ нужды? Посему *я не понималъ бы и пожеланія, если бы законъ не говорилъ: не пожелай* (Рим. 7, 7). А послѣ того, какъ прародители услышали: *а отъ дерева познанія добра и зла, не ѣшьте отъ него; ибо въ день, въ который вы вкусите отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 17),—тогда они возъимѣли страсть и похоть. Ибо похотствующій желаетъ не того, что имѣетъ, надъ чѣмъ властвуетъ и чѣмъ пользуется, но того, что воспрещено ему и отнято и чего не имѣетъ; посему прекрасно сказано: *я не понималъ бы и пожеланія, если бы законъ не говорилъ: не пожелай*, т. е., если бы не было сказано: *не ѣшьте отъ него*. Отсюда мѣсто и поводъ къ происхожденію грѣха, обольщающаго и увлекающаго меня.

Глава XLV.

Послѣ того, какъ дана была заповѣдь, діаволъ сталъ имѣть поводъ посредствомъ заповѣди произвести во мнѣ похоть, возбудивъ и склонивъ меня хитростію впасть въ желаніе запрещеннаго. *Ибо безъ закона грѣхъ мертвъ* (Рим. 7, 8), т. е., доколѣ не дана была и еще не существовала заповѣдь, грѣхъ былъ не дѣйствующимъ, и я прежде заповѣди жилъ непорочно, такъ какъ не имѣлъ опредѣленнаго закона и повелѣнія, сообразно съ которымъ должно было жить, и которое если бы нарушилъ, то согрѣшилъ бы. *Но когда пришла заповѣдь, то грѣхъ ожилъ, а я умеръ: и такимъ образомъ заповѣдь, данная для жизни, послужила мнѣ къ смерти* (Рим. 7, 9—10); потому что послѣ того, какъ Богъ положилъ законъ и опредѣлилъ, что должно дѣлать и чего не дѣлать, діаволъ произвелъ во мнѣ похоть. Такимъ образомъ это завѣщаніе Божіе и повелѣніе, данное мнѣ для жизни и безсмертія, для того, чтобы, повинуясь ему и живя согласно съ нимъ, я имѣлъ радость и жизнь безпечальную и вѣчно блаженную и всегда цвѣтущую безсмертіемъ, по нарушеніи его мною, обратилось мнѣ въ смерть и осужденіе; потому что діаволъ, котораго теперь Апостолъ назвалъ грѣхомъ, — такъ какъ онъ есть виновникъ и изобрѣтатель грѣха, — чрезъ заповѣдь получивъ случай, обманомъ склонилъ меня къ преслушанію и, обольстивъ, умертвилъ, какъ подлежащаго приговору: *ибо въ день, въ который вы вкусите отъ него, смертію умрете* (Быт. 2, 17). — *Посему законъ святъ, и заповѣдь свята, и праведна, и добра* (Рим. 7, 12); потому что дана не во вредъ, а для спасенія: ибо мы никакъ не должны думать, чтобы Богъ дѣлалъ что-нибудь неполезное, или вредное. И такъ ужели благо содѣлалось для меня смертію, т. е. законъ, данный съ тѣмъ, чтобы быть для меня виною величайшаго блага? Да не будетъ! Потому что заповѣдь Божія дана не для того, чтобы поработить меня тлѣнію и наложить на меня печать смерти, виновницы погибели, но дабы обнаружился діаволъ, посредствомъ добра устроившій мнѣ зло, дабы онъ оказался и изобличенъ былъ, какъ

грѣшникъ по преимуществу — изобрѣтатель и устроитель грѣха, и дабы отлученъ былъ отъ всего добраго, какъ устроившій противное заповѣди Божіей. *Ибо мы знаемъ, что законъ духовенъ*, посему никому и ни въ чемъ не можетъ быть причиною вреда; потому что духовное обитаетъ далеко отъ неразумной похоти и грѣха; *а я плотянъ, проданъ грѣху* (Рим. 7, 14), т. е. я, будучи плотянъ и поставленъ среди зла и добра, какъ самовластный, дабы могъ избирать, что хочу — (ибо говоритъ Богъ: *Я предложилъ тебѣ жизнь и добро, смерть и зло*, Втор. 30, 15), — когда уклонился къ преслушанію закона духовнаго, т. е. заповѣди, и послушался плотскаго, т. е. совѣта змія: то вслѣдствіе этого выбора падши въ грѣхъ, я проданъ былъ діаволу. Отсюда зло, осадивъ меня, сидитъ на мнѣ и водворившись живетъ въ плоти моей, какъ трутень въ пчелиномъ сотѣ, часто летая и жужжа вокругъ него. Такъ какъ за нарушеніе заповѣди наложено на меня наказаніе — быть проданнымъ злу, то я и *не понимаю, что дѣлаю*, помышляя о томъ, чего не желаю. Ибо слова: *потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю* (Рим. 7, 15), должно принимать не по отношенію къ совершенію и содѣланію зла, но только по отношенію къ помышленію, такъ какъ посторонніе помыслы часто прилетаютъ къ намъ и склоняютъ насъ къ тому, чего не желаемъ, и душа помыслами увлекается ко многимъ предметамъ.

Глава XLVI.

Ибо совершенно не въ нашей волѣ находится имѣть, или не имѣть помыслъ о чемъ-нибудь непригодномъ, но слѣдовать или не слѣдовать помысламъ зависитъ отъ насъ. Мы не можемъ воспретить, чтобы отвнѣ наносимые для нашего искушенія помыслы не входили въ насъ; но не повиноваться, или не слѣдовать имъ можемъ. Иначе, какимъ образомъ Апостолъ зло, которое ему не нравилось, дѣлалъ гораздо болѣе, а добро менѣе, если бы онъ не говорилъ здѣсь о постороннихъ помыслахъ, которые къ намъ приходятъ иногда противъ нашей воли и неизвѣстно по какой причинѣ? Впрочемъ эти помыслы надобно уничтожать и

обуздывать, дабы, расширяясь за предѣлы, они не овладѣли душею, а при занятіи ими добро возникнуть въ насъ не можетъ. Посему справедливо сказалъ Апостолъ: *ибо не понимаю, что дѣлаю: потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю.* Мы хочемъ, чтобы и не мыслить о неподобающемъ и беззаконномъ, потому что совершенное добро состоитъ въ томъ, чтобы удерживаться не только отъ совершенія зла, но даже и отъ помышленія о немъ: но вотъ добро, котораго хочемъ, не дѣлается, а дѣлается зло, котораго не желаемъ. Ибо часто противъ нашей воли приходятъ намъ на сердце безчисленные помыслы о безчисленныхъ предметахъ, наполняющіе насъ заботою и неразумными хлопотами. Посему желать не помышлять о такихъ предметахъ состоитъ въ нашей волѣ, а сдѣлать такъ, чтобы уничтожить эти помыслы, такъ чтобы они опять не пришли намъ на умъ, нельзя; потому что, какъ я сказалъ, это не въ нашей власти, а въ нашей власти только слѣдовать имъ или не слѣдовать. Посему смыслъ этого изреченія: *что хочу доброе, то не творю,* слѣдующій: хочу даже и не помышлять о томъ, что вредитъ мнѣ, — ибо то добро безукоризненно, которое, какъ говорится, „сдѣлано безукоризненно и совершенно и по рукамъ и по уму“ [1]): — *но не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю;* не хочу мыслить,—и мыслю, о чемъ не хочу. И посмотрите, не поэтому ли самому и Давидъ, болѣзнуя о томъ, что помышляетъ о томъ, о чемъ самъ не хотѣлъ бы, просилъ Бога: *отъ тайныхъ моихъ очисти меня, и отъ умышленныхъ удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною; тогда я буду непороченъ и чистъ отъ великаго развращенія* (Пс. XVIII, 13, 14); и самъ Апостолъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *ниспровергаемъ замыслы и всякое превозношеніе, возстающее противъ познанія Божія, и плѣняемъ всякое помышленіе въ послушаніе Христу* (II Кор. 10, 5).

Глава XLVII.

Если же кто, отваживаясь итти вопреки этихъ словъ, возразитъ, будто Апостолъ учитъ, что не въ помышленіи

[1]) Изреченіе поэта Симонида у Платона, въ Протаг. 339, В.

только мы дѣлаемъ зло, которое ненавидимъ и котораго не желаемъ, но въ самомъ дѣйствіи и совершеніи его, потому что Апостолъ сказалъ: *добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю* (Рим. 7, 19), въ такомъ случаѣ, если говорящій это говоритъ правду, мы попросимъ его объяснить: что это за зло, которое Апостолъ ненавидѣлъ и не хотѣлъ дѣлать, однакоже дѣлалъ, и что это за добро, которое онъ хотѣлъ дѣлать, и однакоже не дѣлалъ; но напротивъ сколько разъ хотѣлъ сдѣлать добро, столько разъ дѣлалъ не добро, котораго хотѣлъ, но зло, котораго не хотѣлъ? То ли, что онъ, не желая служить идоламъ, а служить Богу, не могъ служить Богу, чего хотѣлъ; а могъ служить идоламъ, чего не хотѣлъ? Или то, что желая быть цѣломудреннымъ, не дѣлалъ этого, напротивъ предавался невоздержанію, которымъ гнушался? Кратко сказать: пьянство, распутство, гнѣвъ, неправду и другія дѣла порочныя, которыхъ не хотѣлъ, дѣлалъ; а правды и святости, которыхъ желалъ, не дѣлалъ? Однакоже онъ самъ, усильно побуждая всѣхъ въ Церкви удаляться отъ беззаконій и стараясь развить въ насъ праведность безъ примѣси грѣха, внушаетъ, что блюдутся для погибели и гнѣва не только тѣ, которые дѣлаютъ непотребныя дѣла и занимаются ими, но и тѣ, которые соизволяютъ имъ въ этомъ (Рим. I, 32). Такъ какъ всякій грѣхъ и намѣреніе достигаетъ исполненія посредствомъ плоти, то, ясно научая насъ отвращаться всего этого и ненавидѣть, онъ часто говоритъ въ посланіяхъ: *не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злорѣчивые, ни хищники, царства Божія не наслѣдуютъ* (1 Кор. 6, 9—10). И, самое главное, убѣждая насъ всячески совершенно удаляться и отвращаться грѣха, говоритъ: *будьте подражателями мнѣ, какъ я Христу* (I Кор. 11, 1). Такимъ образомъ онъ сказалъ вышеприведенныя слова не въ томъ смыслѣ, будто онъ дѣлаетъ, чего не хотѣлъ, но въ томъ, что онъ только помышляетъ; иначе какъ бы онъ былъ строгимъ подражателемъ Христу? А теперь, когда животные помыслы часто нападаютъ на насъ, на-

полняя насъ то тѣми, то другими пожеланіями и неразумными похотями, „какъ мухъ неисчетныхъ рои густые“ [1]); то посему онъ сказалъ: *не то дѣлаю, что хочу* (Рим. 7, 15). Эти помыслы мы должны смѣло изгонять изъ души, никакъ не соглашаясь дѣлать то, что они внушаютъ. Ибо для того умъ нашъ и подвергается смущенію отъ многихъ помысловъ, чтобы мы, испытавъ всякія удовольствія и скорби, наслѣдовали царство небесное, если не перемѣнимся къ худшему, но напротивъ всячески искушенные, какъ чистое золото огнемъ, не отступимъ отъ своей добродѣтели. Поэтому мужественно должны мы противостать помысламъ, какъ храбрые воины, которые, узнавъ, что, они осаждены врагами, нисколько не обращаютъ вниманія на стрѣлы и разныя ихъ копья, но бодро устремляются на нихъ для спасенія города и ни мало не ослабѣваютъ въ своемъ усердіи, доколѣ, обративъ въ бѣгство ихъ полчище, не изгонятъ ихъ изъ своихъ предѣловъ. Видишь, какъ помыслы, по причинѣ живущаго въ насъ грѣха, отвнѣ возстаютъ на насъ, подобно бѣшенымъ псамъ, или свирѣпымъ и дерзкимъ разбойникамъ, которыхъ всегда направляетъ противъ насъ жестокій властитель и князь неправды, и которые испытываютъ насъ, имѣемъ ли мы силу противостать имъ и воспротивиться.

Глава XLVIII.

И такъ смотри, душа, чтобы тебѣ, поддавшись ему, не быть увлеченною въ его власть; тогда-мы не въ состояніи будемъ дать за тебя выкупа. Ибо *какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?* (Матѳ. XVI, 26). Хорошо и отрадно было бы, если бы мы не имѣли противудѣйствующихъ намъ и сражающихся съ нами. Но такъ какъ это невозможно, и мы не можемъ достигнуть того, чего желаемъ (ибо мы желаемъ не имѣть увлекающихъ насъ въ страсти; — тогда безъ труда можно бы спастись;—но чего мы желаемъ, то не дѣлается, а бываетъ то, чего не желаемъ; потому что

[1]) Иліад. II, 469.

намъ нужно, какъ я сказалъ, испытаніе), поэтому не поддадимся, душа, не поддадимся лукавому, но облечемся *во всеоружіе Божіе*, насъ защищающее и приготовляющее къ подвигу, облечемся *въ броню праведности и обуемъ ноги въ готовность благовѣствовать миръ; а паче всего возьмемъ щитъ вѣры, которымъ возможемъ угасить всѣ раскаленныя стрѣлы діавола; и шлемъ спасенія* возьмемъ, *и мечъ духовный, который есть слово Божіе, чтобы намъ можно было стать противъ козней* діавольскихъ (Ефес. 6, 11 — 17), и низложить *всякое превозношеніе, востающее противъ познанія Божія* (II Кор. 10, 5); *потому что наша брань не противъ крови и плоти* (Еф. 6, 12). Это я говорю потому, что таковъ характеръ писаній Апостола. Ибо много можно сказать о каждомъ изреченіи въ этомъ посланіи, какъ правильно и строго оно выражено; но долго было бы такимъ образомъ разсматривать каждое изъ нихъ. Я имѣлъ теперь въ виду показать только характеръ и цѣль его рѣчи. Справедливо говоритъ онъ: *потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю; соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ; а потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо знаю, что не живетъ во мнѣ, то есть, въ плоти моей, доброе* (Рим. 7, 15—18). Впрочемъ вы помните, что мы выше поставили себѣ предѣлы, а если я, при всей поспѣшности, желая скоро все изъяснить, слишкомъ замедляю, и объемъ моей рѣчи сталъ больше, чѣмъ я ожидалъ, то надобно же постараться окончить ее; иначе мы никогда не достигнемъ конца въ предложенномъ разсужденіи.

Глава XLIX.

И такъ мы говорили, если вы помните, что съ того времени, какъ человѣкъ, прельстившись, нарушилъ заповѣдь, грѣхъ, получившій начало отъ этого преслушанія, вселился въ него. Такимъ образомъ сперва произошло возмущеніе,— и мы исполнились пожеланій и помысловъ чуждыхъ, лишившись Духа (ἐμθυσήματος) Божія и исполнившись плотской похоти, которую вложилъ въ насъ хитрѣйшій змій, когда мы въ короткое время вышли изъ круга повелѣнія Божія.

Посему-то для истребленія грѣха Богъ изобрѣлъ для насъ смерть; иначе въ насъ безсмертныхъ онъ и самъ, какъ я сказалъ, былъ бы безсмертенъ. Такимъ образомъ словами: *знаю, что не живетъ во мнѣ, то есть, въ плоти моей, доброе,* Апостолъ хочетъ показать, что вслѣдствіе преступленія, посредствомъ пожеланія, вселился въ насъ грѣхъ, отъ котораго, какъ молодые отпрыски и побѣги, всегда возникаютъ въ насъ стадострастные помыслы. Ибо есть въ насъ два рода помысловъ: одни возникаютъ отъ вкравшейся въ тѣло похоти, которая, какъ я сказалъ, произошла отъ вліянія плотскаго (σλαικα) духа; другіе происходятъ отъ закона заповѣди, который получили мы, какъ врожденный и естественный законъ, возбуждающій насъ къ добру и исправляющій наши мысли. Оттого по уму мы соуслаждаемся закону Божію (это внутренній человѣкъ), а по живущей во плоти похоти соуслаждаемся закону діавола;—это тотъ законъ, который противувоюетъ и противудѣйствуютъ закону Божію, т. е. стремленію ума къ добру, тотъ самый, который всегда производитъ въ насъ страстныя и плотскія влеченія къ беззаконію, совершенно увлекая къ сладострастію.

Глава L.

Мнѣ кажется, что Павелъ очевидно предполагаетъ здѣсь три закона, изъ коихъ одинъ соотвѣтствуетъ врожденному въ насъ добру, который онъ ясно назвалъ *закономъ ума;* другой происходитъ отъ прираженія лукаваго и часто увлекаетъ душу въ страстныя представленія, который назвалъ онъ *противовоюющимъ закону ума;* третій, — который укоренился во плоти вслѣдствіе грѣха отъ похоти и который назвалъ онъ *закономъ грѣховнымъ, живущимъ въ членахъ* (Рим. 7, 23). Утверждаясь на этомъ законѣ и имъ управляя, лукавый часто вооружается противъ насъ, понуждая насъ къ неправдѣ и злымъ дѣламъ. Отвнѣ внушаемый лукавымъ законъ и чрезъ чувства, подобно асфальтовой лавѣ, изливающійся внутрь въ самую душу, онъ поддерживается закономъ, находящимся въ плоти вслѣдствіе похоти. Ка-

жется, что въ насъ самихъ есть одно начало лучшее, а другое—худшее. Когда лучшее по природѣ будетъ сильнѣе худшаго, тогда весь умъ устремляется къ добру: а когда худшее, усилившись, будетъ подавлять лучшее, что называется войною противъ вложеннаго въ насъ добра, тогда, напротивъ, человѣкъ опять влечется къ разнаго рода мечтаніямъ и худымъ помысламъ.

Глава LI.

Посему-то Апостолъ и желаетъ избавиться отъ этого, почитая это смертію и гибелью, какъ говоритъ и пророкъ: *отъ тайныхъ моихъ очисти меня* (Пс. 18, 13). Это выражаютъ и слѣдующія слова: *ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ: но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?* (Рим. 7, 22—24). Не тѣло онъ называетъ смертію, но *законъ грѣховный*, который вслѣдствіе преступленія кроется *въ членахъ* нашихъ и, всегда обольщая душу, ведетъ ее къ смерти грѣховной. Посему разсуждая, отъ какой смерти желалъ онъ избавиться, и кто избавитъ его, тотчасъ присовокупляетъ: *благодарю Бога Іисусомъ Христомъ* (ст. 25). Должно, Аглаофонъ, обратить вниманіе на то, что, еслибы Апостолъ называлъ смертію это тѣло, какъ вы думаете, то онъ не упомянулъ бы о Христѣ, какъ избавляющемъ его наконецъ отъ такого зла. Ибо что особеннаго или какое преимущество въ этомъ отношеніи получили мы отъ пришествія Христова? И почему вообще Апостолъ говоритъ, будто бы вслѣдствіе пришествія Христова можетъ быть избавленъ Богомъ отъ смерти, когда всѣмъ и прежде пришествія Христова въ міръ приходилось умирать? Ибо всѣ, разлучаясь съ тѣлами при исходѣ изъ этой жизни, избавлялись (отъ нихъ); даже одинаково всѣ души и вѣрныхъ и невѣрныхъ разлучались съ тѣлами въ день смерти. Что же большаго старался получить Апостолъ сравнительно съ другими, проведшими жизнь въ невѣріи?

Или, если онъ тѣло считалъ смертію души, то для чего онъ желалъ избавиться отъ тѣла, когда это и безъ его желанія, конечно, случилось бы съ нимъ, такъ какъ всѣмъ суждено умереть и душамъ ихъ разлучиться съ тѣлами? И такъ не это тѣло, Аглаофонъ, онъ называетъ смертію, но въ тѣлѣ посредствомъ похоти поселившійся грѣхъ, отъ котораго Богъ избавилъ человѣка пришествіемъ Христовымъ. *Потому что законъ духа жизни во Христѣ Іисусѣ освободилъ* насъ *отъ закона грѣха и смерти* (Рим. 8, 2), чтобы *Воскресившій Христа изъ мертвыхъ оживилъ и наши смертныя тѣла Духомъ своимъ, живущимъ въ насъ* (ст. 11), по осужденіи грѣха, находящагося въ тѣлѣ, на истребленіе, дабы явилось въ прежней силѣ требованіе закона естественнаго, согласно съ заповѣдью влекущаго насъ къ добру,—требованіе, которое, по причинѣ возобладанія грѣха надъ плотію прежде пришествія Христова сдѣлавшись безсильнымъ, было подавляемо земными заботами. Ибо *немощь* добра, въ насъ естественнаго, ослабленнаго преобладаніемъ находящейся въ тѣлѣ похоти, Богъ укрѣпилъ, *пославъ Сына Своего*, воспріявшаго плоть *подобную плоти грѣховной* (ибо что явилось, то было истиною, а не призракомъ), дабы по осужденіи грѣха на истребленіе, такъ чтобы онъ не приносилъ уже болѣе плодовъ во плоти, *оправданіе закона* естественнаго исполнилось и пріумножилось послушаніемъ въ тѣхъ, которые ходятъ не по *плотской* похоти, но по желанію и наставленію духа (Рим. 8, 3, 4). *Ибо законъ духа жизни*, т. е. Евангеліе, будучи отличнымъ отъ вышесказанныхъ законовъ, посредствомъ проповѣди предложенный къ повиновенію и для прощенія грѣховъ, *освободилъ* насъ *отъ закона грѣха и смерти* (ст. 2), совершенно побѣдивъ грѣхъ, царствующій во плоти.— И такъ, Ѳеоѳилъ, что они возражаютъ и что изъ словъ Апостола неправильно толкуютъ, я разъяснилъ и изложилъ. Теперь обращусь къ другому, если найдемъ себѣ помощника въ изложеніи рѣчи; ибо послѣдующее запутанно и не совсѣмъ удобно для опроверженія; посему я не столь охотно приступаю къ этому, видя, какъ длинны и трудны будутъ ихъ доказательства, если только какое-нибудь дуновеніе мудрости,

вдругъ повѣявшее съ неба, не приведетъ насъ, какъ бы плывущихъ среди моря, къ необуреваемой пристани и къ вѣрнѣйшимъ доказательствамъ.

О Воскресеніи.

(Продолженіе) [1]).

1. Растенія,— говоритъ Меѳодій,— питаются или возрастаютъ не отъ земли. Ибо,— говоритъ онъ, — кто-нибудь можетъ спросить, какимъ образомъ земля, измѣняясь, можетъ входить въ составъ деревъ? Если бы находящаяся подъ ними земля постоянно поднималась посредствомъ корней въ цѣлый составъ дерева, тогда то мѣсто, на которомъ выросло дерево, должно было бы опустѣть. Слѣдовательно неосновательно такое разсужденіе ихъ (т. е. Оригенистовъ) о превращеніи въ тѣлахъ. Какъ можетъ земля, входя чрезъ корни въ стволы растеній и посредствомъ проходовъ раздробляясь по всѣмъ вѣтвямъ ихъ, измѣняться въ листы и плоды? Есть весьма высокія деревья, кедръ, сосны, ели и другія, производящія ежегодно много листьевъ и плодовъ; очевидно, что они ничего изъ находящейся подъ ними земли не втягиваютъ въ составъ своего вещества. Ибо, если бы дѣйствительно земля, поднимаясь посредствомъ корней, обращалась въ дерево, то все мѣсто около нихъ должно было бы опустѣть; потому что сухое вещество не можетъ, подобно влажному, постоянно притекать на мѣсто убывающаго. Между тѣмъ смоковница и другія подобныя растенія, какъ извѣстно, часто вырастаютъ на зданіяхъ памятниковъ, совершенно ничего не втягивая въ себя изъ зданія. И если бы кто захотѣлъ вычислить плоды и листья ихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, то увидѣлъ бы, что вѣсъ ихъ въ нѣсколько разъ больше земли, находящейся на памятникахъ. Посему весьма нелѣпо думать,

[1]) Слѣдующіе 23 отрывка изъ сочиненія о воскресеніи сохранились у Патріарха Фотія, Bibl Cod. 234, Св. Іоанна Дамаскина, Parallel. и Orat. II de imagin., Леонтія Византійскаго, Rer. Sac. Lib. 11 и нѣкоторыхъ другихъ. Они расположены въ порядкѣ, принятомъ въ указанномъ изданіи Яна. Стр. 91—99.

будто втягиваемая земля превращается въ произрастающіе плоды и листья, хотя все происходитъ чрезъ нее, пользуясь ею, какъ мѣстомъ и сѣдалищемъ. Такъ и хлѣбъ не производится безъ жернова, и мѣста, и времени, и огня; однако ничто изъ этого не есть или не сдѣлается хлѣбомъ. Подобнымъ образомъ бываетъ и съ другими безчисленными вещами.

II. Изреченіе: *ибо мы знаемъ, что когда земной нашъ домъ хижины разрушится* [1]) и пр. (2 Кор. 5, 1), Оригенисты приводятъ въ опроверженіе воскресенія тѣлъ, называя тѣло хижиною, а упоминаемыя ими духовныя одѣянія — нерукотвореннымъ домомъ на небесахъ. Но, — говоритъ святый Меѳодій, — подъ земнымъ домомъ, въ переносномъ смыслѣ, надобно разумѣть здѣшнюю, кратковременную жизнь, а не эту хижину. Ибо, если вы думаете, что Апостолъ называетъ тѣло разрушающимся земнымъ домомъ, то скажите, что такое хижина, домъ которой разрушается? Ибо иное — хижина, иное — домъ хижины, и иное — мы, которымъ принадлежитъ хижина. *Ибо*, говоритъ онъ, *когда земной нашъ домъ хижины разрушится*, т. е. называя души наши — нами, хижиной — тѣло, а домомъ хижины — пользованіе плотію въ настоящей жизни, въ переносномъ смыслѣ. Итакъ, когда настоящая жизнь тѣлесная разрушится, подобно дому, то мы будемъ имѣть домъ нерукотворенный на небесахъ; *нерукотворенный*, говоритъ онъ, въ противоположность настоящей жизни, называемой рукотворенною, потому что всѣ удобства и занятія жизни совершаются руками человѣческими. Тѣло, какъ произведеніе Божіе, не называется рукотвореннымъ, потому что оно устроено не искусствомъ человѣческимъ. Если бы стали называть его рукотвореннымъ потому, что оно создано Богомъ, то были бы рукотворенными и души, и Ангелы, и духовныя одѣянія на небесахъ; ибо и они — произведенія Божіи. И такъ, что же такое нерукотворенный домъ? Это—самая жизнь кратковременная, какъ я сказалъ, которая устрояется руками человѣческими; ибо сказано: *въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой* (Быт. 3, 19); — и по

[1]) Въ греческомъ подлинникѣ читается: *домъ хижины.*

разрушеніи которой мы имѣемъ будущую, нерукотворенную жизнь, какъ и Господь объяснилъ, сказавъ: *пріобрѣтайте себѣ друзей богатствомъ неправеднымъ, чтобы они, когда обнищаете, приняли васъ въ вѣчныя обители* (Лук. 16, 9). Что Господь назвалъ здѣсь *обителями*, то тамъ Апостолъ—*одѣяніями;* что здѣсь (Господь назвалъ) *друзьями отъ неправды*, то тамъ Апостолъ—*разрушающимися домами.* Какъ, по прекращеніи дней настоящей нашей жизни, души наши будутъ приняты въ прекрасныя зданія благотворительности, которыя мы пріобрѣли среди житейской неправды, потому что *міръ во злѣ лежитъ* (1 Іоан. 5, 19), такъ, по разрушеніи кратковременной жизни, мы, души, будемъ имѣть, прежде воскресенія, обитель у Бога, пока не получимъ себѣ невозобновляемаго и неразрушимаго дома. *Отъ того мы и вздыхаемъ, желая* не сбросить тѣло, но въ немъ *облечься въ другую жизнь* (2 Кор. 5, 2). Ибо *жилище небесное, въ которое мы желаемъ облечься* (2 Кор. 5, 2. 4), есть безсмертіе, въ которое когда мы облечемся, то все въ насъ слабое и смертное уничтожится, бывъ *поглощено* вѣчною *жизнію.*

III. *Ибо мы ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ* (2 Кор. 5, 7), т. е. мы еще руководимся вѣрою, прозрѣвая тамошніе предметы весьма смутно, а не такъ ясно, чтобы созерцать ихъ и наслаждаться ими и быть въ нихъ.

IV. *Но то скажу вамъ, братія, что плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія, и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія* (1 Коринѳ. 15, 50). Плотію онъ называетъ не самую плоть, но безумное стремленіе души къ постыднымъ удовольствіямъ. Сказавъ, *что плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія*, онъ прибавилъ: *и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія.* Тлѣніе же не есть самое растлѣваемое, а растлѣвающее. Когда получаетъ господство смерть, то тѣло склоняется къ тлѣнію, а когда опять водворяется въ немъ жизнь, то оно становится неразрушимымъ. Такъ какъ плоть, находясь между нетлѣніемъ и тлѣніемъ и не будучи сама ни тлѣніемъ, ни нетлѣніемъ, подпала подъ власть тлѣнія по сладострастію, то, хотя она была твореніемъ и стяжаніемъ нетлѣнія, потому и сама подверглась тлѣнію. Но, послѣ

того, какъ она подпала тлѣнію и предана смерти для наказанія, Богъ не оставилъ ея тлѣнію, какъ бы наслѣдіе его послѣ побѣды, но опять побѣдивъ смерть воскресеніемъ, возвратилъ ее нетлѣнію, чтобы не тлѣніе обладало нетлѣніемъ, но нетлѣніе тлѣннымъ. Посему и прибавляетъ Апостолъ: *ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смертному сему облечься въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 53). Тлѣнное же и смертное, облекаемое въ нетлѣніе и безсмертіе, что другое можетъ быть кромѣ того, что *сѣется въ тлѣніи и востаетъ въ нетлѣніи* (ибо душа не есть тлѣнная и смертная, а это тѣло подлежитъ смерти и тлѣнію), *чтобы, какъ мы носили образъ перстнаго, стали носить и образъ небеснаго?* (1 Кор. 15, 49). Ибо образъ перстнаго, который мы носили, заключается въ словахъ: *прахъ ты и въ прахъ возвратишься* (Быт. 3, 19); а образъ небеснаго есть воскресеніе изъ мертвыхъ и нетлѣніе, *дабы, какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ славою Отца, такъ и намъ ходить въ обновленной жизни* (Римл. 6, 4). Если же кто вздумаетъ назвать перстнымъ образомъ самую плоть, а небеснымъ образомъ другое духовное тѣло кромѣ плоти, тотъ пусть напередъ подумаетъ, что Христосъ, небесный человѣкъ, явившись, носилъ члены того же вида, одинаковый образъ и одинаковую плоть съ нашею, по которой Онъ и сталъ человѣкомъ, не бывъ человѣкомъ, дабы, *какъ во Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживи* (1 Кор. 15, 22). Если бы Онъ принялъ плоть не для освобожденія и воскресенія плоти, то для чего Онъ напрасно и носилъ плоть, которой не намѣревался ни спасти, ни воскресить? Но Сынъ Божій не дѣлаетъ ничего напрасно. Слѣдовательно не безъ пользы Онъ принялъ образъ раба, но для воскресенія и спасенія. Ибо Онъ истинно сталъ человѣкомъ и умеръ, а не призрачно, чтобы истинно явиться *первенцемъ изъ мертвыхъ* (Апок. 1, 5), измѣнивъ перстнаго въ небеснаго и смертнаго въ безсмертнаго. Іустинъ Неаполитъ [1]), мужъ не далеко отстоящій отъ Апостоловъ и по

[1]) Св. Іустинъ философъ и мученикъ, происходившій родомъ изъ Неаполя, города Сиріи Палестинской (+166 г. по Р. Х.). Слова его приводятся здѣсь изъ сочиненія, не дошедшаго до насъ. Migne, ук. изд. р. 313.

времени и по добродѣтели, говоритъ, что наслѣдуется смертное, а наслѣдуетъ жизнь, и умираетъ плоть, а живетъ царство небесное. Такъ, когда Павелъ говоритъ: *плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія* (1 Коринѳ. 15, 50), то онъ объявляетъ это,— говоритъ онъ,— не съ тѣмъ, чтобы отвергнуть паки — бытіе плоти, но научить, что не царство Божіе, которое есть вѣчная жизнь, наслѣдуется тѣломъ, но тѣло — жизнію. Ибо если бы царство Божіе, которое есть жизнь, наслѣдовалось тѣломъ, то оказалосьбы, что жизнь поглощается тлѣніемъ. Между тѣмъ жизнь наслѣдуетъ смертное, дабы смерть была побѣдоносно поглощена жизнію и тлѣнное явилось достояніемъ нетлѣнія, освободившись отъ смерти и грѣха и сдѣлавшись рабомъ и подвластнымъ безсмертію, такъ чтобы тѣло было достояніемъ нетлѣнія, а не нетлѣніе достояніемъ тѣла.

V. Объ изреченіи: *и мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде, потомъ мы оставшіеся въ живыхъ* (Сол. 4, 16), святый Меѳодій говоритъ: эти (мертвые)—самыя тѣла; а мы оставшіеся въ живыхъ — это души, получающія воздвигнутыхъ изъ земли мертвецовъ (т. е. тѣла), чтобы намъ, восхищеннымъ вмѣстѣ съ ними въ срѣтеніе Господу, торжественно праздновать предъ Нимъ свѣтлый праздникъ воскресенія, потому что мы получимъ вѣчныя обители, не имѣющія умереть или разрушиться.

VI. Если изъ такой капли малой и совершенно незначительной ни по влажности, ни по содержанію и плотности, какъ бы изъ ничего, происходитъ человѣкъ, то не удобнѣе-ли изъ человѣка, уже существовавшаго, человѣкъ можетъ опять сдѣлаться человѣкомъ? Ибо не такъ трудно снова устроить уже существовавшее и потомъ разрушившееся, какъ создать изъ ничего еще не существовавшее. Если бы мы показали плодотворное сѣмя отдѣляемое отъ мужа само по себѣ, и представили тѣло умершаго само по себѣ, то изъ котораго изъ этихъ предметовъ, открыто лежащихъ предъ нами, по мнѣнію наблюдателей, можетъ произойти человѣкъ? Изъ той ли капли совершенно ничтожной, или изъ того, что уже имѣетъ видъ и величину и лице? Если

та совершенная ничтожность только при изволеніи Божіемъ дѣлается потомъ человѣкомъ, то тѣмъ болѣе уже существующее и вполнѣ образовавшееся при изволеніи Божіемъ можетъ опять сдѣлаться человѣкомъ. Такъ и богословствующій Моисей чего хотѣлъ, когда установлялъ таинственный праздникъ кущей (какъ сказано) въ книгѣ Левитъ? (Лев. 23, 39). Ужели того, чтобы мы праздновали Богу такъ, какъ толкуютъ Іудеи, грубо понимающіе Писаніе, какъ будто Богъ благоугождается этими кущами изъ плодовъ и вѣтвей и листьевъ, которые быстро засыхаютъ, лишаясь зелени? Нельзя этого сказать [1]). Для чего же, скажите, установлено было построеніе кущей? Оно установлено въ знакъ этой истинной нашей кущи, подпавшей тлѣнію чрезъ преступленіе и разрушенной грѣхомъ, которую Богъ обѣщалъ, снова составивши, воскресить неразрушимою, чтобы мы праздновали Ему по истинѣ великій и преславный праздникъ кущей въ воскресеніи, когда наши (тѣлесныя) хижины, составившись и украсившись безсмертіемъ и стройностію, возстанутъ изъ земли нетлѣнными, когда сухія кости, по нѣложному пророчеству (Іезек. 37, 4), бывъ приведены въ стройный составъ свой, услышатъ животворящаго Создателя и верховнаго художника, Бога, опять обновляющаго и скрѣпляющаго плоть уже не тѣми узами, какими они скрѣплялись прежде, но совершенно нетлѣнными и уже неразрушимыми. Я видѣлъ на Олимпѣ (это—гора въ Ликіи) огонь, который самъ собою снизу изъ земли восходилъ до вершины горы, а подлѣ этого огня стоявшее растеніе *агносъ*—столь цвѣтущее и зеленое и тѣнистое, какъ будто оно постоянно росло при водѣ. Почему же это растеніе, если оно принадлежитъ по существу своему къ тлѣннымъ и истребляемымъ огнемъ тѣламъ,—а сгараемымъ по существу своему тѣламъ невозможно оставаться несгараемыми,—не только не сгараетъ, но и дѣлается еще болѣе цвѣтущимъ и зеленѣющимъ, тогда какъ оно по существу своему сгараемо, и притомъ у самыхъ корней его воспла-

[1]) См. Пиръ десяти дѣвъ. Рѣчь IX. Стр. 112.

меняется огонь? Я бросалъ древесныя вѣтви изъ окружающаго лѣса на то мѣсто, откуда выходитъ огонь, и онѣ, объятыя пламенемъ, тотчасъ обращались въ пепелъ [1]). Скажите же, почему это растеніе, которое не можетъ переносить даже солнечнаго зноя, но высыхаетъ, если не будетъ поливаемо и орошаемо, среди такого жаркаго пламени не истребляется, но живетъ и процвѣтаетъ? Что значитъ это диво? Богъ поставилъ это знаменіемъ и предначинаніемъ будущаго дня, чтобы мы яснѣе познали, что, когда все будетъ объято низшедшимъ (съ неба) огнемъ, тѣла, украшенныя дѣвствомъ и праведностію, будутъ проведены Имъ чрезъ огонь, какъ бы чрезъ прохладную воду, не потерпѣвъ никакого вреда. По истинѣ, многомилостивый и щедродательный Господи, *тварь, служа Тебѣ, Творцу, устремляется къ наказанію нечестивыхъ, и утихаетъ для благодѣянія вѣрующимъ въ Тебя* (Прем. 16, 24); по волѣ Твоей огонь доставляетъ прохладу, не причиняя никакого вреда тѣмъ, которымъ Ты самъ опредѣляешь спастись, и напротивъ вода жжетъ сильнѣе огня; и ничто не противится Твоей непобѣдимой силѣ и Твоему могуществу. Ты сотворилъ все изъ ничего; посему Ты все, какъ Свое, измѣняешь и преобразуешь, какъ единый Богъ, по волѣ Своей.

VII. Посему Апостолъ, предоставляя насажденіе и поливаніе искусству, землѣ и водѣ, одному Богу усвояетъ возращеніе, когда говоритъ: *насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возращающій* (1 Кор. 3, 7). Ибо онъ зналъ, что раждающая все, первородная Премудрость Божія и Художница всего, производитъ все въ мірѣ. Древніе мужи называли ее природою и промышленіемъ, потому что она производитъ и возращаетъ все, постоянно промышляя и оказывая попеченіе; ибо *Отецъ мой* (сказалъ Господь), *донынѣ дѣлаетъ, и Я дѣлаю* (Іоан. 5, 17). По этому и Соломонъ назвалъ ее *художницею всего* (Прем. 7, 219), такъ какъ Богъ

[1]) О деревахъ и кустарникахъ близъ воспламеняющейся сѣрной жилы на Ликійской горѣ Олимпѣ, растущихъ и въ настоящее время, свидѣтельствуютъ естествоиспытатели и путешественники. См. Iahn. Method. Op. p. 114 и 128. Объ агносѣ см. въ Пирѣ Дѣвъ, стр. 28, 112 и 118.

не имѣетъ недостатка ни въ чемъ, но можетъ обильно и творить, и созидать, и разнообразить, и возвращать.

VIII. Богъ творящій все и о всемъ пекущійся и промышляющій, взявъ перстъ отъ земли, образовалъ нашего внѣшняго человѣка.

IX. Смотри,—говоритъ Св. Меѳодій,—блаженный Іоаннъ, говоря: *отдало море мертвыхъ, бывшихъ въ немъ, и смерть и адъ отдали мертвыхъ, которые были въ нихъ* (Апок. 20, 13), не указываетъ ли на возвращеніе частицъ (умершихъ людей) стихіями, для возстановленія каждаго изъ нихъ? Подъ моремъ разумѣется влажная стихія, подъ адомъ—воздухъ, по причинѣ его невидимости (ἀειδὲς), по причинѣ незримости, какъ сказано и Оригеномъ; а подъ смертію—земля, потому что умирающій полагается въ ней. Посему и въ Псалмахъ она названа *перстію смертною*, когда Христосъ сказалъ, что *Онъ низведенъ въ персть смертную* (Псал. 21, 16).

X. Всякій составъ, говорится (у св. Меѳодія), состоящій изъ чистаго воздуха и чистаго огня и имѣющій однородность съ ангельскими существами, не можетъ имѣть свойствъ земли и воды; иначе онъ самъ будетъ земляномъ. Такимъ и изъ такихъ (элементовъ состоящимъ) представлялъ Оригенъ имѣющее воскреснуть тѣло человѣческое, которое и назвалъ духовнымъ.

XI. Каковъ же,—говоритъ онъ,—будетъ видъ воскресшаго, если этотъ человѣческій образъ, какъ негодный, по мнѣнію его (Оригена) исчезаетъ, видъ пріятнѣйшій изъ всѣхъ видовъ, какіе свойственны живымъ существамъ, котораго образъ принимаетъ и Божество, какъ изъяснилъ и премудрый Павелъ: *мужъ не долженъ покрывать голову, потому что онъ есть образъ и слава Божія* (1 Кор. 11, 7), въ который облекались и духовныя существа ангельскія? Неужели кругообразный, или многоугольный, или кубическій, или пирамидальный? Весьма много различныхъ видовъ; но это не возможно. Что же это за опредѣленіе, чтобы богоподобный видъ, какъ нѣчто неблагообразное (ибо и онъ самъ признаетъ душу по виду подобною тѣлу), отвергалось, а безногій и безрукій воскресалъ?

XII. Измѣненіе вида,—говоритъ онъ,—есть возвращеніе въ безстрастное и славное состояніе. Нынѣ есть *тѣло желанія и уничиженія* (Фил. 3, 21); посему и Даніилъ названъ мужемъ желаній (Дан. 9, 23); а тогда оно преобразится въ тѣло безстрастное, не чрезъ перемѣну устройства членовъ, но чрезъ освобожденіе отъ желанія вещественныхъ удовольствій.

XIII. Обличая Оригена (Св. Меѳодій), говоритъ: итакъ Оригенъ полагаетъ, что таже плоть не возстанетъ (для соединенія) съ душею, но какой образъ былъ у каждаго по виду, отличающій и нынѣ плоть, такой и воскреснетъ, отпечатлѣвшись въ другомъ духовномъ тѣлѣ, чтобы каждый опять казался такимъ же по виду; въ этомъ и состоитъ обѣщанное воскресеніе. Такъ какъ,—говоритъ онъ,—вещественное тѣло измѣнчиво и никогда не пребываетъ самимъ собою, но убываетъ и прибываетъ соотвѣтственно съ видомъ, характеризующимъ образъ, отъ котораго и составляется обликъ (человѣка), то необходимо слѣдуетъ, что воскресеніе будетъ состоять только (въ воскресеніи) одного вида.—Потомъ спустя немного говоритъ: итакъ, Оригенъ, ты утверждаешь, что ожидается воскресеніе только вида, имѣющаго отпечатлѣться въ духовномъ тѣлѣ, и очевиднѣйшимъ доказательствомъ этого представляешь намъ явленіе Иліи и Моисея; какъ они,— говоришь ты,— явились послѣ смерти, сохранивъ не иной, а тотъ же видъ, какой имѣли прежде, въ такомъ же видѣ будетъ воскресеніе и всѣхъ. Но Моисей и Илія, по словамъ твоимъ, еще прежде страданія и воскресенія Христова, воскресли и явились въ этомъ видѣ. Какъ же Христосъ именуется Пророками и Апостолами *первенцемъ изъ мертвыхъ?* (Апок. 1, 5). Если Христосъ исповѣдуется первенцемъ изъ мертвыхъ,—а первенецъ изъ мертвыхъ есть тотъ, кто воскресъ прежде всѣхъ,—Моисей же еще прежде страданія Христова явился Апостоламъ въ этомъ видѣ, въ какомъ, по словамъ твоимъ, совершится воскресеніе, то слѣдуетъ, что видъ не воскресаетъ безъ плоти. Итакъ: или есть воскресеніе одного вида, какъ ты учишь, и въ такомъ случаѣ Христосъ не можетъ быть

Первенцемъ изъ мертвыхъ, потому что еще прежде Него являлись въ этомъ же видѣ души умершихъ; или Онъ есть Первенецъ, какъ и дѣйствительно есть, и совершенно невозможно, чтобы кто-нибудь прежде Него удостоился воскресенія, такъ чтобы опять не умирать. Если же прежде Него никто не воскресалъ, и Моисей и Илія являлись Апостоламъ, имѣя не плоть, а только видъ, то становится яснымъ воскресеніе плоти. Подлинно, весьма нелѣпо ограничивать воскресеніе однимъ видомъ, тогда какъ души и послѣ исхода изъ тѣлъ оказываются не слагающими того вида, который, по твоимъ словамъ, воскреснетъ. Если же этотъ видъ неразлучно соединенъ съ ними, какъ и съ душами Моисея и Иліи, и, по твоимъ словамъ, не истлѣваетъ и не погибаетъ, а всегда пребываетъ съ ними, то слѣдуетъ, что не воскреснетъ видъ, который никогда не отпадалъ.—Если же кто, не удовлетворяясь этимъ, возразитъ: какъ же, если никто не воскресалъ прежде сошествія Христа во адъ, о нѣкоторыхъ повѣствуется, что они воскресли прежде Него, напр. сынъ вдовы Сарептской (3 Цар. 14, 22), сынъ Сонамитянки (4 Цар. 4, 35) и Лазарь? (Іоан. 11, 44)—то нужно сказать: они воскресали съ тѣмъ, чтобы опять умереть, а мы разсуждаемъ о тѣхъ, которые послѣ воскресенія уже никогда не умрутъ. Если же онъ еще выскажетъ сомнѣніе касательно души Иліи, о которомъ Писанія говорятъ, что онъ былъ вознесенъ во плоти, а мы говоримъ, что онъ явился Апостоламъ безъ плоти; то нужно сказать, что допускать явленіе его Апостоламъ во плоти — значитъ — говорить въ нашу пользу. Ибо этимъ доказывается, что наше тѣло способно къ нетлѣнію, какъ это видно и на взятомъ (на небо) Энохѣ (Быт. 5, 24). Если бы оно не было способно къ нетлѣнію, то онъ не могъ бы оставаться столь долгое время въ неповрежденномъ состояніи. Такимъ образомъ, если онъ явился съ тѣломъ, то, хотя бы онъ былъ умершимъ, онъ однако не былъ еще воскресшимъ изъ мертвыхъ. Это мы говоримъ, чтобы сдѣлать уступку Оригену, который утверждаетъ, будто самый видъ, отдѣляемый отъ тѣла послѣ смерти, дается душѣ, что всего невозможнѣе, такъ какъ

видъ при измѣненіяхъ разрушается прежде плоти, подобно тому, какъ видъ расплавливаемой статуи — прежде разрушенія цѣлаго ея состава. Качество не можетъ отдѣляться отъ вещества такъ, чтобы существовать самому по себѣ; и отъ расплавливаемой статуи бывшій въ мѣди видъ отдѣляется исчезая, но не получая существованія самъ по себѣ. Такъ какъ говорятъ, что при смерти видъ отдѣляется отъ плоти, то разсмотримъ, сколько считается способовъ отдѣленія отдѣляющагося. Говорятъ, что одно отдѣляется отъ другаго или дѣйствіемъ и существомъ, или мыслію, или дѣйствіемъ безъ существа. Такъ, если бы кто сталъ отдѣлять другъ отъ друга смѣшанныя между собою пшеницу и ячмень, то отдѣленіе посредствомъ движенія называется дѣйствіемъ, а поколику отдѣленныя существуютъ сами по себѣ, то они называются отдѣленными по существу. Мысленно же отдѣленіе бываетъ тогда, когда мы отдѣляемъ вещество отъ качествъ и качества отъ вещества; а (отдѣленіе) дѣйствіемъ безъ существа бываетъ тогда, когда отдѣленное одно отъ другаго болѣе не существуетъ, не имѣя бытія само по себѣ. Это всякій можетъ видѣть и въ ремесленныхъ произведеніяхъ, взглянувъ на статую, или мѣднаго коня. Обративъ на это вниманіе, онъ увидитъ, какъ измѣняется естественный видъ и дается другой видъ, отъ котораго исчезаетъ природный видъ. И если кто станетъ сплавливать произведенія, имѣющія видъ человѣка или коня, то найдетъ, что видъ изображенія исчезаетъ, а самое вещество остается. Итакъ неосновательно говорить, будто видъ воскресаетъ, нисколько не повредившись, а тѣло, въ которомъ этотъ видъ напечатленъ, истлѣваетъ.—Но, „это такъ,— говоритъ онъ, — потому что видъ измѣнится въ духовное тѣло“. Слѣдовательно необходимо допустить, что собственно самый первоначальный видъ не воскресаетъ, такъ какъ онъ измѣняется, истлѣвая вмѣстѣ съ плотію; ибо если онъ преобразится въ духовное тѣло, то это будетъ собственно не онъ самъ, первоначально бывшій видъ, но нѣкоторое подобіе его, преобразовавшееся въ тонкое тѣло; если же такъ, то ни видъ тотъ же самый, ни тѣло не воскресаетъ, а

нѣчто другое вмѣсто прежняго. Ибо подобіе, будучи инымъ въ сравненіи съ подобнымъ себѣ, не можетъ быть тѣмъ самымъ первымъ, чего оно есть подобіе.

XIV. Видъ, говорится (у св. Меѳодія), есть то, что показываетъ тождество членовъ въ характерѣ облика каждаго (лица).

XV. Оригенъ объяснялъ въ аллегорическомъ смыслѣ сказанное пророкомъ Іезекіилемъ о воскресеніи мертвыхъ, и съ натяжкою прилагалъ это къ возвращенію плѣненныхъ въ Вавилонѣ Израильтянъ, а святый (Меѳодій) въ опроверженіе его, послѣ многаго другаго, говоритъ и слѣдующее: нѣтъ, они не возвратили полной свободы и не совершенно преодолѣвъ враговъ поселились въ Іерусалимѣ; но, пытаясь строить храмъ, часто встрѣчали препятствія отъ иноплеменниковъ. Посему они едва въ 46 лѣтъ могли построить его, тогда какъ Соломонъ съ основанія выстроилъ его въ седмь лѣтъ. И что еще нужно сказать? Начиная отъ Навуходоносора и послѣдующихъ за нимъ царей, до похода Персовъ противъ Ассиріянъ и до царствованія Александра, и до войны Римлянъ съ Іудеями, непріятели шесть разъ разрушали Іерусалимъ. Объ этомъ повѣствуетъ Іосифъ (Флавій) такъ: „Іерусалимъ былъ взятъ во второй годъ царствованія Веспасіана; и прежде пять разъ онъ былъ завоевываемъ, а въ это время еще разъ подвергался опустошенію; ибо Асохей, царь Египетскій, за нимъ Антіохъ, потомъ Помпей, а послѣ нихъ Сосій вмѣстѣ съ Иродомъ, взявши городъ, сожгли его; а прежде нихъ царь Вавилонскій, овладѣвъ, опустошилъ его“ [1]).

XVI. Оригенъ говоритъ слѣдующее: о Лазарѣ и богатомъ можетъ возбуждаться сомнѣніе; люди простѣйшіе думаютъ, что здѣсь сказано, будто они оба вмѣстѣ съ тѣлами получаютъ достойное по дѣламъ своей жизни; а болѣе точные думаютъ, что это событіе совершается не при воскресеніи, такъ какъ послѣ воскресенія никто не останется въ этой жизни; между тѣмъ богатый говоритъ: *у меня пять*

[1]) Іос. Флав. De bello jud. Lib. IV, c. 10.

братьевъ; чтобы и они не пришли въ сіе мѣсто мученія, пошли Лазаря возвѣстить имъ о здѣшнемъ (Лук. 16, 27, 28). Если обратить вниманіе на языкъ, перстъ, лоно Авраамово и возлежаніе на немъ, то можно допускать, что душа тотчасъ при отдѣленіи принимаетъ видъ, подобный грубому и земному тѣлу. Посему, когда повѣствуется о явленіи когонибудь изъ умершихъ, то онъ является въ видѣ подобномъ тому, какой онъ имѣлъ во плоти. Далѣе и Самуилъ, явившись и очевидно бывъ видимымъ, представляется какъ облеченный тѣломъ,—хотя доказательства на то, что существо души безтѣлесно, заставляютъ насъ признать и ее (душу Самуила) такою же. Наказываемый богачъ и покоющійся на лонѣ Авраамовомъ бѣдный, о которомъ повѣствуется, что еще до втораго пришествія Спасителя и кончины вѣка, и слѣдовательно, прежде воскресенія, одинъ мучится во адѣ, а другой покоится на лонѣ Авраама, научаютъ насъ, что и теперь душа при отдѣленіи получаетъ нѣкоторое тѣло. На это святый (Меѳодій) говоритъ слѣдующее: допуская, что душа по отшествіи отсюда имѣетъ другой обликъ, подобный чувственному виду (Оригенъ), согласно съ Платономъ не подводитъ ли ее подъ нѣчто безтѣлесное? Ибо говоритъ, что она по переселеніи изъ міра нуждается въ сѣдалищѣ и одѣяніи, такъ что не можетъ оставаться нагою, не значитъ ли это, что она сама по себѣ безтѣлесна? А будучи безтѣлесною, не будетъ ли она и свободною отъ страстей? Изъ того, что она безтѣлесна, слѣдуетъ, что она и безстрастна и невозмутима. А еслибы она совершенно не могла увлекаться неразумнымъ пожеланіемъ, то она и не сообщалась бы съ прискорбнымъ и страждущимъ тѣломъ. Ибо безтѣлесное никогда не можетъ сочувствовать тѣлу и тѣло безтѣлесному, чтобы душа, согласно сказанному, оставалась безтѣлесною. Если же она состраждетъ тѣлу, какъ доказываютъ и свидѣтельства являвшихся (умершихъ), то она не можетъ быть (совершенно) безтѣлесною. Подлинно, одинъ только Богъ почитается не сотвореннымъ, ни въ чемъ ненуждающимся и неутомляющимся существомъ; Онъ безтѣлесенъ; потому и невидимъ;

ибо *Бога не видалъ никто* (Іоан. 1, 18). А души, будучи духовными тѣлами, устроены Создателемъ и Творцемъ всего съ членами, созерцаемыми умомъ, получивъ такой отпечатокъ. Посему и въ адѣ, какъ повѣствуется о Лазарѣ и богачѣ, онѣ имѣютъ и языкъ, и перстъ, и прочіе члены, не такъ, чтобы имъ присуще было другое безвидное тѣло, но потому, что сами души, совершенно обнаженныя отъ всякаго одѣянія, отъ природы таковы по существу своему.

XVII. Такъ какъ ясно, что души безстрастны и послѣ отшествія отъ сей жизни не получаютъ опять другихъ тѣлъ, въ которыхъ онѣ явились бы предъ воскресеніемъ, то здѣсь слѣдовало бы показать разногласіе и противорѣчіе его (Оригена) самому себѣ.

XVIII. Самъ онъ (Оригенъ) признаетъ это, когда говоритъ: „если когда-либо кто-нибудь изъ умершихъ являлся, какъ говорятъ, то являлся подобнымъ тому виду (въ какомъ онъ былъ), когда имѣлъ плоть". Какъ же намъ не сказать, что ты, Оригенъ, оказываешься говорящимъ тоже самое? Ибо, если и сама душа послѣ отшествія отъ міра имѣетъ видъ, подобный плоти, отпечатлѣваясь въ тѣхъ же членахъ, такъ что имѣетъ и языкъ и перстъ и прочее то почему же, если душа принимаетъ этотъ видъ главнаго и перваго (тѣла своего), не отпечатлѣется въ одинъ и тотъ же видъ съ нею и имѣющее быть для ней тѣло?

XIX. Въ концѣ святый (Меѳодій) говоритъ: изреченіе: *для того Христосъ умеръ, чтобы владычествовать и надъ мертвыми и надъ живыми* (Римл. 14, 9), нужно разумѣть о душахъ и тѣлахъ: подъ живыми разумѣются души, такъ какъ онѣ безсмертны, а подъ мертвыми — тѣла.

XX. Если тѣло человѣка выше всѣхъ животныхъ, потому что оно образовано руками Божіими, какъ говорится (въ Писаніи), такъ какъ оно есть достойное чести сѣдалище разумной души, то почему оно кратковременно, между тѣмъ какъ тѣло нѣкоторыхъ неразумныхъ долговременнѣе его? Не ясно ли, что его долговременное существованіе будетъ послѣ воскресенія?

XXI. Великую тайну заключаетъ въ себѣ также исторія

(Пророка) Іоны. Подъ китомъ кажется разумѣется время, какъ никогда не останавливающееся, но всегда текущее и поглащающее раждающіяся существа въ болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени. Іона, убѣгающій отъ лица Божія, есть самъ первый человѣкъ, который, преступивъ заповѣдь и чрезъ грѣхъ лишившись дерзновенія предъ Богомъ, убѣжалъ, чтобы не явиться обнаженнымъ отъ безсмертія. Корабль же, на который вступивъ онъ былъ обуреваемъ, есть кратковременная и тяжкая жизнь настоящаго времени, такъ какъ мы измѣнились и перенеслись изъ той блаженной и безопасной жизни въ эту многобурную и непостоянную жизнь, какъ съ земли на корабль. Ибо корабль по отношенію къ землѣ тоже, что настоящая жизнь по отношенію къ жизни безсмертной. Буря и востающія волны суть здѣшнія наши искушенія, которыя въ этомъ мірѣ, какъ въ бурномъ морѣ, не позволяютъ намъ совершать прямое теченіе жизни въ тишинѣ и безмятежности отъ золъ. А сверженіе Іоны съ корабля въ море означаетъ ниспаденіе отъ жизни въ смерть первозданнаго, услышавшаго за то, что онъ согрѣшивши уклонился отъ правды, слѣдующій приговоръ: *прахъ ты и въ прахъ возвратишься* (Быт. 3, 19). Поглощеніе же китомъ означаетъ наше неизбѣжное разрушеніе, происходящее отъ времени; ибо чрево, въ которомъ скрылся поглощенный Іона, есть всепоглощающая земля, принимающая все, истребляемое временемъ. И такъ подобно тому, какъ Іона, проведши во чревѣ кита три дня и столько же ночей, вышелъ опять здоровымъ, такъ и всѣ мы, прошедши на землѣ три разстоянія настоящаго вѣка, т. е. начало, средину и конецъ, изъ которыхъ состоитъ все настоящее время, воскреснемъ. Ибо вообще три подраздѣленія времени: прошедшее, настоящее и будущее. Посему и Господь, знаменательно проведши въ землѣ столько же дней, ясно показалъ, что по исполненіи упомянутыхъ подраздѣленій времени, наступитъ наше воскресеніе, которое есть начало будущаго вѣка и конецъ настоящаго. А въ томъ вѣкѣ нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, а только настоящее. Еще: Іона, проведши во чревѣ

кита три дня и три ночи, не подвергся разрушенію, такъ чтобы его плоть истлѣла вслѣдствіе совершающагося во чревѣ естественнаго гніенія принимаемыхъ яствъ по причинѣ большого жара у морскихъ животныхъ, чтобы показать, что эти тѣла наши могутъ быть невредимыми. Представь, что Богъ создалъ одни изъ образовъ своихъ, какъ бы изъ золота, изъ чистѣйшей духовной сущности, именно Ангеловъ, а другіе какъ бы изъ гипса, или мѣди, т. е. насъ; ибо душу, созданную по образу Божію, Онъ соединилъ съ землею. И какъ всякіе образы здѣшняго царя слѣдуетъ почитать ради находящагося на нихъ изображенія, такъ и о насъ, имѣющихъ въ себѣ образъ Божій, не слѣдуетъ думать, что мы стремимся къ совершенной погибели, какъ презрѣнные. Посему Слово и сошло въ нашу вселенную и воплотилось съ нашимъ тѣломъ, чтобы устроивъ этотъ образъ, какъ бы разрушившійся отъ времени, въ благолѣпнѣйшій видъ, воскресить его негибнущимъ. Такъ изъясняя таинственно совершившееся на пророкѣ домостроительство, мы находимъ все сказаніе (о немъ) явно направленнымъ къ этому.

XXII. Такъ изображенія здѣшнихъ царей почитаются всѣми, хотя бы они были сдѣланы и не изъ весьма драгоцѣнныхъ веществъ — золота или серебра. Люди, уважая (эти изображенія), сдѣланныя изъ весьма драгоцѣннаго вещества, не презираютъ однако и сдѣланныхъ изъ недрагоцѣннаго, но почитаютъ всякія на землѣ, хотя бы они были изъ гипса или мѣди. И кто осмѣлился хулить какое-нибудь изъ нихъ, тотъ не отпускается, какъ хулившій грязь, и не судится, какъ унижавшій золото, но какъ нечестиво поступившій противъ Самаго Царя и Владыки. И устрояемыя изъ золота изображенія Ангеловъ Его (Бога), Началъ и Властей, мы устрояемъ въ Его честь и славу.

XXIII. Каждому лицу нужно во всемъ воздавать должное.

в) О сотворенномъ.

(Противъ Оригена) [1].

I. Въ изреченіи: *не давайте святыни псамъ, и (не бросайте) жемчуга вашего предъ свиньями* (Мат. 7, 6), подъ жемчугомъ этотъ человѣкъ [2]) разумѣлъ таинственное ученіе Богопреданнаго богопочтенія, а подъ свиньями — людей, погрязающихъ въ нечестіи и всякихъ (чувственныхъ) наслажденіяхъ, подобно свиньямъ въ грязи; имъ, говоритъ онъ, Христосъ повелѣваетъ не предлагать Божественнаго ученія, потому что они не могутъ вмѣстить его, какъ преданные нечестію и грубымъ удовольствіямъ. Великій Меѳодій говоритъ: если подъ жемчугомъ нужно разумѣть досточтимое и Божественное ученіе, а подъ свиньями — людей, преданныхъ нечестію и (чувственнымъ) наслажденіямъ, отъ которыхъ должна быть устраняема и скрываема апостольская проповѣдь, возбуждающая благочестіе и вѣру во Христа, то смотри, не говоришь ли ты, что никто изъ христіанъ не (долженъ былъ) обращаться проповѣдію Апостоловъ отъ прежняго своего нечестія. Тогда они, конечно, не стали бы предлагать Христовыхъ таинствъ тѣмъ, которые невѣріемъ уподоблялись свиньямъ. Такимъ образомъ или эти таинства преподаны и проповѣданы учениками Христовыми всѣмъ Эллинамъ и другимъ невѣрнымъ и обратили ихъ отъ нечестія въ вѣру Христову (какъ мы дѣйствительно вѣруемъ и исповѣдуемъ), и тогда уже нельзя понимать изреченіе: *не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями* такъ, какъ сказано; или, допустивъ сказанное толкованіе, намъ необходимо сказать, что никому изъ невѣрныхъ, которыхъ мы сравниваемъ со свиньями, не была сообщаема апо-

---

[1]) Извлеченія изъ этого сочиненія сохранились въ библіотекѣ Патр. Фотія, Cod. 235, который начинаетъ ихъ такъ: „краткое извлеченіе изъ прочитаннаго творенія святаго мученика и Епископа Меѳодія: *о сотворенномъ*“. Раздѣленіе на части здѣсь принято согласно съ изданіемъ Яна, S. Meth. Oper. p 100—102.

[2]) Въ подлинникѣ: ξενών; подъ этимъ названіемъ разумѣютъ Оригена, который ниже называется по имени. Migne указ. изд. p. 331.

стольскою проповѣдью, свѣтло украшающею души подобно жемчугу, вѣра во Христа и свобода отъ нечестія. Но это богохульно. И такъ подъ жемчугомъ не слѣдуетъ здѣсь разумѣть таинственное ученіе, а подъ свиньями — нечестивыхъ, и изреченіе: *не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями* не нужно объяснять такъ: не сообщайте нечестивымъ и невѣрнымъ таинственныхъ и совершеннѣйшихъ истинъ вѣры Христовой. Но подъ жемчугомъ нужно разумѣть добродѣтели, которыми, какъ драгоцѣннымъ жемчугомъ, украшается душа; не должно повергать ихъ свиньямъ, т. е. не должно жертвовать добродѣтелями, какъ то: дѣвственностію, цѣломудріемъ, справедливостію и истинностію — сладострастнымъ удовольствіямъ (которыя уподобляются свиньямъ), чтобы они, истребивши добродѣтели, не вовлекли душу въ жизнь свинскую и исполненную страстей.

II. Оригенъ, котораго (Св. Меѳодій) называетъ кентавромъ [1]), училъ, что вселенная совѣчна единому премудрому и ни въ чемъ не имѣющему нужды Богу. Онъ говорилъ: если Создатель не бываетъ безъ созданій, творецъ безъ твореній, вседержитель безъ содержимаго, потому что непремѣнно Создатель называется по созданіямъ, творецъ по твореніямъ и вседержитель по содержимому; то необходимо слѣдуетъ, что они были при Богѣ отъ начала и что не было времени, когда бы ихъ не было. Иначе, если было время, когда не было твореній, а безъ твореній нѣтъ и Творца; то смотри, какое слѣдуетъ нечестіе: окажется, что непремѣняемый и неизмѣняемый Богъ измѣняется и премѣняется. Ибо, если Онъ только впослѣдствіи сотворилъ вселенную, то ясно, что Онъ измѣнился, перешедши отъ нетворенія къ творенію; но это нелѣпо послѣ сказаннаго; слѣдовательно нельзя говорить, что міръ небезначаленъ и несовѣченъ Богу.

III. Святый (Меѳодій), возражая ему, спрашиваетъ отъ лица другаго: почитаешь ли ты Бога началомъ и источникомъ мудрости и славы и вообще всякой добродѣтели суще-

[1]) *Кентавръ*—баснословное существо съ головою и грудью человѣка и съ туловищемъ коня.

ственно, а не чрезъ пріобрѣтеніе? Тотъ: да. Что же далѣе? Не совершенъ ли Онъ во всемъ Самъ по Себѣ и вседоволенъ? Правда; ибо невозможно, чтобы существо, ни въ чемъ не нуждающееся, было ни въ чемъ не нуждающимся съ помощію другаго, такъ какъ все, восполняемое съ помощію другаго, необходимо нужно назвать несовершеннымъ. Значитъ, одно только существо, имѣющее полноту само въ себѣ и чрезъ себя самого, надобно считать совершеннымъ? Весьма справедливо говоришь ты. А то, которое ни само по себѣ не имѣетъ полноты, ни восполняетъ само себя, назовешь ли ты ни въ чемъ не нуждающимся? Нѣтъ. И такъ Бога нельзя почитать совершеннымъ чрезъ что-либо другое? Ибо то, что совершено чрезъ что-либо другое, само по себѣ необходимо бываетъ несовершеннымъ; слѣдовательно не должно ли почитать и Бога совершеннымъ чрезъ Себя Самого, а не чрезъ другаго? Весьма справедливо. Не есть ли Богъ иное, нежели міръ, и міръ иное, нежели Богъ? Конечно такъ, По сему не слѣдуетъ называть Бога совершеннымъ и Создателемъ и Вседержителемъ чрезъ міръ? Нѣтъ. Дабы Онъ оставался совершеннымъ Самъ по Себѣ и чрезъ Себя, а не чрезъ міръ и притомъ измѣнчивый? Такъ слѣдуетъ. А что, богатый считается богатымъ не за богатство ли? Справедливо. И мудраго называютъ мудрымъ не за пріобрѣтеніе ли дѣйствительной мудрости, хотя самъ онъ не есть мудрость? Такъ. Что же, и Бога, отличнаго отъ міра, не нужно ли называть богатымъ и благодѣтелемъ и Создателемъ за міръ? Никакъ нѣтъ. Слѣдовательно Онъ Самъ по Себѣ есть богатство, и Самъ по Себѣ богатъ и могущественъ? Кажется. Значитъ, не былъ ли Онъ еще прежде міра ни въ чемъ не нуждающимся, и Отцемъ и Вседержителемъ и Создателемъ, чтобы Ему быть такимъ Самому чрезъ Себя, а не чрезъ другаго? Необходимо. Подлинно, если бы Онъ, отличаясь отъ міра, не Самъ по Себѣ, а чрезь міръ дѣлался Вседержителемъ (прости Боже; я вынужденъ говорить это), то Онъ Самъ по Себѣ былъ бы несовершеннымъ и нуждающимся въ томъ, чрезъ что Онъ вышеестественно становится Вседержителемъ и Соз-

дателемъ. И такъ должно отвергать такой пагубный грѣхъ говорящихъ о Богѣ, что Онъ есть Вседержитель и Создатель чрезъ содержимое и созданное, а не Самъ чрезъ Себя.

IV. Посмотри еще: если, говоришь ты, несуществовавшій прежде міръ сотворенъ впослѣдствіи, то необходимо слѣдуетъ, что безстрастный и неизмѣняемый Богъ измѣняется; ибо кто прежде ничего не творилъ, а потомъ (перешелъ) отъ нетворенія къ творенію, тотъ необходимо терпитъ измѣненіе и премѣненіе. Я уже спрашивалъ: пересталъ ли Богъ творить міръ, или нѣтъ? Пересталъ, иначе онъ не былъ бы оконченнымъ. Если же переходъ отъ нетворенія къ творенію считать измѣненіемъ въ Богѣ, то не тоже ли и переходъ отъ творенія къ нетворенію? Необходимо. Но можешь ли ты сказать, что Онъ, не творя нынѣ, измѣнился въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ Онъ былъ, когда творилъ? Никакъ нѣтъ. Слѣдовательно и тогда, когда Онъ творилъ міръ, нѣтъ надобности допускать въ Немъ измѣненія въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ Онъ былъ, когда не творилъ, и нѣтъ надобности утверждать, что вселенная сосуществуетъ Ему, чтобы не быть принуждену признавать (въ Немъ) измѣняемость и при совѣчности ихъ по той же причинѣ.

V. Отвѣть мнѣ и на слѣдующее: можешь ли ты назвать сотворенное не имѣющимъ начала бытія? Нѣтъ; ибо, если оно не имѣетъ начала бытія, то оно есть несотворенное. Если же оно сотворено, то ты припишешь бытіе его какому-нибудь виновнику, такъ какъ совершенно невозможно получить бытіе безъ виновника? Невозможно. Такъ и о мірѣ со всѣмъ, что въ немъ, скажемъ ли мы, что онъ, не существовавши прежде, произошелъ впослѣдствіи отъ кого-нибудь иного, а не отъ Бога Создателя? Ясно, что отъ Бога. А ограниченному началомъ бытія невозможно быть безпредѣльнымъ одинаково съ безпредѣльнымъ (Существомъ)? Невозможно.

VI. Посему, кентавръ, снова будемъ разсуждать сначала. Скажете ли, что существующее сотворено Божественною премудростію, или нѣтъ? О, если бы, скажутъ

они; но — нѣтъ. А изъ стихій, или вещества, или твердей, или какъ вы сами захотите назвать это (ибо это безразлично), которыя несотворенно предсуществовали и нестройно носились, Богъ ли, распредѣливъ, устроилъ все, какъ превосходный живописецъ, выразившій многими красками одну идею? И этого не скажутъ. Ибо они, конечно, уклонятся отъ признанія этого противъ себя самихъ, чтобы, допустивъ начало распредѣленія и преобразованія вещества, не быть вынужденными по смыслу всего этого сказать, что Богъ началъ устроять и украшать вещество, бывшее прежде безвиднымъ.

VII. Теперь, достигнувъ съ Божіею помощію до настоящаго мѣста разсужденія, представимъ, что стоитъ какая-нибудь прекрасная статуя на возвышеніи, и удивляющіеся стройной красотѣ ея зрители пусть будутъ несогласны между собою, назвать ли ее сотворенною или несотворенною. Я спросилъ бы ихъ: почему вы называете ее несотворенною, ради ли художника, чтобы онъ не считался бывшимъ когда-нибудь безъ произведенія, или ради ея самой? Если ради художника, то какъ же она, будучи несотворенною, устрояется художникомъ? Ибо, если она, нуждаясь въ искусствѣ художника, подверглась его дѣйствію, чтобы имѣть такой видъ, какой хотѣлъ художникъ, то какъ она будетъ несотворенною, претерпѣвая это вліяніе и дѣйствіе? Если же скажутъ, что статуя, будучи совершенною сама по себѣ и несотворенною, не нуждалась въ искусствѣ, по ихъ пагубному ученію, то необходимо допустить самопроизводительность (ὐτοματισηόν). Или, можетъ быть, не желая допустить такое разсужденіе, они отвѣтятъ еще хуже, утверждая, что статуя не есть несотворенная, но сотворенная такъ, что не имѣетъ начала бытія, чтобы художникъ могъ назваться безначально имѣющимъ художество. Но, почтенные,— скажемъ мы имъ,— если не было ни времени, ни вѣка въ прошедшемъ, когда бы статуя не была совершенною, то скажите, что доставилъ ей художникъ, или что онъ сдѣлалъ въ ней? Ибо, если она существуетъ, ни въ комъ не нуждаясь и не имѣя начала бытія, то по вашему

тѣмъ болѣе создатель окажется никогда не создававшимъ и не создающимъ. И опять рѣчь, кажется, пришла къ тому же, чтобы допустить самопроизводительность. Ибо, если будетъ сказано, что создатель хотя малѣйшимъ образомъ коснулся статуи, то она будетъ имѣть начало, вслѣдствіе того, что онъ началъ двигать и устроять ее, бывшую прежде неустроенною и неподвижною. Такимъ образомъ міръ постоянно былъ и навсегда будетъ однимъ и тѣмъ же. Художника можно уподобить Богу, а статую — міру. Какъ же вы, безразсудные, думаете, что тварь, будучи безпредѣльною одинаково съ Творцемъ, не нуждается въ Создателѣ? Безпредѣльное необходимо должно быть никогда не имѣющимъ начала бытія и одинаково несотвореннымъ и равносильнымъ. А несотворенное, оказываясь самосовершеннымъ и неизмѣннымъ, будетъ и ни въ чемъ не нуждающимся и нетлѣннымъ; если же это такъ, то, по вашему мнѣнію, міръ неизмѣняемъ.

VIII. Церковь (Ἐκκλησία), говоритъ (Св. Меѳодій), называется такъ потому, что она вызвала на бой (ἐκκαλέω) чувственныя удовольствія.

IX. Святый (Меѳодій) говоритъ: мы допустили въ предъидущемъ двѣ творческія силы, одну творящую то, что она хочетъ творить, изъ ничего чистымъ хотѣніемъ, безъ промедленія, вмѣстѣ съ хотѣніемъ; это — Отецъ; другую — устрояющую и украшающую уже созданное по подобію первой (силы); это — Сынъ, всемогущая и крѣпкая десница Отца, которою Онъ, по созданіи вещества изъ ничего, устрояетъ его.

X. Святый (Меѳодій) говоритъ, что книга Іова есть Моисеева.

XI. Не погрѣшилъ бы тотъ, кто сказалъ бы, что въ словахъ: *въ началѣ сотворилъ (Богъ) небо и землю* (Быт. 1, 1), начало есть сама Премудрость, говоритъ (Св. Меѳодій). Ибо она у одного изъ мужей божественнаго сонма говоритъ о себѣ самой такимъ образомъ: *Господь имѣлъ меня началомъ пути своего, прежде созданій своихъ, искони* (Притч. VIII, 22). Всему, что получило бытіе, слѣдовало и прилично

было — быть позднѣе ея, какъ происшедшему чрезъ нее. Вникни и въ изреченіе Евангелиста: *въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ; оно было въ началѣ у Бога* (Іоан. 1, 1. 2); не имѣетъ ли и оно такого же значенія? Ибо началомъ, отъ котораго произрасло точнѣйшее Слово, надобно назвать Отца и Творца всего, въ которомъ оно было; а выраженіе: *оно было въ началѣ у Бога*, кажется, означаетъ властительное достоинство Слова, которое оно имѣло у Отца еще прежде дарованія бытія міру, называя *власть — началомъ* (ἀρχή). Такимъ образомъ, послѣ собственно безначальнаго начала — Отца, оно становится началомъ всего прочаго, которымъ все созидается.

XII. Оригенъ, послѣ многихъ баснословій о вѣчности вселенной, прибавляетъ и слѣдующее: и такъ не со времени Адама, какъ говорятъ нѣкоторые, не существовавшій прежде человѣкъ созданъ тогда впервые и вошелъ въ міръ; равно и міръ не за шесть дней до сотворенія Адама началъ твориться. Если же кому угодно будетъ не соглашаться съ этимъ, тотъ напередъ пусть подумаетъ, не лучше ли по книгѣ Моисея, принимая ее въ такомъ видѣ, считать отъ сотворенія міра (одинъ день) за одинъ вѣкъ, такъ какъ пророческій голосъ объ этомъ взываетъ: *отъ вѣка и до вѣка Ты — Богъ; ибо предъ очами Твоими тысяча лѣтъ какъ день вчерашній, когда онъ прошелъ, и какъ стража въ ночи?* (Псал. 89, 3. 5). Если въ очахъ Божіихъ тысяча лѣтъ составляетъ одинъ день, то отъ сотворенія міра до покоя, до насъ, какъ утверждаютъ опытные въ искусствѣ счисленія, составится шесть дней. Слѣдовательно, говорятъ, отъ Адама доселѣ продолжается шеститысячный годъ; а въ седьмой тысячелѣтній годъ, говорятъ, будетъ судъ; такимъ образомъ всѣхъ дней отъ насъ до начала, когда Богъ сотворилъ небо и землю, насчитывается тринадцать, прежде которыхъ, по ихъ безумному мнѣнію, Богъ, не творивъ ничего, лишался достоинства Творца [1]) и Вседержителя. Если же въ очахъ

[1]) Въ подлинникѣ: *Отецъ;* но по ходу рѣчи, вѣроятно, здѣсь надобно читать: *Творецъ*, какъ полагаютъ издатели текста этого сочиненія. См. Migne, ук. изд. pag. 344.

Божіихъ отъ сотворенія міра только тринадцать дней, то какъ же говоритъ Премудрость у Сираха: *песокъ морей и капли дождя и дни вѣчности кто исчислитъ?* (Сир. 1, 2). Вотъ, что старается говорить Оригенъ, и смотри, какъ онъ пустословитъ.

V.

КРАТКІЕ ОТРЫВКИ ИЗЪ РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

а) Изъ книгъ противъ Порфирія [1]).

I. Христосъ Сынъ Божій по опредѣленію Отца пришелъ къ видимой твари, чтобы, ниспровергнувъ державу властвовавшихъ демоновъ, избавить души отъ горькаго рабства, такъ какъ вся природа, очарованная упоеніемъ нечестія, была исполнена смятенія и нестроенія, не имѣя силъ обратиться къ помышленію о полезномъ. Потому она легко увлекалась и къ идолопоклонству, что зло потопляло все и обладало всѣми поколѣніями вслѣдствіе измѣненія, происшедшаго отъ преслушанія въ нашихъ тѣлесныхъ хижинахъ, доколѣ Христосъ Господь посредствомъ плоти, въ которой Онъ явился въ эту жизнь, обуздавъ порывы сладострастія, служившіе для преисподнихъ силъ оружіемъ противъ насъ для порабощенія умственныхъ способностей, не освободилъ человѣка отъ всѣхъ золъ. Для того Господь Іисусъ и принялъ плоть и сдѣлался человѣкомъ и былъ пригвожденъ ко кресту по (Своему) домостроительству, чтобы чрезъ ту же плоть, чрезъ которую демоны надменно старались представить (себя) богами, увлекая души къ смерти способами

[1]) Изъ 5-ти слѣдующихъ отрывковъ два напечатаны у Гретцера (Gretser. De sancta cruce, T. II. Indolst. 1600. и 2 изд. Ratisb. 1734. p. 401—403), третій у Л. Алляція (Diatri. de Method. Script. p. 349), подъ разными заглавіями и безъ означенія, къ какому сочиненію Св. Меѳодія они относятся; послѣдніе два взяты издателями изъ твореній Св. Іоанна Дамаскина (Oper. Tom. II, Parall. p. 778 и др.). Янъ основательно относитъ всѣ эти отрывки къ одному сочиненію противъ Порфирія, въ ук. соч. p. 102—104.

обольщенія, они были ниспровергнуты и обличены, что они не боги. Желая болѣе низложить ихъ высокомѣріе, Онъ сталъ человѣкомъ, чтобы чрезъ тоже самое тѣло, чрезъ которое разумный родъ (человѣческій) погибалъ, уклонившись отъ почитанія истиннаго Бога, по воплощеніи въ немъ Слова неизреченно-премудрымъ образомъ, они оказались губителями, а не благодѣтелями душъ.—Нисколько не былобы удивительно, если бы Христосъ низложилъ противныя демонскія существа грозною властію и величіемъ непобѣдимой силы Бога. Но такъ какъ то причиняло имъ (большее) посрамленіе и огорченіе (ибо быть побѣжденными Высочайшимъ существомъ они скорѣе согласились бы), для этого Богъ устроилъ дѣло спасенія всѣхъ чрезъ человѣка, чтобы люди, по пришествіи къ нимъ самой Жизни и Истины во плоти, могли приблизиться къ образу и просвѣщенію Слова, преодолѣвая приманки грѣха, а демоны, побѣжденные и посрамленные слабѣйшимъ, прекратили свою дерзость, по обузданіи Тифоновой [1]) ихъ ярости. Для этого особенно и введенъ крестъ, воздвигнутый какъ трофей и гроза противъ нечестія, чтобы человѣкъ болѣе уже не подвергался гнѣву (Божію), оправившись послѣ пораженія за преслушаніе, законно побѣдивъ преисподнія силы и сдѣлавшись свободнымъ отъ всякаго долга по милости Божіей. Такимъ образомъ первородное Слово Божіе, оградивъ человѣка, въ котораго Оно вселилось, оружіемъ правды, преодолѣло поработившія насъ силы крестовиднымъ знаменіемъ, какъ сказано, распростертыми (на немъ) руками, показавъ свободнымъ человѣка, бывшаго подъ властію тлѣнія.—Это знаменіе, если нужно опредѣлить его, есть твердыня побѣды, путь снисхожденія Бога къ человѣку, трофей противъ нечистыхъ духовъ, избавленіе отъ смерти, основаніе восхожденія (нашего) къ истинному дню и лѣствица восходящихъ къ наслажденію тамошнимъ свѣтомъ, и орудіе, посредствомъ котораго входящіе въ составъ зданія Церкви, подобно четыре-

[1]) Тифонъ, по сказанію древнихъ Грековъ, былъ свирѣпый и чудовищный гигантъ, имѣвшій сто страшныхъ головъ и враждовавшій противъ Зевса и другихъ Олимпійскихъ боговъ.

угольному камню, снизу влекутся горѣ для соединенія съ Божественнымъ Словомъ. Посему здѣшніе Цари, узнавъ, что крестовидное знаменіе употребляется для отраженія всякаго злаго вліянія, устроили знамена, называемыя на римскомъ языкѣ vexilla [1]).— Посему море, повинуясь этому знаменію (при распростертіи веселъ по обѣ стороны судна), дѣлается удобнымъ для плаванія людей. Вся тварь, такъ сказать, облечена въ это знаменіе свободы; такъ птицы, поднимающіяся на высоту, изображаютъ крестовидное знаменіе распростертіемъ крыльевъ; самъ человѣкъ, распростерши руки, представляется тѣмъ же. Такимъ образомъ знаменовавъ его тѣмъ же самымъ, чѣмъ онъ былъ украшенъ при сотвореніи, Господь соединилъ его съ Божествомъ, чтобы онъ за тѣмъ былъ священнымъ орудіемъ Божіимъ, неимѣющимъ никакого разногласія и нестроенія. Ибо послѣ того, какъ человѣкъ сталъ настроенъ къ богопочитанію и принялъ нетлѣнную пѣснь истины, посредствомъ которой онъ сдѣлался вмѣстилищемъ Божества, прилѣпившись къ древу жизни подобно струнамъ и тонамъ, невозможно, чтобы онъ уклонился въ растройство и тлѣніе [2]).

II. Нѣкоторые, измѣряя Бога мѣрою собственнаго настроенія, думаютъ, что Онъ считаетъ достойнымъ похвалы или достойнымъ порицанія тоже, что и дурные люди, руководясь мнѣніями человѣческими какъ бы правиломъ и мѣрою; но они не понимаютъ, по присущему имъ неразумію, что всякая тварь нуждается въ красотѣ Божіей. Онъ самъ, по всецѣлой сущности и природѣ своей, Словомъ своимъ привлекаетъ все къ жизни. Желаетъ ли Онъ благого, Онъ, будучи самъ благомъ, останавливается на Самомъ Себѣ; вожделѣнно ли для него прекрасное, Онъ, будучи Самъ

---

[1]) Замѣчаніе о знаменахъ въ видѣ креста, вѣроятно, составляетъ позднѣйшую вставку, такъ какъ о подобныхъ знаменахъ могло быть сказано не ранѣе временъ Св. Константина Великаго.

[2]) Этотъ отрывокъ у Гретцера озаглавленъ такъ: „Меѳодія Епископа къ тѣмъ, которые говорятъ: какую пользу доставилъ намъ Сынъ Божій, воплотившись на землѣ и сдѣлавшись человѣкомъ? И почему Онъ благоволилъ пострадать на крестномъ знаменіи, а не другою какою-нибудь казнію? И какая польза отъ креста?“

единымъ прекраснымъ, взираетъ на самого себя, вмѣняя въ ничто предметы удивленія людей. По истинѣ прекраснымъ и похвальнымъ должно называть то, что Самъ Богъ признаетъ прекраснымъ, хотя бы оно унижалось и осмѣивалось всѣми, а не то, что считаютъ (такимъ) люди. Посему, если Онъ благоволилъ этимъ знаменіемъ освободить души отъ пагубныхъ страстей, постыдивъ полчища демоновъ, то надобно принимать, а не злословить его, какъ данное для освобожденія и разрѣшенія отъ узъ, постигшихъ насъ за преслушаніе. Ибо Слово пострадало, пригвоздившись ко кресту плотію, чтобы разслабленнаго заблужденіемъ человѣка возвести къ горьнему и божественному величію, возвративъ его къ божественной жизни, которой онъ прежде былъ лишенъ. Этимъ знаменіемъ притуплены страсти, совершилось страданіе страстей чрезъ страданіе (Христа), и смерть смерти чрезъ смерть (І. Христа), который не былъ удержанъ смертію и не былъ сокрушенъ страданіемъ. Ибо ни страданіе совершенно не сразило его, ни смерть не причинила Ему вреда, но Онъ оставался и въ страдательномъ состояніи безстрастнымъ, и въ смертномъ безсмертнымъ, объемля все, что въ воздухѣ и въ срединѣ и вверху, и соединивъ смертное съ безсмертнымъ Божествомъ. Смерть совершенно побѣждена распятіемъ плоти (Христовой) на знаменіи безсмертія [1]).

III. У Него была на это сила [2]); ибо силѣ свойственно какъ сокращаться въ маломъ и уменьшаться, такъ и расширяться въ великомъ и увеличиваться. Если бы для Него возможно было расширяться въ великомъ и увеличиваться, а сокращаться въ маломъ и уменьшаться невозможно, то Онъ не былъ бы силою; ибо, если ты скажешь, что для какой-нибудь силы одно возможно, а другое невозможно, то ограничивая ее не допускаешь, что она есть сила, какъ немощная по отношенію къ тому, что для нея невозможно.

[1]) Этотъ отрывокъ у Гретцера озаглавленъ такъ: „того же Меѳодія къ тѣмъ, которые стыдятся креста Христова".

[2]) У Л. Алляція этотъ отрывокъ озаглавливается такъ: „какимъ образомъ Сынъ Божій Христосъ на краткое опредѣленное время вмѣстился въ тѣлѣ, и какъ Онъ, будучи безстрастнымъ, подвергся страданію?"

Кромѣ того, Онъ не будетъ имѣть и превосходства Божества въ сравненіи съ измѣняющимися и случайными свойствами животныхъ, по которымъ они что могутъ дѣлать, то дѣлаютъ, а чего не могутъ, отъ того отступаютъ. Посему Сынъ Божій безпрепятственно вмѣстился въ человѣкѣ, потому что для Него это не было невозможнымъ, равно какъ тою же силою Онъ пострадалъ, оставаясь безстрастнымъ, и умеръ, даруя безсмертіе смертному. Тѣло, ударяемое или разсѣкаемое другимъ тѣломъ, настолько ударяется или разсѣкается, на сколько ударяющее ударяетъ и разсѣкающее разсѣкаетъ; ибо ударъ бываетъ вслѣдствіе сопротивленія предмета ударяющему, когда оба они, и дѣйствующій и подвергающійся дѣйствію, находятся въ одинаковомъ дѣятельномъ состояніи. Если же разсѣкаемое не будетъ сопротивляться разсѣкающему хотя въ малой степени, то разсѣкающее не въ состояніи будетъ разсѣкать. Такъ, если акое-нибудь тѣло не будетъ сопротивляться удару меча, а будетъ совершенно уступать ему, то дѣйствіе его остается недѣйствительнымъ, подобно тому какъ бываетъ и съ тончайшими тѣлами—огнемъ или воздухомъ; направленное на нихъ дѣйствіе твердѣйшихъ тѣлъ разрѣшается и остается недѣйствительнымъ. Если же огня или воздуха не можетъ ранить и разсѣчь камень, или желѣзо, или дерево, или что-нибудь другое, чѣмъ люди пользуются для убіенія другъ друга, по причинѣ его неуловимой и тончайшей природы, то не тѣмъ ли болѣе Премудрость осталась неуязвимою и безстрастною, не терпѣвшею ни отъ чего никакого зла, хотя она и была присуща ударяющему и пригождаемому тѣлу, будучи сама высшею и чистѣйшею всякой другой природы, кромѣ родившаго ее Бога?

IV. Покаяніе тогда истребляетъ всякій грѣхъ, когда при случившемся грѣхопаденіи души оно не допускаетъ промедленія и не позволяетъ страсти оставаться на долгое время; ибо такимъ образомъ зло не въ состояніи будетъ оставить въ насъ слѣда, бывъ исторгаемо тотчасъ при своемъ появленіи, подобно лишь только возникшему растенію.

V. Истинное наше зло есть неуподобленіе Богу и не-

нѣдѣніе о Немъ; и напротивъ великое добро-уподобленіе Ему. Собственнымъ (нашимъ) истиннымъ благомъ представляется обращеніе къ нетлѣнному и божественному и нѣра; а зломъ—невѣдѣніе о немъ и безпечность; и то, что, произрастая въ насъ и изъ насъ, производитъ нечестіе, есть также наше.

б) Изъ слова о мученикахъ [1].

1. Мученичество такъ удивительно и вождѣленно, что Самъ Господь, Сынъ Божій, *не почитавшій хищеніемъ быть равнымъ Богу* (Фил. 2, 6), оказывая ему честь, пострадалъ, чтобы и этимъ даромъ увѣнчать человѣка, въ котораго Онъ сошелъ.

в) Изъ сочиненій непоименованныхъ [2].

1. Равнымъ образомъ, когда друзья Іова думали, что они постигли причину, по которой онъ такъ страдалъ, то праведникъ въ пространной рѣчи къ нимъ исповѣдуетъ, что премудрость судебъ Божіихъ непостижима не только ему, но и всякому человѣку, и утверждаетъ, что знаніе совѣта Божія не можетъ быть доступно пребывающимъ на землѣ. Можетъ быть, кто-нибудь скажетъ, что здѣсь премудростію называется совершенное благочестіе, это божественное дѣло, сообщаемое людямъ однимъ Богомъ. Но смыслъ словъ его такой: Богъ, говоритъ онъ, даровалъ людямъ великіе дары, посѣявъ въ природѣ ихъ способность изобрѣтательную, разсудительную и художественную, при помощи которой люди извлекаютъ изъ земли металлы и обработываютъ землю; а относящуюся къ богопочтенію премудрость нельзя найти ни въ какомъ мѣстѣ; человѣкъ не можетъ ни самъ изъ себя извлечь ее, ни другимъ со-

[1]) Отрывокъ сохранился у блаж. Ѳеодорита (Oper. T. IV. p. 37. Dial. 1), съ заглавіемъ: „святаго Меѳодія изъ слова о мученикахъ“

[2]) Изъ слѣдующихъ отрывковъ первые шесть сохранились въ сборникѣ (catena) Никиты, Митроп. Гераклійскаго, на книгу Іова, Londin. 1637; слѣдующіе три у св. Іоанна Дамаскина, въ Parall. Oper. T. II, десятый у Анастасія Синаита въ сочиненіи объ образѣ Божіемъ. Edit. Mai. Nov. Coll. T. IX, p. 612; остальные взяты издателями изъ извѣстныхъ имъ рукописей. См. Migne, ук. изд. p. 404—408 Iahn. ук. соч. p. 117—119.

общить. Посему и эллинскіе мудрецы, собственною силою искавшіе богопочтенія, не достигли цѣли. Ибо это дѣло, какъ сказали мы, недоступно самимъ людямъ, но есть божественный и благодатный даръ; посему и отъ начала Богъ научалъ людей богопочтенію то посредствомъ видѣній, то чрезъ посѣщенія Ангеловъ, то посредствомъ богодухновенныхъ святыхъ пророковъ. И созерцательная мудрость есть даръ Божій, посредствомъ которой мы занимаемся искусствами и ремеслами и которую мы имѣемъ всѣ вообще, неправедные и праведные; такъ какъ мы—разумныя животныя, то и получили ее. Посему и въ предыдущемъ сказано было о ней, какъ о богодарованномъ стяжаніи, въ словахъ: *не Господь ли научаетъ разумѣнію и знанію*? (Іов. 21, 22. 22, 2).

II. Замѣть, что Господь говоритъ людямъ не вдругъ съ самаго начала; но когда душа приготовится многими способами и упражненіями и взойдетъ на высоту, сколько возможно человѣческой природѣ, тогда Онъ говоритъ и открываетъ глаголы Свои возвысившимся до этого. Такъ какъ вихрь производитъ бурю, а Іовъ въ бурѣ обстоятельствъ не потерпѣлъ кораблекрушенія касательно вѣры, но еще болѣе просіялъ, то Отвѣчающій ему въ знакъ объемлющей его бури отвѣчаетъ чрезъ вихрь; а въ знакъ измѣненія дѣлъ его изъ бури въ тихую погоду, Онъ говоритъ не только чрезъ вихрь, но и чрезъ облака.

III. Многіе низошли въ бездну (ада), не съ тѣмъ, чтобы ходить въ немъ, но чтобы оставаться узниками. Одинъ только Іисусъ, какъ свободный, ходилъ въ этой безднѣ, гдѣ нѣтъ слѣдовъ ходящихъ. Ибо Онъ принялъ смерть, не бывъ повиненъ смерти, чтобы освободить подлежащихъ смерти, *сказавъ узникамъ: выходите, и тьмѣ, которые во тьмѣ: покажитесь* (Исаіи 49, 9), съ чѣмъ согласно и послѣдующее.

IV. Видишь, какъ въ концѣ подвиговъ Онъ прославляетъ подвижника блистательнымъ провозглашеніемъ и открываетъ сокровенную причину пораженія (его страданіями), говоря: *неужели ты думаешь, что Я такъ поступилъ съ тобою для чего-нибудь иного, а не для того, чтобы ты явился праведнымъ*? (Іов. 40, 3). Это—врачевство отъ ранъ; это—воздаяніе

за терпѣніе. Ибо послѣдующее, хотя нѣкоторымъ покажется великимъ, можетъ быть, маловажно, и устроено съ неважными цѣлями, хотя онъ получилъ и вдвойнѣ взамѣнъ отнятаго.

V. Меѳодій подъ *Духомъ Божественнымъ*, даннымъ отъ Бога всѣмъ людямъ, о которомъ и Соломонъ сказалъ: *нетленный Твой духъ пребываетъ во всемъ* (Прем. 12, 1), разумѣетъ совѣсть, которая и укоряетъ согрѣшающую душу.

VI. Со Мною ты состязаешься, и на Меня возстаешь, и на моихъ подвижниковъ нападаешь? Гдѣ былъ ты, когда Я творилъ землю? Кѣмъ тогда былъ ты? Не былъ ли ты уже падшимъ? Подлинно въ началѣ міросданія, говоритъ Писаніе, была *тьма надъ бездною* (Быт. 1, 2); эта тьма—не созданная тьма, но предварительно начавшаяся тьма при несуществованіи свѣта.

VII. Человѣческая природа не можетъ чисто созерцать самую праведность въ душѣ, такъ какъ помыслы ея часто бываютъ покрыты мглою.

VIII. Порокъ никогда не познаетъ ни добродѣтели, ни самаго себя.

IX. Начало всякаго добраго дѣла имѣетъ основаніе въ нашей волѣ, а окончаніе — въ Богѣ.

X. Можетъ быть, три прародительскія главы всего человѣчества, эти единосущныя лица, были, какъ думаетъ и Меѳодій, прообразовательно нѣкоторымъ подобіемъ святой и единосущной Троицы, именно не имѣющій (земнаго) виновника своего бытія и нерожденный Адамъ представлялъ образъ и подобіе безначальнаго Виновника всего, Вседержителя Бога и Отца, рожденный же сынъ его—представлялъ образъ рожденнаго Сына и Слова Божія, а происшедшая (отъ него) Ева означала исходящее лице Святаго Духа.

XI. Справедливость, такъ сказать, четвероугольна, со всѣхъ сторонъ равна и подобна (самой себѣ).

XII. Праведный судъ Божій соотвѣтствуетъ нашимъ настроеніямъ; и каковы наши (чувствованія и дѣла), таково въ соразмѣрности назначается намъ и воздаяніе.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СЛАВЯНСКОГО СБОРНИКА ТВОРЕНИЙ СВ. СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА МЕФОДИЯ[1]

Русский перевод и предисловие епископа МИХАИЛА (ЧУБ)

Предисловие

К концу третьего века христианство распространилось почти по всем областям Римской империи и вышло за ее пределы. Широко раздвинув свои географические границы, Церковь имела к этому времени в числе своих членов представителей множества различных народностей и разных слоев общества и, в то же время, деятельно благоустраивала свою внутреннюю жизнь, с успехом боролась с внешними и внутренними врагами и закладывала прочные основы богословской науки.

Еще до Миланского эдикта Церковь, в лице виднейших своих представителей, использовала все возможности для великой созидательной работы, для развития различных отраслей богословского знания. Вспыхивавшие то в отдельных областях, то повсеместно языческие гонения не в силах были прекратить эту созидательную деятельность Церкви, хотя и являлись серьезной помехой на пути нормального развития и нередко уничтожали (полностью или частично) плоды созидательного труда. По вполне понятным причинам та часть богословского наследства этой ранней эпохи, которая сохранилась до наших дней, обладает совершенно исключительной ценностью.

Непревзойденная по своему значению святоотеческая письменность, созданная трудами великих вселенских учителей четвертого и пятого столетий, напряженная работа догматической мысли в эпоху Вселенских соборов, аскетические и мистические прозрения подвижников Египта, Синая, Сирии и Палестины — все это было подготовлено предшествовавшим развитием. Бурный расцвет богословской литературы после Миланского эдикта может быть понят и по достоинству оценен только в том случае, если будут должным образом определены связи, соединяющие эту эпоху с предшествующей. Непрерывность исторических традиций имеет в данном случае исключительно важное значение.

---

* Богословские труды. Сборник второй, 1961 г.

С этой точки зрения самое серьезное внимание исследователя привлекает к себе литературное наследство св. епископа Мефодия, который прославился ученой защитой церковных преданий на исходе третьего столетия, а в конце Великого гонения увенчался мученическим исповеданием веры. Литературная деятельность св. Мефодия, как видно, совпадает с концом доникейского периода развития богословской мысли и, в известной степени, может рассматриваться, как своеобразный итог этого развития.

Сохранившиеся сведения о жизни св. Мефодия отличаются крайней ограниченностью. Желание выяснить, по возможности, хотя бы важнейшие факты, относящиеся к его биографии, заставляет исследователя погрузиться в лабиринт ранее сделанных противоречивых высказываний, мнений и догадок, но окончательный итог этих поисков является весьма скудным. Достаточно сказать, что до настоящего времени, несмотря на большие усилия специалистов, не существует твердо установившегося эпитета, который указывал бы на неоспоримо засвидетельствованный факт его архиерейского служения в определенном городе. Необходимо также отметить то обстоятельство, что в "Церковной истории" Евсевия Кесарийского вовсе не упоминается имя св. Мефодия. Причину этого, по мнению авторитетных патрологов, следует искать в общеизвестном ярко выраженном антиоригенизме св. Мефодия: умолчание о нем такого восторженного почитателя Оригена, каким был Евсевий, может служить классическим примером предвзятой пристрастности. Весьма прочно установившееся предание, восходящее к Леонтию Византийскому, долго указывало епископскую кафедру св. Мефодия в Патарах в Ликии. Имя Мефодия "Патарского" сделалось знаменитым в Средние века в связи с приписанным ему тогда апокрифическим "Откровением". С течением времени богословская наука, несмотря на многовековую ассоциацию, установившуюся между именем св. Мефодия и Патарами, а также несмотря на несомненность связей его с Ликией вообще и с Патарами в особенности, должна была предпринять поиски его епископской кафедры в другом месте[1]. Наиболее вероятной в настоящее время представляется та версия, согласно которой св. Мефодий — уроженец Ликии — был епископом в г. Филиппах в Македо-

[1] В результате этих поисков патрология XIX века, следуя за блаж. Иеронимом, признала св. Мефодия епископом Олимпа в Ликии

нии. Славянские рукописи, сохранившие до наших дней значительную долю того, что было написано св. Мефодием, многократно свидетельствуют о Филиппах, как о месте его епископского служения.

Наиболее значительным выводом из всех исследований и изысканий, посвященных св. Мефодию, является факт несомненного преобладания во всей его деятельности интересов литературного, богословского и философского порядка. Им он посвятил всю свою жизнь и ради них перенес много испытаний. Наиболее надежно засвидетельствованной датой его мученической кончины является 311 год.

Несмотря на умолчание, сделанное Евсевием Кесарийским в "Церковной истории", можно с несомненной уверенностью утверждать, что св. Мефодий уже при жизни был авторитетнейшим богословом. В последующие века его многократно цитировали не только единомышленники, но и противники. Интересно отметить, что тот же Евсевий, не называя имени св. Мефодия, пользовался его творениями. Судьба духовного наследства св. Мефодия в последующих веках весьма своеобразна; в течение ряда столетий с его именем связывали сочинения, вовсе ему не принадлежащие. В то же время подлинные его творения или постепенно отодвигались на второй план, или пребывали в неизвестности. Лишь сравнительно недавно патрология точно установила круг произведений, несомненно принадлежащих св. Мефодию. В этом деле основная заслуга принадлежит покойному профессору Н.Г.Бонвечу (Bonwetsch)[2]. На русском языке существует перевод лишь части творений св. Мефодия, сделанный проф. Е. Ловягиным еще в прошлом столетии с изданий греческого текста[3]. Даже в этот перевод, сделанный специалистом, вошли две проповеди, совершенно неосновательно приписанные св. Мефодию. Между тем, в патрологической науке уже давно сделалось известным, что дошедшие до нас греческие тексты (неоднократно издававшиеся и переводившиеся на разные языки) далеко не исчерпывают собою всего объема

---

[2] Н. Г. Бонвеч — уроженец б. Саратовской губ., профессор евангелической теологии в Дерпте (Тарту), затем в Геттингене, автор ряда ценных патрологических и церковно-исторических исследований. Скончался в 1925 году.

[3] "Св. Мефодий, епископ и мученик, отец Церкви III века. Полное собрание его творений, переведенных с греческого под ред. проф СПб. Дух академии Евграфа Ловягина". СПб., 1877. В 1905 году вышло второе издание.

сохранившихся произведений св. епископа. Совершенно исключительную ценность имеют в данном случае древние славянские переводы трудов св. Мефодия. Рукописные сборники, в которых дошли до нас эти переводы, в древности бережно хранились, изучались и переписывались монахами. В настоящее время значительная часть этих сборников входит в состав драгоценных рукописных собраний важнейших книгохранилищ нашей страны. (Некоторые из славянских рукописей с творениями св. Мефодия известны и за пределами Отечества, в частности в Румынии.) Эти славянские тексты, сохранившие до наших дней мысли автора, писавшего в конце третьего и в первые годы четвертого века, восходят к древнему славянскому переводу, сделанному в Болгарии не позднее десятого века. Тексты эти в значительной своей части совпадают с сохранившимися греческими текстами, но наряду с этим весьма солидная доля наличного славянского рукописного наследства св. Мефодия не имеет для себя параллелей в греческих рукописях. Иными словами, во многих случаях славянский перевод является единственным источником нашего ознакомления с подлинными творениями св. отца. В этом и заключается значение славянских текстов, о которых здесь идет речь. Для иллюстрации сказанного достаточно отметить, что общеизвестный греческий текст знаменитого полемического произведения св. Мефодия "О воскресении", доставившего ему славу виднейшего антиоригениста, в значительной степени дополняется и контролируется славянским переводом. В то же время некоторые творения св. Мефодия сохранились исключительно в славянском тексте[4].

Ознакомление с содержанием этой — славянской — части литературного наследства св. Мефодия до настоящего времени было возможно только по изданиям проф. Н.Г.Бонвеча[5]. Но эти издания, при всех своих исключительных научных достоинствах, имеют одну своеобразную особенность: если греческий текст дается здесь в подлиннике — на

[4] Правда, для одного из этих трактатов ("О проказе") сохранились и греческие фрагменты, но общий объем их значительно меньше, чем объем славянского текста.

[5] Первое издание: *N. G. Bonwetsch.* Methodius von Olympus. 1891. Второе издание: *N. G. Bonwetsch.* Methodius. Lpz., 1917. Последнее из этих двух изданий является наиболее полным, и по нему цитируются творения св. Мефодия во всех позднейших исследованиях. В нижеследующем изложении цитация также основана на этом издании.

основании наиболее авторитетных рукописией,— то для славянского текста имеется лишь немецкий перевод. Перевод этот сделан весьма тщательно, с хорошим знанием особенностей древнего славянского языка. Однако никто не станет оспаривать тот факт, что, как бы далеко ни ушел в своем развитии современный русский язык от того языка, на котором написаны уже не раз упоминающиеся здесь славянские рукописи, созвучность русского и древнеславянского языков (в самом обширном значении этого выражения) значительно больше, чем созвучность немецкого языка с языком славянским. Во всяком случае, для успеха перевода это обстоятельство имеет большое значение. Для русского читателя узнавать содержание творений св. Мефодия, сохранившихся только в славянском тексте, из немецкого перевода — значит, по меньшей мере, снижать познавательную ценность изучаемого материала. Таковы те соображения, которые явились побудительной причиной, заставившей автора этих строк заняться работой над славянскими рукописями творений св. Мефодия и предпринять опыт перевода некоторой части вышеназванных славянских текстов на современный русский язык.

Вместе с тем результаты предлагаемого вниманию читателей труда являются частичным исполнением пожеланий проф. Е. Ловягина, высказанных им в уже упомянутой книге, "чтобы все славянские переводы (творений св. Мефодия) были пересмотрены и изданы, как редкие сокровища, частию дополняющие текст изданных греческих творений св. Мефодия, частию не известные ни на каком другом языке[6].

Необходимо иметь в виду, что в настоящее время патрология располагает весьма разнообразным материалом, обеспечивающим возможность ознакомления со значительной частью произведений, написанных св. Мефодием. Некоторая часть этих сочинений сохранилась целиком, с другими мы можем знакомиться на основании более или менее обширных фрагментов, извлечений и изложений. Славянские тексты, о которых здесь идет речь, по крайней мере в известной части своей, являются именно такими извлечениями и изложениями, по всей вероятности, весьма немногим отличающимися от подлинника. (Кроме славянских переводов творений св. Мефодия сохранились — в виде сравнительно неболь-

[6] *Е. Ловягин.* Св. Мефодий, епископ и мученик, отец Церкви III века. СПб., 1905, стр. 22—23.

ших фрагментов — древние сирийские и армянские переводы.) До наших дней целиком дошел текст "Пира десяти дев" и сочинения "О свободе воли"; для "Пира десяти дев" — и только для него — рукописное предание сохранило полностью греческий текст, в то время как для трактата "О свободе воли" имеется большой греческий фрагмент (приблизительно ⅓ всего объема текста) и полный текст славянского перевода. Кроме того, мы имеем приближающийся к полноте текст обширного трактата "О воскресении", реконструируемый на основании взаимно дополняющих друг друга греческих и славянских рукописей, и славянские тексты небольших трактатов "О жизни и разумной деятельности" ("О житии и деянии разумъне"), "О различении яств и о телице, упоминаемой в книге Левит, пеплом которой окроплялись грешники" ("О разлучении яди и о юници менимеи в левитице еяже пепеломъ грешнии кропяхуся"), "О проказе" ("О прокажении")[7] и "О пиявице, о которой говорится в книге Притчей, и о словах "Небеса проповедуют Славу Божию" ("О пиявици сущии в притчах и о небеса исповедають славу Божию"). Из сочинения "О сотворенном" сохранились краткие выдержки; из сочинений "Против Порфирия", "О мучениках" и из толкования на книгу Иова имеются только отдельные небольшие фрагменты. Таков объем сохранившегося до наших дней литературного наследства св. Мефодия. (Существуют указания на принадлежащие ему же толкования на Песнь Песней, на книгу пророка Аввакума и на книгу Бытия; упоминаются также названия трактатов "Об Аэндорской волшебнице" и "О теле"; эти сочинения утеряны.) Излюбленными литературными формами св. Мефодия являются диалоги и письма. В этих формах нашли свое выражения литературные приемы соответствующей эпохи, но вполне возможно, что письма св. епископа были реальными ответами на адресованные к нему вопросы.

В нижеследующей публикации дается перевод молитвы св. Мефодия, которой заканчивается сочинение "О воскресении", и четырех трактатов: "О жизни и разумной деятельности", "О различении яств", "О проказе" и "О пиявице".

---

[7] Сохранившиеся греческие фрагменты трактата "О проказе" (очень небольшие по объему) местами дают несколько более подробный текст, чем соответствующий славянский перевод. Хотя в объемном выражении речь идет всего о нескольких строках, указанное обстоятельство свидетельствует о том, что славянский переводчик в некоторых случаях довольствовался парафразом.

Молитва св. Мефодия, известная только в славянском тексте, вне всякого сомнения, принадлежит к числу наиболее ранних христианских молитв. Употребленные в ней формулировки и выражения чрезвычайно характерны для суждения о догматическом словоупотреблении доникейской эпохи. Заслуживает особого внимания то место молитвы, где говорится о победе над смертью, совершенной страданиями и умерщвлением Бесстрастного и Бессмертного. Здесь встречаются и скрещиваются слова и мысли, знакомые уже древнейшей христианской Церкви (сравн. Игнатий Богоносец, "Послание к Поликарпу", 3. 2; Григорий Неокесарийский, "Послание к Феопомпу", 7, 8, 10) и прочно вошедшие в молитвенный обиход последующих веков (сравн., напр., в "Последовании на сон грядущий" в современных молитвословах, молитва вторая). Вся молитва имеет большое значение для суждения о прочности и устойчивости церковных традиций и, в частности, о способах сохранения и передачи этих традиций.

Основная мысль трактата "О жизни"[8] — христианское и, вместе с тем, философское (приближающееся к стоической морали) увещание довольствоваться тем, что Бог даровал в земной жизни, терпеливо переносить искушения и ждать непреходящих благ будущего.

Все три следующие трактата, переводы которых здесь даются, имеют своей основной задачей истолковать в христианском смысле иудейские обрядовые предписания; наряду с этим в них много элементов нравоучительного и догматического характера. Заслуживают большого внимания высказывания, имеющие значение для церковной истории; здесь можно найти ценные указания на применявшиеся в древней Церкви методы покаянной дисциплины и на установившуюся литературную практику; можно услышать также жалобы на проникавшие в церковное общество — даже в среду высшей иерархии — слабости и пороки. По местам звучат мотивы автобиографического характера.

Внимательно вчитываясь в текст этих сочинений, можно найти в них и элементы полемики, определяемой той фак-

[8] В славянских сборниках творений св. Мефодия этот трактат помещается на втором месте (после сочинения "О свободе воли"), почему и обозначается обычно, как "слово второе". Первые главы этого трактата, из-за насыщенности философской терминологией, особенно трудны для перевода.

тической обстановкой, с которой приходилось иметь дело св. Мефодию[9].

Основной рукописью для работы над текстом названных творений явился "Сборник" XVI века, хранящийся в Санкт-Петербурге в Государственной Публичной Библиотеке имени Салтыкова-Щедрина (Q I 265) [10].

Текст основной рукописи сличен с текстом следующих рукописей:

1) Рукопись Российской Библиотеки Академии наук 16. 16. 2 (XVII в.).

2) Рукопись Библиотеки им. Ленина из собрания Московской Духовной академии №41, ранее находившаяся в Троице-Сергиевой Лавре (нач. XVII в.).

3) Рукопись Государственного Исторического Музея из Синодального собрания № 170 (XVI в.).

4) Рукопись Библиотеки им. Ленина из собрания Московской. Духовной. академии № 40, написанная для Арсения Суханова (XVII в.).

5) Рукопись Библиотеки им. Ленина из собрания Общества Истории и Древностей Российских; 137 (XVII в.).

Кроме указанных выше рукописей, были привлечены следующие:

6) Рукопись Госуд. Исторического Музея из Уваровского собрания № 115 (XVI в.).

7) Рукопись Госуд. Истор. Музея из собрания Чудовского монастыря № 233 (XVI — XVII в.).

8) Рукопись Госуд. Истор. Музея из собрания Чудовского монастыря № 205 (XVII в.)

9) Рукопись Госуд. Истор. Музея из собрания Единоверческого монастыря № 12 (XVII в.).

10) Рукопись Госуд. Истор. Музея из собрания Барсова № 264 (подделка — довольно искусная — под XVI век, воспроизводящая, по-видимому, слово в слово текст старинной рукописи, послужившей образцом для настоящей).

---

[9] При чтении трактата "О прокажении" следует помнить, что, по замыслу автора, это диалог. Имена собеседников — Еввулий, Систелий и Евфимий. В Еввулии легко узнать самого Мефодия. Сочинение "О различении яств" — письмо, адресованное Френоне и Килонии. В начале этого трактата упоминаются сочинения "О девстве" ("Пир десяти дев") и "О воскресении". Трактат "О пиявице" — письмо к Евстохию.

[10] Рукопись эта принадлежала прежде Ф. А. Толстому. На ней основан также перевод творений св. Мефодия (речь идет о славянских текстах) в изданиях проф Н. Г Бонвеча

Сравнение текста рукописей №№ 6-10, хранящихся в Государственном Историческом Музее, с текстом основной рукописи не выявило сколько-нибудь заслуживающих внимания вариантов. Основные варианты, выявленные при сличении основной рукописи Q I 265 с рукописями №№ 1-5, учтены при работе над переводом в соответствии с основными правилами палеографии.

Задачей настоящей публикации является стремление дать читателям результаты произведенной работы — общепонятный русский перевод творений св. Мефодия в той их части, границы которой указаны выше. В некоторых случаях перевод этот, в силу необходимости, обусловленной особенностями текста, переходит в парафраз. Слова и выражения, переведенные приблизительно или же вставленные в текст для связи речи, заключены в скобки. В подстрочном аппарате, во избежание могущих возникнуть недоразумений, в большинстве случаев сначала воспроизводится выражение, вызвавшее необходимость примечания, в русском переводе, а затем приводится соответствующее славянское выражение — обычно из основной рукописи, а иногда вариант из какой-либо другой вышепоименованной рукописи. Поскольку в данной публикации неоднократно предлагаются варианты перевода, не совпадающие с переводом Бонвеча, постольку возникла необходимость в специальных оговорках, помещенных в аппарате — в некоторых случаях, с соответствующей ссылкой на отдельные слова и выражения немецкого перевода. Употребляемые в аппарате сокращения расшифровываются следующим образом:

БО = N. G. Bonwetsch. Methodius, Leipzig, 1917. Цифра, стоящая после "БО", обозначает страницу этой книги.

Срезн.=Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893—1912.

Выражение "пропуск в рукописи" отмечает несомненный разрыв смысловой последовательности текста, выявляемый лишь при чтении, так как внешне эти разрывы в рукописях ничем не отмечены; указанные смысловые разрывы имеются во всех изученных рукописях, а потому можно утверждать, что утеря той или иной части текста (в большинстве случаев, несомненно, в объеме не меньше целого листа) произошла уже в той первоначальной рукописи, которая послужила образцом для последующих переписчиков.

Ссылки на Свящ. Писание после цитат не принадлежат св. Мефодию. Они вставлены в текст перевода для удобства чтения, причем прямые цитаты снабжены ссылками в круглых ( ) скобках, а непрямые цитаты и реминисценции — в квадратных скобках [ ]. Перевод цитируемых св. Мефодием текстов на русский язык следует, по возможности близко, славянскому подлиннику рукописей, часто в какой-то степени отклоняясь от принятого в настоящее время чтения. Большая часть этих отклонений приходится на цитаты из Ветхого Завета, что вызывается самым существом дела: св. Мефодий цитирует по тексту Септуагинты[11]. Попытка цитировать по славянскому тексту Библии в ее современном виде привела бы к ряду недоразумений, так как и в этом случае не удалось бы избежать ряда чувствительных отклонений от общепринятого в настоящее время текста[12].

Количество библейских цитат (прямых и косвенных) в предлагаемом переводе несколько больше, чем у проф. Н. Г. Бонвеча. Это объясняется тем, что ему, как иностранцу, несмотря на хорошеев знание русского и славянского языков, подчас было затруднительно узнавать цитаты "на слух". Внебиблейские цитаты в настоящей работе не указаны. Единственным исключением из данного положения являются те случаи, где имеется соприкосновение текста творений св. Мефодия с литературой, объединяемой в настоящее время под именем "Аграфы"[13]. Эти случаи отмечены в подстрочных примечаниях. По связи речи следует здесь же отметить, что проф. Н.Г.Бонвеч совсем не затрагивает тему о наличии аграфов в творениях св. Мефодия.

Деление текста творений св. Мефодия на главы и отделы соответствует делению, принятому в последнеи издании проф. Н.Г.Бонвеча.

Епископ Михаил

---

[11] Для иллюстрации достаточно привести один пример: современный русский текст книги Притчей 30, 15 и след. даже не дает ключа к постановке вопроса в основной части трактата "О пиявице".

[12] Сравн.: проф. *И. Е. Евсеев*. Рукописное предание Славянской Библии. СПб., 1911.

[13] См. напр.: *A. Resch*. Agrapha. Leipzig, 1906. Об аграфах в творениях св. Мефодия см. "ЖМП", 1954., № 6, стр. 43—50.

МОЛИТВА СВ. МЕФОДИЯ

(из сочинения "О воскресении")

(Связью между текстом III части сочинения "О воскресении" и заключительной молитвой является следующее предложение: "Мы же, окончив это слово, воздадим хвалу Богу")

Поэтому благословляют Тебя (смиренные) люди, ибо Ты послал с неба Помощника [Евр. 13, 6] для каждой смиренной души — научающее нас истине Слово Твое, Которое, будучи непричастным страданиям, восприняло по Твоей воле это подверженное многим страданиям тело, чтобы страданием без страданий[1] избавить (его) от страданий, ради страданий сделавшись страданием для страданий, и чтобы угасить смерть умерщвлением Бессмертного [1 Кор. 15, 53], сделавшись смертию для смерти. Таким образом, ради Твоего милосердия, смертное изменилось в бессмертное и подверженное страданиям в то, что не подвержено страданиям. Ибо решительно никто не воспротивился Твоему повелению [Рим. 9, 19], Ты сотворил существующее из несуществующего и ничто из него не лишено Твоего искусства и украшения. Ибо нет Бога кроме Тебя [Ис. 44, 6], Владыки жизни и смерти, но Ты Господь и Владыка всего.

Твои творения ангелы и архангелы и все силы и все духи; Твое мироздание и все звезды и все, над чем сияет свет, и каждый день, и каждая ночь, и время, и всякие высоты, и (всякие) глубины.

Ты содержишь все Пресвятою Твоею Премудростию, Которая прежде всех веков воссияла из Тебя.

---

[1] В славянском тексте разных рукописей имеются варианты "да страстию бестрастьное" и "да страстию безстрастною". Второй вариант представляется более удобным для перевода.

Тебе, Господи, чрез Твоего Архиерея и Единородного Сына Иисуса Христа, Господа и Спасителя нашего[2], Которым Ты ввел человека в нетление, я приношу дар благохваления — сердечный плод уст (Евр. 13, 15), ибо Ты радуешься, оправдывая тех, которые возжелали почитать Его, прославляемого мысленными приношениями, словесными жертвами [Рим, 12, 1] и духовными дарами.

И я молюсь и преклоняюсь, чтобы Ты очистил мои грехи и не вменил мне грехов [Пс. 50, 4], ибо хорошо открывать Тебе грехи, так как Ты многомилостив, и долготерпелив, и благ, и щедр, и наше зло печалит Тебя[3]. Поэтому я молюсь, — ибо все мои грехи открыты для Тебя [Пс. 31, 5], — помилуй и избавь меня, Господи, от грядущего гнева [1 Сол. 1,10] и от неугасающего огня [Мк. 9, 44], которому Ты предашь тех, которые не познали Тебя и не сохранили Твоих заповедей, когда будешь праведно судить мир. Тебе, Господи, я приношу исповедание, пою и прославляю Твое пресвятое и многославное имя, умоляя Тебя чрез Твоего Утешителя Духа, Совершителя душ наших, и чрез Иисуса Христа, возлюбленного Сына Твоего, чтобы мне не вменены были грехи. А если Ты соизволишь оправдать, то кто будет судить (Рим. 8, 34), или кто скажет Тебе: что это Ты сделал?

Итак, Господи, не погуби меня с нечестивыми, но облагодетельствуй, отпусти мне весь долг. Будь благ, Господи, утверди, облагодетельствуй, восприими и избавь нас от нынешней суеты[4]. Сам направь наши мысли, чтобы нам не соблазняться ради Тебя (Мф. 11, 6). Ведь человек гораздо более склонен увлекаться дурным, ибо многие воюют [Еф. 6, 12] против него и постоянно склоняют к злу.

Поэтому, о Господи, будь для нас твердою стеною (Пс. 30, 3) и отгонителем безумных помыслов, чтобы погубить изобретателя зла, чтобы иссушить плотскую брань. А если Ты не сохранишь нас, то мы напрасно бодрствуем и напрасно трудимся (Пс. 126, 1). Отсеки скверны наши, молимся (Тебе), и будь нам Помощник и Заступник и Врач, о Вели-

---

[2] Согласование падежей дополнений, имеющихся в славянском тексте, может быть передано в русском переводе лишь предположительно. БО 422 дает перевод, близкий к предлагаемому.

[3] "Наше зло печалит Тебя" — БО 422 предполагает в слав. тексте чтение "каятися" вм. "каяся". Такое чтение лишь усложняет перевод.

[4] "От нынешней суеты" — БО 423 читает в слав. "судства" вместо "суиства" и переводит: erlöse uns von dem bevorstehenden Gericht.

кий Податель и Великий Благодетель, чтобы мы были в силах, здравствуя верою, творить Твои заповеди. Ибо боляще-го не делает (лучшим) болезнь и он не имеет силы для дел, (но) нетерпелив и склонен к дурным мыслям.

Исцели же нас, Господи, исцели, уврачевав недуги наших сердец, чтобы нам, имеющим просвещенные очи (Еф. 1, 18), уже нельзя было уснуть в смерть. Ибо Твоя слава и держава во Христе Иисусе Духом Святым от вечности и теперь и в будущие века. Аминь.

О ЖИЗНИ И О РАЗУМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(Слово второе "О житии и деянии разумъне")

I

1. Многим из людей приходится удивляться изменению жизни, (когда они каким-либо образом)[1] от изобилия переходят к худшему. Такие (люди), из-за пристрастия к (тому, что от них) отнято, из-за оскудения потребного (для жизни), не научившись довольствоваться худшим, часто неразумно порицают даже Провидение.

2. А я скажу, что нам, так как мы — люди и удостоены господства над тем, что сотворено ради нас, нельзя показаться хуже сотворенного для нас, (нельзя) ни превозноситься множеством богатства, ни быть нетерпеливыми по причине скудости нынешних (благ); ведь неразумно находиться в порабощении у того, над чем мы получили власть.

3. (Если) богачи считают весьма малым и худым многое, то неимущие считают, что лишение всего (служит) им (средством) для воздержания; не имея нынешних (благ), они как бы имеют нынешние [1 Кор. 7, 29 и сл.] (блага); многие такие больше (богачей).

4. Если бы от имения была какая-нибудь польза, то у людей было бы сколько-нибудь (правдоподобное) извинение. А если (здесь) нет никакой пользы [Ин. 6, 63], — как вредно изменять[2] Божию мысль! — то (они) бессмысленно трудятся, не принимая того, что приключается (с ними), и не уразумевают, что (сами) ввергают себя в злейшую беду. Они принимают от Бога наказание за непокорность и сами

---

[1] "Когда они каким-либо образом" – такой перевод может быть дан лишь предположительно. В слав. тексте здесь возможно искажение смысла подлинника. БО 209 предлагает читать "иже какоже" вм "и никакоже". Не исключена возможность и другого чтения, напри мер, "оним какоже".

[2] "Как вредно изменять" — БО 209 принимает чтение "лзе" вм "зле" и переводит: wie ist es möglich

себя наказывают раньше того отдаленного наказания, отравляемые ядом печали.

5. Непостоянству жизни и человеческой быстрой изменчивости неведомо, (как) творится благо. К одному мы привыкли чрез опыт, а иное видели (у) страдающих[3].

6. Ибо у (нее) много переходов и изменений из одного (состояния) в другое; иногда (происходит) возвышение из низшего, иногда разрушение большего величайшим (действием) бесстрастных законов...

...и только прикоснуться, хотя и голова клонится вниз[4].

7. А мы поступаем по своей воле, зная, что если отговорка бессилием не будет принята, то за непослушание постигает тем большее лишение.

II

1. Неужели несправедливо считать себя подлежащим вечной смерти за сопротивление тому, что угодно Богу?

2. Так корабельщик повинуется кормчему, и воин — воеводе, и вол идет под ярмо, и конь сдерживается уздою, и остальные животные, по (положенному) им закону, слушаются и повинуются тем, кому они поручены.

3. Как же их главе — человеку — не слушаться Бога? (Он) с радостию (должен) принимать небесное, и старательно[5] исполнять то, что приказано, и радоваться повелению, как признанный достойным (быть исполнителем) Божия повеления.

4. А мы, будучи людьми и нося бренную тяжесть, объемлющую нас, при виде (того, что) красиво, радуемся (тому), что (служит) только для наслаждения, считая это добром [Быт. 1, 31]. Этому-то мы и радуемся, как какой-нибудь привлекательной красоте, думая, что отсюда только и получим пользу.

5. Бог же, создавший нас и сотворивший, — поскольку (Он) хочет, чтобы человек спасался не даром — (постольку Он) не велит людям порабощать себя наслаждениям, конец которых — смерть (Рим 6, 21).

---

[3] Перевод дается лишь предположительный По-видимому, здесь имеется не поддающееся расшифровке искажение текста (ср. БО 210).

[4] Место маловразумительное; в рукописи очевидно пропуск (ср. БО 210).

[5] "Старательно" — БО 210 переводит "поспешне" словом "скоро". Следует предположить, что в греческом тексте здесь было употреблено ενεργως.

6. Избыток снедей и роскошное питание расслабляют человека, и они (люди), сделавшись более слабыми из-за избытка пищи, становятся непригодными для исполнения Божиих повелений.

III

1. (Напротив), человек становится более сильным и крепким телесно посредством многих трудов, получая (при этом) от трудов и от житейских скорбей и более здоровую душу. Так подается людям (рассуждение), приготовляющее человеческий ум к чему-то высокому.

2. Лучшее, пережив временные лишения[6], наслаждаться потом непрекращающимися [2 Кор. 4, 17-18] благами, нежели, напитавшись кратковременными удовольствиями, подвергнуться жестокой и непрекращающейся муке[7]. А что скорбь приносит пользу, наслаждение же (влечет за собою) несчастие, — это, полагаю, не неведомо никому из людей. (Это) подобно учению детей: (ведь) строги те, которые заставляют учиться.

3. Разве не очевидно, что благотворность понесенных прежде трудов[8] узнается (впоследствии) при самом завершении их? (Разве не очевидно также, что) пострадавшие (в то время, когда еще) не знали полезного и не ведали будущих благ (Евр. 10, 1), получат от этого сладостный и блаженный плод?

4. Так и врачуемые телесно, страдая от болезней[9], не сразу требуют выздоровления, но получают (помощь[10] в) болезни чрез надежду будущего выздоровления.

5. Борец[11] учится (в течение долгого) времени и с юности обучается трудами и лишениями, употребляет скудную

---

[6] "Временные лишения" — *Срезн.* (т II, стр. 1218) переводит "в порукыих временных" словами "в бедственные времена".

[7] "Жестокой... муке". Греческим эквивалентом славянского "иностранный", несомненно, является βαρβαρικός. БО 211 переводит: eine fremde Pein.

[8] "Благотворность... трудов". Слав. "благонравие" передает смысл греч. ἀρετή. (Срезн., т. I, стр. 102). У БО 211 переведено: Tugend.

[9] "Страдая от болезней" — для удобства передачи смысла славянского текста на русский язык следует предпочесть чтение "боляще" вм. "болееете", предлагаемое у БО 211.

[10] "Помощь" — такой перевод возможен, если читать в слав. тексте "поспешие" = συνεργεία вм. "поспешне".

пищу и вкушает противные яства, избегая сладких, не наслаждаясь тем, что (употребляет) в пищу, для того чтобы прославить свое отечество (теми) правилами, (по которым живет).

6. Это бывает в том, что (имеет) малое (значение), но заметно для всех. Общие цели жизни понятны, и все то, что было сказано о мучительных лишениях, невидимо приносит пользу в будущем. А люди не скоро познают эти блага, (еще) не пришедшие (но известные) нам[12], верующим в Того, Кто знает их. Так нам (надлежит) рассуждать и (об этом следует) молиться.

7. Так мы и научены: угодное Ему полезно и для нас, хорошо знающих (это) и уверенных в том, что (служащее) для нашей пользы (угодно и Ему)[13].

8. Ибо жизненные изменения, — хотя это и не сразу бывает очевидно для тех, с которыми они происходят, — восстанавливают[14] стройный порядок. Так, многократно меняя потребности, в нищете и в богатстве мы обнаруживаем сами в своей жизни одинаковое (устроение).

9. Если даже некоторые, держась одних (и тех же) привычек, до конца сохраняют неизменный уклад (жизни), то (и они) вскоре, оставивши все, по смерти испытывают общую (превратность). Единственно лишь те, которые сохраняют земное на небесах [Флп. 3, 20; сравн. Мф. 5, 20], имеют жизнь, отличающуюся от этой (то есть от описанной выше).

IV

1. Если же и подвергнется (кто-нибудь) снова беде, пусть не огорчается (этой) переменой. Таков закон, и хорошо повиноваться ему. Что из всего сущего всегда сохраняется, оказываясь неизменным? Разве ты не видишь, как круговращением многих дней изменяются времена года?

---

[11] "Борец" — в славянском тексте "мученик". В подлиннике, несомненно, не μάρτυς, а ἀθλήτης.

[12] "Но известные нам" — перевод предположительный, основанный на чтении славянского текста "Нами же ведома" вм. "Нами неведома" (ср. БО 211—212).

[13] "угодно и Ему" – перевод, основанный на чтении "и Оному люба" (ср. БО 212).

[14] "восстанавливают" — "бывають пакы", вероятно, соответствует греческому παλιγγεννάω.

2. Хотя зима для некоторых несносна, но (она) необходима для жизни. Ведь она кормит их и орошает землю; опечалив человека суровостию погоды, (она) вскоре показывает пользу и благодеяние изменением воздуха, благодаря чему земля, увенчавшись, приносит людям многие и различные плоды.

3. Многие избегают солнечного зноя, но ведь он заставляет спеть (то), что (является) для нас пищею. Часто огорчают нас дожди, но (они) служат для орошения земли. Наступает перемена и (для) лета, и (время) приближается к зиме, так что осень сбором плодов показывает (результат) взаимодействия обоих (= зимы и лета).

4. И солнце изменяет (состояние) воздуха, переменив (свое) положение. Посмотри, о человек, и на эту луну: каким образом она, ущербляясь, уменьшается и, прибывая, снова увеличивается!

5. Видим мы и природу звезд, которыми увенчано небо, как и они имеют свою участь; наблюдаем и их движения в различных образах и в меняющихся очертаниях взаимных перемещений, так что в небесном хороводе, как говорят, без изменения пребывает одна только Медведица.

6. Но и она не остается неподвижною, так как и она вращается в заключающей ее сфере; причем, как говорят, из-за промедления вращения это совершается несвоевременно[15].

7. Посмотрим также и на природу источников, как и они, не удерживаясь в своих местах, изливают обильные струи, которые не остаются соединенными в том месте, где были, но протекают во многие (места) и могут быть видимы (каждая струя) сами по себе. Питаемые своими сочетаниями, (они) дают начало великим и многочисленным рекам.

V

1. Таковы деятельность и изменение природы творений. Поэтому, о человек, — хотя бы ты был богатым, хотя бы бедным, хотя бы царем, — и ты не должен любить неизменного постоянства, но (должен) удаляться от него. Смотри

---

[15] "несвоевременно" — "бесчастна", греч., вероятно, ἀωρος. БО 213 предлагает перевод "безучастно" (или "незадачливо") см.: *Срезн.*, т. I, стр 80.

же и на другой мир, на великое множество людей[16]; (тогда) ты будешь видеть ясно и уразумеешь Премудрость (м. б. Промысл)[17].

2. Здесь ты увидишь многие превратности, случающиеся с многими людьми, влекущие за собою перемены в образе жизни. Ты увидишь здесь многих, возносящихся из уничижения и падающих с высоты [Лк. 1, 52 и 18, 14].

3. Таковы таинства нашей жизни. Божество узаконило такие (таинства) для людей, изменяя места и образы (жизни), как это угодно Ему в каждом отдельном (случае). Нам же надлежит слушаться, следовать [1 Пет. 2, 21], а не сопротивляться.

4. О человек, — творение Божие, Божий образ, — не печалься, (оказываясь) руководимым, не считай тягостным повеление, не смей ослушаться, будучи вразумляем, ведь (Он) вразумляет тебя с любовью [Евр. 12, 6; сравн. Апок. 3, 19]. Иных (Он вразумляет), как уже согрешивших, а других, — чтобы не грешили.

5. Если ты приблизишься к морю, не бойся его угроз: и там ты найдешь Божии следы, по которым надлежит шествовать [1 Пет. 2, 21] без страха сквозь воды и бури и леса, доверившись истинному пути.

6. Горестно, в самом деле, — и для перенесших это, и для слушающих — разорение царства. Насладившиеся удовольствиями, в бедствии будут скорбеть[18] сильнее, лишенные (этих удовольствий).

7. Но так как это не происходит без Бога, то вместо того, чтобы печалиться[19] о случившемся, следует искать (его) причину, дабы хорошо уразуметь (вызванные этой причиной) следствия. Желающий научиться узнает от Того, от Кого (это) исходит, что воля Божия (заключается в том), чтобы верующие принимали от Него (попускаемое Им)[20].

---

[16] Расстановка знаков и перевод не совпадают с БО 213.

[17] "Премудрость" (Промысл); слав. "ум", возможно, соответствует греч. πρόνοια. См.: *Срезн.*, т. II, стр. 1213.

[18] "в бедствии будут скорбеть" — "требующеи. . печаль подимуть". БО 214 переводит: begehrend = "требуя". "Требовати" = быть в нужде, бедствовать, скорбеть. Ср.: *Срезн.*, т.III, стр. 1023.

[19] "печалиться" — "попечениа" от глаг. "попечися" = греч. κατενύχθη. См.: *Срезн.*, т. II, стр. 1191.

[20] "попускаемое" – "еже и простися" от греч. συγχωρειν. См.: *Срезн.*, т. II, стр. 1575.

VI

1. Знай также, человек: — если тебе кажется, (что ты) чего-нибудь лишаешься, то (это) не вечное, а временное, и было (оно у тебя) для употребления, а не собственностью.

2. А те, которые держатся за нынешнее, как за вечное, не получают обоих: одного лишаются, а другое имеют (лишь по видимости)[21].(Но) одно исчезает, умирает, как тень, а другое пребывает вечно, как (истинно) сущее[22]; из того же, что происходит (с чем-либо), познается природа (данной) вещи.

3. Ибо если (она) не разрушилась, то (она) вечна, если же разрушилась, то (она) уничтожена. Разве не временное (то, что) является только, как сон в ночное время, и призрачность[23] чего доказывается [1 Кор. 3, 13] с наступлением дня?

4. Итак, отчаявшимся в мнимых благах остается просить грядущих, которые и получат привлекаемые ими, возлюбившие (их) и просившие.

5. Здешние мнимые блага являются образом истинных (благ) [Кол. 2, 17]. Поэтому (они), расцветая ненадолго, сразу же и увядают; (1 Пет. 1, 24); таким образом (вечно) пребывает одно лишь слово Божие (1 Пет. 1, 25). Ибо царство не разделилось (Мф. 12, 25), дабы и здесь исполнился Божий глагол.

6. Снимем багряницу и отвергнем пурпур, ибо он не успокаивает жаждущую душу [Лк. 16, 19, 24]. Откажемся от больших и обширных житниц (Лк., 12, 18), наполненных всевозможными плодами: их ведь нет, когда отходит наша душа. Если мы и мир приобретем, то не получим никакой пользы (Мф. 16, 26), погубив души. Довольно (для меня) того, что (имеется в) достаточном (количестве); (довольно) и умеренной пищи, чтобы я, разбогатев [Притч. 30, 9], не забыл Владыку.

VII

1. Таковы Божии наставления. (В соответствии с) этими правилами поступал Господь наш. Разве ты не видишь,

---

[21] "имеют лишь по видимости" – БО 214 предлагает чтение "яко не приемлюще" вм. "яко и приемлюще" – nicht empfangend

[22] "как истинно сущее" — "яко и суща"; вероятно, = греч. τὰ ὄντα

[23] "призрачность" — "мнение" = греч. δόκημα.

что и Он, хотя (Он) и наполняет небеса и землю (Иер. 23, 24), не возлюбил (постоянного) пребывания, но Сам удалился (от него) и (этим) спасительным удалением Первый показал добродетельную и достойную жизнь[24].

2. *Выражение "совлекся" употреблено вместо того, чтобы сказать: "Он не имел нужды в Божественной силе во время страдания", равно как и (выражение) "облекся" значит: "Ему нужны были человеческая бедность и смирение".*

Он совлекся Божества и облекся [Флп. 2, 7] человечеством; пребывая среди нас, нищих, пренебрег богатством; подражая нищим же, назвал их блаженными (Лк., 6, 20), обещав (им) богатство бессмертное и истинное и царство неразрушаемое (Евр. 12, 28). А нынешним богачам (Он) сказал, (что от них) отнимется [Лк. 6, 24] Его награда, потому что вместо вечности они возлюбили эту временную пищу.

3. Будем же и мы совершать подвиги, пренебрегая нынешним, которое проходит, как тень, и возлюбив грядущее, ибо оно вечно и его никто не отнимет: ведь это Божий дар и (он) бессмертен.

4. Заботящимся о тех (грядущих) благах необходимо пренебрегать здешними мнимыми благами [2 Кор. 4, 18], от власти над которыми отрекся и Господь, хотя (именно) Он их сотворил, уступив другому [Ин. 14, 30], то есть диаволу — злому духу, предоставив и людям власть (Лк. 10, 19) над временным.

5. Поэтому не (годится) держаться за эти блага: ведь (вот) какого господина эта собственность, и он дает ее кому хочет (Лк. 4, 6). Дает (он ее) своим единомышленникам, считающим его господином и покланяющимся [Лк. 4, 7] ему.

6. А нам надлежит, если мы решили последовать Богу, отказаться от широкого и пространного (пути) (Мф. 7, 13), — ибо это путь смерти — и перейти на путь узкий и скорбный, ибо он ведет к жизни (Мф., 7, 14).

7. Если ты лишишься имущества, считай богатство[25] за ничто; ведь вместо одного приобретешь (многое[26]) [Мф. 19, 29]. Если (лишишься) и кого-нибудь из любимых

---

[24] "добродетельную... жизнь" — "благожизненное"; вероятно = греч. εὐήμερος. См : *Срезн.*, т. I, стр. 99.

[25] "считай богатство" и т. д. БО 216 читает "приобретение ем нищетою" и переводит: du hast Gewinn durch Armut.

[26] "многое". Это дополнение предлагает БО 216.

и они не погибли для тебя; тех, которых ты лишился на краткое время, будешь иметь вечно.

VIII

1. Посмотри на того мужа, проповедника явления Святого, который, на малое (время) быв послан в мир, даже немного не задержался в нем, (но) пренебрег едва не всем, находящимся здесь. Он питался саранчею и диким медом и одевался верблюжьей шерстью (Мф. 3, 4). Поэтому из всех рожденных (Он) являлся наибольшим (Мф. 11, 11) ради простоты (своей) одежды, неизысканности пищи и скудости стола.

2. Посмотри и на ту нищую вдовицу, у которой все имение — две медные монеты (Лк. 21, 2 и след.): пренебрегая и этим, (она) подаянием превзошла многих богачей.

3. Если же кто-нибудь хочет творить небесные заповеди и выполнять до конца закон спасения, (тот) найдет многие причины бывающих здесь огорчений: (случаются они) и с тем, кто воздерживается от супружества, в то время, как природа еще требует (этого) и позволяет, — и с тем, кто, имея две одежды (Лк. 3, 11). делится с нищим и нагим, — и с тем, кто не презирает требующих пищи или служит жаждущему [Мф. 25, 35 и 36], хотя бы (напоив его) студеной водой (Мф. 10, 42), — и с тем, кто принимает в дом (Ис. 58, 7) не имеющего крова и (возможности) высушить (мокрую одежду), — и с тем, кто соединил свою душу с пленником или служит недужному в (его) болезни.

4. Такой (человек) будет причислен к лику стоящих направо (Мф. 25, 34) от Судии; будет почтен Царем, так что наименуется Божиим сыном [1 Ин. 3,1], в неизреченном мире будет (он) жить, питаясь Божиим изобилием, когда прекратится счет времени[27] [Апок. 10, 6].

---

[27] Слав. "временемь исчистися не могуще".

О РАЗЛИЧЕНИИ ЯСТВ И О ТЕЛИЦЕ, УПОМИНАЕМОЙ В КНИГЕ ЛЕВИТ[1], ПЕПЛОМ КОТОРОЙ ОКРОПЛЯЛИСЬ ГРЕШНИКИ

(О разлучении яди и о юници менимеи в левитице еяже пепеломь грешнии кропяхуся)

I

1. Нам бы следовало удовольствоваться этими сочинениями, ибо многочисленны те (произведения)[2], которые были составлены ранее. Обуреваемые многими искушениями, мы не нашли еще избавления[3] от них. Ведь ты знаешь, Френопия, как совершавшая вместе с нами подвиги и принявшая участие во многих трудах и молитвах и лишениях, (знаешь,) как часто бывала ты со мною в каждом искушении (ради) слова! Какие страдания причинил мне сатана по окончании труда "О девстве" из-за этого сочинения! Какие напасти учинил он мне снова, не позволив окончить сочинение "О воскресении"!

2. Он воздвиг (против) нас волны, как бы непроходимые горы – говорю об обидах, – нагромождая искушения, так что мы не надеялись (остаться) в живых (2 Кор. 1, 8), хотя такие случаи служат на пользу. А нынешние люди больше любят клевету и мерзость, обвинения и обманы даже (по отношению) к благодетелям, охотнее слушая о ближних худое, нежели доброе.

3. Однако, если и такие неприязненные бури обрушились на меня, я не перестану писать, ибо это есть общая (участь) в какой-либо степени держащихся истины – (такие) наговоры. И не теперь только это возникло, но от (времен) самих пророков, которые радовались, будучи ненавидимыми, (ибо) их противниками были злые демоны.

---

[1] О рыжей телице говорится в книге Числа, гл. 19.

[2] "Произведения" - "поминании"; вероятно, греч. ὑπόμνηματα. Ср. латин. commentarii.

[3] "избавления" – "раздрешениа"; греч. λύσις.

4. Демоны ни к чему так не стремятся, как к тому, чтобы, прельщая, отводить людей от их Творца и от Его Первородного и Единородного Сына Иисуса Христа; они противятся праведным помышлениям, (исходящим от) Того, Кто является Наставником идущих по истинному пути и подражающих лучшему. (Демоны) запинают (Евр. 12, 1)[4] мысли, возводящие ум к бессмертию. И (вот), для того чтобы осудить их и обличить, открылся для людей путь спасения (Деян. 16, 17).

5. Поэтому они прилагают усилия к тому, чтобы мы пребывали в неведении как о естественных, так и о богословских науках, завидуют тем, кто изучает смысл Писания, (и добиваются того), чтобы у них (= изучающих Писание) появились бессмысленные душевные движения.

6. Ибо, когда окажется, что душа не имеет твердости, не слышала святых слов и не знает Творца и Отца всего, не видела изливающегося оттуда блага, (тогда) ее привлекает[5] Каинова слава, призраки которой показывают[6] демоны, способствующие (возникновению) бессмысленных помыслов.

II

1. Однако, (независимо от того), что является причиной восстающих на нас искушений – демоны или другое что-либо, – мы не устрашимся, ибо имеем Помощником Господа нашего Иисуса Христа.

2. Если мы принимаем наказание [1 Кор. 11, 32] за давние прегрешения в этой жизни, то нам надлежит радоваться, ибо (будущий) суд будет для нас легок. Или же мы подвергаемся искушениям подобно тем святым мужам, если крепко и мужественно противостоим скорбям; (это для того), чтобы вера наша была известна. А неискушенный непригоден для Бога[7] [Иак. 1, 2, 12]. Таким образом надлежит радоваться и прославлять Бога за то, что Он сподобил (нас) вкусить тех бедствий.

---

[4] "запинают" - перевод несколько отличается от БО 428 ("hindernd"); в первом издании было "hemmend". У Срезневского слово "запьнъчиа" отсутствует (срав.: греч. εὐπερίστατος).

[5] "привлекает" — "внявшивься"; вероятно, греч. προσέχω.

[6] "показывают" — "мечтують", греч. φαντάζω.

[7] Сравн.: Тертуллиан "О крещении", 20; "Дидаскалия" XI и "Апостольские постановления" II, 8; *A. Resch.* Agrapha, Lpz., 1906, S. 130-132 = Agraphon 90. "Vir, quio non est temptatus, non est probatus a Deo" (Ἀνὴρ ἀδόκιμος καί ἀπείρατος παρὰ τῷ Θεῷ). БО не указывает эту цитату.

3. Ведь пророк, не как малое что-нибудь, испрашивает (себе) подвиг скорби, говоря: *Искуси меня, Господи, искуси меня; сокруши*[8] *внутренности мои и сердце мое* (Пс. 25, 2). И апостол Павел[9] говорит: *Всякую радость испытывайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение* (Иак. 1, 2–3). Так эти скорби, по моему мнению, являются полезными. В противном случае он не написал бы и следующего, говоря: *они были побиваемы камнями и перепиливаемы* (Евр. 11, 37) и так далее. И к Тимофею в послании не говорил бы он: *желающие жить благочестиво во Христе гонимы будут* (2 Тим. 3, 12).

4. Хорошее (дело) – не ослабевать тому, кого наказывает Бог, дабы и у нас, как у тех неуверовавших людей, не упали душевные члены [Евр. 3, 17]. Ибо, не пожелавши следовать за ангелом из-за трудности пути, (они) по этой причине не вошли в Обетованную землю (Чис., *гл.* 14); несчастные, отступившие от Бога, (убоявшись) небольшого труда, они за это и приняли наказание [1 Кор. 10, 5], когда рассыпались их члены.

5. Поэтому да не подвергнемся и мы укоризне[10] и пусть никто не разлучает нас [Рим. 8, 35] с философией[11] из-за трудностей или по какой-либо иной причине.

III

1. Настанет ведь (время), когда мы, странствуя, пройдем (чрез) эту жизнь и, нисколько не пострадав от душевных зверей, скажем: *С терпением претерпевал я, (уповая) на Господа, и Он призрел на меня* (Пс. 39, 2) и *от всех скорбей моих избавил меня* (Пс. 33, 5). Сначала надлежит потрудиться, а потом почивать [2 Тим. 2, 12].

2. Так и земледелец не просит, чтобы семена проросли, прежде чем (Иак. 5, 7) будут запряжены волы и вспашут (землю); по он тем более надеется на это после трудов. Если мы пойдем также к мореплавателям, то не так станем удив-

---

[8] В современном тексте Библии "расплавь".

[9] Цитата из Иак. 1, 2–3. Сравн. подобную ошибку в цитации в самом заголовке этого сочинения.

[10] "да не подвергнемся и мы укоризне" — "не поручено ны буди" — БО 429 "tadelnswert". У *Срезн.* "поручно" отсутствует; м. б. корень слова "поруха".

[11] "философия" — "мудростьная любы" — φιλοσοφία.

ляться неискусному кормчему, как умелому и сохранившему корабль среди многих бурь.

3. Желающему вкусить великих Божиих даров надлежит принять много страданий. И на общественных играх *бегут все, но один получает награду. Так бегите, чтобы достигнуть* (1 Кор. 9, 24). (Это) говорит, восклицая, Павел. А большая поспешность (связана) с препятствиями; таковы для бегущего ямы и скалы[12], которые страшны не знающему дороги, бессильному; знающий же (дорогу) и сильный, перенеся трудности пути, спасется.

4. Почему (сохранилась) память о возлюбившем добро, целомудренном и братолюбивом (Иосифе)[13]? Такая память и в такие (долгие) века!

Если ты, отнимая, лишишь его всего того терпения и продажи братьями и клеветы [Быт. 37, 28; сравн. Быт. 39, 17] той женщины, (то) ты отнимешь от него все его мужество и красоту. Так и с Давидом: если лишишь его кротости и терпения, (то) лишишь его всей добродетели.

5. Если же и Даниила лишишь мудрости или (того, что он) претерпел от того Вила и дракона и от еще более (чем дракон) злых людей, разжегших печь, и многие другие скорби...[14][Дан. 1, 20; 13 и 14 гл.; 3, 19 – 22].

...А Моисей чем больше всего (Чис. 12, 3) (для нас) удивителен? Не больше ли всего терпением? Если лишишь его всего этого, (то) уменьшишь его добродетель.

6. Имеешь ты (и) других подвижников – назову Илию и Иеремию, Исаию и Елисея, которые совершали подвиги и сопротивлялись тем великим тиранам, – и их голод и наготу и всяческие труды. А куда отнести труды апостолов, которые обошли всю землю и море?

IV

1. Но, сказав так много об этом, перейдем к последующему, твердо уразумев, что не следует приходить в ужас от приключающихся напастей, – особенно (тем, которые) приняли в собственность (Божие) слово. *Отверзай,* сказано, *уста твои словом Божиим* (Притч. 31, 8)[15].

---

[12] "скалы" – "брези"; от греч. χρημνός. БО 429 переводит Walle.

[13] "Иосиф" вставлено для ясности (сравн.: БО 429).

[14] Несомненно, в тексте имеется пропуск.

[15] Притч. 31, 8. Русский перевод. "Отверзай уста свои за безгласных". Славянский перевод· "Отверзай уста твоя слову Божию".

2. Поэтому, о возлюбленная и верная в Господе Килония, – ибо к тебе с этого места мое слово, – я весьма радуюсь твоей истинной мудрости. Ибо истинная мудрость есть та, о которой рассуждает Соломон: *Начало мудрости – страх Божий* (Притч. 1, 7). Это для многих показалось трудным, ибо на таких (людей) находят многие искушения. Говорю я об этом (по той причине), что брат, (написавший) мне послание, сказал мне то же самое. "Все твои бедствия и все (то, что) ты терпишь – Господни, как принятое тобою ради Его имени" [Евр. 12, 5 – 6; сравн. Притч 3, 11–12].

3. Таков путь тех, которые жаждут небесного [Мф. 6, 33; сравн. Кол. 3, 1] и стремятся к обладанию им. (Но), если путь этот узок (Мф. 7, 14), то он и краток и выводит приходящих на великий простор и на свет.

4. Таков порядок для получения нами вечной жизни и этих неувядающих венцов (1 Пет. 5, 4). И Иаков сказал: *Блажен человек, который переносит искушение, потому что, сделавшись искусным, он получит венец жизни* (Иак. 1, 12). И какая польза человеку, – (употребим) Христово изречение – *какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою погубит?* (Мф. 16, 26).

5. И притом жизнь эта весьма несчастна и не имеет ничего истинного, а Давид сказал: *Дни наши – в них семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и большая часть их труд и болезнь* (Пс. 89, 10).

6. Поэтому (Моисей) захотел страдать с народом Божиим (Евр. 11, 25). А народ Божий – это те, которые получили дар горнего призвания [Кол. 3, 1–2] и, ради (этого), приняли многие скорби [Деян. 14, 22]. Поэтому они не услышали, как тот богач, что они получили доброе свое в жизни своей (Лк. 16, 25).

7. *И исполины те, славные изначала* (Вар. 3, 26) люди, не сумели ничего достигнуть той силой и гордостью, как сказал и пророк Иеремия: *и они погибли оттого, что не имели мудрости* (Вар. 3, 28).

V

1. А нам Бог дал знать все, угодное [1 Кор. 2, 12] Ему. Ибо *счастливы мы*, сказано, *что мы знаем угодное Богу* (Вар. 4, 4). А угодно Богу благоразумие[16]. Благоразумие же

[16] "благоразумие" – "целоумие". Греч. σωφροσύνη.

состоит в том, чтобы иметь здравый разум и не колебаться злобою мятущихся мыслей.

2. Всякое душевное преступление есть болезнь. А болезнь не смешивается с благом, как (другое) благо[17], но исцеляется (тогда), когда воспринимает благо. Правда – это здоровье, а неправда – болезнь. Поэтому душа, (ничего) не потерпевшая, и мысль, (не укрепленная) приближением искушений, не имеют здравого и твердого разумения[18]. Потому и пророк, научая нас большему мужеству, говорит: *Испытал нас Бог, расплавил нас, как расплавляется серебро* (Пс. 65, 10). И снова (говорит он) о том же: *С терпением претерпевал я, (уповая) на Господа, и Он призрел на меня* (Пс. 39, 2).

3. Поэтому мы предпочитаем, по апостолу, пребывать *в болезнях, в укоризнах, в бедствиях, в изгнаниях, в тесных обстоятельствах* (2 Кор. 6, 4–5). Настанет (время), когда претерпевшие (все это) услышат от Господа то, что Он сказал Иову: *Неужели ты думаешь, что Я что-нибудь другое возвещал тебе кроме (того, что нужно) для явления твоей праведности?* (Иов 40, 3). Итак, о Килония, и мы постараемся участвовать (в том, о чем говорится) в этом изречении.

4. Это можно показать и на примере растений. Как растения, осыпанные удобрением, возрастают и становятся более красивыми и приносят сладкие и хорошие плоды, так и наши души возрастают в истине и во всякой добродетели (в то время), когда находят искушения. И в Евангелии говорится о той бесплодной смоковнице [Лк. 13, 6, 8], о которой садовник умоляет, чтобы осыпать ее удобрением.

Почему Иов сидел на гноище?

5. Поэтому-то и Иов сидел на гноище[19] (Иов 2, 8) во время испытания и, пребывая там, дожидался извещения от Бога. Весьма великое благо – терпение в испытаниях. Презирая все земное, он сидел на этом гноище, как бы в царской палате.

6. Поистине, о возлюбленная Килония, когда богатство умножается, не прилагай (к нему) сердца[20] (Пс. 61, 11). Если же случится с нами оскудение богатства, или болезнен-

---

[17] Перевод предположительный.

[18] Перевод предположительный.

[19] В современном тексте Библии "в пепле".

[20] БО 432 переводит: Mit Gerechtigkeit aber nun, o liebe Kilonia, bereichere, wenn Reichtum dahinfliesst, dein Herz. В первом издании – bekleide.

ные напасти, или обманы и клевета, – (нам) надлежит крепиться. Если даже мы захотим, чтобы (эти невзгоды) отошли от нас, мы не в силах будем отогнать все это. Поэтому лучше будем принимать все это с терпением. Ибо, *будучи судимы, мы наказываемся от Бога, чтобы не быть осужденными с миром* (1 Кор. 11, 32).

7. Апостол в послании к Тимофею говорит: *ты последовал мне в учении, житии, расположении, вере, терпении, любви, молчании, в гонениях, в страданиях* (2 Тим. 3, 10–11). Усердно буду наставлять тебя в уразумении этих слов, потому что не ему одному (сказано это). Это наставление изречено для всех нас, ибо нам велено помышлять о горнем (Кол. 3, 2).

VI

1. Мы достаточно сказали здесь о тех, которые терпят ради правды [Мф. 5, 10]. Надлежит сказать и о том, о чем ты спрашиваешь в послании, говоря о мертвеце, скончавшемся в доме. А это изречение таково:

2. Если человек умер в доме, то входящий в дом и то, что в доме, нечисто будет семь дней; и всякий открытый сосуд нечист. И пусть возьмут (пепла) сожженной телицы и смешают с водою и очистят сосуд. И пусть возьмет иссоп чистый муж и омочит в воде и окропит дом, и сосуды, и живущих, и всех, бывших в доме этом. И пусть окропит чистый муж нечистых в третий и в седьмой день. И человек, который не очистится, пусть будет истреблен из сонмища своего, ибо он осквернил святилище Господа, ибо не окроплен водою окропления; поэтому он нечист. И да будет (это) вам уставом вечным. И кропивший водою окропления пусть вымоет одежды свои; и (тот, кто) прикасается к воде, будет нечист (Чис. 19, 14–21).

3. Надлежит понять, что установивший эту заповедь Спаситель наш не позволяет разуметь ее просто. "Не нуждается", сказал Он Петру, "омытый в ином очищении" [Ин. 13, 10]. Ясно, что очистившийся однажды вторым рождением не оскверняется ничем из того, что установлено[21] в (Моисеевом) законе, а именно – мертвецом или костью мертвеца или иным чем-нибудь. Не подобает омывать внешность чаши

[21] "что установлено" – "номененых", греч. τὰ νομιζόμενα.

(Мф. 23, 25) и пренебрегать внутреннею чистотою, то есть душевною.

4. Различение (родов) пищи отменяется не только гласом, бывшим с неба, который сказал Петру: *Что Бог очистил, ты тем не гнушайся* (Деян. 10, 15), но и тем, что Господь сказал Своим ученикам: *Не то, что входит в человека, оскверняет человека, но то, что выходит* (Мф. 15, 11).

5. Глас, бывший Петру, можно понимать и (так, что он относится) к язычникам, так как Бог не позволяет исключать из веры никого. Так и великий Петр, беседуя с Корнилием, сказал: *Вы знаете хорошо, что непозволительно мужу иудею молиться с мужем язычником. Но мне Бог открыл, чтобы я не почитал нечистым ни одного человека* (Деян. 10, 28), приходящего к вере.

6. Итак, не этим только уничтожилось соблюдение обычаев о пище, но и тем, что изрек Господь. А для того, чтобы, объявляя закон отменяемым постепенно, не вдаваться в многословие, отвергнем его совершенно, как апостолы. Не следует, сказали они, *уверовавшим впрягаться в то ярмо, которого не могли снести и наши отцы* (Деян. 15, 10).

7. Ибо, когда произошло разногласие в Церкви и когда говорили, что уверовавшим должно обрезываться (Деян. 15, 2, 5), как сказано в Деяниях, апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения этого дела. И встав, Петр сказал всем: *мужи и братия, вы знаете, что Бог избрал из вас от давних дней, чтобы из моих уст язычники услышали Евангелие. И Сердцеведец Бог дал им свидетельство, даровав им Духа Святого* (Деян. 15, 6, 8). И вскоре Иаков сказал: *Я полагаю не затруднять обращающихся к Богу язычников, а написать им, чтобы они воздерживались от скверны языческой, от идолопоклонничества, от прелюбодеяния, от удавленины и крови* (Деян. 15, 19). И вскоре затем: *И угодно было апостолам, избрав доверенных людей, послать (их) к язычникам – Павла и Варнаву и Иуду и Силу, называемого Варсавою, написавши (и) вручивши им следующее: "Апостолы и пресвитеры и братия – находящимся в Антиохии, в Сирии и Киликии, – радоваться. Поелику мы услышали, что некоторые, вышедшие от нас, смутили вас тем, чего мы им не поручали, то нам заблагорассудилось, собравшись вместе и избравши мужей, послать их к вам с возлюбленными нашими Варнавою и Павлом, людьми, предавшими души свои за имя Иисуса Христа"* (Деян. 15, 22–26). И вскоре: *Угодно*

Святому Духу и нам не возлагать на вас большего бремени, но только воздерживаться от идоложертвенного и прелюбодеяния и удавленины (Деян. 15, 28–29).

8. (Таково) повеление Духа Святого и апостолов: не вынуждать язычников соблюдать Моисеев закон. (Это) сказано для тех, кто понимает закон телесно, кто соблюдает омовение сосудов и многие другие (Мк. 7, 4) обычаи.

VII

1. (Может быть), кто-нибудь станет допытываться, почему Бог не позволил (иудеям)[22] вкушать (мясо) всяких животных, как всем людям, но заповедал им некоторое воздержание, разделив (животных) на чистых и нечистых.

2. Не для того ли (дано это повеление), чтобы жизнь была чистой и не причастной проказе? Жить (следует так), чтобы (не только) не есть мяса, (но) и не иметь неправедных мыслей[23], ибо мы можем жить, (питаясь) теми плодами, которые дает нам земля. Но мы поступаем не по правде: тогда как эти животные раньше ничем не обидели нас, (мы) закалываем их для своего наслаждения. Не достаточно ли было бы для нас наслаждаться честью (от них) и их трудами? Но мы и после такой большой службы влечем их на заклание, делая зло, (причиняемое) им, своим наслаждением.

3. А если Бог позволил есть животных, так как Бог сотворил их для нашего наслаждения, то почему мы не едим тех, которые не участвуют в служении нам, но тех, которые в особенности трудятся для нас? Работающих на пашне волов, дающих молоко коров и украшающих нас своим руном овец мы закалываем и убиваем. Если же кто вкушал свинины, тот очищался с угрозою.

4. Скажем же, для кого[24] это узаконено Богом на спасение. Так как Бог не заповедал ничего бесполезного, (то), чтобы показать для многих пути к богопочитанию, Он отлучил их от египетской пищи и, вместо того, возвел их к благоразумию. Так и врачи исцеляют многих больных, (назначая им) иную пищу.

5. Сначала ведь, из-за дыма идоловерия, нужен был такой закон, (чрез который бы) они получили множество доб-

---

[22] "иудеям" добавлено и у БО 435.

[23] Перевод предположительный.

[24] "для кого" – у БО 436 переведено: wegen dessen.

родетелей и были бы испытаны, насколько они усердны к этому закону. Надлежит быть тому, чтобы не послушавшие Бога в малом тем более оказались непослушными во многом, а послушные в малом хранили бы и многое (Лк. 16, 10).

6. Поэтому законом прежде всего и установлены правила о пище, о жертвах и об ином, наиболее простом, хотя (и тогда) не было неизвестно[25], что человек не может быть осквернен [Мк. 7, 15] всем, входящим в него. Нужно было, чтобы наши души научились малым, дабы они могли сохранить более необходимое. Как учителя, рисуя для детей простые линии, учат их этими (линиями), так и Бог вместо линий дал закон, чтобы научившиеся сначала им восходили (затем) выше.

7. Так и Павел возвестил, что закон есть тень будущих благ, а не самый образ будущих вещей (Евр. 10, 1), так как тень не является истинным изображением вещей. Изображение объясняет то, что изображается им, и показывает в подобии как бы пришедшим то, что еще не наступило. Что тень по сравнению с изображением, то и закон (Моисеев) по сравнению с Евангелием, а что изображение по сравнению с самими вещами, то Евангелие по сравнению с грядущим.

VIII

1. Поскольку таково положение (дел), необходимо (следует), что и эта заповедь о пище есть тень будущих благ (Евр. 10, 1), которые открыты и выяснены Евангелием [2 Кор. 3, 14]; (следует) не столько иметь попечение о пище и о (животных), имеющих раздвоенные копыта, сколько о правде и о духовной пище и о богоугодных делах[26].

Что (обозначает) раздвоение копыт? Что такое пережевывание жвачки?

2. Что там раздвоенные копыта, то здесь деятельная и благоразумная жизнь. А что в том случае есть отрыгание пищи, то здесь разумное понимание Писания; (это необходимо для того), чтобы не потерпеть нам вреда, если примем только простой смысл Писания.

---

[25] "неизвестно" – во втором издании БО 436 исправил ошибку первого издания: ...nicht unwissend заменило прежнее ...nicht wissend.

[26] "о богоугодных делах" – БО 437 переводит: Handlungen der Menschenliebe.

3. Закон же разделяет животных не только на чистых и нечистых, так как постановления о яствах имеют много (смешивающихся) совпадений. Так кабан, поскольку не отрыгает жвачку, нечист [Лев. 11, 7], а поскольку имеет раздвоение копыт, является чистым. И верблюд [Лев. 11, 4], поскольку не имеет раздвоения копыт, является нечистым, но поскольку отрыгает пищу, (постольку) он чист. Если же они с одной стороны чисты, а с другой нечисты, (то они) наполовину чисты и нечисты. Совершенно нечисты не имеющие раздвоения копыт и не отрыгающие пищу. А чисты (те, которые) имеют и то и другое, то есть и раздвоение (копыт) [Лев. 11, 3] и отрыгание пищи.

4. Итак, кабан наполовину чист, а слон совершенно нечист, так как не отрыгает пищи и не имеет раздвоения копыт. А закон повелевает остерегаться, чтобы не прикоснуться [Лев. 11, 8] к костям их и всего мертвого. Почему же гнушаются наполовину чистым, а совершенно нечистым – то есть слоном, не гнушаются[27], но даже пользуются костями его и зубами и иным, не соблюдая заповеди? Каким же образом пророк в псалме создает из костей его дом для Христа? *Из чертогов слоновой кости*, говорит он, *увеселяют Тебя. Дочери царей в почете у Тебя* (Пс. 44, 9 – 10). Между тем закон повелевает ни разу не прикасаться к кости такого животного.

О том, что простое истолкование Писания, без духовного (понимания), является "покрывалом"

5. Неужели Писание само себе противоречит или пророки не согласны с законом? Напротив, ведь по достоинству (признаются)[28] согласующимися между собою Писания Господни, ведущие к (одному и) тому же знанию и к (одной и той же) жизни и приводящие к единой надежде. Если, таким образом, откроется покрывало (2 Кор. 3, 16), (закрывающее) Писание, – а оно не может открыться иначе, как только (тогда, когда) мы обратимся к Господу Иисусу Христу, – тогда мы открытым лицом увидим славу (2 Кор. 3, 18) Его, возвещаемую Ветхозаветными Писаниями.

6. Не станем строить для Него дом из слоновой кости и из золота. И пророк не повелевает этого, хотя иудеи и пус-

---

[27] "гнушаются" – "скаредуются" (см.: *Срезн.*, т. III, стр. 366) – у БО 437: man verunreinigt sich.

[28] "по достоинству признаются" – "достойно славити" (см.: *Срезн.*, т. III, стр. 106).

тословят так именно о Христе. А мы знаем, что Божество радуется не мертвому искусству[29] человеческого умения, но тому, что живет и никогда не истлевает.

7. Башни[30] (1 Кор. 15, 42) – это душевные тела, о которых радуется Господь, видя их безгрешными в воскресении. Поэтому-то наши тела и названы башнями из слоновой кости (Пс. 44, 9), которые, светясь подобно слоновой кости, воспринимают (Божие) Царство добрыми делами. Бог радуется им, как (об этом) говорит пророк: *Возрадовался Я, когда сказали Мне: "пойдем в дом Господень"* (Пс. 121, 1).

IX

1. Так будем же и мы (по этой причине) шествовать путем Слова. Тени просветлели, закон исполнился [Мф. 5, 17], приблизилась надежда, явилась истина, пришел конец (1 Кор. 10, 11) времен. Бог послал Сына Своего, Который восхотел искупить (Гал. 4, 4–5) человека, находящегося под законом. Не только кровь... и пепел телицы (Евр. 9, 13) и иссоп могут очищать нечистых. Уже окончились все заповеди закона. Не (этот закон) был тем[31], чего ожидали [Мф. 11, 3], но Господь Иисус Христос.

2. Пришла надежда, проповедано Евангелие, мы научились от Большего (Мф. 11, 11). Где теперь требуется очищение, (совершаемое) по букве Писания? Ибо закон и пророки прорекли до Иоанна (Мф. 11, 13); после Иоанна думающие очищаться по закону нарушают закон: ведь закон очищал чрез омовения и очищения. А после пришествия Христова пепел телицы оскудел, им же (иудеям, продолжающим соблюдать закон) не позволено ни употреблять пепел другой телицы, кроме той, которая узаконена Моисеем, ни обходиться без этого способа очищения, ни избежать, не очистившись, наказания.

3. Ибо вот, сказано, определение закона, которое заповедал Господь, говоря: *скажи сынам Израилевым, пусть приведет каждый из них к тебе рыжую телицу чистую, не имеющую в себе порока, и на которую не возлагалось ярмо. И отдадут ее Елеазару священнику, и выведут ее вон из стана, на место чистое, и заколют ее пред ним* (Чис. 19, 2–3).

---

[29] "искусству" – "къзнем"; у БО 438: Gebeinen.

[30] "башни" – "сыновe" (*Срезн.*, т. III, стр 874), у БО 438: Denn das Elfenbein sind die geistigen Leiber

[31] У БО 439: Nicht das erwartete Szepter war es

А затем еще такой закон: *Человек, если войдет в дом умершего, будет нечист, (а также) все, что (есть) в доме том* (Чис. 19, 14); и всякий, кто прикоснется, нечист (Чис. 19, 16); *и пусть возьмет пепла, ставшего очищением, и соединит с водою и иссопом и очистит нечистых* (Чис. 19, 17–18). И вскоре: *Человек, если осквернится и не очистится, то должна истребиться душа та из собрания, ибо он осквернил святилище Господа, ибо он не окроплен водою очищения. И да будет (это) вам законом вечным* (Чис. 19, 20 – 21).

X

1. Иудеи, если (они) хотят жить по закону, не должны уже ни брать руками книги закона, ни закалывать овец, ни соблюдать пасху, чтобы (им) не подвергнуться гневу, как осквернителям святилища Господа.

2. Ибо сказано: *Всякий человек, если осквернится и не очистится, то должна истребиться душа та из собрания, ибо она не очистилась водою очищения* (Чис. 19, 20).

3. Не об одной только воде сказано (это), но о смешанной с пеплом телицы. Таково очищение по закону, причем Бог не обещал очищения чрез одну только воду, чтобы они (не вздумали) хвалиться. (Не должны они) ни прикасаться ко гробу, ни входить в дом умершего, ни проходить чрез кладбище: все это непозволительно.

4. Поэтому-то и прекращена жизнь по закону с того времени, когда оскудел пепел (телицы), и они подверглись наказанию, по Божиему устроению, для того чтобы они оказались вынужденными искать Того, кто искупил бы [Гал. 4, 5] их из-под закона. Говорю же, сказал апостол, *всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон* (Гал. 5, 3).

5. Исполнились времена, не стало пепла (телицы). Уже не на каменных скрижалях (2 Кор. 3, 3) пишется: *возлюби Господа Бога твоего* (Втор. 6, 5). (Если) находившиеся под законом (оказывались) вынужденными против воли служить Господу, то (напротив) на плотяных скрижалях (2 Кор. 3, 3) (сердца пишется) о добровольном служении Богу для тех, кто хочет жить вечно.

6. С удовольствием спросил бы я их: как они велят нам исполнять закон – так ли, как нам повелевает сам закон и Дух Святой, или так, как они сами понимают исполнение

(закона)? Если так, как они (понимают), то они предписывают не что иное, как нарушение закона, ибо закон (повелевает), чтобы прикоснувшийся к мертвой кости или к мертвецу, если он не очистится, был бы истреблен из своего народа; (это заповедано), чтобы они не прикасались к святыне. А они, прикасаясь к мертвецам и к костям, не только не очищаются, но оскверняют и святыню, приближаясь к ней. Если же (они велят исполнять закон) так, как повелевает Святой Дух, то разве они не являются самыми бесстыдными (людьми)?

7. И если они велят нам жить по (предписаниям) Духа, то они, очевидно, (сами) поступают вопреки этому, *ибо не тот иудей, кто внешне таков, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, не по букве, а по Духу; ему и похвала не от людей, но от Бога* (Рим. 2, 28–29).

XI

1. А таинство телицы сохраняется среди нас, содержащих закон не по букве, но духовно, и служащих уже не теням и подобиям и образам, но действительно самой истине.

2. Ибо эти символы изобрела человеческая немощь, вкладывая в них свою слепоту, (и) чрез них[32] воспринимает истину. Человечество, будучи еще немощно и пребывая вне Божественной благости, по причине случившегося прежде[33] прельщения, приняло символы истины, чрез которые оно познает (самую) истину. А те, чьи души здравы и могут познавать Творца чрез красоту небес, не нуждаются ни в символах, ни в изображениях. Поэтому необходимо было, чтобы в законе прежде всего указывалось, как от него возможно будет (восходить) к духовным (предметам), о которых нас поучает Господь наш Иисус Христос, говоря, что вкусившие истины *будут поклоняться Богу не в Иерусалиме и не на горе Гаризим, но будут в духе и истине* (Ин. 4, 21, 23) *воздевать к Нему чистые руки* (1 Тим. 2, 8).

3. Святое, не (объемлемое) местом и пространством, оскорбляется[34] таким почитанием и служением, когда яви-

---

[32] "чрез них" – "от онех". У БО 441 von anderen, – без сомнения, на основании чтения в других рукописях "от инех". Следующая фраза оправдывает предлагаемый здесь перевод.

[33] "случившегося прежде" – "варьшяя" (у *Срезн.* этого слова нет).

[34] "оскорбляется" – БО 441; Nicht hat Er Wohlgefallen.

лась истинная Телица, подобием Которой была та (ветхозаветная), и когда явилось истинное Очищение. Смотри, сказано, сделай все по тому образцу, какой показан тебе (Исх. 25, 40).

О том, что "телица" есть плоть Христова

4. Итак, истинная телица – это плоть Христова, которую Он воспринял для очищения мира; рыжей (= красной) она называется ради страданий, не имеющей порока – ради невинности, не носящей ярма – как чистая от всякого греха, не приученной к упряжи (Чис. 19, 2, 3, 9) – как бесстрастная. Она закалывается вне стана, вне Иерусалима, на чистом месте (Евр. 13, 11), без смешения с чем бы то ни было. Ее кровию освящается Церковь. Ее пеплом очищаются люди, а Ее смертью все язычники[35] искуплены от смерти.

5. Иеремия говорит: *Господь – Помощь моя, Прибежище мое, Надежда в дни скорби. К Тебе придут язычники от краев земли и скажут: "ложно сотворили отцы наши идолов"* (Иер. 16, 19). Поэтому-то (телица) и сжигается, как говорит Писание: *И сожгут ее*, сказано, *и кожу ее, и мясо, и кровь ее с нечистотою ее сожгут* (Чис. 19, 5).

6. Тайны установлены для просвещения и озарения и оживления научаемых. (Так) мясо ее (телицы) – это святые дела, кровь – слово истолкования, кожа – подобие веры и (подобие) очищения[36] (верою), имея которую, принесем ее Богу в дар. Нечистоты – это преступления, гноящиеся раны [Ис. 1, 6], ибо Он взял (на Себя) наши немощи (Ис. 53, 4) и т. д.

7. Поэтому закон повелевает все сжигать, ибо духовная жизнь разумна и (нам) надлежит просвещаться ею по (мере) духовного оживления в наших сердцах, чтобы нам не помышлять о Нем ничего темного и чтобы (мы), словно изведенные из темницы, узрели на высоте Божий свет [Мф. 5, 14], как будто на какой-нибудь высокой горе, принимая пришествие Святого Духа. Ибо, как светильник для тела есть око [Мф. 6, 22], так ум – (светильник) души. Когда ты оставишь темноту буквы, (тогда) будешь вечно пребывать в свете.

---

[35] "язычники" – "страны"; см : *Срезн.*, т. III, стр. 536.
[36] "очищения" – "очищение" (вероятно, ἱλαστήριον).

XII

Почему мясо агнца едят "испеченное"

1. Вот – и мясо агнца едят не сваренным в воде, но испеченным на огне (Исх. 12, 9). Ибо не позволено слово о Христе принимать недопеченным (Исх. 12, 9) или сырым. Ведь Он был совершенным агнцем (Исх. 12, 5): как овца, сказано, веден был Он на заклание (Исх. 53, 7) и т. д. Когда Он изводит народ (Свой) из Египта и избавляет от мучителя, (тогда) Он является агнцем, когда же вновь очищает грех, (тогда) Он является непорочной телицей.

2. На сожигаемую (телицу) кладут следующее: кедровое дерево, иссоп и нить из червленной шерсти (Чис 19, 6). (Это) для того, чтобы мы узнали[37] чрез их (посредство, как) возвещают нам этими символами (Священные) Книги (и как) указывает нам Писание, что нельзя, производя исследование о плоти Христовой, не возвышаться, вместе с тем, (умом) к Святой Троице[38]. Таково пришествие Слова для нас, держащихся этого верования и ни в чем не соблазняющихся[39] [Мф. 11, 6], о воплощении Предвечного Слова.

3. Кедровое дерево, из-за того, что оно не гниет и всегда зеленеет, мы рассматриваем, (как символ) познания Отца всего (сущего), имеющего нетление и бессмертие. Иссоп мы рассматриваем, (как символ) пришествия Единородного Сына, (о Котором было) предсказано, что Он придет, дабы исцелить и спасти: ведь это растение в особенности помогает при телесном изнурении[40]. И Господь наш Иисус Христос оживил нас, изнуренных и истлевших, и возвел в прежнюю славу. Нить из червленной пряжи мы истолковываем, как обозначающую общение Святого Духа, Которым души наши запечатлены (Еф. 4, 30) во благо, и дары Которого сияют[41] из наших тел.

---

[37] "чтобы мы узнали" – "да почоем"; БО 443 предлагает чтение "да почуем".

[38] Перевод отчасти предположительный. БО 443 переводит приблизительно так же. В первом издании "непричастно" рассматривалось, как начало отдельного предложения.

[39] "не соблазняющихся" – "не възменящемся"· вероятно, греч ἀμφιδοξος.

[40] "при... изнурении" – "съхновению"; вероятно, греч. τηκεδών.

[41] "дары Которого сияют" – "даром Его сиятися"; БО 443: Seine Gaben herausgenommen werden (очевидно, БО читает "даром Его си ятися").

4. Итак, вот образ Троицы в этих (предметах), влагаемых в огонь: телица с тремя...[42].

5. ...Так как человеку (свойственна) двойственность и над ним властвуют две жизни [Рим. 7, 23] – чистая и мутная, – то (для него) потребовалась помощь, чтобы (он мог) избрать добрую жизнь, признаки (которой), проявляющиеся в обновлении, – внезапное просвещение души, чрез что совершенно очищается грех.

6. Пепел же, окропляемый на осквернившихся, иногда знаменует погребение тела Христова, потому что Он ради нас водворился в прахе земном [Пс. 21, 16], – а иногда обозначает (раскаяние)[43] в грехах. Как там, еще до пришествия Христова, очищались пеплом (почему Писание называло Христову смерть "перстью смертной" и "пеплом"), так и здесь очищаются крестящиеся в смерть Христа (Рим. 6, 3), Который омывает нас от ран, нанесенных преступлением. Апостол говорит: *Крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились. Мы погреблись с Ним крещением в смерть* (Рим. 6, 3 – 4) и т. д.

7. Для чего же Писание называет Христову смерть перстью (Пс. 21, 16) и пеплом (Чис. 19, 17)? (О том, что Христос пострадал не призрачно, но действительно). – Для того, чтобы поистине явно было, что не призрачно, но в действительности претерпел Христос спасительные страдания, без изменения восприняв нашу плоть, Он действительно вкусил смерть подобно нам [Рим. 6, 5]. Поэтому уверовавшие в Него, но не проповедающие о том, что Он действительно ради нас претерпел страдания, пребывают еще в грехах (1 Кор. 15, 17).

8. По этой причине народу (израильскому) не предписано пользоваться пеплом иной телицы, если недостаточно будет первой, дабы явно было, что[44] Христос умер за нас (Рим. 5, 8) для спасения[45] мира. *Умерший*, говорит апостол, *Он уже не умирает, смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха, а что*

---

[42] В рукописи пропуск (сравн.: БО 443).

[43] "раскаяние"; чтение "покаяние" более вразумительно, чем "покланяние" (сравн.: БО 444).

[44] "дабы явно было, что .." БО 444 переводит: um rein zu erscheinen, основываясь на чтении в др. рукописях.

[45] "для спасения" – "спасениа деля"; БО 444: Erlösung, следовало: Rettung или Heil.

живет, то живет для Бога (Рим. 6, 9 – 10), вводя плоть в вечную жизнь.

XIII

1. Что же сказано далее: ибо надлежит рассмотреть и последующее? – И вот закон: если человек умрет в доме, то всякий, кто придет в тот дом, нечист будет, и все, что в нем (Чис. 19, 14). Здесь говорится не об обыкновенной смерти, но о душевной: ведь и душа умирает – не временною смертью, но вечною, как и пророк говорит: душа согрешающая – та умрет (Иез. 18, 4).

2. Это для нее истинная смерть, а именно (смерть) от грехов. Ибо красота души и одеяние и украшение – добрая жизнь по Писанию. Мудрые жены, сказано, устроили дома (Притч. 14, 1). Потому и Господь, повелевая каждому из нас созидать дома добродетелями, уподобляет нас мудрому мужу [Мф. 7, 24], созидающему свой дом на камнях, называя Камнем Себя, а домом крепость веры.

3. Если же человек умрет душевною смертью и ты войдешь в его дом (Чис. 19, 14), то есть в (его) привычки и в дела, то ты сразу же осквернишь свою совесть и затемнишь рассудок. Однако, если ты покаешься, прежде чем зло успело растлить тебя в душе и в теле, (то) ты придешь и очистишься Святым Телом.

4. И всякий открытый сосуд и необвязанный нечист (Чис. 19, 15). Так всякая душа, повязанная "повязанием"[46] любви (Кол. 3, 14) и закрытая, не может принять ту нечистоту. А что открыто слабостью и что не имеет на себе знамения Христова [2 Тим. 2, 19], то будет осквернено обманами лукавого. Так и Иеремия возвестил народу о том, что смерть входит в двери (Иер. 9, 21) их, называя дверями чувства.

5. Если же захочется (точно определить)[47] эти слова, которые изречены в законе о умерших, (а именно) о том, что действительно нечист уже тот, кто прикоснулся к мертвецу, то мы скажем: почему же следует считать пребывающим в нечистоте того, кто прикоснулся к умершему? Как это (следует понимать)? Так ли, что мы, будто и нам не надлежит умереть, гнушаемся телами умерших? Или же так, что и нам надлежит умереть? Если так, будто (нам) не надлежит умереть, то мы

---

[46] "повязанием" - "повузом"; греч. σύνδεσμος.

[47] "определить" - "вчиняти"; вероятно, греч τετάχθαι

ничего не скажем. А если так, что (и нам) надлежит умереть – ведь ни для кого невозможно не вкусить смерти – (то) какая это несообразность[48] – гнушаться телами умирающих, как будто и (мы) не должны будем сделаться такими же, каковы умирающие! А умершие значительно чище нас, если (они) не обременены[49] грехами, так как избежали поводов[50] к греху. Ибо умерший, — сказано, оправдался[51] от греха (Рим. 6, 7).

6. Если бы оно (= тело) не было чисто, то захотел ли бы Господь воскресить его и удостоить Небесного Царства? А о воскресении мертвых Господь сказал[52], беседуя с Моисеем [Исх. 3, 6]: Бог не есть (Бог) мертвых, но живых (Мф. 22, 32). Итак, если Бог есть (Бог) живых – живыми же являются тела, расставшиеся с жизнью, так как они имеют надежду воскресения,– то они не осквернены,. ибо о них промышляет Бог.

7. Как же кости Иосифа [Исх. 13, 19] не оскверняли приближавшихся к ним? Ведь весь народ шел с ними.

XIV

1. И всякий, кто пройдет сквозь поле мертвых или прикоснется к умершему, или к кости человеческой, или ко гробу, нечист будет (Чис. 19, 16).

2. Что такое "поле мертвых"?

"Поле мертвых" – это помысл невоздержания, многим причинивший вред. Бесчисленны те, которых он умертвил, принося призрачные наслаждения. О том, чтобы избежать этих козней[53], молился и мудрый Сирах, говоря: Господи, Отче и Владыка жизни моей! Не оставь меня на волю их. Пожелания чрева и сладострастие да не овладеют мною (Сир. 23, 1, 5). Блажен поистине муж, который не ходит на совет нечестивых (Пс. 1, 1) и издалека отвращается от злых дел.

3. (Что означает прикосновение) "к кости мертвого человека" или "к гробу мертвеца"? – "Костью" называются

---

[48] "несообразность" – "бездобие"; вероятно, греч. ματία (нем. Ungereimtheit – БО 445).

[49] "обременены" – "удручени" (geknechtet БО 445).

[50] "поводов" – "вины"; вероятно, греч ὑπόθεσις (нем. Schuld – БО 445).

[51] "оправдался" – "оправдися" – δεδικαίωται.

[52] БО 446 – wie Moses sagte.

[53] По-гречески здесь, вероятно, μεθοδεία.

отступившие от веры и не являющиеся членами Церкви, но отсеченные [Ин. 15, 2] и умершие, потерявшие всякое движение жизни и лишившиеся пречестной Главы – Господа нашего, из Которого все тело, составляемое и совокупляемое (Еф. 4, 16), возрастает в святой храм во Господе (Еф. 2, 21)[54].

4. "Гроб" и "могила" – это лицемеры, ибо они украшают себя извне, будучи внутри злыми. И Господь уподобил таких (людей) окрашенным гробам (Мф. 23, 27).

5. Прикоснувшемуся к тому, что запрещено законом, закон повелевает очищаться. Хорошо, согрешив хотя бы в малом, вскоре же очищаться, прежде чем мы погрузимся в глубину зол.

6. Седьмой день (Чис. 19, 19), в который нечистый объявляется чистым, обозначает время от греха до исповеди, (поскольку) не наступило (еще) совершенное исполнение времен. Ибо, если бы не были исполнены эти семь дней, то в конце времен не нашлось бы места покаянию[55] (Евр. 12, 17). (Пусть) седьмой день, то есть конец жизни, окажется чистым.

7. Пепел (Чис. 19, 17) обозначает смирение, как и Давид сказал: *Сердце сокрушенное Бог не отвергнет* (Пс. 50, 19). И Ниневитяне покаялись во вретище и в пепле[56] (Иона 3, 6). Так и Есфирь, пеплом и прахом посыпав голову (Есф. 4, 17), умолила Господа о своих соотечественниках. Так и Авраам (воззвал) к Богу: *Я прах и пепел* (Быт. 18, 27). И в сто первом псалме сказано: *Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами* (Пс. 101, 10); (этим) показывается великое смирение, приносимое от всего сердца. И еще (сказано) о том же: *Славьте Господа, ибо Он благ, ибо во век милость Его* (Пс. 105, 1).

XV

1. Таковы истинные очищения боящихся Бога и таковы окропления тех, которые усовершают себя[57] Христовым

---

[54] БО 444.. Tempel des Herrn (сравн.: в Библии Лютера... Tempel in dem Herrn...)

[55] БО 447 дает другой перевод.

[56] "во вретище и пепле" – "мехомь и пепелом"; см.: *Срезн.*, т. I, стр. 321 и т. II, стр. 252.

[57] "усовершают себя" – "съвръшающиимся"; вероятно, греч. καταρτίζω (нем. vollendet werden – БО 447)

Телом, очищающим лучше, чем кровь телицы и прочие законные очищения, не только тела, но и души. *Кольми паче*, сказал апостол, *Кровь Христа... очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу Живому* (Евр. 9, 14). Ему слава ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

СВЯТОГО МЕФОДИЯ, ЕПИСКОПА ФИЛИППИЙСКОГО, К (С)ИСТЕЛИЮ "О ПРОКАЗЕ"

(Святаго Мефодия, епископа Филипьскаго к Истелию о прокажении)

1. (Систелий)[1] Откуда, Еввулий? Не правда ли, с охоты[2] за особым (истолкованием) смысла Божественного писания? (Автор=Еввулий) Утром некто из (домашних) Систелия постучал в дверь и, когда мой слуга открыл ему, он сообщил мне, что Систелий зовет нас к себе. Поднявшись, я сразу же отправился туда.

2. И когда мы были вблизи жилища, Систелий встретил меня и, обняв, сказал: [Систелий] На время покинув нас, (ты) лишил нас (истолкования) смысла Писаний. Подобно тому, как облако, находя на солнце, не позволяет отчетливо видеть (его), так и там, где отсутствует хорошее наставление, душа бывает темна и ум омрачен. И я отвечал ему: [Еввулий] Ты хорошо сказал.

3. Войдя в дом, мы сели. И Систелий сказал: [Систелий] Рассмотрим же Писание на (основании) самой истины. Лекарством прогоним эту злую проказу, исцеляя болезнь словами, как врачеванием, говоря: Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос (Еф. 5, 14).

4. Итак, сказал он, вот время для твоих речей, в которых[3] ты объяснишь то, что (сказано) в Законе о проказе, причем Господь часто повелевает в Законе (истолковывать

---

[1] В скобках даны имена участников беседы.

[2] "с охоты" – "от путиловя" – ἀπὸ κυνηγέσιου (см.: БО 451). Во втором издании БО дает значительно улучшенный, по сравнению с первым изданием, перевод первых слов Систелия.

[3] "в которых..." По-видимому, следует предпочесть чтение "идеже" невразумительному "иди же" (сравн.: БО 451).

подобиями)[4]..[Очевидно, речь Еввулия] Обильное дарование[5] принимает тот, кто жаждет Божественных даров.

II

1. Однако не подумай, что я хочу отказаться от получения этой благодати, хотя я и немощен и делом и словом[6]. А Тот, Кто насаждает слово в душу каждого из нас, исторгнет корни зла из наших сердец и насадит всякие добродетели в наши души.

2. Ибо, когда засохнет растение, подобное крапиве, тогда расцветает цвет добродетели. Этот (цвет добродетели) Христос, говоря иносказательно, уподобляет горчичному семени [Мф. 13, 31 – 32], сказав, что оно приносит нам великое (изобилие)[7].

3. Так Божественное семя веры, сходя к нашим немощам, сперва уменьшается, а когда оно упадет в борозды души, то возрастает до величия и восходит на высоту благочестия чрез духовное разумение.

4. И справедливо Господь называет Отца Своего Насадителем таких растений. *Всякое растение*, сказал Он, *которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится* (Мф. 15, 13). Пойми же, что не по причине разнообразия душ, как думали некоторые, говорит Он (это), но (речь здесь идет) о правильном учении и о богословии, которые невидимо насадил в сердцах наших усердный Насадитель, искореняющий из наших сердец негодные растения, то есть злые помыслы и дела.

5. Если же мы не так веруем, то будем последователями многобеззаконного Маркиона, который говорит, (будто) есть иной благой (бог), кроме сущего Бога, и (будто) из-за этого души творца мира не могут получить возвещаемую жизнь благого (Бога), будучи лишенными доброго насаждения. Но на это мы теперь не станем обращать внимания: ведь для этих рассуждений нет времени.

---

[4] Перевод предположительный; БО 452 – allegorisch zu deuten.

[5] В тексте имеется перерыв (сравн.: БО 452).

[6] БО 452 переводит иначе.

[7] "...что оно приносит нам великое (изобилие)" – БО 452 расшифровывает "ныим", как "небесным" и переводит: dass es einen grossen Bestand den (Vögeln) des Himmels bringe.

III

1. [По-видимому, речь Систелия] Ты справедливо говоришь, что (на это) не следует обращать внимания и что, в то время как разумное богатство создается Богом, (нам) надлежит иметь крепкие плоды мудрости, по слову апостола, говорящего: мы – Божия нива (1 Кор. 3, 9).

2. Чтобы недуг не распространялся и не делался очевидным для всех, нам надлежит исцелять его [Евр. 12, 13] Евангельскими песнями и наблюдать, чтобы кто не лишился благодати Божией; чтобы какой (горький) корень, возрастая, не причинил вреда, и чтобы им не осквернились многие (Евр. 12, 15). Так сказал апостол в послании к Евреям.

3. И Закон учит нас, говоря: *И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря: Если у человека будет на коже знамение проказы, (пусть) придет он к Аарону священнику или к одному из сыновей его, и осмотрит священник проказу на коже его, знамение язвы, явно ли (видна) проказа на коже плоти его* (Лев. 13, 1–3).

4. И вскоре (после того): *И осмотрит священник проказу в седьмой день – и вот, проказа увеличивается, не изменилась проказа на коже; и (пусть) отлучит его священник на семь дней вторично; и вот, одинакова проказа, не изменилась. И (пусть) очистит его священник, ибо это знак (проказы), и (пусть) он вымоет свои одежды* (Лев. 13, 5–6).

5. И вскоре (после того): *И если проказа пристанет к одежде, к одежде шерстяной, или льняной, или к любому изделию кожаному, и (если) будет проказа красная или зеленая* (Лев. 13, 47–49)...

...Затем в дальнейшем...[8].

IV

1. [Еввулий] Мало сказав, ты порицаешь. Но, Систелий, (будем) говорить о том, о чем надлежит, то есть о Законе. Будем держаться духовного изъяснения этих понятий, дабы не буквально, но духовно уразуметь Писание Закона.

2. В последующем изложении добавлено: *Если же, после отлучения, проказа, показанная священнику, распространится по одежде, или по коже, или по основе, или по утку,*

[8] Пропуск в рукописи.

(то эта) проказа есть увеличивающаяся проказа; (он) нечист. (И пусть) он сожжет одежду, или основу, или уток [Лев. 13, 51–52] и так далее.

3. А вот объяснение того, что сказано в Законе о проказе. Я полагаю, что пророк употребил эти слова, как бы некие покровы и тени [2 Кор. 3, 14], ибо Богу так было угодно привести нас к свету истины.

4. По этой причине, думаю я, и блаженный Павел сказал: Если же и закрыто Евангелие наше, (то) оно закрыто для погибших, неверующих, у которых бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет Евангелия славы *Христа, Который есть Образ Бога Невидимого* (2 Кор. 4, 3–4); причем ясно сказано, что для верующих и спасаемых Евангелие открыто, а для погибающих [1 Кор. 1, 18] закрыто, как бы извне удерживаемое медными скобами.

5. Понимающий Писание внешним (образом) отходит, лишаясь духовного смысла, как тот, кто видит пустые стены, построенные из камня. А тот, кто крепко ударит и разорвет духовную завесу, приобретя крылья Божиим Духом, как птица долетает до внутреннего смысла Писаний, который есть Святое Святых, и, достигнув великого света, питается молниями истинной красоты.

6. Подобно тому, как деревья зимою обнажаются, (лишаясь) украшения плодов, а весною вновь обретают свою красоту, покрываясь листьями, так, полагаю, и слова пророков, понимаемые буквально, представляются как бы сухими, не имеющими смысла, а понимаемые с мудростию (представляются) доброплодными и покрытыми листьями, имеющими цветы многообразного разумения. Поэтому, о Систелий, и мы, отказавшись от буквального понимания, будем тщательно исследовать духовный (смысл) Писания.

V

1. Наставляемые Христом, мы говорим, что пророк установил для нас избегать четырех (видов) проказы, различающихся (между собою): белой, желтой, зеленой и красной [Лев. 13, 19, 49]. Ибо желтая и белая (проказа), исшедшая из здорового тела, вскоре покрывает человека гноем, а зеленая и красная (проказа), показавшаяся в язвах или в струпьях, уничтожает все тело.

2. Вот что подобно четырем видам проказы, губящим душу. Белой, наполовину желтой (проказе) уподобляется прелюбодеяние, ибо от прелюбодеяния кровь превращается в желтую пену.

3. Желтая же (проказа) сравнивается (в свою очередь) со страхом и с боязнью, которые Господь повелел нам попирать, говоря: *Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить* (Мф. 10, 28).

4. А красная (проказа в свою очередь подобна) гневу, из-за которого гневающиеся краснеют. Зеленая же (проказа в свою очередь подобна) зависти и унынию, так как от этого происходит изнурение и зеленая бледнота. Поэтому Писание (называет) сестру Моисея прокаженною [Чис. 12, 10] за то, что она злословила брата. Все это приносит людям вред, как бы поливая человеческую природу злом из какого-то мутного источника неприязни.

5. И блаженный пророк Иеремия говорит: *Не сейте между тернами, но обрежьте себя для Господа вашего и снимите необрезание с сердец ваших* (Иер. 4. 3–4); (это значит): обрежьте злые страсти, чтобы принести Богу непорочность.

6. Думаю я, что и Господь дал Своим ученикам эти заповеди: ходить без посоха и без двух одежд (Мф. 10, 10), (по той причине), что благовествующим подобает имея неугасающую радость и не нуждаясь...[9].

7.. .и "новым" [Еф. 4, 24] называет человека, а (ради) злых дел снова "ветхим" [Еф. 4, 22].

8. Поэтому, чтобы нам, соединяясь с ними, не вступать в общение с (кем) не следует, Господь велит употреблять одну одежду целомудрия[10], не позволяя [Мф. 24, 4] ученикам принимать прельщающих помыслов, и убеждает[11] одеваться в одну только небесную простую одежду.

9. Обувь (Мф. 10, 10), изготовляемая из мертвых кож, и тесная, сравнивается с вредным для души унынием, (причем говорится) о непозволительности в дальнейшем надевать (на себя), как обувь, заботы [Лк. 8, 14] этой жизни.

---

[9] Пропуск в рукописи.

[10] "одежду целомудрия" – м. б. "одежду благоразумия" (греч. σωφροσύνη), БО 457 – Besonnenheit (в скобках: Enthaltsamkeit).

[11] "убеждает" – "молить"; БО 457 предлагает чтение "молити" и переводит соответствующий ряд слов придаточным предложением.

Выражаясь же просто, мы, омытые однажды Господом [Ин. 13, 10], не (должны) уходить в тление смерти.

VI

1. Поэтому будем избегать услаждения страстями, будем избегать страстных порывов плоти, ибо это – белая проказа. Будем избегать гнева, высокомерия и клеветы, ибо это – красная проказа. Будем избегать лицемерия и страха во время гонения [Мф. 13, 21], ибо это – желтая проказа. Будем избегать тоски и зависти, ибо это – зеленая проказа.

2. Если даже самая незначительная часть (какой-нибудь) из этих (страстей) вселится в наш ум, (то) она погубит у нас и душу и тело, если мы вскоре не отвергнем ее и не излечим покаянием.

3. Поэтому мы не можем позволить никакой злой похоти свить себе гнездо в нашем духе, но, как древние показывали священникам (телесную проказу), так и мы (должны показывать душевную проказу) иереям.

4. Ибо нам, по слову Христа, надлежит особенно оберегать себя. Ведь Господь сказал: *Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, (что) всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 27–28).

5. Он назвал прелюбодеем того, кто имеет похотение, а не того, кто сотворил (прелюбодеяние), ибо прелюбодеяние есть дело и плод этого (похотения)[12]. Поэтому Он говорит, что не тот совершенно чист, кто попирает похотения, но тот, кто не внемлет им; Он повелевает полностью искоренять не плод прелюбодеяния, но (его) семя, которое подобно смоковнице, высохшей прежде плодоношения [Мк. 11, 13].

6. Как бессмысленный гнев на брата есть семя убийства [1 Ин. 3, 15], – по этой причине и Иоанн считает его подлежащим (той) секире, (которая) посекает корни (Мф. 3, 10) зла, – (так) древние отсекали плод прелюбодеяния, а Спаситель – семена (его), желая совершенно истребить зло, как некую проказу.

---

[12] Перевод предположительный; БО 458 предлагает читать "любодеиство" вм. "любодеиства" – это облегчает понимание

VII

1. Что же еще говорит Писание? И осмотрит священник знак на коже его; и (вот) волосы на знаке изменились в белые, и знак на плоти оказывается углубленным в кожу тела. (Это) есть знак проказы (Лев. 13, 3) и т. д.

2. Подобно тому, как красота есть плод нашего тела, так благоразумие[13] (есть плод) души. Если же (душа) изменяется слабостью и похотением – ибо это обозначает белая проказа, – то (благоразумие) начинает уменьшаться.

3. Подумай, как Павел повелевает внутреннему человеку не стареть, но обновляться (Еф. 3, 16; 4, 23). Подобно (этому) и у Осии говорится: *Ефрем стал (как неповороченный хлеб). Чужие пожирали силу его, – и он не замечал; седина (покрыла его) – и он не уразумел* (Ос. 7, 8–9).

4. Если же (согрешающий не) обновляясь, а старея, поседеет в злых страстях, пусть идет к иерею для исповеди,

5. чтобы быть отлученному от общины и каяться со слезами.

6. И через неделю или через две пусть посетит его (иерей): поскорбел ли он, оплакал ли он себя; и так, по милосердию Божию, да будет он восстановлен в своем достоинстве.

7. Если же он не печалится о своем грехе и пребывает без покаяния, пусть будет отлучен от Церкви. Сказано: У всякого прокаженного пусть будут разодраны одежды, и голова его пусть будет не покрыта, и уста его пусть будут закрыты, и во все дни, доколе на нем проказа, пусть будет (он) нечист и вне стана пусть будет жилище его (Лев. 13, 45 – 46).

8. Страстолюбие обозначается худыми одеждами, а непокрытой головой – внутренний человек. Ведь согрешающий должен быть лишен этой помощи, так как пребывающий в грехах недостоин принимать эти спасительные таинства.

VIII

1. Это (сказано) о видимом. Тайное же наше и (скрытое) в сердце поручено ангелу – попечителю той Церкви, (чтобы) наш внутренний человек был под тщательным наблюдением[14].

---

[13] "благоразумие" – м.б. "целомудрие" (целоумие) – σωφροσύνη.

[14] "под ... наблюдением" – "посещати"; греч. επισκέπτεσθαι (БО 461 .. zu besuchen).

2. Поэтому, если даже мы можем, согрешая, скрываться и входим в церковь, он обнажает нас духовным мечом (Евр. 4, 12–13).

3. Завязывание уст (обозначает) молчание грешника (Лев. 13, 45). Ибо грешнику говорит Бог: *Что ты проповедуешь уставы Мои?* (Пс. 49, 16) и т. д.

4. Жилище же его (прокаженного) вне стана (Лев. 13, 46), то есть вне Царства Небесного, *ибо вне*, говорит апостол, *всякий грешник* (Апок. 22, 15). Ибо, если он считается (находящимся) внутри, (то) он прельщает себя: он находится снаружи, он находится вне. Так (и живущий) праведно находится внутри, если (даже) и считается находящимся вне.

5. И он имеет прекрасные одежды, его голова покрыта: на голове (у него) шлем спасения (Еф. 6, 17); и уста (его) развязаны для исследования Писания и язык его открыт мудростью (Ис. 50, 4).

IX

1. Поэтому будем беречься от всего этого... Ибо что за забота для Бога говорить об одеждах или об основе или о шерсти[15] или о (чем-либо) ином?

2. Будем же истолковывать это по исследовании; (будем считать, что) "основа" означает разум, "уток" – душу, "кожа" – тело, а "одежда" – всего человека; "шерсть" (означает) мужчину, "лен" – женщину.

3. И если знак проказы будет на одежде, на одежде шерстяной, или на одежде льняной (Лев. 13, 47)... И вскоре (после этого): *И будет знак зеленоватый на коже, или на одежде, или на основе, или на утке, или на шерсти* (Лев. 13, 49)...[16].

4. "Основою" образно названа душевная сила. Ибо человек есть сложное существо, (состоящее) из души и из плоти. Первое греховное (движение) начинается от внешних зрительных прельщений; (оно же) входит и чрез слух и, (как) сказано, сочетается с умом, как некая проказа. Так и

---

[15] "о шерсти" – "о клъцех" – κροκύς. БО, переводя славянский текст в первом издании стр. 318, пропустил это слово.

[16] "на шерсти" – "на клъцех"; см.: предыдущее примечание. БО (в первом издании стр. 318) перевел: "на основе" – am Zettel или Einschlag.

Господь сказал о неверовавших (по поводу) отпущения грехов: *Что помышляете в сердцах ваших?* (Мк. 2, 8). Ибо в (их) умах была эта проказа неверия. Сказано также: *он зачал зло и родил беззаконие* (Иов 15, 35).

5. Под "утком" следует понимать страстолюбие, ибо страсть ткется, возрастая, (при содействии) воли.

X

1. Что далее говорит Писание? Хотя...[17] и недостаточных. И если распространилась[18], после освидетельствования священником, проказа по одежде, или по основе, или по коже, или по утку, (то это) проказа едкая и кожа нечистая. И он должен сжечь одежду, или уток шерстяной, или всякую кожаную вещь, ибо (это) проказа едкая[19]; должно сжечь на огне (Лев. 13, 51–52).

2. Это сказано еще раз о покаявшихся и совершенно оставивших грехи; повелено "сжигать одежду"; то есть облачение греха.

4[20]. Поэтому и другой пророк говорит: *Иерусалим, город святой, уже более не будет проходить чрез тебя необрезанный и нечистый* (Ис. 52, 1), но обрезанный и чистый – подразумевается – от прежнего прельщения. Ибо То Самое Слово и Господь не перестает обрезывать нас благоразумием[21].

5. Какой же закон даешь Ты, Господи, Твоим рабам? Скажи и нам: "Если вы исполните волю Отца Моего [Мф. 7, 21], то будете, как светильники [Мф. 5, 16], наполненные вечной жизнью. Бодрствуйте [Мф. 24, 42] же, чтобы вам возможно было со Мною войти в пучину нетления. Поэтому сохраняйте свои светильники неугасающими [Лк. 12, 35], чтобы войти в чертог вечности"[22].

---

[17] Пропуск в рукописи.

[18] "если распространилась" – слав. "аще же не разливается". В Лев. 13, 51 отрицание "не" отсутствует; его не должно быть и по смыслу речи.

[19] "это проказа едкая" – "прокажение едино есть". БО в первом издании стр. 318 ошибочно перевел: weil es ein Aussatz ist.

[20] Отдел "3" имеется только в тексте греческих фрагментов (БО 464).

[21] БО 464 ...hört nicht auf... zu beschneiden unsere Vernunft.

[22] Выражение "скажи и нам" указывает на то, что последующие слова были уже кому-то сказаны. Не являются ли эти строки аграфом? Среди известных аграфов наиболее близок к рассматриваемому текст, указанный Рэшем у Псевдо-Киприана "Об игроках" гл. 3

XI

1. И когда я это сказал, заговорил Евфимий: [Евфимий] Поистине, так размышляя об этом сам с собою, и я, когда слушаю о возвышенном, – возвышенными же я считаю слова Христовы – весьма радуюсь, как бы оживляемый ими, почитаю их, как бы возводя взор к тому, что на небесах, словно забывая себя и считая себя исшедшим из мира.

2. А я (ответил): [Еввулий] Так как надлежит довести до конца ткань речи, возвратившись назад, соединим (старое) с новым. Ибо мы беседовали, сделав хорошее начало речи, но не окончили ее.

3. Припомним, как мы говорили, что человек состоит из души и из плоти[23]. Поэтому и установлено законами об утке и коже, (чтобы) не согрешать ни умом, ни плотию, ни намерением[24]. Разве ты не знаешь[25], что многие являются прокаженными по уму, но здоровы душою и телом? Или же здоровы умом, но телесно и душевно больны.

4. Так (например), мы не говорим того, что (утверждают) еретики, ибо – это грех ума[26]. Они, исповедуя Христа, дают обеты (соблюдать) справедливость и истину, как бы сохраняя[27] в чистоте уток и кожу, но ум (их) болен проказою неправоверия. Ибо они (грешат) хулою или на Самое То Существо – то есть на Отца, или на Его Предвечное Слово, или на Пресвятого Духа.

5. По справедливости мы говорим поэтому, что еретики больны злою проказою.

XII

1. И я сказал[28]. Это видно даже детям, (а именно) что все те, которые любят величаться и высокомерно гордятся,

---

...nolite exstenguere lumen, quod in vobis effulsit... (*Resch*, op. cit., S. 134 – 135). БО не отмечает указанные строки. Так и в других случаях. (Ср.: "О разлучении яди" II, 2 и в нижеследующем тексте трактата "О прокажении" XV, 3 и XVIII, 1.) Более подробно см.: ЖМП, 1954, № 6, стр. 43–50.

[23] БО 465 добавляет (в скобках) Geist.

[24] "намерением" – "по помыслу"; БО 465 – Begierde.

[25] "не знаешь", по-видимому, "не веси" вм. "не вси".

[26] БО 465 переводит иначе.

[27] "сохраняя": по-видимому, "хряняще" вм, "храняше".

[28] В тексте пропуск. С XII, 1 речь идет уже не об еретиках. (Сравн греч. текст БО 466).

имея здравый смысл и правильное учение, хранят в святости чистое тело, но в душе болеют властолюбием[29], как бы с неба взирая на братьев, и, с презрением (к ним), величаются тем, что разумеют Писание и занимают должность учителей.

2. Поэтому они протягивают навстречу (бедному) руки, считая за обиду (себе) целовать бедного в уста. Таким образом, духовное превозношение справедливо считать проказою.

3. Так и в Притчах сказано: *Господь гордым противится, а смиренным дает благодать* (Притч. 3, 34). Что же? Земля и прах [Быт. 18, 27] будут ли сопротивляться Богу или же (будут) смиряться?

4. Но мы смиряемся перед подобострастными нам людьми, а похвала нам будет от Бога.

5. Итак, об этом (сказано довольно). Но многие, будучи здоровы умом и душою, как бы там (в Ветхом Завете) основою и утком, нечисты кожею, то есть плотским сладострастием, прельщаемые этими многообразными вещами[30]. Поэтому нам надлежит охранять себя, чтобы не потонуть в этой великой буре. Таково, о Систелий, наше врачевание.

XIII

[Систелий повествует о своей беседе с премудрой Ликиянкой]

1. И сказав это, я встал и пошел. А он, поднявшись и схватив меня сзади за одежду[31], воскликнул: "Возвратись, чтобы и мне рассказать тебе о том, что я слышал однажды в Ликии, – о добродетелях (одной) женщины, сведущей в Писании и благоразумной, которая, философствуя, поучала (тому, что сказано) Господом". О том, что я слышал от нее, я и расскажу вам.

2. Итак, эта гостеприимная[32] и благоразумная, усматривающая также везде (духовный)[33] смысл, говорила: "Ищу-

---

[29] "властолюбием" – "любовъчальствомь"; греч. φιλαρχία.

[30] "многообразными вещами" – "мечтеными... вещьми" (от греч. πολυποίκιλος, сравн. ниже примеч. 156). БО 467 производит "мечтеными" от — φαντασία и дает такой перевод – durch diese sichtbaren Dinge.

[31] "за одежду" – "за котугу"; греч. χιτών.

[32] "гостеприимная" – "любощюжая". У *Срезн.* этого слова нет. БО 467 – Wissbegierihe (Fremdes liebende). Состав слова аналогичен выражениям "любострадьный", "люботрудие", "любонищие" и т. п. Греческое

щему истины прежде всего надлежит не устрашаться и не смущаться высотою разумения. А если кто будет рассуждать иначе, тот упадет в пропасть скудоумия. Отчаявшись и как бы вернувшись с середины дороги, он разленится, не стяжав (духовного)[34] смысла, и, по Евангельскому изречению, оставив на половине дело (построения) башни [Лк. 14, 28].

3. Поэтому надлежит терпеть и не унывать; ибо у того, кто терпеливо исследует совершенства[35] Писания, зрение проясняется. (Это) подобно тому, как пророк Илия, после того вихря, раздиравшего горы и скалы, после землетрясения и после огня, после (всего этого) ощутил веяние того нежного, то есть тихого ветра (3 Цар. 19, 11–12), и, переходя от одного к другому[36], наконец, достиг истины.

4. Отвергнув мрак и просветившись душевно [Рим. 13, 12], мы, как бы со ступени на ступень, восходим от познания к познанию; иными словами, (мы), как будто от горного "вихря", которому уподобляется неверие, восходим к исследованию Писаний, как бы (переходя) в "землетрясение", от этого (последнего входим) в "огонь", то есть в неугасающий огонь любви [Песн. 8, 7], при содействии которого мы вступаем в (область) ревностных забот о стяжании еще большего, пока не дойдем до вершины, то есть до освящения Святым Духом".

5. Я, удивившись, сказал: "Так, о Премудрая! Я изумлен твоим благоразумием, кротостию и смирением[37], а также и мудростию". А она, улыбнувшись, как (улыбаются) некоторые премудрые истолкователи Писания, сказала: "Из этого видно, как неуместно унывать тому, кто вникает в слова[38] Писания".

слово, возможно, являлось производным от φιλοξενία М.б., это собственное имя премудрой ликиянки – Филоксена?

[33] "духовный" – вставка, предлагаемая БО 467.

[34] "духовного" – вставка, предлагаемая БО 467.

[35] "совершенства" – "доброты"; по-видимому, греч. ἀρετή, БО 467 – Tugenden.

[36] БО 468 читает: "от сих вси" и переводит: an diesen allen Правильнее "от сих в си".

[37] "смирением" – "съпрятании". См.: *Срезн.*, т. III, стр. 808. БО 468: Bescheidenheit (Einschrankung).

[38] "в слова" – по-видимому, "глаголи", а не "глаголя".

XIV

1. И я (ответил) ей: "Мне необходимо слышать об этом полностью, так как мы именно об этом и говорили. Рассмотрим же тщательно то, что надлежит".

... И если знак проказы будет на одежде, на одежде шерстяной, или льняной, или на утке, или на основе, или на льне, или на всякой коже (Лев. 13, 47–48) и т. д.

2. "Язвой на шерсти" называется (та язва), которая (бывает) у возрожденного внутреннего человека. Ибо (поскольку) как овца, веден был Он на заклание (Ис. 53, 7), (постольку) сотканная из Его плодов одежда называется "шерстяной".

3. "Льняною" же (одеждою) обозначается (плотской) человек, сотворенный из персти (земной), ибо (лен) выходит из земли. Уразумей же, что, в соответствии с этим, и Павел говорит во Втором послании к Коринфянам: *Боюсь, чтобы, как змей хитростию своею прельстил Еву* (2 Кор. 11, 3) и т. д. И снова (говорит апостол): Итак, верные[39], *имея такие обетования, очистим себя от всякой скверны плоти и духа* (2 Кор. 7, 1).

4. Существуют некоторые ереси, от которых внешний человек не заболевает проказою, но внутренний тлеет умом и понятиями. По жизни мы видим многих чистыми, по вере же растленными.

5. И если на одежде будет знак проказы, на одежде шерстяной или льняной, или на основе, или на утке (Лев. 13, 47)...

6. Пусть расскажут нам плотские иудеи, как исполняется среди них эта заповедь, или как исполняется среди них Писание, (понимаемое) буквально, когда можно (бывает) наблюдать проказу основы или утка или кожи, (этих) неодушевленных вещей.

7. Такое распределение сделано Богом для (одаренных) разумом и (имеющих) свободу воли. Если же о проказе, сохраняющейся более семи дней [Лев. 13, 51–52], говорится, что и "основа", и "уток", и "одежда" должны быть уничтожены, как не освободившиеся от нечистоты, то явно, что это сказано об одушевленных (существах), а не о бездушных.

---

[39] "верные" вм. "возлюбленные". БО 469 выносит это слово за кавычки и переводит gewisse

XV

1. Мы не должны проходить мимо этого. Сняв покрывало с очей (2 Кор. 3, 14), мы узрим Божию славу (Ин. 11, 40). Ведь Писание не содержит в себе ничего ненужного. Ибо, дав нам наставление о духовных и плотских грехах, (оно) по порядку говорит о коже и об основе.

2. А имеющий чистую шерстяную и льняную одежду, то есть веру и дело...[40].

3. Церковь есть риза Господня, собранная из многих народов; Он соткал нас так, чтобы мы – самые немощные – имели поддержку в сильнейших[41], как уток (в основе). Поэтому и пророк говорит: *Как в украшение невесты облечется (он)* (Ис. 61, 10); говорит же (это), показывая союз с Христом и соединение в любви.

4. "Основою" называется наиболее почетная[42] церковная степень, а именно – епископы и учители, а "утком" (именуются) подчиненные и пасомые люди [1 Пет. 5, 2]. "Кожею" (названы) оглашенные, как еще не совлекшиеся чрез крещение кожаных одежд (Быт. 3, 21).

5. Поэтому и Павел говорит: *Я обручил вас Единому Мужу, чтобы представить Христу чистою девою* (2 Кор. 11, 2). Так и в книге Левит говорится: *В жены он должен брать девицу из рода своего; а вдову или блудницу не должен он брать, но девицу из колена своего* (Лев. 21, 13–14) и т. д.

6. Ибо, если каждый из нас будет *со дня на день обновлять себя* (2 Кор. 4, 16), (если) мы отвергнем проказу, то есть прелюбодеяние, бывшее причиною нашего изгнания, (то) мы приобретем целомудрие и, (содействием) Божией Премудрости, дойдем до первоначального благолепия и, как бы имея на себе золотые украшения[43], то есть любовь, веру и чистоту, очистившись терпением, соединимся со Христом.

7. Поэтому девицы любят тебя (Песн. 1, 2) и Он любит девиц, как написано в Песни Песней; (это) души юные и очищенные Духом. Так это или нет, о Систелий? – И я ответил: "Это совершенно понятно".

---

[40] Пропуск в рукописи.

[41] БО 470 переводит: von vielen Gegenden hat Er uns gesammelt und gewebt. Сравн. Judicium Petri c. 26: τὸ ἀσθενές διά τοῦ ἰσχυροῦ σωθήσετε (*Resch*, Agrapha. Lpz., 1906, S. 104–105). БО 470 не указывает этой цитаты.

[42] "наиболее почетный" – "креплий"; вероятно, греч. γενναιος.

[43] "украшения" – "тръснъми"; БО 471: Ketten.

XVI

1. Она сказала: "Поэтому, как говорилось вначале, если мы очистим все члены, то будем одеждою Христа. Как сказано у пророка Исаии: Да возвеселится душа моя о Господе, ибо Он облек меня в ризу спасения (Ис. 61, 10) и т. д."

2. Но кто же должен (в особенности) очищать их? Пророк Захария говорит: И показал мне Бог Иисуса, великого иерея, стоящего пред Ангелом Господним. И диавол стоял по правую руку (его), чтобы противодействовать ему. И сказал Господь диаволу: Да запретит тебе, о диавол, Господь, Который избрал Иерусалим! Не головня ли он, исторгнутая из огня? Иисус же одет был в запятнанные одежды. И вскоре (после того): И сказал Он ангелам, стоявшим пред лицом Его: снимите с него запятнанные одежды. И вскоре: И облекли его в чистую одежду (Зах. 3, 1–5).

3. Знай же, что "запятнанные одежды" – это человечество прежде (явления) веры. А (Господь), сняв (эту одежду) ветхого человека, просветил человечество Своею плотию, как Солнце.

4. Исследуй и то, как Бог упрекает Тир [Иез. 27, 7] такими словами[44]: Почему твоя постель нечиста? [Притч. 7, 16]. Ибо она была изготовлена из виссона и из египетского пурпура, не из многоразличной премудрости Божией[45] (Еф. 3, 10), но из египетской (мудрости). Так и богач тот, одевавшийся в порфиру (Лк. 16, 19), неугоден был Богу.

5. Он тем неугоден (Богу), что украшает себя этими преходящими делами, а не духовными и светлыми. А Лазарь тот пренебрегал внешним, но тем более был прилежен в духовном, поэтому он и почивает в лоне Авраама (Лк. 16, 22). Мы найдем также, что Иов прославился болезнями и мучениями.

6. Так и тот фарисей ушел [Лк. 18, 10–14], (не получив того[46], что просил) в молитве, ибо он возвышал себя над подобным (себе) человеком. Ибо следует иметь такой

---

[44] "Бог упрекает Тир такими словами..." В слав. тексте описка: вместо "си мытаря" следует читать "сими Тира".

[45] ... "из многоразличной премудрости Божией" – "от мечтеныя Божия мудрости"; греч. ἡ πολυποίκιλος σοφία τοῦ Θεοῦ (сравн.: *Срезн.*, т. II, стр. 237); БО 471: .. Mannigfaltigkeit...

[46] БО 471: ohne vollendet (gerechtfertigt) zu sein.

характер[47], (который согласуется) с учением Христовым, – не гневливый и не превозносящийся [Мф. 11, 29].

7. А мы часто встречаем таких (людей), которые живут в пресыщении и одеваются в изысканные одежды. Поэтому и Христос, подразумевая богатых, сказал: *Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Небесное* (Мф. 19, 24).

8. Надлежит особенно почитать[48] странников и нищих, наименование которых принял на Себя Христос [Мф. 25, 40]. Однако, вместо них, идут к тем, у кого много [Иак. 2, 2–3] золота, и особенно почитают их. Некоторые делают это ради (их важного) звания, а иные по каким-либо другим побуждениям.

9. По этой причине мы сделались немилостивыми, закрывая милосердие для наших братьев [1 Ин. 3, 17]. По этой причине мы стыдимся нищеты, сожительницы пророков, создательницы благоразумия.

10. О горе! Чем превосходим других людей мы, получившие предписание иметь праведность, превосходящую (праведность) книжников и фарисеев [Мф. 5, 20], и, по заповеди о пренебрежении временным, (обязанные) учить этому же? Ведь если и океан потечет серебром и вся земля золотом, то мы не насытимся.

XVII

1. Кто из нас теперь искренно любит своего брата? И кто не замышляет зла на ближнего? Кто не завидует другу?

2. Ибо, где епископы питаются ростовщичеством[49], там и уток наш болеет проказою. Где миряне, там и есть уток. Их порицает и Дух Святой. Надлежит ли, говорит Он, пастырям более пасти себя самих? Не овец ли? Вот, вы съедаете молоко и шерстью одеваетесь... (Иез. 34, 2–3). И вскоре (после того): *И разгнали (вы) Моих овец и они сделались пищею всякому зверю* (Иез. 34, 5).

3. Господь сравнивает также богатство с тернием [Мф. 13, 22]. Господь тому, кто спросил, какая заповедь наиболь-

---

[47] "характер" – "нрав"; БО 471: Weise.

[48] "почитать" – вероятно, вм. "чисти" следует предпочесть вариант "чести" (БО 471: ehren).

[49] "ростовщичеством" – "прикупомь" – греч. τόκος (*Срезн.*, т. II, стр. 1418).

шая (Мф. 22, 36), повелел раздавать имение [Мф. 19, 21]. Апостол называет богатство сетью (1 Тим. 6, 9) смерти. Господь сказал: *Любите врагов ваших* (Мф. 5, 44), а мы и с друзьями враждуем.

4. Доброму человеку надлежит не (только) любящих его любить [Мф 5, 46], но в особенности возлюбить враждующих. Господь сказал: *Всякому просящему у тебя дай* (Мф. 5, 42), а мы, видя наших братьев нагими, (даже) не думаем об этом.

5. Всем нам, (однако), особенно же епископам, надлежит презирать временное. Ибо какая польза от золота или от серебра или от жемчуга? Когда они могли предотвратить голод или остановить смерть детей?

6. Это есть не что иное, как обман, ибо не приносит само по себе пользы. Поскольку же никто не может прибавить себе [Мф. 5, 36 и 6, 27] и одного волоса, постольку он тщетно заботится и о том (богатстве).

7. Ибо, если и птицы, не сеющие и не жнущие [Мф. 6, 26], насыщаются, и (если) цветы, для которых никем не ткется одежда [Мф. 6, 30], вырастают такими (прекрасными) по Божию хотению, то насколько больше (получим) мы, ибо знает Небесный Отец, что мы нуждаемся во всем этом (Мф. 6, 32) .

8. (Вот) и Соломон, более премудрый [3 Цар. 3, 13; 4, 30; 11, 1–8] и более богатый, чем все цари, согрешил великою роскошью[50].

XVIII

1. Итак, станем бодрствовать, и пусть не отягчаются наши сердца объядением и пьянством (Лк. 21, 34). А мы теперь опьянены[51] мирскими попечениями и всякими заботами и весьма любим лакомства[52]. Поэтому мы гадаем[53], ревнуем,

---

[50] "роскошью" – " питаниемь". *Срезн.*, т. II, стр. 941, указывает на нередкое смешение (при переводе) τρυφή и τροφή.

[51] Сравн. Λογία Ἰησοῦ I,3 (*Resch*, op. cit., S 68–69) .. ευρον πάντα μεθύοντας καὶ οὐδένα ευρον διψῶντα ἐν αυτοις κτλ. Сравн.: *А. П. Лопухин.* Незаписанные в Евангелии изречения Христа Спасителя. СПб., 1897, стр. 13. БО 473 не отмечает этой цитаты.

[52] "любим лакомства" – "съшелюбы"; вероятно, от греч. φιλοψος. БО 473: schlafliebend.

[53] "гадаем" – "пытаем" (сравн.: Деян. 16, 16 – "Дух пытлив" – πνεῦμα πύθονα). БО 473: schwelgen (См.· *Срезн.*, т. 1, стр. 1760).

произносим хулы более некрещеных. Все эти пороки имеются у нас.

2. И ныне говорит нам Святой Дух чрез пророка Михея, сказавшего: *О горе, душа, ибо не стало (милосердых) на земле, нет правдивых между людьми, все ссорятся до крови, каждый огорчает брата своего, руки всех обращены к тому, чтобы делать зло* (Мих. 7, 1–3) и т. д.

3. Это сбылось теперь. Нам богом стало наше чрево (Флп. 3, 19), о котором только мы (и) заботимся. Склонившись к земле, как животные, мы не можем воззреть на Отца всех и Творца.

4. Поистине трудно теперь найти человека, в котором Божий Сын изобразился (Гал. 4, 19) терпением, смирением, любовию и другими (добродетелями). Кто жаждет исхода из этого мира, кротко уча и наставляя?

5. (Кто) видимо (пребывает) на земле телом, а умом находится на небесах, насыщая себя святыми познаниями?[54] А таким (именно) и надлежит быть истинному пастырю и учителю.

6. *Что ты смотришь на сучок, находящийся в глазе брата, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?* (Мф. 7, 3). Ведь сначала надлежит исправлять себя, а затем – своего ближнего.

7. Какая польза в слове, когда не будет дел [Мф. 7, 21]? Ибо сказано: *Врач! исцели Самого Себя* (Лк 4, 23)

8. Сказано (также) в другом месте о том, как (Господу) угодно, чтобы мы обличали других[55]. *Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему* (Лк. 17, 3). Кающегося Он велит принимать и считать его братом [Мф. 18, 15].

9. Но тому, кто обличает, надлежит быть совершенно беспорочным. Поэтому, о человек, переходи к обличению других, исследовав первоначально себя и стяжав познание о себе.

---

[54] БО 474 переводит иначе. Самое деление главы ("4" и "5") в данном месте нельзя считать удачным, так как в результате разрывается на две части единый по смыслу период.

[55] т. е. "какими должны быть наши обличения".

ТОГО ЖЕ МЕФОДИЯ О ПИЯВИЦЕ, О КОТОРОЙ ГОВОРИТСЯ В КНИГЕ ПРИТЧЕЙ, И О (СЛОВАХ) "НЕБЕСА ПРОПОВЕДУЮТ СЛАВУ БОЖИЮ"

(Того же Мефодия "О пиявици сущии в притчах и о небеса исповедають славу Божию")

1. Венец из цветов сплетаю я для Христа, (но) не из (тех), которые похожи на (приносимые) иудеями, – не из таких. Ведь они полагали, (что можно) умилостивить Бога кровью животных, а мы, принявшие словесные жертвы [1 Пет. 2, 5], не умеем приносить агнца и тельца. Но, как пчела, находящая медоносные источники, летая по росистым цветам, берет благоухание (нынешних цветов), принося нам плод, соответствующий полю, – так и мы, летая на легких крыльях мудрости и, по Евангельским и пророческим (наставлениям), наполнив[1] (наши) меры [Лк. 6, 38] разнообразными песнями и изречениями, будем умилостивлять Бога этим духовным почитанием.

2. Боюсь, что это сочинение окажется трудным и тяжелым, так что, о Евстохий, я не в состоянии буду духовно истолковать (то, что) ты поручил мне. Ибо трудно правильно говорить о Боге. Однако сам Господь усиленно повелевает не лениться и ни в чем не уклоняться от исследования Писания, говоря: *Исследуйте Писания, ибо в них вы имеете жизнь вечную* (Ин. 5, 39).

3. Так, по Евангелию, некто, желая построить башню (Лк. 14, 28–29), не мог совершить (этого). Христос учит нас этою притчею не восходить в (область) невозможного, то есть в смысл того, что превышает наше разумение, но, соразмерно с нашими силами, говорить и поучать прежде всего о познаваемом.

---

[1] "наполнив" – "истъкавше". См.: *Срезн.*, т. I, стр 1158; греч. коренное слово πληθύνω, а не ὑφαίνω, как у БО 477 (переведено· webend) (сравн. Лк. 6, 38).

4. Тем не менее, веруя, что Господь может родить во мне слово, я выхожу на дело и отваживаюсь говорить. *Излилось из сердца моего слово благое* (Пс. 44, 2). Хотя пророк сказал это (об) Отце и о Сыне, но (также) и Дух Святой в благочестивых[2] и чистых (людях) рождает благое слово и божественные мысли.

5. Поэтому, о душа, приобрети надежду на Бога и просветись светом познания [2 Кор. 4, 6]. Поучайся в законе Господнем день и ночь (Пс. 1, 2; Нав. 1, 8). Не давай места духу прельщения и подражай всем другим добродетелям того, кто сказал: *Ради страха Твоего, Господи, мы зачали во чреве, и болели, и родили дух спасения* (Ис. 26, 18) и т. д.

6. Плотское сделай бесплодным, ибо оно противится духу [Гал. 5, 17]. Приобрети образ Христа [Гал. 4, 19], находящегося в тебе, чтобы и ты мог с дерзновением сказать: *Излилось из сердца моего слово благое.*

II

1. Для начала слова пусть будет достаточно (сказанного), чтобы нам не показаться как бы препятствующими слову; обратимся же к намеченному (нами), предлагая духовное истолкование. Сделаем здесь начало.

2. Будем сначала говорить о названии (рассматриваемой) Книги. (Она) называется "Притчи" по той причине, что говорит притчами, представляя сказанное сравнением одного предмета с другим. А чтобы мне не показаться говорящим без доказательства, буду говорить с доказательством.

3. В книге Судей (гл. 9) говорится о том, что, после убиения сыновей Иероваала, младший сын, убежав, взошел на гору Гаризим и восклицает, понося (жителей) Сихема, так как они забыли Иероваала, мужа доблестного и многократно хотевшего умереть за своих людей, (которые) вместо него пожелали (иметь) царем того убийцу. (Он говорил) так: *Двинувшись, деревья пошли поставить над собою царя и сказали маслине: царствуй над нами* (Суд. 9, 8). Но она не захотела. Тогда стали просить смоковницу. И она решительно отказалась. Понуждали виноградную лозу; (потом), так как и она не захотела (Суд. 9, 9–13), сказали терновнику: *царствуй над нами. И сказал терновник: Если вы*

---

[2] "в благочестивых" – "в подобьных"; греч. ὅσιος. БО 478: in den Würdigen.

действительно поставите меня царем над собою, то идите (ко мне) и надейтесь на мою защиту. Если же нет, то выйдет огонь из терновника и пожжет кедры Ливанские (Суд. 9, 14–15) и т. д.

4. (Поскольку) об этом сказано таким образом, (постольку) надлежит, конечно, понимать, что не о деревьях говорится в этой притче, но о чем-то ином. Для тех же, кто очищен духовно и (освобожден) от плотского Божиим светом, эти слова могут быть понятными.

5. Поэтому и мы помолимся Всещедрому Богу чрез Иисуса Христа во Святом Духе, Который *из брения возвышает нищего* (1 Цар. 2, 8), чтобы Он научил нас истинному разумению. Ибо уже пора говорить об этом.

III

1. У пиявицы были три дочери, которых она очень любила. И три не насыщали ее. И четвертая не удовлетворилась, чтобы сказать: довольно. *Ад, и вожделение женщины, и тартар, то есть преисподняя, и ненасытная земля, и вода, и огонь не скажут: "довольно!"* (Притч. 30, 15–16).

2. Пиявка – небольшое животное, обитающее в воде, подстерегающее, чтобы забраться в тех, кто пьет воду. (Во время) питья она входит внутрь (того, кто утоляет) жажду, проникая вместе с поглощаемой водой, так что пьющий даже не замечает, когда она входит в него; она останавливается в начале горла, откуда исходит голос и где происходит поглощение воды, нанося вред тому и другому.

3. Кто же настоящая кровопийца – пиявка, которую не могли насытить любимые дочери? Неужели пророк говорит так об этой видимой пиявке? Не о враждебной ли силе (говорит он), которая, не насыщаясь злобой, живет в духовных водах, как и тот левиафан, о котором пророк говорит в псалмах: *Это – море великое и пространное: там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с большими; там плавают корабли, там этот левиафан, которого Ты сотворил играть в нем* (Пс. 103, 25–26)? (Итак), кто же (это)? (Ведь) дети ее – ад и преисподняя.

4. Может показаться, что я говорю соблазнительные (вещи) для понимающих (это) буквально и не могущих правильно уразуметь глубину Писаний[3]. Зададим же такой

[3] БО 480 переводит иначе.

вопрос: какие яства приносили ей ее дочери, так что не могли насытить ее?

5. Исследуй, не соответствует ли этому слово, сказанное Екклесиастом: *Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, (откуда) реки (текут, они возвращаются)* (Еккл. 1, 7). Думаю, что пророк говорит о подобных рекам силах, упавших на землю (с небес)[4], – (которые) как бы перешли от сладости к горечи. А что, (как) он говорит, море "не переполняется", (то это соответствует тому, что) злоба никогда не насыщается приходящими к ней душами.

IV

1. Много есть и других змей в водах; над ними царствует великий и страшный левиафан, про которого Бог говорил многострадальному Иову: *Он царь над всем, сущим в водах* (Иов. 41, 25). А пророк сказал, что Бог сокрушил головы этих змиев (Пс. 73, 13); и не только этих, но и того великого (левиафана), кожу с одного только хвоста[5] которого не может поднять никакое плавающее животное.

2. Как сказано в семьдесят третьем псалме: *Ты сокрушил голову левиафана, отдал (его) в пищу людям пустыни (эфиопским)* (Пс. 73, 14). Не подразумеваются ли под (этими) эфиоплянами (люди), потонувшие во зле, пища которых – великий левиафан? Блаженны те, которые вкушают тело Господне и пьют Его кровь [Ин. 6, 54], а вкушающие плоть духовного левиафана – это враги мысленного света, просвещающего чистые души.

3. Они (эти чистые души), выйдя из страны эфиоплян, достигли свободы и мира не прежде, чем прошли чрез воды неведения и видели сокрушенную голову мысленного фараона. А (когда) мы увидели врага убитым и войско его все низверженным, мы воспеваем победную песнь [Исх. 15, 1–5]. Какая же это (песнь)[6]? Если бы не Господь был с нами, когда восстали на нас люди, то живых они поглотили бы нас (Пс. 123, 2–3). И вскоре после этого: *Благословен Господь, Который не дал нас в пищу зубам их* (Пс. 123, 6).

---

[4] "с небес" – чтение "словесе", очевидно, ошибочно; следует "с небесе". БО 480 обходит трудность, выпустив слово "словесе".

[5] "хвоста" – "ошиби". БО 481 обходит трудность, выпустив слово "ошибь".

[6] "Какая же это песнь" – "Кая же есть она". БО 481: wie jenes ist?

4. Чтобы сделать ясными эти слова (о) страшной той и бурной (Пс. 123, 5) воде мысленного моря, в которой тонут не тела, но души, не имеющие (своим) кормчим ума, Христос запретил[7] ветру и морю (Мф. 8, 26), чтобы оно не потопило плывущих с Ним в пищу зверям, находящимся (в море). Благословен Господь Бог, Который не только не дал нас в пищу зубам их (Пс. 123, 6), но дает нам также власть наступать (Лк. 10, 19) на них.

5. Думаю, что и блаженный Петр, когда он пошел по морю [Мф. 14, 29–31] и готов был потонуть (и когда) Господь простер ему спасающую руку и вывел его из этой бури, вознес Богу и Отцу такие хвалебные слова: *Если бы Слово Твое и Сын не был с нами, то нас потопила бы бурная вода* [Пс. 123, 2, 4].

6. Вознамерившись уяснить это, и Павел сказал: *Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре* (Рим. 16, 20)

V

1. И в псалмах снова идет об этом же речь: *Отправляющиеся на кораблях в море, производящие дела на больших водах, – они видят дела Господа и чудеса Его в пучине* (Пс. 106, 23 – 24). Кто же так слеп духовными очами[8], чтобы подразумевать (в этих словах) собирателей пурпурных ракушек или губок или тех, которые производят дела свои в морской воде, спускаясь для этого в пучину? Неужели они могут достигнуть большой глубины или узреть чудеса Его в пучине?

2. Что же чудесное есть в пучине по сравнению с находящимися на небе солнцем и луною и звездами? Так и Моисей, удивившись и подумав, как бы народ (еврейский) из-за их превосходной красоты, не наименовал их богами, воззрев на небо, сказал: *Я видел солнце и луну и звезды и всю небесную красоту; вы не должны прельстившись поклоняться им* [Втор. 4, 19]; (их) Бог уделил язычникам, а вам не так. Если же такие чудеса (существуют) на небе, то для чего

---

[7] "Христос запретил..." Звательному падежу, очевидно, следует предпочесть именительный (на основании имеющихся вариантов). То же самое предлагает и БО 482. Начало предложения он переводит иначе.

[8] "так слеп духовными очами"... Словосочетание "сице не бысть нъ", очевидно, должкно быть заменено словами "сице невистен" (сравн : ниже IX, 5). Так и у БО 482.

сказано о плавающих по морю на кораблях и производящих дела на больших водах, (что они) видят чудеса Господа?

3. Поразмысли же некоторым высшим разумением, не обозначает ли (это) учеников Христовых, исходящих из матери – древнего Иерусалима [Гал. 4, 26] – и плавающих телами как бы на кораблях для того, чтобы, увидевши изумительные чудеса Христовы, произвести дела на больших водах, уловляя[9] людей в Христову веру [Лк. 5, 10] и извлекая (их) из глубины прельщения.

4. Они поистине уловили нас от идолопоклонства, после того как Господь изведал глубины смерти, пленил[10] врага и открыл хранимые во тьме сокровища (Ис. 45, 3). (Все это) видели ученики и удивились. Он же Сам сказал им: *Многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали* (Мф. 13, 17) и т. д.

5. И не только удостоились они видеть чудеса, но и совершить дела (для) множества людей. Поэтому они и велят нам избегать того (прежнего) прельщения, а не возвращаться к нему вновь.

VI

1. Это вода, в которой живет левиафан и потопляет любящих его. Эта вода представляется спокойной, будучи преисполненной всяческого беспорядка; эта вода воздвигает огненные волны на приближающихся к ней. Это – мутная вода, в которой пребывает пиявка – кровопийца и сожительница левиафана.

2. Удивительна (ее) природа! Ибо сначала (она) мала (и ее можно) бросить на землю. Поэтому наступай (на нее) и не вкушай (ее), (имея)[11] власть наступать на силу вражию (Лк. 10, 19). Когда на нее наступают, она бессильна, а (попадая с) питьем (внутрь), она чрезвычайно опасна. Ибо, когда она заберется и присосется внутри к горлу человека, (тогда) она не дает произнести (ни) слова.

---

[9] "уловляя"; вариант "ловяще" вразумительнее, чем "любяще". Так и у БО 483.

[10] "пленил"; БО 483: verstort hatte.

[11] "имея" – вм. "мы" следует, по-видимому, принять чтение "имый" (сравн.: БО 483).

3. Душа, отвратившись от врожденных склонностей[12], которые увлекают ее, по природе бессмертную, или к размышлению о небесном, или к прозрению грядущего, – вместо этих (мыслей) внимает негодным помыслам, как бы оскверняя веру кровью, так что даже весьма мудрый человек переходит умом (то) в одну сторону, (то) в другую.

4. Поэтому будем избегать ее (= пиявки), ибо с трудом врачуются (причиненные) ею раны. Она не насыщается всем злом: смерть и сладострастие и тьма не насыщают ее. Видишь ли ненасытную силу? *Ад*, сказано, и *вожделение женщины, и тартар, и земля не насыщаются, а вода и огонь не скажут: "довольно!"* (Притч. 30, 16).

5. Ад постоянно принимает души и не насыщается. Вожделение женщины разжигает грех и принуждает ради сластолюбия отступать от Бога. Тартар – (это) вместилище тьмы. Земля не насыщается мертвыми телами. (Таковы) и огонь и вода: огонь, который попалил содомитян [Быт. 19, 24], и вода, потопившая всю землю (Быт. 7, 19), не насытились.

VII

1. Довольно побеседовав[13], таким (образом), о пиявице, прочее опустим. Ибо пора истолковать и другой вопрос. *Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь* (Пс. 18, 2) и т. д. *И до пределов вселенной слова их* (Пс. 18, 5).

2. О том, что небеса проповедуют славу Божию, пророк говорит от лица Святого Духа. Но так как (существует) много (видов) славы Божией, уместно спросить, какую же (славу) они возвещают. (Идет ли здесь речь) о той славе, о которой открыто написано в (книге) Премудрости Соломоновой: *Она есть дыхание силы Божией и истинное излияние*[14] *славы Вседержителя* (Прем. Сол. 7, 25)?

3. Мы же знаем, что нет другой мудрости и славы, кроме Христа, чрез Которого все (получило) бытие [Ин. 1, 3], как свидетельствует о Нем и апостол Павел: *Сиянием славы*

---

[12] БО 483: die paradiesischen Regungen.

[13] "побеседовав" – "слово сказавше" (вместо "славы"). Так и у БО 484; но там указан и другой вариант перевода: dies Ansichten.

[14] "излияние" – "капля"; БО 484: Funke. В греч. тексте Библии: ἀπόρροια.

(Евр. 1, 3) наименовал (он) Его – славы высшей, чем слава *всякой твари* (Кол. 1, 15), высшей всего мира, превосходящей всю природу и ничего не получающей ни от кого, кроме Одного Отца; (Он есть) Слава чистая, неизреченная и непорочная, к Которой не примешивается никакой недостаток и о пришествии Которой не надлежало возвещать никому, кроме "небес", то есть самих ангельских сил и прочих (духовных) сил. Поэтому, мне кажется, ангелы весьма мудро именуются "небесами".

5[15]. Таким образом Отец послал ангелов возвестить пришествие Христово, ибо, если закон Моисею был преподан чрез ангелов (Гал. 3, 19), – а закон предвозвещал Христа, как и Сам Господь указал (на это), сказав: *Если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он говорил о Мне* (Ин. 5, 46), – и поскольку Христос есть сияние славы (Евр. 1, 3) Отца, постольку и ангелы, возвещая Моисею закон [Дан. 8, 16; 9, 21; Иез. 40, 3; Зах. 1, 9], возвещали славу Божию. Так, ангел изъясняет глубины и Даниилу и Иезекиилю, а также Захарии и всем пророкам. Имею показать тебе и другое небо[16], возвещающее славу Божию, – Гавриила, возглашающего Пречистой Деве: радуйся, Благодатная! (Лк. 1, 28) и т. д.

6. И что я еще скажу тебе (о том, как) и Новое и Ветхое (Писание) свидетельствует, что ангелы служат таинствам домостроительства [Евр. 1, 14][17]?

7. Если удобно, (то можно выразить эту мысль) более возвышенным образом[18]. Душа мудрого есть малое небо[19], всюду имеющая в себе светлые мысли, истинное ведение, сияющие дела, так что ими прославляется Бог.

8. Если же кто-нибудь может найти истолкование более правильное, чем это, пусть расскажет (о нем).

---

[15] "5" отдел следует за "3"; "4" отсутствует см.: БО 484–485

[16] "другое небо" – БО 485: einen anderen Engel.

[17] "таинствам домостроительства" – "строя таинам"; повидимому, "строй" = οἰκονομία.

[18] БО 485 считает, что здесь в рукописи пропуск. Перевод дается несколько иной Едва ли, однако, можно согласиться с этим мнением, т. к. перевод "без пропуска" получается более вразумительный.

[19] "Душа мудрого есть малое небо" – БО 485 читает: "мало не бо есть мудраго душа" и переводит: denn nicht ist etwas Geringes die Seele eines Weisen. С контекстом речи такой перевод не согласуется.

9. А я думаю, что в (словах псалма): *И о делах рук Его вещает твердь* (Пс. 18, 2) – твердью названа Церковь, ибо она утверждается нетлением. Так и святой Павел говорит (в послании) к Тимофею: *чтобы... ты знал, как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь Бога Живаго, столп и утверждение истины* (1 Тим. 3, 15).

10. Если же славу Божию проповедуют "небеса", эти высшие силы, возвещающие славу Божию, то есть благоволение (Божие) к нам, (бывшее) прежде спасительного (Христова) пришествия, то под "твердью" необходимо подразумевать Церковь, возвещающую о делах рук Его. Таким образом мы (утверждаем), что о пришествии (Христа) с небес в (человеческое) тело возвещают ангелы, а о человеческих путях Его и о всех делах говорит Церковь.

VIII

1. (Это) может быть истолковано (и) иным образом (по отношению) к уму и к чувству; так, под "небом" (можно) подразумевать чистый и высокий, возвышенно богословствующий (ум), возвещающий славу Божию, а под "твердью" – чувство, не разрушаемое похотениями, но твердо им сопротивляющееся.

2. Поэтому и Иоанн Богослов говорит, что всякий дух, который исповедует Христа Иисуса, есть от Бога, а всякий дух, который не исповедует Христа Иисуса воплотившегося, не есть от Бога (1 Ин. 4, 2–3); (он) не разрешает нам принимать благочестия[20] наполовину. Ибо исповедовать воплощение Сына Божия от Святой Девы, но не исповедовать, что (Он)[21] и в Церковь приходит как бы в Свою плоть, – это несовершенно.

3. Каждому из нас надлежит исповедовать Его пришествие не только в той святой плоти, которая была от Пречистой Девы, но и подобное (этому пришествие Его) в духе каждого из нас. Если же некоторые полагают, что кто вообще исповедует Христа, тот от Бога, пусть они ответят (на вопрос), неужели и грех от Бога? Поэтому, исповедуя Христа, они согрешают в других делах.

4. Итак, не заслуживают похвалы те, которые исповедуют Христа, пришедшего во плоти, но согрешают; подобно

[20] "благочестия" – "благоверьства"; греч εὐσέβεια.
[21] "что Он" – "якоже"; БО 486 предлагает чтение "такоже".

(тому[22] не заслуживают похвалы) и те, которые не согрешают, но не признают Христова воплощения. Заслуживают же похвалы те, которые и внутреннего человека украшают правоверием и внешнего – добрыми делами: того, как "небо", ибо он помышляет о небесном, а этого[23], как "твердь", поскольку он не принимает похотений.

5. Так сохраняется порядок Писания. А плоть, очищенная от всяких страстей и пригвоздившаяся с Христом к древу [Гал. 2, 19] жизни, уже не есть плоть, но жилище Божие (Еф. 2, 22). Ибо плоть получила название от слабости, а праведник никогда не подвигнется (Пс. 124, 1), ибо он не плотский, но духовный (1 Кор. 3, 1).

IX

1. Не здесь ли вновь (находится) глубокий и духовный смысл для исследователей Писания, поскольку Писание говорит разнообразно? (Оно) называет святых иногда "днями", иногда "звездами", иногда "доброй землей", иногда же (Писание) называет святых "колосьями", или "деревьями", или "богами".

2. Так, (Писание) называет (их) "днями", ибо день дню передает речь (Пс. 18, 3); (называет их Писание) "звездами", ибо звезда звезду превосходит славою (1 Кор. 15, 41); (называет) доброй землею (Мф. 13, 8), ибо вы будете для Меня землею благоволения, говорит Господь (Мал. 3, 12); (называет) колосьями (Мк. 4, 28), ибо жатвы много (Мф. 9, 37); (называет) "деревьями", ибо дерево познается по плоду (Мф. 12, 33); (называет) "богами", ибо Я сказал: вы – боги (Пс. 81, 6).

3. Пойми же: не те ли души называются "днями", над которыми воссияло Солнце правды (Мал. 4, 2)? Ибо апостольский сонм, жаждущий Его слов, составлен по (числу) часов дня (и) называется духовным "днем", то есть (днем) Церкви, которую и Соломон видел, как восходящую зарю: *Кто эта восходящая, как утренняя, заря?* (Песн. 6, 9). (Она) жаждет таин Христовых, в особенности же (она) постоянно жаждет Писания.

4. И ночь ночи (открывает) знание (Пс. 18, 2). "Ночи" уподоблены пророческие речи не ради злобы, а ради великой

---

[22] "подобно тому" – подобни"; БО 486; Tüchtige.

[23] "того... этого" – "ового... ового". БО переводит: bald ...bald.

глубины. Уразумейте, сказала Премудрость, притчу и замысловатую речь, слова мудрецов и загадки (Прем. Сол. 1, 6). (Слово) "ночь" (употреблено) также потому, что Христово воплощение было возвещаемо тенями. (Таким образом) "ночью" называется закон из-за прикровенности[24] и образности выражений.

5. А иудеи называют их (= Книги Писания) так[25] по причине душевной слепоты и из-за (того, что они) отказывались от совершенного. Свидетельствует (об этом) и апостол Павел, говоря: *Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце (их)* (2 Кор. 3, 15). Да и все, до сошествия Господа, сидели *во тьме и тени смертной* (Лк. 1, 79), почему (здесь) и говорится о "ночи" по преимуществу. А после великого дня Воскресения по всей земле излился свет Святого Духа, когда они (= апостолы) проповедовали по всей вселенной о Слове истины.

6. Пророки же говорили только о наследии, то есть (о наследии) между иудеями; поэтому внешние не могли ни уразуметь, ни приступить. А апостольская проповедь, воссиявшая, как солнце, просветила всю темноту сердца. Премудрость Отца пролилась, как роса (Втор. 32, 2), и угасила раскаленные стрелы (Еф. 6, 16) змия.

7. Далее (сказано): *По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их* (Пс. 18, 5). Подобно (этому): *Вышел сеятель сеять семя свое* (Лк. 8, 5). Правильно здесь Дух наименовал пророчества "звуком", а Евангельскую проповедь "словами", ибо этими словами к нам приходит Божия благодать [Ин. 1, 17].

X

1. После этого исследуем и другой вопрос. Сказано: *И я человек смертный, подобный всем, потомок первозданного земнородного. И в утробе матери образовался в десять месяцев, сгустившись в крови от семени мужа и услаждения, соединенного со сном* [Прем. Сол. 7, 1–2] и т. д.

2. Пророк сказал это, удивляясь Божией Премудрости: *И я земной человек, как и другие пророки и цари, но*

---

[24] "из-за прикровенности" – "тьности деля"; БО 488: wegen der Dunkelheit.

[25] "называют их так" – "сице я нарекоша"; БО 488 предлагает чтение: "сице ся нарекоша" и переводит: die Juden aber wurden... genannt...

требующий Премудрости [Прем. Сол. 7, 7], прислушивающийся к Ее пришествию. Однако Премудрость – не "я" сам, а Тот, *Который* приходит и *берет на Себя грех мира* (Ин. 1, 29).

3. Ибо "я родился от семени мужа", а Он от Девы (Лк. 1, 35). О всей этой силе Божией говорит Иоанн: *я крещу вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым и огнем* (Лк. 3, 16).

4. Но об этом достаточно, поскольку эта глава достаточно ясна[26]. (Она) учит, что не о Христе сказал это Соломон, но о себе, дабы не подумал (кто-нибудь), что он Христос. Дальнейшее же (истолкование этой темы) о Христе Иисусе во Святом Духе (находится) в другом[27] сочинении "О теле".

Ты же, Господи, пославший Свою Премудрость для воплощения, – молюсь Господом Иисусом Христом в Духе Святом – очисти мое сердце и сотвори (его) жилищем Святого Духа ныне и всегда и в вечные веки. Аминь.

---

[26] "достаточно ясна" – "многу имущи белость"; БО 489: Weisse (Glanz).

[27] "в другом" – слав., несомненно, "в ином", а не "в иомь".

ДИАЛОГ СВ. СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА МЕФОДИЯ "О СВОБОДЕ ВОЛИ"

Русский перевод и изложение епископа МИХАИЛА (ЧУБА)

Предисловие

Диалог "О свободе воли" (Περὶ τοῦ αὐτεξουσίου) принадлежит к числу наиболее значительных произведений, вышедших из-под пера св. священномученика Мефодия (†311г.).

Литературная судьба этого произведения полна превратностей самого фантастического свойства, вплоть до того, что крупный фрагмент диалога, в котором ясно звучат антиоригеновские мотивы, свойственные св. Мефодию, был, в результате ряда недоразумений, приписан еще в древности самому Оригену. Установление истины и решение ряда сложных проблем, связанных с историей текста этого диалога, потребовало немало труда у нескольких поколений патрологов. В результате проделанной работы установлено, что полный (может быть, с самыми незначительными сокращениями) текст диалога сохранился только в древнеславянском переводе X века.

Поскольку этот диалог, несомненно, представляет собой один из важнейших памятников ранней христианской литературы, являясь своеобразным опытом доникейской теодицеи, постольку нельзя не пожалеть о том, что до настоящего времени на русском языке не было полного текста этого сочинения. Проф. Е. Ловягин, переводивший творения св. Мефодия в конце минувшего века и переиздавший

---

* Богословские труды. Сборник третий, 1964 г

их в начале текущего столетия[1], имел перед собою лишь неполный греческий текст его сочинений. В то же время славянские рукописи с древним (в значительной степени дополняющим сохранившиеся греческие тексты) переводом литературного наследия св. епископа совсем не были использованы Е. Ловягиным.

Это обстоятельство и послужило побудительной причиной для автора этих строк дополнить имеющийся уже на русском языке текст диалога "О свободе воли" переводом соответствующих частей славянского текста, увеличивающего сохранившийся греческий текст приблизительно на одну треть. (Более подробно о славянских рукописях и о проблемах их использования для установления возможно полного объема сохранившихся творений св. Мефодия см. "Богословские труды", сборник второй, 1961, стр. 145 и след.)

В славянских сборниках творений св. Мефодия диалог "Περὶ τοῦ αὐτεξουσίου" имеет более подробное название: "О Боге и о свободе воли", или "О Боге, о веществе и о свободе воли". Следует отметить, что более подробное заглавие лучше соответствует фактическому содержанию сочинения. Другой особенностью славянских рукописей с текстом этого произведения является отсутствие имен участников беседы. В разных греческих рукописях эти имена звучат не всегда одинаково, но в большинстве случаев три собеседника называются "Православный", "Валентинианин" и "Другой валентинианин". Таким образом, диалог, очевидно, должен развертываться в плане встречи идей традиционно-церковного порядка с идеями виднейшей фракции "лжеименного гносиса". Несомненно, острие полемики, направляемой защитником Православия на его оппонентов, имеет своею важнейшей целью обличение и низложение спиритуалистического дуализма[2]. По основному своему содержанию диалог представляет собой философский трактат на тему о происхождении зла и о материи. Проблема свободы воли является весьма существенной, но, тем не менее, лишь подчиненной, составной частью диалога, построенного на материале, стоящем в непосредственной связи с господствовавшими в эпоху

[1] "Св. Мефодий, епископ и мученик, отец Церкви III века", издание второе, СПб., 1905.

[2] Следует отметить исключительно благожелательную и мирную обстановку, в которой протекает беседа участников диалога.

св. Мефодия философскими течениями: здесь имеются в виду и эклектический платонизм III века, и стоические представления, и элементы аристотелевской философии, и - это может быть, самое главное — оригенизм. Аргументация текстами из Св. Писания сведена к минимуму.

Во всех новейших курсах патрологии диалогу "О свободе воли" уделяется большая доля внимания. Проф. Н. Г. Бонвеч в своих изданиях, посвященных всестороннему изучению литературного наследия св. Мефодия, подробно останавливается на вопросах, связанных с историей передачи текста этого сочинения и с его тематикой[3].

Н. Г. Бонвеч дает немецкий перевод тех частей текста диалога "О свободе воли", которые сохранились только на славянском языке. Перевод этот отличается дословностью, но, в рядѣ случаев, не имеет необходимой ясности, причиной чего является дающая себя чувствовать местами невнятность и неудобовразумительность древнего славянского текста.

Специально диалогу "О свободе воли" посвящены монографии французских авторов Ж. Фаржа и А. Вайяна[4]. Оба эти автора дают и свои переводы диалога на французский язык; перевод Ж. Фаржа следует, в основном, за переводом Н. Г. Бонвеча, тогда как перевод А. Вайяна является блестящим результатом самостоятельной, исключительно серьезной работы над текстом одного из виднейших славистов, прекрасно владеющего и греческим языком.

Для связи впервые публикуемых на русском языке частей диалога "О свободе воли" с ранее изданным русским переводом проф. Е. Ловягина последний дается в кратком изложении петитом. Для той части диалога, которая сохранилась и в греческом тексте, но Е. Ловягину не была известна, дается перевод славянского текста[5].

Деление текста на главы и отделы соответствует делению в издании Н. Г. Бонвеча ("Methodius",1917). Выделенные киноварью подзаголовки отделов в славянских рукописях вынесены в соответствующих местах в примечания.

---

[3] *N. G. Bonwetsch.* Methodius von Olympus, 1891; Methodius, Lpz., 1917; Die Theologie des Methodius von Olympus, Berlin, 1903.

[4] *J. Farges.* Methode d'Olympe (*Patrologia orientalis,* v. XXII, Paris, 1930).

[5] Эти греческие фрагменты, не переведенные Е. Ловягиными, сохранились в анонимном диалоге "Адамантий" (или "О правой вере в Бога") и в "Священных параллелях". Проф. Н. Г. Бонвеч в издании 1917 года дает греческий текст этих фрагментов.

Имена участников диалога, не указанные в славянском тексте, даны в соответствующих местах в скобках. В скобки же заключены внесенные для ясности в перевод дополнения в виде отдельных слов и словосочетаний.

Невнятность рукописной передачи некоторых выражений древнего славянского перевода, а также специфические особенности этого перевода местами очень затрудняют процесс расшифровки смысла сохранившегося текста и заставляют иногда прибегать к предположительному переводу. Следует, однако же, отметить, что трудностей перевода сочинения "О Бозе и о вещи и о самовластьстве", как оно названо в большинстве славянских рукописей, несравненно меньше, нежели соответствующих затруднений, возникавших при переводе текстов, вошедших в состав предыдущей публикации из творений св. Мефодия (см. "Богословские труды", сборник второй, стр. 152–190).

Для работы, результаты которой здесь предлагаются, были использованы, в основном, те же рукописи, которые послужили для предыдущей публикации. Дополнительно привлечена рукопись № 310 библиотеки Румынской Академии Наук, в которой на листах 122б–147б имеется славянский текст диалога "О свободе воли"[6]. Эта рукопись относится к XVI веку. При сличении текста диалога в этой рукописи с текстами соответствующих рукописей, находящихся в наших отечественных библиотеках, существенных смысловых вариантов не обнаружено. Обращает на себя внимание известная архаичность письма, наличие нескольких пропусков и описок; вместе с тем, эта рукопись местами дает возможность более осмысленного чтения отдельных выражений и слов. Особенности орфографии рукописи ясно указывают на ее сербское происхождение.

Епископ Михаил

[6] Ранее эта рукопись хранилась в Музее древностей в Бухаресте; описание ее сделано А. И. Яцимирским ("Славянские и русские рукописи, хранящиеся в Румынских библиотеках". СПб., стр. 485).

ДИАЛОГ СВ. СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА МЕФОДИЯ "О СВОБОДЕ ВОЛИ"

[Изложение греческого текста]

I

Защитник Православия вспоминает древнегреческие легенды. Но он не хочет слушать пение сирен, приносящих смерть. Его влечет к себе Божественный хор пророков и апостолов, славящих и воспевающих чудеса Божьего Домостроительства. Слушатели и собеседники православного приглашаются участвовать в этой многозвучной гармонии мира и истины.

II

Первый оппонент православного, последователь гностика Валентина, рассказывает о своих впечатлениях. Природа своими стихийными проявлениями явилась ему, как свидетельница дивной мудрости и могущества Творца; об этом он узнал и от моря с его бурями (при этом цитируются стихи Илиады, IX, 4–7), и от небес с украшающими их светилами. Но откуда произошел этот стройный порядок мироздания с управляющими им законами? Неужели из не существовавшего ранее? Ведь происходящее обычно имеет своим началом нечто, уже существующее. Но, по-видимому, правильнее думать, что все, что есть в природе, создано Богом, ибо гармония частей мироздания не противоречит нашим представлениям о Боге.

III

Валентинианин продолжает свои наблюдения. Теперь объектом этих наблюдений является деятельность людей. Его глазам представился ряд злодеяний. Единокровные спорят и ссорятся, обкрадывают друг друга, грабят мертвецов, безжалостно убивают ближних, не слушая мольбы о пощаде, совершают гнусные прелюбодеяния. Воочию повторяются рассказы древних писателей о противоестественных злодействах. Откуда же

произошло это зло? Конечно, не от Бога, ибо Он благ и виновник всякого добра. Разгадка проблемы происхождения зла находится, очевидно, в допущении бытия совечной Богу бескачественной и бесформенной материи. Взяв для творения мира все пригодные для этого элементы, Он создал то, что было угодно Его благой воле, а то, что не было пригодно для творения — так сказать, подонки вещества, — осталось без употребления. Из этого остатка и могло возникнуть зло.

IV

Православный хвалит своего собеседника за его усердие к исследованию и соглашается с тем, что проблема происхождения и существования зла вызывает множество недоумений. Данное валентинианином решение вопроса, несмотря на свою несостоятельность, нисколько не удивляет православного: таким образом рассуждают многие. А другие, боясь допустить бытие совечного Богу вещества, не устрашились наименовать Его виновником зла. Некоторые, убоявшись трудностей, вообще отказываются от решения этого вопроса. Но истину можно познать только путем тщательного исследования. Необходима самая серьезная беседа, в которой пусть примет участие и присутствующий здесь же друг валентинианина.

(Начинается собеседование, протекающее отнюдь не в форме спора, а в рамках исключительной уступчивости со стороны собеседников православного, последовательно соглашающихся с его доводами).

V

Рассуждая о Боге и о материи, православный приходит к логическому выводу о том, что не может быть верной мысль об одновременном бытии двух абсолютных начал, происшедших из ничего. Или они должны быть частями одного целого, или между ними должно быть нечто третье, разделяющее их.

VI

Нелепость предположения о двух совечных друг другу несотворенных началах доказывается выводами ad absurdum: они бы неизбежно оказались одно в другом. Значит, или Бог был бы

заключен в материи, бескачественной и неустроенной, меньший, чем сама эта материя; или же материя была бы в Боге, а Он был бы вместилищем хаоса и зла.

VII

Дуалистическое допущение вечной материи ни в какой степени не освобождает сторонников этой теории от необходимости видеть окончательную причину зла в Боге. Ведь первоначально бескачественная материя, по этой теории, получает все свои качества только в процессе устроения мира — значит, от Бога. Для правильного решения вопроса следует внимательно вглядеться в деятельность людей. Ведь люди, в своей сфере, тоже творцы. Примером могут быть строители: они строят города не из городов. И не предметы строят город, а искусство человека. При этом человек может быть и без строительного искусства, но последнего не может быть, если не будет человека. Подобным образом следует рассуждать и о Боге и о Его несравненно более великой деятельности.

VIII

Приступая к исследованию вопроса о зле, православный показывает, что зло является качеством, а не субстанцией. Оно всегда проявляется как нечто, сделанное кем-то. Злой человек познается чрез то злое, которое он делает, и сам становится злым чрез совершаемое им, а не по своей природе. Зло появляется в результате действий, а потому не может быть происшедшим из ничего.

IX

В беседу вступает второй последователь Валентина. Он согласен с тем, что качества, якобы приданные Творцом первобытной бескачественной материи, делают Творца виновником зла, существующего в мире в виде качеств. Но бескачественной материи вообще не может быть. Следовательно, зло коренится в самом веществе и существует вечно.

X

Православный указывает на несоответствие подобных допущений с нашими представлениями о Боге Творце. Ведь всякое ограничение его творческой деятельности, допускаемое теоретически, влечет за собой возникновение логических нелепостей.

XI

Бог не мог допустить несправедливость, устраивая и благоукрашая одну часть материи за счет другой, якобы брошенной на произвол судьбы и сделавшейся рассадником зла. Этим самым Бог был бы действительным виновником зла. Тот, кто сомневается в Божием всемогуществе, подвергает сомнению и самое спасение.

XII

Желающие видеть в несозданной материи движущее жизненное начало неизбежно запутываются в новых противоречиях. В самом деле: является ли вещество простым или сложным? Если допустить его изначальную простоту, то откуда взялись бесчисленные противоречия и противоположности, наблюдаемые нами в природе? Если же вещество изначально является сложным, то, значит, было время, когда существовало множество самостоятельных несотворенных начал. Существующие в мире противоположности не могут быть объяснены так, как хотелось бы единомышленникам Валентина.

XIII

Попытки решать вопросы о происхождении и сущности зла, основанные на допущении вечного бытия материи, не способствуют уяснению проблемы. Необходимо узнать, откуда зло среди людей. И что это: виды зла или его части? Если виды, то зло идентично с ними, ибо всякий род существует только в своих видах. Значит, зло имеет, в таком случае, начало, ибо каждый вид зла имеет точно определяемое начало. Если же допустить, что все проявления зла суть его составные части, то надо вспомнить о невозможности бытия целого без бытия его частей. Не может быть и того, чтобы целое складывалось из таких частей, из которых одни имеют начало, а другие не имеют. Фактически же виновником, творцом наблюдаемых нами частей зла является человек. Исходя из сделанных ранее неправильных допущений, можно опять прийти к заключению, что основная ответственность за зло ложится на Бога, создавшего человека.

Но зло есть обязательно действие и обязательно имеет начало, ибо творит его человек. Однако человек бывает злым не по природе, а по своей воле.

XIV

[Перевод славянского текста; греческий текст отсутствует]

1. (Православный:)Мне кажется, друг, в нашем собеседовании сказано уже достаточно. Но я думаю и от тебя не утаилось, — что каждый человек имеет обыкновение с легкостью отвергать (мнение) ближнего. (Между тем, только) окончательное исследование вопроса приводит к ясным выводам. Поэтому, если тебе угодно, позволь и мне задать тебе вопрос, ибо я хочу нечто спросить у тебя. Таким образом, я думаю, с ясностью откроется истина, а твои слова не будут уничтожены моим вопросом. Когда тщательным образом будет произведено исследование кем-либо из нас, (тогда) откроется истина (такой), какая она есть, ведь она часто пребывает в тайне, не будучи подвергнута настоящему словесному обсуждению.

2. Поэтому я и прошу тебя ответить мне тем же (усердием к исследованию), ибо каждый может с уверенностью выбрать соответствующее (решение), когда таким образом выяснится самое великое (то есть истина). А я совсем не хочу ни того, чтобы эти мои слова остались без исследования, ни того, чтобы (остались без исследования) и прежние мои речи, если бы даже (пришлось слушать) возражения. А ищущему (истины) я скажу, (что) со всей готовностью хочу, чтобы и этот (собеседник) задавал мне вопросы. И тебя прошу задавать вопросы со всею силою. Ибо я думаю получить от этого великую пользу. Когда же мои слова будут подвергнуты ясному исследованию, (тогда) я буду держаться (не той) истины, (которая) является от (собственных) размышлений, но (той, которая) приходит от тщательного испытания. Итак, начинай беседу.

3. Называешь ли ты Бога благим?

(Валентинианин:)Я называю Его благим.

(Православный:)А благое — это значит не совершать никакого зла из того, что мы именуем злом?

(Валентинианин:)[1]

(Православный:)О чем же ты спрашиваешь? Или об этом (самом) зле, то есть об убийстве, и о прелюбодеянии, и о другом, подобном этому? Или же о том, что осмелившиеся

[1] В рукописях ответ пропущен. Подразумевается: "Да"

сотворить это (зло) обрекают (себя) Божию суду, который представляется злом подвергшимся ему по справедливости и осуждаемым за то (действительное) зло, которое они осмелились сотворить?

Если ты говоришь о том, (о чем мы говорили) раньше, то я не назову Бога творцом этого (зла), ибо считаю бессмысленным приписывать Богу то, что явно было совершено (теми, которые) захотели это сделать.

4. А если ты говоришь о том, что (посылается) от Бога за злые дела, то я не назову это злым, но справедливым. Ибо поистине надлежит получить праведное осуждение тому, кто сотворил зло. А о Праведном никто не скажет, что Он зол, кроме одного (лишь) того, кто по справедливости подвергается осуждению. (Так), совершившего теперь убийство, (которого) судят старейшины, я считаю правильно осуждаемым. Правильным же я это считаю по отношению к злодею. Но каждый человек, совершающий (злое), считает правильное неправильным. Но мы не назовем этого злом. И я сам поистине считаю это правильным.

5. Но я спрашивал (тебя), имея в виду нашу прежнюю беседу. Тогда я отвечал (на твои вопросы), что Бог не является творцом этого (зла). Но что же ты считаешь злом, когда задаешь вопросы о зле? (Я объяснил) тебе это, разделив понятия. Но ты и сейчас не говоришь, что (имеется в виду): или же предметы, или же то, что происходит с предметами?[2] Если ты говоришь, (понимая) это (зло), как предмет, то ты ошибаешься в понятиях, но если (ты понимаешь зло), как (нечто) происходящее (с предметами), то я считаю, что это правильно.

6. Если же захочешь внести в (поставленные) мною вопросы (дальнейшее) разграничение, то каковы же твои понятия об этом происходящем (с предметами): на кого (оно направлено) и откуда (приходит)? Скажи мне об этом ясно. О том, что ничто из злого не является злым (по существу), (об этом) я (уже) раньше высказал свое убеждение; думаю, что и ты помнишь о том, что я говорил: я соединял злое с изволением каждого (человека). Если же ты хочешь, как мне это видно, чтобы я снова рассказал тебе о зле, то я, как умею, буду ясно говорить, (отвечая) на (твои) недоумения. Следи же за речью.

---

[2] Имеются в виду "субстанция" и "акциденция".

XV

[Греческий текст отделов 1–5 сохранился в диалоге "О правой вере в Бога". В переводе проф. Е. Ловягина отсутствует. Нижеследующий перевод сделан со славянского текста]

1. Во-первых, я считаю, что ничто не является злым по существу. Но поскольку необходимо рассуждать о зле, (я говорю о нем), как о существующем (в действительности). Так, мне кажется, что прелюбодеяние имеет начало от блудного намерения[3] Общение мужского пола с женским, по названию, (как будто) является таковым (прелюбодеянием). Но если кто-либо имеет общение с своей женою, как (этому) надлежит быть ради деторождения и продолжения рода, то это будет доброе общение. А если кто-нибудь, убегая от законного общения, окрадывает чужой брак, восходя на чужое ложе, (тот) совершает злое дело. Общение одно и то же, но смысл намерения не один и тот же: в одном (случае) бывает истинный отец, а в другом (случае) родитель остается неведомым, (так что) мне представляется, что (в этом) и заключается сущность прелюбодеяния.

2. Тот, кто вступает в общение с женою ради деторождения, не согрешает. А тот, кто вступает в общение с прелюбодейцей ради (удовлетворения) похоти, но не ради продолжения рода, (тот) согрешает и поступает несправедливо. Если же рассуждать об общении (мужского и женского пола) без определения намерений, (то в этом случае) нельзя (утверждать), что оно является злом.

Зло (здесь) будет лишь в том случае, когда явным будет (злое) намерение.

3. Подобное этому я утверждаю и об убийстве. Если кого-нибудь, захваченного в прелюбодеянии, вследствие этого захотят подвергнуть по закону смерти, после предания суду за соделанное им (злодеяние), то в этом случае не совершается зло. Если же кто-нибудь убьет не совершившего ничего подобного (этому), не для какой-либо другой цели, но для того, чтобы отнять от него принадлежащее ему, то есть имение или богатство, тот творит зло. Действие в обоих

---

[3] В рукописях — подзаголовок "О том, что по существу ничего не (является) злым".

(случаях) совершается одинаковое, но образ действий создает различия.

4. К этому (можно добавить рассуждение) о взятии чужого достояния; зло (может возникнуть) от способа взятия. Если кто-нибудь даст в пользование другому из того, что (сам) имеет, (то) принимающий не совершает злого. В обоих (случаях) имеется взятие чужого, но способ взятия делает его или добрым или злым.

5. Так и Богопочитание будет добрым или злым по образу (действий). Если кто-либо почитает истинного Бога, (тот) совершает доброе дело. Если же кто-нибудь, оставив Его, почитает, как Всевышнего, того, кто не существует, и хочет воздавать почести дереву или камню, (тот) поступает неправильно. Наименование Богопочитания (здесь) одно и то же, но способ применения изменяет самую сущность.

[Отделы 6 и 7 сохранились только в славянском тексте]

6. (Так точно) и создание изображений или статуй не является злым (делом) по существу, но по способу применения (этого искусства) бывает и злым (действием). Если кто-нибудь создает статую, имеющую облик человека, не ради искусства и не для того, чтобы в изображении ближнего иметь возможность видеть облик (своего) друга, а ради (того, чтобы воздавать ей) поклонение, и будет обращаться к ней, как к божеству, (тот) творит злое дело. И такой способ создания (статуи) и намерение создающего производят зло.

7. Но я не буду говорить об этом в отдельности, (ибо) я думаю, что пора уже кончать, — а перейду к другому. Посмотри на железо, как оно оказывается (в зависимости) от употребления иногда добрым, а иногда злым. Если кто-нибудь употребляет его не должным образом, то есть не на пользу, как (например) на плуг, (чтобы) пахать землю, или же на что-либо другое полезное и пригодное, или для насаждения растений, или для посева семян, но на меч и копье, которые изобретены для истребления людей, — тот совершает злое дело.

И это все, я утверждаю, совершается людьми. Мы видим (в них) самих совершителей, а это (злое) оказывается совершаемым ими.

XVI

[Греческий текст 1-го отдела Е. Ловягиным не переведен. Здесь дается перевод славянского текста]

1. (Второй валентинианин:) Расскажи же о зле, (ведь ты) хотел выяснить[4], как существует зло и как люди являются его совершителями. Я вновь хочу нечто спросить у тебя. Сами ли собою люди получают свое устремление (к злу), то есть сами ли собою придумали (такое) злоупотребление, или же они созданы такими Богом, или же есть еще кто-то другой, подстрекающий (их) к этому?

[2-й отдел переведен с греческого текста Е. Ловягиным. Здесь дается изложение хода мыслей этого отдела]

2. Православный отвечает на поставленные вопросы. Возможность сотворения Богом злых людей исключается. Первый человек был сотворен со свободной волей, самовластным. Такую же свободу получили и его потомки. Эта свобода является самым великим Божиим дарованием человеку.

[3-й отдел в греческих рукописях отсутствует, поэтому его нет и в переводе Е. Ловягина. Здесь следует перевод славянского текста – продолжение речи православного]

3[5]. Ибо все остальное служит Божию велению по необходимости. (Так), если ты назовешь небо, (то) оно остается (на своем месте), нося (на себе) Владыку, и не преступает указанного ему места. Если ты захочешь говорить о солнце, то и оно совершает установленный (ему) путь, не отказываясь от движения, но служит Владыке по необходимости. Такою же видишь ты и землю — утвержденною и исполняющею слово Повелевшего.

[Для отделов 4–9 имеется перевод Е. Ловягина, сделанный на основании греческого текста. Здесь следует изложение этих отделов]

---

[4] Подзаголовок — "Исследование вопроса о людях, совершающих зло: сами ли собою они устремляются к нему, или от Бога, или же от иного чего-либо".

[5] Подзаголовок — "О том, что кроме людей все остальное служит Божию велению по необходимости".

4–9. Творения, исполняющие Божию волю по необходимости, не заслуживают за это ни похвалы, ни награды. Только человеку дана свобода выбора, и он может подчиняться, кому захочет, не подвергаясь воздействию природной необходимости. Сделав правильный выбор, он может получить от Бога, как награду, нечто большее, чем уже имеющееся в его распоряжении. Цель сотворения человека — достижение совершеннейших благ через благое употребление свободной воли, в которой заключается основное отличие человека от стихий природы и от всего, подчиненного железному закону необходимости.

Бог не отнимает у человека дарованной Им свободы воли, но, заботясь о благе человека, указывает ему путь наилучшего применения данных ему способностей. Для лучшего уразумения этого утверждения предлагается пример заботливого отца-педагога, который, не отнимая у детей свободу решения — учиться или не учиться, — заботится об их благе и наставляет их своими назиданиями. В этом и состоит смысл Божиих заповедей, за исполнение которых человек получит высшие блага. А свобода выбора, данная человеку, состоит в решении: повиноваться Богу или не повиноваться.

[10-й отдел имеется только в славянских рукописях. Здесь следует его перевод]

10. Не бесцельным (является) Божие хотение дать (человеку) такое дарование, то есть вечное нетление. Если бы (оно было дано) без цели, то давалось бы несправедливо; (а оно не было бы) дано справедливо, если бы он (то есть человек) не имел власти как принять его и подчиниться (тому), что повелевает Бог, так и не захотеть (этого). Справедливо подается (лишь) то, (что) соответствует сделанному кем-либо. Какая же была бы разница действий, если бы человек не имел власти (поступать) и так и иначе?

XVII

[Для начала главы имеется русский перевод Е. Ловягина. Здесь следует изложение отделов 1–3 и начала 4-го отдела]

1–4. Православный повторяет свое утверждение, что человек сотворен с свободной волей. Употребление свободы состоит в свободе выбора, а самый выбор осуществляется в том, чтобы избрать какое-то уже наличествующее зло или

долбро, а в том, чтобы повиноваться или не повиноваться Богу и Его заповедям.

Начало всякого зла — неповиновение. В нем и заключается все зло.

Возникает новый вопрос: откуда в человеке возникло это неповиновение Богу? Это случилось по научению. Об этом ясно говорится в Святых книгах, в которых некий священный глас утверждает, что человек научился злу (Иер. 13, 23). Учителем зла для человека оказался змий — диавол.

[С середины 4-го отдела XVII главы прекращается русский перевод Е. Ловягина, за исключением нескольких строк, относящихся к главе XVII, отд. 1. Здесь следует перевод славянского текста].

4. Научает человека злу змий, созданный также Богом. И он научает человека, желая отторгнуть его от Всевышнего.

5. Если же ты захочешь узнать причину этого, (то это) его зависть к человеку (Прем. Сол. 2, 24). А если ты допытываешься, откуда зависть, то (это оттого, что) он (то есть змий) не (получил) такой же чести. Ибо один только человек получил богоуподобление *по образу и по подобию* (Быт. 1, 26). Если же ты, по этой (причине), назовешь Бога виновником зла, (то) ты отпадешь от здравого образа мыслей.

6. Если бы (Бог), отняв у него (то есть у змия) то, что он имел, отдал бы (это) человеку, (тогда) Он действительно был бы виновником зла. Если же Он оставил его, (каким тот был), а человека захотел сотворить таким, (как он создан), то виновен тот, кто ревнует. Так, если кто-нибудь имеет двух рабов и одного употребляет для работы, другого же примет и сделает вместо сына, а тот убьет получившего такую честь от владыки, — будет ли владыка виновен в этом злом умысле, поскольку он ничего не отнял от одного и ничего (из принадлежащего) тому не отдал другому?[6]

XVII

1. Но после этого ты спросишь, откуда же у змия, который называется и диаволом, ведение зла, если никто

[6] Подзаголовок – "Откуда у диавола познание зла?"

(прежде) не был злым? На этот вопрос хорошо ответить так, что диавол познал зло в самом преслушании Бога, а затем увлек к тому же и человека.

2. Так, например, чей-нибудь враг, скрывая вражду, захочет тайно причинить зло, но не имеет злого опыта, который (позволил бы) ему сделать то, что (он) замышляет. (И вот, он) спросит сведущего во врачевании, навещающего ближнего, то есть того, которому он хочет причинить зло, (о том), каким образом (этот последний) может выздороветь. (И окажется), что или назначено одно (определенное) время, когда только (больной может) принимать пищу, или же (ему следует) воздерживаться от многих видов пищи, или же избегать только одного (какого-либо) вида пищи.

3. Он же тотчас, услышав (об этом), приходит с видом дружбы и, обвинив врача, будто бы давшего вредные указания, здесь же распоряжается делать (как раз) обратное тому, что предписал (врач), и таким образом, уверив (больного) человека, причинит (ему) вред, не имея до этого (времени) опыта во зле, а научившись (этому на основании) предписания врача.

4. Так (следует) разуметь о диаволе, (а именно): что он сначала возревновал, а потом не знал способа, каким бы он (мог) причинить зло, ибо не было прежде зла, которому бы он мог научиться. Но он узнал о заповеди, данной человеку Богом, которою не позволялось вкушать пищу от некоторого древа. Мне кажется, что древо не заключало в себе смерть, но (что его следует) считать непригодным для питания человека. (А может быть) это растение причиняло смерть и ради этого было запрещено человеку вкушать от него, так как человек мог от этого умереть. (Может быть) причиною смерти человека было преслушание Бога, (ибо он) сделал то, что Бог запретил.

5. Но диавол уговорил человека преступить заповедь Божию, еще не зная, каково зло, а затем узнал, что Бог изрек угрозу человеку за нарушение Его заповеди и что (человек) принял наказание осуждения, не от первоначального вещества, но от Божией угрозы, — тогда он и узнал, каково зло.

6. Ведь мы не гневаемся на врача, поведавшего, каким способом человек может выздороветь, — даже в том (случае), если бы враг (этого человека), не зная раньше, каким образом причинить ему вред, научился бы этому

(на основании) указаний врача. Ибо не следует знающему утаивать (то, что) служит на пользу. А (человек) и по неведению (мог) сделать то, что воспринял от вражьего научения, и (уже) этим (путем) испытал бы зло. Виновный же (в этом), зная, что (соблазняемый им) пострадает, не сказал ему, (что он) пострадает, не сказал ему, (что он) подвергается наказанию. (Поступив) как было задумано врагом, человек (подвергся) осуждению не из-за (какой-то) бессмысленной неприязни.

7. Итак, диавол, сделавшись уже врагом людей, (сначала) еще не имел знания о зле, но научился ему от заповеди, когда Бог с угрозою изрек человеку, что, если (он), вопреки Его воле, вкусит от древа, примет смерть и убожество. Если бы (Бог) предварительно не сказал, что Он еще не позволяет ему вкушать от древа, то (человек), возможно, вкусил бы по неведению, и жизнь (его) окончилась бы. (Это случилось бы) или оттого, что (человек) не мог еще выдержать (вкушения) плода (этого) дерева, как младенец, питаемый еще молоком, не может принимать твердую пищу, — или же (это произошло бы по той причине, что) он взял от (плодов) древа вопреки Божиему повелению, но поступив по воле змия. Думается, не было бы справедливым, если бы (человек) был осужден из-за (какой-то) бессмысленной неприязни к нему (в том случае), если бы им не было совершено никакого дела, достойного наказания.

8[7]. Началом зла я считаю зависть. А зависть оттого, что человек получил большую честь от Бога. Зло же — преслушание, за которое (наказывается) человек, нарушивший Божию заповедь.

Поэтому, если и существуют многие печали, нет зла по природе, а бывает оно оттого, что Бог не велит ему быть. Если же нужно (уточнить мысль), то ясно, что (когда кто-нибудь) только привыкнет преступать Божии (повеления), то он и становится злым.

9. Было когда-то время, когда Бог повелел (избранному) народу войти в Обетованную землю, а (они) не послушались тогда Божия повеления и не захотели наслаждаться (тем, что было им) обещано. А потом, когда Бог закрыл для

[7] Для отдела 8 и для начала следующего отдела имеется греческий текст. Е. Ловягиным этот фрагмент из Sacra Parallela не переведен, за исключением первых строк.

них вход туда, они задумали еще худшее, научившись не повиноваться Богу. Когда же они, вопреки Божию повелению, вошли (туда), (то) справедливо были наказаны.

Так же точно, хотя отнюдь нет зла по природе, люди, поступая ток, как не угодно Богу, этим самым научаются познавать зло, которое есть преслушание.

10[8]. Утверждать, что диавол, как только был создан, сразу же узнал от Бога, что зло (состоит) в неповиновении Богу, — (это), мне кажется, неправильно. (Но) он не был создан Богом лишенным разума, чтобы не знать, что поступать вопреки Божией воле нехорошо.

11. Поэтому я считаю, что он заслуженно несет наказание, ибо был сотворен Богом, с разумом и, зная, что значит противиться повелению Божию, осмелился так поступить.

Злом же я называю преслушание; не о том говорю я, что диавол имел некое изначальное познание (о зле), но утверждаю, что он избрал нечто из совершающегося с предметами.

12. Поэтому же и человек по справедливости принимает наказание за то, что (он) творит, ибо по свободной воле он поступает в учение (к диаволу), но, когда сам захочет, он отказывается от (этого) учения. Он имеет власть хотеть и не хотеть. (Отсюда) следует, что он может делать (то), что хочет.

XIX

1. (Один из валентиниан:) Итак, ты, друг, говоришь, что Бог не является создателем зла, а утверждаешь, что (зло) творится по действию диавола, когда слушающие его поддаются его воле; ты утверждаешь также, что они по справедливости подвергаются наказанию за то, что (они), имея возможность отказываться от (внушаемых им) мыслей, не хотят (этого). Но я хочу спросить тебя о самом диаволе[9]. Таким ли сотворил его Бог, или же он сам себя обратил на злейшее, не быв таким прежде?

2. (Православный:)Если бы он был создан таким от Бога, то не следовало бы ему быть наказуемым от Бога, так

---

[8] Подзаголовок — "О том, что неправильно говорить, будто диавол ведал зло прежде преслушания".

[9] Подзаголовок — "Спрашивающим: сотворил ли Бог диавола злым, или он сам себя совратил на противоестественное?"

как сохранял бы ту природу, с которой его создал Бог. Поступающих вопреки Божией воле мы считаем справедливо наказываемыми и осуждаемыми за то, что они не пребыли такими, какими Бог хотел им быть.

3. И если Бог создал кого-нибудь, а (он), оставив лучшее, обратил свою волю на зло, то по справедливости принимает он наказание за то, что осмелился сделать. А о том, что он не был создан таким от Бога, я говорил раньше, сказав (и о том), что причиною такого (его) решения являлась зависть.

4. Так как ты снова просишь меня говорить, я начинаю речь. Я утверждаю, что диавол по (своей) природе был создан Богом не как развратитель, но как некая служебная сила для высших (целей). Но, когда он стал завидовать людям, тогда, я утверждаю, он (и) стал диаволом по своей воле; отвергнув то Божие повеление, начал быть непослушным и стал учить противиться Богу, отступив от высшего, и сделался, так сказать, беглецом Бога.

5. (Истину) этих моих слов свидетельствует и некое священное изречение, называющее его (то есть диавола) беглецом и змием, говоря: *повелением Он убил змия отступника* (Ис. 27,1). Ибо воистину Божие слово убило диавола, когда (власть) попирать его (Быт. 3, 15; Рим. 16, 20; Пс. 90, 13) была предоставлена земным людям. Священные книги не называли бы его отступником, если бы он оставался таким, каким был создан Богом, и не отвергся бы того, чем был, и не (стал бы) преступником. Наименование отступника показывает, что он теперь не то, чем был прежде.

6. Этим же доказывается, что он не является несотворенным. Ибо, если бы он был несотворен, то он не отступил бы от своей природы. Если же мы согласимся с этим, то, поскольку диавол теперь зол, необходимо сказать, что было когда-то время, когда диавол не был злым, а также, что зло не является (существующим) от природы, ибо этой природе, пребывающей (без изменений), не свойственно было бы быть иногда злой, а иногда благой.

7. (Один из валентиниан:) Если диавол был создан Богом, но не таким, (каков он теперь,) а сам себя извратил на худшее от лучшего, то есть от послушания на непослушание[10], (то) скажи, (неужели) Бог не знал, что он будет

[10] Подзаголовок — "К говорящим: знал ли Бог, что диавол станет злым, или не знал".

таким, и поэтому сотворил (его)? Или же (Он сотворил его), имея ведение будущего? Если Бог предвидел (это), то в чем же виноват диавол, став злым? Если же Он не знал отступления диавола, то (Бог) будет невиновен, но окажется ничтожнее еллинских волхвов.

8. (Православный:) Говорить о каком-то Божием неведении, мне кажется, не следует, ибо это чуждо Божественной природе. А (говорить) о том, что (Бог), имеющий знание будущего, сотворив диавола, является виновником зла, я считаю также неподобающим.

9. Однако я объясню причину, по которой Бог сотворил его, провидя будущее. Я утверждаю, что Бог, будучи благ по естеству, не восхотел, чтобы Его благодеяния оставались скрытыми и, по этой причине, не проявлялись. Поэтому, (даже) предвидя отступление диавола и то, что он будет подстрекать людей к греху и к непослушанию Его повелениям и предоставляя этим самым человеку свободную волю[11], Бог и создал (диавола). Так людям явилось превосходство Его благости через дар оставления прежних грехов (Рим. 3, 25), чтобы не оставался вечным гнев (на людей) за преслушание Его (повелений), когда они послушались сотворенного раба. По этой причине я утверждаю, что Бог, хотя и очень хорошо предвидел, что диавол будет таким, сотворил его для того, чтобы явить людям Свою благость и чтобы людям известна была Его многоразличная (премудрость) (Еф. 3, 10).

10. Если бы не было противополагаемых (добру) злых (явлений), благое оставалось бы неузнанным как благо, так как нам, знающим (в таком случае) только о нем одном, не было бы известно об отличиях лучшего[12]. При этом и свободная воля была бы отнята от человека, который знал бы только служение повиновения. Одинаковым был бы и конец вех людей, так как не было бы никакого различия в их хотениях, и (тот, кто) теперь (является) злым, требовал бы себе одинакового воздаяния с добрым.

---

[11] Подзаголовок — "О том, что человек, обладая только познанием добра, не умел бы различать зло". (В рукописи № 310 Румынской Академии наук другой подзаголовок — "О свободе воли").

[12] В рукописи № 310 Румынской Академии наук — подзаголовок, указанный для других рукописей в предыдущем примечании. В остальных рукописях подзаголовок — "О свободе воли").

XX

1. (Один из валентиниан:) Если Бог, восхотев явить благость Своей природы, ради оставления грехов (людям), сотворил диавола, (как некоего) посредника, зная его таким, (каким он стал), то почему же Он не уничтожил его после, когда диавол показал себя злым и когда благость Божия была явлена людям, чтобы люди не умирали во множестве?

2. (Православный:) Отнюдь не невозможно было Богу уничтожить диавола и не радуется Он смерти человеческой. Я утверждаю, что Он не (подвержен) ни одной из таких страстей. Но, во-первых, Бог не сделал бы ничего великого, Сам уничтожая диавола — малое и сотворенное создание, подверженное возможности разрешиться в небытие.

3. А во-вторых, не стало бы известным Божие благодеяние будущим впоследствии людям, если бы Бог таким образом заранее убил диавола. И каждый человек, не имея в себе обличения (совести), конечно, именовал бы себя благим и хотел бы соревноваться с Богом, как бы равный Ему.

4. Поэтому Бог и пренебрег им (то есть диаволом), чтобы все люди получили знание лучшего и одолели бы того, который ранее одолел их. То (именно) и велико и чудесно, что Божий человек одолевает диавола, наученный борьбе Самим Богом.

5. Подобно этому учитель, употребивший (по отношению) к своим ученикам всю предусмотрительность и научивший их всем (видам) борьбы, (с помощью) которых могут нападать на них (их противники), выпускает их на поле боя бороться с противниками. Он показывает им, (как) побеждать и как воевать с ними, повелевает пренебрегать и самой жизнью, лишь бы (они) не потерпели злого поражения.

6. Кто твердо соблюдает наставления учителя и указания (для достижения) победы, тот одолеет противника и, с радостью нося венец, придет к учителю, имея свидетельством своего подвига победу над противником.

А тот, кто не имеет в памяти (своего) наставника и предает забвению (необходимость) противоборства с неприятелем и не проявляет внимательной заботы (о том, как) ему победить, вскоее же будет повергнут противником. И, таким образом, (постыдно) побежденный и побитый, он по справедливости подвергается поношению, так как он не вынес бранного подвига.

7. Так разумей о Боге, Который хорошо научает Своих людей заповедями Своими одолевать противника. Он хвалит победителя, как не посрамившего указаний благого Учителя. А если кто-нибудь, вменив ни во что Божию заповедь, сразится с диаволом, тот немедленно будет повержен на землю, не получая ничего (из того), что следует победителю. Поэтому таковой по справедливости подвергается и осуждению за то, что не потрудился подобно (своему) ближнему.

8. По этой причине я и сказал, что (Бог) пренебрег диаволом, оставив его в мире, (в котором он), как на поле боя, борется с Божиими учениками; одолеваемый ими, (он) терпит поражение, так что преимущество его первоначальной победы уничтожается теперь такими же людьми, которые, подражая доброму примеру Владычней страсти[13], научаются побеждать его. Он властно попирается нашими ногами (Рим. 16, 20) и лежит мертвый, побеждаемый (нашею) верою в лучшее.

Пусть же здесь закончится речь о зле[14].

XXI

1. (Один из валентиниан:) Я хочу (снова) возвратиться к вопросу о веществе. Прошу также и тебя закончить беседу о нем. Скажи мне ясно, какова причина (того), что оно существует, (тогда как) ранее (оно) не имело бытия? И, если вещество не существовало (вместе) с Богом, (то) для чего Бог начал создавать существующий мир?

2. (Православный:)Мне кажется, смысл Божия изволения понять человеку невозможно и излишне, ибо никто не может узнать даже мысли наших ближних. Но, ввиду того, что Владыка вселенной показывает такой плод человеколюбия, что всевает в некоторых (людей) образы Своего ведения, то я открыто говорю о том, что, мне кажется, я знаю.

[Для отделов 3–8, 10 и частично для отделов 9 и 11 имеется и греческий текст; Е. Ловягиным эти фрагменты не переведены. Следует перевод славянского текста]

---

[13] В рукописи № 310 Румынской Академии наук — "Повинующеся доброму страстии Владычнь образу", в других рукописях — "страсти Его".

[14] Подзаголовок — "Сотворено ли вещество или нет? И для чего Бог стал творить мир?"

3. Я утверждаю, что существует много оснований, по которым надлежало Богу творить. Первое (из них): знание искусства, которому не подобало пребывать без употребления, ибо оно находилось в распоряжении (Того, Кто) мог творить, что (Ему) хотелось. Второе (основание): поскольку Он благ по природе, не восхотел Он пребывать (Один), не принося никому пользы. Многое и другое, подобное этому, было у Бога, ради чего Он начал сотворение мира.

4. Если бы (кто-нибудь), обладая искусством музыки, или же врачевания, или строительства, не употреблял бы их в дело и не открывал другим свои искусства, (тот) напрасно обладал бы этими искусствами, ни сам не наслаждаясь ими, ни другим не сообщая знания этих дел, ибо (искусство) остается без употребления, когда нет действий, (соответствующих) искусству. Ведь всякое искусство проявляется через действие и, можно сказать, (через это) начинает быть.

5. Подобно этому, если бы кто-нибудь был благ, но не имел тех, кому благодетельствовать, (он) напрасно считался бы благим. Ибо благом называется то, что (назначено) для других. А если не будет никого, для кого оно (предназначается), то уже (поэтому) оно не будет благом, скрываясь в одном только том, кто им обладает, и пребывая совершенно неведомым для тех, кто в нем нуждается. Но если будут те, кому (он) может благодетельствовать, тогда явится его благо. (Поскольку же) благо необходимо для того, кто им пользуется, (постольку) многие существа смогут наслаждаться его благодеяниями.

6. Подобным же образом следует разуметь и о Боге. Если бы Он, обладая знанием всех искусств, ничего не сотворил бы, (тогда), казалось бы, напрасно обладал бы Он искусствами, так как не было бы никого, кому Он мог бы явиться, как некий Великий Художник.

По этой причине я и говорю, что Он (предпринял) творение, благоволив явить (Себя) в Своих делах. Недостаточно было Ему иметь одно (только) знание, (не проявляя его) вовне, — вот чему надлежало быть у Бога. Не подобало (быть тому), что такие (благодеяния) оказались пребывающими у Него без употребления. И бездейственная сила ни на что не нужна была бы Обладающему ею. А Он, будучи благим, не наслаждался бы Своею благостию, если бы не имел тех, кто в ней нуждается.

7. Поэтому Он, будучи благ[15], и создал творения из несуществовавшего, восхотев таким образом в начале созидания явить красоту этого преходящего естества. Ибо благо состоит в том, чтобы дать бытие никогда не существовавшему. А после того дал Он и обетование лучшего, которое Он обещал Своим созданиям.

Он не одно только бытие даровал им, но и наслаждение лучшим. Он восхотел таким образом показать Свою благость, ибо чрез (все) это Он и является как Благость для тех, кто ею пользуется.

8. Кроме этого, если бы Бог не сотворил в начале мир, то (Он) не был бы знаем, как Бог, поскольку не было бы (тех), кто мог бы это знать. Поэтому, восхотев дать кому-то знание о Себе и имея в виду явить (Свое) бытие, (Он) сотворил того, кому (мог) сообщить знание о Себе, чтобы и он (то есть сотворенный) имел возможность получать наслаждение от Его естества. Что же касается создания всего остального мира, (то) я утверждаю, что оно (совершилось) для человека, (для) удовлетворения его потребностей. А человек создан для Самого Бога, чтобы прославлять Владыку и чтобы Божия благость действовала (в созданиях).

9. Скажу также, что Бог прежде (всего) потому является Творцом, что Он радуется тому, что восхотел сотворить. И Он никогда не был бездеятельным, представляя Себе мыслию красоту Своего искусства. Поэтому же я говорю, что Его искусство никогда не оставалось без употребления, ибо действие его (то есть искусства) совершалось могуществом (подаваемым) свыше. Так же точно я говорю, что не бездеятельной была и Его благость в (Его) мысли, которою Он еще прежде творения совершал множество благодеяний. Он не хотел, чтобы (все) это оставалось в Нем одним только изволением или же чтобы изволение не становилось делом, ибо считал это несовершенным; так утаились (бы) такие действия Его искусства. Поэтому, восхотев явить сущность и силу Своего искусства и сделать (их) очевидными, (Он) создал человека, который может получить познание Божией благости.

10. Поэтому, о человек, не утверждай, будто что-нибудь существует само собою, вместе с Богом. И не пожелай отнимать и уменьшать величие силы Его. Ведь Он дал бытие

[15] Подзаголовок — "О том, что мир (создан) из несуществующего".

тому, что не существовало раньше, и (ничто) не является безначальным. Зачем (ты) думаешь, что Бог только мастер? Зачем (ты) уничтожаешь Его дарование, как будто Он только приложил к веществу (Свое) искусство, а не создал самое бытие?

11. Ничто не совечно Богу. Бог сотворил все это, не заимствовав ниоткуда, не подражая в начале (творения) человеку, (существующему) теперь. Он безмерно превосходит человеческую природу. Он явился Творцом не одних форм и не привел лишь в должный порядок бывшее у Него вещество, ибо Он — Творец всего вещества. Так следует говорить человеку. Будь же повествователем таких толкований. Прославляй Бога (так), как (это) Ему угодно. А я не хочу быть слушателем не Божиих истолкований.

Епископ Михаил

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издателя 3

Сведения о жизни и творениях святого священномученика Мефодия 5

Творения

1. Пир десяти дев или о девстве 25

речи: Маркеллы 29
Феофилы 35
Фалии 44
Феопатры 59
Фаллусы 65
Агафы 73
Прокиллы 79
Феклы 88
Тисианы 112
Домнины 120
Ареты 129

2. Слово о Симеоне и Анне, в день Сретения Господня 141

3. Слово в неделю Вайи 161

4. Извлечения из сочинений:

а) О свободе воли, против Валентиниан 171
б) О Воскресении, против Оригена 192
в) О сотворенном, против него же 272

5. Краткие отрывки из разных сочинений 280

Переводы из славянского сборника творений св. Мефодия

Епископ Михаил. Извлечение из славянского сборника творений св. священномученика Мефодия 292

Перевод текстов св. Мефодия

Молитва св. Мефодия (из сочинения «О воскресении») 302

О жизни и о разумной деятельности 305

О различении яств и о телице, упоминаемой в книге Левит, пеплом которой окроплялись грешники 314

Святого Мефодия, епископа филиппийского, к (С)Истелию «О проказе» 335

Того же Мефодия о пиявице, о которой говорится в книге Притчей, и о (словах) «Небеса проповедуют славу Божию» ... 353

Епископ Михаил. Диалог св. священномученика Мефодия «О свободе воли» 365

Диалог св. священномученика Мефодия «О свободе воли» 369